

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»
Красноярский филиал

На правах рукописи

ЗЛОТКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ
УРОВНЕ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

Специальность 5.4.7. Социология управления

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва-2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы социологической диагностики социально-политических процессов на региональном уровне.....	26
1.1. Становление региональных властных отношений. Концептуальные подходы к исследованию: история вопроса.....	26
1.2. Методологические основания социологической диагностики региональной социальной реальности и социально-политических процессов.....	44
1.3. Социологические показатели и индикаторы социально-политических изменений.....	72
Глава 2. Тенденции развития социально-политических процессов на региональном уровне	93
2.1. Эволюция этапов становления властных отношений в Красноярском крае и Республике Хакасия как отражение изменений в системе власти на федеральном уровне.....	94
2.2. Особенности формирования властных отношений на региональном уровне.....	114
2.3. Влияние региональных властей на формирование корпуса глав местного самоуправления	156
Глава 3. Эволюция роли политических партий и крупного бизнеса в социально-политических процессах на региональном уровне	204
3.1. Трансформация роли политических партий в деятельности государственных органов власти.....	204
3.2. Динамика социальной структуры сторонников политических партий	223
3.3. Изменение роли политических партий на муниципальном уровне.....	241
3.4. Эволюция роли крупного бизнеса в социально-политическом пространстве региона.....	265
Глава 4. Муниципальная власть и гражданское общество в региональной структуре властных отношений: проблемы взаимодействия.....	283
4.1. Состояние и перспективы взаимоотношений местных органов власти и граждан.....	283
4.2. Социальные последствия отмены прямых выборов глав муниципальных образований....	305
4.3. Актуальные проблемы местного самоуправления и динамика социального самочувствия граждан в регионах	326
4.4. Проблемы социальной инфраструктуры муниципальных образований.....	343
Заключение.....	371
Список используемых источников и литературы.....	389
Приложение	409

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политическое развитие России традиционно характеризуется особой значимостью процессов, идущих в российских регионах. Здесь решается большинство проблем жизнеобеспечения населения, рассматриваются вопросы, затрагивающие повседневную жизнь каждого человека. Региональная власть в современных условиях становится ключевым звеном всей российской государственности. Невозможны понимание и адекватная интерпретация социально-политических процессов, идущих в российском обществе, без учета динамики изменений, которые идут в субъектах Федерации.

Актуальность заявленной темы исследования обуславливается необходимостью «донастройки» государственной системы управления. Речь, прежде всего, о дальнейшем совершенствовании российской государственности и региональной системы властных отношений. Есть потребность в отлаживании механизма отбора на должности руководителей региона наиболее эффективных и достойных управленцев. Следует осуществлять поиск решения по восстановлению системы сдержек и противовесов в региональной власти, сложившейся по итогам построения вертикали власти.

Требует серьезной корректировки практика взаимоотношений региональных органов власти и бизнеса, и в первую очередь крупного – в лице финансово-промышленных групп, присутствующих в субъектах Федерации, которые в своей деятельности ориентируются главным образом на реализацию корпоративных интересов в ущерб интересам регионов и их населения. Нуждается в дальнейшем развитии партийная система. Большинство избирателей не доверяют политическим партиям и не воспринимают их в качестве защитников своих интересов. Исключением на этом фоне выступает лишь партия «Единая Россия». Неслучайно российские ученые для характеристики сложившейся в Российской Федерации партийной системы используют такие определения, как «псевдопартийная система», «полупартийная система», «полуторпартийная система».

Много вопросов вызывает функционирующая в стране система местного самоуправления. Серьезные и небезосновательные перспективы связывались с принятием Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [86]. Между тем до сегодняшнего дня (спустя 20 лет), несмотря на массовое внедрение в последние годы новых моделей организации местного самоуправления, основные цели муниципальной реформы так и не удалось воплотить в жизнь. Во-первых, не удалось сформировать стабильную законодательную базу местного самоуправления и четко разграничить полномочия между уровнями публичной власти. Во-вторых, не получилось привести экономическую и финансовую базы муниципальных образований в соответствие с объемами полномочий, создать стимулы для социально-экономического развития

муниципальных образований и расширить их собственную налоговую базу. В-третьих, не удалось повысить активность населения и структур гражданского общества на местном уровне и приблизить муниципальную власть к населению. Вследствие этого необходимо дорабатывать и принимать Федеральный закон № 40361-8 от 16 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [38], что станет логическим завершением построения единой системы публичной власти в Российской Федерации. А для успешного и эффективного функционирования этой системы необходимо гармонизировать отношения между основными ее органами: органами государственной власти (как на федеральном, так и на региональном уровнях) и местными органами власти.

Решение указанных и других региональных проблем должно помочь переломить тренд, наблюдаемый в последние годы в Российской Федерации: ухудшающееся материальное положение и социальное самочувствие населения, в том числе по причине сохранения актуальности в течение многих лет социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан, и ухудшающейся социальной инфраструктуры муниципальных образований. Кроме того, это поможет повысить активность участия населения и структур гражданского общества в социально-экономической и политической жизни российского государства. Только в этом случае удастся обеспечить содержательный контроль по существу исполнения национальных проектов и программ, о необходимости которого говорил президент страны В.В. Путин на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам в октябре 2018 года. По его мнению, реализация национальных проектов и программ позволит совершить настоящий прорыв в экономике, инфраструктуре, технологиях, науке и социальной сфере и обеспечить благополучие и новое качество жизни граждан России¹.

Для XXI века характерно усиление динамизма всех социально-экономических и социально-политических процессов, а это, в свою очередь, влияет на место и роль России в мировой политике. Беспрецедентными темпами растет санкционное давление на российское государство со стороны ряда западных стран в связи с проведением специальной военной операции. Снижение цен на мировых рынках на углеводороды, сокращение их поставок на западные рынки приводят к значительным потерям в российской экономике, которые, по оценкам экспертов, имеют долгосрочные негативные последствия. Вследствие этого новая социальная реальность содержит в себе значительные вызовы и риски для российской государственности в целом, угрожающие ее суверенитету.

¹ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс] // Президент страны: офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894> (дата обращения: 29.03.2019).

Актуальность темы исследования также объясняется слабой востребованностью научных исследований в практике государственного и муниципального управления. Как свидетельствует опыт, на региональном уровне результаты научных исследований хотя и используются, но явно в недостаточной мере. На муниципальном уровне ситуация еще сложнее. Управление в региональных и муниципальных органах власти нередко построено на методе проб и ошибок, что оборачивается крупными просчетами и издержками в системе управления.

Состояние и степень научной разработанности проблемы исследования. Проблемам развития российской государственности и становления региональных властных отношений посвящено большое количество научных работ. Назовем лишь некоторых авторов: Т.К. Алябьева, С.С. Бойко, В.С. Воронцова, М.В. Глазырину и Н.И. Петренко, Н.А. Григорьева, М.С. Ильченко, А.В. Карпова, А.Б. Каягина и И.С. Бастена, В.В. Князева, А.В. Кынева, В.С. Мухаметова, А.В. Новикову, И.В. Осипова, Г.В. Синцова и Е.В. Битюцкого, А.С. Смыкалина и Р.Ф. Туровского¹. В публикациях указанных и других авторов показан сложный процесс

¹ Алябьева Т.К. Трансформация модели федеративного устройства России на рубеже XX–XXI вв.: причины и последствия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 3 (19). – С. 160–170 ; *Ее же*. Россия: от полураспада к централизации // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 5. – С. 285–295 ; Бойко С.С. Реформа федерального устройства РФ: проблемы и перспективы // Политический альманах Прикамья. – Пермь, 2001. – Вып. 1. – С. 24–30 ; Воронцов В.С. Федеральный центр и регионы: к вопросу об «укреплении вертикали власти» (2000–2010 годы) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике : материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф. Ижевск, 07–08 ноября 2019 г. – Изд-во УФИЦ УО РАН, 2019. – С. 440–446 ; Глазырина М.В., Петренко Н.И. Проблемы совершенствования федеративного устройства России // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4 (15). – С. 27–29 ; Григорьев Н.А. Государственная региональная политика в Республике Саха (Якутия) в системе отношений «центр – регион» // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Сер. : История. Политология. Право. – 2016. – № 1 (01). – С. 77–82 ; *Его же*. Региональные социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: монография / М-во образования и науки РФ, СВФУ. – Тамбов: Консалтинговая компания «Юком», 2018. – 108 с. ; *Его же*. Государственная региональная политика на Дальнем Востоке в системе отношений «центр – регион» : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – Якутск, 2015. – 157 с. ; Ильченко М.С. Институционализация практик взаимодействия центра и регионов в постсоветской России // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 159–179 ; Карпов А.В. Модель российского федерализма: современное состояние и перспективы развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 6 (39). – С. 6–13 ; Каягин А.Б., Бастен И.С. Государственное устройство России и конституционный (уставной) строй субъектов Российской Федерации (соотношение в историческом аспекте) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. : Право. – 2010. – № 9 (190). – С. 9–12 ; Князев В.В. Челябинская область в условиях политического кризиса (1991–1993 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 1 (33). – С. 41–46 ; Кынев А.В. Многообразие и асимметрия – ресурс, а не недостаток // Россия: судьба федерации : материалы науч. конф. (Москва, 27 февр. 2017 г.). – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2017. – С. 49–56 ; Мухаметов В.С. Специфика конфликта «области» и «города» (на примере Свердловской области) // Известия Уральского федерального университета. Сер.1: проблемы образования науки и культуры. – 2013.– Т. 119. – № 4. – С. 225–231 ; Новикова А.В. Модернизационный регионализм как детерминанта, усиливающая региональные особенности политических процессов субъектов РФ // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 12 (127). – С. 49–55 ; Осипов И.В. Проект создания Уральской республики в 1993 г. // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). – 2018. – № 3. – С. 143–161 ; Синцов Г.В., Битюцкий Е.В. Роль и последствия «парада суверенитетов» 1990–1991 гг. в становлении и развитии российской государственности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. –

становления федеративных отношений в Российской Федерации, ее основные этапы, каждый из которых есть результат компромисса интересов, подходов к государственному устройству со стороны социально-активных политических сил, федерального центра и регионов.

Развитие российской государственности в настоящее время сопряжено с многочисленными вызовами и рисками, обусловленными динамизмом социально-экономических и социально-политических процессов современного мира, вследствие чего появляется новое научное направление – рискология. Здесь следует отметить работы таких российских ученых, как Г.В. Осипов¹, С.А. Кравченко², В.К. Левашов,³ В.В. Локосова⁴, С.В. Рогачев⁵, М.И. Бесхмельницын⁶, Н.В. Мерзликин⁷.

2019. – № 1 (49). – С. 59–66 ; Смыкалин А.С. История конституционного строительства Российской Федерации (в документах и материалах) // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 185–198; Туровский Р.Ф. Отношения «центр – регионы» в 1997–1998 гг.: между конфликтом и консенсусом // Полития. – 1998. – № 1 (7). – С. 5–32 ; *Он же*. Конфликты на уровне субъектов Федерации: типология, содержание, перспективы урегулирования // Общественные науки и современность. – 2003. – № 6. – С. 79–89.

¹ Осипов Г.В. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – Т. 1. – С. 6–11 ; *Его же*. Современная концепция социальной реальности // Социальная реальность XXI века: угрозы и вызовы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2014 году : коллективная монография / Г.В. Осипов, В.К. Левашов, В.А. Ильин [и др.] ; под общ. ред. Г.В. Осипова и Г.И. Осадчей. – М.: РИЦ ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. – С. 14–57 ; *Его же*. Научное знание в управлении социальной реальностью // Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, М.И. Бесхмельницына, С.В. Рогачева. – М.: Проспект, 2017. – Вып. 4. – С. 12–16.

² Кравченко С.А. Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М.: ИСПИ РАН, 2013. – Вып. 1. – С. 13–20.

³ Левашов В.К. Риски социально-политической устойчивости общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М.: ИСПИ РАН, 2013. – Вып. 1. – С. 29–51; *Его же*. Социально-политические риски устойчивого развития // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84, № 2. – С. 143–152 ; *Его же*. Стратегические вызовы и риски социально-политического развития Российской Федерации // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М.: Проспект, 2014. – Вып. 2. – С. 34–51.

⁴ Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2006 году : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2007. – С. 22–44.

⁵ Рогачев С.В. Российское государство в условиях неопределенности и рисков: выбор альтернативы // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М.: ИСПИ РАН, 2013. – Вып. 1. – С. 78–84 ; *Его же*. Российское государство в условиях угроз и вызовов новой социально-политической реальности // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М.: Проспект, 2014. – Вып. № 2. – С. 12–22 ; *Его же*. Российское общество в условиях неопределенности и рисков: выбор альтернатив (концептуально-методические аспекты) // Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, М.И. Бесхмельницына, С.В. Рогачева. – М.: Проспект, 2017. – Вып. 4. – С. 17–27.

⁶ Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – Вып. 1. – С. 22.

⁷ Мерзликин Н.В., Иванов А.В., Каропова С.Г. Вызовы и риски нового этапа государственной региональной политики (теоретико-методологические аспекты) // Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, М.И. Бесхмельницына, С.В. Рогачева. – М.: Проспект, 2017. – Вып. 4. – С. 28–49 ; Мерзликин Н.В. Бизнес и власть в условиях новой политической реальности: риски и вызовы (социолого-политологический

Следует также отметить работы Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, рассматривающие риск в контексте общественного воспроизводства и социального развития молодежи в современном российском обществе¹.

Сущностной основой политического процесса на региональном уровне выступают социально-политические изменения, идущие в сфере местного самоуправления. Они отчетливо проявляются как перемены социально-политические в стране, так и социально-экономические в условиях жизни населения на муниципальном уровне. Именно поэтому диссертант, исследуя социально-политические процессы на региональном уровне, основное внимание уделяет социодинамике процессов, формирующихся в сфере функционирования муниципальной власти (6 из 11 параграфов 2-й, 3-й и 4-й глав настоящей работы напрямую связаны с проблемами местного самоуправления).

Глубокое осмысление проблем местного самоуправления отражено в диссертационных исследованиях последних лет. В политических науках следует выделить докторские диссертации Е.В. Галкиной, В.Н. Иванова, А.В. Кружкова, В.П. Ляхова, А.В. Новиковой, И.Н. Трофимовой, В.Ф. Шрейдера². В указанных работах проблемы местного самоуправления исследуются на уровнях как страны в целом, так и региона (Уральский) и крупного города (Омск).

В докторских диссертациях по социологическим наукам местное самоуправление исследуется по разным направлениям. Выделим три из них. Первое направление, связывающее перспективы развития местного самоуправления с развитием гражданского общества,

анализ) / под ред. акад. Г.В. Осипова. – М. : ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. – 321 с. ; *Его же*. Власть и бизнес: безопасность предпринимательской деятельности (социолого-политологический анализ). – М.: ИСПИ РАН, 2009. – 212 с.

¹ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007. – 288 с. ; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. – М.: Юрид. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 272 с. ; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Юрид. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 230 с.

² Галкина Е.В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – Краснодар, 2010. – 371 с. ; Иванов В.Н. Становление органов государственной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (на материалах Уральского региона) : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2005. – 372 с. ; Кружков А.В. Местное самоуправление как институциональный фактор становления гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2005. – 330 с. ; Ляхов В.П. Местное самоуправление как инструмент модернизации современной России: перспективные направления развития, политико-управленческие ресурсы, проблемы (политологический аспект) : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – Ростов н/Д, 2015. – 314 с. ; Новикова А.В. Местное самоуправление как институциональный фактор становления гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – Чита, 2014. – 320 с. ; Трофимова И.Н. Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2011. – 303 с. ; Шрейдер В.Ф. Региональное измерение социальной политики местного самоуправления (на примере г. Омска) : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – СПб, 2006. – 323 с.

представлено в работах Р.И. Мельниковой¹. Второе – работы, направленные на изучение социальной политики, социальной системы и структуры на уровне местного самоуправления (Ю.М. Аксененко, Н.В. Губина, И.А. Кох, Н.С. Носова, В.А. Сологуб, Е.В. Фролова, И.А. Янкина)². Третье – институциональное развитие местного самоуправления (К.В. Григоричев, А.А. Лежебоков, А.В. Новокрещёнов, О.В. Осадчий, И.Д. Саначев, Г.А. Цветкова)³.

Вместе с тем в диссертационных исследованиях явно недостаточное внимание уделяется непосредственному изучению социально-политических процессов, протекающих на муниципальном и региональном уровнях. На региональном уровне можно назвать кандидатские диссертации по политическим наукам Р.Т. Вердиева и И.А. Цечоева⁴, на муниципальном – кандидатскую диссертацию по социологии Г.А. Бейсембаевой⁵. Что касается федерального уровня, то удалось найти лишь одну докторскую диссертацию по социологии – работу И.С. Малолетковой «Статика и динамика социально-политического процесса в России»⁶, написанную еще в конце прошлого столетия.

¹ Мельникова Р.И. Развитие местного самоуправления как фактор становления гражданского общества: социальный опыт России : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. – М., 2005. – 292 с.

² Аксененко Ю.М. Городской муниципалитет Российской Федерации как субъект социальной политики : дис. ... д-ра социол. наук: 09.00.11. – Саратов, 1999. – 358 с. ; Губина Н.В. Управление социальным тоном монопрофильного города : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Казань, 2010. – 476 с. ; Кох И.А. Институциональная эффективность социального управления в муниципальном образовании : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Екатеринбург, 2006 – 337 с. ; Носова Н.С. Стратегические приоритеты управления социальной системой крупного города : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Новосибирск, 2005. – 390 с. ; Сологуб В.А. Местное самоуправление в современном российском обществе: изменение организационных принципов социального строительства : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Ростов на/Д, 2001. – 313 с. ; Фролова Е.В. Модернизация социальной структуры муниципальных образований в Российской Федерации : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – М., 2014. – 393 с. ; Янкина И.А. Качество жизни населения среднего города России: адаптационные стратегии и эффективность управления : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. – Ростов на/Д, 2009. – 504 с.

³ Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. – Хабаровск, 2014. – 307 с. ; Лежебоков А.А. Развитие местного самоуправления в Ставропольском крае в современных условиях : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Пятигорск, 2009. – 280 с. ; Новокрещёнов А.В. Самоорганизация территориальных общностей как основа становления и развития местного самоуправления : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Екатеринбург, 2003. – 404 с. ; Осадчий О.В. Развитие местного самоуправления в полиэтническом социуме : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Орел, 2005. – 347 с. ; Саначев И.Д. Сравнительный анализ моделей местного самоуправления в России, США и Западной Европе : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – Владивосток, 2005. – 342 с. ; Цветкова Г.А. Местное самоуправление в современной России: состояние, тенденции, эффективность (опыт социологического анализа) : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – М., 2003. – 340 с.

⁴ Вердиев Р.Т. Особенности социально-политических процессов в Республике Северная Осетия – Алания : дис. канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2008. – 160 с. ; Цечоев И.А. Особенности социально-политических процессов в Республике Ингушетия в условиях современной России : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – 2007. – 124 с.

⁵ Бейсембаева Г.А. Формы и методы участия населения в социально-политических процессах локального уровня: на материалах местного самоуправления : дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02. – М., 2004. – 188 с.

⁶ Малолеткова И.С. Статика и динамика социально-политического процесса в России : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.05. – М., 1998. – 328 с.

Детальное изучение проблем местного самоуправления представлено в монографиях А.А. Акмаловой, Н.Е. Гоголевой, А.В. Новокрещёнова¹ и др. Можно отметить работы авторских коллективов: А.З. Гильманов и Р.Р. Хайдаров; В. Гельман, С. Рыженков, Е. Белокурова и Н. Борисова; И. Стародубровская и Н. Миронова; И. Стародубровская, М. Славгородская и С. Жаворонков².

Проблемам становления и развития местного самоуправления посвящено значительное количество социологических исследований, проведенных исследовательскими структурами, научными коллективами и отдельными учеными. Наряду с традиционными опросами населения³ широко практикуются опросы муниципальных служащих, включая глав муниципальных образований и представителей экспертного сообщества⁴.

Лучшему пониманию процессов, протекающих в системе местного самоуправления, способствует анализ научных публикаций по конкретным направлениям. Выделим два из них. Первое – реализация на практике новой системы оценки эффективности деятельности органов

¹ Акмалова А.А. Модели местного самоуправления. – М.: Прометей, 2001. – 168 с. ; Новокрещёнов А.В. Самоорганизация территориальных общностей и местное самоуправление: монография. – Новосибирск: Наука, 2002. – 480 с. ; Гоголева Е.Н. Участие граждан в местном самоуправлении в современной России : монография. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. – 238 с.

² Гильманов А.З., Хайдаров Р.Р. Становление местного самоуправления монопромышленного города: реальность и перспективы : монография. – Нижнекамск: Изд-во НФ КГТУ им. А.Н. Туполева, 2008. – 186 с. ; Реформа местной власти в городах России, 1991–2006 / Гельман В. [и др.]. – СПб: Норма, 2008. – 368 с. ; Стародубровская И.В., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. – М.: Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с. ; Стародубровская И., Славгородская М., Жаворонков С. Организация местного самоуправления в городах федерального значения. – М.: ИЭПП, 2004. – 151 с.

³ Граждане оценивают местное самоуправление – 2004. Аналитический доклад по итогам опросов общественного мнения. Фрагменты [Электронный ресурс] // Исследовательская группа ЦИРКОН: сайт. – URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/a24/041004.pdf> (дата обращения: 22.04.2015) ; Социально-экономическая ситуация в крупных городах Сибири и Дальнего Востока (по результатам социологического опроса населения) [Электронный ресурс]. – URL: <http://pandia.ru/text/78/270/30537.php> (дата обращения: 13.01.2018) ; Отчет по итогам социологического исследования «Изучение общественного мнения по вопросам развития территориального местного самоуправления в Мурманской области» [Электронный ресурс]. – URL: https://gov-murman.ru/region/omsu/information/03-02-01_32.pdf (дата обращения: 02.01.2018) ; Итоги социологических опросов населения по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления Республики Хакасия в 2015 году [Электронный ресурс] // Правительство Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <https://r-19.ru/society/local-government/spravochnaya-informatsiya/> (дата обращения: 12.01.2018).

⁴ Местное самоуправление глазами муниципальных управляющих : материалы социол. исслед. / сост. и ред. О.Б. Алексеев, А.Е. Балобанов. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – Вып. 21. – 128 с. (Библиотека местного самоуправления) ; Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России (результаты опроса руководителей муниципальных образований, апрель-май 2014 г.) [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: http://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXI/Monitoring_2014.pdf (дата обращения: 13.01.2018); Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России (результаты опроса руководителей муниципальных образований, апрель-май 2015 г.) [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: http://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXII/Monitoring_2015.pdf (дата обращения: 22.05.2017) ; Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования : итог. докл. – М. : Экон-Информ, 2009. – 524 с.

местного самоуправления в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607¹. Региональные органы власти реализуют данный нормативный документ посредством организации соответствующего конкурса среди муниципальных образований. Второе направление – появление имитационных практик в муниципальном управлении².

Для осмысления текущей ситуации в системе местного самоуправления, а главное, оценки перспектив ее дальнейшего развития, большое значение имеет анализ научных публикаций, в которых прослеживается отношение федеральных органов власти – Совета Федерации Федерального собрания РФ³, Государственной думы Федерального собрания РФ¹ и Президента Российской Федерации² к местному самоуправлению.

¹ Бардакова С.М. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Изв. Байкал. гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 97–100 ; Большакова Ю.М. Оценка населением эффективности деятельности органов местного самоуправления: практика муниципальных исследований Республики Коми // Вопр. управления. – 2015. – Вып. 2 (14). – С. 29–36 ; Воробьев А.Н. Реформа местного самоуправления: проблемы и перспективы оценки эффективности деятельности ОМС // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2013. – № 8. – С. 94–96 ; Калинин А.М., Софрыгин Е.А. Совершенствование внешней оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вопр. гос. и муниципал. управления. – 2010. – № 2. – С. 203–210 ; Краснов А.В., Бадрутдинова Д.Х. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вест. Казан. технол. ун-та. – 2011. – № 20. – С. 320–327 ; Лапин А.Е., Петрова Ю.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в России (на примере Ульяновской области) // Вест. Поволж. ин-та управления. – 2013. – № 1. – С. 28–37 ; Разворотнева С.В., Рябинин А.В. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: перспективы и пути развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsmsinfo.ru> (дата обращения: 16.01.2016); Система муниципального управления / под ред. В.Б. Зотова. – 4-е изд. – СПб: Питер, 2008. – 512 с. ; Старикова Т.В. Проблемы и направления совершенствования оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и результативности расходов местных бюджетов (на примере Владимирской области) // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12, вып. 2. – С. 69–72 ; Тоглоева Д.П. Совершенствование региональной методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вест. Бурят. госун-та. – 2012. – № 2. – С. 81–86.

² Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. – 2012. – № 5. – С. 24–29 ; Васильченко Д.Г., Быхтин О.В., Борисов Г.А. Имитация как способ адаптации муниципальных образований к модернизационному развитию // Науч. ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 20 (139). – Вып. 23. – С. 76–80 ; Фролова Е.В. Модернизация социальной структуры муниципальных образований в Российской Федерации : дис. ... д-ра социолог. наук: 22.00.08. – М., 2014. – С. 242.

³ Состояние и перспективы реализации реформы местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : аналитический вестник № 21 (366) 2008 г. // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: http://council.gov.ru/activity/analytical/analytical_bulletins/25830/ (дата обращения: 11.10.2017) ; Издания и аналитические материалы [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального собрания РФ : офиц. сайт. – URL: <http://council.gov.ru/activity/analytical/publications/> (дата обращения: 06.01.2018) ; Киричук С.М. Совершенствование местного самоуправления для повышения качества жизни граждан // Вест. Совета Федерации. – 2017. – № 10 (158). – С. 62–69 ; Выступление Сергея Миронова по итогам отчета Правительства РФ за 2014 год [Электронный ресурс] // Политическая партия «Справедливая Россия» : офиц. сайт. – URL: http://spravedlivo.ru/5_68484.html (дата обращения: 04.01.2018) ; Миронов С.М. Проблемы и перспективы местного самоуправления: взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления // Управленческое консультирование. – 2007. – № 1 (25). – С. 5–12 ; *Его же*. Полномочия дали – денег нет. Кризис не дает оснований выхолащивать суть муниципальной реформы // Российская газета. – 2009. – № 5028 (204). – 28 октября. – С. 10.

Важно также проследить отношение к местному самоуправлению и со стороны общественных структур, призванных способствовать его развитию, таких как Общественная палата РФ³, Всероссийский совет местного самоуправления (ВСМС)⁴, Общероссийский конгресс муниципальных образований⁵, институт муниципального развития¹.

¹ Доклад о состоянии местного самоуправления и деятельности Минюста России по развитию его правовых и организационных основ в 2016 году (предварительные итоги) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: http://minjust.ru/sites/default/files/doklad_o_sostoyanii_msu_i_d-sti_minjusta_po_razvitiyu_ego_pravovyh_i_organizacionnyh_osnov_v2016_g_predvaritelnye_dannye_10.02.17.pdf (дата обращения: 17.12.2017) ; Крупинина Е.А. Местное самоуправление в контексте политического формирования 2000–2008 гг. – С. 291–296 ; Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции ; Мониторинг реализации Федерального закона № 136-ФЗ на территории Российской Федерации (по результатам опроса руководителей муниципальных образований и обзора принятых законов субъектов Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: <http://www.asdg.ru/mo/issled/Analytica136-FZ.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

² Крупинина Е.А. Местное самоуправление в контексте политического формирования 2000–2008 гг. // Вест. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 1 (81). – С. 291–296 ; Петухов Р.В. Высказывания первых лиц государства как отражение федеральной политики в сфере местного самоуправления // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития / под ред. Е.С. Шугриной. – М.: Проспект, 2016. – С. 15–25.

³ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2006 год [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf> (дата обращения: 08.11.2017) ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2010. – 124 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2012. – 148 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2012. – 124 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2013. – 132 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год. – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2014. – 184 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2015. – 238 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. – М.: Обществ. палата Рос. Федерации, 2016. – 258 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://report2017.oprf.ru/> (дата обращения: 05.01.2018) ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://report2018.oprf.ru/> (дата обращения: 31.05.2018) ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2019. – 159 с. ; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2020. – 78 с.

⁴ Доклад о развитии местного самоуправления в Российской Федерации и задачах ВСМС (проект утвержден на заседании расширенного бюро центрального совета ВСМС 31.05.2011) [Электронный ресурс] // Всероссийский совет местного самоуправления : сайт. – URL: <http://www.vsmsinfo.ru/?catid=0&id=2710> (дата обращения: 01.01.2018) ; Об организации [Электронный ресурс] // Всероссийский совет местного самоуправления : сайт. – URL: <http://www.ru.vsmsinfo.ru/ob-organizatsii> (дата обращения: 03.02.2018).

⁵ Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации и предложения по совершенствованию организации и осуществления местного самоуправления [Электронный ресурс]. – URL: <http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/mohelp/doklad.pdf> (дата обращения: 09.11.2017) ; О конгрессе [Электронный ресурс] // Общероссийский конгресс муниципальных образований : сайт. – URL: <http://okmo.news/about.php?2> (дата обращения: 03.02.2018).

Значительная роль при изучении проблем российской государственности отводится системе показателей и индикаторов социально-политических изменений, работа над которыми началась в СССР в 1960–1970 годах. Особое место в ней занимало создание в 1989 году отделом социологических исследований ИС АН СССР системы показателей и индикаторов социального развития общества, отражающих реальную жизнь людей. В середине 1990-х годов ИСПИ РАН разработал систему предельно критических показателей развития общества. Данная система наглядно демонстрировала, насколько режимы функционирования общества близки к критическим значениям. В сфере социально-политических исследований заслуживает внимания методика, предложенная В.К. Левашовым для изучения политической устойчивости российского общества, которая была положена в основу мониторинга «Как живешь, Россия?»².

В настоящее время за рубежом к числу важнейших социальных индексов относятся индекс социального благополучия и индекс экономического благополучия³. Используются и другие социальные индикаторы, такие как «индекс развития гражданского общества CIVICUS, индекс Всемирного банка по оценке качества государства и гражданского общества, индекс демократии исследовательского подразделения журнала Economist, индексы либеральных институтов демократии и др.»⁴.

Все большую популярность набирает изучение субъективных показателей, характеризующих отношение населения к социальной реальности, к своей жизни, так как экономические показатели не всегда в состоянии вскрыть реальные социальные проблемы. В публикациях российских ученых по проблеме социального самочувствия населения можно выделить два основных направления исследования. Первое направление посвящено раскрытию содержания понятия «социальное самочувствие», его трактовкам в научной литературе, анализу основных факторов формирования и методов измерения (Л.В. Бадмаева, Г.В. Ганн, А.А. Грачев, А.А. Русалинова, А.И. Гулягина, Е.В. Каргаполова, В.С. Каминский, М.Д. Красильникова, Я.Н. Крупец, И.И. Осинский, Н.В. Панина, Д.А. Садкова, М.Р. Сафиуллин, М.Ю. Ефлова, А.М. Нагимова)⁵. Второе направление связано с поиском показателей и индикаторов, наиболее

¹ Основные сведения [Электронный ресурс] // Институт муниципального развития : сайт. – URL: <http://krasimr.ru/pages/9> (дата обращения: 03.02.2018).

² Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ : науч. изд. – М.: ЦСПиМ, 2013. – С. 92–101.

³ Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом. – С. 5–16.

⁴ Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, М.И. Бесхмельницына, С.В. Рогачева. – М.: Проспект, 2017. – Вып. № 4 – С. 42.

⁵ Бадмаева Л.В., Ганн Г.В. Социальное самочувствие населения как индикатор развития социальной инфраструктуры села Бурятии // Ойкумена. Регионовед. исследования. – 2011. – № 3. – С. 90–98 ; Грачев А.А., Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в организации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.Н. Герцена. – 2007. – Т. 9, № 30. – С. 7–17 ; Гулягина А.И. Социальное самочувствие населения: основные критерии [Электронный ресурс] // Огарев-online. Социол. науки. – 2014. – № 24. – URL:

адекватно отражающих социальное самочувствие населения. Можно отметить таких ученых, как А.Н. Крупец, Г.Ф. Ромашкина, О.А. Крыжановский, Г.С. Ромашкин, Л.И. Михайлова, Н.В. Панина, А.И. Пьянов, В.П. Щербакова¹. Обращает на себя внимание расчет первичных индикаторов субъективного благополучия граждан, проведенный Г.Л. Ворониным, П.М. Козыревой и В.Я. Захаровым².

Отдельно заслуживает упоминания фундаментальный труд под названием «Российское общество и вызовы времени» (пять монографий), выполненный под руководством М.К. Горшкова³, в котором представлены состояние и динамика поведения и массового сознания граждан в условиях современных российских реалий.

Одним из направлений в исследовании социального самочувствия населения выступает изучение удовлетворенности жизнью. При этом в современной науке наряду с понятием «удовлетворенность жизнью» используются синонимические понятия «субъективное благополучие», «качество жизни» или даже «уровень счастья»⁴.

<http://journal.mrsu.ru/arts/socialnoe-samochuvstvie-naseleniya-osnovnye-kriterii-2> (дата обращения: 03.12.2017); Каминский В.С. Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. // Вест. Перм. ун-та. Сер.: Философия, психология, социология. – 2016. – № 1 (25). – С. 136–147; Каргаполова Е.В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вест. Тюмен. гос. ун-та – 2011. – № 8. – С. 80–86; Красильникова М.Д. Отношение к власти в структуре социального самочувствия // Вест. обществ. мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 2 (112). – С. 56–62; Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социол. исслед. – 2003. – № 4. – С. 134–144; Осинский И.И. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вест. Бурят. гос. ун-та. – 2015. – № 14. – С. 38–45; Панина Н.В. Избр. тр. по социологии: в 3 т. Т. II: Теория, методы и результаты социологических исследований образа жизни, психологического состояния и социального самочувствия населения / сост. и ред. Н.И. Головахи. – Киев: Факт, 2008. – 312 с.; Садкова Д.А. Социальное самочувствие молодежи: адаптация к общественным трансформациям // Пробл. развития территории. – 2014. – № 6 (14). – С. 91–99; Сафиуллин М.Р., Ефлова М.Ю., Нагимова А.М. Социальное самочувствие и самоидентификация среднего класса в Татарстане // Социол. исслед. – 2012. – № 10. – С. 28–33.

¹ Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности. – С. 134–144; Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. исслед. – 2010. – № 3. – С. 45–50; Ромашкина Г.Ф., Крыжановский О.А., Ромашкин Г.С. Оценка составляющих социального самочувствия населения арктического региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 58–63; Панина Н.В. Избр. тр. по социологии: в 3 т. Т. II. – С. 199–230; Пьянов А.И. Социальное самочувствие российской семьи // Изв. Волгоград. гос. техн. ун-та. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2011. – № 7 (80). – Вып. 9. – С. 81–86; Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 221–232.

² Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Кому на Руси жить хорошо? Мониторинг 1994–2013 гг. // Социологические исследования. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 26–53.

³ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Весь мир, 2015. – 336 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – М.: Весь Мир, 2015. – 432 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. – М.: Весь Мир, 2016. – 424 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. – М.: Весь Мир, 2016. – 400 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2017. – 427 с.

⁴ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. С. 76.

Ведущими российскими исследовательскими структурами (ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр», ЦИРКОН) накоплен значительный опыт изучения социального самочувствия населения с применением различных социальных показателей и индикаторов¹.

Диссертант также посвятил ряд научных публикаций использованию набора социальных показателей и индикаторов, включая авторские разработки при проведении социологических исследований, в том числе в период работы в администрации г. Красноярска².

В то же время, несмотря на достаточно большое количество научных публикаций по проблеме диссертационного исследования, процесс дальнейшего реформирования региональных органов власти и системы местного самоуправления нуждается в системном и концептуальном социологическом изучении. Особого внимания заслуживает теоретическая разработка и применение социальных показателей и индикаторов для изучения социально-политических процессов. Представляется также весьма перспективной разработка методики для отслеживания предельно критических показателей развития региональных и местных сообществ.

Объект исследования – социально-политические процессы на региональном уровне на современном этапе развития российского общества.

Предмет исследования – противоречия, тенденции и закономерности, механизмы и перспективы развития социально-политических процессов на региональном уровне, их оценка экспертами и гражданами.

Цель исследования – выявить основные направления и особенности протекания социально-политических процессов в Красноярском крае и Республике Хакасия и пути повышения эффективности региональных и местных органов власти в решении проблем социального развития.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

¹ Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. – URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 14.11.2017) ; Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества : сайт. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/63> (дата обращения: 15.11.2017); Обновленная методика измерения индекса социальных настроений [Электронный ресурс] // АОН «Левада-Центр» : сайт. – URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnyh-nastroenij-isn/> (дата обращения: 14.11.2017).

² Злотковский В.И. Красноярск в социологическом измерении (2000–2014) : монография. – Красноярск: Город, 2015. – 410 с. ; *Его же*. Динамика социального самочувствия жителей города Красноярска и его влияния на результаты муниципальных выборов (2000–2013 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 3 [121]. – С. 115–122 ; *Его же*. Сфера ЖКХ в общественном восприятии жителей города Красноярска // В мире научных открытий. Сер. : Социально-гуманитарные науки. – 2014. – № 5.2 (53) – С. 566–577 ; Злотковский В.И., Злотковская А.В., Сукачева Т.И. Конкуренция как фактор повышения качества услуг в сфере торговли продуктами питания // Современ. исслед. соц. проблем. – 2015. – № 9 (53). – С. 234–252 ; Мерзликин Н.В., Злотковский В.И. Выборы мэра в г. Красноярске как старт нового электорального цикла в России 2012–2018 гг. // Наука. Культура. Общество. – 2013. – № 2, 3. – С. 27–45.

- изучить процесс становления и развития российской государственности и региональных властных отношений в современной России;

- провести анализ методологических оснований социологической диагностики региональных социально-политических процессов через призму изменений, происходящих на уровне местного самоуправления;

- рассмотреть социальные показатели и индикаторы, позволяющие отслеживать социально-политические изменения в обществе;

- исследовать трансформацию властных отношений на региональном уровне и ее специфику в двух сибирских регионах;

- проследить динамику социальной структуры депутатов региональных парламентов и эволюцию условий вхождения в региональную законодательную элиту;

- изучить динамику влияния региональных властей на формирование корпуса глав местного самоуправления;

- проанализировать трансформацию роли политических партий на региональном и муниципальном уровнях;

- исследовать динамику социальной структуры сторонников политических партий;

- изучить эволюцию крупного бизнеса в социально-политическом пространстве региона;

- исследовать состояние, характер, противоречия и перспективы взаимоотношений местных органов власти и граждан;

- оценить социальные последствия отмены прямых выборов глав местного самоуправления;

- изучить актуальные проблемы местного самоуправления и динамику социального самочувствия граждан;

- проследить динамику социальной инфраструктуры муниципальных образований;

- разработать рекомендации по повышению эффективности региональных и муниципальных органов власти в решении проблем социального развития.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают более четверти века: с середины 90-х гг. прошлого столетия до 2020 года включительно. Дополнительно в анализ включены результаты региональных и муниципальных выборов, состоявшихся в 2021-м и 2022 годах.

Территориальные рамки первой главы исследования охватывают всю Российскую Федерацию. Материалы второй, третьей и четвертой глав исследования выполнены главным образом на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия. В то же время по целому ряду позиций и выводов, сделанных по результатам

социологических исследований в двух сибирских регионах, проводится сравнение с другими субъектами РФ и общероссийскими данными.

Основная гипотеза исследования. Для эффективного функционирования единой системы публичной власти в Российской Федерации необходимо, чтобы все входящие в нее органы – федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления – были сильными и эффективными (по формуле «сильный центр – сильные регионы – сильное местное самоуправление»). При этом необходимо гармонизировать взаимоотношения между всеми органами, входящими в единую систему публичной власти, с целью наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Наряду с этим исследовались дополнительные гипотезы: 1) модели организации местного самоуправления, используемые в настоящее время в РФ, не в должной мере соответствуют интересам муниципальных сообществ. Необходима доработка моделей с целью более широкого использования принципов самоуправления и опоры на гражданскую инициативу; 2) в деятельности региональных и муниципальных органов власти нарастают нарушения в системе сдержек и противовесов и отсутствуют конструктивные взаимоотношения с финансово-промышленными группами в интересах развития регионов и повышения уровня и качества жизни населения; 3) вовлеченность граждан в государственное и муниципальное управление имеет тренд на снижение, гражданское общество располагает незначительными институциональными возможностями влияния на региональный политический процесс.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Методологической основой исследования являются системный анализ, историко-сравнительный метод изучения поставленных проблем, институциональный подход при отслеживании социально-политических процессов на региональном уровне. В ходе исследования используется также метод прогнозирования.

Теоретическую базу исследования составляют: публикации отечественных ученых в области государственного строительства и местного самоуправления, диссертационные и монографические исследования последних лет по заявленной тематике, нормативные и правовые документы государственных и муниципальных органов власти, официальные сайты федеральных, региональных и муниципальных органов власти и избирательных комиссий, данные официальной статистики, публикации СМИ, включая интернет-ресурсы.

Эмпирическая база диссертации представлена результатами проведенных диссертантом социологических исследований, которые можно разделить на три группы. В первую группу входят результаты более 40 социологических исследований, проведенных в г. Красноярске в 2000-2020 годах. Наиболее значимые из них – это исследования, посвященные: изучению

материального положения и социального самочувствия населения, социальных проблем, вызывающих наибольшее беспокойство населения; оценке деятельности органов местного самоуправления и их руководителей. Сюда же входят исследования различных сторон жизнедеятельности муниципального образования, таких как: жилищно-коммунальное хозяйство, транспортное обслуживание, сферы здравоохранения и образования, общественная безопасность, развитие физической культуры и спорта, культурной жизни, опросы участников городских мероприятий (Красноярского городского форума, общегородской ассамблеи «Красноярск. Технологии будущего», городской акции «Неделя качества социальных услуг», Дня города, Дня физкультурника и др.).

Во вторую группу входят материалы социологических исследований в муниципальных образованиях различных субъектов РФ в 1999–2016 годах, в том числе в муниципальных образованиях Красноярского края, в г. Березники Пермского края, Саяногорске и Абазе Республики Хакасия, Тайшете и Братске Иркутской области, г. Владивостоке Приморского края.

В третью группу включены результаты социологических исследований, проведенных на выборах представителей органов власти регионального и муниципального уровней в 2000-2020 годах. В их число входят выборы органов местного самоуправления Республики Хакасия, Красноярского и Пермского краев, губернатора и депутатов Законодательного собрания Красноярского края, депутатов Законодательного собрания Пермского края, председателя правительства и депутатов Верховного совета Республики Хакасия (см. прил. 1). В ходе проведения исследований использовались различные эмпирические методы: анализ документов; социологические опросы: массовый опрос, опрос экспертов, телефонный опрос, опрос на выходе с избирательных участков в день голосования. Использовался также вторичный анализ результатов социологических исследований по сопоставимой тематике, полученных другими авторами или исследовательскими коллективами.

Научная новизна диссертационного исследования заключается:

1) в создании методологической и методической основ исследования узловых проблем в сфере регионального управления для определения потенциала социально-политической напряженности в регионах в целях повышения эффективности деятельности региональных органов власти в решении вопросов социального развития;

2) во введении в научный оборот результатов эмпирических исследований социодинамики социально-политических процессов в Красноярском крае и Республике Хакасия за период с середины 90-х гг. прошлого столетия по 2020 год;

3) во вскрытии проблем, в том числе латентных, регионального социально-политического развития, влияющих на процесс формирования и функционирования региональной и муниципальной властей;

4) в разработке концептуально-методологических подходов к обоснованию нового видения положения и роли местного самоуправления в системе единой публичной власти;

5) во введении в научный оборот понятия «муниципальное гражданское сообщество» как важнейшего фактора развития местного самоуправления и муниципальных образований в целом;

6) в разработке комплексной системы социальных индикаторов и показателей, обеспечивающих диагностику социально-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях, и их классификации;

7) в разработке и введении в научный оборот авторских методик, позволяющих прогнозировать результаты выборов в региональные и муниципальные органы власти.

Положения, выносимые на защиту:

1. Начавшийся на федеральном уровне в 2000-х годах процесс формирования властных отношений как вертикали власти постепенно распространился на региональный, а затем и муниципальный уровень.

2. На уровне субъектов Федерации монополия на политическую власть принадлежит региональной партии власти в лице регионального правительства и партии «Единая Россия». Данная ситуация наряду с позитивными моментами – такими как установление региональными властями конструктивных взаимоотношений с федеральным центром, консолидация и снижение конфликтности в региональной политической элите, накопление опыта и преемственность в системе управления, предсказуемость принимаемых решений – имеет и негативные. Нарушена система сдержек и противовесов во власти, не развиваются политический плюрализм и гражданское общество, отсутствует ответственность региональной партии власти за принимаемые решения. Значимой проблемой для двух сибирских регионов в 2010-х гг. и начале 2020-х гг. выступает невысокая эффективность деятельности губернаторов (по оценкам российских экспертов) и низкие оценки деятельности со стороны населения.

3. Федеральные выборы, проводимые в субъектах Федерации, региональные и муниципальные выборы 2010-х годов по сравнению с 90-ми гг. прошлого столетия и началом нулевых годов стали носить формальный характер с заранее известным результатом. Они перестали выступать общественной площадкой борьбы идей, предвыборных программ и личностей. На выборах всех уровней доминируют выдвиженцы от «Единой России», состоящие из представителей региональной и местной политической элиты и опирающиеся на административный ресурс исполнительных органов власти. Представители от других

политических партий и независимые политики практически не способны составить им реальную конкуренцию и одержать победу на выборах. В этих условиях возможности для выражения политической воли избирателей ограничены. Как следствие, снижаются активность граждан на выборах и уровень поддержки в абсолютном выражении будущих победителей.

4. Несмотря на построение вертикали на всех уровнях власти, финансово-промышленные группы, представленные в Красноярском крае и Республике Хакасия, в своей деятельности ориентируются главным образом на реализацию корпоративных интересов, фактически игнорируя интересы региона и его жителей. Гражданское общество не имеет институциональных возможностей влияния на политику, проводимую финансово-промышленными группами. Муниципальные образования не имеют сколько-нибудь значимых выгод и преимуществ от нахождения на своей территории предприятий крупного бизнеса.

5. Партийная система, созданная на региональном и муниципальном уровнях и состоящая из парламентских партий с доминирующей ролью партии «Единая Россия», не в должной мере соответствует интересам региона и его жителей. Все остальные политические партии не пользуются доверием у населения и не воспринимаются в качестве защитников своих интересов. Многопартийность поддерживается «механическим образом» – голосованием по партийным спискам. Результаты проведенных исследований указывают на наличие рисков делегитимизации партийной системы, созданной на региональном и муниципальном уровнях.

6. Результаты исследований свидетельствуют о сокращении полномочий и инструментов влияния органов местного самоуправления на жизнь муниципальных образований, которые все в большей степени начинают носить условный характер. Данный процесс происходит на фоне ухудшающихся социальной инфраструктуры муниципальных образований, материального положения и социального самочувствия граждан.

7. Региональные органы власти в 2010-х годах получили контроль над процессом формирования и последующей деятельностью органов местного самоуправления. Наряду с некоторыми позитивными моментами данная ситуация содержит ряд значимых негативных моментов. Главное, так и не удалось создать эффективный механизм по отбору наиболее подготовленных и достойных муниципальных руководителей. Снижается легитимность местной власти в глазах населения, отсутствует механизм ответственности руководителей муниципального образования перед гражданами. Все это в сочетании со снижающейся активностью граждан на местных выборах создает риски делегитимизации органов местного самоуправления.

8. Нынешние низкие эффективность и популярность среди населения региональных и местных органов власти ведет к вырождению демократического политического процесса в

региональной системе властных отношений, к стагнации социально-экономических условий жизнедеятельности населения, к переносу населением ответственности за повседневные трудности своей жизни на всю сферу публичной власти в целом. Все это ведет к ослаблению устойчивости государственной власти, создает опасность дестабилизации социальной и политической обстановки в стране.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов и выводов при разработке теоретических проблем развития социально-политических процессов в России.

Результаты и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для совершенствования государственной политики в области государственного строительства и местного самоуправления и при прогнозировании социально-политических процессов на федеральном и региональном уровнях.

Материалы диссертации применимы в законодательной области, в работе органов власти всех уровней, для подготовки специалистов по проблемам государственного строительства, развития местного самоуправления и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих.

Положения, выводы и рекомендации диссертационного исследования могут использоваться при подготовке студентов вузов по специальности «Государственное и муниципальное управление» и подготовке специальных курсов по социологии, политологии, исследовании социально-политических процессов.

Достоверность и надежность основных результатов исследования подтверждены использованием значительного числа научных трудов в сочетании с анализом результатов социологических исследований и данных официальной статистики, а также внедрением результатов проведенных исследований в управленческую деятельность ряда властных структур разного уровня, крупных промышленных предприятий и иных организаций.

Надежность материалов обеспечивается применением разнообразных методов социологических исследований, репрезентативностью выборочных совокупностей, использованием современных способов обработки первичных данных.

Практическая значимость исследования связана с применением результатов проведенных исследований для социологического сопровождения управленческих решений органов местного самоуправления г. Красноярска (городской администрации, ее структурных подразделений, городского совета депутатов в 2000–2011 годы), промышленного предприятия по добыче калийных удобрений ОАО «Уралкалий» (г. Березники Пермского края, 2004–2008 годы). Результаты исследований использовались другими органами власти и организациями, такими как: правительство Республики Хакасия (1999, 2009 годы), администрации г.

Саяногорска (1998 год) и г. Абазы (2009 год) Республики Хакасия; Красноярская государственная академия цветных металлов и золота (2004, 2005 годы), муниципальная газета «Городские новости» г. Красноярска (2010 год), избирательная комиссия г. Красноярска и красноярские вузы (2006–2013 годы), сеть гастрономов «Каравай» г. Красноярска (2012 г.), Главное управление МВД по Красноярскому краю (2006, 2011, 2018 годы), Сибирский федеральный университет (в 2021 г. в рамках проведения IX международного Сибирского исторического форума «Народы Сибири и Дальнего Востока с древности до наших дней»).

Практическая значимость исследования также обусловлена проведением социологических исследований на выборах представителей органов власти, в том числе выборах: в органы местного самоуправления г. Красноярска (2000, 2004, 2008, 2012 и 2013, 2018 годы); в органы местного самоуправления Красноярского края (2005, 2010, 2015 и 2020 годы), г. Березники Пермского края (2004–2008 годы); глав городов Тайшета и Братска Иркутской области (2005 год); главы г. Владивостока Приморского края (2007 год); губернатора Красноярского края (2002, 2014 и 2018 годы); председателя правительства Республики Хакасия (1996, 2000 и 2009 годы); депутатов Верховного совета Республики Хакасия (2009 год); депутатов Законодательного собрания Красноярского края (2001, 2007, 2011 и 2016 годы); депутатов Государственной думы РФ в Хакасском одномандатном округе № 30 (1999 год), в Красноярском одномандатном округе № 50 (2003 год), в Центральном одномандатном округе № 55 (2016 год).

Положения, выводы и рекомендации диссертационного исследования могут быть полезными для политических партий, общественных движений, кандидатов на выборные должности как в период проведения избирательных кампаний, так и для организации политической деятельности в период между выборами.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения и результаты исследования диссертации нашли отражение в докладах и выступлениях на 23 международных и всероссийских конференциях, симпозиумах: II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2001); IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления» (Москва, 2012); Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири» (Иркутск, 2012); Международной научной конференции «Российское государство: от советской к постсоветской эпохе (к 90-летию образования СССР)» (Иркутск, 2012); XVI Традиционном международном симпозиуме «Восток – Россия – Запад. Современные процессы развития физической культуры, спорта и туризма» (Красноярск, 2013); III Международной электронной научно-практической конференции «Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы

и перспективы развития» (Красноярск, 2013); Всероссийской научной конференции с международным участием «Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков» (Абакан, 2013); Всероссийской научно-практической конференции в рамках фестиваля «Байкальская пресса – 2013» «Региональные и местные СМИ: проблемы и перспективы в процессе системной трансформации» (Иркутск, 2013); III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-экономического развития России» (Москва, 2013); Международной научно-практической конференции «Современные тенденции в образовании и науке» (Тамбов, 2013); Седьмых Байкальских международных социально-гуманитарных чтениях (Иркутск, 2013); Международной научно-практической конференции «Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты» (Тамбов, 2014); Всероссийской научно-практической конференции в рамках фестиваля «Байкальская пресса – 2014» «Информационно-коммуникационные процессы и особенности функционирования СМИ в региональном медиапространстве» (Иркутск, 2014); XVII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни» (Красноярск, 2014); III Международной научно-практической конференции «Центральноазиатские исторические чтения» (Кызыл, 2014); Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории «Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий» (Абакан, 2014); V Международной научно-практической конференции «Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования» (Абакан, 2014); Восьмых Байкальских международных социально-гуманитарных чтениях (Иркутск, 2015); IV Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири» (Иркутск, 2015); Девятых Байкальских социально-гуманитарных чтениях (Иркутск, 2016); Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов и практиков «Социально-экономический ландшафт региона: традиции и тенденции» (Красноярск, 2021); XI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-экономического развития России» (Москва, 2021); XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-экономического развития России» (Москва, 2022).

Отдельные положения и результаты исследования также нашли отражение в докладах и выступлениях на региональных научно-практических, научных и межвузовских научных конференциях, в частности: «Проблемы обществоведения» (Красноярск, 1999); «Сибирь в XXI веке: альтернативы и прогнозы развития» (Красноярск, 2003); «Выборы и ответственность: основные критерии гуманитарной стратегии демократизации» (Абакан, 2006);

«Муниципальные выборы: Опыт. Проблемы. Перспективы» (Красноярск, 2007); «Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции и перспективы» (Красноярск, 2010); «Состояние, опыт и перспективы развития физкультурного движения Якутии» (Якутск, 2013); «Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное» (Москва, 2015).

Апробация результатов исследований осуществлялась и в форме регулярных выступлений автора на совещаниях в администрации г. Красноярска (2000-2011 годы). По итогам ряда исследований их основные результаты, выводы и рекомендации оформлялись в виде докладных записок (с грифом «для служебного пользования») для администрации г. Красноярска, промышленного предприятия ОАО «Уралкалий» (г. Березники Пермского края, 2004-2008 годы) и ряда других органов власти и предприятий в нескольких регионах страны.

Регулярное проведение диссертантом социологических исследований на выборах представителей органов власти в Красноярском крае и в других субъектах Российской Федерации позволило неоднократно апробировать исследовательские методики и пополнить работу новыми материалами.

Результаты проведенных диссертантом исследований положены в основу выпуска администрацией г. Красноярска одиннадцати информационно-аналитических сборников «Красноярск и красноярцы», посвященных обобщению и популяризации положительного опыта муниципального управления в г. Красноярске.

Имеются ссылки на публикации диссертанта в докторских и кандидатских диссертациях (Г.А. Цветковой, В.М. Очировой, С.П. Мурланова, Е.Н. Димитровой, О.Л. Лушниковой, Н.А. Власовой, А.А. Тумова)¹, в научных монографиях², в зарубежном информационно-

¹ Цветкова Г.А. Местное самоуправление в современной России: состояние, тенденции, перспективы (опыт социологического анализа) : дисс. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – М., 2003. – 340 с. ; Очирова В.М. Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества (на материалах республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва) : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 – Улан-Удэ : изд-во Бур. гос. ун-та, 2015. – 583 с. ; Мурланов С.П. Становление региональных политических элит (на примере Ленинградской области) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – СПб, 2013. – 22 с. ; Димитрова Е.Н. Формирование органов законодательной власти в Красноярском крае (1993-2007 гг.) : автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2015. – 27 с. ; Лушникова О.Л. Социокультурный капитал рода в современных условиях: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Абакан, 2015. – 140 с. ; Власова Н.А. Институциональные факторы формирования социального настроения жителей крупного российского мегаполиса : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – М., 2014. – 196 с ; Тумов А.А. Тенденции и проблемы политического развития республик Северного Кавказа в постсоветский период: опыт Кабардино-Балкарии : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Нальчик. – 2019. – 273 с.

² Каминский А.С. Ценностные ориентации будущих специалистов социальных служб : монография [Электронный ресурс]. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; Трансформация городской среды Красноярска в 1991-2017 годы : монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, – 2019. – 76 с. ; Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы / Н.М. Великая, Е.М. Березкина, Е.А. Ирсетская [и др.] ; под общ. ред. Н. М. Великой. – М.: Ключ-С, 2023.– 260 с.

аналитическом бюллетене¹. В других научных изданиях, в частности, в публикациях О.Н. Лоскутовой и Я.Р. Кондратова, Д.В. Кочегаровой и А.В. Новикова, В.Н. Волковой, В.Н. Веселовой и А.А. Черенева, Ю.А. Шабалиной, И.А. Доспехова, Ю.В. Ермизиной и Ю.Б. Черепановой, М.Г. Смолиной и Е.А. Сертаковой, М.Г. Смолиной и Н.П. Копцевой, Н.В. Мерзликина и А.В. Иванова, Н.И. Суягиной, И.В. Зеленковой, В.Н. Тугужековой, К.А. Сухановой и Я.А. Плечевой, В.О. Соломатова, К.О. Журибеда, И.А. Упорова, Т. Екеля и Г.А. Борщевского, Н.Н. Левко, И.П. Воронцовой, В.Г. Немировского и А.С. Новикова, Т.М. Бялкиной, А.Ю. Башелханова².

¹ Науково-інформаційні ресурси про президентів та інститут президентства. Інформаційно-бібліографічний бюлетень. – Київ, 2013. – Випуск. 6. – 84 с.

² Лоскутова О.Н., Кондратова Я.Р. Проблемы ЖКХ: их актуальность и пути решения // Пробл. соц.-экон. развития Сибири. – 2014. – № 3 (17). – С. 103–106 ; Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Опыт модернизации партийной системы в Великобритании для современной России // Наука Красноярья. – 2016. – № 2 (25). – С. 114–126 ; Волкова В.Н. Читатель и чтение в сибирско-дальневосточном регионе России (1995–2015 гг.). Некоторые наблюдения // Труды ГПНТБ СО РАН. – 2016. – № 11. – С. 102–110 ; Веселова В.Н., Черенев А.А. Труднодоступные районы Восточной Сибири: власть глазами населения // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т. 26. – С. 70–79 ; Шабалина Ю.А., Доспехов И.А., Ермизина Ю.В., Черепанова Ю.Б. Конфликты в жилищно-коммунальной сфере // Инженерные кадры: будущее инновационной экономики России. – 2018. – № 7. – С. 118–122 ; Смолина М.Г., Сертакова Е.А. Основные направления исследований по городской среде Красноярска // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 76–88 ; Smolina M.G., Koptseva N.P., Sertakova E.A. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Т. 11. – № 10. – С. 1653–1672 ; Мерзликин Н.В., Иванов А.В. Муниципальная власть: противоречия, вызовы и риски // Сотис – социальные технологии, исследования. – 2018. – № 2 (88). – С. 107–116 ; Суягина Н.И. Развитие сельских территорий: тенденции и перспективы предоставления качественных жилищно-коммунальных услуг на селе // Вестник НГИЭИ. – 2019. № 11 (102). – С. 134–142 ; Зеленкова И.В. Аксиологические доминанты в восприятии образа современной женщины старшеклассницами (на примере рекламы) // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи : материалы междунар. науч.-практ. online-конф. Редколлегия: М.А. Слемнев [и др.]. – Изд-во Витебского гос. ун-та им. П.М. Машерова (Витебск), 2019 ; Тугужекова В.Н. Образование Хакасской АССР // Очерки истории советской Хакасии (1917–1991 гг.). – Абакан: Бригантина, 2019 г. – 250 с. ; *Его же*. К вопросу об образовании Хакасии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования внутренней Азии. – 2022. – № 4. – С. 15–21 ; Суханова К.А., Плечевая Я.А. Проблемы организации управляющих компаний сферы жилищно-коммунального хозяйства и пути их решения // Современные проблемы и перспективы развития туризма и сферы услуг в условиях глобализации: Сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. / Под общей ред. И.Ф. Жуковской. – 2019. – Изд-во АТЛАС. – С. 145–149 ; Соломатов В.О. Основные проблемы управляющих компаний в сфере ЖКХ и пути их решения // X Всерос. науч.-практ. конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая», Кемерово, 24–27 апреля 2018. г. – Кемерово: Кузбасский гос. ун-т им. Т.Ф. Горбачева. – С. 64012-1–64012-5 ; Журибеда К.О. Причины победы кандидатов партии «Единая Россия» в одномандатных округах Красноярского края на выборах депутатов Государственной думы в 2016 г. // История мировых цивилизаций. Общественные процессы в антропологическом измерении : материалы XIV Всерос. науч. конф. с международным участием. – Красноярск, 20 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. А.Г. Канаев. – Красноярск, 2019. – URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5edcc79ccd3d3e0001fd320c.pdf> ; Упоров И.В. Общественное мнение как основа формирования принципа справедливости: правовой контекст // Право и практика. – 2020. – № 3. – с. 15–20 ; *Его же*. Депутаты в контексте представительской функции: политологический аспект [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2021. – № 2 (50). – URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/2/politology/Uporov.pdf>; Jäkel T., Borshchevskiy G.A. Who wants to work in bureaucracy? Career intentions of post-millennial students // Teaching Public Administration. – 2019. – Т. 37 – № 1. – С. 67–91 ; Левко Н.Н. Факторы, влияющие на активность участников избирательного процесса: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы авиации и

В ряде научных публикаций имеются ссылки на диссертанта как организатора социологических исследований¹. Результаты авторских исследований отражены в 48 научных публикациях общим объемом 56,7 п. л. (лично автором написано 51,7 п. л.).

Результаты диссертационного исследования применялись в ходе преподавания учебных дисциплин «Социология», «Политология», «Исследование социально-экономических и политических процессов» в Государственном университете цветных металлов и золота (г. Красноярск), Красноярском государственном университете и Сибирском федеральном университете.

космонавтики, Красноярск, 13–17 апреля 2020 г. – Красноярск: Сиб. гос. ун-т науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, 2020. – С. 553–555 ; Воронцова И.П. Социальное самочувствие молодежи Красноярска // Управление человеческими ресурсами: теория, практика, ресурсы : сб. науч. тр. национал. науч.-практ. конф. (26–30 апреля 2021 г.) / под ред. д-ра экон. наук С.И Сотниковой. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экономики и управления «НИНХ», 2021. – С. 93–99 ; Немировский В.Г., Новиков А.С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе // Вест. Кемеровского гос. ун-та. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6. – № 4 (22). – С. 453–461 ; Бялкина Т.М. Особенности избирательного процесса на муниципальных выборах // Конституционализм и государственное управление. – 2023. – № 1 (29). – С. 36–43 ; Башелханов А.Ю. Роль партии «Справедливая Россия» в социально-экономическом и политическом развитии России (на примере выборов в Государственную думу РФ) // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13. – № 4 (92). – С. 1485–1495.

¹ Административно-политические элиты России: институционализация, самоидентификация, динамика изменений : науч. докл. / М.А. Суакисян, И.В. Ростовщиков [и др.] ; науч. рук.: В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во Сев. Кавказ. академии гос. службы, 2005. – С. 103 ; Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. Административно-политические элиты России: методологический и феноменологический аспекты исследования // Государственное и муниципальное управление. Научные записки СКАГС. – 2005. – № 3–4. – С. 51 ; Юбилей Великой Победы : монография / Л.Н. Алисова, Х.В. Дзугцев, В.В. Серебрянников, Ю.Г. Волков [и др.] ; рук. проекта: В.Н. Кузнецов, В.К. Сергеев, В.Н. Иванов; науч. консультант М.А. Гареев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Серебряные нити, 2006. – С. 2 ; Красноярский городской форум. Первые шаги / сост. В.В. Куимов, Н.В. Малащук, Д.А. Антонов [и др.]. – Красноярск: ИД «ВВВ», 2007. – С. 24 ; Лисовская А.Г. О работе избирательной комиссии города Красноярска с молодежью как способе повышения гражданской активности молодых избирателей и подготовки резерва организаторов выборов [Электронный ресурс] // Выборы в органы местного самоуправления: особенности организации, проблемы и перспективы : материалы IV ежегодной конференции АСДГ председателей избирательных комиссий Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 11–12 сентября 2008. – URL: http://izbirkom.admkrsk.ru/forelectors/Documents/ИЗДАНИЯ/конф_2008.pdf (дата обращения: 20.10.2022) ; Красноярск. Технологии будущего / администрация г. Красноярска; департамент соц. политики; департамент информ. политики; Краснояр. научный центр; совет ректоров вузов Краснояр. края; гл. ред. В.В. Куимов. – Красноярск: Енисей-Знак, 2009. – С. 110 (Красноярск и красноярцы: информ.-аналит. сб.) ; Артур И., Мерзликин Н. Новая политическая реальность: движущие силы перемен // Наука. Культура. Общество. – 2012. – № 2. – С. 17 ; Мерзликин Н.В. Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз. – М.: ИСПИ РАН, 2011. – С. 105–106 ; *Его же*. Бизнес и власть в условиях новой политической реальности: риски и вызовы (социолого-политологический анализ) / Под ред. акад. Г.В. Осипова. – М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. – С. 185.

Глава 1. Теоретико-методологические основы социологической диагностики социально-политических процессов на региональном уровне

Политическое развитие России традиционно характеризуется особой значимостью процессов, идущих в российских регионах. Здесь решается большинство проблем жизнеобеспечения населения, рассматриваются вопросы, затрагивающие повседневную жизнь каждого человека. Региональная власть в современных условиях становится ключевым звеном всей российской государственности. Невозможны понимание и адекватная интерпретация социально-политических процессов, идущих в российском обществе, без учета динамики изменений, которые идут в субъектах Федерации. Изучению данной проблемы посвящен п. 1.1. «Становление региональных властных отношений. Концептуальные подходы к исследованию: история вопроса». Кроме того, в данном параграфе показаны риски и вызовы для российской государственности, связанные с динамизмом всех социально-экономических и политических процессов, протекающих в современном мире. Сфера местного самоуправления является определяющей в формировании социально-политических процессов в регионе. Именно поэтому автор диссертационного исследования основное внимание уделяет социодинамике процессов, формирующихся в сфере функционирования муниципальной власти. Диссертант исходит из того, что с позиций социологического знания муниципальная сфера жизнедеятельности отражает, с одной стороны, социально-политические изменения, идущие в стране и в регионе, с другой стороны, социально-экономические условия жизни социума на муниципальном уровне (п. 1.2. «Методологические основания социологической диагностики региональной социальной реальности и социально-политических процессов»).

В параграфе 1.3. «Социологические показатели и индикаторы социально-политических изменений» показано использование социологических показателей и индикаторов при проведении научных исследований в зарубежных странах и Российской Федерации. Также представлена информация об их использовании диссертантом при проведении социологических исследований, результаты которых учитывались в управленческой деятельности (на примере органов местного самоуправления г. Красноярск).

1.1. Становление региональных властных отношений. Концептуальные подходы к исследованию: история вопроса

При анализе особенностей и основных направлений развития современных социально-политических процессов на региональном уровне принципиальное значение имеет учет следующих концептуально-методологических положений:

1. Россия выступает в качестве сложного социокультурного пространства, сформировавшегося после утраты государственного образования в лице Советского Союза, разруше-

ния единого производственно-экономического комплекса, единой социально-политической и культурно-духовной идентичности, разобщенности прежде единого народа, нарушения экономической взаимосвязи между регионами.

2. Курс на интеграцию в глобальное западное сообщество и следование западным моделям развития, стартовавший в 1991 году, отразился на формировании концептуальных основ постсоветской государственности, на содержании и направленности социально-политических процессов в центре и регионах. А также на формировании новых контуров российского государства, на становлении новых механизмов взаимодействия социальных субъектов в сфере регионального управления, на возникновении процесса размывания Российской Федерации, ее суверенности в геополитическом пространстве. К началу 90-х годов Конституция страны и федеральные законы утратили в регионах качество высшей юридической силы. Политическую направленность такой ситуации отразил лозунг, выдвинутый президентом Б.Н. Ельциным: «Берите суверенитета, сколько можете проглотить».

3. Россия – многонациональное и многоконфессиональное образование, включающее в себя 89 регионов. Каждый регион имеет свою специфику как в плане ментальности проживающего в нем населения, так и со стороны присущих ему политических традиций. Внутри регионального социума имеются существенные различия в восприятии общероссийской государственной власти и желаемого регионального государственно-властного устройства.

4. В процессе становления региональных властных отношений, в целом в развитии российской государственности условно можно выделить следующие этапы:

– первый этап – с 1991-го по 1993 гг. – этап становления договорной модели российской государственности в условиях слабости федерального центра;

– второй этап – с 1993-го по 1999 гг. – этап конституционного закрепления федерального российского государства;

– третий этап – с 2000-го по 2020 гг. – этап становления и упрочения вертикали власти и возрастания роли федерального центра в структуре федеративных отношений;

– четвертый этап – с 2021 г. по настоящее время – этап суверенизации российской государственности, приоритета общероссийской правовой системы и общенациональных отношений в повседневной жизнедеятельности российского общества, в структуре отношений федерального центра и регионов.

Содержание каждого этапа становления российской государственности, региональной системы властных отношений есть результат компромисса интересов, подходов к государственному устройству со стороны социально активных политических сил федерального центра и регионов. Вычленение в процессе становления российской государственности этапов позволяет исследовать его социодинамику. Концептуальная модель исследования процесса

становления региональных властных отношений на каждом этапе его развития представляет вариант частной, специальной социологической теории, ориентирующейся на изучении конкретной системы социальных отношений между:

- федеральным центром и регионами;
- региональным центром власти и административными субъектами внутри регионов, органами местного самоуправления;
- властью в регионах и населением;
- региональной властью и бизнесом;
- региональной властью и политическими партиями.

Такой концептуальный подход к исследованию позволяет определить основной вектор развития каждого этапа в трансформации региональных властных отношений, выделить в нем субъектов, выступающих в качестве движущих сил социально-политических изменений.

Направленность вектора развития первого этапа трансформации региональных властных отношений в 1991–1993 гг. была предопределена слабостью федерального центра, результатом чего стала договорная асимметричная модель федерального устройства российского государства. Правовое поле федеральных отношений строилось на основе договоренностей руководителей субъектов с федеральным центром. Заключение договоров носило преимущественно характер сепаративных сделок между высшими руководителями федерального центра и регионов. К обсуждению их содержания не привлекались в большинстве случаев другие субъекты Федерации, представительные органы власти, общественность, что свидетельствовало о слабости федерального центра.

Каждый региональный субъект стремился закрепить в договоре те положения, которые бы укрепляли позиции региональной власти в ущерб общефедеральной. Договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами власти регионов заключались с органами власти республик, краев и областей, а также органами власти автономных областей, автономным округов, входящих в состав РФ.

Федеративные договоры, подписанные всеми руководителями субъектов РФ, выступили основой договорной модели Российской Федерации. Исключение составили только Татарстан и Чечено-Ингушетия (Ичкерия). Эти договоры законсервировали существовавшее в советское время деление страны по этническому и территориальному уровню, наделили правами субъектов Федерации не только национальные образования (республики, автономные области и округа), но и края и области прежнего административно-территориального деления страны. В результате возникли субъекты с особым статусом, закрепившим преимущества национальных республик над русскими краями и областями. В отдельных регионах этническая модель использовалась местными элитами в основном для достижения неоправданных с

экономической точки зрения преимуществ, в ущерб общегосударственным интересам. К примеру, в Конституциях субъектов Федерации, получивших статус республик, закреплялась их суверенизация. Одновременно декларировалось верховенство республиканских законов над общефедеральными законами [182].

Наиболее показательным примером служит Республика Татарстан, в Конституции которой республика называлась суверенным государством, субъектом международного права, а недра с их содержанием относились исключительно к собственности Татарстана. Также прохождение воинской службы для граждан республики предписывалось осуществлять только в Татарстане [130, с. 441]. Планировалось введение собственной валюты, обсуждался вопрос отказа от уплаты налогов в федеральный бюджет.

Подобное развитие ситуации в отношении федеративного устройства государства вызывало протесты со стороны русских регионов. С одной стороны, в 1990–1991 гг. все автономные национальные образования РСФСР заявили о своем суверенитете. С другой стороны, края и области Российской Федерации требовали уравнивания своих прав во взаимоотношениях с центром с правами национальных республик [105, с. 163]. Наиболее продвинулась в этом вопросе Свердловская область, выступившая с предложением создания Уральской республики в составе пяти областей (Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Курганской). С этой целью в ходе проведения общероссийского референдума 25 апреля 1993 г. региональные власти включили дополнительно вопрос о расширении полномочий Свердловской области до уровня республики. В референдуме приняли участие две трети жителей Свердловской области, и абсолютное большинство из них поддержали идею создания республики [262, с. 149–150]. Начиналась работа над разработкой Конституции Уральской Республики.

Новосибирская область подняла вопрос создания Сибирской республики. Кубанские и донские казаки заговорили о необходимости создания Кубанской и Донской республик. В 1992 г. появились предложения о создании конфедерации самостоятельных государств Кавказа [105]. Ситуация, развивающаяся в республиках Северного Кавказа, по оценкам некоторых экспертов, становилась угрожающей для единства страны. Так, сначала общенациональный конгресс чеченского народа, а затем и руководство Чечни заявили о создании независимого национального государства и намерении выйти из состава Российской Федерации [130, с. 441; 309].

Наделяя правами субъектов Федерации не только края и области, но и все существовавшие ранее автономные национальные образования, федеральный центр решал вопрос юридического закрепления процесса создания федерации. Проблема экономической жизнеспособности регионов, экономической целесообразности в ходе воспроизведения в

структуре вновь создаваемого федерального государства схемы территориального деления, использовавшейся в условиях плановой модели хозяйствования и по своей сути унитарного типа государства, каким был Советский Союз, практически не рассматривалась. Итогом такого решения стало то, что из 89 новых субъектов федерации 67 оказались дотационными и без поддержки федерального центра не могли существовать.

Процесс разработки и принятия уставов (конституций) субъектов Федерации ознаменовался новым всплеском противоречий в региональной системе властных отношений. Представительные органы субъектов Федерации настаивали на резком увеличении своих полномочий (требовали полномочий утверждать структуру правительства регионов и его руководящий состав, контролировать деятельность правительства, учитывать мнение депутатов при формировании администрации субъекта Федерации). Созданные в регионах законодательные органы различались не только своими названиями (Государственный совет, Верховный совет, Областная дума, Законодательное собрание, Народный хурал и др.), но и структурой (двухпалатные и однопалатные), а также своими функциями. Так, парламентская Республика Мордовия фактически воспроизвела систему советов, а Калмыкия пошла по пути резкого сокращения полномочий представительных органов власти по примеру восточных ханств.

Разнобой в формировании в регионах законодательных и исполнительных органов власти и в их полномочиях закладывал политическую и организационную основу для проявления противоречий в системе отношений федерального центра и региональной власти, ослаблял российскую государственность. Все это ставило вопрос о выработке единой политики в становлении региональной системы властных отношений и предопределило необходимость перехода от договоров к разработке новой Конституции Российской Федерации. С принятием в декабре 1993 года Конституции РФ завершился первый этап процесса становления региональных властных отношений. Историческая значимость этого этапа состоит в том, что удалось отвести угрозу распада страны и создать правовую основу для функционирования России в качестве единого федеративного государства.

Второй этап, ознаменовавшийся закреплением в новой Конституции главы 1 «Основы конституционного строя» конституционных принципов федерализма, провозгласил, что Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Данное положение в сочетании с нормами о государственной целостности как основе федеративного государства, единстве системы государственной власти стали фундаментом неделимости суверенитета Российской Федерации и обусловили в дальнейшем процесс отлаживания всей системы властных отношений в регионах.

Слабость федерального центра в 90-е годы прошлого столетия не позволила актом принять новую Конституцию РФ (без масштабной организационной работы), обеспечить устойчивость российской государственной власти. Во многих регионах Конституция РФ и федеральные законы на практике не имели высшей юридической силы, региональные органы законодательной власти по-прежнему принимали законы, идущие вразрез с конституционными и федеральными правовыми нормами. Отдельные регионы практически вышли за пределы единой правовой и фискально-финансовой системы государства, перестав отчислять налоги в федеральный бюджет.

Огромной опасностью для единства страны стали проявления в субъектах Федерации сепаратизма и национализма. «Особые» финансово-экономические отношения стали предметом торга регионов с федеральным центром. По оценкам Н.М. Григорьева, «за период с 1994-го по 1998 гг. между федеральным центром и регионами было подписано 46 двусторонних договоров, которые предоставляли последним привилегии в некоторых вопросах экономики и управления» [149, с. 78]. М.С. Ильченко поясняет: заключение этих договоров лишь «формализовало собой уже сложившиеся к этому моменту практики взаимодействия двух уровней власти. В большинстве случаев соглашения лишь закрепляли выработанный порядок сотрудничества элит, являясь результатом многочисленных «делок» и промежуточных «компромиссов» [174, с. 167]. Таким образом, заключение двухсторонних соглашений в этот период являлось следствием компромисса между центром и регионами.

Новым явлением стало создание в межрегиональных объединениях органов представительной власти: Уральская региональная ассоциация народных депутатов, в которую входили законодатели шести областей [262, с. 147]; объединение органов законодательной власти Дальнего Востока и Забайкалья, включающее представителей 11 субъектов Федерации¹. Отсутствие своевременного и адекватного ответа со стороны федерального центра сказывалось на масштабности сепаратистских процессов в стране, поддержанных международными экстремистскими организациями.

На Кавказе это выразилось в наиболее опасной форме – терроризме. Самой острой формой его проявления стали вооруженные действия в Чечне. Все это поставило вопрос о целостности Российской Федерации, о перспективах ее развития в качестве самостоятельного государственного образования.

Можно сделать вывод, что «второй этап в реализации государственной региональной политики отличает особая сложность. С одной стороны, произошло конституционное закрепление федеративного устройства государства, а с другой – резкая активизация

¹ Парламентская ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pa-dv.ru> (дата обращения: 18.11.2022).

сепаратизма, угрожающего развалом Российской Федерации и поставившего перед необходимостью выработки и реализации новой стратегии в сфере федеративных отношений» [285, с. 31–32].

Социологические данные свидетельствуют, что нарастание в 90-е годы прошлого столетия сепаратистских устремлений в регионах во многом стало результатом слабости федерального центра, деградации института президентства Б.Н. Ельцина. В то же время Россия как федерация успешно может функционировать лишь при наличии дееспособного федерального центра, выступающего в качестве организационного ядра всей системы федеративных отношений в стране. Следует учитывать специфические условия функционирования российского государства: необходимость жизнеобеспечения и защиты столь значительной по размеру страны в неблагоприятных природно-климатических условиях, а также поддержание единой энергетической и транспортной системы, централизация управления в различных отраслях (коммунальное хозяйство, здравоохранение и др.). В этом заключается принципиальное отличие России от стран западного мира.

С уходом в 1999 году президента Б.Н. Ельцина со своего поста завершился второй этап в развитии региональных властных отношений, и начался этап становления вертикали власти и возрастания роли федерального центра. Справедливости ради стоит отметить различие позиций ученых относительно развития федеративных отношений в России в 1990-х годах. Большинство из них связывали слабость федерального центра с личностью президента РФ Б.Н. Ельцина. Между тем существуют и другие подходы к рассматриваемой проблеме. К примеру, С.С. Бойко считает, что «асимметричный федерализм», выражающийся в значительных политических и социально-экономических различиях между субъектами Федерации в этот период, позволил избежать развития событий в России по «югославскому сценарию» [115]. В то время как Л.М. Дробижева указывала на перспективу создания условий для развития подлинного федерализма и местного самоуправления [159].

В свою очередь М.С. Ильченко называет институционализацию федеративных отношений в России в это время вынужденной мерой в силу отсутствия «альтернативы сохранения целостности государства» [174, с. 172]. Аналогичную позицию занимают Г.В. Синцов и Е.В. Битюцкий [306, с. 59].

Отсюда можно сделать следующее предположение: характер становления федеративных отношений в 90-х гг. прошлого столетия в России связан не столько со слабостью федерального центра, сколько с его политической мудростью, благодаря которой был предотвращен распад государства.

Важной характеристикой первого и второго этапов становления региональных властных отношений является наличие острых противоречий и конфликтных ситуаций между основными

субъектами регионального политического процесса. Например, между исполнительной и законодательной властью субъектов Федерации [106, с. 287; 186; 326], региональными и муниципальными органами власти [246; 327, с. 82–84], властью в регионе и населением. Последнее наиболее отчетливо проявлялось в ходе прямых губернаторских выборов, когда избиратели отдавали предпочтение приезжим кандидатам, так называемым варягам. К примеру, на эту тенденцию указывает О.В. Гаман-Голутвина, оценивая результаты губернаторских выборов в ряде субъектов РФ в конце 90-х гг. прошлого столетия и начале 2000-х годов [133, с. 409]. Сложные отношения складывались у региональных властей с бизнесом, особенно крупным – в лице финансово-промышленных компаний, представленных в регионах. Уже упомянутая О.В. Гаман-Голутвина утверждала, что в 90-х гг. прошлого столетия, несмотря на политическую устойчивость региональной политической элиты в Красноярском крае, она не сумела противостоять экспансии московских политико-финансовых кланов и переделу собственности в крае в их пользу [133, с. 408].

В свою очередь профессор Н.В. Зубаревич показала, что в Республике Хакасия региональная власть находится в сильной зависимости от крупного бизнеса [170]. Данную оценку ситуации в Хакасии наглядно подтверждают результаты социологических исследований диссертанта, посвященные определению наиболее влиятельных политиков. В республиканском рейтинге в 1998 г. председатель Верховного совета Республики Хакасия В.Н. Штыгашев занял лишь 3-ю строчку, председатель республиканского правительства А.И. Лебедь – 4-ю строчку. А возглавляли этот список представители крупного бизнеса в лице руководителей ведущего промышленного предприятия Хакасии – АО «Саянский алюминиевый завод» (СаАЗ). Это первый заместитель председателя правительства Хакасии А.Р. Саркисян, бывший заместитель генерального директора СаАЗа и генеральный директор СаАЗа О.В. Дерипаска. В 2001 г. список наиболее влиятельных республиканских политиков возглавил О.В. Дерипаска уже в статусе генерального директора «Русского алюминия»¹.

Если в целом оценивать характер взаимодействия российского бизнеса и государства во второй половине 90-х гг. прошлого столетия, то обращает на себя внимание вывод, сделанный заведующим отделом ИСПИ РАН Н.В. Мерзликиным по результатам проведенных исследований. По его мнению, «в основе этого процесса лежало не стремление к укреплению российского государства, исходя из общенациональных интересов, а желание бизнеса воспользоваться государственными рычагами для перекачки бюджетных средств в свою пользу» [233, с. 114].

¹ Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1997–2001 гг.) (из опыта социологического анализа) / Красноярская ассоциация социологов, ГАЦМиЗ. – Красноярск: ГУИП «Сибирь», 2002. – С. 60, 65.

Таким образом, можно утверждать: многочисленные конфликты в 90-х гг. прошлого столетия на региональном уровне не способствовали стабилизации всей российской политической системы. Существовала настоятельная потребность в отлаживании системы региональных властных отношений, в развитии механизма взаимодействия между федеральным центром и органами государственной власти в регионах, бизнесом и структурами местного самоуправления.

Президентство В.В. Путина обозначило третий этап в развитии российской государственности. Этот период характеризуется отходом от основ политического хаоса 90-х годов, упрочением федерализма, превращением федерального центра в стержневую основу всей системы властных отношений в стране. Вступив в должность Президента Российской Федерации, В.В. Путин начал свою деятельность с федеральной реформы. Было образовано 7 федеральных округов, задачами которых стали обеспечение единства, целостности правовой системы российской государственности, приведение законодательства в субъектах Федерации в соответствие с общефедеральными законами, с нормами Конституции РФ. С помощью полпредов также удалось замкнуть на федеральный центр органы федеральной исполнительной власти, представленные в регионах, которые в 90-х гг. прошлого столетия находились под контролем губернаторов [181, с. 12]. В это время реформируется Совет Федерации РФ и меняется порядок избрания его членов. Главы регионов и председатели региональных парламентов лишились возможности совмещать свою работу с работой в качестве сенаторов верхней палаты российского парламента. Депутатские мандаты стали получать представители регионов, предварительно согласованные с федеральным центром. В результате через некоторое время значительная часть сенаторов начали представлять чуждые им территории. На начало 2012 г., по оценкам К. Росса и Р. Туровского, их доля составила 43% от общего числа сенаторов [359].

Принимается федеральный закон о политических партиях, запрещающий их создание по признакам расовой, национальной или религиозной принадлежности, и создаются условия для создания многопартийной системы, в которой доминирующая роль отводится партии власти – «Единой России».

Вносятся изменения в порядок формирования и избрания глав субъектов Федерации. Принципиально важным стало введение в практику института представлений Президентом Российской Федерации кандидатур на пост глав субъектов Федерации, введенного после отмены прямых выборов губернаторов в 2004 г., последовавших за известными событиями в Беслане. Укреплению вертикали власти в стране и ограничению возможности влияния региональных элит на общероссийские политические процессы способствовала масштабная кампания по замене губернаторов в стратегически важных регионах. В нулевых годах были

отправлены в отставку региональные «политические тяжеловесы» – руководители республик Якутии, Тывы, Башкортостана и Татарстана (М.Е. Николаев, Ш.Д. Ооржак, М.Б. Рахимов и М.Ш. Шаймиев). А также губернаторы Саратовской, Самарской и Свердловской областей (Д.Ф. Яцков, К.А. Титов и Э.Э. Россель) и г. Москвы (Ю.М. Лужков) [130, с. 443]. Оставляя за рамками данного анализа вопрос управленческой компетентности уволенных руководителей, их профессиональные достижения, с точки зрения укрепления российской государственности эти отставки были оправданными.

Одной из мер упрочения властной вертикали в этот период стало административное укрепление территорий, называемое иногда в публикациях «парадом объединений». Всего в нулевых годах в Российской Федерации состоялось 5 объединительных референдумов в сложносоставных субъектах Федерации, края и области, в которые входили автономные округа. В результате количество субъектов РФ сократилось с 89 до 83 [208]. В то же время в национально-государственных образованиях (республиках) объединительные референдумы не проводились, что, по мнению экспертов, обуславливалось опасениями этнополитической дестабилизации в этих регионах.

После 2008 г. объединения регионов не проводились, хотя и активно обсуждался целый ряд таких проектов, как: объединение г. Москвы и Московской области, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области; Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов; Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва с центром в г. Красноярске.

Однако, судя по публикациям в СМИ и научных изданиях, вопрос укрупнения регионов не снят с повестки дня федерального центра. В 2016 г. спикер Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко заявила о необходимости с целью повышения качества жизни людей укрупнения слабых в экономическом отношении субъектов Федерации. Спикер верхней палаты российского парламента отметила: «Не должен человек страдать из-за того, что он живет в малообеспеченном и не очень перспективном для развития регионе, а не в другом, богатом»¹. Предложения о целесообразности сокращения числа субъектов РФ посредством объединения регионов поступают и со стороны научного сообщества. Можно назвать А.В. Новикову [251, с. 52], Н.И. Петренко и М.В. Глазырина [136, с. 29] и других ученых.

Остановимся на проблеме объединения регионов более подробно с целью осмысления и использования на практике имеющегося опыта в данном направлении. Следует признать: в экспертном сообществе нет единства относительно перспективы достижения целей, провозглашаемых в ходе объединения регионов. Речь, прежде всего, идет о возможности

¹ Матвиенко заявила о необходимости укрупнить ряд регионов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2016/571ce4d49a79479bee4b2b05> (дата обращения: 23.11.2022).

повышения уровня их управляемости, перспективе перехода в самодостаточные в экономическом отношении территории, сглаживании социально-экономических диспропорций между объединяющимися территориями и создании условий по повышению благосостояния граждан. В частности, диссертант в авторской публикации¹ показывает неоднозначное отношение жителей г. Красноярск к предстоящему референдуму и к тем целям, которые декларировались по итогам объединения (табл. 1.1 и 1.2) [прил. 1; 13].

Таблица 1.1

Динамика представлений респондентов о том, кто больше всего заинтересован в объединении Красноярского края, Таймыра и Эвенкии (данные ранжированы по последней колонке)

Варианты ответов	Дата проведения опроса					
	15–19 октября 2004 г.		18–21 марта 2005 г.		1–4 апреля 2005 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Краевые чиновники	48,8	1	39,5	1	46,2	1
Жители Красноярского края	9,8	5	28,1	4	30,3	2
Московские чиновники	36,6	3	32,4	3	29,5	3
Государство в целом	7,7	7	34,7	2	28,6	4
Олигархи, крупный бизнес	37,8	2	27,0	5	21,7	5
Жители Таймыра	8,2	6	15,9	7	20,7	6
Жители Эвенкии	7,4	8	15,3	8	18,0	7
Президент России	10,7	4	18,0	6	11,5	8
Криминальные структуры	6,2	9	6,8	9	7,1	9
Политические партии	1,6	10	6,1	10	6,7	10

Как следует из результатов мониторинговых исследований, большая часть респондентов в целом положительно отнеслись к самой идее объединения территорий. В то же время участники опроса главным бенефициаром объединения считали краевых чиновников. И это несмотря на сверхактивную рекламную-агитационную кампанию².

Главный упор в агитации делался на создание условий в результате объединения для развития экономики края посредством реализации крупных инвестиционных проектов – строительства Ванкорского нефтегазового месторождения, развития Нижнего Приангарья,

¹ Злотковский В.И. Референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в 2005 году в зеркале социологии // Современ. исслед. соц. пробл. (электронный научный журнал). – 2013. – № 9 (29). – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/724>.

² Судя по результатам последнего среза общественных настроений, который проводился за 2 недели до процедуры голосования (17 апреля 2005 г.), абсолютное большинство респондентов (84,3 %) видели по телевидению рекламные и агитационные материалы, посвященные предстоящему объединению, почти каждый второй знакомился с агитационными материалами, представленными в местных СМИ и на рекламных щитах и плакатах. Каждый третий респондент знакомился с агитационными материалами, которые приносили ему на квартиру, а каждый двенадцатый лично участвовал в собрании, встрече по месту жительства, учебы или работы. Это самые высокие показатели информированности избирателей Красноярска, зафиксированные диссертантом в ходе проведения наиболее значимых в крае политических мероприятий за период с 2000-го по 2020 год, включая губернаторские выборы.

включающего строительство Богучанской ГЭС и Богучанского алюминиевого завода, – а также за счет восстановления успешно функционирующих в советское время экономических связей между сельскохозяйственным югом края и промышленным севером.

Показательно, что лишь пятая часть респондентов считали, что жители Таймыра и Эвенкии выиграют от объединения. При этом абсолютное большинство респондентов полагали, что от объединения не произойдет изменений в их личной жизни в лучшую сторону (см. табл. 1.2).

Таблица 1.2

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, изменится ли в результате объединения Красноярского края, Таймыра и Эвенкии ваша личная жизнь, жизнь в городе и крае?» (% от числа опрошенных)

Варианты	Ответ «жизнь изменится в лучшую сторону»		
	Дата проведения опроса		
	15–19 октября 2004 г.	18–21 марта 2005 г.	1–4 апреля 2005 г.
Личная жизнь	4,5	11,8	16,8
Жизнь в г. Красноярске	6,8	34,4	45,6
Жизнь в Красноярском крае	10,6	44,4	52,2

Скорее всего, участники опроса справедливо полагали: за реализацией масштабных инвестиционных проектов стоит крупный бизнес, который вместе с краевыми властями и получит основные дивиденды. И, как показало дальнейшее развитие событий в регионе, скепсис избирателей относительно декларируемых целей объединения регионов во многом оказался оправданным. К примеру, по информации спикера краевого парламента А.В. Усса, доля Красноярского края в валовом региональном продукте Сибирского федерального округа в 2005–2009 гг. имела тенденцию к снижению [15]. Иными словами, объединение так и не привело к ускорению социально-экономического развития региона.

К сожалению, так и не удалось восстановить экономические связи между сельскохозяйственным югом и промышленным севером. Более того, отчетливо обозначилась социальная напряженность в присоединившихся территориях (Таймыре и Эвенкии), связанная, прежде всего, со снижением доступности для жителей указанных территорий многих социальных услуг, потерей рабочих мест в бюджетных организациях¹. Жители этих территорий неоднократно поднимали вопрос о необходимости проведения референдума с целью возвращения прежнего статуса своих территорий. Эти настроения, как и общественные настроения респондентов, зафиксированные в ходе опросов в 2005 г., нашли убедительное

¹ Жители Таймыра вновь хотят образовать свою автономию [Электронный ресурс]. – URL: <http://club-rg.ru/24/news/46037> (дата обращения: 20.11.2018) ; «Мы стали жить хуже»: Таймыр хочет отделиться от Красноярского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://trk7.ru/news/64900.html> (дата обращения: 02.09.2018) и др.

подтверждение в докладе «Объединение регионов Российской Федерации: за и против», подготовленном Институтом современного развития в 2010 году. По мнению авторов доклада, не удалось достичь ожидаемого эффекта от объединений регионов (не повысилась управляемость территорий, не удалось решить их основные социально-экономические проблемы, при этом одновременно отчетливо проявились различного рода конфликты – от экологических до этнических)¹.

Особую значимость в укреплении федеральных начал в российском государстве имело создание политической партии «Единая Россия», выступившей важным элементом для формирования партий власти на всех уровнях, в которые входили все ведущие представители политической элиты. Была выстроена так называемая вертикаль власти, когда региональные органы власти в своей деятельности ориентировались на позицию федерального центра, органы местного самоуправления – региона.

В результате партия «Единая Россия» стала одерживать уверенные победы на выборах всех уровней и ветвей власти. Остальные партии перестали играть значимую роль в политическом процессе. Все это обеспечило устойчивость всей российской государственности.

Таким образом, задачи, стоявшие перед федеральной властью накануне избрания В. Путина Президентом Российской Федерации в 2000 году, были успешно решены, и выполнено главное предназначение третьего этапа процесса становления властных отношений в регионах. В ходе данного этапа регионы лишились значительного объема властных полномочий. В качестве компенсации региональные власти получили больше прав в отношении местного самоуправления, вплоть до отставки глав [328, с. 33]. В последующие годы данная тенденция только укреплялась и привела к постановке под контроль региональных властей процесс формирования и последующую деятельность органов местного самоуправления. Уже в 2020 г. в 90% муниципальных образований РФ использовались модели местного самоуправления, предусматривающие непрямые выборы глав городских округов муниципальных районов [35]. Кандидатура, предварительно не согласованная с губернатором, не имела реальных шансов на избрание руководителем муниципалитета.

Показателем завершения третьего этапа стал закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», принятый Госдумой 14 декабря 2021 года и подписанный Президентом РФ 21 декабря 2021 года [89]. Закон четко разделяет полномочия между властями и определяет, что федеральные, региональные органы власти и местного самоуправления входят в единую систему публичной власти и их согласованное функционирование и взаимодействие обеспечивает Президент РФ. Данное положение носит

¹ Презентация доклада «Объединение регионов Российской Федерации: за и против» [Электронный ресурс] // Институт современного развития. – URL: <http://www.insor-russia.ru/ru/news/announcements/8176> (дата обращения: 16.07.2013).

характер исключительной важности, обеспечивая единство и целостность российского государства, его политической и правовой систем.

Принятие Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» стало юридическим закреплением отказа от договорной модели федеративного устройства Российской Федерации – модели, оформленной в 90-х годах прошлого века в условиях слабости федерального центра. Россия вышла на новый этап своего развития. В предыдущий период российское государство прошло сложный путь. «Если в начале 1990-х гг. многие не понимали, в какой стране они живут после краха великой державы – СССР, – и на вопрос «что такое Россия?» респонденты четкого ответа дать не могли, то сегодня «простые люди» его дают. Россию считают страной, которая имеет собственные цели развития, может их выражать и защищать, не заискивая перед Западом. С социолого-политологической точки зрения это можно назвать «возрождением державности», новым обретением чувства гордости за свою страну» [145, с. 178].

Вместе с тем на пути дальнейшего развития региональных властных отношений и российской государственности в целом существуют риски и угрозы. Озвучим лишь некоторые из них. К наиболее значимым рискам В.С. Воронцов относит неоднозначный характер итогов реализации политики укрепления властной вертикали: «С одной стороны, они позволили отвести угрозу разрушения страны, восстановить политический и экономический контроль федерального центра над регионами, укрепить единое языковое и образовательное пространство, снизить остроту «вертикальных конфликтов» (в т. ч. институциональных) между республиками и федеральным центром по поводу суверенитета. С другой – привели к сверхцентрализации власти, чрезмерному увеличению полномочий федеральных исполнительных органов власти и снижению роли представительных органов. Законодательная власть и на федеральном, и на региональном уровнях фактически утратила свою независимость, перестала быть полноправным элементом системы сдержек и противовесов политической системы» [130, с. 445]. Об отсутствии должного баланса в системе сдержек и противовесов во власти и крене в пользу исполнительной ветви власти говорят не только ученые, но и статусные представители российской политической элиты – в частности, председатель Конституционного суда Российской Федерации В.А. Зорькин в известной газетной публикации, статье «Буква и дух Конституции» [363]. Как следствие, в системе политического управления в регионе, по мнению ряда ученых, сегодня доминирует государственное и партийное управление на фоне слабости муниципального и общественного управления [250, с. 49].

Эти и другие аспекты складывающегося характера взаимоотношений федерального центра с субъектами Федерации снижают в региональных элитах психологический стимул к социально-экономическому развитию своих территорий, стремление к инновационным

действиям и модернизации [150, с. 36]. Неслучайно все чаще в научных публикациях появляется информация о низкой эффективности регионального управления [286, с. 99–112], об иждивенческих настроениях среди региональной элиты. Как следствие, многие годы не удается справиться с задачей вывода дотационных субъектов Федерации, составляющих большинство в РФ, в разряд самодостаточных регионов. Возьмем, например, Республику Саха (Якутия). Обращение к данной республике интересно по двум причинам. Во-первых, в 90-х гг. прошлого столетия она наряду с другими субъектами РФ (Башкортостаном, Татарстаном, Удмуртией, Свердловской и Нижегородской областями) имела привилегии по сравнению с остальными субъектами РФ в рамках заключенного договора с федеральным центром. Во-вторых, Республика Саха (Якутия), граничащая с Красноярским краем, была и остается дотационным регионом России, несмотря на лидирующие позиции среди субъектов Дальнего Востока в доле промышленности: здесь сосредоточена добыча абсолютного большинства алмазов России и «активно развивается добыча таких ресурсов, как уголь, золото, нефть и газ» [149, с. 79].

Н.А. Григорьев объясняет это не только большими расстояниями (самый крупный по площади субъект РФ) и суровыми природно-климатическими условиями, но и спецификой взаимоотношений региона с федеральным центром и крупным бизнесом. Во-первых, большая часть собираемых налогов уходит в Москву. Во-вторых, у региональных властей отсутствует должный политический вес для влияния на политику крупных компаний, присутствующих в регионе. В-третьих, «регионы и муниципалитеты не имеют механизмов вмешательства в систему управления и деятельность территорий опережающего социально-экономического развития» [151, с. 118–128].

И еще на одну проблему, приобретающую особую актуальность для современного этапа развития России, следует обратить внимание. По мнению некоторых авторов [150, с. 35], ссылающихся прежде всего на опыт прохождения финансового кризиса 2008 г., несмотря на наличие твердой вертикали власти, данный механизм оказался недостаточно эффективным в борьбе с кризисом. В частности, Н. Петров утверждает: «Сложившаяся в настоящее время система отношений между центром и регионами не обеспечивает нормальное функционирование прямых и обратных связей между федеральным центром и регионами, что делает принципиально невозможной ее адаптацию к быстро меняющейся ситуации. Она перегружена наверху, тяжеловесна, негибка, не способна к выработке и реализации эффективных решений» [270, с. 12].

Из сказанного следует: поиск наиболее рационального распределения полномочий, оптимальных форм взаимоотношений и сотрудничества между центром и регионами был и остается актуальной задачей.

Ситуация осложняется еще и тем, что Россия в XXI веке находится в условиях новой политической реальности, характеризующейся усилением динамизма всех социально-экономических и политических процессов. Происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности общества, зарождаются новые сферы экономических отношений, новые формы общественного взаимодействия, новые ценностные ориентации. Определяющим фактором развития становится человеческий потенциал, уровень научных знаний.

Новая социальная реальность может много дать обществу, но она также содержит в себе вызовы и риски в целом для российской государственности и, соответственно, для региональных и местных органов власти. Эти вызовы и риски настолько многочисленны и значительны, что в настоящее время в науке сформировалось новое направление – рискология, объединяющее большое количество концепций, определений понятия «риск», методов оценки его последствий и перспектив управления им. В отношении нового направления в науке (рискологии) следует выделить работы российских ученых Г.В. Осипова [284, с. 4–11; 285, с. 12–16; 310, с. 6–11; 312, с. 14–57], С.А. Кравченко [283, с. 13–20], В.К. Левашова [214; 283, с. 29–51; 284, с. 34–51], С.В. Рогачева [283, с. 78–84; 284, с. 12–22; 285, с. 17–27], В.В. Локосова [292, с. 22–44], Н.В. Мерзликина [234, с. 174–311; 285, с. 28–45]. Обращают на себя внимание работы Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, рассматривающие риск в контексте общественного воспроизводства и социального развития молодежи в современном российском обществе [171; 172; 341].

В качестве рабочего определения понятия «риск» предлагается использовать следующее: возможность (вероятность) возникновения неблагоприятных или нежелательных последствий деятельности человека; действие в условиях повышенной опасности в надежде на счастливый исход, удачу; мера количественного измерения опасности, включающая вероятность причинения ущерба и его величину или тяжесть [284, с. 5].

Итак, какие основные риски и вызовы для нашей страны выделяют российские ученые? Например, академик Г.В. Осипов к числу наиболее значимых из них относит: чрезвычайно высокий, избыточный, более того, динамично растущий уровень материального неравенства (риск нарастающей социальной несправедливости); социально-нравственную и социально-политическую атомизацию общества; изменение иерархии ценностей в пользу потребительства; запредельный уровень коррупции. И один из самых ощутимых – низкая эффективность управления как на уровне государства, так и коммерческих организаций [285, с. 8].

Доктор экономических наук С.В. Рогачев к числу наиболее значимого риска в новой социальной реальности относит чрезвычайно высокий уровень социального расслоения общества. Прежде всего, это расслоение между различными социальными стратами и внутри

них, между регионами и муниципальными поселениями, по профессиям и по гендерному признаку [285, с. 24].

Доктора социологических наук Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, анализируя пространство социальных рисков, возникающих в рискогенной среде обитания, выделили следующие: снижение качества жизни, рост социальной напряженности и вынужденной миграции [285, с. 190–191].

Доктор социологических наук В.К. Левашов вместе с этим акцентирует внимание на риске дороговизны жизни. Он считает, что при сохранении существующих тенденций на рубеже 2020-х гг. большая часть российского общества (70% от всех проживающих в стране) будет иметь довольно скромный денежный достаток и будет вынуждена покупать только самое необходимое для жизни – продукты питания и одежду. По мнению ученого, «соответствующий характер примет вся система социально-политических отношений, ее главными признаками будут неустойчивость и неопределенность, задаваемые, с одной стороны, скромным материальным положением, а с другой, если сохранятся нынешние тенденции, – слабыми надеждами на улучшение положения в будущем» [215, с. 149].

Доктор политических наук М.И. Бесхмельницын к одному из наиболее значимых вызовов российской экономике относит возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Ученый считает, что уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, и Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения [283, с. 22].

По мнению кандидата философских наук Н.В. Мерзликина, современное состояние пространственного развития России несет в себе систему рисков и угроз. К их числу относятся, во-первых, критические показатели диспропорций в региональном развитии (например, минимальный и максимальный показатели валового регионального продукта на душу населения отличаются в 45,5 раза; по величине бюджетных доходов, приходящихся на душу населения, разрыв почти пятнадцатикратный; территориальная дифференциация уровня оплаты труда составляет около 4 раз). Во-вторых, нарастание диспропорций в социальном и демографическом развитии (одни регионы характеризуются массовым обезлюживанием, а в других избыточный наплыв населения). Диспропорции в развитии субъектов Федерации особенно опасны в условиях неослабевающего внешнеполитического давления на Россию, попыток дестабилизировать обстановку в стратегически важных регионах [285, с. 33–34].

Следует отметить: спектр современных вызовов и рисков чрезвычайно широк. Помимо уже названных рисков, к их числу следует отнести радиационные и химические заражения,

изменения экологической среды, использование генно-модифицированных продуктов, уход в виртуальный мир и др.

Начало 2020-х гг. стало серьезным испытанием на прочность для российского государства. Резкое снижение мировых цен на нефть и ограничения, связанные с пандемией коронавируса, негативно повлияли на экономику и на пополнение государственной казны. С еще большими вызовами столкнулась российская экономика в 2022 г., после начала специальной военной операции на Украине. Ряд западных стран начал вводить беспрецедентные по своему масштабу санкции против Российской Федерации. Евросоюз приступил к поэтапному введению санкций против российских компаний, различного рода организаций, включая банки, политиков, политические партии, военных, журналистов, артистов, финансовые и торговые учреждения. По сообщениям СМИ, недружественные страны в феврале 2023 г. подготовили уже 10-й пакет санкций Евросоюза против Российской Федерации¹. Тем временем ограничительные меры со стороны западных стран принимаются не только на государственном уровне. Ушли из России десятки крупнейших западных компаний самых разных отраслей².

Ситуация осложняется изменениями, происходящими на углеводородном рынке Западной Европы. По состоянию на ноябрь 2021 г., для европейских стран доля российской нефти в совокупном нефтяном импорте составляла 39% и 40% – от общего потребления газа. Как известно, одним из основных источников наполнения российского бюджета является продажа минерального сырья именно европейским странам. Так, по данным Министерства финансов РФ, доля нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2021 г. составила 36%³.

Евросоюз давно озвучивал планы поэтапного отказа от ископаемых источников топлива, таких как нефть и газ⁴. Известные события 2022 г. привели к существенному снижению поставляемых Россией углеводородных ресурсов в страны Евросоюза, что в совокупности с введением западными странами потолка цен на российские нефть и газ грозит серьезными

¹ СМИ узнали возможное содержание десятого пакета санкций ЕС против РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1469206/2023-02-13/smi-uznali-vozmozhnoe-soderzhanie-desiatogo-paketa-sanktcii-es-protiv-rf> (дата обращения: 13.02.2022).

² Удар по всем отраслям: главное о новых санкциях [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/239494/> (дата обращения: 13.02.2022).

³ Россия: нефть и газ [Электронный ресурс]. – URL: <https://econs.online/articles/details/rossiya-neft-i-gaz/> (дата обращения: 14.02.2023).

⁴ Для экономики России запущен обратный отчет: Европа анонсировала полный отказ от нефти и газа [Электронный ресурс]. – URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/dlya-ekonomiki-rossii-zapushchen-obratny-otschet-evropa-anonsirovala-polny-otkaz-ot-nefti-i-gaza-1029381395?utm_referrer=https%3a%2f%2fzen.yandex.com (дата обращения: 12.09.2020).

потерями для бюджета России. К примеру, только из-за введения потолка цен нефтегазовые доходы России в январе 2023 г. упали на 30%¹.

Все это является серьезным вызовом не только для экономики, но и для всей системы государственной власти в России и требует диверсификации экономики – от сырьевой ориентации к выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью. От того, каким образом наше общество будет реагировать на эти вызовы и риски, сумеет ли минимизировать их негативные последствия, зависит дальнейшее развитие страны, ее место среди других государств. Справиться с многочисленными вызовами и угрозами, стоящими перед страной, по мнению диссертанта, способна лишь сильная и эффективная система публичной власти, когда все ее элементы (федеральные, региональные органы власти, органы местного самоуправления) согласованно функционируют и взаимодействуют друг с другом под руководством Президента РФ, при этом каждый из элементов системы публичной власти является сильным и эффективным.

1.2. Методологические основания социологической диагностики региональной социальной реальности и социально-политических процессов

Сущностной основой политического процесса на региональном уровне выступают социально-политические изменения, идущие в сфере местного самоуправления. Неслучайно поэтому, как показывает ретроспективный анализ научных публикаций о процессах в регионах, большинство работ посвящено проблемам местного самоуправления. Непосредственно на региональном уровне исследуются в основном вопросы становления и функционирования региональной элиты и проблемы региональных выборов. Анализ процессов регионального уровня в сочетании с исследованиями проблем муниципальной жизни позволяет с наибольшей полнотой изучить социально-политическую сферу жизни в регионах. С учетом этого в диссертационном исследовании при анализе научных публикаций основное внимание уделено научной литературе по проблемам местного самоуправления.

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно обращал внимание политических элит на необходимость построения сильного и эффективного местного самоуправления [61], подчеркивая, что реально действующее самоуправление – «залог успешного развития России, ключ к раскрытию громадного потенциала всех ее территорий»².

В какой мере удалось решить эту задачу спустя 20 лет после принятия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в

¹ МЭА оценило потери России от потолка цен на нефть в январе в \$8 млрд. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5810614> (дата обращения: 14.02.2023).

² Путин: нам необходимо сильное, дееспособное самоуправление [Электронный ресурс]. – URL: <http://club-rf.ru/news/19715> (дата обращения: 30.01.2023).

Российской Федерации» [86]? Напомним основные цели муниципальной реформы. Во-первых, создание стабильной законодательной базы местного самоуправления и четкое разграничение полномочий между уровнями публичной власти. Во-вторых, приведение экономической и финансовой базы муниципальных образований в соответствие с объемами полномочий, создание стимулов для социально-экономического развития муниципальных образований и расширение их собственной налоговой базы. В-третьих, повышение активности населения и структур гражданского общества на местном уровне и приближение муниципальной власти к населению.

В поиске ответа на поставленный вопрос обратимся к докторским диссертациям, посвященным проблемам местного самоуправления, сосредоточив основное внимание на тематике политических и социологических наук. В политических науках отметим работы Е.В. Галкиной, В.Н. Иванова, А.В. Кружкова, В.П. Ляхова, А.В. Новиковой, И.Н. Трофимовой, В.Ф. Шрейдера [132; 173; 203; 223; 250; 324; 350]. Указанные работы исследуют проблемы местного самоуправления как на уровне страны в целом, так и на уровне региона (Уральского) и крупного города (г. Омск).

В докторских диссертациях по социологическим и политическим наукам местное самоуправление исследуется по разным направлениям. Выделим три из них. Первое направление представлено в работах, связывающих перспективы развития местного самоуправления с развитием гражданского общества, – например Р.И. Мельниковой [231]. Второе направление – работы, направленные на изучение социальной политики и социальной системы на муниципальном уровне (Ю.М. Аксененко, Н.В. Губина, И.А. Кох, Н.С. Носова, В.А. Сологуб, Е.В. Фролова, И.А. Янкина) [101; 152; 199; 255; 311; 333; 356]. Третье – институциональное развитие местного самоуправления. К нему отнесены работы К.В. Григоричева, А.А. Лежебокова, А.В. Новокрещёнова, О.В. Осадчего, И.Д. Саначева, Г.А. Цветковой [148; 220; 253; 257; 300; 335].

Вместе с тем в диссертационных исследованиях явно недостаточное внимание уделяется непосредственному изучению социально-политических процессов, протекающих на муниципальном и региональном уровнях. На региональном уровне можно назвать кандидатские диссертации по политическим наукам Р.Т. Вердиева и И.А. Цечоева¹, на муниципальном – кандидатскую диссертацию по социологии Г.А. Бейсембаевой². Что касается федерального уровня, то удалось найти лишь одну докторскую диссертацию по социологии – И.С.

¹ Вердиев Р.Т. Особенности социально-политических процессов в Республике Северная Осетия; Цечоев И.А. Особенности социально-политических процессов в Республике Ингушетия в условиях современной России.

² Бейсембаева Г.А. Формы и методы участия населения в социально-политических процессах локального уровня: на материалах местного самоуправления.

Малолетковой «Статика и динамика социально-политического процесса в России»¹, работу, написанную еще в конце прошлого столетия.

Проблемам местного самоуправления посвящено большое количество научных монографий. Назовем лишь некоторых авторов: А.А. Акмалова, Н.Е. Гоголева, А.В. Новокрещёнов [100; 138; 254]. Следует отметить работы авторских коллективов: А.З. Гильманов и Р.Р. Хайдаров; В. Гельман, С. Рыженков, Е. Белокурова и Н. Борисова; И. Стародубровская и Н. Миронова; И. Стародубровская, М. Славгородская и С. Жаворонков [135; 279; 315; 316].

Все перечисленные выше работы, помимо общей тематики и всестороннего, глубокого изучения различных аспектов функционирования системы местного самоуправления, имеют общее свойство: большинство разработанных исследователями предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности местного самоуправления, оказались невостребованными. В этом отношении особого внимания заслуживает диссертация Г.А. Цветковой, защищенная в 2003 г., в год принятия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Сопоставление ситуаций, сложившихся в местном самоуправлении по состоянию на начало и конец 2000-х гг., позволяет судить о том, в какой мере данный закон реализуется на практике. Иначе говоря, в какой мере подготовленные Г.А. Цветковой предложения, призванные преодолеть узкие места в системе местного самоуправления, актуальны для сегодняшнего времени.

Предложения Г.А. Цветковой выглядели следующим образом. «Во-первых, нужна целенаправленная политика федеральных и региональных органов государственной власти, обеспечивающая на деле провозглашенные гарантии (автономности) и поддержку (финансовую, правовую, информационную и т. д.) местному самоуправлению. Во-вторых, необходимо приближение муниципального управления к управляемым и вовлечение всех субъектов управления (всех возможных партнеров) в разработку и реализацию местной политики, цель которой – наиболее оптимальное решение социально значимых для жителей городов (районов, сел) проблем местного уровня. В-третьих, существует настоятельная потребность в более решительных мерах по модернизации функций и организации, а также диверсификации форм и методов деятельности местного самоуправления. ...В-четвертых, необходим пересмотр социально-экономических подходов к формированию и реализации местной политики, хозяйствования. Главное – обеспечить на местах условия возрождения и развития материального производства. В-пятых, необходимо создание на местном уровне условий осуществления социальных и политических инициатив населения, повышения уровня

¹ Малолеткова И.С. Статика и динамика социально-политического процесса в России.

и качества жизни членов местного сообщества. Местное самоуправление должно стать школой демократии, фундаментом становления гражданского общества. В-шестых, в обеспечении нуждается подъем доверия жителей муниципальных образований к органам власти. Это предполагает следующее: восстановление института наказов избирателей; введение практики ежегодных отчетов как представительных, так и исполнительных органов власти перед избирателями; создание благоприятных условий для формирования добровольных объединений членов местного сообщества, содействующих решению местных проблем. ...В-седьмых, необходимы помощь и содействие формированию нового направления исследований – научного, социологического осмысления проблем местного самоуправления на современном этапе. Как представляется, наука и практика в этих вопросах идут порознь» [335, с. 310–312]. Следует с сожалением признать: данные предложения оказались до сих пор не востребованными, однако большая часть из них не потеряла своей актуальности и сегодня в деле построения сильного и эффективного местного самоуправления.

Проанализируем, каким образом ученые оценивали состояние и развитие местного самоуправления после принятия Федерального закона № 131-ФЗ. Вначале обратимся к результатам трех масштабных социологических исследований, проведенных под руководством ведущих российских ученых: И.В. Стародубровской, И.Ю. Юргенса, Ж.Т. Тощенко и Г.А. Цветковой.

Авторский коллектив под руководством И.В. Стародубровской в монографии «Мониторинг хода муниципальной реформы» представил результаты мониторинга хода муниципальной реформы 2005–2006 годов [244]. В том числе изучался опыт пилотных проектов по внедрению муниципальной реформы в ряде регионов (Новосибирской области, Ставропольском крае, Тверской области). По итогам проведенных исследований сделаны следующие выводы. Во-первых, происходит ограничение полномочий муниципальных образований по сравнению с теми, которые предусматривались в законе № 131-ФЗ. Во-вторых, происходит резкое замедление обновления муниципальной элиты по причине перехода на новые модели системы местного самоуправления, предусматривающие непрямые выборы главы муниципалитета, тогда как при прямых выборах происходит более динамичное обновление руководящего состава муниципальных образований. В-третьих, не удастся сформировать финансовый механизм, обеспечивающий расширение самостоятельности муниципальных образований. Напротив, их реальная финансовая самостоятельность оказывается еще более ограниченной. Более того, зафиксировано стремление региональных органов власти усилить свое влияние (контроль) на деятельность муниципальных образований.

В 2006 г. Ж.Т. Тощенко и Г.А. Цветкова представили результаты мониторинговых исследований (1992, 1995, 1999 и 2005 гг.), посвященных изучению состояния и проблем

становления местного самоуправления. Ученые отметили следующие тенденции. «На разных уровнях власти отсутствует четкое понимание сущности идеи местного самоуправления... по сути, на практике реализуются прямо противоположные процессы по сравнению с теми, которые заявлены законодательно. Как результат, органы власти в городах (районах) по-прежнему являются низовым звеном государственной власти, находятся в полной зависимости от региональных и федеральных органов. Прежними остались основные методы управления: административное давление, манипулирование притязаниями их осуществления и др. Население же, провозглашенное основным субъектом местного самоуправления, не соответствует данному статусу. <...> Есть основания полагать, что основными субъектами в различных сферах жизнедеятельности все в большей степени выступают своекорыстные группы, цель которых – использовать муниципальные ресурсы в собственных интересах» [323, с. 80].

Доклад «Местное самоуправления в России: нынешнее состояние и пути развития» подготовлен Институтом современного развития и Центром политических технологий под руководством И.Ю. Юргенса с участием экспертов Института экономики РАН и Всероссийского совета местного самоуправления [236]. В основу доклада положены результаты исследований, проведенных в 16 регионах РФ в 2008–2009 годах. Представим основные выводы и предложения, сделанные по их итогам.

1. В связи с процессом централизации власти в стране у региональных властей сосредоточились основные ресурсы и властные рычаги. Местные элиты лишены стимулов и возможностей для эффективного управления и включения в процессы модернизации страны, а население практически лишено мотивации активно участвовать в самоуправлении. Необходимо последовательное движение к разумной децентрализации.

2. Местное самоуправление так и не приобрело в полной мере своего потенциального главного субъекта, ключевого игрока – сообщества граждан, проживающих на конкретной территории. Наиболее эффективный способ повышения активности участия населения в местном самоуправлении – сделать так, чтобы они видели ощутимые результаты своей деятельности.

3. В связи с сокращением перечня налоговых источников местных бюджетов практически все муниципальные образования стали дотационными. Для исправления ситуации предлагается закрепить за муниципальными образованияами дополнительные источники дохода, освободить бюджетные организации от имущественных налогов, муниципальные органы – от государственной пошлины, скорректировать законодательство о муниципальном заказе.

4. Наблюдается очевидная специфика самоуправления в городах и на селе. Городская проблематика оказалась в тени вопросов двухуровневой системы местного самоуправления.

Необходимо расширение возможностей городов как точек роста и основной ресурсной и кадровой базы модернизационных процессов в стране. Необходимо усилить государственную поддержку сельской местности.

5. Происходит гипертрофированный контроль со стороны надзорных органов за деятельностью органов местного самоуправления. Большие трудности создают ответы на запросы государственных органов, многочисленные проверки муниципалитетов. Исследователи предлагают следующие шаги: законодательно закрепить основания для проверок органов местного самоуправления; определить оптимальную периодичность проведения данных проверок и создать единый проверяющий орган, наделенный функциями контроля над муниципальными образованиями.

Таким образом, из представленной информации следует, что ученые уже на ранних стадиях выполнения Федерального закона № 131-ФЗ указывали на наличие серьезных трудностей и проблем, препятствующих успешной реализации муниципальной реформы. Предлагались конкретные меры по их преодолению, большинство из которых оказались невостребованными в муниципальной практике. Например, авторы доклада «Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования» прямо выражали надежду на то, что предложенный ими пакет системных решений (предложений) будет учтен при формировании муниципальной политики российского государства и обеспечит дальнейшее развитие местного самоуправления в среднесрочной и долгосрочной перспективе [236, с. 14].

Как показало дальнейшее развитие событий, актуальные проблемы местного самоуправления не получили своего разрешения спустя 20 лет после принятия Федерального закона № 131-ФЗ. Для подтверждения сказанного обратимся к докладу о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации, подготовленному специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) и Высшей школы государственного управления (ВШГУ) [157]. Доклад вышел в свет в 2016 г. и состоит из двух частей (федеральной и региональной). В региональной части представлены публикации о состоянии местного самоуправления в 8 субъектах РФ (Республике Саха (Якутия), Забайкальском крае, Свердловской, Владимирской, Нижегородской, Ростовской, Вологодской и Волгоградской областях). Авторами публикаций выступали специалисты и преподаватели региональных отделений РАНХиГС. В этих публикациях особый интерес представляет раздел «Вызовы и риски местного самоуправления», анализ которого сопряжен с определенными трудностями, так как информация по территориям подготовлена в свободной форме. Тем не менее, удалось выделить ряд общих моментов, характерных для местного самоуправления перечисленных регионов. Итак, основные вызовы и риски местного самоуправления в 2016 г. выглядели следующим образом.

1. Низкий уровень экономического развития на муниципальном уровне. У органов местного самоуправления отсутствуют достаточные полномочия для развития материального производства.

2. Отсутствие полномасштабного освоения всей территории субъекта РФ, новых точек роста на территории муниципальных образований. Низкая инвестиционная привлекательность муниципальных образований.

3. Уменьшение объема оказываемых услуг в здравоохранении и образовании при одновременном снижении их качества. Значительная дифференциация социальной сферы в разрезе муниципальных образований.

4. Существенное отставание уровня и качества жизни сельского населения по сравнению с городским.

4. Низкий уровень гражданского участия населения в решении вопросов местного значения. В регионах наибольшее распространение получили такие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, как выборы, публичные слушания, обращения граждан, опросы граждан и территориальное общественное самоуправление.

5. Наличие серьезных проблем, связанных с функционированием сферы жилищно-коммунального хозяйства.

6. Дефицит квалифицированных кадров для органов местного самоуправления. Неэффективные технологии осуществления местного самоуправления и отсутствие у местных органов власти стимулов для развития своих территорий, реальных возможностей влияния на социально-экономическую ситуацию.

Таким образом, все сказанное выше позволяет сделать следующий вывод. Основных целей муниципальной реформы, зафиксированных в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», так и не удалось достичь. Пока не получается на муниципальном уровне создать условия по возрождению и развитию материального производства, сделать местные органы власти самодостаточными в финансовом отношении, повысить активность участия населения в решении вопросов местного значения.

Наглядным доказательством отсутствия позитивных изменений на муниципальном уровне служат результаты социологических опросов о динамике социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан. В 2002 г. к их числу относились: повышение цен на услуги ЖКХ; нехватка рабочих мест, безработица; низкий уровень заработной платы, пенсий и пособий; низкое качество услуг в сфере ЖКХ и здравоохранения [81]. Через 13 лет (в 2015 г.) перечень наиболее рейтинговых социальных проблем практически не изменился. Это рост цен на продукты и товары первой необходимости; повышение тарифов ЖКХ; низкое качество

медицинского обслуживания; жилищная проблема; недостаточное благоустройство и низкое качество дорог; низкий уровень заработной платы, пенсий; нехватка рабочих мест, безработица; нехватка дошкольных учреждений и низкое качество услуг в сфере ЖКХ [54]. Хорошо видно: ни одну из социальных проблем, в наибольшей степени волнующих население в 2002 г., к 2015 г. так и не удалось решить, более того, к уже существующим добавились трудности с приобретением собственного жилья и нехватка мест в детских садах.

Проблеме функционирования системы местного самоуправления в нашей стране посвящено весьма значительное количество социологических исследований, проводимых исследовательскими структурами, коллективами и отдельными учеными. Наряду с традиционными опросами населения¹ [14; 81] в регионах широко практикуются опросы муниципальных служащих и экспертов [53; 54; 236; 237]. Данный подход позволяет изучать интересующую проблему с разных сторон: с позиции тех, кто осуществляет муниципальное управление и с позиции населения, ощущающего на себе последствия этого управления. Особую ценность представляют исследования, в ходе которых одновременно опрашиваются граждане, эксперты и муниципальные служащие.

Анализ вышеуказанных и других научных публикаций позволяет выделить два момента, имеющих принципиальное значение. Во-первых, социологические исследования охватывают широкий спектр проблем, связанных с функционированием системы местного самоуправления. В их число входят: социальное самочувствие и социальные проблемы, в наибольшей степени волнующие население; уровень удовлетворенности граждан качеством предоставляемых муниципальных услуг; взаимодействие населения с органами местного самоуправления и оценка их деятельности; участие граждан в решении местных вопросов, их отношение к проводимым реформам и др. Во-вторых, абсолютное большинство предложений, разработанных по итогам проведенных исследований, не находят применения на практике и, как говорится, положены под сукно.

Тематика местного самоуправления представлена значительным числом научных публикаций. Их анализ по причине весьма большого объема сопряжен со значительными трудностями, если только не проводить деление по конкретным темам (направлениям). Поэтому предлагается выделить два важных направления: внедрение системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом

¹ Отчет по итогам социологического исследования «Изучение общественного мнения по вопросам развития территориального местного самоуправления в Мурманской области» [Электронный ресурс]. – URL: https://gov-murman.ru/region/omsu/information/03-02-01_32.pdf (дата обращения: 02.01.2018); Итоги социологических опросов населения по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления Республики Хакасия в 2015 году [Электронный ресурс] // Правительство Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <https://r-19.ru/society/local-government/spravochnaya-informatsiya/> (дата обращения: 12.01.2018).

Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 [92] и появление имитационных практик в муниципальном управлении.

Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 установил систему показателей для комплексной оценки работы органов местного самоуправления. Научное сообщество в целом позитивно отреагировало на появление данного документа, рассчитывая, очевидно, на коррекцию управленческой деятельности региональных и местных органов власти и на новый позитивный импульс в реформировании системы местного самоуправления. Поэтому учеными предлагались различные дополнения и изменения в данную методику [112; 116; 128; 177; 201; 210; 308; 314; 318]. Озвучим лишь некоторые из них. Например, Д.П. Тоглоева рекомендует дополнить ее интегральным показателем «уровень информационной открытости деятельности органа местного самоуправления», а в число субъектов оценки добавить контрольно-счетные органы региона (для объективной оценки качества использования бюджетных средств) [318].

Т.В. Старикова предложила включить в оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления показатели удовлетворенности населения качеством и объемом предоставляемых бюджетных услуг, а для этого разработать систему минимальных социальных стандартов и нормативов оказываемых бюджетных услуг [314]. Ю.М. Большакова советует на регулярной основе осуществлять сбор, обработку и учет предложений жителей по улучшению социально-экономического положения и изучать оценки гражданами эффективности деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц органов исполнительной власти [116]. В свою очередь С.М. Бардакова считает целесообразным введение региональных поправочных коэффициентов, учитывающих климатические особенности муниципалитетов, их удаленность от центра и труднодоступность источников потребления [112]. А.М. Калинин и Е.А. Софрыгин настаивают на проведении оперативного мониторинга качества муниципального управления на основе показателей, отслеживаемых Росстатом и региональными органами власти [177].

Вместе с тем далеко не все ученые разделяют оптимизм по поводу предложенной методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Так, А.В. Краснов и Д.Х. Бадрутдинов считают, что данная методика недостаточно объективно оценивает ситуацию в муниципальном образовании и требует более глубокой проработки и адаптации к качественным характеристикам жизни населения, проживающего на его территории [201]. Более категоричны А.Е. Лапин и Б.А. Петров, утверждающие: большинство контрольных показателей не имеют прямого отношения к предметам ведения и полномочиям местных властей, и повлиять

на них местным властям крайне сложно [210]. Схожую позицию занимают С.В. Разворотнева и А.В. Рябинин¹.

Таким образом, представленная информация позволяет говорить том, что в целом научное сообщество согласно с необходимостью и важностью проведения оценки эффективности деятельности местного самоуправления. Основная дискуссия ведется вокруг критериев оценки этой деятельности. Кроме того, ученые выражают опасения по поводу возможности превращения данной процедуры (проведения оценки) в очередную бюрократическую форму отчетности муниципалитетов [128, с. 96].

Если рассматривать альтернативные подходы к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления, то следует присмотреться к системе критериев и измерителей эффективности муниципального управления, предложенных доктором экономических наук В.Б. Зотовым. К числу таких критериев ученый относит: действенность, экономичность и качество муниципального управления, соотношение результатов и затрат (соотношение объема оказанных муниципальных услуг и затрат на их оказание), удовлетворенность работой муниципальных служащих, внедрение инноваций в практику муниципального управления. Общим показателем социальной эффективности управления служит динамика качества жизни населения, включая среднюю продолжительность жизни, уровень образования населения и реальный среднедушевой валовой внутренний продукт [308, с. 446–447].

В.Б. Зотов предлагает иные показатели для оценки эффективности организации муниципального управления. Они разделены на три группы: показатели, характеризующие эффективность процесса управления; показатели, характеризующие рациональность организационной структуры управления, и показатели, характеризующие эффективность организационно-технического уровня системы управления. Каждый из показателей, а их всего 22, легко рассчитывается и является объективным и наглядным. Например, уровень работы с обращениями граждан в органы муниципального управления рассчитывается по формуле: $K = 1 - O_1/O$, где O_1 – число обращений граждан за определенный период, по которым приняты решения в установленные сроки; O – общее число обращений граждан за тот же период [308, с. 443–452]. Представляется перспективной апробация данной методики в пилотном режиме в регионах.

Анализ научных публикаций последних лет указывает на наличие «новой» тенденции в деятельности органов местного самоуправления. Речь идет об имитационной составляющей в муниципальном управлении [109; 121; 333]. По мнению Д.Г. Васильченко, О.В. Быхтина и Г.А. Борисова, имитация – это социальное явление, проявляющееся в искажении социальной определенности, в основе которого – процессы социального действия, связанные с подменой

¹ Разворотнева С.В., Рябинин А.В. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: перспективы и пути развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsmsinfo.ru> (дата обращения: 16.01.2016).

предметно-смысловой реальности путем конструирования символической социальной реальности, создания видимости, «кажимости» [121, с. 76]. Ученые следующим образом объясняют распространение имитационных практик в управлении: «Для общества модернизация представляет собой уже не реальный процесс, а его симулякр. В постсоветской России периодически объявляются модернизация государственной службы, жилищно-коммунальной службы, армии, науки и пр. Но практически все они выливаются в демонстрации, декларации и декорации. ...Особенно отчетливо это проявляется на примере так называемой модернизации развития муниципальных образований» [121, с. 77–78].

О масштабе распространения применения имитационных практик в муниципальном управлении свидетельствуют следующие данные опроса экспертов, представленные Д.Г. Васильченко, О.В. Быхтиным и Г.А. Борисовым. Среди опрошенных экспертов 81,2% считают, что в настоящее время имитации присущи большинству муниципальных образований. Более половины экспертов (54,5%) отметили, что имитационные практики отражают состояние общества, в котором происходит масштабная симуляция, подмена традиционных ценностей понятиями о них – знаками и символами. Основной причиной применения имитационных практик в муниципальном управлении, по мнению участников опроса, выступает отсутствие системы гражданского контроля (72,7%). Большая часть экспертов прогнозирует дальнейшее увеличение и усложнение применения имитационных практик в муниципальном управлении [121, с. 78, 79]. С этими результатами опроса трудно не согласиться, учитывая снижающееся влияние гражданского общества на деятельность местных органов власти в условиях массового перехода на непрямые выборы глав муниципальных образований и проведение выборов в представительные органы власти, когда их будущий состав зависит главным образом от партийных функционеров и чиновников, формирующих избирательные списки.

Если внимательно присмотреться, то многое в системе местного самоуправления в той или иной степени напоминает имитационную деятельность. К примеру, Е.В. Фролова считает, что основные формы участия граждан в местном самоуправлении носят имитационный и декларативный характер [333, с. 242]. К имитационным практикам все больше оснований относить и выборы в органы местного самоуправления. Причины очевидные: победители, как правило, известны задолго до начала избирательной кампании, а реальная предвыборная борьба подменяется ее имитацией, превращаясь в определенном смысле в политический ритуал, в котором каждый участник знает свое место и роль. Таким образом, все сказанное выше позволяет предполагать: реальному процессу модернизации муниципального управления угрожает опасность ее симуляции.

Далее рассмотрим новое для социологической науки понятие – «муниципальное гражданское сообщество». Анализ предлагается начать со статьи «Социальное государство:

исторический генезис и динамика становления в России», в которой доктор социологических наук В.К. Левашов представил социологическую теорию и эмпирическое доказательство диалектики социально-политического процесса как социализации государства и этатизации общества [213, с. 177]. По его мнению, данный процесс (согласования интересов и действий в социуме) проявляется в оптимизации правовых институтов собственности и механизмах демократического управления. Поэтому «эффективное социальное государство возникает при условии взаимодействия членов общества, свободно организованных в исторически сложившемся социально-национальном пространстве, с политикой государства, направленной на согласование интересов, создание материальных условий, трудовой мотивации и духовных факторов реализации потребностей» [213, с. 36]. Мировой опыт дает многочисленные примеры успешных социальных государств: США в период проведения президентом Ф. Рузвельтом в 1933–1938 гг. политики «нового курса» для ликвидации социальных последствий мирового экономического кризиса и смягчения противоречий американского капитализма. Это и восстановление социального рыночного хозяйства в ФРГ после второй мировой войны. Сюда же можно отнести шведскую модель развития и китайскую модель социалистического развития во второй половине XX века и др.

Практика социального государства имеет глубокие исторические традиции в российском обществе. На разных этапах развития российской государственности идеи самоуправления реализовывались по-разному. На его ранних стадиях – с помощью общины и вече. В XIX веке – развитием института земства, в XX веке – посредством советов народных депутатов. В постперестроечный период (в конце XX века) – через органы местного самоуправления. Общее в них – ориентированность деятельности на интересы большинства населения. Однако сегодня этот опыт явно недостаточно учитывается в нормативных документах: Конституции РФ, Гражданском и Налоговом кодексах и др.

В этой связи возникает потребность введения в научный оборот нового термина «муниципальное гражданское сообщество». Для его обоснования начнем с рассмотрения понятия «местные сообщества». Данный термин не используется в Конституции РФ от 1993 г. и Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В тексте Основного закона от 1993 г. употребляются понятия «население» (п. 1 ст. 130 и 131) и «граждане» (п. 1 ст. 131). В обновленной версии Конституции РФ, принятой в 2020 г., также используются только понятия «население» (п. 1 и 2 ст. 131) и «граждане» (п. 2 ст. 130).

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для обозначения местной формы объединения граждан употребляется термин «муниципальное образование», основанный на

принципе административно-территориального деления. «Муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения» [86]. Однако, по мнению О.Ю. Максимовой, для лучшего понимания роли и места гражданина в системе местного самоуправления больше подходит понятие «местное сообщество», а не «муниципальное образование» [227, с. 21]. Неслучайно термин «местное сообщество» активно используется в научных публикациях. Кроме того, он присутствует в документах официальных структур (Конституционного суда РФ, указах Президента РФ, правовых актах федеральных органов исполнительной власти, законах субъектов Российской Федерации и уставах муниципальных образований) [304, с. 120].

В социологической науке существуют различные подходы к изучению местных сообществ и определению данного термина. Чаще всего выделяют несколько основных признаков местного сообщества. Например, Ю.В. Филиппов называет четыре признака: 1) население как некая общность людей; 2) некоторая ограниченная территория; 3) социальное взаимодействие в рамках сообщества и 4) ощущение общности между теми, кто составляет сообщество [331, с. 8]. Иногда к вышеназванным признакам добавляют еще один: наличие общей цели (общих целей), направленной на решение вопросов местного значения. Перечисленным признакам относительно современного местного сообщества соответствует также и позиция В.В. Пылина [276, с. 192]. А вот какое определение понятию «местное сообщество» дает Н.С. Бондарь. «Это население, проживающее на территории городского, сельского поселения или нескольких поселений, объединенных общей территорией, едиными условиями жизни и общими интересами в самостоятельном (под свою ответственность) осуществлении муниципальной власти и, соответственно, решении хозяйственно-экономических, социально-культурных, иных вопросов местного значения, и обладающее самоуправленческими полномочиями, реализуемыми самим населением или его выборными органами» [227, с. 21].

Местное сообщество может быть относительно небольшим. Например, территориальное общественное самоуправление является местным сообществом в их традиционном понимании. В то же время на территории муниципального образования может функционировать несколько – и достаточно большое количество – местных сообществ (в случае крупного муниципального образования). Ученые сходятся во мнении, что от развития местных сообществ в значительной степени зависят перспективы развития местного самоуправления и муниципальных образований в целом [227; 276].

Если речь идет о муниципальном образовании в целом, то нередко используются как тождественные такие понятия, как «местное сообщество» и «муниципальное сообщество», а

также словосочетания «местное (муниципальное) сообщество» и «муниципальное (местное) сообщество» [226; 274, с. 235].

В контексте сказанного представляется целесообразным признание на практике многообразия форм собственности (частная, личная, муниципальная, региональная, государственная, общественная, коллективная, социалистическая, капиталистическая, олигархическая, мелкая, крупная и т. д.). А главное, необходимо их активно развивать, вовлекая в этот процесс граждан. Вот что, к примеру, говорит С.В. Рогачев о коллективных формах собственности, которые «позволяют перевести производственные, трудовые отношения в режим сотрудничества, а не конкуренции между собственниками и наемными работниками. ... Развивая принципы «демократии участия», формируя больше прав и обязанностей, не проигрывая по эффективности компаниям других форм собственности, «народные предприятия» сохраняют у своих работников государственный интерес и развивают личность» [312, с. 255]. Движение в части развития различных форм собственности на муниципальном уровне позволит большинству граждан принимать активное участие в экономической жизни территорий проживания, что в конечном итоге создаст условия для развития муниципальных гражданских сообществ. Таким образом, муниципальное гражданское сообщество является современным развитием ранних форм самоорганизации сельского населения (на селе) и граждан (в городе), и его можно охарактеризовать как местное (муниципальное) сообщество, в котором большая часть граждан активно участвует в экономической жизни посредством управления или владения собственностью. В этом случае муниципальное гражданское сообщество становится полноценным партнером местных органов власти в решении вопросов местного значения. Тем самым создаются условия не только для успешного развития местного самоуправления и муниципальных образований в целом, но и для сохранения общества от социальных потрясений.

Большой интерес представляет изучение позиции первых руководителей страны и федеральных органов власти в отношении перспективы развития местного самоуправления. Е.А. Крупнина проанализировала проблематику местного самоуправления в ежегодных посланиях *Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ* за период с 2001-го по 2007 г. [205]. Коротко озвучим основные результаты ее исследования. В 2001 г. Президент РФ В.В. Путин интересующей нас тематике уделяет немного внимания, но ставит весьма актуальную задачу: разработать новый закон о местном самоуправлении. В послании 2002 г. Президент РФ обращает внимание на то, что федеральные органы власти недостаточное внимание уделяют решению проблем, стоящих перед местным самоуправлением. Необходимо четкое распределение полномочий между органами власти всех уровней. По его мнению, «это непосредственно сказывалось на уровне жизни населения в российских городах и селах. ...У

местного самоуправления должна быть возможность создавать собственные источники формирования бюджета за счет развития малого бизнеса, эффективного использования земель, иной недвижимости» [205, с. 292–293].

В посланиях за 2003-й, 2004-й и 2005 гг. тематика местного самоуправления практически не затрагивается. В то же время в 2005 г. поднимается проблема функционирования гражданского общества. Президент говорит о наличии дистанции между органами власти и обществом и о необходимости укрепления институтов реальной демократии.

2006 г. знаменателен тем, что являлся годом вступления в силу в полном объеме нового закона о самоуправлении. Однако в послании говорится о переносе времени его вступления в действие на более поздний срок. По версии Е.А. Крупининой, причина заключалась в необходимости получения поддержки со стороны местных органов власти на предстоящих выборах депутатов Государственной думы РФ и Президента РФ. Кроме переноса сроков, федеральные власти, по мнению Е.А. Крупининой, обещали местным органам власти помочь в решении их финансовых проблем. В послании 2007 г. В.В. Путин впервые озвучивает проблему высокого уровня децентрализации полномочий в сфере государственного управления за всю историю развития российской государственности.

По итогам проведенного анализа, Е.А. Крупинина делает неутешительный вывод: «Становление и развитие местного самоуправления в России пошло по одному из неблагоприятных сценариев. Оно оказалось одновременно и зависимым от государства, и неэффективным в плане удовлетворения потребностей местного уровня» [205, с. 296].

Диссертант продолжил анализ обращений Президента РФ в посланиях к Федеральному собранию РФ к проблемам местного самоуправления за период с 2010-го по 2020 гг., ссылаясь на официальный сайт Президента РФ (<http://kremlin.ru>). Итак, в 2010-й и 2011 гг. президент страны Д.А. Медведев данную тематику не затрагивал. В 2012 г. Президент РФ В.В. Путин, сменивший на этом посту Д.А. Медведева, упоминает муниципалитеты только в контексте необходимости ведения борьбы с коррупцией и поддержки общественного контроля в лице инициативных граждан, в том числе и в жилищно-коммунальном хозяйстве.

В 2013 г. местному самоуправлению уделяется заметно больше внимания. В.В. Путин говорит: «В том числе мы должны поддержать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни. Сегодня в системе местного самоуправления накопилось немало проблем. Объем ответственности и ресурсы муниципалитетов, к сожалению, и вы это хорошо знаете, не сбалансированы. Отсюда часто неразбериха с полномочиями. <...> Органы местного самоуправления то и дело сотрясают и коррупционные скандалы. Районный уровень

фактически выхолощен. Его полномочия в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты переданы в регионы. Кроме того, местная власть должна быть устроена так – а ведь это самая близкая власть к людям, – чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой. ...Повторю, считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах» [61].

В посланиях за 2014-й, 2015-й и 2016 гг. Президент РФ к тематике местного самоуправления не обращается¹. В послании 2017 г. называются муниципальные власти только в контексте необходимости максимального привлечения к исполнению социальных услуг некоммерческих организаций.

В 2018 г. обращается внимание руководителей муниципалитетов на учет мнений граждан о том, каким быть их городу и их поселку. А также говорится: «Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причем во всех сферах. Укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов» [62].

В послании 2019 г. подчеркивается: результаты реализуемых в стране проектов развития должны быть видны в каждом субъекте Федерации, в каждом муниципалитете – и указывается на необходимость соответствия строгим профессиональным требованиям тех, кто приходит на государственную или муниципальную службу решать насущные проблемы граждан.

В послании 2020 г. отмечается разрыв между государственным и муниципальным уровнем власти, который отрицательно сказывается на людях. Вносится предложение о необходимости закрепления в обновленной версии Конституции принципов единой системы публичной власти. А также говорится: «Полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены» [63].

Представляет интерес публикация Р.В. Петухова, посвященная анализу публичных высказываний В.В. Путина, размещенных на официальном сайте президента страны по проблемам местного самоуправления [157, с. 15–25]. Анализ данной публикации позволяет выделить два важных вывода. Во-первых, руководитель страны указывает на необходимость совместной, солидарной работы всех уровней публичной власти как обязательное условие повышения эффективности государственного управления. Во-вторых, Президент РФ видит серьезную опасность и вызов для всей системы власти и управления страной в дальнейшем ухудшении финансового обеспечения муниципальных образований.

¹ Анализировалось упоминание в текстах посланий таких терминов, как местное самоуправление, органы местного самоуправления, муниципалитет, муниципальные власти, местные органы власти.

В указанной статье Р.В. Петухов также анализирует публичные выступления Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева по проблемам местного самоуправления. Вместе с тем ученым сделан неоптимистический вывод: местное самоуправление не относится к числу приоритетных направлений в деятельности первых руководителей страны.

Далее обратимся к *Государственной думе РФ* как органу государственной власти, напрямую влияющему на развитие местного самоуправления через принятие федеральных законов. По мнению ряда ученых, состояние нормативной базы, связанной с местным самоуправлением, в значительной мере обусловлено некритическим заимствованием зарубежного опыта. В частности, И.Д. Саначев считает, что у нас происходит некритическое заимствование «внешнего антуража» западного опыта местного самоуправления, при котором почти полностью игнорируется сущностная составляющая этого самоуправления – несущая основа структуры эффективного местного самоуправления [300, с. 261].

Так, законодательные инициативы депутатов нижней палаты Федерального собрания РФ (поправки к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», предусмотренные № 136-ФЗ [87] и № 8-ФЗ) [88], с одной стороны, законодательно закрепили вариативность моделей системы организации местного самоуправления. С другой стороны, передали право выбора модели местного самоуправления на уровень субъектов РФ. Тем самым региональные органы власти фактически получили монопольное право контроля формирования органов местного самоуправления. В данном случае уместно привести слова известного российского ученого, доктора экономических наук О.Р. Лациса: «Монополия в политике столь же, если не более, опасна, как и в бизнесе» [211, с. 23]. По мнению ученого, монополия на власть в современной России воспроизводит все негативные последствия прежней монополии (ЦК КПСС) и выражается в неэффективности управления.

О позиции *Совета Федерации Федерального собрания РФ* в отношении местного самоуправления можно судить уже по тому, что подготавливаемые Государственной думой РФ законопроекты проходят согласование в этом органе власти. Судя по принятым законам, обе палаты Федерального собрания РФ проводят согласованную политику в отношении местного самоуправления.

Между тем обращает на себя внимание позиция С.М. Миронова, который с 2000-го по 2011 гг. руководил Советом Федерации, а затем возглавил политическую партию «Справедливая Россия» и руководил партийной фракцией в Государственной думе РФ. В 2007 г. в статье «Проблемы и перспективы местного самоуправления: взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления» С.М. Миронов объяснил острую необходимость проведения в стране реформы местного самоуправления. По его мнению, «органы местного са-

моуправления де-факто исполняли полномочия, которые присущи уровню государственной власти. Эти полномочия не были подкреплены материальными и финансовыми ресурсами. Отсюда задержки заработной платы учителям, врачам, невыплата детских пособий, отсутствие горячей воды и отопления в домах, а также многое другое. Одной из основных причин создавшегося положения являлось отсутствие четкого разграничения полномочий между уровнями власти» [241, с. 5–12]. В качестве «вечных» проблем местных органов власти С.М. Миронов называл полномочия, финансовые ресурсы и собственность.

Как нельзя более актуально звучат слова С.М. Миронова, высказанные им в 2009 г.: «Убежден, что никакая модель развития России в XXI веке немыслима без раскрепощения творческой энергии народа, без эффективных структур низовой демократии. Какую из фундаментальных проблем ни возьми – инновационное развитие, информационное общество, гражданское общество, формирование среднего класса и т. д., – все так или иначе упирается в местное самоуправление. Как ни выстраивай вертикаль государственной власти, без надежной муниципальной горизонтали она будет словно безжизненный ствол дерева, лишенного корней» [240, с. 10].

Относительно выборности глав муниципалитетов С.М. Миронов занимал четкую позицию. По его убеждению, идея назначения глав муниципальных образований только на первый взгляд выглядит самым простым решением, которое приведет к большей управляемости и к устранению разногласий между местными и региональными органами власти. Такой подход не может решить проблемы местного самоуправления. Быть назначенным – значит отвечать только перед вышестоящим начальником, а это намного проще, чем перед гражданами, тебя избравшими. Решать местные вопросы необходимо не по указанию (а во многих случаях и по прихоти вышестоящего начальника), а в интересах избравшего их населения. Поэтому избиратель, приходя на избирательный участок, должен осознавать, что именно от его голоса зависит формирование местной власти. С.М. Миронов также поднимает проблему перераспределения собственности между ветвями публичной власти и увеличения доходных источников для муниципалитетов с целью наиболее эффективного решения вопросов местного значения [241, с. 9–10]. Из представленной информации хорошо видно: председатель Совета Федерации РФ С.М. Миронов демонстрирует глубокое понимание процессов, происходящих на муниципальном уровне, и четко обозначает пути повышения эффективности органов местного самоуправления.

Деятельность Совета Федерации РФ находит отражение в том числе в аналитических вестниках, размещаемых на официальном сайте Совета Федерации РФ [39]. Так, в аналитическом вестнике за 2008 г. опубликованы результаты двух заседаний, посвященных ходу реформы местного самоуправления [80]. В данной публикации представлены как

достижения и успехи в реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в РФ», так и проблемы и трудности, требующие решения. В том числе названы: «отсутствие четкого разграничения вопросов ведения между органами государственной и муниципальной власти; дисбаланс между соотношением ресурсов и полномочий органов местного самоуправления; недостатки в формировании и обучении кадров муниципальных служащих, особенно на поселенческом уровне» [80].

В указанном сборнике опубликовано решение Совета законодателей – Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального собрания РФ с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ. В этом решении говорится о необходимости обеспечения самостоятельности муниципальных образований, о создании стимулов для их социально-экономического развития и расширении их собственной налоговой базы. Ставятся задачи по дальнейшему совершенствованию налогового и бюджетного законодательства, обучению муниципальных служащих и депутатов, повышению доступности для населения информации о деятельности органов местного самоуправления, обобщению и популяризации позитивных примеров из муниципальной практики.

Таким образом, из представленной информации хорошо видно: Федеральное Собрание РФ объективно оценивало в 2000-х гг. ситуацию в системе местного самоуправления, отчетливо осознавало его проблемы и трудности и обозначало пути их решения.

Всего через год, в 2009 г., председатель Совета Федерации РФ С.М. Миронов в статье «Полномочий дали – денег нет» выражает беспокойство по поводу хода реформы местного самоуправления и поднимает проблему финансовой необеспеченности абсолютного большинства муниципальных образований, лишаящей последних возможности самостоятельно обустроить жизнь в своем дворе, квартале, населенном пункте. Отмечалось также недостаточная продуманность объединения муниципальных образований, создающая угрозу деградации отдельных территорий. Актуализируется проблема жесткой подконтрольности местных органов власти региональным властям и невозможность первых решать мало-мальски серьезные вопросы самостоятельно [366].

Как известно, в 2011 г. С.М. Миронов покинул пост председателя Совета Федерации РФ, и уже в ранге руководителя фракции партии «Справедливая Россия» в Государственной думе РФ заявляет в 2015 г. о фактическом провале муниципальной реформы¹.

Данное утверждение заслуживает особого внимания, так как сделано не просто лидером оппозиционной политической партии, а политиком, длительное время руководившим

¹ Выступление Сергея Миронова по итогам отчета Правительства РФ за 2014 год // Политическая партия «Справедливая Россия» : офиц. сайт. – URL: http://spravedlivo.ru/5_68484.html (дата обращения: 04.01.2018).

верхней палатой российского парламента, т. е. занимавшим пост третьего по статусу руководителя в государстве после президента и председателя правительства РФ.

К сожалению, после смены председателя Совета Федерации РФ тематика местного самоуправления в аналитических вестниках СФ РФ практически не затрагивается. Для справки: эти вестники выпускаются чаще, чем раз в месяц. К примеру, с января по ноябрь 2017 г. их вышло 31. Не освещается данная проблематика и в аналитических докладах, размещаемых в разделе «Издания и аналитические материалы» на официальном сайте Совета Федерации РФ [39]. В данном разделе представлен «Вестник Совета Федерации». Анализ его содержания за 2017 г. показал, что только одна публикация имеет отношение к местному самоуправлению: «Совершенствование местного самоуправления для повышения качества жизни граждан». Статья подготовлена первым заместителем председателя комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера С.М. Киричуком, и в ней приводится подробный перечень принятых федеральных законов о местном самоуправлении, уточняется процедура объединения муниципальных образований и процедура избрания глав муниципальных образований. Сообщается об изменениях, касающихся вопросов проведения депутатами встреч со своими избирателями, и о принятии федерального закона, уточняющего антикоррупционные ограничения и запреты для муниципальных служащих и депутатов. Все перечисленные вопросы, безусловно, важные, но, по мнению диссертанта, не создают необходимых условий для разрешения действительно актуальных проблем, стоящих перед местным самоуправлением современной России [183, с. 62–69].

Как следует из результатов проведенного анализа, после 2011 г. в деятельности Совета Федерации Российской Федерации местное самоуправление не относится к числу приоритетных направлений. Это выглядит странно, учитывая, что Президент РФ В.В. Путин прямо говорит о наличии проблем в местном самоуправлении, создающих угрозы для всей системы власти и управления современной России.

Последнее обстоятельство позволяет делать некоторые предположения о характере взаимоотношений между властными структурами федерального уровня и причинах невыполнения установки первого лица государства.

Далее рассмотрим освещение проблематики местного самоуправления в деятельности **Общественной палаты РФ**. Согласно информации, размещенной на ее официальном сайте, «палата избирается каждые три года и осуществляет взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов

граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти»¹.

Общественная палата РФ представляет результаты своих исследований в виде ежегодных докладов о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, начиная с 2006 г. [18–29]. Повышению достоверности информации, размещаемой в докладах, способствует то обстоятельство, что она готовится на основе материалов, представленных комиссиями, рабочими группами и институтами Общественной палаты РФ, а также данных официальной статистики и результатов массовых и экспертных опросов. В большинстве докладов есть раздел, посвященный местному самоуправлению. Специфика данного раздела заключается в том, что наряду с позитивным опытом работы с указанием конкретных муниципальных образований озвучиваются и основные проблемы местного самоуправления, причины их появления, а также предлагаются меры по их разрешению или смягчению негативного влияния.

Анализ докладов Общественной палаты РФ за 2010–2015 гг. позволяет выделить наиболее значимые проблемы местного самоуправления. Во-первых, наблюдается чрезвычайно низкий уровень финансовой обеспеченности муниципальных образований: 98% муниципалитетов страны – дотационные территории. Данное обстоятельство остается одной из самых болезненных проблем местного самоуправления, серьезно влияющих на качество и уровень жизни населения муниципальных образований, на их социальное самочувствие. Кроме того, финансовая необеспеченность закрепляет иждивенческую позицию руководителей муниципальных образований и порождает большую ориентацию на вышестоящее начальство, нежели на мнение жителей. Во-вторых, большинство механизмов участия граждан в решении вопросов местного значения (проведение референдумов, собраний, конференций, сходов, публичных слушаний, опросов граждан, рассмотрение правотворческих инициатив населения) остаются невостребованными или превращаются из форм народного волеизъявления в его имитацию. В-третьих, повсеместное внедрение не прямых выборов глав муниципальных образований и внедрение института сити-менеджеров не сумело обеспечить заметное повышение качества управления на местах, но привело к существенному снижению избирательной активности населения. Руководители муниципалитетов, не избранные на всенародных выборах, не имеют стимулов прислушиваться к голосам и мнению граждан. В-четвертых, происходит сужение полномочий органов местного самоуправления. Все активнее на уровень региона переходит управление здравоохранением, образованием и даже

¹ О палате [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://www.oprf.ru/about/> (дата обращения: 12.01.2018).

коммунальным хозяйством и градостроительством. В-пятых, наиболее проблемная сфера – ЖКХ. Так считают в 70% муниципальных образований страны.

К несомненным достоинствам докладов следует также отнести озвучивание проблем, которые нечасто находят освещение в научных публикациях. Речь идет об опасности криминализации местных органов власти и о чрезмерном количестве нескоординированных проверок, запросов и представлений со стороны контролирующих и надзорных органов.

В докладе за 2016 г. впервые с 2010 г. раздел о местном самоуправлении отсутствовал, и вновь он появляется в 2017 г., но в значительно меньшем объеме, чем в предыдущие годы. Говорится о том, что за последние десятилетия наблюдается все большая бюрократизация местной власти, ее самоуправленческая природа в значительной степени утрачивается, при этом значительная часть управленческого ресурса муниципалитетов передается на региональный уровень. Все это приводит к снижению интереса и доверия людей к местному самоуправлению, усугубляет и без того низкий уровень вовлеченности граждан в муниципальное управление. Поднимается также проблема неиспользования большинства форм общественного участия граждан в принятии решений на местах. Речь идет о референдумах, публичных слушаниях, правотворческой инициативе, «нулевых чтениях» законопроектов, общественном контроле, экспертизе принимаемых актов (решений). Подчеркивается сохраняющаяся установка населения на прямые выборы глав муниципальных образований.

В докладах Общественной палаты РФ за 2018-й, 2019-й и 2020 гг. разделы, посвященные местному самоуправлению, отсутствуют [27–29]. И это весьма тревожный симптом, вызывающий сомнение в возможности создания в ближайшем будущем сильного и эффективного местного самоуправления.

Всероссийский совет местного самоуправления (ВСМС) создан в 2006 году. Согласно уставным документам, «главная цель деятельности ВСМС – обеспечение условий, при которых каждый человек будет иметь реальную возможность влиять на процесс выработки решений органами местного самоуправления. ВСМС является общественной организацией, нацеленной на развитие позитивной гражданской активности на местах и вовлечение жителей в решение насущных проблем городов и сел»¹.

ВСМС в 2011 г. опубликовал доклад о развитии местного самоуправления в Российской Федерации, в котором отмечалось, что основными его проблемами выступают: «сохраняющаяся финансовая несамостоятельность основной массы муниципалитетов, стабильно низкие доходы местных бюджетов; ...неопределенности в появлении долгосрочных источников пополнения доходной базы местных бюджетов; крайне медленные темпы

¹ Об организации [Электронный ресурс] // Всероссийский Совет местного самоуправления : сайт. – URL: <http://www.ru.vsmsinfo.ru/ob-organizatsii> (дата обращения: 03.02.2018).

становления и развития малого и среднего бизнеса; ...отсутствие реальных возможностей повышения качества муниципальных услуг; нарастание проблем в сфере ЖКХ; кадровая проблема, обусловленная нехваткой на местах квалифицированных специалистов, готовых работать в сфере местного самоуправления; низкая социальная активность граждан и медленное развитие на местном уровне институтов гражданского общества» [17].

ВСМС представил конкретный план действий по решению указанных проблем и дальнейшему развитию местного самоуправления. Однако выяснить, в какой мере ВСМС способствовал решению этих задач, не представляется возможным. На официальном сайте ВСМС разделы «Планы работ» и «Отчет о работе» недоступны. Некоторое представление о деятельности ВСМС можно получить из других разделов сайта организации: «Об организации» (структура, устав, региональные отделения и контакты), «Пресс-центр» (новости), «Методические рекомендации» (рекомендации по проведению региональной отчетно-выборной конференции) и «Территориальное общественное самоуправление». В разделе «Новости» размещается информация, главным образом связанная с проведением различного рода мероприятий (съездов, форумов, круглых столов, семинаров) и рабочих встреч. В целом складывается впечатление, что после 2011 г. деятельность ВСМС все в большей мере начала носить формальный характер и напоминать имитационные практики муниципального управления.

Общероссийский конгресс муниципальных образований (ОКМО) создан советами муниципальных образований субъектов РФ «в целях организации сотрудничества муниципалитетов и региональных советов, выражения и защиты муниципальных интересов в диалоге с органами федеральной власти и организации межмуниципального сотрудничества на международном уровне»¹.

ОКМО в 2016 г. опубликовал доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации и предложения по совершенствованию организации и осуществления местного самоуправления [33]. Во введении к докладу сказано, что сегодня конгресс является выразителем интересов всего российского муниципального сообщества, а также выступает федеральной площадкой для выработки решений по совершенствованию системы местного самоуправления в России. Доклад состоит из нескольких разделов: правовые основы местного самоуправления, территориальная организация, финансы и экономика, кадровый потенциал местного самоуправления и участие граждан в осуществлении местного самоуправления.

Анализ содержания последнего раздела позволяет усомниться в возможности повышения активности участия граждан в решении местных вопросов. Из всех возможных

¹ О конгрессе [Электронный ресурс] // Общероссийский конгресс муниципальных образований : сайт. – URL: <http://okmo.news/about.php?2> (дата обращения: 03.02.2018).

форм участия граждан в местном самоуправлении уделяется внимание только территориальному общественному самоуправлению (ТОС), которое, по мнению авторов доклада, обладает ключевым потенциалом по сравнению с другими формами участия. «Несмотря на неравномерность своего развития в разных регионах, ТОСы показывают себя эффективным инструментом вовлечения граждан в местное самоуправление, повышения активности жителей. Вместе с тем в перспективе нуждается в законодательном урегулировании статус юридического лица ТОС» [33]. Разделяя в целом данную позицию в отношении ТОС, трудно понять, почему остальные формы участия граждан в местном самоуправлении даже не упоминаются. Почему не говорится о проведении референдумов и выборов как высших форм непосредственной демократии или институте отзыва выборных лиц местных органов власти?

Аналогично построены доклады о состоянии местного самоуправления в субъектах РФ, в частности, доклад о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае за 2015 г. [30]. В докладе из всех форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления речь идет только о территориальном общественном самоуправлении и не затрагивается такой важный момент, как внедрение в Красноярском крае новых моделей организации местного самоуправления. В 2010 г. абсолютное большинство муниципальных образований края перешли на модель не прямых выборов глав местного самоуправления, вначале депутатским корпусом из своего состава, а с 2015 г. – депутатским корпусом из двух кандидатур, отобранных конкурсной комиссией. Обе схемы выборов воспринимаются в экспертном сообществе неоднозначно, и в целом негативно – гражданами. Однако в докладе приводятся лишь статистические данные о выборах глав муниципальных образований в 2015 году. Отсутствует анализ позитивных и негативных аспектов разных моделей организации местного самоуправления и обоснование необходимости внедрения этих моделей с учетом накопленного опыта.

В докладе о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае за 2016 г. имеется раздел, посвященный участию граждан в осуществлении местного самоуправления, состоящий из трех подразделов. Первый подраздел называется «Публичные слушания, сходы граждан и иные формы участия населения», второй – «Развитие территориального общественного самоуправления», третий – «Развитие общественного контроля, добровольчества и волонтерства на местном уровне» [31]. Из представленной информации хорошо видно: большая часть форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления, прописанных в Конституции РФ и в уставах муниципальных образований Красноярского края, оказались вне зоны внимания авторов докладов о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае, как и многие другие значимые проблемы.

Обращение к докладу за 2020 г. отмечает устойчивую тенденцию сокращения форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления, предусмотренных нормативными документами. К примеру, в докладе даже не упоминаются такие формы участия, как публичные слушания и сходы граждан. Приоритет отдается участию населения в инициативном бюджетировании, поддержке и развитию ТОС и института сельских старост и таких форм, как муниципальные общественные советы (палаты, объединения), городские форумы, жилищные товарищества, советы многоквартирных домов. В целом доклад фиксирует сохранение заскорузлых проблем местного самоуправления: недостаточность финансово-экономического обеспечения местных бюджетов; избыточная контрольно-надзорная деятельность на местном уровне, при которой в ряде случаев принимаемые судом решения превышают возможности местных бюджетов; недостаток квалифицированных кадров в органах местного самоуправления. Более того, – и это новое в подобных докладах – сказано, что «муниципальная служба потеряла свою привлекательность и в какой-то мере статус» и что «утрачен имидж, формирующий доверие граждан не только к муниципальному служащему как субъекту деятельности, но и к органам муниципальной и государственной власти в целом» [32].

В целом, оценивая роль общественных структур, созданных с целью содействия развитию местного самоуправления, таких как Всероссийский совет местного самоуправления и Общероссийский конгресс муниципальных образований, можно сделать следующий вывод: их деятельность сосредоточена на решении второстепенных вопросов и слабо затрагивает действительно актуальные проблемы, волнующие население муниципальных образований.

С принятием Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» связывались большие надежды на создание сильного, дееспособного местного самоуправления. И в первые годы после его принятия эти надежды сохранялись у большинства представителей научного сообщества. Правда, уже в это время звучали достаточно критические высказывания. К примеру, доктор исторических наук М.Н. Матвеев еще в 2005 г. предрекал возможность ликвидации местного самоуправления на уровне муниципальных образований, городов и районов и его преобразование в низовой уровень государственного управления. При таком сценарии, по мнению ученого, политические функции полностью переходят к чиновникам государственной власти, а все народное самоуправление будет строиться вокруг сервисных функций ЖКХ и территориального общественного самоуправления [229, с. 73, 74]. В данном случае важно, что этот прогноз сделан не ученым-теоретиком, а ученым-практиком, знающим, как говорится, ситуацию изнутри. М.Н. Матвеев в 2004 г. избирался депутатом Самарской городской думы, а затем депутатом Самарской губернской думы и занимал пост заместителя председателя комитета по местному самоуправлению.

Но уже спустя несколько лет после принятия ФЗ-131 все чаще стали звучать предложения о разработке новой концепции местного самоуправления. Так, сотрудники Института современного развития и Центра политических технологий по результатам социологического исследования «Местное самоуправление в России: состояние проблем, пути совершенствования», проведенного в 2008–2009 гг., высказывались за необходимость принятия основополагающего концептуального документа с целью системного решения проблем местного самоуправления. Новый программный документ, по их мнению, должен описывать проблемы местного самоуправления и предлагать пути их решения на среднесрочную перспективу [236, с. 462–465].

В 2012 г. XXIX общее собрание Ассоциации сибирских и дальневосточных городов предлагало разработать новую концепцию развития местного самоуправления в России и «определить в ней роль местного самоуправления в развитии государства и общества на современном этапе, взаимоувязанное решение вопросов объемов полномочий органов местного самоуправления, его финансовой базы, земельно-имущественных отношений, кадрового обеспечения, степени автономии и основ взаимоотношений органов местного самоуправления с органами государственной власти» [73].

Динамично изменяющаяся социально-политическая реальность актуализирует проблему поиска путей дальнейшего развития системы местного самоуправления в Российской Федерации. И первые шаги в этом направлении сделаны. В 2020 г. приняты поправки в Конституцию РФ [43]. Принят в 2021 г. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [89].

Перечисленные нормативные документы законодательно закрепили создание единой системы публичной власти в Российской Федерации, в которую входят государственные органы власти и органы местного самоуправления, и регламентируют новый характер взаимоотношений между ними. На очереди принятие законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», принятого Государственной думой РФ в первом чтении в ноябре 2021 г. [38]. Однако до настоящего времени (середина 2023 г.) этот закон не принят, что, по всей вероятности, обусловлено необходимостью решения более значимых для государства задач и наличием новых проблем, связанных с изменением внешнеполитической обстановки вокруг Российской Федерации. Это предоставляет уникальную возможность для спокойной и вдумчивой доработки нового закона, связанного с местным самоуправлением, с учетом накопленного опыта в этом направлении.

Коротко проанализируем исторический опыт развития местного самоуправления в Российской Федерации и перспективы использования опыта зарубежных стран при внедрении в нашей стране различных моделей организации местного самоуправления.

Что касается отечественного опыта развития местного самоуправления, то важно отметить следующее: местное самоуправление имеет давние традиции и глубокие исторические корни. В тех или иных пределах оно допускалось на протяжении всей отечественной истории и проявлялось в различных исторических формах. Анализ научных публикаций по данной проблеме [111; 124; 125; 137; 139; 164; 165; 238; 247; 273; 320; 339] позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, местное самоуправление в России в той или иной мере существовало на протяжении всей ее истории, начиная с периода формирования русского государства (IX в.). Во-вторых, большая часть российской истории «характеризуется очень сильно перекошенным (не нарушенным, а именно перекошенным в сторону центра) балансом отношений: полным или почти полным преобладанием контроля центра (под центром понимаются центральные органы власти во главе с царем, императором или генсеком) над самостоятельностью мест» [142, с. 104]. В-третьих, местное самоуправление развивается волнообразно (циклично): от централизации к децентрализации, и обратный процесс – от децентрализации к централизации. По мнению И.Д. Саначева, «за реформой следовала контрреформа, за приливом в развитии местного самоуправления – отлив» [300, с. 40]. В период кризисных явлений государство шло на возрождение местного самоуправления, а после того как экономическая ситуация стабилизировалась, а государственная власть укреплялась, происходило наступление на местное самоуправление. Длительность периодов «приливов» и «отливов» различается по времени и могла составлять несколько десятков лет.

Теперь несколько слов об использовании зарубежного опыта развития местного самоуправления. В научной литературе представлено значительное количество классификаций моделей местного самоуправления зарубежных стран [96; 143; 161; 207; 300; 338; и др.]. Чаще всего выделяют три основные модели местного самоуправления, используемые зарубежными странами: англосаксонскую, континентальную и смешанную. Российскую модель местного самоуправления чаще всего относят к модели смешанного типа, так как она включает в себя отдельные черты англосаксонской, континентальной и советской, с преобладанием континентальной модели [351, с. 293]. При этом обычно уточняется, что российская модель больше тяготеет к германскому подтипу [238, с. 73]. Большинство отечественных ученых разделяют точку зрения о пробуксовке реформы местного самоуправления в современной России. Однако о причинах данного явления единодушия в научном сообществе нет, часто называют некритическое заимствование опыта местного самоуправления западных стран [103, с. 82].

Некритическое заимствование опыта западных стран отчетливо прослеживается при анализе нормативной базы, регламентирующей местное самоуправление Российской Федерации (Конституции РФ, федеральных законов, дополнений к ним). Судя по научным публикациям, в основу разработки статей Конституции РФ 1993 г., имеющих отношение к местному самоуправлению, была положена идея о полностью самоуправляющейся общине (по аналогии с местным самоуправлением в США, где самоуправляющаяся община фактически отделена от государства и представляет собой как бы «государство в государстве»). Данную позицию, в частности, разделяют профессор А.А. Акмалова [99, с. 45] и С.В. Бондарев: «...в постсоветской России в силу многих субъективных факторов политико-правовая институционализация местного самоуправления пошла по пути реализации принципов англосаксонской модели организации местной власти» [351, с. 290]. Проблема здесь заключается в том, что англосаксонская муниципальная система слабо связана с российскими традициями. Подобная модель организации местного самоуправления не имеет глубоких исторических корней в нашем обществе, кроме того, она мало соответствует режиму государственной власти, складывающемуся в 90-х гг. прошлого века. На данное обстоятельство неоднократно обращали внимание российские исследователи, в частности, А.А. Акмалова [98, с. 126]. Ученая, обращаясь к историческому опыту местного самоуправления в России, отмечает, что в рамках реформы местного самоуправления 60–70-х гг. XIX в. была создана система, которая оказалась ближе к англосаксонскому типу. Однако скоро выяснилось, что в реальных условиях она не способна существовать, не входя в противоречия с интересами государства и в целом со сложившимся к тому времени государственным механизмом [100, с. 38]. Спустя некоторое время после принятия Конституции РФ 1993 г. [42] вектор развития местного самоуправления меняется. Принятый в 2003 г. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», по мнению Э.Ю. Майковой и Е.В. Симоновой, базируется на идеях, представленных в Европейской хартии местного самоуправления, характерных для европейско-континентальной муниципальной системы [224, с. 78]. Можно согласиться с теми учеными, которые считают, что подобного рода непоследовательность в развитии местного самоуправления приводит к возникновению противоречий в развитии его правовых основ и формированию правовых коллизий в сфере муниципальной власти.

В свете сказанного весьма актуальной для Российской Федерации проблемой остается поиск оптимальной модели местного самоуправления. В этой связи, по мнению диссертанта, следует более внимательно присмотреться к опыту местного самоуправления Японии [95; 180; 188; 299; 321 и др.]. Почему Японии? По нескольким причинам. Во-первых, реформа системы местного самоуправления – по оценкам экспертов, важнейшая составляющая так называемого

японского чуда, которое обеспечило высокий уровень дохода на душу населения. Во-вторых, реформа начиналась после поражения Японии во Второй мировой войне, когда страна находилась в глубоком политическом и социально-экономическом кризисе. В-третьих, в Японии, как и в России, используется смешанная модель местного самоуправления, сочетающая элементы как континентальной, так и англосаксонской модели, и существует сильная зависимость муниципалитетов от государственных органов власти. Вместе с тем местным властям предоставлены весьма широкие экономические права и возможности, что во многом и обеспечило экономическое чудо Страны восходящего солнца.

1.3. Социологические показатели и индикаторы социально-политических отношений

Термин «социальный индикатор» появился в 60-е годы XX века в США. Необходимость работы над социальными индикаторами связана с реализацией государственной политики под руководством президента США Ф.Д. Рузвельта, направленной на усиление влияния властных структур на экономическое развитие страны. Потребность политической элиты в социологической информации связывалась, прежде всего, с перспективами социального прогнозирования и планирования.

Американские ученые по-разному подходили к определению термина «социальный индикатор». Так, Реймонд Бауер определял социальные индикаторы как «статистику, статистические ряды и любые другие формы данных, позволяющие оценивать, где мы находимся и куда идем с точки зрения наших ценностей и целей» [259, с. 146]. В свою очередь Стюард Райс считал, что социальные индикаторы позволяют выявлять «социальное состояние, определяют социальные проблемы и прослеживают социальные тенденции, которые посредством социальной интеграции могут успешно регулироваться в соответствии с социальными целями, сформулированные социальным планированием» [259, с. 146].

К достоинствам позиции Питера Хенриота следует отнести то, что он признавал возможности использования социальных индикаторов не только для измерения объективных условий жизни населения (этой цели могут служить и другие методы, в частности, данные официальной статистики), но и для замера субъективных представлений респондентов. Например, удовлетворенность теми или иными аспектами своей жизни, деятельностью органов власти и др.

В 1960–1970-е гг. в США появляется большое число научных публикаций, связанных с социальными индикаторами и их применением на практике. При непосредственной поддержке федерального правительства начинает публиковаться ряд сборников, посвященных данной проблематике. В 1967 г. в Конгресс США вносится «законопроект об учреждении «социальных

счетов нации» и включение в президентское послание наряду с экономическим отчетом «отчета о социальном состоянии общества» [259, с. 147]. В 1970-е годы создается Центр социальных исследований по координации работы с социальными индикаторами (Social Science Research Council Center for Coordination of Research on Social Indicators).

В этот период социальные индикаторы рассматривались не только как инструменты измерения социального развития, но и как средства улучшения условий жизни людей с помощью «социальной инженерии», предполагающей переход к активному управлению социальными процессами, решению имеющихся и возникающих социальных проблем. Однако с конца 1970-х гг. по ряду причин, и в первую очередь из-за слишком упрощенного представления о том, как социальные индикаторы могут влиять на социальную политику, наблюдается заметный спад интереса к тематике социальных индикаторов.

Примерно в те же годы (1960–1970 гг.) в Советском Союзе началась разработка системы социальных показателей, появляются первые научные публикации по данной тематике. Наибольшие достижения зафиксированы в производстве, так как эта сфера практически не подвергалась идеологическому давлению. Увидели свет монографии «Копанка: 25 лет спустя» [198], «Рабочий класс и технический прогресс» [277]. Эти и другие публикации показывали несостоятельность положения о том, что увеличение общероссийских экономических и социальных показателей автоматически влечет повышение уровня и качества жизни населения. Было также выявлено, что, в отличие от данных официальной статистики, показатели, характеризующие социальное и материальное положение среднестатистического жителя страны, ухудшаются.

Эта ситуация требовала разработки иных социальных показателей, характеризующих повседневную жизнь людей. К разработке этих показателей приступил отдел социологических исследований ИС АН СССР. В результате «создается система показателей и индикаторов социального развития общества, отражающая степень удовлетворенности работой, образованием, материальным положением, жилищными условиями, условиями жизни по месту жительства, общественной работой, способом проведения свободного времени, отношениями с людьми, состоянием здоровья, жизнью в целом» [259, с. 153–156]. Следует отметить: многие теоретико-методологические разработки, сделанные в этот период, сохраняют свою актуальность и используются учеными в построении социальных показателей для диагностики социальных процессов, протекающих в современном российском обществе.

В 1989 г. публикуется информационно-аналитический доклад по теме «Социальная и социально-политическая ситуация в СССР: состояние и прогноз». С 2002 г. начинается издание ИСПИ РАН докладов «Социальная и социально-политическая ситуация в России: состояние и

прогноз», в которых представляются результаты анализа социальных последствий, происходящих в ходе трансформации российской государственности.

«В середине 1990-х годов была поставлена и успешно решена задача разработки системы предельно критических показателей развития общества или пороговых показателей развития общества, позволяющей оценивать степень приближения социальной системы к опасным режимам функционирования» [259, с. 157]. Оценка производилась по 24 показателям, сгруппированным по 6 направлениям: экономическая, социальная, демографическая, экологическая и политическая сферы и девиантное поведение. По состоянию на 2001 г., наиболее тревожная ситуация наблюдалась по следующим показателям¹: «доля импортных продуктов питания; ...доля населения, живущего за чертой бедности; ...соотношение минимальной и средней заработной платы; ...уровень потребления алкоголя; ...число суицидов на 100 тыс. человек населения» [259, с. 159–16].

В работе доктора социологических наук В.В. Локосова «Предельно критические показатели развития общества» представлено соотношение предельно критических и реальных значений показателей развития российского общества в начале и конце нулевых годов (9-летний интервал). Проведенный анализ позволил ученому сделать следующий вывод: «Какие бы сферы общественной жизнедеятельности ни рассматривались, по большинству важнейших показателей они находятся за критической чертой развития» [222, с. 78]. В свете сказанного представляется весьма перспективной идея адаптации данной системы показателей развития общества к региональному и муниципальному уровню с последующим дополнением ее показателями, по которым производится оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, согласно Указу Президента РФ от 28.04.2008 № 607.

В контексте тематики диссертации заслуживают внимания исследования, проводимые Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, посвященные измерению уровня развития гражданского общества на основе изучения мнения населения о различных сторонах жизнедеятельности гражданского общества. При проведении исследований, реализуемых в мониторинговом режиме с 1992 г., используется концептуальная модель гражданского общества, в которое входят ядро и оболочки, а эмпирическую модель гражданского общества в России составляют совокупность измерений ядра и оболочек. Величина ядра характеризуется значением индекса гражданского общества, существующего в России, который вычисляется путем агрегирования значений по данным 7 показателей (признаков). Полученные данные свидетельствуют о весьма значительных резервах строительства гражданского общества (75,0%). Не может не тревожить динамика индекса

¹ Имеется в виду превышение реальной величины показателя над его предельно критическим значением.

развития гражданского общества. В декабре 2013 г. этот индекс составлял 23,6% [215, с. 44], в мае 2018 г. – 25,4% [216], в ноябре-декабре 2018 г. – 24,9% [217, с. 50], в июне 2021 г. – 25,0% [175 с. 65], то есть за 7,5 года он вырос всего на 1,4%, или в среднем на 0,19% в год. Как принято считать в прикладных исследованиях, данные на уровне погрешности измерения.

В сфере социально-политических исследований заслуживает внимания методика, предложенная В.К. Левашовым для изучения политической устойчивости российского общества. В данной методике используются шесть индикаторов: «индикатор отношения респондентов к курсу экономических реформ; ...индикатор социально-политической отчужденности; ...индикатор необходимости трансформации политической системы общества; ...индикатор уровня доверия социальным и политическим институтам; ...индикатор обеспечения государством норм демократического общества; ...индикатор партийных ориентаций» [212, с. 98–101].

Индикаторы рассчитываются как разность между суммой позитивных и суммой негативных оценок. Комплексное представление об общей тенденции развития социально-политической обстановки в стране дает интегральный индекс социально-политической устойчивости, который определяется как средняя величина шести индикаторов. Измерение социально-политической устойчивости общества производится в условном квантифицированном континууме от +100 до –100. В данном случае +100 означает устойчивость (стабильное социально-политическое развитие), 0 – кризис (нарушение состояния равновесия и появление тенденций возможной катастрофы системы), –50 – катастрофу (разрушение системы, распад ее на отдельные части, разрыв связей между субъектами социально-политической сферы»), –100 – распад (гибель данной системы социально-политических отношений).

Согласно данным мониторинговых исследований с 1992-го по 1999 гг., интегральный индекс социально-политической устойчивости имел устойчивую тенденцию к снижению: с –23,3% до –43,5% соответственно. Хорошо видно, как в 1999 г. значение индекса стало приближаться к значению, характеризующему социально-политическую обстановку в стране как катастрофу. В последующие годы индекс повышался и в 2007 г. составил –17,0%. В 2008–2021 гг. изменение значения интегрального индекса носило разнонаправленный характер и колебалось в диапазоне от –1,4% до –20,4%. Обращает на себя внимание весьма тревожная тенденция: в 2021 г. интегральный индекс социально-политической устойчивости получил наименьшее значение за 10 последних лет (–16,6%).

Представляется весьма перспективной идея адаптации данной методики к региональному уровню. Получаемые результаты, особенно в динамике, позволят не только

оценивать эффективность регионального управления, но главное – получать информацию для корректировки управленческих решений.

Мировой и отечественный опыт социальной науки свидетельствует о разработке новых и совершенствовании имеющихся социальных показателей и индикаторов. Один из наиболее распространенных научных подходов – это когда объективные экономические показатели дополняются социальными индикаторами, агрегированными в индексы. Наиболее показательным примером служит индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который применяется для сравнения социального развития как государств, так и регионов внутри государств. ИРЧП используется и российскими исследователями¹.

К числу важнейших социальных индексов в настоящее время за рубежом относят «индекс удовлетворенности жизнью (или социального благополучия). <...> Индекс социального благополучия рассчитывается на основе 36 индикаторов, характеризующих уровень здоровья, уровень богатства, образование, социальные связи, уровень свободы, состояние преступности, справедливость распределения ресурсов» [260, с. 7].

«Интересен международный опыт построения социальных индикаторов на основе сочетания статистических данных с экспертными оценками: индекс развития гражданского общества CIVICUS; индекс Всемирного банка по оценке качества государства и гражданского общества; индекс демократии исследовательского подразделения журнала Economist; индексы либеральных институтов демократии, верховенства права, свободы предпринимательства Центра изучения демократического управления при Университете Иллинойса; индекс экономической свободы Института Катона» [285 с. 42].

Вместе с тем исследования зарубежных и отечественных ученых отчетливо указывают на то, что для получения объективной информации об общественных процессах одних статистических данных недостаточно. Необходимо изучать субъективные показатели, характеризующие отношение населения к социальной реальности, к своей жизни. Экономические показатели не всегда в состоянии вскрыть реальные социальные противоречия, дать дифференцированную характеристику сложных социальных (позитивных и негативных) изменений, происходящих в обществе. Поэтому разработка системы показателей и индикаторов социального развития общества и включение их в общую систему социального управления является важной научной проблемой, имеющей государственное значение. Это тем более важно, так как официальная статистика не позволяет получать оперативную информацию о состоянии и динамике некоторых социальных процессов, например об уровне социальной напряженности в территориях. Кроме того, некоторые статистические данные могут быть

¹ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с. и др.

недоступными для исследователей. Сказанное повышает внимание ученых к феномену, носящему название «социальное самочувствие», и приводит к значительному росту числа научных исследований и публикаций по данной проблематике.

Назовем лишь ряд публикаций российских ученых последних лет, в которых раскрывается содержание понятия «социальное самочувствие», его трактовка в научной литературе, анализируются основные факторы формирования социального самочувствия и методы его измерения¹ [110; 147; 178; 179; 200; 204; 242; 258; 298; 302; 352].

Следует отметить: в отечественной социологической науке нет однозначной трактовки понятия «социальное самочувствие». Это связано со сложностью самого феномена социального самочувствия, которое проявляется в результате субъективного переживания людьми своего состояния и изменяется под воздействием окружающей социальной среды. Поэтому предлагается в качестве рабочего определения принять следующее: «социальное самочувствие – это восприятие и оценка жизненной ситуации в соотнесении с жизненным идеалом, основанным на ценностных ориентациях, социальных установках и уровне притязаний конкретного человека, конкретной социальной группы» [141, с. 12].

Анализ названных выше публикаций позволяет выделить два важных момента. Во-первых, в целом уровень социального самочувствия можно рассматривать как обобщенную результирующую характеристику адаптации людей к условиям жизни. Во-вторых, социальное самочувствие можно также воспринимать одним из показателей результативности проводимых в странах реформ. В этом контексте поиск показателей и индикаторов, наиболее адекватно отражающих социальное самочувствие населения, является актуальной задачей.

Одним из направлений в исследовании социального самочувствия населения выступает изучение удовлетворенности жизнью. В частности, Л. В. Куликов считает, что именно показатель общей удовлетворенности жизнью наиболее полно раскрывает понятие социального самочувствия [256, с. 476–510]. В этой связи следует отметить два важных момента. Во-первых, в современной науке наряду с понятием «удовлетворенность жизнью» используются синонимические понятия: «субъективное благополучие», «качество жизни» или даже «уровень счастья» [291, с. 76]. Во-вторых, для изучения субъективного благополучия используется весьма широкий спектр методик: «от единых вопросов – до батареи тестов, позволяющих определить интегративные показатели для измерения различных аспектов субъективного благополучия» [357].

¹ Гулягина А.И. Социальное самочувствие населения: основные критерии.

Так, академик М.Г. Горшков в монографии «Российское общество и вызовы времени» [291]¹ исследует мнения респондентов относительно их общей удовлетворенности жизнью и удовлетворенности ее разными сферами. Выделено 5 сфер: материальное благополучие, комфортная среда обитания, социальная среда, самореализация, плодотворный досуг. В свою очередь каждая сфера представлена 2–4 характеристиками. Например, материальное благополучие включает такие характеристики, как материальная обеспеченность, питание и одежда, жилищные условия и состояние здоровья. По каждой сфере рассчитывается индекс удовлетворенности на формуле (I):

$$I = (X_1 - П_1) + (X_2 - П_2) + \dots + (X_n - П_n) / N$$

где:

X_1 – доля респондентов, давших ответы «хорошо»

$П_1$ – доля респондентов, давших ответы «плохо»

N – количество характеристик в каждой сфере [291, с. 78–82].

В свою очередь доктора социологических наук Г.Л. Воронин и П.М. Козырева и доктор экономических наук В.Я. Захаров используют 6 первичных индикаторов субъективного благополучия граждан. Эти индикаторы отражают удовлетворенность респондентов жизнью в целом, оценку будущего, уверенность в завтрашнем дне, оценку экономического положения, уровень правовой защищенности и социальный статус. На основании наличия внутренней согласованности между шестью первичными переменными конструируется латентная переменная под названием «Сводный индекс удовлетворенности жизнью (социального самочувствия) со 100-балльной шкалой, в которой 1 балл означает «совершенно не удовлетворен жизнью, а 100 баллов – «полностью удовлетворен жизнью» [129, с. 34].

Доктор экономических наук Е.В. Балацкий определяет перечень из 12 показателей (факторов), оказывающих основное влияние на удовлетворенность жизнью населения. Это личная и семейная безопасность, материальное благополучие, семейное благополучие, достижение поставленных целей, творческая самореализация, плодотворный досуг, хороший климат, достойный социальный статус, эффективные неформальные социальные контакты, социальная стабильность, уверенность в будущем, комфортная среда обитания и хорошее здоровье. Соответственно каждый фактор представлен конкретными характеристиками. Например, личная и семейная безопасность – отсутствие разгула преступности, криминализации жизни и произвола властей, минимизация техногенных катастроф. Специфика предлагаемой методики заключается в том, что наряду с оценкой уровня удовлетворенности населения каждым из вышеперечисленных факторов устанавливается уровень их важности (или

¹ Это уже пятая монография фундаментального проекта под названием «Российское общество и вызовы времени». Предыдущие книги вышли в 2015–2016 гг. [287–290].

коэффициент значимости). Обобщенный индекс удовлетворенности жизнью рассчитывается из суммы индексов по каждому фактору, скорректированных на коэффициент их значимости¹.

Существуют и другие подходы к изучению социального самочувствия населения. Академик М.К. Горшков при изучении социального самочувствия населения юга России во второй половине нулевых годов использовал несколько десятков индикаторов социального самочувствия, разнесенных на 8 смысловых блоков. В это число входят: объективные показатели уровня жизни и оценка их респондентами, состояние здоровья, эмоционально-психологическое состояние, социальное самоощущение, оценка социальной среды, гражданская позиция, оценка положения дел в регионе, жизненные стратегии. Так, блок «объективные показатели уровня жизни и оценка их респондентами» включает в себя: «доход, материальное положение, обеспеченность жильем, товарами длительного пользования, товарами первой необходимости; занятость или безработица, уровень зарплаты, сферы занятости, условия труда; гарантированность социальной защиты, удовлетворенность жизнью в целом, модели проведения свободного времени и отдыха, наличие возможностей для воспитания детей, ожидания и оценка перспектив» [313, с. 44, 45]. Все используемые индикаторы, разнесенные по 8 смысловым блокам, нашли отражение в 71 вопросе анкеты исследования.

Обращает на себя внимание перечень объективных и субъективных индикаторов социального самочувствия, разработанный Н.В. Папиной и представленный в «интегральном индексе социального самочувствия» [265, с. 183–230]. В данном случае в анкету включаются вопросы, охватывающие 11 сфер жизнедеятельности человека. Это сферы социальных отношений, социальной безопасности и национальных отношений, социально-политическая, профессионально-трудовая, информационно-культурная, рекреационно-культурная и материально-бытовая, сфера межличностных отношений и личностная сфера. Каждая из перечисленных сфер описывается 4 индикаторами².

Таким образом, опросный лист содержит 44 позиции. Участников опроса просили ответить на вопрос: «Чего из перечисленного ниже вам не хватает?», используя следующие варианты ответов: «не хватает», «трудно сказать, хватает или нет», «хватает» и «затрудняюсь ответить». При вычислении индекса социального самочувствия первому ответу присваивается значение 1 балл, второму и четвертому ответам – по 2 балла, третьему – 3 балла. Значение суммарного индекса социального самочувствия может варьироваться от 44 до 132 баллов.

¹ Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2005. – № 4 (76). – С. 42, 43.

² Например, к рекреационно-культурной сфере относятся: возможность проведения полноценного досуга, возможность полноценного отдыха, состояние здоровья и возможность получения необходимой медицинской помощи.

Значение индекса 88 баллов является условным нулем между положительной и отрицательной осями шкалы социального самочувствия. Преимущество данной методики заключается в возможностях опосредованного (латентного) измерения социального самочувствия индивидов. Неслучайно английский ученый Пол Клайн считает, что объективный тест – это тест, цель которого скрыта от испытуемого, а потому результаты не могут быть фальсифицированы [185, с. 115].

Российские ученые А.А. Грачев и А.А. Русалинова к показателям социального самочувствия относят: индекс общей удовлетворенности жизнью в целом; показатель уверенности в завтрашнем дне; оценку степени личного переживания чувства социального дискомфорта (неустроенности и неуютности в жизни); качественную характеристику доминирующего эмоционально-динамического настроения личности, отражающего его стратегическую жизненную поведенческую установку. Кроме того, в исследованиях используется показатель общей удовлетворенности работой в целом и ее отдельными характеристиками [147, с. 9].

В свою очередь А.Я. Крупец считает, что социальное самочувствие складывается из трех составляющих: 1) внутреннее состояние человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); 2) оценка внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); 3) восприятие собственного положения в новых условиях [204, с. 134–144].

Л.И. Михайлова раскладывает социальное самочувствие на три основные составляющие: реальный социальный статус человека в различных сферах жизнедеятельности общества; восприятие, оценки и отношение к своему социальному статусу (эмоциональный фактор, связанный с удовлетворенностью); восприятие и оценки объективных условий жизни в обществе (ситуация в стране в настоящем и будущем). Указанные параметры предлагается проследить по основным сферам и проблемам жизнедеятельности человека: труд, социальная защита, здравоохранение, образование, жилищные условия, семья, политика, миграция [242, с. 45–50].

Интересен подход Л.В. Бадмаевой и Г.В. Ганн, основанный на корреляции показателей уровня социального самочувствия и уровня развития социальной инфраструктуры: чем выше уровень развития социальной инфраструктуры, тем выше уровень социального самочувствия населения, и наоборот [110, с. 90–98].

Г.Ф. Ромашкина, О.А. Крыжановский и Г.С. Ромашкин оценивают социальное самочувствие с помощью трех основных компонентов: степени защищенности от основных социальных опасностей, степени удовлетворенности своей жизнью в целом и степени

социального оптимизма. Социальное самочувствие рассматривается через интегрированный индекс и вычисляется как среднее арифметическое трех компонентов [281, с. 58–63].

А.И. Пьянов, исследуя социальное самочувствие российских семей, выделяет пять индикаторов. Это здоровье родителей (как вы оцениваете свое здоровье?), здоровье детей (каково физическое и психическое здоровье ваших детей?), питание (что вы можете сказать об уровне потребления в вашей семье?), оптимизм (что вы думает о вашем завтрашнем дне?) и мотивация (каково чаще всего ваше физическое и психологическое состояние по итогам прожитого дня?). Среднее арифметическое значение пяти частных индексов позволяет подсчитать интегральный индекс социального самочувствия [275, с. 81–86].

Следует упомянуть расчеты частных и сводного индексов социального самочувствия населения, проводимые В.Н. Аргуновой, Н.Б. Гафизовой, И.Н. Кодиной и Е.В. Панкратовой. Частные индексы социального самочувствия рассчитывают как разность суммы положительных и суммы отрицательных ответов респондентов на 13 вопросов анкеты. Для удобства анализа ученые к полученному результату прибавляют 100. Сводный индекс социального самочувствия, как и в предыдущем случае, рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов. Таким образом, значение частных и сводного индексов социального самочувствия может колебаться в диапазоне от 0 до 200 баллов [107, с. 72–86].

В свою очередь В.П. Щербакова рассматривает социальное самочувствие как один из интегральных показателей социальной адаптации молодежи к общественным переменам в российском обществе. В качестве эмпирических индикаторов используется «необходимость реформ, приобретения и потери в ходе реформ, факторы достижения успеха, ценностные ориентации» [352, с. 221–232].

Помимо указанных методик измерения социального самочувствия населения, существует большое количество методик, используемых различными исследовательскими структурами, в том числе такими известными, как ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр», ЦИРКОН.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) ежемесячно рассчитывает индексы социального самочувствия. Эмпирической базой для расчета служат данные экспресс-опросов, которые проводятся по репрезентативной общероссийской выборке каждый месяц [40]. «Индексы социальных настроений строятся на основе следующих индикаторов: удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, материальное положение семьи, экономическое положение страны, политическая обстановка в России, общий вектор развития страны» [40]. Индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитываются как разность положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Интегральный индекс социальных настроений россиян рассчитывается как среднее значение шести частных индексов. Основной посыл такого подхода, по мнению сотрудников центра, в фиксации неких

«критических точек» в общественном мнении. В то время как П.И. Мтиулишвили полагает, что результаты социологических исследований, полученные с использованием таких методик, позволяют судить «об эффективности деятельности городской, региональной и федеральной власти» [245, с. 55].

Фонд «Общественное мнение» совместно с Фондом развития гражданского общества (ФОРГО) составляет рейтинг социального самочувствия регионов. Например, третий выпуск рейтинга (июнь 2014 г.) построен на результатах опроса ФОРГО 60500 респондентов в 85 регионах РФ. «В качестве базовых критериев разбивки регионов на группы выступают результаты ответов респондентов на вопросы: «Если говорить в целом, вы довольны или не довольны положением дел в вашем регионе?»; «Как вам кажется, в целом ситуация в вашем регионе сейчас улучшается, ухудшается или практически не меняется?»; «Скажите, какие отзывы, суждения о работе руководства вашего региона вы слышали от окружающих людей за последние полгода-год: положительные или отрицательные?»; «Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в каких-либо акциях протеста?» [71].

Используются также вспомогательные критерии, базирующиеся на ответах респондентов на четыре вопроса. «Максимально возможное количество баллов за каждый из четырех вопросов основной группы составляет 20 баллов. Максимальное количество баллов за каждый из вспомогательных вопросов – 5 баллов» [71]. Таким образом, максимальное количество баллов составляет 100. Далее производится сравнение регионов в зависимости от полученных баллов и их распределение по группам. «Регионы, получившие оценки выше 65 баллов, зачислены в первую группу «очень высокий рейтинг», от 65 до 55 баллов – во вторую группу «высокий рейтинг», от 55 до 45 баллов – в третью группу «средний рейтинг», менее 45 баллов – в четвертую группу «рейтинг ниже среднего» [71]. Руководители ФОРГО объясняют составление рейтинга социального самочувствия регионов необходимостью создания еще одного рабочего инструмента, способного дать представление о реальном положении дел в стране и побудить губернаторов «работать над ошибками»¹.

Автономная некоммерческая организация «Аналитический центр Юрия Левады» (АНО «Левада-Центр») на основе регулярных опросов общественного мнения рассчитывает индекс социальных настроений (ИСН). По каждому из 12 вопросов (например, «Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни?»; «Как вы считаете, за последний год ваша жизнь, жизнь вашей семьи стала лучше, хуже или не изменилась?»; «Как бы вы оценили экономическое положение России?»; «Как бы вы оценили в целом политическую обстановку в России?» и др. [57]). Строится индивидуальный индекс как разность долей положительных и

¹ Социальное самочувствие граждан не имеет прямой связи с экономическим благополучием региона – эксперты [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM : сайт. – URL: <https://regnum.ru/news/1696583.html> (дата обращения: 16.11.2017).

отрицательных ответов. Совокупный индекс ИСН рассчитывается как среднее арифметическое индивидуальных индексов.

Исследовательская группа ЦИРКОН рассчитывает индекс социального самочувствия как средневзвешенное арифметическое 7 интегральных индексов: социального самочувствия, политической лояльности, финансовой активности, социальной активности, протестной активности, удовлетворенности жилищно-коммунальными услугами и удовлетворенности качеством муниципальных услуг. В свою очередь интегральные индексы рассчитываются на основе частных распределений и являются производными от 21 частного индекса, с учетом их факторной нагрузки [68]. Например, индекс протестной активности рассчитывается на основе частных распределений на несколько вопросов¹. По данной методике ЦИРКОН, например, проводил в 2008 году построение региональных индексов социальных настроений для всех регионов РФ. Вместе с тем применение данной методики имеет существенные ограничения. Дело в том, что расчет факторных нагрузок по каждому индексу производится в ходе экспертного опроса, результаты которого, в зависимости от состава экспертов, могут заметно различаться между собой. Получается, что, располагая первичными данными массового опроса, можно получить разные результаты, зависящие от состава экспертов. В этом отношении методики, используемые ВЦИОМ и «Левада-Центром», представляются более перспективными.

Что касается возможностей использования озвученных исследовательских методик на региональном и муниципальном уровнях, то они представляются весьма проблематичными. Дело в том, что исследовательские структуры проводят количественные исследования общероссийского уровня в мониторинговом режиме, требующие значительных финансовых затрат. Возникает логичный вопрос: кто на региональном, а тем более на муниципальном уровне сможет финансировать проведение социологических исследований в мониторинговом режиме?

Подводя промежуточный итог, можно следующим образом представить стратегию построения системы социальных показателей и индикаторов, включающую в себя четыре этапа. Во-первых, выделение на основе теоретической концепции показателей, характеризующих интересующие исследователя социальные отношения. Во-вторых, отработка с помощью экспертных процедур эмпирических характеристик для каждого показателя и индикатора. В-третьих, агрегирование (суммирование) индикаторов и показателей. В-четвертых,

¹ Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в акциях протеста в защиту экономических, социальных и политических прав населения, присоединиться к протестующим? Скажите, пожалуйста, вы замечаете или не замечаете вокруг себя недовольство людей властями, руководством нашей области (края, республики), протестные настроения? Если замечаете, то, как вам кажется, в последнее время это недовольство усиливается, ослабевает или остается неизменным?

конструирование последовательности социологических показателей, раскрывающих сущность исследуемого социального объекта.

Вместе с тем неизменность стратегии построения системы социальных показателей и индикаторов не означает недопустимость каких бы то ни было корректив данной последовательности. Она подразумевает сохранение основных составляющих данной последовательности и возможность ее дополнения в случае необходимости. Достаточно полная информация о построении системы социальных показателей представлена в работах Г.В. Осипова [259, с. 178–194], В.В. Локосова и С.В. Климовицкого [310, с. 61–76], В.К. Левашова [212, с. 92–101].

Представление об использовании социальных показателей и индикаторов в социологических исследованиях на уровне местного самоуправления дает монография диссертанта «Красноярск в социологическом измерении (2000–2014)» [166]. При проведении социологических исследований в г. Красноярске диссертантом накоплен значительный опыт, связанный с использованием различных социальных показателей и индикаторов, собраны массивы информации, позволяющие проследить динамику социально-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях.

В монографии представлен набор методических документов, включающий 12 образцов социологических анкет, в том числе анкету, рассчитанную на изучение социального самочувствия горожан, социальных проблем, в наибольшей степени тревожащих население, и его отношения к органам власти и их руководителям, образа (имиджа) политиков.

Самостоятельное место занимали исследования об электоральных предпочтениях избирателей на выборах разного уровня как на территории г. Красноярска, так и в других территориях Красноярского края, связанные с проблемой взаимодействия власти и крупного бизнеса в регионе, со знаковыми политическими событиями в жизни региона – объединением Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в 2005 году и др.

Специальные анкеты разработаны для изучения отношения горожан к различным аспектам жизнедеятельности города: сфере жилищно-коммунального хозяйства, общественной безопасности, потребительским предпочтениям в продовольственной сфере, здравоохранению, влиянию финансового кризиса 2008–2009 гг. на материальное положение и социальное самочувствие населения.

Отдельный блок исследований посвящен сопровождению знаковых городских мероприятий: городской акции «Неделя качества социальных услуг», Красноярского городского форума, общегородской ассамблеи «Красноярск. Технологии будущего». К примеру, при проведении исследований в рамках городской акции «Неделя качества социальных услуг» в 2009 г. использовались 18 видов анкет: 10 – для опроса посетителей

различных муниципальных учреждений, получающих социальные услуги, и 8 – для специалистов этих учреждений, оказывающих социальные услуги. Анкеты разрабатывались для следующих структурных подразделений администрации г. Красноярска: главного управления социальной защиты, главного управления образования, главного управления культуры, управления молодежной политики, главного управления по физической культуре и спорту и главного управления здравоохранения [13, с. 5].

Самостоятельные блоки показателей и индикаторов использованы при исследовании ценностных ориентаций различных групп населения (студенческой молодежи, муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов).

Некоторые варианты социологических анкет, разработанных диссертантом, приведены в научных публикациях¹ [13, с. 75–91; 202, с. 145, 146].

Расширяет представление об используемой инструментальной информации о линейном распределении ответов респондентов по результатам проведенных социологических исследований² [66, с. 62–67; 44, с. 41–66; 48, с. 63–69].

Наряду с анкетным опросом использовались и другие методы сбора данных: телефонный и экспертный опросы, опросы на выходе с избирательных участков³, метод наблюдения, метод фокус-групп⁴, контент-анализ СМИ. При обработке первичных данных используется целый ряд индексов⁵, отражающих различные аспекты жизнедеятельности г. Красноярска. Это сводный и частные индексы социального самочувствия, сводный индекс общественных настроений, индекс оценки деятельности главы города, индекс удовлетворенности положением дел и изменений в сферах жизни города, индекс удовлетворенности качеством жилищно-коммунальных услуг, индекс удовлетворенности работой общественного транспорта, индекс удовлетворенности качеством оказываемых социальных услуг, индекс потребительских предпочтений. Коротко представим некоторые из них.

¹ Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (из опыта социологического анализа) / Краснояр. ассоциация социологов; ГАЦМиЗ. – Красноярск: Сибирь, 2002. – С. 80–83 ; Социодинамика студентов ГУЦМиЗ. Отчет по результатам социологических исследований; ГУЦМиЗ; центр социологических исследований. – Отпечатано ГУЦМиЗ, 2005. – С. 137–144.

² Муниципальные выборы: Опыт. Проблемы. Перспективы : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 26–27 октября 2006 года / ред. совет: А.Г. Лисовская, Л.П. Быкова, В.И. Злотковская [и др.]. – Красноярск: Платина, 2007. – С. 111–113.

³ Злотковский В.И. Особенности использования опросных методов социологических исследований на примере города Красноярска и Республики Хакасия // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая : сб. науч. ст. / отв. ред. д-ра ист. наук В.Н. Тугужекова. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2012. – Вып. 14. – С. 27–41.

⁴ Злотковский В.И. Метод фокус-группы и новые виды качественных социологических исследований // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая : сб. науч. ст. Вып. 18 / отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2015. – С. 14–23.

⁵ Под индексом понимается комбинация (совокупность) индикаторов, образованных особым образом, исходя из целей исследования. А под индикатором – доступная наблюдению и изучению характеристика изучаемого объекта. *Источник:* [166, с. 11].

Сводный индекс социального самочувствия определяется как среднее арифметическое четырех частных индексов: индекса складывающейся жизненной ситуации, индекса материального положения, индекса изменения жизни и индекса социального оптимизма. Частные индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитываются как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Более подробная информация о расчете частных и сводного индексов социального самочувствия представлена в п. 4.3.

Информация о динамике сводного индекса социального самочувствия населения за длительный период (2000–2020 гг.) позволяет интерпретировать те или иные социально-экономические и политические процессы и события в жизни города Красноярска. Например, в декабре 2008 г. зафиксированы первые признаки надвигающегося финансового кризиса. Сводный индекс социального самочувствия жителей г. Красноярска в это время снизился до отметки +41,0% (против +58,1% в ноябре 2007 г.). Произошло это «главным образом за счет снижения индекса социального оптимизма (с +76,1% в октябре 2007 г. до +34,8% в декабре 2008 г.). Респонденты еще напрямую не почувствовали ухудшения своего материального положения, но начали с тревогой смотреть на возможное развитие событий в ближайшем будущем»¹.

Если к сводному индексу социального самочувствия добавить индекс оценки деятельности главы города, то получим *сводный индекс общественных настроений*. Индекс оценки деятельности главы города рассчитывается как разность суммы ответов «положительно» и «скорее положительно» и суммы ответов «скорее отрицательно» и «отрицательно» на вопрос: «Как вы оцениваете деятельность главы города?» Сводный индекс общественных настроений рассчитывается как среднее арифметическое сводного индекса социального самочувствия и индекса оценки деятельности главы города. Данный индекс обладает хорошей объяснительной возможностью, например, результатов муниципальных выборов в г. Красноярске (см. п. 4.1). Кроме того, с его помощью у социологов расширяются возможности для построения реалистичных электоральных прогнозов.

Индекс удовлетворенности положением дел в сферах жизни города рассчитывается как разность суммы ответов «полностью удовлетворен», «скорее удовлетворен» и суммы ответов «скорее не удовлетворен» и «полностью не удовлетворен» на вопрос: «Насколько вы удовлетворены положением дел в следующих сферах жизни нашего города?», в котором содержится перечень основных сфер (сторон) жизни. Сводный индекс удовлетворенности рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов (см. п. 4.3).

¹ Злотковский В.И. Динамика социального самочувствия жителей Красноярска и его влияние на результаты муниципальных выборов (2000–2013 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 3 [121]. – С. 17.

Индекс изменений в сферах жизни города рассчитывается как разность суммы ответов «к лучшему» и «нет перемен» и суммы ответов «к худшему» на вопрос: «В каких сферах жизни города вы замечаете перемены к лучшему, в каких – к худшему, а в каких не замечаете перемен?», в котором содержится перечень основных сфер (сторон) жизни. Сводный индекс изменений в сферах жизни рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов.

Индекс удовлетворенности и индекс изменений в сферах жизни города наряду с диагностикой социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан, позволяют получить более полную, многомерную информацию о социальных процессах, протекающих на местном уровне, также позволяет на ранних стадиях отслеживать негативные тенденции и потенциальные точки социальных напряжений. Например, с их помощью был спрогнозирован рост актуальности проблемы дефицита мест в детских садах в г. Красноярске в середине 2010-х годов (см. п. 4.3).

Индекс оценки деятельности руководителей органов власти и индекс доверия политиков, рассчитываемый как разность числа респондентов, доверяющих и не доверяющих политику, выступают эффективным инструментом для оценки электоральной ситуации и прогнозирования результатов выборов. Первый индекс чаще всего применяется в отношении действующих руководителей, второй – в отношении политиков, претендующих на выборную должность.

Показательным примером практического применения этих индексов выступают выборы главы города Красноярска в 2012 г. и выборы губернатора Красноярского края в 2014 г., когда имя будущих руководителей было установлено задолго до официального начала рекламно-агитационных кампаний. Будущие победители выборов имели значительно более высокий индекс доверия по сравнению со своими оппонентами. Так, на выборах главы города Красноярска в 2012 г. у кандидата от «Единой России» Э.Ш. Акбулатова индекс доверия составлял +4,1%, в то время как у остальных восьми кандидатов на пост главы города индекс доверия имел отрицательное значение и колебался в диапазоне от –17,3% до –31,6% [235, с. 27–45].

На выборах губернатора Красноярского края в 2014 г. среди пяти кандидатов только будущий победитель выборов В.А. Толоконский обладал положительным индексом доверия (+10,7%). У остальных кандидатов они имели отрицательные значения и колебались в диапазоне от –2,9% до –9,1% [166, с. 166]. Иными словами, будущие победители выборов потому и победили, что в общественном сознании воспринимались избирателями позитивно задолго до начала рекламно-агитационной кампании, в отличие от всех остальных кандидатов.

На выборах депутатов городской думы г. Березники Пермского края в 2004 г. динамика рейтингов доверия кандидатов и ожидания победителей выборов позволили точно

спрогнозировать фамилии будущих депутатов во всех 25 одномандатных избирательных округах.

Распространение получили и другие индексы, в частности, индекс удовлетворенности качеством жилищно-коммунальных услуг, индекс удовлетворенности работой общественного транспорта¹ [166, с. 50–54], индекс удовлетворенности качеством социальных услуг, оказываемых муниципальными учреждениями [166, с. 300–309], индекс потребительских предпочтений в продовольственной сфере².

Особенно ценным является то, что все перечисленные выше социальные показатели и индикаторы прошли успешную апробацию в ходе проведения социологических исследований в период работы диссертанта в администрации г. Красноярска в 2000–2011 годах. Результаты, полученные в ходе исследований, позволяли обеспечивать городскую администрацию объективной информацией о процессах, протекающих в социальной и политической сферах жизни города. Полученная информация учитывалась при принятии управленческих решений [166, с. 5–9]. В данный период осуществлялось фактическое сопровождение на этапах подготовки, принятия управленческих решений и их последующая корректировка, на что указывают информационно-аналитические сборники «Красноярск и красноярцы» [13; 44, 46, 48; 66; 79, 85] и прежде всего «Социологические исследования в практике муниципального управления (на примере администрации города Красноярска)» [82] и другие публикации³.

¹ Злотковский В.И. Сфера ЖКХ в общественном восприятии жителей города Красноярска // В мире научных открытий. Сер.: Соц-гуманит. науки. – 2014. – № 5.2 (53) – С. 566–577.

² Злотковский В.И., Злотковская А.В., Сукачева Т.И. Конкуренция как фактор повышения качества услуг в сфере торговли... – С. 234–252.

³ Злотковский В.И. Использование результатов социологических исследований в управленческой деятельности (на примере Главного управления культуры администрации Красноярска) // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 31 мая 2014 г.: в 11 ч. – Тамбов: Консалтинговая компания «Юком», 2014. – Ч. 1. – С. 58–60 ; *Его же*. Использование результатов исследований в управлении спортивной отраслью (на примере г. Красноярска) // Современные тенденции в образовании и науке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 31 октября 2013 г.: в 26 ч. / М-во образования и науки РФ. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2013. – Ч. 4. – С. 62–63 ; *Его же*. Использование результатов социологических исследований в управленческой деятельности (на примере городской акции «Неделя качества») // Актуальные проблемы социально-экономического развития России : сб. ст. аспирантов, преподавателей и молодых ученых III Междунар. науч.-практ. конф. / коллектив авторов; Краснояр. филиал ОУП ВПО «Академия труда и соц. отношений». – М.: АТиСО, 2013. – С. 124–131 ; *Его же*. Междунар. форум «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития (Республика Хакасия, июнь 2013 г.) глазами его участников» // Центральноазиатские чтения : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф./ ред. З.Ю. Доржу, В.М. Дамдын-чал, А.А. Стороженко. – Кызыл: ТувГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 90–93 ; *Его же*. Газеты в общественном мнении красноярцев // Региональные и местные СМИ: проблемы и перспективы в процессе системной трансформации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. в рамках фестиваля «Байкальская пресса – 2013» / отв. ред. А.В. Гимельштейн, А.П. Шинкарева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – С. 48–56.

На необходимость такой работы (использование результатов социологических исследований в управленческой деятельности) неоднократно указывают ведущие представители социологического сообщества, в том числе академик М.К. Горшков [146, с. 5–8].

В последующем апробированные методики применялись при изучении социально-политических процессов в других муниципальных образованиях Красноярского края и других субъектах РФ: Республике Хакасия, Пермском и Приморском краях, Иркутской области.

Выводы по главе 1

1. В процессе становления региональных властных отношений, в целом в развитии российской государственности выделено четыре этапа. Первый этап – с 1991-го по 1993 гг. – становление договорной модели российской государственности в условиях слабости федерального центра. Второй этап – с 1993-го по 1999 гг. – конституционное закрепление федерального российского государства. Третий этап – с 2000-го по 2020 гг. – становление и упрочение вертикали власти и возрастание роли федерального центра в структуре федеративных отношений. Четвертый этап – с 2021 г. по настоящее время – суверенизация российской государственности, приоритет общероссийской правовой системы и общенациональных отношений в повседневной жизнедеятельности российского общества, в структуре отношений федерального центра и регионов. Содержание каждого этапа становления российской государственности, региональной системы властных отношений есть результат компромисса интересов, подходов к государственному устройству со стороны социально активных политических сил федерального центра и регионов.

2. Концептуальная модель исследования процесса становления региональных властных отношений на каждом этапе развития ориентируется на изучение конкретной системы социальных отношений между федеральным центром и регионами, региональным центром власти и административными субъектами внутри регионов, органами местного самоуправления, властью в регионах и населением, региональной властью и бизнесом и политическими партиями. Такой концептуальный подход к исследованию позволяет определить основной вектор развития каждого этапа в трансформации региональных властных отношений, выделять в нем субъектов, выступающих в качестве движущих сил социально-политических изменений.

3. Показано: Россия в XXI веке находится в условиях новой политической реальности, характеризующейся усилением динамизма всех социально-экономических и политических процессов, а также события, связанные с проведением специальной военной операции на Украине в 2022 г., содержат в себе вызовы и риски для российской государственности в целом. Эти вызовы и риски настолько многочисленны и значительны, что в настоящее время в науке

сформировалось новое направление – рискология, объединяющее большое количество концепций, определений понятия риска, методов оценки его последствий и перспектив управления им.

4. Сущностной основой политического процесса на региональном уровне выступают социально-политические изменения, идущие в сфере местного самоуправления. Поэтому основное внимание в диссертационном исследовании уделено социодинамике процессов, формирующихся в сфере функционирования муниципальной власти, которые, с одной стороны, отражают социально-политические изменения, идущие в стране и в регионе, с другой – социально-экономические условия жизни социума на уровне местной власти.

5. Настоящим исследованием установлено: основные задачи муниципальной реформы, заложенные в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не были решены. Речь идет, во-первых, о создании стабильной законодательной базы местного самоуправления и четком разграничении полномочий между уровнями публичной власти. Во-вторых – о приведении экономической и финансовой базы муниципальных образований в соответствие с объемами полномочий, создании стимулов для социально-экономического развития муниципальных образований и расширения их собственной налоговой базы. В-третьих – об активизации населения и структур гражданского общества на местном уровне, приближении муниципальной власти к населению.

6. Проведенный анализ показал, что абсолютное большинство рекомендаций и предложений, разработанных научными организациями, исследовательскими коллективами и отдельными учеными, направленных на повышение эффективности функционирования системы местного самоуправления, в настоящее время оказываются невостребованными.

7. Изучены конкретные аспекты функционирования системы местного самоуправления, связанные, во-первых, с внедрением системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607, во-вторых – с появлением имитационных практик в муниципальном управлении. Сделаны выводы. Реализация на практике системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления носит формальный характер и не имеет реальных последствий ни для органов местного самоуправления, ни для их руководителей. В последние годы роль имитационной составляющей в муниципальном управлении усиливается и проявляется прежде всего в подмене реальной деятельности ее видимостью.

8. Введено в научный оборот понятие «муниципальное гражданское сообщество» – это местное (муниципальное) сообщество, в котором большая часть граждан активно участвует в экономической жизни муниципального образования посредством управления или владения собственностью.

9. Проанализировано отношение Президента РФ, Совета Федерации Федерального собрания и Государственной думы РФ, ряда общественных структур к развитию местного самоуправления. Сделан вывод: Президент РФ видит проблемы в системе местного самоуправления и нацеливает политическую элиту на их решение с целью создания сильного, дееспособного местного самоуправления. Также установлено: для обеих палат Федерального собрания РФ местное самоуправление не относится к числу приоритетных направлений деятельности. Что касается таких структур, как Всероссийский совет местного самоуправления и Общероссийский конгресс муниципальных образований, то их деятельность сосредоточена на решении второстепенных вопросов и слабо затрагивает действительно актуальные проблемы местного самоуправления.

10. Местное самоуправление в той или иной мере существовало на протяжении всей истории России. Большая ее часть характеризуется очень сильно перекошенным балансом отношений – почти полным преобладанием контроля центра над самостоятельностью мест. При этом местное самоуправление развивалось циклично: от централизации к децентрализации, и обратный процесс – от децентрализации к централизации.

11. Проведенный анализ позволяет сделать вывод: пробуксовка реформы местного самоуправления в РФ во многом обусловлена некритическим заимствованием опыта зарубежных стран и недостаточной опорой на отечественный опыт. Поиск оптимальной модели организации системы местного самоуправления был и остается весьма актуальной проблемой для нашей страны.

12. Проведен анализ использования социальных индикаторов и показателей за рубежом и в нашей стране (с 1960–1970 гг. и до настоящего времени). Обоснован интерес исследователей к понятию «социальное самочувствие», представлены его трактовка в научной литературе, рассмотрены основные факторы формирования социального самочувствия и методы измерения, проводимые научными коллективами, отдельными учеными и исследовательскими структурами (ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр», ЦИРКОН).

13. Разработаны и прошли успешную апробацию социальные индикаторы и показатели (индексы), позволяющие отслеживать диагностику социального самочувствия населения и динамику социально-экономических и политических процессов на региональном уровне. К числу наиболее значимых следует отнести индексы социального самочувствия населения (частные и сводный), индексы удовлетворенности и изменений в сферах жизни муниципального образования и сводный индекс общественных настроений.

14. Представлена информация о применении диссертантом социальных показателей и индикаторов для изучения социально-политических процессов, протекающих на региональном и муниципальном уровне. Показано на примере администрации г. Красноярска принятие во

внимание полученных в ходе социологических исследований данных при подготовке управленческих решений.

Глава 2. Тенденции развития социально-политических процессов на региональном уровне

«По многим социальным показателям развития, как свидетельствуют результаты социологических опросов и статистические данные, Красноярский край можно рассматривать как микромодель всей России. Он выступает в роли своеобразного термометра, показывающего среднюю социальную температуру по стране. И те процессы, которые в нем происходят, во многом характерны для всей страны. Именно поэтому результаты исследований, проведенных в Красноярском крае, в определенной мере могут свидетельствовать о направленности процессов, идущих и в региональной системе властных отношений, и других субъектах Российской Федерации»¹ (п. 2.1 «Эволюция этапов становления властных отношений в Красноярском крае и Республике Хакасия как отражение изменений в системе власти на федеральном уровне»).

Вместе с тем эволюция властных отношений на уровне регионов отличается значительным разнообразием. Если Красноярский край – типичный российский регион, то Республика Хакасия имеет четко выраженную региональную специфику. В 90-х гг. прошлого столетия и 2000-х гг. в республике наблюдалась довольно редкая для российских регионов ситуация большой зависимости республиканской политической элиты от крупного бизнеса. Н.В. Зубаревич назвала данное явление «приручением регионов» со стороны крупного бизнеса. В конце 2010-х гг. в Хакасии вновь сложилась нетипичная ситуация, когда республику возглавил 1-й секретарь регионального отделения КПРФ, а партия «Единая Россия» не сумела получить большинство в республиканском парламенте. В этом отношении изучение процесса становления и развития властных отношений в двух соседних сибирских субъектах РФ представляется весьма актуальной задачей, особенно в контексте возможной корректировки дальнейшего пути политического развития регионов (п. 2.2 «Особенности эволюции властных отношений на региональном уровне»).

Рассмотрение в данной главе п. 2.3 «Влияние региональных властей на формирование корпуса глав местного самоуправления» обусловлено тем, что в 2010-х гг. процесс формирования и последующей деятельности органов местного самоуправления оказался под полным контролем региональной партии власти. Проблема взаимоотношений региональных и местных органов власти в настоящее время актуализируется принятием поправок в Основной закон РФ в 2020 г. [43], Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [89], а также рассмотрением в первом чтении Федерального закона от 16 декабря 2021 г. № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [38].

¹ Гришаев С.В., Злотковский В.И. Взаимодействие власти и бизнеса как социального института в современной России (на примере социологических исследований в Красноярском крае) // Труд и социальные отношения. – 2014. – № 7. – С. 27, 28.

Указанные документы законодательно закрепляют создание единой системы публичной власти в Российской Федерации, в которую входят органы государственной власти и органы местного самоуправления, с целью осуществления взаимодействия для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. В данном контексте выбор оптимальной модели организации местного самоуправления был и остается актуальной проблемой.

2.1. Эволюция этапов становления властных отношений в Красноярском крае и Республике Хакасия как отражение изменений в системе власти на федеральном уровне

Тема, вынесенная в заголовок параграфа, рассматривается на материалах социологических исследований двух соседних сибирских регионов: Красноярского края и Республики Хакасия. Красноярский край как административно-территориальная единица был создан в 1934 г. и практически полностью совпадал с границами Енисейской губернии, существовавшей в царской России. В состав края входили Хакасская автономная область и Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа¹.

Слова, сказанные Б.Н. Ельциным в 1990 г. («Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»), стали руководством к действию для многих региональных политических элит. Не стал исключением и Красноярский край. В 1991 г. из Красноярского края выделяется Хакасия, ставшая полноправным субъектом Российской Федерации и получившая статус республики. В 1992 г. в соответствии с Федеральным договором Таймыр и Эвенкия получают статус самостоятельных субъектов, оставаясь в административно-территориальном отношении в составе Красноярского края. Для разрешения этой правовой коллизии в 2005 г. проводится референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии, и с 1 января 2007 г. на карте России появляется новый субъект – Красноярский край в пределах границ трех ранее существовавших субъектов РФ.

Красноярский край и Республика Хакасия, несмотря на существенные различия в социально-экономическом и политическом развитии, имеют много общего в становлении и развитии властных отношений в регионах. Можно выделить 2 этапа в данном процессе. Первый этап характеризуется отсутствием в указанных субъектах РФ конструктивных взаимоотношений с федеральным центром, сложным характером взаимоотношений внутри

¹ Енисейская губерния имеет длительную историю взаимоотношений с Тувой, добровольно перешедшей в 1914 г. под протекторат России. И в этом же году Тува под названием Урянханский край включается в состав Енисейской губернии. В 1944 г. Тувинская народная республика принимается в состав РСФСР на правах автономной области. В 1990 г. в Туве принимается декларация о государственном суверенитете, а в 1991 г. под названием «Республика Тыва» она становится полноправным субъектом РФ. В этой связи высказывания ряда политиков о целесообразности объединения Красноярского края, Республики Хакасия и Республика Тыва в единый субъект РФ имеют под собой исторические основания.

региональных элит и значительной ролью, которую играл крупный бизнес в политическом процессе. В Красноярском крае (далее в равной степени употребляется термин «край») данный этап охватывает отрезок с начала 1990-х гг. и до середины 2000-х гг., в период руководства регионом В.М. Зубовым (1993–1998 гг.) и А.И. Лебедем (1998–2002 гг.). В Республике Хакасия (далее – Хакасия) в данный период (с середины 1990-х гг. и по конец 2010-х гг.) руководителем региона являлся Алексей Иванович Лебедь, младший брат известного российского политика Александра Ивановича Лебеда.

Второй этап (в Красноярском крае – с середины 2000-х гг. по настоящее время, в Хакасии – с конца 2000-х гг. по настоящее время) характеризуется построением региональных партий власти во главе с региональными правительствами и парламентами и политической партией «Единая Россия», замыкающихся на российскую вертикаль власти. Республиканские выборы Хакасии в 2018 г. ознаменовались двумя знаковыми событиями: избранием на пост губернатора-коммуниста и утратой партией «Единая Россия» большинства в Верховном Совете Республики Хакасия. Однако нет достаточных оснований считать, что они послужили началом нового этапа в эволюции становления властных отношений в республике. В правительстве работают представители различных партий, включая и партию «Единая Россия». Фракция «Единой России» со временем оказалась наиболее многочисленной в Верховном Совете Республики Хакасия (24 мандата против 13 – у КПРФ, 6 – у ЛДПР)¹. На всех последующих выборах (депутата Государственной думы РФ в 2021 г., довыборы депутатов республиканского парламента, выборы органов местного самоуправления) неизбежно побеждают представители партии «Единой России». Но в любом случае результаты выборов в Хакасии в 2018 г. и последующее развитие политических событий вызывает исследовательский интерес, прежде всего с позиции оценки вариативности возможного развития властных отношений в регионах страны.

2.1.1. Эволюция этапов процесса становления системы властных отношений в Красноярском крае

Заявленную тему можно исследовать под различными углами зрения. Отдано предпочтение анализу результатов мониторинговых экспертных опросов, региональных выборов (губернатора и депутатов Законодательного собрания края) и результату массовых опросов. В ходе экспертных опросов определялся политический вес властных, корпоративных и политических структур в регионе. В данном случае под политическим весом понимается «способность того или иного института власти (управления) или бизнеса определять

¹ Фракции и группы [Электронный ресурс] // Верховный Совет Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <https://vskhakasia.ru/deputatskiy-korpus/fractions> (дата обращения: 09.09.2022).

направленность политических решений в регионе и обеспечивать их воплощение в жизнь»¹. Всего было проведено пять экспертных опросов: в 2001 г. [197, с. 48, 49], в 2004, 2010 и 2019 гг. [прил. 1; 3]. Данные за 2001, 2004 и 2010 гг. представлены в вышеуказанной публикации².

Таблица 2.1

**Влияние, которое оказывают на политическую жизнь в Красноярском крае
основные управленческие, хозяйственные и политические структуры
(баллы в 2001 г.; % от числа опрошенных в 2004, 2010 и 2019 гг.)**

Управленческие, хозяйственные и политические структуры	Год проведения опроса			
	2001	2004	2010	2019
<i>Управленческие структуры</i>				
Губернатор и его команда	0,93	89,7	84,0	86,2
Законодательное собрание края	0,74	28,1	23,9	24,6
Мэры крупных городов-доноров	0,27	28,2	12,7	12,9
Полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе	0,10	5,1	6,0	6,2
Федеральные структуры власти в регионе	0,03	2,8	9,3	10,6
<i>ФПГ и корпоративные структуры</i>				
Связанные с алюминиевым бизнесом	0,81	69,2	38,8	36,9
Связанные с энергетическим комплексом	0,76	51,3	27,6	25,4
Связанные с горнодобывающим комплексом	0,63	67,9	40,4	43,6
Связанные с нефтяным и газодобывающим комплексами	0,36	23,1	36,6	39,5
Связанные с лесозаготовкой и переработкой древесины	0,05	15,4	9,0	4,1
Криминальные структуры, связанные с теневой экономикой	0,29	12,8	11,2	9,8
<i>Общественные объединения, политические партии</i>				
«Единая Россия»	–	56,4	76,1	79,2
«Справедливая Россия»	–	–	2,2	5,3
КПРФ	0,41	19,2	15,7	14,9
ЛДПР	0,05	2,6	7,5	16,1
«Союз правых сил»	–	2,6	7,2	–
«Патриоты России»	–	–	0,7	–
«Яблоко»	0,11	12,1	4,4	2,7
«Наши» (Усс – Новиков – Зубарев)	0,29	–	–	–
«За Красноярск» (П.И. Пимашков)	0,26	50,0	–	–
«С Верой и Надеждой» (А.П. Быков)	0,25	39,7	–	–
«Союз промышленников и предпринимателей»	–	6,4	–	–
«Честь и Родина» (А.И. Лебедь)	0,32	–	–	–
«Союз товаропроизводителей и предпринимателей»	–	3,8	–	–
«Единство»	0,52	–	–	–
«Отечество»	0,10	–	–	–
«Союз ради будущего» (В.М. Зубов)	0,09	–	–	–

Примечание. Прочерк означает, что политическая структура не включалась в исследовательский инструментарий. В исследовании 2001 г. количественные значения политического веса участников политического процесса замерялись по следующей шкале: менее 0,15 балла – низкое влияние; 0,16–0,30 – ниже среднего, 0,31–0,45 – среднее; 0,46–0,60 – выше среднего; 0,61 и более баллов – высокое. В ходе опросов 2004 и 2010 гг. политический вес оценивался в процентах от числа опрошенных.

¹ Гришаев С.В., Злотковский В.И. Взаимодействие власти и бизнеса... С. 27.

² Там же. С. 29.

Перед тем как приступить к анализу данных, приведенных в таблице 2.1, необходимо отметить: избрание на пост губернатора Красноярского края А.И. Лебеда в 1998 г. существенно усилило, по мнению местных экспертов, существовавший в это время раскол в региональной политической элите. Известный российский политолог О.В. Гаман-Голутвина считает, что А.И. Лебедь на этих выборах выступал ставленником московских финансово-промышленных групп и период его руководства краем стал периодом масштабного передела собственности в пользу варягов, а местные бизнес-элиты потеряли контроль над ключевыми отраслями экономики региона и оказались оттесненными от управления краем [133, с. 408–409]. Данный контекст дает верный ориентир для интерпретации явлений и событий в региональном политическом процессе, фиксируемых результатами экспертных опросов и электоральной статистикой.

Как следует из таблицы 2.1, наибольшее влияние на политические процессы в Красноярском крае в 2001 г. оказывали губернатор и его команда (0,93 балла), региональный парламент (0,74) и действующие в регионе финансово-промышленные группы (далее ФПГ), связанные с алюминиевым бизнесом (0,81), энергетическим и горнодобывающим комплексами (0,76 и 0,63 баллов соответственно). Таким образом, в Красноярском крае в начале 2000-х гг. сложился определенный паритет политических сил, представленных двумя ветвями краевой государственной власти и действующими в регионе ФПГ. Подобный расклад политических сил, которые преследовали различные политические интересы (например, крупный бизнес, как будет показано в п. 3.4, ориентируется главным образом на реализацию корпоративных интересов), не способствовал принятию многих важных управленческих решений в интересах региона и его жителей. Неслучайно многие озвучиваемые губернатором края А.И. Лебедем проекты так и не получили поддержки со стороны региональной политической элиты. Например, объединение Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в единый субъект РФ, объединение и укрупнение муниципальных образований, создание региональной партии власти.

Среди политических структур наибольшим политическим весом обладали пропрезидентская партия «Единство» (0,52 балла), КПРФ (0,41 балла) и избирательные объединения, поддерживаемые ведущими региональными политиками. Политический вес объединения «Честь и Родина», курируемого губернатором А.И. Лебедем, эксперты оценивали в 0,32 балла, блока «Наши!», возглавляемого спикером регионального парламента А.В. Уссом, – в 0,29 балла. Политический вес объединения «За Красноярск», созданного главой г. Красноярска П.И. Пимашковым, оценивался в 0,26 балла, блока «С Верой и Надеждой», возглавляемого депутатом Законодательного собрания края, экс-владельцем Красноярского алюминиевого завода А.П. Быковым, – в 0,25 балла. Остальные политические структуры, по

мнению экспертов, заметного влияния на политические процессы в крае в тот период не оказывали.

Наиболее наглядно раскол элит проявился на выборах депутатов регионального парламента в 2001 г., когда в избирательной кампании приняли участие все ведущие краевые политики: губернатор края А.И. Лебедь, председатель Законодательного собрания края А.В. Усс; глава г. Красноярска П.И. Пимашков; губернатор Таймыра А.Г. Хлопонин и депутат Законодательного собрания края А.П. Быков. Перечисленных политиков поддерживали разные избирательные структуры, зачастую созданные непосредственно перед выборами (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Субъекты выдвижения депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 1994–2021 гг. (% от общего числа избранных депутатов; 100% по столбцу)

Избирательные структуры	Год проведения выборов						
	1994	1997	2001	2007	2011	2016	2021
<i>Политические партии</i>							
«Аграрная партия»	11,6	–	–	–	–	–	–
КПРФ	7,7	–	16,7	15,4	15,4	7,7	15,4
«Коммунисты и аграрии – за власть народа»	–	31,0	–	–	–	–	–
«Единая Россия»	–	–	–	55,8	63,5	71,2	65,4
«Единство»	–	–	9,5	–	–	–	–
«Справедливая Россия»	–	–	–	13,4	9,6	1,9	–
«Справедливая Россия – За Правду»	–	–	–	–	–	–	1,9
ЛДПР	–	–	–	5,8	7,7	15,4	7,7
СПС	–	–	–	3,8	–	–	–
«Яблоко»	–	4,8	–	–	–	–	–
«Выбор России»	3,8	–	–	–	–	–	–
«Патриоты России»	–	–	–	–	–	1,9	–
«Новые люди»	–	–	–	–	–	–	3,8
«Зеленые»	–	–	–	–	–	–	1,9
<i>Избирательные объединения, блоки</i>							
«Честь и Родина. Александр Лебедь»	–	14,3	–	–	–	–	–
«За Лебеда!»	–	–	11,9	–	–	–	–
«Союз Дела и Порядка – Будущее края»	–	23,7	–	–	–	–	–
«Наши»	–	–	19,0	–	–	–	–
«Блок Анатолия Быкова»	–	–	11,9	–	–	–	–
«Северная партия»	–	–	9,5	–	–	–	–
Другие блоки	7,7	4,8	4,8	–	–	–	–
Группы избирателей / самовыдвижение	69,2	21,4	16,7	5,8	3,8	1,9	3,8

Примечание. Прочерк означает отсутствие представителей избирательной структуры в региональном парламенте (структура не была создана, прекратила свое существование, не участвовала в выборах; участвовала в выборах, но не сумела провести своих представителей в парламент).

Источники: [6] и подсчитано по: Депутатский корпус [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://www.sobranie.info/deputies.php> (дата обращения: 15.01. 2022).

Согласно данным электоральной статистики, по итогам избирательной кампании первое место занял избирательный блок «Наши», возглавляемый А.В. Уссом (19,0% от общего числа депутатских мандатов). КПРФ получила 16,7% депутатских мандатов, избирательные блоки «За Лебедя!» и «Блок Анатолия Быкова» – по 11,9%. Партия «Единство», чей список возглавлял глава Красноярска П.И. Пимашков, получила 9,5% мандатов. Столько же мандатов досталось «Северной партии», во главе списка которой стоял губернатор Таймыра А.Г. Хлопонин.

Таким образом, по итогам парламентских выборов в крае формально сложились 4 наиболее влиятельные парламентские группы. Первую группу (треть от общей численности депутатов) составили депутаты прогубернаторских блоков («За Лебедя!» и «Надежда и опора») и депутаты от КПРФ, проводившие в парламенте консолидированную политику. Сопоставимым количеством мандатов (30,9%) обладали сторонники спикера регионального парламента (блок «Наши!») и его политического союзника А.П. Быкова (блок «С Верой и Надеждой»). Следует отметить: и краевое правительство, и краевой парламент публично декларировали отстаивание интересов всех жителей края, но по-разному оценивали пути дальнейшего политического и социально-экономического развития региона. Третья группа (9,5% мандатов) состояла из представителей «Северной партии», которые, по оценкам местных экспертов, прежде всего в своей деятельности отстаивали интересы города Норильска, Таймырского и Эвенкийского автономных округов. И наконец, четвертую группу (9,5%) представляли депутаты, получившие мандаты по партийным спискам «Единства», которое поддерживал глава г. Красноярска П.И. Пимашков. Поэтому данная группа в первую очередь представляла интересы жителей краевого центра.

Из представленного в парламенте расклада политических сил сложно судить о том значительном влиянии, которое оказывал в регионе крупный бизнес на процесс формирования и последующую деятельность регионального парламента. Между тем это влияние было весьма значительным и перевешивало даже влияние краевых органов власти (см. п. 3.4). Обладая значительными финансовыми, информационными и иными ресурсами, крупный бизнес оказывал в той или иной мере поддержку всем основным участникам избирательной кампании, связывая договорными обязательствами ведущих краевых политиков.

В преддверии парламентских выборов 2001 г. губернатором края А.И. Лебедем предпринималась попытка создания на региональном уровне партии власти. Планировалось зарегистрировать блок «Вместе», чей партийный список возглавили бы первые руководители Красноярского края, Таймыра и Эвенкии. Замеры общественных настроений, проведенные диссертантом накануне выборов, свидетельствовали о весьма неплохих электоральных перспективах нового избирательного блока [прил. 1; 6]. Однако попытка создания

региональной партии власти оказалась безуспешной по причине разнонаправленности политических интересов основных субъектов регионального политического процесса.

Следует отметить: это была уже не первая безуспешная попытка создания региональной партии власти. На выборах депутатов регионального парламента в 1997 г. под выборы создается избирательный блок «Союз Дела и Порядка – Будущее края», чей партийный список возглавили ведущие краевые политики: заместитель губернатора края А.В. Усс, глава Красноярска П.И. Пимашков и генеральный директор АО «Норникель» Д.Т. Хагажеев. Блок получил лишь четверть депутатских мандатов (23,7%). В то время как блоку «Коммунисты и аграрии – за власть народа» достался 31,0 % мандатов. На третьем месте оказался блок «Честь и Родина. Александр Лебедь» (14,3%) (см. табл. 2.2). Последнее обстоятельство чаще всего интерпретировалось в СМИ как подготовка А.И. Лебедем политического плацдарма для участия в выборах губернатора Красноярского края в 1998 году.

Логика подсказывает: консолидация в региональной политической элите – это позитивное явление, в отличие от ее раскола. Но была бы благом для края и его жителей консолидация краевой политической элиты вокруг такой неоднозначной и противоречивой политической фигуры, как А.И. Лебедь? Для положительного ответа на этот вопрос имеются два серьезных возражения.

Во-первых, как руководитель-губернатор такого крупного, промышленно развитого региона, каковым является Красноярский край, он оказался неэффективным управленцем. В подтверждение сказанному представим результаты исследования эффективности деятельности региональных руководителей российским Центром политических технологий. Оценка губернаторов проводилась по трем параметрам: 1) влияние на федеральном уровне; 2) влияние среди местной деловой и властной элит; 3) популярность среди населения. Согласно результатам, полученным в январе 2002 г., А.И. Лебедь оказался в числе наименее эффективных руководителей региона, заняв третье место снизу в губернаторском рейтинге (или 86-е место среди 88 губернаторов) [272, с. 134–151]. Одновременно, согласно результатам мониторинговых исследований, посвященных определению наиболее влиятельных российских политиков, проводимых «Независимой газетой», А.И. Лебедь во второй половине 90-х гг. прошлого столетия быстро утрачивал политический вес и с 2000 г. перестал входить в число 100 ведущих политиков РФ [166, с. 137].

Во-вторых, по сообщениям ряда СМИ, А.И. Лебедь рассматривал свое губернаторство в Красноярском крае как промежуточный этап на пути борьбы за пост Президента РФ в 2004

году¹. Получается, А.И. Лебедь, занимая пост губернатора края, задумывался прежде всего о реализации своих амбициозных политических планов.

В свете сказанного особую актуальность приобретает проблема системы сдержек и противовесов во власти. Если во второй половине 90-х гг. прошлого столетия и начале 2000-х гг. в Красноярском крае функционировала специфическая система сдержек в лице краевого правительства, парламента и присутствующих в регионе крупных финансово-промышленных групп, то в последующем, после построения региональной партии власти, она разрушилась. Данное обстоятельство, по оценкам диссертанта, негативно влияет на качество государственного и муниципального управления.

Не менее наглядно раскол региональной политической элиты проявился и в досрочных выборах губернатора Красноярского края в сентябре 2002 г., назначенных в связи трагической гибелью А.И. Лебеда. В избирательной кампании в том или ином качестве приняли участие все ведущие региональные политики, все значимые управленческие, хозяйственные и политические структуры. В последний момент желание баллотироваться на пост руководителя сибирского региона выразил политик федерального уровня – академик С.Ю. Глазьев, являющийся депутатом Государственной думы РФ. Общее число кандидатов на пост губернатора края составило 15 человек.

Результаты голосования в первом туре выборов 8 сентября 2002 г. оказались следующими. За председателя Законодательного собрания края А.В. Усса проголосовали 27,6% избирателей края, за губернатора Таймыра А.Г. Хлопонина – 25,3%, за депутата Государственной думы РФ С.Ю. Глазьева – 21,4%, за главу г. Красноярска П.И. Пимашкова – 14,3%. Во второй тур вышли А.Г. Хлопонин и А.В. Усс. В итоге победу одержал губернатор Таймыра с результатом 48,1%, опередив на 6,2% спикера краевого парламента [5, с. 75, 76].

Выборы губернатора Красноярского края в 2002 г. экспертами оценивались неоднозначно, противоречиво. В качестве позитивных моментов чаще всего назывались проведение выборов в условиях реальной альтернативности и конкуренции и зависимость их результата от голосования избирателей, а не от предварительных договоренностей в «высоких кабинетах». Поэтому кандидаты проводили активные рекламно-агитационные кампании, предусматривающие широкое использование СМИ, выпуск наглядной и печатной рекламно-агитационной продукции, регулярно встречались с различными группами избирателей со сбором наказов и пожеланий, организовывали работу общественных приемных и др.

¹ Генерал Лебедь умер. Он сам расценивал свое губернаторство в Красноярском крае как первый шаг в новой президентской кампании [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/news/2002/04/28/571282/> (дата обращения: 08.08.2022) ; Путь в президенты Лебедь начинает с губернаторства [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ» : сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/192370> (дата обращения: 08.08.2022) и др.

Жители края на этих выборах выступали в роли своеобразных политических арбитров для претендентов на пост главы региона, имея возможность оценивать и сравнивать их предвыборные программы, деловые и личностные качества кандидатов, их публичные заявления и предвыборные действия. В свою очередь кандидаты пытались убедить избирателей в своих способностях управлять таким крупным регионом, каковым является Красноярский край.

С другой стороны, избирательная кампания проходила в условиях острой конкуренции с применением так называемых черных технологий, включая вбрасывание компромата на оппонентов, публичные взаимные обвинения кандидатов, применение различных технологических приемов и механизмов давления на избирателей, включая манипуляцию результатами предвыборных социологических исследований. Неслучайно российский политолог Дмитрий Орешников, говоря о распространении рейтингового жульничества в регионах, в качестве негативного примера указывал именно губернаторские выборы в Красноярском крае в 2002 г., где, по его оценкам, шла откровенная подтасовка результатов исследований в пользу кандидатов, которые в итоге проиграли [364]. По мнению диссертанта, для этой цели штабы некоторых кандидатов использовали нелучшие образцы западного опыта проведения избирательных кампаний – в частности, итальянского, где на период избирательной кампании создаются «исследовательские фирмы», производящие нужные заказчику данные [153, с. 143].

Подобная специфика проведения избирательной кампании оказала существенное негативное влияние на общественное сознание избирателей края, приведя к заметному снижению как личных рейтинговых показателей ведущих краевых политиков, непосредственных участников выборов, так и органов власти и структур, наиболее активно проявивших себя в ходе избирательной кампании. В частности, в г. Красноярске в мае 2003 г. по сравнению с апрелем 2002 г. существенно снизились индексы доверия к институтам власти и структурам. Индекс доверия рассчитывался как разность числа респондентов, доверяющих и не доверяющих институту власти или структуре. Наиболее значительное снижение индекса доверия зафиксировано в отношении крупного бизнеса в лице ведущих финансово-промышленных групп, представленных в регионе (с –39,1% до –55,1% соответственно), СМИ (–2,9% и –24,0% соответственно) и политических партий (–29,7% и –37,5% соответственно) [166, с. 94].

В некотором смысле можно говорить о получении по итогам выборов губернатора края избирателями определенной психологической травмы, последствия которой негативно отражались на политических настроениях и социальном самочувствии граждан в течение длительного периода.

Начавшийся на федеральном уровне в начале 2000-х гг. процесс построения вертикали власти постепенно распространялся и на региональный уровень. Наглядное представление об изменении расклада политических сил в Красноярском крае в этот период дает таблица 2.1, из которой следует, что наибольшим политическим весом в регионе в 2004 г. обладал губернатор А.Г. Хлопонин и его команда (89,7%). Среди политических партий на первое место вышла партия «Единая Россия» (56,4%). Таким образом, точкой отсчета начала функционирования в Красноярском крае региональной партии власти, типичной для других российских регионов (региональная исполнительная власть и партия «Единая Россия»), можно считать середину нулевых годов. Со временем вокруг нее объединились административно-политическая и экономическая краевые элиты. Партия власти названа региональной, исходя из административного принципа, но по способу управления она федеральная, так как все ключевые вопросы предварительно согласовываются с федеральным центром.

Первым значимым общественно-политическим мероприятием, продемонстрировавшим потенциал консолидации региональной политической элиты, выступил референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в единый субъект РФ в 2005 году. Вслед за федеральными политиками в лице федеральных министров, депутатов Государственной думы РФ, членов Совета Федерации РФ, руководителей политических партий, членов Центральной избирательной комиссии РФ, губернаторов сибирских регионов в поддержку объединения выступили практически все представители политической элиты Красноярского края вне зависимости от своих политических ориентаций и предпочтений. За объединение выступали ученые, педагоги, врачи, общественные активисты и рядовые граждане. Как показал проведенный диссертантом анализ региональных СМИ¹, доля информационных сообщений и публикаций, направленных на поддержку создания нового субъекта РФ, составляла 98,7% от общего числа сообщений и публикаций на эту тему².

Избиратели в целом позитивно восприняли консолидацию краевой политической элиты, продемонстрировав на объединительном референдуме высокую избирательную активность (66,8%)³, не превзойденную на всех последующих региональных выборах.

Полученным по итогам референдума от избирателей высоким кредитом политического доверия руководству региона удалось воспользоваться на очередных выборах депутатов

¹ Контент-анализ СМИ проводился в отношении шести телевизионных каналов, имеющих местные новостные блоки, четырнадцати печатных изданий, пяти интернет-агентств и шести радиостанций сотрудниками отдела информационного мониторинга департамента информационной политики администрации города Красноярска под руководством диссертанта. Исследовательский период – с 15 января по 18 марта 2005 г. В общей сложности было проанализировано 376 информационных сообщений и публикаций.

² Злотковский В.И. Референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в 2005 году в зеркале социологии.

³ Там же.

Законодательного собрания края, состоявшихся в 2007 году. Партия «Единая Россия» одержала уверенную победу, получив большинство депутатских мандатов (55,8%) (см. табл. 2.2.). Впечатляет ее предвыборный список. На первом месте находится губернатор края А.Г. Хлопонин, на втором – спикер краевого парламента А.В. Усс, на третьем – глава Красноярска П.И. Пимашков. В первую десятку партийного списка вошли: член Совета Федерации от Красноярского края, 4 депутата регионального парламента, один из руководителей краевого правительства и председатель Союза промышленников и предпринимателей Красноярского края. Помимо консолидации региональной политической элиты вокруг «Единой России», ее успех на выборах был достигнут в большей степени благодаря реорганизация краевой партийной системы, осуществляемой в рамках построения вертикали власти. В новой партийной конфигурации доминирующая роль принадлежала партии «Единая Россия». За 3 месяца до региональных выборов она уверенно лидировала в рейтинге доверия (48,9%). Остальные потенциальные участники избирательной кампании по этому показателю заметно уступали партии власти. «Справедливой России» доверяли 15,8% респондентов, КПРФ – 11,5%, ЛДПР – 6,9% (прил. 1; 19).

Столь значительные различия в рейтинге доверия партий объясняются тем, что в общественном сознании среди политических партий только «Единая Россия» воспринималась в целом позитивно, т. е. работающей в интересах населения (см. п. 3.1). В этих условиях «Единой России» был обеспечен успех на выборах, и ни одна политическая партия не была способна составить ей реальную конкуренцию. В ходе избирательной кампании решались только локальные вопросы. Например, с каким результатом победит партия власти? Как распределятся мандаты среди партий второго эшелона (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»)? Сумеют ли пройти в парламент представители непарламентских партий?

С этого времени партия власти уверенно доминирует в политическом пространстве региона, что убедительно подтверждается результатами последующих экспертных опросов и региональных выборов. Политический вес губернатора и его команды составлял 84,0% (2010 г.) и 86,2% (2019 г.) (см. табл. 2.1), у партии «Единая Россия» – (76,1% и 79,2 % соответственно). Одновременно в указанное время у всех остальных управленческих, хозяйственных и политических структур влияние на политический процесс уменьшалось. В частности, почти в два раза снизился усредненный политический вес финансово-промышленных групп, представленных в регионе, в 3,5 раза – регионального парламента. При этом политический вес партии «Единая Россия» в 6,2 раза превосходил усредненный политический вес всех остальных политических партий в 2010 г. и в 6,5 раза – в 2016 году.

В контексте сказанного сохранение представителями «Единой России» квалифицированного большинства в парламенте выглядит вполне закономерным: 63,5% в

2011 г., 71,2% в 2016 г. и 65,4% в 2021 г. (см. табл. 2.2). На не прямых досрочных губернаторских выборах в 2010 г. и прямых выборах в 2004-м и 2008 гг. уверенно побеждали только кандидаты от партии власти (Л.В. Кузнецов, В.А. Толоконский и А.В. Усс соответственно). Конкуренция с представителями от других партий носила номинальный характер.

Начиная с 2007 г., партия «Единая Россия» в Красноярском крае доминирует на всех выборах. С 2010 г. кандидаты от партии власти составляют абсолютное большинство избираемых глав муниципальных образований Красноярского края и квалифицированное большинство в городских и районных советах депутатов (см. п. 3.3).

На состоявшихся в сентябре 2016 г. выборах депутатов Государственной думы РФ в 2016 г. кандидаты от «Единой России» уверенно победили во всех четырех одномандатных избирательных округах, расположенных в Красноярском крае. Как показал анализ результатов предвыборных исследований, кандидаты от других политических партий не могли составить им реальную конкуренцию. Диссертант сделал предположение: в сегодняшних реалиях победить может практически любой кандидат, выдвинутый партией «Единая Россия», фактически вне зависимости от уровня своей известности среди избирателей, социального статуса, достижений в профессиональной сфере и пр. Столь значительным оказывается перевес «Единой России» в обладании избирательными ресурсами перед другими политическими партиями [285, с. 88–125]. В этих условиях конкуренция и альтернативность на выборах в значительной мере носит номинальный характер. Аналогичным образом развивалась ситуация и на выборах в 2021 гг.: уверенная победа кандидатов от «Единой России» также в 4 округах. И это притом, что двух будущих победителей за несколько месяцев до голосования не знало абсолютное большинство избирателей в округах, и они не имели личного положительного опыта успешного участия в избирательных кампаниях, проводившихся в регионе.

Таким образом, результаты исследований, проведенных в Красноярском крае, позволяют согласиться с мнением российского социолога Н.В. Мерзликина о том, что за последние годы в нашей стране «в региональной системе властных отношений появились тенденции, отразившие смену вектора политического развития страны в сторону укрепления федеративных основ российской государственности и исполнительной вертикали государственной власти» [312, с. 260–261].

2.1.2. Эволюция этапов процесса становления системы властных отношений в Республике Хакасия

В качестве эмпирических источников в данном подразделе выступят результаты мониторинговых экспертных опросов и республиканских выборов (губернатора и депутатов

Верховного Совета Республики Хакасия). Всего проведено четыре экспертных опроса: 1-й – в 1998 г., 2-й – в 2001 г., 3-й – в 2004 г. и 4-й – в 2014 году [прил. 1; 2] – с целью определения наиболее влиятельных республиканских политиков¹.

Данные исследования 1998 г. зафиксировали нетипичный для российских регионов расклад политических сил в Республике Хакасия (далее – РХ). Список наиболее влиятельных республиканских политиков возглавили первый заместитель председателя правительства Республики Хакасия А.Р. Саркисян, ранее занимавший пост заместителя генерального директора ОАО «Саянский алюминиевый завод» (СаАЗ, наиболее крупное промышленное предприятие в Хакасии) и генеральный директор ОАО «СаАЗ» О.В. Дерипаска (табл. 2.3).

Таблица 2.3

**Первая десятка наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия
в 1998-м и 2014 годах**

ФИО и занимаемая должность политика	Балл влиятельности
1998 г.*	
Саркисян А.Р. – первый заместитель председателя правительства РХ	3,39
Дерипаска О.В. – генеральный директор ОАО «СаАЗ»	3,33
Штыгашев В.Н. – председатель Верховного Совета РХ (ВСРХ)	2,97
Лебедь А.И. – председатель правительства РХ	2,94
Булакин Н.Г. – глава г. Абакана	2,94
Шпигальских Ю.А. – заместитель председателя ВСРХ	2,50
Цукерман Э.С. – заместитель генерального директора ОАО «СаАЗ»	2,47
Майтаков Г.Г. – депутат Государственной думы РФ	2,23
Ширковец О.В. – главный редактор газеты «Абакан»	2,09
Шейко О.В. – первый заместитель председателя правительства РХ	2,06
2014 г.**	
Зимин В.М. – глава Республики Хакасия – председатель правительства РХ	3,84
Штыгашев В.Н. – председатель ВСРХ	3,26
Дерипаска О.В. – генеральный директор компании «Русский алюминий»	3,21
Лапшин Ю.А. – первый заместитель главы РХ – председателя правительства РХ	2,98
Булакин Н.Г. – глава г. Абакана	2,89
Смолина И.Г. – заместитель главы РХ – председателя правительства РХ	2,71
Крафт В.А. – заместитель главы РХ – председателя правительства РХ	2,62
Савченко А.Ю. – управляющий директор СаАЗа	2,32
Ломакин В.И. – прокурор РХ	2,31
Шпигальских Ю.А. – первый заместитель председателя ВСРХ	2,25

Источник: * Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2011 гг.) (из опыта социологического анализа) / Красноярская ассоциация социологов; ГАЦМиЗ. – Красноярск: Сибирь, 2002. – С. 60. ** Злотковский В.И. Динамика наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия (по результатам мониторинговых экспертных опросов 1998–2014 годов) // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 12 (68). – С. 269.

¹ Информация о методике проведения экспертных опросов в Республике Хакасия представлена в п. 2.2. Оценка влияния проводилась по пятибалльной шкале, где 0 означает отсутствие влияния, а 4 – очень сильное влияние.

У А.Р. Саркисяна балл влиятельности составлял 3,39, т. е. находился в интервале между сильным и очень сильным влиянием, у О.В. Дерипаски – 3,33. В то же время председатель правительства Хакасии А.И. Лебедь делил лишь 4-5-е места с главой г. Абакана Н.Г. Булакиным с баллом влиятельности 2,94. На седьмой позиции в рейтинге наиболее влиятельных политиков находился заместитель генерального директора СаАЗа Э.С. Цукерман (2,47 балла), на 11-й – президент ТОО «Видеоканал-Абакан» Д.А. Бувевич. Телекомпания создавалась по инициативе и при финансовой поддержке СаАЗа. Сразу после выборов «алюминщики» провели ряд своих ставленников на руководящие должности в республиканскую исполнительную власть и на должность полномочного представителя Президента РФ по Хакасии¹.

Обладание «алюминщиками» значительными административными, финансовыми и иными ресурсами позволило им также заручиться поддержкой части депутатов Верховного Совета Республики Хакасия с целью отстаивания корпоративных интересов.

Столь необычный расклад политических сил на республиканском уровне объясняется тем, что руководителем Хакасии на первых прямых выборах избран А.И. Лебедь, которого местные СМИ называли ставленником СаАЗа. Так, корреспондент газеты «Абакан» напрямую задал А.И. Лебедю вопрос: «В вашем правительстве несколько ключевых постов занимают люди, вышедшие из руководства Саянского алюминиевого завода. Говорят, что вы их ставленник?» Последовал прямой ответ, типичный для многих российских офицеров: «Не боюсь разговоров о том, что я, предположим, ставленник СаАЗа. <...> Если кто-то считает, что меня морально поддержала и финансировала банковско-алюминиевая группировка, то это нормально. Ведь без денег сейчас выборы выиграть невозможно» [369]. Для справки: А.И. Лебедь в статусе депутата Государственной думы РФ победил на выборах председателя правительства РХ в 1996 году. В первом туре за него проголосовали 46,3% избирателей, во втором – 71,8% (табл. 2.11). Известная российская ученая Н.В. Зубаревич назвала ситуацию, сложившуюся в это время в Хакасии, «приручением» регионов со стороны крупного бизнеса [169; 170].

Выгоды от такого положения для «алюминщиков» озвучил бывший первый заместитель председателя Совета министров РХ В.М. Торосов². Во-первых, произошло заметное снижение налоговых платежей для алюминиевого завода, включая налог на имущество. Во-вторых, повсеместно стали назначаться свои люди в качестве конкурсных управляющих на промышленные предприятия республики, представляющие финансовый интерес для СаАЗа. В-

¹ Злотковский В.И. Изменение социальной структуры региональной политической элиты в обществе переходного периода (на материалах Республики Хакасия) : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Красноярск, 2000. – С. 138.

² Там же. С. 139–140.

третьих, произошло расширение производства за счет получения разрешения на строительство новых корпусов алюминиевого завода с целью увеличения объема товарной продукции. Ранее такое разрешение не выдавалось из соображений необходимости ограничения вредных выбросов в окружающую среду. Своеобразное резюме В.М. Торосов представил в газете «Московский комсомолец» в Красноярске: «Лебедь-младший, проведя свою избирательную кампанию в 1996 году на деньги СаАЗа, развернул все финансовые потоки Хакасии в сторону металлургических магнатов»¹. Это позволило «алюминщикам» накопить финансовые ресурсы для создания компании «Русский алюминий», которая затем монополизировала алюминиевый бизнес в России.

На выборах председателя правительства Хакасии в 2000 г. А.И. Лебедь, опираясь на административный ресурс исполнительной власти и «алюминщиков», не испытал проблем с повторным избранием, заручившись поддержкой 71,2% избирателей (см. табл. 2.11). Однако в республиканском рейтинге наиболее влиятельных политиков в 2001 г. он занимал лишь 3-е место с баллом влиятельности 3,36. На первой строчке расположился генеральный директор «Русского алюминия» О.В. Дерипаска с баллом влиятельности 3,73, вторую занял председатель ВСПХ В.Н. Штыгашев (3,62 балла). Лидер в республиканском рейтинге влиятельности А.Р. Саркисян, после ушедший на работу в Совет Федерации РФ в статусе представителя республиканского парламента, расположился на 4-й строчке с баллом влиятельности 3,0².

Со временем расклад сил на республиканском политическом олимпе меняется под влиянием двух процессов. С одной стороны, интерес «алюминщиков» к Хакасии заметно снизился по причине выхода компании «Русский алюминий» на российский уровень с последующей монополизацией алюминиевой отрасли РФ. С другой стороны, на федеральном уровне начался процесс построения вертикали власти, постепенно распространяющийся и на региональный уровень. Под влиянием этих процессов в 2004 г. первую строчку в республиканском рейтинге впервые занял председатель правительства РХ А.И. Лебедь с баллом влиятельности 3,74. Генеральный директор «Русского алюминия» О.В. Дерипаска в этом рейтинге занимал вторую строчку с баллом влиятельности 3,54, у председателя ВСПХ В.Н. Штыгашева – 3,01 балла.

Вместе с тем в рассматриваемый период времени так и не удалось в республике создать партию власти. На выборах депутатов ВСПХ в 1996-м и 2000 гг. абсолютное большинство будущих парламентариев дистанцировалось от политических партий, отдавая предпочтение

¹ Злотковский В.И. Изменение социальной структуры региональной политической элиты в обществе переходного периода. С. 141.

² Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2011 гг.) (из опыта социологического анализа) / Краснояр. ассоциация социологов; ГАЦМиЗ. – Красноярск: Сибирь, 2002. – С. 65.

механизму самовыдвижения или выдвижению группами избирателей (табл. 2.4). В 2004 г. доля независимых депутатов сократилась до 15,5%, остальные участвовали в избирательной кампании в составе 6 местных избирательных объединений, возглавляемых ведущими республиканскими политиками. Тот факт, что «Единая Россия» получила лишь треть депутатских мандатов, объясняется позицией руководителя республики А.И. Лебеда, который публично не демонстрировал своих партийных предпочтений и дистанцировался от участия в выборах депутатов республиканского парламента.

Таблица 2.4

**Субъекты выдвижения депутатов Верховного Совета Республики Хакасия
в 1996–2018 годах
(% по столбцу от общего числа избранных депутатов)**

Партийные структуры	Год проведения выборов					
	1996	2000	2004	2009	2013	2018
<i>Политические партии</i>						
КПРФ	1,3	–	14,1	9,3	12	32
«Единство»	–	2,6	–	–	–	–
«Единая Россия»	–	–	32,4	70	68	34
ЛДПР	–	–	4,2	6,7	10	18
«Коммунисты России»	–	–	–	–	4	4
«Патриоты России»	–	–	–	4	2	2
«Российская партия пенсионеров»	–	–	7,0	–	–	2
«Родина»	–	–	4,2	–	–	–
«Справедливая Россия – За Порядок»	–	–	–	5,2	–	4
<i>Местные избирательные блоки, объединения</i>						
«Союз женщин Республики Хакасия»	3,9	–	–	–	–	–
«Женская инициатива»	–	1,3	–	–	–	–
«Союз участников локальных войн»	–	1,3	–	–	–	–
«Хакасия»	–	–	22,5	–	–	–
Инициативная группа избирателей	72,3	81,5	–	–	–	–
Самовыдвижение	22,6	13,3	15,5	4	4	4

Примечание. Прочерк обозначает, что от данной партийной структуры депутаты в парламент не входили (структура не была создана, прекратила свое существование или не участвовала в выборах).

Источник: Данные за 1996–2013 гг.: Гришаев С.В., Злотковский В.И. Динамика социальной структуры депутатов Верховного Совета Республики Хакасия // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 12 (114). – С. 48. Данные за 2018 г. подсчитаны по: Депутаты Верховного Совета Республики Хакасия VII созыва [Электронный ресурс] // Верховный Совет Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <https://www.vskhakasia.ru/deputatskiy-korpus/deputati> (дата обращения: 20.06.2019).

В этот период независимые депутаты объединялись во фракции местных избирательных блоков, возглавляемых наиболее влиятельными политиками из числа руководителей Верховного Совета Хакасии. В 1996 г. фракция «Возрождение Хакасии» включала почти половину парламентариев (45,3%), 8% депутатов входили во фракцию «Родная земля» и 2,6% –

«Женщины Хакасии». В 2000 г. численность членов фракций «Хакасия» и «Экономическая политика» составляла половину от общего числа парламентариев (39,7% и 12,8% соответственно).

Обращает на себя внимание создание в ВСРХ в 2000 г. фракции «Единство» (35,9%), хотя непосредственно под флагом партии в избирательной кампании участвовали всего 2,9% будущих депутатов, и то, что в 2004 г. ее численность возросла до 53,1% (в избирательной кампании от партии участвовали лишь 32,4%)¹.

Из представленной информации просматривается потребность депутатов в консолидации на уровне республиканского парламента. Республиканское правительство не поддерживало данные настроения парламентариев, так как его руководителя устраивал политический альянс с крупным бизнесом, от которого обе стороны получали значительные дивиденды. О выгодах «алюминщиков» уже говорилось. Что касается А.И. Лебеда, то данный альянс обеспечил ему политическое долголетие. Впервые избранный главой Хакасии в 1996 г., А.И. Лебедь неизменно побеждал на последующих выборах председателя правительства в 2000-м и 2004 гг., проработав в общей сложности на посту главы Хакасии 12 лет – с декабря 1996 г. по декабрь 2008 года. И это несмотря на неоднозначное и противоречивое восприятие его деятельности как федеральным центром, так и республиканской политической элитой, и нарастающее неудовлетворение деятельностью со стороны жителей республики. В последние годы индекс оценки деятельности А.И. Лебеда имел устойчиво отрицательные значения². Ему случалось попадать в различные скандальные ситуации. Например, Генеральная прокуратура РФ возбуждала против главы Хакасии уголовное дело по факту злоупотребления служебным положением (поездка на отдых за границу за счет средств местного вуза³).

Что касается выгод для республики и ее населения от политического альянса республиканского правительства с крупным бизнесом, то они весьма сомнительные и дискуссионные. Неслучайно в республике сложилось общественное движение, направленное против монополизации экономики республики со стороны «алюминщиков». Поэтому решение федерального центра, принятое в декабре 2008 г., о назначении исполняющим обязанности главы республики В.М. Зимины было воспринято и политической элитой, и населением позитивно, с надеждой на изменение ситуации в республике в лучшую сторону.

¹ Гришаев С.В., Злотковский В.И. Динамика социальной структуры депутатов Верховного Совета Республики Хакасия // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 12 (114). – С. 48.

² Индекс оценки деятельности руководителя рассчитывается как разность числа респондентов, в целом положительно оценивающих его деятельность (сумма ответов «положительно» и «скорее положительно»), и числа респондентов, в целом отрицательно оценивающих его деятельность («отрицательно» и «скорее отрицательно»).

³ Долетался. Возбуждено дело против Алексея Лебеда [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/2006/07/25/oa_209345.shtml (дата обращения: 20.03. 2010).

В отличие от своего предшественника, В.М. Зимин сразу заявил о себе как активный сторонник федеральной партии власти, сумев объединить вокруг «Единой России» всех ведущих представителей региональной политической элиты. Достаточно посмотреть на избирательный список партии «Единая Россия» на республиканских выборах, проводившихся 1 марта 2009 года. Возглавлял этот список лично В.М. Зимин. Вторую и третью строчки заняли председатель республиканского парламента В.Н. Штыгашев и глава г. Абакана Н.Г. Булакин, неоднократно избираемый на этот пост с самым высоким уровнем электоральной поддержки среди глав местного самоуправления. По данным республиканского социологического исследования, проведенного за 1,5 месяца до выборов, три перечисленных политика относились к числу наиболее влиятельных республиканских политиков с уровнем известности от 70% до 88% и устойчивым позитивным рейтингом доверия [прил. 1; 22]. Кроме них, в первую десятку партийного списка «единороссов» вошли еще 2 руководителя наиболее крупных муниципальных образований (гг. Абакан и Черногорск), 1-й заместитель председателя ВСРХ, заместитель председателя республиканского правительства, член Совета Федерации от Хакасии и директор Саянского алюминиевого завода¹.

Для сравнения: усредненный рейтинг узнаваемости партийной «тройки» ЛДПР составлял всего 11,7%, у КПРФ – 13,1%, «Справедливой России» – 17,4%. Все они имели совокупный либо негативный, либо нейтральный имидж.

Таким образом, результаты выборов депутатов ВСРХ в 2009 г. были predeterminedены уже на этапе формирования избирательных списков. Так и произошло: «Единая Россия» одержала уверенную победу на выборах по партийным спискам при поддержке 103,2 тыс. избирателей – это самый высокий уровень поддержки политической партии на республиканских выборах за весь постперестроечный период. С учетом выборов в одномандатных округах партия власти получила 70% мандатов (см. табл. 2.4). Примечательно, что, судя по результатам опроса на выходе с избирательных участков 1 марта 2009 г., три четверти избирателей заявляли о принятии электорального решения до начала рекламной-агитационной кампании, т. е. за месяц до голосования. В отношении сторонников «Единой России» данный показатель составил 85%. Представленные данные свидетельствуют, во-первых, о взвешенном, заранее продуманном и ответственном подходе избирателей к формированию состава регионального парламента, что в свою очередь говорит об определенном уровне политической зрелости гражданского общества. Во-вторых, указывают на незначительное влияние рекламной-агитационной кампании, проводимой политическими партиями, на электоральный выбор избирателей.

¹ Злотковский В.М. Динамика наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия (по результатам мониторинговых экспертных опросов 1998–2014 гг.) // *Соврем. исслед. соц. проблем.* – 2016. – № 12 (68). – С. 272.

Таким образом, 2009 г. следует считать в Хакасии годом создания традиционной для российских субъектов РФ региональной партии власти, состоящей из республиканской исполнительной власти и политической партии «Единая Россия». С этого времени партия получает монополию на политическую власть в республике. На очередных прямых губернаторских выборах в 2013 г. В.М. Зимин не испытывает проблем с повторным переизбранием, а на выборах депутатов ВСРХ партия «Единая Россия» вновь получает квалифицированное большинство мандатов (68%) (см. табл. 2.4). Данное обстоятельство позволяет утверждать: партия власти в Хакасии оказалась встроеной в общероссийскую вертикаль государственной власти РФ.

В 2014 г. политический вес В.М. Зимина повысился. Он занял в республиканском рейтинге первое место с баллом влияния 3,84 – это самый высокий балл влияния политика за весь период наблюдений. На втором месте расположился спикер республиканского парламента В.Н. Штыгашев (3,26 балла). 4-е, 6-е и 7-е места заняли заместители главы республики, 10-е – заместитель спикера республиканского парламента (см. табл. 2.3). Таким образом, 7 из 10 наиболее влиятельных политиков Хакасии – это руководители высших органов республиканских властей.

Вместе с тем обращала не себя внимание весьма тревожная тенденция: снижение циркуляции республиканской политической элиты и старение ее представителей. К примеру, после кардинального обновления состава республиканского правительства в 2009 г. оно резко замедлилось в последующие годы. Существенно снизилась сменяемость депутатов республиканского парламента. Если в 1996–2004 гг. этот показатель колебался в диапазоне от 62,7% до 73,3%, то в 2013 г. составил 38,0%¹. Весьма показательными являются также и изменения в возрастной структуре республиканских депутатов. Если в 1991-м и 1996 гг. доля парламентариев в возрасте 50 лет и старше составляла всего четверть от их общего количества², то в 2013 г. – 60,0%.

На очередных республиканских выборах, проводившихся в 2013 г., гражданское общество выразило свою неудовлетворенность развитием событий в Хакасии и деятельностью республиканских властей в виде специфичных сигналов (см. п. 2.2). Однако, судя по результатам выборов главы республики и депутатов регионального парламента, состоявшихся в 2018 г., на эти сигналы не было адекватной реакции.

¹ Гришаев С.В., Злотковский В.И. Динамика социальной структуры депутатов Верховного Совета Республики Хакасия. С. 56.

² Формирование новой элиты в условиях трансформации: политические предпочтения и интересы (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии) : монография / С.В. Рогачев, Н.В. Мерзликин, С.В. Бабакаев, В.И. Злотковский [и др.]; отв. за вып. В.С. Шкиров. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001. – С. 116.

В данном случае можно согласиться с Д.В. Новиковым, который полагает, что представители правящего господствующего класса начинают воспринимать себя в качестве избранных и лучших субъектов, наделенных властными полномочиями в силу собственной исключительности. В то же время они воспринимают народ, электорат как не имеющий своих интересов и воли, «и в силу этого выступающий лишь в качестве воления» [249, с. 61]. Избиратели Хакасии на выборах 2018 г. наглядно продемонстрировали свое нежелание становиться объектом манипулирования и выступать в роли участника технического (ритуального) одобрения принятого «наверху» решения.

Выборы в Хакасии 2018 г. актуализируют проблему механизма выборов глав регионов. Какой механизм более эффективен: выборы избирателями или депутатами регионального парламента? Вопрос сложный. С одной стороны, нет гарантий в том, что новый руководитель Хакасии сумеет стать эффективным управленцем. Так, согласно результатам исследования, проводимого российской компанией «Агентство политических и экономических коммуникаций»¹, в рейтинге влияния глав регионов О.В. Коновалов стабильно находится на последних строчках. В частности, в январе 2022 г. он занял последнее место среди 85 глав субъектов РФ [69]. С другой стороны, не вызывает сомнения то обстоятельство, что в условиях выстроенной в республике вертикали власти на не прямых выборах депутаты Верховного Совета Хакасии вновь избрали бы В.М. Зимина на пост руководителя региона. И едва ли этому помешали низкие оценки эффективности его деятельности со стороны российских экспертов² и устойчиво снижающаяся популярность среди жителей республики.

Результаты выборов в Хакасии в 2018 г. вновь, как и во второй половине 90-х гг. прошлого столетия и 2000-х гг., продемонстрировали нетипичную для российских регионов ситуацию: победа на губернаторских выборах коммуниста и неполучение партией «Единая Россия» большинства в парламенте. Данный феномен, безусловно, нуждается в специальном изучении и серьезном научном осмыслении. Первые шаги в этом направлении сделаны в публикациях А. Вайсберг, Е.Е. Бурцевой, Ю.И. Водопьяновой и В.А. Мархинина, А.И. Коваленко, О.В. Милаевой, Д.В. Новикова, Е.В. Тышта [117; 122; 127; 187; 239; 249; 329].

¹ Экспертный опрос, на результатах которого основан рейтинг наиболее влиятельных губернаторов в России, проводится методом закрытого анкетирования. В нем принимают участие 26 экспертов: политологи, политтехнологи, медиаэксперты, журналисты. Вопрос звучал в следующей формулировке: «Как бы вы оценили по шкале от 1 до 10 влияние на федеральном уровне (в администрации Президента РФ, Правительстве РФ, Федеральном Собрании РФ, партийной и бизнес-элите) следующих глав регионов?» Каждый эксперт сначала оценивал каждого политика, а затем определялись средние арифметические значения экспертных оценок (средние баллы).

² Так, согласно данным Фонда развития гражданского общества, посвященным оценке эффективности губернаторов, В.М. Зимин в первом рейтинге (26.01.2014) занимал 39-ю позицию среди 81 губернатора. В 14-м рейтинге (19.06.2016 – результаты последнего опубликованного исследования) В.М. Зимин занимал уже 52-ю позицию среди 82 руководителей. *Источник:* [70].

И в заключение. У новых республиканских органов власти, чье правительство возглавляет коммунист, а в парламенте работают представители нескольких политических партий, имеется уникальная возможность доказать свою управленческую состоятельность и оправдать кредит доверия, выданный ей избирателями, и, преодолев межпартийные и иные разногласия, организовать конструктивную работу во благо Хакасии и ее жителей. Озвученная задача является весьма актуальной не только для Республики Хакасия.

2.2. Особенности формирования властных отношений на региональном уровне

Тему, вынесенную в заголовок настоящего параграфа, предлагается отдельно рассмотреть на материалах Красноярского края и Республики Хакасия в силу значительных политических, социально-экономических, культурных и иных различий между двумя субъектами РФ.

2.2.1. Особенности формирования властных отношений в Красноярском крае

В настоящем параграфе предлагается решить следующие задачи. Во-первых, проанализировать через призму рассматриваемой темы результаты губернаторских выборов, состоявшихся в 1997–2018 годах. Во-вторых, провести анализ эффективности деятельности губернаторов края посредством экспертных оценок и оценок со стороны населения. В-третьих, изучить мнения экспертов относительно основных черт, характерных для краевой администрации, и наиболее значимых явлений в политической жизни региона.

Выборы губернатора Красноярского края в 1998 году выступили важной вехой в политической жизни региона и привлекли внимание российской общественности из-за участия в избирательной кампании известного российского политика А.И. Лебеда, который в январе 1997 г. занимал 9-ю строчку среди 100 ведущих политиков России [371]. Заметно повышали интерес к выборам участие в избирательной кампании мэра г. Москвы Ю.М. Лужкова, звезды мирового кино Алена Делона, звезд российской эстрады Аллы Пугачевой и Людмилы Зыкиной.

Изначально фаворитом выборов считался действующий губернатор края В.М. Зубов. Поэтому победа А.И. Лебеда стала достаточно неожиданной как для многих российских экспертов и социологов, так и для региональной политической элиты. В частности, известный российский социолог Ф.Э. Шереги, проводивший накануне выборов два срез электоральных настроений жителей Красноярского края, сделал следующий прогноз: если не случится непредвиденных событий, то победа губернатору Красноярского края В.М. Зубову гарантирована [346, с. 675]. Однако победу одержал А.И. Лебедь, за которого в первом туре выборов (26 апреля 1998 г.) проголосовали 45,1% избирателей, во втором туре (17 мая 1998 г.) – 57,3% [5, с. 68, 73].

Чем можно объяснить результат губернаторских выборов в Красноярском крае в 1998 г.? Почему избиратели отдали предпочтение приезжему политику, а не действующему

руководителю региона? Данной проблеме посвящено достаточное количество публицистических и научных материалов. В них основной акцент делается на кандидатах на пост губернатора края, оценках их деятельности как политиков и управленцев, на участии в рекламно-агитационной кампании известных звезд кино, эстрады и популярных российских политиков. Называются и другие причины, такие как решающая роль средств массовой информации и рекламно-агитационной печатной продукции или объем финансовых средств, привлеченных для проведения рекламно-агитационной кампании. Указывается также влияние так называемых черных избирательных технологий на электоральный выбор избирателей.

Безусловно, перечисленные факторы в той или иной мере влияли на электоральное поведение избирателей, однако главная причина победы А.И. Лебеда все-таки видится в другом. Обратимся к анализу электоральной статистики губернаторских выборов (табл. 2.5).

Таблица 2.5

**Поддержка основных кандидатов на пост губернатора Красноярского края
во втором туре выборов в 1998-м и 2002 гг. в разрезе территорий
(% от числа избирателей, принявших участие в голосовании)**

Территории	Год проведения выборов			
	1998*		2002**	
	В.М. Зубов	А.И. Лебедь	А.В. Усс	А.Г. Хлопонин
Город Красноярск	52,6	42,8	59,8	30,7
Города края (без Красноярска)	31,9	64,3	35,4	52,5
Сельские районы	31,6	63,6	31,2	58,2
Автономные округа: Таймыр и Эвенкия	24,2	70,8	21,9	69,5

Источник: * [166, с. 132]. ** Данные получены в краевой избирательной комиссии и находятся в личном архиве автора.

Из таблицы 2.5 хорошо видно, что А.И. Лебедь уступил В.М. Зубову только в краевом центре, но значительно опередил его в провинциальных территориях. Так, в городах и сельских районах края поддержка А.И. Лебеда оказалась в два раза выше, чем у В.М. Зубова (64,3% против 31,9% и 63,6% против 31,6% соответственно). А на Таймыре и Эвенкии – в три раза выше (70,8% против 24,2%). Зафиксирована тенденция: по мере удаления населенного пункта от краевого центра растет поддержка А.И. Лебеда и одновременно снижается – губернатора В.М. Зубова. Осмысление данной ситуации позволило сделать следующее предположение: в условиях реальной альтернативности и конкуренции, имевших место на выборах, провинциальные избиратели (2/3 в общей численности избирателей края) отдали предпочтение новому политику в надежде на смену курса политики, проводимой краевыми властями. Можно сказать иначе: в данном случае на выборах в полной мере была реализована политическая воля избирателей.

Более других кандидатов ожиданиям избирателей соответствовал известный российский политик А.И. Лебедь, который уже доказал свою политическую состоятельность тем, что занял 3-е место на выборах Президента РФ в 1996 году. А по данным социологических исследований, проведенных под руководством М.К. Горшкова, А.И. Лебедь в 1998 г. занимал 3-ю строчку в рейтинге доверия российским политикам (38,3%), уступая лишь Е.М. Примакову (47,6%) и Ю.М. Лужкову (41,1%) [144, с. 247].

Что касается личных и деловых качеств А.И. Лебеда, то в общественном сознании жителей края, согласно исследованиям Ф. Шереги, он воспринимался как человек дисциплинированный, твердый (42,2%), уверенный в себе (33,3%), честный и правдивый (28,6%), заслуживающий доверия (33,1%) и (возможно, это главное) способный решать социальные проблемы (19,5%) [346, с. 646, 674, 683].

При этом избиратели проявили устойчивость к попыткам манипулирования их политическим поведением со стороны различных политических сил и избирательных штабов кандидатов. Так, накануне первого тура выборов избиратели в отношении В.М. Зубова слышали больше положительной, чем отрицательной информации (57,8% против 30,7% соответственно). В отношении А.И. Лебеда соотношение было другое: доля положительной информации составляла 34,4%, отрицательной – 40,7% [346, с. 645]. А перед вторым туром голосования доля избирателей, познакомившихся с рекламой В.М. Зубова, была выше доли тех, кто познакомился с рекламой А.И. Лебеда [346, с. 673].

О высоком интересе избирателей-сибиряков к предстоящим выборам красноречиво свидетельствует их высокая избирательная активность. В первом туре голосования явка избирателей составила 62,7%, во втором – 64,8% [5, с. 68, 73]. Этот показатель оказался самым высоким в Красноярском крае на всех последующих региональных выборах. В ряде территорий явка избирателей оказалась рекордно высокой: 82,8% (Тюхтетский район), 78,0% (Дзержинский район), 77,2% (Шарыповский район) [5, с. 74, 75].

А.И. Лебедь, безусловно, являлся ярким, неординарным руководителем региона, поднимал целый ряд актуальных и застарелых проблем края, озвучивал пути их решения, часть из которых впоследствии была решена, а часть не потеряла своей актуальности и в настоящее время. В частности, предлагал «прорубить окно в Европу» посредством запуска Северного морского пути, в котором Красноярский край выступал бы ключевым регионом, обеспечивающим транспортный коридор между Западом и Востоком. Ставил вопрос о необходимости уплаты налогов на местах, а не по месту нахождения головных офисов крупных промышленных предприятий, работающих в Красноярском крае. А.И. Лебедь затрагивал чувствительные проблемы взаимоотношений федерального центра и региона и указывал на

высокую численность в крае федеральных чиновников, от которых проку мало, а на содержание уходят большие деньги [361].

С другой стороны, у А.И. Лебеда еще до прихода на пост губернатора Красноярского края сложились непростые, неоднозначные отношения с федеральным центром. СМИ называли целый ряд причин, включая его претензии на пост Президента РФ на очередных выборах. Неоднозначно и противоречиво воспринималась его деятельность на посту губернатора края и региональной политической элитой.

Поэтому вполне логичным является позиция красноярских экспертов, полагающих, что большая часть социально-экономических и политических проблем, испытываемых Красноярским краем в конце 90-х гг. прошлого столетия и начале нулевых годов, детерминированы спецификой его взаимоотношений с федеральным центром и неспособностью консолидировать региональную политическую элиту [166, с. 137].

В этом отношении весьма показательным является характер взаимоотношений между краевым правительством и краевым парламентом, которые за все время губернаторства А.И. Лебеда так и не перешли в плоскость конструктивных отношений. Депутаты через СМИ критиковали губернатора за отсутствие внятной экономической политики, в результате которой так и не удалось разработать социально-экономическую программу развития края, а краевые власти стали утрачивать контроль над значимыми для региона промышленными предприятиями и даже целыми отраслями, например, угольной отраслью. Критике подвергалась и кадровая политика А.И. Лебеда. По информации спикера краевого парламента А.В. Усса, только за два с половиной года правления А.И. Лебеда сменилось более 40 заместителей губернатора и 8 начальников финансовых управлений. Получается, в среднем раз в месяц менялся один заместитель губернатора края, а средний срок работы начальника финансового управления составлял всего 4 месяца [330, с. 129]. По мнению А.В. Усса, в краевое правительство попадали случайные люди, временщики, озабоченные лишь конвертацией своих властных полномочий в материальные блага [330, с. 67].

Неоднозначно и противоречиво воспринимали А.И. Лебеда и жители края. Осенью 2001 г. 45,1% респондентов оценивали его деятельность в целом положительно и 36,7% – в целом отрицательно (табл. 2.9). А наиболее критический настрой демонстрировали жители г. Красноярска. В марте 2000 г. его деятельность в той или иной степени отрицательно оценивали 59,1% респондентов, в октябре 2001 г. – 59,3%, в марте 2002 г. – 59,8% [166, с. 127]. Столь высокую долю негативных оценок деятельности следует считать вполне закономерным явлением, если учесть, что в общественном сознании красноярцев образ А.И. Лебеда заметно отличался от образа идеального руководителя. Наибольшие расхождения наблюдались по таким позициям, как ответственное отношение к своим обещаниям, честность и порядочность в

политической борьбе, наличие опыта хозяйственного руководителя, стремление принимать решения, исходя из нужд простых людей, и наличие профессиональной команды управленцев [166, с. 128]. Как видим, избиратели края достаточно объективно подходили к оценке деловых и личностных качеств губернатора, и их оценки во многом совпадали с восприятием А.И. Лебеда региональной политической элитой.

Обращает на себя внимание тот факт, что жители г. Красноярска во многом изменили свое отношение к А.И. Лебедю после того, как получили возможность познакомиться с его работой на посту губернатора края с 1998 года. Годом ранее на выборах депутатов городского совета Красноярска блок «Поддержка Александра Лебеда. За Правду и Порядок» занял второе место среди 12 участников выборов. За него проголосовал каждый шестой избиратель, пришедший на выборы [9, с. 113]. Однако уже на следующих муниципальных выборах, в 2000 г., за избирательное объединение «Честь и Родина», поддерживаемое А.И. Лебедем, проголосовали всего 1,6% избирателей. Объединение заняло последнее место среди 7 участников избирательной кампании. В одномандатных округах ни один кандидат от объединения «Честь и Родина» реально не боролся за победу [10, с. 58, 59, 132–235, 243–250].

Раскол внутри региональной политической элиты, фиксируемый экспертами в период губернаторства А.И. Лебеда, наиболее отчетливо проявился на выборах депутатов регионального парламента в 2001 г., где депутатские мандаты поделили между собой несколько избирательных структур, возглавляемых ведущими краевыми политиками (см. п. 2.1). В состоянии раскола находилась региональная политическая элита и накануне досрочных выборов губернатора Красноярского края (сентябрь 2002 г.), назначенных после трагической гибели А.И. Лебеда. Все ведущие краевые политики в том или ином качестве приняли участие в избирательной кампании, которая проходила в условиях острой политической конкуренции. Основными кандидатами – А.В. Уссом [78], А.Г. Хлопониным [91], П.И. Пимашковым [60] и С.Ю. Глазьевым [12] – разрабатывались предвыборные программы, содержащие глубокий и всесторонний анализ социально-экономического положения в крае, конкретные предложения по его улучшению и меры, направленные на повышение уровня и качества жизни населения.

В частности, программа С.Ю. Глазьева «Семь шагов к справедливости и экономическому росту» предлагала использовать природную ренту от эксплуатации природно-ресурсного потенциала края для обеспечения устойчивого развития экономики края с темпом не менее 10% в год и соответствующего роста уровня жизни населения. В свою очередь А.Г. Хлопонин видел две основные причины торможения развития Красноярского края: его раздробленность в административно-территориальном отношении и отсутствие по-настоящему больших инвестиций, которые обуславливались порочностью системы административного управления, сложившейся в крае за последние десять лет. Последнее губернатор Таймыра объяснял

наличием так называемой «административной ренты», которую получает зажиточное сословное чиновничество, имевшей место на территории края в последние годы.

Как отмечалось ранее, победу на выборах одержал губернатор Таймыра А.Г. Хлопонин. Почему избиратели поддержали именно Хлопонина, имевшего репутацию олигарха (как он себя сам называл: «я олигарх, но добрый»¹), и чей электоральный рейтинг за три месяца до выборов составлял всего несколько процентов [прил. 1; 9]? Почему не сумел победить спикер краевого парламента А.В. Усс, который, по результатам предвыборных исследований, считался фаворитом предстоящих выборов с электоральным рейтингом 30%? Или, например, П.И. Пимашков, который на выборах главы Красноярска в 2000 г. получил абсолютную поддержку со стороны избирателей (87,9%) [10. с. 56] и как успешный глава Красноярска был известен многим жителям края?

Анализу губернаторских выборов в Красноярском крае в 2002 г. посвящена довольно обширная литература (в том числе научные публикации), которая, по мнению диссертанта, все-таки не дает объективного представления о причинах победы А.Г. Хлопонина² [228; 248; 280; 343]. Например, Наталья Мандрова и Михаил Виноградов указывали на недостатки формулирования и реализации целостных и непротиворечивых предвыборных технологий штабами основных соперников губернатора Таймыра. В.В. Никуленков и М.Д. Северьянов настаивали на том, что итоговый результат выборов – это следствие успешной реализации манипулятивных технологий. В то же время руководитель аналитического агентства «Нью Имидж» Е. Н. Минченко считал основными причинами поражения А.В. Усса и выигрыша А.Г. Хлопонина значительный перевес второго в СМИ и более активную агитационную работу в глубинке. Между тем известный красноярский политолог С.Г. Комарицын говорил о решающей роли политических штабов основных кандидатов на пост губернатора края.

Как видим, во всех случаях речь идет в основном о предвыборных технологиях, роли предвыборных штабов и СМИ. Безусловно, влияние вышеуказанных факторов на электоральный выбор избирателей нельзя отрицать. Однако, по нашим оценкам, главная причина победы А.Г. Хлопонина на выборах в 2002 г., как и А.И. Лебеда в 1998 г., заключается в неудовлетворенности провинциальных избирателей той политикой, которую проводили региональные власти.

Вновь обратимся к анализу электоральной статистики. Из таблицы 2.5 следует: сторонники кандидата от действующей власти председателя краевого парламента А.В. Усса преимущественно находились в краевом центре. В то время как электорат будущего победителя

¹ Капитан Нео [Электронный ресурс]. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=533472> (дата обращения: 22.01.2015).

² Дунаева И. Красноярские СМИ в ходе выборов: как подавлялась воля избирателя [Электронный ресурс] : сайт. – URL: http://www.compromat.ru/page_12579.htm (дата обращения: 11.11.2012)

выборов А.Г. Хлопонина – в провинции. Обращает на себя внимание сохранение пропорций распределения электората в разрезе типов поселений между основными кандидатами на выборах в 1998-м и 2002 годах. На Таймыре и в Эвенкии электорат А.И. Лебеда в три раза превышал электорат В.М. Зубова (70,8% против 24,2%). Такая же пропорция наблюдалась и у А.Г. Хлопонина с А.В. Уссом: 69,5% против 21,9%. В сельских районах края фиксировался двойной перевес А.И. Лебеда над В.М. Зубовым (63,6% против 31,6%). Практически такой же перевес у А.Г. Хлопонина по сравнению с А.В. Уссом (58,2% против 31,2%). В городах края двукратное преимущество А.И. Лебеда над В.М. Зубовым (64,3% против 31,9%) и в полтора раза – А.Г. Хлопонина над А.В. Уссом (52,5% против 35,4%).

Представленная информация позволяет сделать вывод: судьбу губернаторских выборов 1998-го и 2002 гг. решили провинциальные избиратели, которые в условиях реальной альтернативности и конкуренции на выборах отдали предпочтение тем, кто, по их мнению, мог изменить вектор развития краевой политики и обладал для этого необходимыми управленческими навыками.

Судя по результатам краевого социологического исследования, проведенного в июле 2002 года [прил. 1; 9], именно А.Г. Хлопонин в наибольшей степени соответствовал ожиданиям избирателей в отношении будущего руководителя региона (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Представление респондентов об обладании основными кандидатами на пост губернатора Красноярского края в 2002 году различными управленческими навыками (% от числа опрошенных)

Управленческие навыки	А.В. Усс	А.Г. Хлопонин	П.И. Пимашков
Владеет новыми прогрессивными методами управления	15,2	29,6	11,8
Поставит местные ФПГ в равные условия и добьется выполнения ими обязательств перед краем	13,5	28,4	10,6
Обеспечит социально-экономическое развитие края	22,3	38,5	21,1
Обеспечит социальную защищенность жителей края	20,7	11,5	28,8

Источник: [166, с. 133].

Представленные данные свидетельствуют: губернатор Таймыра А.Г. Хлопонин уверенно лидировал в номинациях: «владеет новыми прогрессивными методами управления» (29,6%), «поставит местные ФПГ в равные условия и добьется выполнения ими обязательств перед краем» (28,4%) и «обеспечит социально-экономическое развитие края» (38,5%). Если эти данные дополнить результатами исследования о мотивах поддержки кандидатов, то становится понятно, почему жители края выделили губернатора Таймыра среди всех кандидатов. Жители края демонстрировали готовность голосовать за А.Г. Хлопонина потому, что считали его

перспективным политиком (48,7%), хозяйственником (35,4%) и человеком дела (31,9%). Кроме того, в общественном сознании он ассоциировался с кандидатом, которого поддерживает федеральный центр (34,0%). Из представленных данных следует: в 2002 г. избиратели края предпочли видеть на посту губернатора края состоявшегося политика, управленца, способного вывести край из кризиса при поддержке федерального центра¹.

В середине 2000-х гг. в Красноярском крае сформировалась региональная партия власти, сумевшая в глазах населения доказать свою политическую и управленческую состоятельность. В 2007 г. произошло объединение Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в единый субъект Российской Федерации. Начал работу Красноярский экономический форум, имеющий статус федерального мероприятия с участием первых руководителей страны, зарубежных и ведущих российских экспертов, представителей крупного бизнеса, лидеров политических партий и др. Путем объединения четырех красноярских вузов создается Сибирский федеральный университет, в развитие которого федеральный центр вкладывает значительные финансовые средства. Кроме того, и это, возможно, наиболее важно, заметно улучшились материальное положение и социальное самочувствие жителей края (см. п. 4.3). К тому же, партия «Единая Россия» оказалась единственной, которая в общественном сознании воспринималась позитивно, в отличие от остальных политических партий (см. п. 3.1). На основании сказанного уверенная победа «единороссов» (55,8% мандатов) на выборах депутатов регионального парламента в 2007 г. выглядит вполне закономерной. При этом четырем партиям, чьи представители вошли в парламент (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР и СПС), досталось чуть больше трети мандатов (см. табл. 2.2).

С этого времени партия «Единая Россия» уверенно доминирует в Красноярском крае на выборах всех уровней. Что касается депутатского корпуса регионального парламента, то по итогам последних четырех избирательных кампаний (2007-го, 2011-го, 2016-го и 2021 гг.) «единороссы» стабильно завоевывают квалифицированное большинство (см. табл. 2.2). Данное обстоятельство позволяет говорить о ситуации, схожей с той, о которой в свое время говорил известный французский политолог Морис Дюверже: «Парламентарии больше не управляют партией – партия управляет парламентариями» [160, с. 246].

Далее обратимся к губернаторским выборам, проводившимся в условиях монополии на власть со стороны одной политической партии, – это выборы в 2014-м и 2018 годах. К 2014 г. политический вес региональной партии власти оказался столь значительным, что позволял поставить под свой полный контроль ход избирательной кампании. Всем остальным субъектам регионального политического процесса отводилась номинальная роль. Выборы лишь

¹ Злотковский В.И. Почему в Красноярском крае победил олигарх? // Тезисы докладов и выступлений на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. – М.: Альфа-М, 2003. – Т. 1. – С. 704–705.

формально являлись альтернативными и конкурентными, а их результат был предreshен задолго до дня голосования. В этом заключалось их принципиальное отличие от губернаторских выборов в 1998-м и 2002 годах.

Аргументы в пользу тезиса о предreshенности итогов губернаторских выборов в 2014 г. следующие. Партия власти уже на ранних этапах избирательной кампании сделала все необходимое для будущей победы своего кандидата в лице исполняющего обязанности губернатора Красноярского края В.В. Толоконского¹. С этой целью в том числе проводилась соответствующая «работа» с политиками, способными составить реальную конкуренцию В.В. Толоконскому. На дальних подступах к выборам о своей готовности принять участие в избирательной кампании публично заявляли председатель краевого парламента А.В. Усс, депутат регионального парламента, бывший владелец Красноярского алюминиевого завода А.П. Быков и строитель-миллиардер В.В. Егоров² [368]. Первые два политика были известны большинству жителей края, имели поддержку со стороны определенной части региональной элиты и обладали успешным опытом участия в избирательных кампаниях. В.В. Егоров, по оценкам местных экспертов, будучи миллиардером, имел практически неограниченные возможности для проведения избирательной кампании на уровне современных требований и мог донести свою позицию и агитационные материалы фактически до каждого жителя края. Однако еще до официального начала рекламной-агитационной кампании все они отказались от участия в избирательной кампании. В региональных СМИ высказывался целый ряд предположений и слухов относительно причин этих отказов и условия, на которых были достигнуты соответствующие договоренности в зависимости от занимаемой политиком позиции в региональной политической элите.

В конечном итоге оппонентами В.А. Толоконского выступили малоизвестные избирателям политики в лице депутатов регионального парламента на постоянной основе Д.П. Побилата (ЛДПР), Н.В. Трикмана («Справедливая Россия»), В.И. Сергиенко (КПРФ) и директора Красноярского ремонтно-механического завода, депутата Красноярского городского совета И.А. Серебрякова («Патриоты России»). Результаты краевого опроса, проведенного за 2 месяца до голосования, позволили сделать уверенный вывод: В.А. Толоконский – безусловный фаворит предстоящих выборов [прил. 1; 34] (табл. 2.7). Он имел большую известность по сравнению с другими кандидатами (54,2%; сумма ответов «более или менее известен» и «что-то

¹ По инициативе федерального центра В.А. Толоконский назначен временно исполняющим обязанности губернатора Красноярского края за 4 месяца до предстоящих губернаторских выборов – в мае 2014 года.

² Анатолий Быков намерен бороться за пост красноярского губернатора [Электронный ресурс]. – URL: <http://vybory-24.ru/news/2014/04/1280> (дата обращения 26 декабря 2014 года); Владимир Егоров может пойти в губернаторы Красноярского края [Электронный ресурс]. – URL: <http://vybory-24.ru/news/2014/04/1280> (дата обращения: 26.12.2014).

слышал») и являлся единственным кандидатом, обладающим положительным индексом доверия: +10,7% (или положительным имиджем).

Таблица 2.7

Электоральные показатели кандидатов на выборах губернатора Красноярского края в 2014 г. за два месяца до голосования (% от числа опрошенных)

Кандидаты	Уровень узнаваемости*	Уровень доверия**	Электоральный рейтинг		Результаты голосования 14.09.2014
			***	****	
Побилат Д.П.	12,1	2,4 (-8,7)	1,9	5,6	5,4
Сергиенко В.И.	48,3	12,1 (-2,9)	7,1	14,7	14,0
Серебряков И.А.	15,8	6,3 (-4,5)	4,9	11,3	13,9
Толоконский В.А.	54,2	27,6 (+10,7)	26,9	66,3	63,3
Трикман Н.В.	19,2	3,2 (-9,1)	0,7	2,1	1,7

Примечание. * Обозначает сумму ответов «более или менее известен» и «что-то слышал».

** Первая цифра обозначает долю респондентов, отметивших позицию «доверяю». В скобках указан индекс доверия, рассчитываемый как разность между числом респондентов, доверяющих и не доверяющих кандидату.

*** % от общего числа респондентов.

**** % от числа активных избирателей, т. е. тех, кто заявил о своем твердом намерении участвовать в голосовании.

У остальных кандидатов индекс доверия имел отрицательное значение (от -2,9% до -9,1%). Вследствие этого В.А. Толоконский уверенно лидировал в электоральном рейтинге: 26,9% от общего числа респондентов и 66,3% от числа активных респондентов, т. е. тех, кто заявлял о своем твердом намерении принять участие в голосовании.

Столь значительное преимущество в электоральном рейтинге В.А. Толоконского выглядит довольно необычным, учитывая 2 обстоятельства. Во-первых, низкий уровень известности: 45,8% респондентов впервые услышали его фамилию во время опроса, а каждый третий отметил позицию «что-то слышал». Во-вторых, абсолютное большинство респондентов (91,3%) не имели представления о его работе на посту исполняющего обязанности губернатора Красноярского края – не смогли назвать положительные примеры в его работе при ответе на открытый вопрос. Те немногие избиратели, давшие содержательный ответ, чаще всего называли обещания В.А. Толоконского сократить краевых чиновников, осуществить газификацию края и его встречу с Президентом РФ В.В. Путиным с просьбой выделить региону дополнительные финансовые ресурсы. Для справки: первые два обещания так и не были выполнены В.А. Толоконским.

Чтобы понять глубинные причины доминирования на предстоящих губернаторских выборах В.А. Толоконского, следует обратиться к результатам краевого социологического исследования, в котором изучались представления респондентов относительно соответствия кандидатов должности руководителя региона [прил. 1; 34]. В исследованиях использовалась 11-

балльная шкала, где +5 баллов означает максимальное соответствие, 0 – среднее значение, а –5 баллов – полное несоответствие. Выяснилось: у врио губернатора края В.А. Толоконского среднее значение балла имеет положительное значение (+2,73), в то время как у его оппонентов баллы находятся в отрицательной зоне: –0,39 (Серебряков), –0,93 (Сергиенко), –1,38 (Побилат), –3,28 (Трикман). Это означает, что за два месяца до голосования в общественном сознании только В.А. Толоконский воспринимался как политик, соответствующий должности губернатора региона. Отсюда вытекает закономерный вывод: остальные кандидаты практически не имели шансов на победу вне зависимости от активности и интенсивности проведения рекламно-агитационных кампаний, привлечения в свою поддержку популярных политиков, применения современных избирательных технологий и других факторов. Иначе говоря, их участие в избирательной кампании носило формальный и во многом символический характер, который лишь имитировал наличие конкуренции на выборах.

В таблице 2.7 обращают на себя внимание незначительные отличия электоральных рейтингов кандидатов от числа активных избирателей, т. е. тех, кто изначально планировал принять участие в голосовании, от результатов голосования. Данное обстоятельство можно интерпретировать с позиции низкой эффективности рекламно-агитационных кампаний, проводимых кандидатами. Претенденты на пост губернатора края занимались главным образом раскручиванием своих фамилий, слабо озвучивали актуальные социальные проблемы, волнующие избирателей, не представляли конкретных разработок и предложений по их решению. А в тех редких случаях, когда все-таки обращались к социальной проблематике, обходились обещаниями общего плана: «расширим», «укрепим», «обновим», «обеспечим», «усилим контроль». Все привело к низкой избирательной активности жителей края – 31,3%. Данный показатель оказался в 2 раза ниже, чем на выборах в 1998 г. – 66,4% (табл. 2.10).

Существенно более низкой оказалась активность избирателей Красноярского края по сравнению с явкой избирателей в других субъектах РФ, где в сентябре 2014 г. проводились губернаторские выборы (всего 30 территорий): 31,3% против 46,2% – усредненный показатель по субъектам РФ. По этому показателю Красноярский край занял третье место снизу, незначительно опередив только Мурманскую и Волгоградскую области (31,0% и 29,7% соответственно). По уровню поддержки кандидата от партии власти Красноярский край занял 4-е место снизу (63,3%) при среднем уровне поддержки по 30 регионам 77,4% [166, с. 161, 162]. С чем это может быть связано? Возможно, дело в более низком уровне социального самочувствия сибиряков? Оказывается, нет. Согласно результатам исследования Фонда развития гражданского общества, Красноярский край в 2014 г. отнесен к группе территорий с высоким уровнем социального самочувствия населения [71]. В десяти субъектах РФ социальное самочувствие населения оказалось хуже, чем в Красноярском крае, однако в этих регионах

оказались выше и усредненная явка избирателей (42,6%), и усредненный уровень поддержки кандидатов от партии власти (75,4%).

Осмысление результатов губернаторских выборов в Красноярском крае в 2014 г. позволяет высказать некоторые соображения о причинах снижения избирательной активности сибиряков. Во-первых, пришло разочарование от несбывшихся надежд и ожиданий, порожденных в ходе губернаторских выборов 1998-го и 2002 годов. В частности, А.Г. Хлопонин весьма убедительно обосновывал возможности экономического рывка для Красноярского края¹ посредством диверсификации экономики региона и повышения уровня и качества жизни населения в течение ближайших нескольких лет. Во-вторых, у жителей края усилилась неудовлетворенность деятельностью краевого правительства, возглавляемого губернатором края Л.В. Кузнецовым в 2010–2014 годах. Индекс оценки его деятельности оказался в два раза ниже, чем у предыдущего губернатора А.Г. Хлопонина (табл. 2.9). Неслучайно больше половины респондентов на старте избирательной кампании 2014 г. высказывались за необходимость смены приоритетов в политике, проводимой краевыми властями. В-третьих, избиратели в ходе рекламно-агитационной кампании не получили ответы на волнующие их вопросы и не услышали аргументированных предложений и реалистичных проектов, направленных на улучшение уровня и качества своей жизни. В-четвертых, значительную часть избирателей, похоже, не устраивала отводимая им роль политических статистов на выборах с заранее предрешенным результатом.

Очередные выборы губернатора Красноярского края, состоявшиеся в 2018 г., мало чем отличались от выборов в 2014 году. От партии власти в избирательной кампании участвовал временно исполняющий обязанности губернатора края А.В. Усс, который в течение 20 лет возглавлял региональный парламент. Его соперниками выступали неизвестные широкому кругу избирателей политики с невысоким социально-профессиональным статусом и без личного успешного опыта участия не только в губернаторских выборах, но и выборах более низкого уровня. Фамилия будущего победителя была известна задолго до дня голосования. В этих условиях рекламно-агитационная кампания кандидатов, как и на предыдущих выборах, носила имитационный характер. У претендентов на пост главы региона впервые в истории губернаторских выборов отсутствовали предвыборные программы и конкретные предложения, направленные на социально-экономическое развитие региона и улучшение качества и уровня жизни населения. Кандидаты не «пошли в народ», а их рекламно-агитационная кампания строилась на работе со СМИ и распространении рекламной печатной продукции. В результате избиратели проявили еще меньший интерес к губернаторским выборам, чем четыре года назад.

¹ Например, один из рекламных баннеров А.Г. Хлопонина содержал следующий текст: «Край готов к экономическому рывку. Так чего же мы ждем?»

Явка избирателей снизилась до рекордно низкой отметки и составила 28,9% (табл. 2.10). Рекордно низким оказалось и абсолютное число избирателей, поддержавших будущего победителя выборов А.В. Усса, – 356,8 тыс. человек (см. ниже).

Таким образом, результаты губернаторских выборов 2014-го и 2018 гг. наглядно продемонстрировали доминирование региональной партии власти в краевом политическом пространстве. Это позволяло ей избирать на пост руководителя региона малоизвестного политика, варяга В.М. Толоконского в 2014 г. и политика, неоднозначно, противоречиво воспринимаемого в общественном сознании и региональной политической элитой, – А.В. Усса в 2018 году. В 2010-х гг. до избрания губернатором края индекс его оценки деятельности на посту спикера краевого парламента колебался вокруг незначительных положительных значений (2–8%).

Получается, что в условиях монополии на власть со стороны одной политической силы на пост руководителя региона может быть избран практически любой статусный политик, чья кандидатура будет предложена или согласована с федеральным центром. Не в этом ли одна из причин низкой эффективности деятельности губернаторов Красноярского края в 2010-х годах, о чем свидетельствуют результаты исследования «Рейтинг эффективности губернаторов», проводимые некоммерческой организацией «Фонд развития гражданского общества» (табл. 4.8)?

А в какой мере местные эксперты согласны со своими российскими коллегами относительно низкой оценки деятельности краевых органов власти? Вновь обратимся к результатам мониторинговых экспертных опросов (табл. 2.8). Прежде чем перейдем к анализу данных таблицы, следует дать некоторые пояснения. Результаты первого опроса (2004 г.) относятся к начальному периоду управления краем А.Г. Хлопониним. Результаты второго опроса (2010 г.) следует считать результирующим показателем экспертной оценки деятельности А.Г. Хлопонина (2002–2010 гг.) на посту губернатора края¹. Третий опрос (2016 г.) относится к периоду губернаторства В.М. Толоконского (2014–2017 гг.), четвертый (2019 г.) – А.В. Усса. Судя по данным таблицы 2.9, А.Г. Хлопонин, избранный губернатором осенью 2002 г., всего за 2 года сумел стать авторитетным руководителем края (3-й ранг в 2004 г.) и заручиться поддержкой на федеральном уровне власти (2-й ранг). Но все-таки главной чертой, характеризующей краевую администрацию того периода, являлось наличие устойчивых связей с влиятельными финансово-промышленными группами (1-й ранг). К достижениям губернатора А.Г. Хлопонина эксперты относили прежде всего заметный рост профессионализма краевых чиновников (9-й ранг в 2004 г. и 3-й ранг в 2010 г.), усиление поддержки краевой

¹ С 2010-го по 2014 гг. пост губернатора Красноярского края занимал Л.В. Кузнецов.

администрации на региональном уровне власти (10-й и 6-й ранг) и поддержки на федеральном уровне власти (2-й и 1-й ранг).

Таблица 2.8

Динамика представлений экспертов об основных чертах, характерных для администрации Красноярского края в 2004-м, 2010-м, 2016-м и 2019 гг. (данные ранжированы по последней колонке)

Варианты ответов	2004 г.		2010 г.		2016 г.		2019 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Наличие устойчивых связей с влиятельными ФПГ	85,9	1	36,6	2	40,7	1	42,7	1
Поддержка на федеральном уровне власти	61,5	2	42,5	1	37,9	2	39,1	2
Поддержка на региональном уровне власти	9,1	10	17,4	6	31,0	3	36,5	3
Умение добиваться своих целей	32,2	5	23,1	5	23,7	5	29,2	4
Высокий профессионализм	14,1	9	24,6	3	29,5	4	26,4	5
Способность гасить конфликты, снимать напряжение	32,1	6	17,2	7	16,2	7	21,3	6
Авторитетный лидер	44,9	3	23,7	4	17,9	6	15,8	7
Умение идти на компромисс	33,3	4	13,3	10	15,4	8	12,9	8
Наличие сплоченной единой команды	15,4	8	16,4	8	13,5	9	12,6	9
Умение предвидеть развитие ситуации	9,0	11	10,4	11	8,2	11	9,9	10
Способность к инновациям	29,5	7	16,0	9	12,7	10	8,7	11
Адекватность в действиях на вызовы времени	24,4	8	9,0	12	7,1	12	7,3	12
Высокая моральная репутация	5,1	13	6,7	13	5,8	13	6,1	13

Судя по данным мониторинговых исследований, достойной замены губернатору А.Г. Хлопонину не нашлось. При губернаторе В.М. Толоконском позиция «авторитетный лидер» с 3-го ранга в 2010 г. перемещается на 6-й в 2016 году. Понижается и профессионализм краевых чиновников (3-й ранг в 2010 г. и 4-й ранг в 2016 г.) и их способность к инновациям (9-й и 10-й ранг соответственно). Эти негативные тенденции сохранились и в период руководства краем А.В. Уссом. Позиция «авторитетный лидер» опустилась до 7-го ранга в 2019 г., «высокий профессионализм» – до 5-го ранга, «способность к инновациям» – до 11-го ранга.

Если охватывать период с 2004-го по 2019 гг., то не может не удивлять следующее обстоятельство: на фоне организационного укрепления краевых управленческих структур и построения вертикали власти так и не удалось в краевом правительстве создать единую сплоченную команду, подобрать эффективных управленцев, способных к инновациям, и повысить их профессионализм. Первую позицию (отсутствие единой сплоченной команды) в определенной мере можно объяснить присутствием в составе краевого правительства по причине различного рода договоренностей (предвыборных и иных) представителей различных

элитных групп влияния, преследующих различные политические цели. Что касается второй и третьей позиций (подбор чиновников, способных к инновациям, и недопущение снижения профессионального уровня управленцев), то им трудно найти логическое объяснение. Вся полнота политической власти в крае принадлежит региональной партии власти. Назначение на любую административную должность не может состояться без согласования с руководством края. Очевидно, неслучайно участники экспертного опроса еще в 2005 г. в качестве основных недостатков в подборе чиновников краевой администрации отмечали протекционизм, выдвижение работников по признакам личной преданности и отсутствие серьезных конкурсов на замещение вакантных должностей [прил. 1; 15]. Эти данные стыкуются с результатами опроса государственных служащих в 20 регионах РФ, проведенного сотрудниками Северо-Кавказской академии государственной службы в 2005 г. [97, с. 91]. Похоже, все эти и другие негативные моменты в системе управления не удастся изжить даже в условиях выстроенной в регионе вертикали власти.

Далее обратимся к ответам экспертов о наиболее значимых явлениях в политической жизни Красноярского края, позволяющим получить общее представление об эффективности государственного управления в регионе. Экспертов просили в 2004-м, 2010-м и 2019 гг. выбрать любое количество из 22 предложенных альтернатив. Анализ линейного распределения ответов дает следующую картину.

В 2004 г. к числу наиболее значимых явлений в политической жизни края, получивших наибольшую поддержку со стороны экспертов, отнесены, с одной стороны, укрепление сотрудничества и партнерства между центром и краем (41,0%), снижение уровня конфликтности и напряженности в отношениях региональных ветвей власти (35,9%) и укрепление исполнительной вертикали власти (30,8%). С другой стороны – несогласованность действий на разных уровнях властной вертикали в крае (30,7%) и усиление борьбы за власть между разными группировками (28,1%). К менее значимым явлениям отнесены рост социальной поддержки краевых органов власти со стороны населения (1,3%) и серьезные достижения и успехи в решении социально-экономических проблем (2,7%).

2010 год. Наиболее значимые явления в политической жизни края: стабилизация ситуации во властных структурах (28,3%), укрепление сотрудничества и партнерства между центром и краем (26,1%) и укрепление исполнительной вертикали власти (24,3%). В то же время участники опроса практически не замечали в региональном политическом процессе таких явлений, как усиление недовольства региональной элиты деятельностью краевой администрации (4,1%) и преодоление и уменьшение масштабов коррупции во властных структурах (5,1%).

2019 год. К числу наиболее значимых явлений отнесены: усиление недовольства населения деятельностью краевых органов власти (26,8%), укрепление исполнительной вертикали власти (24,9%), усиление коррупции во властных структурах края (24,6%), серьезные ошибки и провалы в решении социальных и экономических вопросов (19,6%) и усиление борьбы за власть между разными группировками (14,7%). К числу менее значимых – рост противоречий между центральной и краевой властью (3,7%) и усиление борьбы с криминалом со стороны властных структур (5,2%).

Таким образом, представленные данные дают основания для следующего утверждения: эффективность государственного управления в регионе за период с 2010-го по 2019 гг. как минимум не повысилась. Скорее следует говорить об обратном процессе, когда на фоне укрепления исполнительной вертикали власти постепенно нарастает неудовлетворенность населения политикой, проводимой региональными властями, и усиливается влияние таких негативных явлений, как коррупция во властных структурах края и борьба за власть между разными группировками.

Более целостную картину дает анализ данных по парным, дихотомическим суждениям экспертов. *Первую пару* суждений составляют рост поддержки краевой администрации со стороны региональной элиты – усиление недовольства региональной элиты деятельностью краевой администрации. *Вторая пара*: укрепление сотрудничества и партнерства между центром и краем – рост противоречий между центральной и краевой властью. *Третья*: стабилизация ситуации во властных структурах – несогласованность действий на разных уровнях властной вертикали в крае. *Четвертая*: укрепление исполнительной вертикали власти – ослабление исполнительной вертикали власти. *Пятая*: снижение уровня конфликтности и напряженности в отношениях региональных ветвей власти – рост напряженности в отношениях между исполнительной и законодательной властью в крае. *Шестая*: укрепление законности, правопорядка, юридической защищенности – использование правоохранительных органов для расправы над конкурентами и политическими оппонентами. *Седьмая*: рост социальной поддержки краевых органов власти со стороны населения – усиление недовольства населения деятельностью местных властей. *Восьмая*: повышение четкости руководства и управления – усиление борьбы за власть между разными группировками. *Девятая*: преодоление и уменьшение масштабов коррупции во властных структурах – усиление коррупции во властных структурах края. *Десятая*: серьезные достижения и успехи в решении социально-экономических проблем – серьезные ошибки и провалы в решении социальных и экономических вопросов. *Одиннадцатая*: усиление борьбы с криминалом со стороны властных структур – слияние власти и криминала.

В 2004 г. положительный баланс наблюдался только в отношении трех парных суждений: второй (+29,4%), четвертой (+1,1%) и пятой (+30,5%). Это означает, что происходило укрепление сотрудничества и партнерства между центром и краем, снижение уровня конфликтности и напряженности в отношениях региональных ветвей власти и укрепление исполнительной вертикали власти. Через 6 лет, в 2010 г., к концу управления краем А.Г. Хлопониным уже 7 из 11 парных суждений имели положительный баланс высказываний. К выше отмеченным позициям добавились первая (+6,5%), третья (+5,3%), шестая (+4,3%) и восьмая (+3,7%). Речь идет о росте поддержки краевой администрации со стороны региональной элиты, стабилизации ситуации во властных структурах, повышении четкости руководства и управления и укреплении законности, правопорядка, юридической защищенности. Однако в 2019 г. только в отношении двух парных суждений зафиксирован положительный баланс высказываний: укрепление сотрудничества и партнерства между центром и краем и исполнительной вертикалью власти. В то же время усилилось недовольство среди региональной элиты деятельностью краевой администрации, выросла несогласованность действий на разных уровнях властной вертикали, произошел рост напряженности в отношениях между исполнительной и законодательной властью, усилилась коррупция во властных структурах. А также все более отчетливо стали проявляться ошибки и провалы в решении социальных и экономических вопросов и заметно усилилось недовольство населения деятельностью местных властей.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, не отличающийся оригинальностью: эффективный управленец, каковым являлся губернатор края А.Г. Хлопонин, сумел многое сделать для политического и социально-экономического развития Красноярского края. Однако последующие руководители региона, очевидно, не обладали необходимыми деловыми и личностными качествами и не сумели поддержать на высоком уровне эффективность государственного управления в крае.

Вместе с тем следует признать ограниченные возможности влияния губернатора на многие значимые для региона процессы. К примеру, даже в период управления краем А.Г. Хлопониным парные суждения о явлениях в политической жизни края под номерами 9, 10 и 11 имели отрицательный баланс. Речь идет о преодолении и уменьшении масштабов коррупции во властных структурах, достижениях и успехах в решении социально-экономических проблем и усилении борьбы с криминалом со стороны властных структур. Успех в перечисленных направлениях прежде всего определяется политикой, проводимой федеральными органами власти, степенью социально-экономического развития страны в целом и эффективностью деятельности других структур государственной власти и институтов. Например, борьба с криминалом и укрепление законности, правопорядка во многом зависит от эффективности

деятельности правоохранительных органов, судебной системы, активной позиции сильного гражданского общества, состояния правосознания и правовой культуры граждан.

В свете вышеизложенного вполне закономерным выглядит нарастающая неудовлетворенность жителей края деятельностью руководителей региона после отъезда из края А.Г. Хлопонина. В табл. 2.9 представлены результаты мониторинговых краевых социологических исследований, проведенных в 2001 г. [прил. 1; 6], в 2005 г. [прил. 1; 11], в 2011 г. (прил. 1; 31), в 2016 г (прил. 1; 35) и в 2020 г. (прил. 1; 40).

Таблица 2.9

**Динамика оценки деятельности губернаторов Красноярского края
в 2001–2020 годах (% от числа опрошенных)**

ФИО губернатора края	Год проведения опроса	Доля респондентов, в целом позитивно оценивающих деятельность губернатора	Доля респондентов, в целом негативно оценивающих деятельность губернатора	Доля респондентов, затруднившихся с ответом	Индекс оценки деятельности
А.И. Лебедь	2001	45,1	36,7	12,2	+8,4
А.Г. Хлопонин	2005	62,5	18,6	18,9	+43,9
Л.В. Кузнецов	2011	37,8	13,8	48,4	+24,0
В.А. Толоконский	2016	43,5	33,5	23,0	+10,1
А.В. Усс	2020	33,5	50,8	15,7	-17,3

Как следует из данных таблицы 2.9, губернатор А.И. Лебедь в 2001 г. неоднозначно, противоречиво воспринимался в общественном сознании жителей края. 45,1% респондентов оценивали его работу в целом положительно, а 36,7% – в целом отрицательно. Индекс оценки деятельности составлял +8,4 %.

Избрание А.Г. Хлопонина породило в региональном социуме большие надежды и ожидания, со временем подтверждаемые реальными делами на благо региона и его жителей. Поэтому индекс оценки его деятельности в 2005 г. составлял рекордный показатель: +43,9%. Это самое высокое значение индекса за весь период наблюдений с 2001-го по 2020 годы. В последующем индексы руководителей только снижались: +24,0% (Л.В. Кузнецов в 2011 г.), +10,1% (В.М. Толоконский в 2016 г.) и -17,3% (А.В. Усс в 2020 г.). Особое беспокойство вызывает тот факт, что усредненный индекс оценки деятельности губернатора, краевого правительства, краевого парламента и его председателя устойчиво снижается последние 15 лет. Если в 2005 г. он составлял +22,9%, в 2011 г. – +12,5%, в 2015 г. – +5,9%, то в 2020 г. перешел в отрицательную зону (-9,6%). Хорошо видно, как в 2020 г., впервые за весь период наблюдений, в отношении двух ветвей краевой государственной власти и их руководителей, баланс оценки получил отрицательное значение [168, с. 88].

Нарастающее неудовлетворение жителей края деятельностью краевых властей отчетливо проявляется и на губернаторских выборах. Так, за А.И. Лебеда в 1998 г. во втором туре выборов, когда в списке оставалось 2 кандидата, в абсолютном выражении проголосовали 810,7 тыс. избирателей [5, с. 73]. За А.Г. Хлопонина в 2002 г. во втором туре отдали голоса 496,4 тыс. избирателей [8], за В.А. Толоконского в 2014 г. – 425,0 тыс., а за А.В. Усса в 2018 г. – 356,8 тыс. избирателей¹. Таким образом, уровень поддержки будущего победителя губернаторских выборов в Красноярском крае за 20 лет сократился в 2,3 раза: с 810,7 тыс. избирателей до 356,8 тыс. избирателей.

Не менее тревожная тенденция наблюдается в отношении снижения избирательной активности жителей края на губернаторских выборах (табл. 2.10).

Таблица 2.10

**Динамика активности избирателей на выборах губернатора Красноярского края
(% от числа зарегистрированных избирателей)**

Территория	Год проведения выборов			
	1998	2002	2014	2018
Красноярский край	62,7 (I тур)	47,2 (I тур)	31,3	28,9
	64,8 (II тур)	46,8 (II тур)		
Город Красноярск	63,8 (I тур)	53,99 (I тур)	25,7	23,3
	66,4 (II тур)	53,8 (II тур)		

Источники: Данные за 1998–2014 гг.: [143, с. 161]; за 2018 г. подсчитано по: [6].

Если во втором туре выборов 1998 г. явка избирателей края составляла 64,8%, в 2002 г. – 46,8%, в 2014 г. – уже 31,3%, то в 2018 г. опустилась до 28,9%. Хорошо видно, как избирательная активность жителей края за 20 лет снизилась в 2,2 раза. Еще большее снижение зафиксировано в г. Красноярске: в 3 раза – с 66,4% в 1998 г. до 23,3% в 2018 году. Определенную пищу для размышления дает информация о том, что у избирателей г. Красноярска по сравнению с избирателями других территорий края выше уровень материального благосостояния, социального самочувствия и выше образовательный уровень. Очевидно, данная проблема может стать темой последующих социологических исследований.

2.2.2. Специфика формирования властных отношений в Республике Хакасия

В данном параграфе предлагается решить следующие основные задачи. Во-первых, проследить динамику властных отношений через призму выборов главы региона и специфику построения республиканской партии власти. Во-вторых, установить факторы, детерминирующие вхождение в число наиболее влиятельных республиканских политиков. В-третьих, изучить характер изменения властных отношений внутри политической элиты

¹ Выборы в 2014-го и 2018 гг. проводились в один тур голосования. Результаты голосования на этих выборах получены с официального сайта избирательной комиссии Красноярского края: [6].

посредством динамики политического веса представителей различных элитных групп. В-четвертых, установить место представителей гражданского общества среди наиболее влиятельных республиканских политиков.

На выборах председателя правительства Республики Хакасия в 1996 г. при активной поддержке со стороны крупного бизнеса в лице крупнейшего республиканского промышленного предприятия ОАО «Саянский алюминиевый завод» победу одержал А.И. Лебедь. Почему избиратели выделили именно его из 8 зарегистрированных кандидатов, являющихся наиболее статусными республиканскими политиками, включая председателя республиканского правительства и его заместителя, вице-спикера республиканского парламента, главу административного центра субъекта Федерации? В поиске ответа на этот вопрос обратимся к таблице 2.11.

Таблица 2.11

**Явка избирателей и количество избирателей, проголосовавших
за действующего руководителя республики и будущего победителя на выборах главы
Республики Хакасия в 1996–2018 годах**

Дата проведения выборов	Действующий руководитель	Победитель выборов	Явка избирателей (%)	Число голосов избирателей, поданных «за»	
				(%)	(тыс. чел.)
Декабрь 1996 г.	Е.А. Смирнов	–	51,9 (I тур)	11,0	22,6
Декабрь 1996 г.	*	А.И. Лебедь	46,3 (II тур)	71,8	147,2
Декабрь 2000 г.	А.И. Лебедь	А.И. Лебедь	52,3	71,2	143,0
Декабрь 2004 г.	А.И. Лебедь	А.И. Лебедь	37,2	59,1	88,2
Сентябрь 2013 г.	В.М. Зимин	В.М. Зимин	37,8	63,4	93,3
Сентябрь 2018 г.	В.М. Зимин	–	41,8 (I тур)	32,4	51,7
Ноябрь 2018 г.	*	О.В. Коновалов	45,7 (II тур)	57,5	101,4

Примечание. Прочерк означает, что действующий руководитель Хакасии проиграл выборы.
* Означает, что действующий руководитель Хакасии не принимал участия на данном этапе выборов.

Источник: Выборы в 1996 г.: [93, с. 92, 93]; выборы в 2000 г.: [11, с. 29]; выборы в 2013 г.: [1, с. 54–55]; выборы в 2004-м и 2018 гг.: [7].

Из представленной таблицы следует: наибольшая явка избирателей наблюдалась на выборах в 1996 г. (51,9% в I туре), в 2000 г. (52,3%). В указанные годы губернаторские выборы совмещались с выборами депутатов республиканского парламента. В таблице нет данных о выборах главы республики в 2009 г., так как в этот период его выбирали депутаты республиканского парламента, сформированного по итогам выборов 1 марта 2009 года. Явка на этих выборах составляла 50,3%. В 2018 г. во втором туре губернаторских выборов активность

граждан составила 45,7%. В то же время явка избирателей в другие периоды времени была существенно более низкой: 37,2% в 2004 г. и 37,8% в 2013 году.

В чем причина заметного различия в активности граждан в разные годы? Проведенный анализ позволил сделать вывод: явка избирателей повышалась в случаях прихода во власть нового руководителя республики: в 1996-м, 2009-м и 2018 годах. Соответственно активность понижалась, когда руководитель не менялся: в 2004-м и 2013 годах. Осмысление данной информации с опорой на результаты предвыборных социологических исследований и электоральную статистику позволяет высказать следующую гипотезу. Активность избирателей заметно повышалась в результате наложения двух политических процессов: нарастающего неудовлетворения политикой, проводимой республиканскими властями, и зарождающихся надежд на изменение ситуации к лучшему, связанных с приходом во власть нового руководителя. При этом фактор материального положения и социального самочувствия не был решающим и проявлялся лишь в сочетании с другими факторами.

В данном контексте избрание А.И. Лебеда в 1996 г. на пост председателя республиканского правительства является весьма логичным и закономерным явлением. В середине 90-х гг. прошлого столетия ИСПИ РАН проводил социологическое исследование в Хакасии, согласно которому за 2 с небольшим года до выборов не были удовлетворены своим материальным положением 70% респондентов, а три четверти не ожидали его улучшения в ближайшие 2-3 года [163, с. 34]. Неслучайно местные эксперты оценивали социально-экономическое положение в республике как критическое, обосновывая свою позицию свертыванием промышленного и сельскохозяйственного производства, кризисом банковской системы и ростом неплатежей в республиканский бюджет¹. Поэтому абсолютное большинство избирателей накануне выборов 1996 г. не были удовлетворены работой председателя правительства Хакасии Е.А. Смирнова [230, с. 49]. Избиратели хотели видеть во власти нового человека, руководителя новой формации, способного решать социально-экономические проблемы, стоящие перед республикой. Выделению избирателями А.И. Лебеда среди других не менее статусных кандидатов в значительной (решающей) мере способствовал крупный бизнес, который обеспечил ему проведение масштабной, интенсивной и на уровне современных требований рекламно-агитационной кампании. И, что очень важно, А.И. Лебедь не только проводил агитацию среди избирателей, но и нередко прямо на месте решал волнующие их проблемы. Например, жители одного из небольших сельских поселений пожаловались на проблемы с обеспечением питьевой водой по причине неработающего трубопровода. Через несколько дней после встречи необходимое количество труб для восстановления трубопровода

¹ Аналитическая записка по результатам экспертного опроса (проведен в августе 1996 г.), посвященная предстоящим выборам председателя правительства Республики Хакасия (декабрь 1996 г.), получена в центре социальных исследований г. Абакана и находится в личном архиве автора.

было привезено в поселок. Свой вклад в результат выборов внесли и черные технологии, реализуемые с целью дискредитации основных оппонентов А.И. Лебеда, и в первую очередь председателя правительства Е.А Смирнова.

Можно привести и другие факторы, способствующие победе А.И. Лебеда на выборах. Он профессиональный военный. Последние несколько лет командовал 300-м гвардейским парашютно-десантным полком, переведенным в 1992 г. в г. Абакан. И, как известно, в 90-х годах прошлого столетия в общественном сознании многих избирателей преобладали надежды на приход во власть военных, способных навести порядок в системе управления. Кроме того, Алексей Иванович Лебедь – младший брат известного российского политика Александра Ивановича Лебеда, который, согласно исследованиям ИСПИ РАН, являлся для жителей Хакасии наиболее авторитетным российским политиком [230, с. 49]. Местные эксперты отмечали факты имплицитного перенесения на младшего брата позитивных качеств и черт старшего брата.

Поэтому победа А.И. Лебеда являлась вполне закономерной. Во втором туре за него проголосовали 71,8% избирателей, или 147,2 тыс. человек (см. табл. 2.11). Это самый высокий показатель поддержки победителя на выборах главы республики за 22-летний период наблюдений – с 1996-го по 2018 годы. На следующих губернаторских выборах в 2000 г. А.И. Лебедь фактически повторил результат, показанный четыре года назад. Уровень поддержки составил 71,2% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании, или 143,0 тыс. избирателей. Сохранилась на довольно высоком уровне и активность жителей Хакасии: 51,9% в 1996 г. и 52,3% в 2000 году. Эти результаты не могут не удивлять, если принимать во внимание социально-экономическую ситуацию в республике того периода. О некоторых ее аспектах красноречиво свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного информационно-аналитическим центром ОАО «СаАЗ» среди жителей Хакасии в июле 1999 года¹.

Главными социальными проблемами, в наибольшей степени волнующими жителей Хакасии, назывались: снижение уровня жизни, недоступность многих товаров и услуг, задержка и невыплата заработной платы, пенсий, отсутствие работы или опасения ее потерять, неуверенность в завтрашнем дне, невозможность планировать жизнь даже на ближайшую перспективу и состояние медицинского обслуживания². Из сопоставления социальных проблем, беспокоящих жителей Хакасии в наибольшей степени в 1996-м и 1999 гг., можно сделать вывод: качественных изменений в жизни хакасского социума за 3 года не произошло. Более

¹ Отчет по результатам проведенного социологического исследования получен в информационно-аналитическом центре ОАО «Саянский алюминиевый завод» и находится в личном архиве автора.

² Социальные проблемы приведены в формулировках, представленных в отчете.

того, отвечая на вопрос об оценке социально-экономической ситуации в республике в целом, более половины респондентов (59 %) оценили ее как кризисную или катастрофическую. И тем не менее А.И. Лебедь вновь переизбирается на свой пост с достаточно высоким уровнем электоральной поддержки и сохраняющейся высокой активностью граждан. Размышления на эту тему позволяют выдвинуть следующую гипотезу: успех действующего руководителя на выборах обусловлен двумя важнейшими факторами. Во-первых, несмотря на отсутствие качественных изменений в жизни республиканского социума, у большинства избирателей все еще сохранялись надежды на перемены к лучшему при новом составе правительства. Для подобных настроений среди избирателей имелись основания. Произошло кардинальное обновление состава республиканского правительства (на 85,2%)¹, а на их место пришли люди, часть из которых еще в предвыборный период публично озвучивали актуальные социальные проблемы, волнующие граждан, и обозначили пути их решения. Деятельность республиканских чиновников стала носить более открытый характер. Председатель правительства подавал пример своим подчиненным, регулярно посещая города и районы, встречался с населением, выступал в СМИ, публично критикуя нерадивых местных чиновников и депутатов. На личных встречах с главой республики граждане имели возможность задавать любые вопросы, давать наказы, обратиться с личной просьбой. Импонировала гражданам и демонстративная отстраненность руководителя региона от политической деятельности, и отказ от поддержки какой-либо политической партии на выборах.

Второй фактор – это политический союз между главой республики и крупным бизнесом в лице представителей алюминиевой отрасли, благодаря которому А.И. Лебедю создавались максимально комфортные условия на выборах. В данном случае уместно говорить о местном варианте республиканской партии власти, напрямую не замыкающейся на федеральный центр. Это то, чего не удалось сделать в Красноярском крае во второй половине 90-х гг. прошлого столетия и начале нулевых годов нынешнего столетия. Данный специфический вид республиканской партии власти просуществовал в Хакасии с 1996 г. по 2008 г., до момента отставки А.И. Лебеда с поста главы Хакасии по инициативе федерального центра.

Как видим, прекращение действия политического альянса произошло под влиянием не внутренних, а внешних факторов. Без вмешательства федерального центра А.И. Лебедь, будучи уже непопулярным политиком среди населения и неоднозначно воспринимаемый в республиканской политической элите, с высокой долей вероятности смог бы продлить свое пребывание на посту руководителя Хакасии.

¹ Злотковский В.И. Изменение социальной структуры региональной политической элиты в обществе переходного периода. С. 105.

О том, каким образом крупный бизнес «помогал» продлить политическое долголетие А.И. Лебедею, наглядно свидетельствуют составы кандидатов на выборах председателя правительства Хакасии в 2000-м и 2004 годах. Благодаря «работе» «алюминщиков» с влиятельными республиканскими политиками, соперниками А.И. Лебедея становились малоизвестные и нестатусные политики, не способные привлечь избирательные ресурсы для проведения сколько-нибудь эффективной рекламно-агитационной кампании. Сказанное подтверждается результатами экспертного опроса, предшествующего выборам 2000 г., в котором политики, оппонировавшие главе республики, заняли в республиканском рейтинге соответственно 19-е (с баллом влиятельности 1,79¹), 28-е (1,52 балла), 31-е место (1,23 балла). Еще один кандидат, являясь доцентом местного университета, вообще не вошел в число 50 наиболее влиятельных республиканских политиков². Это означает, что соперниками А.И. Лебедея выступали политики, чье влияние на республиканские политические процессы варьировалось от ниже среднего до символического. Таким образом, хотя избиратели и не заметили улучшений в своей жизни, они вновь в 2000 г. поддержали А.И. Лебедея, так как не видели других, более достойных кандидатов.

Очередные губернаторские выборы состоялись в 2004 г. Результаты республиканского социологического опроса, проведенного накануне выборов, продемонстрировали нарастающее разочарование деятельностью А.И. Лебедея. Только каждый третий из респондентов (33,2%) оценивал ее в целом положительно. В то время как без малого половина респондентов (45,0%) оценивала в целом негативно. Индекс оценки деятельности составил –11,8%. Было также установлено: половина респондентов стали разделять мнение о неспособности республиканского правительства, возглавляемого А.И. Лебедем, справиться с проблемами, стоящими перед республикой [прил. 1; 10]. В данном контексте изменение уровня поддержки А.И. Лебедея на выборах является закономерным. Если в 1996 г. за него проголосовали 147,2 тыс. избирателей, то в 2004 г. – 88,2 тыс. человек, что составляет 59,9% от численности электората 1996 года. Заметно снизилась и избирательная активность граждан: с 51,9% в 1996 г. до 37,2% в 2004 г. (см. табл. 2.11). Почти в два раза выросло число избирателей, проголосовавших против всех кандидатов на пост председателя правительства РХ: 10,8% (2004 г.) [7] против 5,5% (1996 г.) [93].

Переизбрание А.И. Лебедея в 2004 г. на пост руководителя Хакасии состоялось главным образом за счет технического состава его соперников. К выборам оказались допущенными предприниматель В. Керженцев (31-й ранг в рейтинге влиятельности республиканских политиков в 2004 г. с баллом влияния 1,43), выдвинутый КПРФ. А также директор

¹ 2 балла обозначает среднее влияние.

² Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2001 гг.). С. 60, 61.

птицефабрики С. Ербягин, юрист С. Кильчичакова, директор школы-интерната для детей с нарушением слуха Л. Тылченко, безработный и бывший глава г. Абазы П. Гаврилов. Все они даже не входили в число 50 наиболее влиятельных политиков Хакасии.

Следующие республиканские выборы проводились по новым правилам. 1 марта 2009 г. избирали депутатов Верховного Совета РХ, которые затем выбирали главу республики по представлению Президента РФ. В декабре 2008 г. на должность председателя правительства в качестве исполняющего обязанности назначается депутат Государственной думы РФ В.М. Зимин. В марте 2009 г. депутатский корпус избирает его главой Хакасии.

Каким образом избиратели оценивали социально-экономическую ситуацию в Хакасии накануне выборов депутатов республиканского парламента? Как восприняли появление нового руководителя региона? Какие надежды связывали с работой новых республиканских органов власти? Ответы на эти и другие вопросы дают результаты социологического исследования, проведенного в январе 2009 г. [прил. 1; 22]. Выяснилось: главная проблемы жителей Хакасии – дороговизна жизни. Их в первую очередь беспокоили рост цен на товары и услуги (54,2%), занятость населения, безработица (42,6%), низкий уровень заработной платы, пенсий, пособий (34,1%), недоступность приобретения жилья (30,7%) и высокие цены на услуги ЖКХ (30,6%). Было установлено: половина респондентов не была довольна положением дел в республике, а 45,3% респондентов считали, что предыдущее руководство республики не принимало достаточных мер по исправлению сложной социально-экономической ситуации в Хакасии. Половина респондентов (53,2%) надеялась на изменение ситуации в республике в лучшую сторону после назначения В.М. Зимина на пост председателя правительства.

Отвечая на вопрос: «По вашему мнению, на решении каких задач следует прежде всего сосредоточиться новому республиканскому правительству?» – респонденты в первую очередь указывали на необходимость обеспечения действенного контроля над ценами и тарифами на услуги ЖКХ (40,2%) и просили сосредоточиться на поддержке социально незащищенных групп населения (34,8%). Каждый третий респондент предлагал развивать хозяйственные, культурные и иные отношения с соседними субъектами РФ, включая Красноярский край и Кемеровскую область, и каждый четвертый – налаживать деловые контакты с федеральным центром на благо Хакасии. При этом участники опроса предоставляли полную свободу В.М. Зимину в вопросе формирования нового состава правительства, не связывая его какими-либо обязательствами (партийными, национальными и пр.).

Интерес представляют ответы респондентов на открытый вопрос, т. е. респонденты самостоятельно формулировали свой вариант ответа: «Что бы вы хотели узнать о председателе правительства Хакасии В.М. Зимине?» Всего ответили на него 34,7% респондентов. Анализ полученных ответов позволил сгруппировать их по смысловому

содержанию на несколько групп. Прежде всего, респондентов интересовала его личная жизнь (кем работает жена, сколько детей, есть ли хобби и др. – 22,9% от общего числа полученных ответов), планы работы в должности губернатора (19,6%) и достижения и заслуги на предыдущем месте работы (14,9%).

Судя по результатам предвыборного исследования, на предстоящих парламентских выборах партия «Единая Россия», а новый руководитель региона лично возглавил партийный список, являлась безусловным фаворитом. По состоянию на конец января 2009 г. за него планировали голосовать 56,4% респондентов. Рейтинг остальных политических партий, потенциальных участников выборов, значительно уступал партии власти. Численность электората за КПРФ, ЛДПР, «Справедливую Россию» и «Патриотов России» колебалась в диапазоне от 9,8% до 3,1%.

По итогам выборов депутатов Верховного Совета Республики Хакасия, состоявшихся в марте 2009 г., «Единая Россия» по партийным спискам получила поддержку со стороны 57,3% избирателей. И, как показали результаты опроса на выходе с избирательных участков, большинство из них (79,4%) приняли решение о поддержке партии до начала рекламной агитационной кампании, т. е. за месяц до выборов [прил. 1; 23]¹.

Активно поддерживались избирателями кандидаты от «Единой России» и в одномандатных округах, что позволило партии получить квалифицированное большинство в парламенте: 70% мандатов (см. табл. 2.4). Избиратели также продемонстрировали высокую избирательную активность (50,3%), сопоставимую с активностью на первых выборах председателя правительства РХ в 1996 году (51,9%).

Таким образом, из представленной информации можно сделать вывод: гражданское общество в целом позитивно восприняло смену руководителя региона в 2008–2009 гг. и выдало новой республиканской власти большой кредит политического доверия. То, насколько новая власть оправдала это доверие, можно судить по данным таблицы 2.11.

На первый взгляд, результаты республиканских выборов в 2013 г. выглядят вполне благополучными для правящей политической элиты. Партия «Единая Россия» сохранила квалифицированное большинство в парламенте – 68% (см. табл. 2.4). За В.М. Зими́на на выборах губернатора проголосовали 2/3 избирателей, принявших участие в голосовании, а совокупная поддержка пяти его оппонентов – всего треть (поддержка колебалась в диапазоне 3,6–9,9%). Следует отметить: уровень поддержки кандидатов тесно коррелирует с их

¹ Злотковский В.И., Злотковская А.В. Exit poll на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 года // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2014. – С. 143 ; Злотковский В.И. Особенности использования опросных методов социологических исследований на примере города Красноярск и Республики Хакасия. С. 40.

политическим весом, полученным в ходе экспертного опроса, проведенного летом 2014 года. Наибольшим политическим весом обладал В.М. Зимин (3,84 балла), т. е. приближался к максимально сильному значению. В то время как четверо его оппонентов (Д.В. Бразаускас, И.В. Чунчель, В.Н. Быков, В.В. Соболев) имели символический политический вес: 0,5, 0,2, 0,3 и 0,4 балла соответственно. И лишь у пятого кандидата Н.М. Дудко политический вес составлял 1,45 балла¹, то есть среднее значение между средним и низким влиянием.

Однако углубленный анализ результатов республиканских выборов дает несколько иную картину, но об этом речь пойдет позднее, а сейчас предлагается проанализировать динамику перераспределения властных полномочий внутри республиканской политической элиты. Вновь обратимся к результатам мониторинговых экспертных опросов, посвященных изучению наиболее влиятельных политиков Хакасии. Подробное описание методики этих исследований представлено в авторской публикации². Озвучим наиболее важные моменты. Для выявления наиболее влиятельных республиканских политиков предпочтение отдано одному из существующих в научном сообществе подходов – репутационному, позволяющему устанавливать политический вес исследуемого политика или степень влияния на политические события и процессы.

Исследовательская практика свидетельствует: чаще всего при реализации такого подхода используются результаты экспертных или массовых опросов и анализа средств массовой информации. Каждый из перечисленных методов обладает своей спецификой, наряду с очевидными достоинствами имея не менее значимые недостатки. К примеру, результаты экспертных опросов выступают основанием для определения ведущих политиков России и периодически размещаются на страницах «Независимой газеты». Данный метод получил наибольшее распространение, так как информация собирается от наиболее компетентных людей по теме исследования³. К основным его недостаткам чаще всего относят субъективность мнений его участников, на которых оказывают влияние степень осведомленности и личные пристрастия. Данная проблема имеет особую актуальность при проведении исследований на уровне субъектов Федерации, где наблюдается явный дефицит экспертов, обладающих и должным уровнем компетентности, и независимостью от властных структур, чьих руководителей они оценивают. Ученые в данном случае рекомендуют дополнять результаты экспертного опроса данными, полученными с помощью других методов [219, с. 175].

¹ Злотковский В.И. Динамика наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия (по результатам мониторинговых экспертных опросов 1998–2014 гг.) // *Соврем. исслед. соц. проблем.* – 2016. – № 12 (68). – С. 273.

² Там же. – С. 261–278.

³ 100 ведущих политиков России в июне 2016 года [Электронный ресурс] // Независимая газета : сайт. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2016-07-01/5_top100.html (дата обращения: 30.09.2016).

Достаточно много примеров использования метода контент-анализа СМИ для выявления наиболее влиятельных политиков. Данный метод исходит из допущения: политический вес политика напрямую коррелирует с частотой его появления в СМИ (телевидение, газеты, радио и сеть интернет). Одним из таких примеров служат политические исследования, проводимые центром «Альтернатива» в Республике Бурятия [194, с. 118, 119]. Однако эта методика содержит в себе весьма значительный «родовой» недостаток, носящий название «ситуативный фактор». Дело в том, что те или иные события, происходящие в регионе, могут существенно повышать показатель присутствия политика в СМИ, что не соответствует его реальному влиянию на политические процессы [94, с. 137]. И наоборот, губернатор может заметно опережать всех остальных политиков по этому показателю, но не являться наиболее влиятельным политиком. В то время как политик, по тем или иным причинам слабо представленный в СМИ, может занимать первые строчки в рейтинге влиятельности. Примером служит Хакасия, где в 2001 г. первую строчку среди наиболее влиятельных республиканских политиков занимал генеральный директор «Русского алюминия» О.В. Дерипаска, а глава Хакасии А.И. Лебедь – лишь 3-ю строку¹. При этом последний явно доминировал в республиканских СМИ.

Предпринимаются попытки использования данных массовых опросов для определения влиятельности политиков. Однако получаемые результаты отличаются своей экзотичностью, когда в число влиятельных политиков попадают звезды эстрады и кино [94, с. 136]. В то же время данный метод оказывается наиболее востребованным в период проведения избирательных кампаний, когда важно иметь представление об образе политика, сложившемся в массовом сознании [336, с. 50–59].

Исследователи чаще всего используют один из перечисленных методов. Реже – их сочетание, вплоть до использования всех трех методов в одном исследовании [194, с. 116–119].

Следует отметить небольшое число публикаций в научных изданиях, связанных с определением политического веса региональных политиков [154; 194; 271; 319]. Публикация же самих списков, отражающих иерархию политиков, носит единичный характер [154; 319]. О причинах данного явления нетрудно догадаться. Руководство региона не хотело бы, чтобы объективную информацию о раскладе сил в политической элите узнали их политические оппоненты, которые могут использовать ее в политической борьбе против действующей власти, например в ходе проведения избирательных кампаний. Не заинтересованы руководители региона и в получении этой информации населением, чтобы не подвергать сомнению свою компетентность и авторитетность. И тем более не заинтересованы в ее «получателе» в лице федеральных органов власти, чтобы не подвергать риску свое должностное положение. Об этом

¹ Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2001 гг.). С. 65.

наглядно свидетельствуют результаты исследований в Республике Северная Осетия – Алания. Глава республики оказался лишь на 3-й строчке в рейтинге наиболее влиятельных политиков, руководитель республиканского парламента – на 8-й, а председатель правительства – на 17-й [154, с. 69–70]. Очевидно, необходимо еще определенное время в политическом развитии нашего государства, когда публикация рейтингов политиков будет действительно способствовать укреплению доверия в политике и экономике [104, с. 107].

Итак, для определения наиболее влиятельных республиканских политиков вопросы в анкете звучали в следующих формулировках: «Кто из перечисленных политиков, по вашему мнению, обладает наибольшим политическим весом? Кто из них оказывает наибольшее влияние на политические процессы, происходящие в Республике Хакасия?»

В число политиков, в отношении которых проводились исследования, включались наиболее статусные республиканские политики, для чего использовались печатные сборники о составе правительства и парламента, специальные сборники, такие как «Хакасия-2000: кто есть кто» [90], интернет-сайты организаций и учреждений г. Абакана. Кроме того, в их состав также добавлялись (с помощью привлеченных местных экспертов) лица, не имеющие высокого должностного положения, но тем не менее способные оказывать влияние на политические процессы. Общее число исследуемых политиков при опросах колебалось от 46 до 49 человек.

Для оценки меры влиятельности использовались рейтинги Виленского, градуированные пятью точками, где 4 означает максимальное влияние (очень сильное), 3 – сильное, 2 – среднее, 1 – незначительное, 0 – отсутствие влияния [221, с. 140]. При проведении первого исследования прошли апробацию три методики определения наиболее влиятельных политиков. Первая методика исходила из признания равенства всех экспертов как специалистов в области региональной политики, то есть каждый эксперт имел равный с другими вес. Вторая методика, описанная С. Бешелевым и Ф. Гурвичем [113, с. 62–69], признавала различия между экспертами, для чего вводилось понятие веса эксперта. Суть метода заключается в определении экспертами наиболее компетентных из своего состава. В этом случае усредненная сумма голосов, полученных экспертом, принималась в качестве его веса. Третья методика предусматривала участие в опросе только наиболее компетентных, которые определялись самими экспертами. Все те, кого относили к числу наиболее компетентных экспертов, так же как и в 1-й методике, имели одинаковый вес.

В первом социологическом исследовании анализ данных проводился по всем трем методикам¹. Незначительные различия в полученных результатах позволили в последующих исследованиях использовать первую методику, которая оказалась более удобной, так как не

¹ Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2001 гг.). С. 58–60.

требовала громоздких подсчетов веса экспертов (методика 2) и параллельно опроса экспертов в отношении компетентности своих коллег (методика 3).

Результаты мониторинговых экспертных опросов позволяют классифицировать республиканских политиков по группам (десяткам) в зависимости от степени влияния на политические процессы в регионе (табл. 2.12). К первой десятке отнесены политики, занявшие в рейтинге с 1-го по 10-е места; ко второй – с 11-го по 20-е и т. д. В таблице указан усредненный политический вес политиков, входящих в десятки.

Таблица 2.12

**Динамика усредненного политического веса наиболее влиятельных политиков
Республики Хакасия в 1998–2014 годах по группам (десяткам) (в баллах)**

Классификация наиболее влиятельных политиков	Год проведения опроса			
	1998	2001	2004	2014
Первая десятка	2,69	2,71	2,78	2,85
Вторая десятка	1,87	1,84	1,86	1,85
Третья десятка	1,54	1,39	1,37	1,38
Четвертая десятка	1,12	1,02	0,83	0,75

Из представленной таблицы следует, что усредненный политический вес политиков, отнесенных к первой десятке, на протяжении всего периода наблюдения близок к значению «сильное» и колеблется в узком диапазоне от 2,69 до 2,85 балла. У второй десятки усредненный политический вес оказывается меньше среднего (менее 2 баллов), у третьей – в интервале между средним и незначительным (от 1 до 2 баллов), у четвертой – незначительным (1 балл и меньше).

Проанализируем состав тех, кто входит в первую десятку. В 1998 г. к ним относились председатель республиканского правительства и два его заместителя, председатель республиканского парламента, его заместитель, глава административного центра субъекта Федерации (г. Абакана) и депутат Государственной думы РФ, избранный в 30-м Хакасском одномандатном избирательном округе. А также вошли директор ведущего промышленного предприятия Хакасии – Саянского алюминиевого завода – и его заместитель. Таким образом, в 1998 г. к числу наиболее влиятельных региональных политиков относились только те, кто занимал высшие должности в республиканских властных структурах, и представители крупного бизнеса. В первую десятку наиболее влиятельных республиканских политиков не попадали представители гражданского общества в лице предпринимателей среднего и малого бизнеса, руководителей средств массовой информации, высших учебных заведений, общественных организаций и объединений.

С целью отслеживания динамики составов каждого десятка политиков проведен анализ их влиятельности в зависимости от социально-профессиональной сферы деятельности в динамике

(табл. 2.13). Информация, представленная в указанной таблице, позволяет создать социально-профессиональные портреты всех республиканских политиков, входящих в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю десятки.

Таблица 2.13

Динамика социально-профессиональной структуры 40 наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия в 1998–2014 годах (чел.)

Социально-профессиональные сферы деятельности наиболее влиятельных политиков	Год проведения опроса															
	1998				2001				2004				2014			
	Десятки политиков				Десятки политиков				Десятки политиков				Десятки политиков			
	1-я	2-я	3-я	4-я	1-я	2-я	3-я	4-я	1-я	2-я	3-я	4-я	1-я	2-я	3-я	4-я
Чиновники	3	1	0	1	3	3	0	1	3	2	1	1	4	3	2	0
Законодатели	3	1	2	2	4	2	1	0	4	2	0	1	2	3	0	1
Местное самоуправление	1	2	1	0	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0	0	1
Крупный бизнес	2	0	0	0	1	2	0	0	1	2	0	0	2	1	0	0
Предприниматели	0	1	1	1	0	0	2	0	0	1	1	0	0	1	2	1
Банковская сфера	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
Правоохранительные органы	0	1	1	1	0	1	2	0	0	2	1	1	1	2	1	0
СМИ	1	2	2	0	0	0	1	4	0	0	2	3	0	0	2	2
Высшие учебные заведения	0	1	0	0	0	0	1	3	0	0	1	2	0	0	1	0
Профсоюзные организации	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Политические партии	0	0	1	1	0	0	2	1	0	1	2	1	0	0	1	1
Общественные организации	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Избирательная комиссия	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Иные	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1

К примеру, в первой десятке большинство политиков (8 во всех исследовательских циклах) составляют люди, занимающие высшие должности во властных структурах и крупном бизнесе. В 2014 г. к ним относились: глава Хакасии, три его заместителя, спикер республиканского парламента, его первый заместитель, генеральный директор компании «Русский алюминий», управляющий директор СаАЗа. К этой же группе эксперты отнесли республиканского прокурора и главу г. Абакана. Таким образом, можно сделать следующий вывод: социально-профессиональный состав наиболее влиятельных республиканских политиков Хакасии за 16 лет не претерпел существенных изменений. В то же время обращает на себя внимание непропорциональное перераспределение властных полномочий в пользу исполнительной власти по сравнению с законодательной. Если в 1998 г. численное соотношение законодателей к чиновникам среди 40 наиболее влиятельных политиков составляло 8 к 5, то в 2014 г. наблюдалась обратная пропорция – 6 к 9 (см. табл. 2.13).

А кто из политиков оказывает незначительное влияние на политические процессы в республике, т. е. входил в состав 4-й десятки? В 2014 г. это председатель комитета

регионального парламента, глава местного самоуправления, предприниматель, директор банка, представители СМИ (2 чел.), руководитель профсоюзной организации, председатель избирательной комиссии, лидер регионального отделения КПРФ и бывший высокопоставленный чиновник республиканского правительства. Судя по данным таблицы 2.13, социально-профессиональный состав 4-й десятки также мало меняется во времени.

Теперь проследим динамику усредненного политического веса политиков, входящих в различные десятки. Политический вес первой десятки имеет устойчивую тенденцию к повышению: 2,69 балла (1998 г.); 2,71 (2001 г.); 2,78 (2004 г.) и 2,85 балла (2014 г.). Политический вес второй десятки мало менялся во времени и колебался в узком диапазоне от 1,84 до 1,87 балла. В то время как в третьей и четвертой десятках усредненный балл устойчиво снижается: 1,54 (1998 г.), 1,38 (2014 г.), 1,22 (1998 г.) и 0,77 балла (2014 г.) соответственно. Это означает, что политическая власть постепенно сосредоточивается в структурах республиканских государственных органов власти.

Заслуживает внимания тенденция роста политического веса представителей правоохранительных и судебных органов. Республиканский прокурор в 2014 г. впервые вошел в первую десятку политиков с баллом влиятельности 2,31. Председатель Верховного суда и министр МВД заняли места во второй десятке (2,11 и 1,72 балла соответственно), председатель арбитражного суда – в третьей (1,08 балла). Для сравнения: в число наиболее влиятельных республиканских политиков в 1998 г. входили только 3 представителя правоохранительных органов: один – во вторую десятку (министр МВД), один – в третью (председатель арбитражного суда), один – в четвертую (председатель Верховного суда)¹. В данном случае, скорее всего, проявляется общая тенденция, характерная для Российской Федерации последних лет.

Также обращает на себя внимание устойчивая тенденция понижения усредненного политического веса 40 наиболее влиятельных республиканских политиков: 2,01 (1998 г.), 1,98 (2001 г.), 1,94 (2004 г.) и 1,80 (2014 г.). Как можно интерпретировать эти данные? Выскажем гипотезу, требующую дополнительной проверки. По всей вероятности, происходит процесс постепенного перераспределения властных полномочий от региона к центру в рамках укрепления общероссийской вертикали власти.

А какое влияние оказывают представители гражданского общества на политические процессы в Хакасии? И меняется ли это влияние со временем? Ответы на эти вопросы содержатся в таблице 2.14. Из представленной в ней информации следует: за 16 лет численность представителей гражданского общества среди наиболее влиятельных республиканских политиков снизилась с 17 человек в 1998 г. до 15 в 2014 году.

¹ Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2011 гг.). С. 60, 61.

**Место представителей гражданского общества среди наиболее влиятельных политиков
Республики Хакасия в 1998-м и 2014 годах**

Социально- профессиональные сферы деятельности представителей гражданского общества	Количество представителей в списке наиболее влиятельных республиканских политиков (чел.)		Усредненное место среди 40 наиболее влиятельных республиканских политиков		Усредненный политический вес	
	Год проведения опроса					
	1998	2014	1998	2014	1998	2014
Органы местного самоуправления	4	2	16*	19*	2,03	1,85
Политические партии, общественные организации	2	3	35	26	1,09	1,26
Средства массовой информации	5	4	13	29	1,78	1,12
Высшие учебные заведения	1	1	14	30	1,85	1,03
Банковская сфера	2	1	30	34	1,25	0,79
Предприниматели	3	3	26	24	1,66	1,65
Профсоюзные организации	1	1	17	37	1,83	0,73

Примечание. * Результаты округлены до целых значений.

Понижилось их усредненное место в республиканском рейтинге: 22 в 1998 г. и 28 в 2014 году. Соответственно снизился и их усредненный политический вес: с 1,64 балла в 1998 г. до 1,20 балла в 2014 г., т. е. стал приближаться к значению «незначительное».

Наибольшие «потери» понесли политики, представляющие профсоюзные организации (1,83 балла в 1998 г. и 0,73 балла в 2014 г.), высшие учебные заведения (1,85 до 1,03 балла соответственно) и СМИ (1,78 и 1,12 балла). Понижился вес представителей органов местного самоуправления (с 2,03 до 1,85 балла) и банковской сферы (с 1,25 до 0,79 балла). Между тем сохранили свои позиции предприниматели (1,66 и 1,65 балла соответственно). Последнее обстоятельство, скорее всего, обусловлено вхождением предпринимателей, в отношении которых проводились исследования, в состав республиканского парламента, что позволяет сохранять определенное влияние на политические процессы.

Казалось бы, усиление политического веса республиканских органов власти при одновременном снижении веса представителей гражданского общества должно обеспечивать успех на выборах кандидатам от региональной партии власти. Однако результаты республиканских выборов в 2018 году вновь оказались нетипичными для российских регионов.

Партия «Единая Россия», впервые с 2004 г., утратила большинство в республиканском парламенте, получив всего 34% депутатских мандатов. Число избирателей, проголосовавших за нее на выборах по партийным спискам, за 9 лет сократилось в 2,5 раза: 103,2 тыс. человек в

2009 г.; 68,1 тыс. человек в 2013 г. и 40,6 тыс. человек в 2018 г. [7]. Половину мандатов в ВСРХ получили представители оппозиционных партий: КПРФ (32%) и ЛДПР (18%). Всего же в распределении депутатских мандатов приняли участие 7 политических партий – самый высокий уровень представительства политических структур в ВСРХ за весь период наблюдений.

На выборах главы республики за действующего руководителя В.М. Зими́на в первом туре проголосовали 32,4% избирателей или 51,7 тыс. человек (см. табл. 2.11). Его электорат по сравнению с предыдущими выборами сократился почти в два раза. В дальнейшем В.М. Зимин отказался от участия во втором туре выборов, а победу на выборах одержал 31-летний первый секретарь регионального отделения КПРФ О.В. Коновалов.

Не останавливаясь более подробно на данной проблеме, выделим главное. Гражданское общество, испытывая нарастающую неудовлетворенность положением дел в республике и деятельностью правительства, возглавляемого В.М. Зими́ным, посылало действующей республиканской власти на предыдущих выборах в 2013 г. специфичные сигналы. Эти сигналы находили отражение в снижении уровня электоральной поддержки партии «Единая Россия» и избирательной активности граждан. Так, согласно официальным данным избирательной комиссии, поддержка партии «Единая Россия» снизилась на треть: с 103,2 тыс. чел. (2009 г.) до 68,1 тыс. чел. (2013 г.). На эту же величину снизилась явка избирателей: с 50,3% до 37,8% соответственно. Кроме того, уровень поддержки В.М. Зими́на на губернаторских выборах в 2013 г. оказался сравнимым с уровнем поддержки позднего, уже теряющего популярность А.И. Лебе́дя в 2004 г. (93,3 и 88,2 тыс. чел. соответственно). Однако эти сигналы правящей республиканской политической элитой не были восприняты, и на них не последовало адекватной реакции¹. Как результат, на выборах главы республики в 2018 г. за В.М. Зими́на в первом туре проголосовало 32,4% избирателей, или 51,7 тыс. человек (см. табл. 2.11). Его электорат по сравнению с предыдущими выборами сократился почти в два раза. В дальнейшем В.М. Зимин отказался от участия в выборах, на которых победу одержал 1-й секретарь регионального отделения КПРФ О.В. Коновалов. В первом туре за него проголосовало 44,8% избирателей (71,5 тыс. человек). На повторных выборах, состоявшихся через 2 месяца, электорат возрос до 57,5% (или 101,4 тыс. человек). В 2018–2019 гг. происходит кардинальное обновление состава правительства РХ.

¹ Как следует из результатов закрытых предвыборных исследований, проведенных приезжими социологами накануне республиканских выборов 2018 г., деятельность В.М. Зими́на в целом негативно оценивала половина респондентов и всего треть – в целом позитивно (с этими результатами диссертант познакомился штабе поддержки В.М. Зими́на). Сопоставимыми оценками обладал и А.И. Лебе́дь накануне выборов 2004 году. В этом году вопрос повторного избрания А.И. Лебе́дя решался за счет допуска к участию в избирательной кампании только малоизвестных политиков, не обладавших сколько-нибудь значительным политическим весом. Однако в 2018 г. такой же подход не сработал. Данное обстоятельство можно интерпретировать с позиции роста политической культуры республиканских избирателей.

Таким образом, по итогам выборов 2018 г. в Хакасии вновь, как и в 90-х гг. прошлого столетия, возникла нетипичная для российских регионов ситуация: республиканское правительство возглавляет коммунист, а в парламенте сложился триумвират в лице «Единой России», ЛДПР и КПРФ, когда ни одна из политических партий не имеет преимущества перед другими.

2.2.3. Динамика социальной структуры депутатов регионального парламента

В последние годы появляется все большее число научных публикаций социологической и политологической направленности, посвященных изучению региональных парламентов. Можно выделить несколько исследовательских подходов по данной проблематике: изучение институционализации региональных парламентов – М.В. Афанасьев [108] и С.С. Рыбаков [294]; исследование социально-демографических и социально-профессиональных характеристик депутатских корпусов – А.И. Девятярова [155], Н.Н. Козлова [189], Е.А. Осташева [263], В.Г. Семенова и О.Г. Скороходова [305]; анализ партийной структуры законодательной власти – В.Г. Горбачев [140] и Я.Ю. Шашкова [345].

Традиционно пользуется популярностью изучение отношения граждан к представительной власти и оценки деятельности депутатов: Ю.П. Шабаев, Л.А. Завьялова, В.А. Ковалев [342]; электоральное поведение избирателей и конкуренция политических партий на парламентских выборах: А.А. Левченко [218], Р.В. Савенков [297], С.А. Шпагин [349]. Появляются новые исследовательские направления, такие как изучение лоббизма в представительных органах власти субъектов Федерации – С.Г. Конько [196].

В параграфе 2.1. представлена динамика партийной структуры депутатских корпусов парламентов Красноярского края и Республики Хакасия (см. табл. 2.2. и 2.4). В указанном параграфе и параграфе 2.2 частично затрагивается проблема институционализации региональных парламентов, электоральное поведение избирателей и конкуренция политических партий на парламентских выборах. В данном разделе предлагается провести анализ социально-демографических и социально-профессиональных характеристик депутатов в контексте эволюции властных отношений в регионах, построить усредненный портрет депутата регионального парламента в динамике и выявить факторы, детерминирующие вхождение в законодательную элиту.

Красноярский край. Выборы депутатов Законодательного собрания Красноярского края первого созыва проводились в 1994 году. 34 депутата избирались сроком на два года в одномандатных и многомандатных избирательных округах. В 1997 году Красноярский край один из первых в России переходит на смешанную, пропорционально-мажоритарную

избирательную систему. 20 депутатов избираются по партийным спискам и 22 депутата – в одномандатных округах. По аналогичной схеме проводились выборы и в 2001 году.

15 апреля 2007 года состоялись выборы депутатов регионального парламента нового субъекта РФ – Красноярского края, в который вошли Красноярский край, Таймырский и Эвенкийский автономные округа. Численный состав депутатов увеличился до 52 человек при сохранении пропорционально-мажоритарной избирательной системы (26 человек избираются по партийным спискам, 26 – в одно- или двухмандатных округах). Выборы парламентариев в 2011-м, 2016-м и 2021 гг. проводились по этой же схеме с сохранением численного состава избираемых парламентариев.

Республика Хакасия. Выборы депутатов Верховного Совета Республики Хакасия первого, второго и третьего созывов проводились в 1991-м, 1996-м и 2000 гг. с использованием мажоритарной избирательной системы с выборами в одномандатных избирательных округах. Численность парламентариев составляла соответственно 100, 75 и 75 человек. С 2004 г. применяется смешанная мажоритарно-пропорциональная избирательная система, при которой половина депутатов избирается по спискам, вторая – в одномандатных округах. В 2004-м и 2009 гг. численность депутатского корпуса составляла 75 человек, в 2013-м и 2018 гг. – 50 человек.

В качестве эмпирических источников, позволяющих изучать социальную структуру депутатов региональных парламентов, выступили: по Красноярскому краю – информация, размещенная на официальном сайте Законодательного собрания Красноярского края¹; по Республике Хакасия – авторская публикация «Динамика социальной структуры депутатов Верховного Совета Республики Хакасия (1991–2013 гг.)»² и информация, размещенная на официальном сайте Верховного Совета Республики Хакасия, на котором представлены составы всех депутатских созывов³.

Информация об эволюции качественного состава депутатов двух региональных парламентов представлена в таблице 2.15 и 2.16. В указанных таблицах к категории «чиновники» отнесены государственные и муниципальные служащие. К категории «законодатели» – депутаты ВСРХ и помощники депутатов Государственной думы РФ, работающие на постоянной основе. Под партийными функционерами понимаются те, кто работает в партийных структурах на постоянной основе.

¹ Депутатский корпус [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <https://www.sobranie.info/deputies.php#> (дата обращения: 22.10.2021).

² Гришаев С.В., Злотковский В.И. Динамика социальной структуры депутатов Верховного Совета Республики Хакасия. С. 44.

³ Депутатский корпус [Электронный ресурс] // Верховный Совет Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <https://vskhakasia.ru/deputatskiy-korpus/deputati> (дата обращения: 14.06.2020).

Динамика социальной структуры депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 1991–2016 годах (% от числа депутатов в социальных группах)

Социальные характеристики	Год избрания депутатов						
	1994	1997	2001	2007	2011	2016	2021
<i>Пол</i>							
Мужчины	76,5	90,5	85,7	82,7	93,4	94,2	82,7
Женщины	23,5	9,5	14,3	17,3	6,6	5,8	17,3
<i>Возраст</i>							
Средний возраст (лет)	46,5	44,0	47,3	49,3	48,2	50,9	50,7
доля до 30 лет	2,9	12,5	2,4	3,8	3,8	–	1,9
доля старше 60 лет	2,9	4,8	7,1	17,3	13,3	25,0	19,2
<i>Образование</i>							
Высшее	94,1	90,0	92,9	96,2	98,1	96,1	100,0
Среднее и среднее специальное	5,9	*	7,1	3,8	1,9	3,9	0
Ученая степень	5,9	*	4,8	9,6	15,4	*	7,7
<i>Род занятий</i>							
Чиновники	29,4	4,8	11,9	7,7	11,4	1,9	7,7
Законодатели	2,9	16,7	26,2	38,5	42,3	40,4	44,2
Партийные функционеры	–	–	4,8	1,9	–	1,9	–
Крупный бизнес	–	11,9	9,5	9,6	7,7	5,8	1,9
Сфера бизнеса (без крупного бизнеса)	38,2	28,5	16,7	19,2	30,9	28,8	26,9
Интеллигенция	14,9	28,5	14,3	9,6	5,8	17,3	17,3
Общественные организации	8,8	9,6	9,4	5,8	–	1,9	1,9
Правоохранительная сфера	2,9	–	4,8	–	–	–	–
Другие	2,9	–	2,4	7,7	1,9	2,0	–
<i>Социально-профессиональный статус</i>							
Руководитель высшего звена	85,3	85,7	81,0	80,8	90,4	88,5	84,6
Руководитель среднего звена, служащий, специалист	11,8	14,3	16,6	11,5	7,7	7,7	15,4
Рабочий	2,9	–	–	–	–	–	–
Безработный	–	–	2,4	–	–	1,9	–
Пенсионер	–	–	–	7,7	1,9	1,9	–
<i>Сменяемость элиты</i>	*	76,5	66,7	58,3	57,7	46,2	53,8

Примечание. * Означает отсутствие данных. Прочерк означает отсутствие представителей указанной социальной группы среди депутатов.

Крупный бизнес составляют руководители высшего звена финансово-промышленных групп, представленных в Красноярском крае (РУСАЛ, «Норникель», Сибирская угольная энергетическая компания). Сфера бизнеса объединяет представителей промышленных, строительных, дорожных, торговых и иных предприятий частной формы собственности. К интеллигенции причислены инженерно-технические работники, занятые в сфере материального производства и услуг, а также гуманитарная интеллигенция: врачи, педагоги, журналисты. Общественные объединения включают людей, работающих в общественных организациях,

фондах на постоянной основе. Правоохранительная сфера – представители МВД, прокуратуры, органов юстиции, юристы, адвокаты.

Таблица 2.16

**Динамика социальной структуры депутатов Верховного Совета Республики Хакасия
в 1991–2018 годах (% числа депутатов в социальных группах)**

Социальные группы	Год проведения выборов						
	1991	1996	2000	2004	2009	2013	2018
<i>Пол</i>							
Мужчины	90,9	84,0	85,3	86,7	85,0	88,0	86,0
Женщины	9,1	16,0	14,7	13,3	15,0	12,0	14,0
<i>Возраст</i>							
Средний возраст (лет)	45,9	44,5	46,9	49,9	51,6	51,1	47,1
доля до 30 лет	–	4,0	2,7	2,7	3,8	4,0	2,0
доля 51–60 лет	19,1	22,7	25,3	37,3	44,3	40,0	24,0
доля старше 60 лет	2,9	4,0	5,3	12,0	15,1	20,0	22,0
<i>Образование</i>							
Высшее	87,6	90,7	92,0	90,7	95,0	90,0	82,0
Среднее и среднее специальное	9,1	8,0	5,3	9,3	3,7	10,0	18,0
Ученая степень	10,0	6,6	5,3	12,0	12,4	*	6,0
<i>Род занятий</i>							
Чиновники	12,2	2,7	4,0	5,3	–	–	–
Законодатели	3,0	8,0	5,3	10,7	11,2	22,0	30,0
Партийные функционеры	–	–	–	2,7	3,7	2,0	6,0
Сфера бизнеса	44,4	46,6	56,0	53,3	72,5	60,0	36,0
Интеллигенция	27,3	29,3	28,7	22,3	8,7	8,0	12,0
Другие	13,1	13,4	6,0	5,7	3,9	8,0	16,0
<i>Социально-профессиональный статус</i>							
Руководитель высшего звена	73,4	72,2	80,6	78,2	71,4	82,0	66,0
Руководитель среднего звена, служащий, специалист	22,5	23,5	14,9	17,9	20,0	16,0	20,0
Рабочий	5,1	2,9	1,3	–	–	2,0	2,0
Безработный	–	–	–	–	2,9	–	2,0
Пенсионер	–	1,4	2,6	3,9	5,7	–	10,0
<i>Сменяемость элиты</i>	69,7	70,7	73,3	62,7	48,7	38,0	70,0

Примечание. * Отсутствие данных. Прочерк означает отсутствие представителей указанной социальной группы среди депутатов.

Прежде чем перейти к анализу данных, представленных в таблицах 2.15 и 2.16, следует проследить за кардинальными изменениями, произошедшими в системе выборов депутатов региональных парламентов. В советское время среди правящей элиты доминировало представление о том, что наилучшим образом отстаивать интересы населения в законодательном органе будут представители наиболее крупных социальных групп населения. Поэтому социальную структуру парламентариев максимально приближали к социальной структуре населения путем квотирования конкретных социальных групп (женщин, рабочих, молодежи), что не составляло труда, так как выборы проводились под полным контролем

КПСС. Вследствие этого в социальной структуре депутатов областного Совета Хакасской автономной области 1987 г. женщины составляли 45,6%, рабочие – 55,7%, а средний возраст парламентариев составлял 39,3 года¹. При этом уровень образования парламентариев, наличие у них управленческих навыков и опыта законотворческой деятельности играли второстепенную роль. В 1987 г. опытом управленческой деятельности обладали только 30,2% депутатов, а высшее образование имели только 41,4%. В то время как половина парламентариев имели среднее или даже неоконченное среднее образование (50,6 %) ².

Последующие выборы (1991-го, 1996-го, 2000 гг. – в Хакасии и 1994 г. – в Красноярском крае) проводились в иных политических условиях. Они являлись демократическими и проводились в условиях реальной конкуренции между кандидатами, а их результат зависел от выбора избирателей. Очередные выборы в Хакасии (2004 г.) и Красноярском крае (1997-го и 2001 гг.) характеризовались активным влиянием на формирование депутатского корпуса избирательных блоков и объединений, поддерживаемых ведущими региональными политиками. Перечисленные выборы относятся к первому этапу эволюции властных отношений в регионах (см. п. 2.1).

Отличительной чертой выборов в Хакасии в 2009-м, 2013 гг. и в Красноярском крае в 2007-м, 2011-м, 2016-м и 2021 гг. выступает полный контроль над формированием депутатских корпусов со стороны региональных партий власти (второй этап эволюции властных отношений в регионах). Заслуживают отдельного упоминания парламентские выборы в Хакасии в 2018 г., где партия «Единая Россия» не сумела получить большинства, а в распределении депутатских мандатов участвовали 7 политических партий. Это самый высокий показатель за весь постперестроечный период.

Проанализируем социальную структуру депутатов в соответствии с предложенными этапами.

Первый этап. *Усредненный портрет депутата Законодательного собрания Красноярского края, избранного в 1994 г.,* выглядит следующим образом. Это мужчина (76,5%) в возрасте 46,5 лет, имеющий высшее образование. По сфере профессиональной деятельности выделяются три группы: представители сферы бизнеса (предприниматели) (38,2%), чиновники и законодатели (29,4% и 2,9% соответственно) и гуманитарная и техническая интеллигенция, включая представителей общественных организаций (23,7%). По социальному статусу парламентарий – руководитель высшего звена (85,3%).

К специфике депутатского корпуса Законодательного собрания Красноярского края, избранного в 1994 г., следует отнести высокую долю чиновников (в последующем эта доля

¹ Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект (1987–2001 гг.). С. 11, 12.

² Там же. С. 11, 16.

существенно сократится), отсутствие представителей крупного бизнеса и, напротив, вхождение в парламент представителя рабочего класса, чего не будет в последующих депутатских созывах. Обращает на себя внимание незначительная доля парламентариев, чей возраст превышает 60 лет (2,9%). В последующие годы доля самой возрастной группы депутатов будет неуклонно повышаться.

Данные таблиц 2.16 и 2.17 позволяют сделать вывод: усредненные портреты региональных парламентов двух сибирских регионов этого периода в целом весьма схожи между собой. Специфика депутатского корпуса Хакасии заключается в меньшей представленности женщинами, чиновниками, руководителями высшего звена и в большей – интеллигенцией.

Партийная структура. Парламентарии дистанцировались от политических партий, отдавая предпочтение механизму самовыдвижения или инициативным группам. В Красноярском крае доля парламентариев, использовавших данный механизм в 1994 г., составляла 69,2%, в Хакасии – 94,6% в 1996 г. и 94,8% в 2000 г. (см. табл. 2.2 и 2.4).

Условия вхождения в законодательную элиту связаны с определенным социальным статусом (должностным положением) претендента. Успех на выборах определяется не столько его достижениями в профессиональной сфере, личностными качествами, наличием реалистичной предвыборной программы, сколько доступом к избирательным ресурсам, и прежде всего – финансовым и информационным.

Выборы 2001 г. в Красноярском крае. При сохранении среднего возраста депутатов Законодательного собрания (47,3 г.) и их образовательного уровня (доля имеющих высшее образование – 92,7%) наметилась тенденция выравнивания по численности основных социально-профессиональных групп. Доля законодателей составила 26,2%, столько же бизнесменов, интеллигенции – 14,3%, чиновников – 11,9%, представителей общественных организаций – 9,3%. Впервые в состав парламента вошли представители крупного бизнеса (9,5%, учтены в общей доле бизнесменов) и партийные функционеры – 4,8%. Представительство партийных функционеров и общественных организаций в последующие годы не росло.

Обращает на себя внимание снижение циркуляции членов законодательной элиты: с 76,5% в 1997 г. до 66,7% в 2001 году. Данный факт в сочетании с ростом доли законодателей (до 26,2% в 2001 г.) можно интерпретировать как начало процесса формирования корпуса профессиональных законодателей.

В Хакасии заметных изменений в социальной структуре депутатов в этот период не зафиксировано. По всей вероятности, это обусловлено тем, что местные избирательные блоки и

объединения создавались не столько для мобилизации избирателей в свою поддержку, сколько для организации деятельности фракций в будущем парламенте.

Партийная структура. В Красноярском крае в 2001 г. 57,1% будущих депутатов поддерживались шестью местными избирательными блоками, объединениями и 26,2% – двумя политическими партиями (КПРФ и «Единство»). В Хакасии 61,9% будущих парламентариев участвовали в кампании при поддержке пяти политических партий, в том числе партии «Единая Россия» (32,4%) и избирательного объединения «Хакасия» (22,5%) (см. табл. 2.4.).

Вхождение в законодательную элиту обуславливалось выполнением двух требований: высокое должностное положение кандидатов и поддержка со стороны партийной структуры – местного избирательного блока, объединения или политической партии.

Второй этап. В Красноярском крае в депутатском корпусе отчетливо прослеживаются следующие тенденции. Постепенно растет средний возраст парламентариев (с 49,3 лет в 2007 г. до 50,9 и 50,7 лет в 2016-м и 2021 гг. соответственно) и наиболее быстро – доля тех, чей возраст превышает 60 лет (7,1%, 25,0% и 19,2% соответственно). Образовательный уровень достигает максимального значения: все депутаты в 2021 г. имеют высшее образование. Нарастает представительство законодателей (38,5%, 40,4% и 44,2% соответственно). Снижается сменяемость законодательной элиты: 58,3% (2007 г.), 57,7% (2011 г.), 46,2% (2016 г.) и 53,8% (2021 г.).

Усредненный портрет депутата Законодательного собрания Красноярского края, избранного в 2021 г., выглядит следующим образом. Это мужчина (82,7%), в возрасте 50,7 лет (у каждого пятого возраст превышает 60 лет), имеющий высшее образование (100%). На момент получения мандата кандидат работает в законодательных органах власти (44,2%) или является государственным или муниципальных служащим (7,7%). То есть половина состава парламента – это профессиональные управленцы. Каждый четвертый представляет сферу бизнеса, каждый шестой является представителем интеллигенции. По социальному статусу депутат – руководитель высшего звена (84,6%). Каждый второй обладает опытом парламентской работы. Несколько депутатов избираются в парламент 3 и более раз.

В Верховном Совете Республики Хакасия в этот период четко проявились следующие тенденции: увеличение среднего возраста депутатов с преобладанием старших возрастных групп (50 лет и старше), доминирование двух социально-профессиональных групп (представителей сферы бизнес и законодателей) и снижение сменяемости депутатского корпуса (48,7% в 2009 г., 38,0% в 2013 году).

Усредненный портрет депутата Верховного Совета Республики Хакасия, избранного в 2013 г., выглядит следующим образом. Это мужчина (88,0%), имеющий высшее образование (90,0%), в возрасте 51,1 лет (доля тех, чей возраст превышает 50 лет, составляет 60%). Он

является представителем бизнеса (60,0%) или законодателем (22%), а по социальному статусу – руководителем высшего звена (82,0%). Это самые высокие значения по всем перечисленным социальным группам за весь период наблюдений. 2/3 депутатов обладали опытом парламентской работы.

Партийная структура. В Законодательном собрании края «единороссы» в трех последних созывах владеют квалифицированным большинством (2/3 мандатов). Треть мест в составе парламента последнего созыва принадлежит представителям 5 партий (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – За Правду», «Новые люди» и «Зеленые»).

В ВСРХ «Единая Россия» владела квалифицированным большинством (2/3 депутатских мандатов), четверть мандатов принадлежала представителям КПРФ и ЛДПР.

Условия вхождения в законодательную элиту. Поддержка со стороны парламентской партии, прежде всего «Единой России», и высокое должностное положение кандидата или вхождение в руководящий состав регионального отделения партии.

В завершение настоящего анализа подчеркнем наиболее значимые характеристики депутатов регионального парламента, работающих в условиях монополии на власть со стороны «Единой России». Это люди, чей средний возраст превышает 50 лет (среди них велика доля тех, чей возраст превышает 60 лет). Среди них доминируют бизнесмены и законодатели, составляющие 75–84%. Существенно снижается циркуляция элиты и каналы ее рекрутации. Отчетливо прослеживается тенденция «закрытия» законодательной элиты.

Выборы в Хакасии в 2018 году. *Усредненный портрет депутата Верховного Совета Республики Хакасия* выглядит следующим образом. Это мужчина (86,0%), имеющий высшее образование (82,0%), в возрасте 47,1 лет, представляющий три основных социально-профессиональных группы: сфера бизнеса (34,0%), законодатели (28,5%), интеллигенция (16%). По социальному статусу 2/3 депутатов являются руководителями высшего звена и каждый четвертый – руководителем среднего звена, служащим, специалистом. Каждый десятый – пенсионер. Две последние группы являются наиболее многочисленными за весь период наблюдений. Резко обновился депутатский корпус: 2/3 парламентариев первый раз вошли в состав ВСРХ.

Партийная структура. Депутатский корпус состоит из представителей семи политических партий. Партия «Единая Россия» получила 34% мандатов, КПРФ – 32%, ЛДПР – 18% мандатов. «Коммунистам России», «Патриотам России», «Российской партии пенсионеров» и «Справедливой России – За Правду» досталось от 2% до 4% мандатов.

Условия вхождения в законодательную элиту. Поддержка со стороны политической партии. Кандидат должен входить в руководящий состав регионального отделения партии и (или) иметь высокое должностное положение.

Если сравнивать в Хакасии социальную структуру депутатских корпусов 2013 г. (в условиях монополии на власть со стороны «Единой России») и 2018 г. (в условиях утраты «Единой Россией» монополии на власть), то обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Депутатский корпус последнего созыва заметно помолодел (на 4 года), снизилось представительство предпринимателей и руководителей высшего звена и, напротив, повысилось – руководителей среднего звена, служащих, специалистов и пенсионеров. Все эти изменения можно интерпретировать следующим образом. В хакасском социуме начали нарастать сомнения в том, что депутаты республиканского парламента в лице руководителей коммерческих предприятий и организаций и законодателей (их совокупная доля в парламенте 2009 г. составляла 83,7%, 2013 г. – 82,0%) в условиях монополии на власть со стороны одной партии в должной мере отстаивают интересы своих избирателей. Вследствие этого на выборах 2018 г. существенно сократилась поддержка бизнесменов и, напротив, выросла – кандидатов, наиболее близких к народу: врачей, рабочих, рядовых специалистов, менеджеров и пенсионеров. Их число достигло 17 из 50 человек нового состава парламента (или 34%). Это самый высокий показатель за весь период наблюдений. Кроме того, избиратели допустили большое число политических партий для участия в формировании парламента (7 партий). Изменения в социальной структуре депутатов Верховного Совета Хакасии, зафиксированные по итогам последних выборов (2018 г.), также как расширение партийного представительства среди парламентариев, не являются типичными для российских регионов и по этой причине заслуживают специального изучения со стороны социологов и политологов.

2.3. Влияние региональных властей на формирование корпуса глав местного самоуправления

В настоящем параграфе предстоит решить следующие задачи. Во-первых, проследить эволюцию моделей организации местного самоуправления в РФ за период с 90-х гг. прошлого столетия до 2020 года. Во-вторых, провести сравнительный анализ моделей прямых и непрямых выборов глав муниципальных образований (на примере Красноярского края). В-третьих, рассмотреть динамику корпуса глав местного самоуправления Красноярского края в последнем избирательном цикле. В-четвертых, изучить особенности выборов глав местного самоуправления в Республике Хакасия и в Красноярском крае. В-пятых, проследить изменения в жизни городского социума на примере г. Ачинска Красноярского края в период смены моделей организации местного самоуправления.

Статья 131 Конституции РФ, принятой в 1993 г. [42], предусматривала определение структуры органов местного самоуправления населением самостоятельно. На практике данная статья реализовывалась через уставы муниципальных образований, в которых прописывался

механизм устройства местной власти и порядок избрания руководителей. В 90-х гг. прошлого столетия в РФ доминировала модель организации местного самоуправления под названием «сильный мэр – совет». Такая модель предусматривает выборы населением главы местного самоуправления, который возглавляет одновременно местную исполнительную власть. Представительным органом руководит председатель, избираемый депутатами из своего состава. Модель «сильный мэр – совет», как и любая другая модель, имеет свои достоинства и недостатки. К числу наиболее значимых недостатков такой модели чаще всего относят вероятность попадания во власть недостаточно профессиональных и компетентных людей, а иногда и попросту популистов. В ходе всенародного голосования также существенно повышается риск занятия выборной должности ставленниками тех или иных групп политического влияния (бизнеса, преступных сообществ и др.). В последнем случае избранные руководители в своей деятельности могут ориентироваться не столько на реализацию интересов муниципального образования и его населения, сколько на интересы своих «спонсоров» и «групп поддержки». И тому множество примеров из муниципальной практики 90-х гг. прошлого столетия и нулевых годов. Ситуация осложнялась тем, что на практике невозможно было осуществить процедуру отзыва главы муниципального образования. После избрания он фактически на 5 лет получал полноту власти на местах, находясь лишь в формальной зависимости от населения, местной представительной власти и в несколько большей зависимости от региональных властей. По мнению новосибирского социолога А.В. Новокрещёнова, представительный орган при такой модели организации местного самоуправления уходил на второй план и, по сути дела, реальной властью не обладал [254, с. 291]. Также названный ученый полагает: глава исполнительного органа должен быть специалистом в области управления. Его задача – не принимать решения, а исполнять их. «Решения по поручению населения должен принимать представительный орган. В этом случае роль депутатов весьма значительна» [254, с. 291]. Принимая во внимание отмеченные недостатки прямых выборов глав муниципальных образований, с целью повышения качества муниципального управления в Российской Федерации идет настойчивый поиск оптимальной модели организации местного самоуправления, который заметно активизировался во второй половине 2000-х гг. и продолжается по настоящее время.

Новосибирский социолог Новокрещёнов на основании изучения мирового опыта выделил пять основных моделей местного самоуправления [254, с. 290–291].

Форма «сильный мэр – совет». Мэр и представительный орган избираются непосредственно населением. Мэр обладает большим политическим весом по сравнению с представительным органом. Он самостоятельно решает большую часть текущих вопросов и

обладает правом вето на решение представительного органа, которое возможно преодолеть только квалифицированным большинством членов последнего.

Форма «сильный совет – слабый мэр» характеризуется ограничением прав мэра по координации деятельности исполнительных органов и контролем за его деятельностью. Мэр главным образом исполняет представительские и оперативно-исполнительные функции. Данная схема предполагает избрание главы местного самоуправления представительным органом из своего состава.

Форма «совет – управляющий». Управляющий – это профессиональный управленец в сфере общественного управления и политически нейтральная фигура. Его назначает и увольняет с должности представительный орган, который избирается населением. Данная схема предусматривает назначение профессионального управляющего (администратора) представительным органом, например, по результатам конкурса.

Комиссионная форма. Комиссия состоит из выбранных лиц – уполномоченных, каждый из которых управляет конкретным отделом местной власти. В рамках этой модели не предусматривается наличие высшего должностного лица. К числу ее достоинств относится ускоренное принятие управленческих решений по причине отсутствия разделения властей.

Комбинированная форма. Управляющий или главный администратор (профессиональный управляющий) подчиняется не совету, а мэру. Избиратели имеют возможность влиять на проводимую местными властями политику через голосование на муниципальных выборах («за» или «против» мэра). В рамках этой модели мэр и представительный орган избирается населением, мэр назначает управляющего (главного администратора).

К середине 2010-х годов в Российской Федерации сложилось пять моделей организации местного самоуправления, которые имеют много общего с перечисленными выше моделями. Исключение составляет только комиссия форма, не получившая распространения в нашей стране.

Назовем их модель I, II, III, IV и V. Модель I (модель «сильный мэр – совет») предусматривает избрание населением главы муниципального образования, который возглавляет местную администрацию. Председатель представительного органа избирается депутатами из своего состава. Модель II – глава муниципального образования избирается населением и исполняет обязанности председателя представительного органа, глава местной администрации назначается по итогам конкурса. Модель III (модель «сити-менеджер») – глава муниципального образования избирается представительным органом из своего состава и исполняет обязанности его председателя, глава местной администрации назначается по итогам конкурса. Модель IV – глава муниципального образования избирается представительным

органом из своего состава и возглавляет местную администрацию. Модель V (модель «совет – комиссия») – глава муниципального образования избирается депутатами из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию. Председатель представительного органа избирается депутатами из своего состава.

Принятые поправки к Федеральному закону от 6 октября 2003 года № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», предусмотренные № 136-ФЗ [87] и № 8-ФЗ [88], законодательно закрепили вариативность в использовании моделей организации местного самоуправления. При этом право выбора моделей организации местного самоуправления в 2015 г. законодательно передано региональным органам власти. Принимая во внимание доминирование в субъектах РФ региональных партий власти в лице региональных правительств и партии «Единая Россия» и нескрываемую заинтересованность федерального центра в непрямым выборах глав муниципальных образований [205, с. 293], становится понятной динамика внедряемых видов моделей организации местного самоуправления в субъектах РФ во второй половине 2010-х годов.

Анализ табл. 2.17, построенной на результатах исследований, проведенных лабораторией Ассоциации сибирских и дальневосточных городов [54], позволяет выделить несколько важных моментов. Во-первых, по состоянию на декабрь 2014 г. в субъектах РФ доминировала модель, предусматривающая выборы глав муниципальных образований депутатами из своего состава (модель III или модель «сити-менеджер»). Данная модель использовалась в большинстве городских округов – административных центрах субъектов РФ (в трех четвертях), городских округах и в муниципальных районах РФ (в двух третях).

Во-вторых, после принятия в феврале 2015 года Федерального закона № 8-ФЗ произошел переход части регионов от модели III к модели V (модель «совет – комиссия»), при которой депутаты избирают главу из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией. При этом сохранилась совокупная доля моделей III и V в городских округах – административных центрах субъектов РФ (в трех четвертях), в городских округах и в муниципальных районах РФ (в двух третях).

В-третьих, доля регионов, в которых применяется модель I (модель «сильный мэр – совет»), незначительная и продолжает сокращаться. Если в конце 2014 г. прямые выборы проводились в городских округах в 11 субъектах РФ, то к маю 2015 г. их число сократилось до 7. В муниципальных районах эти показатели составили 14 и 9 соответственно. Таким образом, весной 2015 г. лишь в каждом десятом регионе граждане имели возможность самостоятельно выбирать себе главу муниципального образования.

Данные табл. 2.17 отражают использование различных моделей организации местного самоуправления в разрезе субъектов РФ, но не дают полноты картины в разрезе всех муниципальных образований РФ, так как в некоторых регионах используются разные модели в различном соотношении.

Таблица 2.17

Использование моделей организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (количество субъектов РФ)

Модели организации местного самоуправления	Городские округа – административные центры субъектов РФ		Городские округа		Муниципальные районы	
	Декабрь 2014 г.	Май 2015 г.	Декабрь 2014 г.	Май 2015 г.	Декабрь 2014 г.	Май 2015 г.
Модель I	14	10	11	7	14	9
Модель II	1	1	–	–	–	–
Модель III	65	45	54	38	55	38
Модель IV	–	2	–	1	–	–
Модель V	–	22	–	19	–	21
Единая модель не установлена	–	–	17	16	14	15

Примечание. Прочерк означает, что данная модель не используется.

Данные по состоянию на декабрь 2014 г. отражают ситуацию в регионах после принятия поправок к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в 2014 г.; по состоянию на май 2015 г. – поправок к федеральному закону в 2015 году.

Интересующую информацию можно получить из доклада о состоянии местного самоуправления и деятельности Минюста России по развитию его правовых и организационных основ в 2016 году [34]. Доля городских округов и муниципальных районов, в которых в 2016 г. использовались не прямые выборы глав местного самоуправления, составила 89,6% и 89,2% соответственно.

По состоянию на 1 января 2021 года доля городских округов и муниципальных районов, в которых применялся механизм непрямых выборов глав, составляла 92,5% и 88,3% соответственно (подсчитано по: [35]). Одновременно с этим доминирующей стала модель, предусматривающая выборы главы муниципального образования депутатами из состава кандидатов, отобранных конкурсной комиссией (модель V). Она получила распространение в большинстве городских округов (68,9%) и половине (54,0%) муниципальных районов РФ. Прямые выборы глав сохранились только в 7,5% городских округов и в 11,7% муниципальных районов.

Таким образом, представленные данные позволяют отследить эволюцию моделей организации местного самоуправления в РФ за период с 90-х гг. прошлого столетия до конца 2020 года. В 90-х гг. прошлого столетия уверенно доминировала I модель, предусматривающая прямые выборы главы муниципалитета. В первой половине 2010-х гг. абсолютное большинство

(порядка 90%) муниципальных образований перешли на непрямые выборы, в которых явно выделялась модель III. К концу 2010-х гг. осуществился массовый переход к модели V.

А что думают российские избиратели по поводу непрямых выборов глав местного самоуправления? Их позиция хорошо известна и не меняется на протяжении всего постперестроечного периода. Избиратели хотят сами выбирать себе муниципальных руководителей. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты многочисленных социологических исследований федерального, регионального и муниципального уровней. Всего один пример: А.В. Кынев, А.Е. Любарев и А.Н. Максимов, ссылаясь на результаты всероссийских исследований, утверждают, что 78% россиян в середине 2010-х гг. поддерживали идею прямых выборов глав муниципальных образований [209, с. 47].

А какова позиция в этом вопросе глав муниципальных образований? Ответ на этот вопрос дают результаты опроса руководителей муниципальных образований, проведенного социологической лабораторией Ассоциации сибирских и дальневосточных городов (АСДГ) в 2015 году. Половина участников опроса (51,8%) наиболее целесообразной для муниципальных образований считает модель I, при которой глава муниципального образования избирается населением и возглавляет местную администрацию, а председатель представительного органа избирается депутатами из своего состава. В то же время наиболее распространенную модель III, которая в середине 2015 г. применялась более чем в половине субъектов РФ, лишь 16,5% руководителей муниципалитетов относили к числу наиболее целесообразных [54]. В свете сказанного возникает риторический вопрос: в чьих интересах внедряются модели организации местного самоуправления, предусматривающие непрямые выборы глав муниципальных образований, если ни население, ни руководители муниципалитетов их не поддерживают?

В данном случае уместно заметить, что модели, предусматривающие непрямые выборы глав муниципальных образований, некоторые российские ученые расценивают как неудачную попытку применения зарубежного опыта местного самоуправления к российским реалиям [103, с. 82]. И для этого имеются серьезные основания. Так, Ю.В. Благов прямо указывает: модель сити-менеджера (модель III, которая в середине 2010-х гг. доминировала в городских округах и муниципальных районах РФ) заимствована российскими законодателями из опыта США [114, с. 91]. Н.В. Чуб и Д.Е. Снегирева подтверждают: модель сити-менеджера возникла и получила максимальное распространение именно в США [340, с. 330].

Однако заимствование западного опыта, по мнению диссертанта, произведено некорректно, без должного осмысления, учета отечественного опыта развития местного самоуправления, без апробации. Так, по информации Ю.В. Благова, в США модель сити-менеджера применяется в городах с населением от 25 до 250 тыс. человек [114, с. 91]. На сегодняшний день 92 миллиона человек проживают в муниципальных образованиях,

использующих модель «сити-менеджер» [360]. Это примерно треть от общей численности населения страны. В отличие от США, в РФ модель «сити-менеджер» внедрена независимо от численности населения муниципального образования и используется как в административных центрах субъектов РФ, в городах с населением миллион и более человек, так и муниципальных районах с населением несколько тысяч человек. Как известно, США – фактически единственная страна в мире, созданная «снизу вверх», и в ее становлении местное самоуправление играло во многом решающую роль [158, с. 112; 322]. Наше местное самоуправление развивалось по-другому, и у него иная роль в становлении и развитии российской государственности. Почему в таком случае следовало копировать американские модели организации местного самоуправления, фактически отказываясь от отечественного опыта и традиций? При этом, копируя одну западную модель, мы фактически игнорируем другие модели. К примеру, в США в 90% городов население прямым голосованием избирает мэра, который является единоличным главой исполнительной власти более чем в 60% городов (модель «сильный мэр – совет», или модель I), а в крупных городах только эта модель и применяется [143, с. 177]. В данном контексте уместно заметить: крупнейшие города мира с населением свыше одного миллиона человек используют организационные модели, в которых глава муниципалитета избирается населением на прямых выборах [114, с. 122].

По мнению И.В. Выдрина, в настоящее время модель «сити-менеджер» определяют как самую прогрессивную и «навязывают местному самоуправлению как динамичную и самую эффективную, соответствующую лучшим образцам муниципальной практики на Западе» [131, с. 73]. В то время как Ю.В. Благов считает, что внедрение модели «сити-менеджер» является губительным для местного самоуправления и несет в себе огромный деструктивный заряд, поскольку ограничивает местное самоуправление в России [114, с. 91–92].

Каким образом внедрение новых моделей организации местного самоуправления реализовывалось на практике? Рассмотрим данную проблему на примере Красноярского края, где уже внедряется третья модель организации местного самоуправления. До 2010 г. применялась модель I, в 2010 г. в большинстве муниципальных образований произошел переход к модели III, в 2015 г. – к модели V.

Постараемся найти ответ на вопрос: привел ли переход к новым моделям к созданию механизма по отбору наиболее компетентных, подготовленных и достойных глав муниципальных образований? Для этого вначале проанализируем результаты прямых выборов глав городов и районов Красноярского края, состоявшихся в 2005 году. Это был последний избирательный цикл в регионе, когда население напрямую выбирало глав местного самоуправления.

2.3.1. Итоги прямых выборов глав муниципальных образований в Красноярском крае в 2005 году

В табл. 2.18 представлены данные социологических исследований, проведенных в ряде муниципальных образований Красноярского края накануне муниципальных выборов 2005 г. [прил. 1; 11]. В таблице также добавлены данные по г. Красноярску (выборы состоялись весной 2004 г.) и по Тайшетскому району Иркутской области, где опрос проводился в сентябре 2005 г. накануне выборов главы района (№ = 450).

Анализ данных указанной таблицы позволяет выделить несколько важных моментов. Во-первых, уровень электоральной поддержки главы муниципального образования напрямую не коррелирует с материальным положением респондентов. Так, наиболее высокие значения индексов материального положения в группе «муниципальные районы» оказались в Богучанском и Енисейском районах (+11,6% и +10,1% соответственно). Однако руководители местных администраций выборы проиграли при поддержке всего 20,1% и 18,4% избирателей соответственно. В то же время в Иланском и Емельяновском районах, где индексы материального положения оказались более низкими (+6,1% и +5,9% соответственно), за руководителей указанных территорий проголосовали в 2-2,5 раза больше избирателей (39,3% и 49,2% соответственно), чем в Богучанском и Енисейском районах.

Во-вторых, уровень электоральной поддержки глав муниципальных образований коррелирует с оценками их деятельности со стороны населения. Для глав городов и районов своеобразными политическими водоразделами выступали: 1) индекс оценки деятельности в значении +19% (или 40 и более процентов респондентов, в целом позитивно оценивающих их работу); 2) сводный индекс общественных настроений (см. далее) в значении +22%.

Руководители, имеющие более высокое значение указанных индексов, одерживали уверенные победы вне зависимости от каких-либо факторов (материального положения и социального самочувствия населения, состава кандидатов на пост глав муниципального образования, активности ведения оппонентами рекламно-агитационных кампаний и др.). И наоборот, муниципальные руководители проигрывали на выборах вне зависимости от активности проведения своих рекламно-агитационных кампаний¹.

¹ Показательным примером служат выборы глав Енисейского и Емельяновского районов Красноярского края. Судя по результатам предвыборных исследований [прил. 1; 12], глава Енисейского района В.Н. Сидоркин значительно активнее проводил свою рекламно-агитационную кампанию (41% респондентов отметил данную позицию) по сравнению с другими кандидатами, включая будущего победителя выборов С.В. Ермакова (20,4%). Действующий руководитель уверенно лидировал во всех видах агитации: публикация материалов в местных газетах, выпуск листовок, распространение агитационных материалов по почтовым ящикам, работа агитаторов по месту жительства. И тем не менее глава района В.Н. Сидоркин, чью деятельность в целом положительно оценивали лишь 34,9%, выборы проиграл, получив поддержку со стороны всего 18,4% избирателей.

Зависимость между материальным положением и социальным самочувствием жителей муниципальных образований Красноярского края и Иркутской области и результатом участия руководителей муниципальных образований в выборах 2004–2005 годов (% от числа опрошенных)

Муниципальные образования	Индекс материального положения	Сводный индекс социального самочувствия	Индекс оценки деятельности главы города или района	Сводный индекс общественных настроений	Результат участия глав городов и районов в выборах (% избирателей, проголосовавших «за»)**
Красноярский край					
<i>Городские округа</i>					
Красноярск	+19,2	+44,5	+56,7 (80,6)*	+50,6	Повторно избран (79,1)
Сосновоборск	+12,6	+36,2	+6,5 (37,6)	+21,3	Не избран (28,2)
Дивногорск	+14,4	+35,9	-24,2 (27,8)	+5,8	Не избран (12,5)
<i>Муниципальные районы</i>					
Шушенский	-0,6	+21,0	-24,4 (26,4)	+1,7	Не избран (14,3)
Богучанский	+11,6	+33,1	-29,6 (22,9)	+1,7	Не избран (20,1)
Енисейский	+10,1	+30,0	-14,0 (34,9)	+8,0	Не избран (18,4)
Иланский	+6,1	+25,6	+19,3 (41,8)	+22,4	Повторно избран (39,3)
Емельяновский	+5,9	+27,9	+30,7 (57,1)	+30,7	Повторно избран (49,2)
Иркутская область					
<i>Муниципальный район</i>					
Тайшетский	+1,4	+31,3	+64,4 (78,9)	+47,6	Повторно избран (68,0)

Примечание. * В скобках указана доля респондентов, которые оценивают деятельность главы муниципального образования в целом положительно (сумма ответов «положительно» и «скорее положительно»).

** *Источники:* [6]; Выборы и референдумы [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Иркутской области: офиц. сайт. – URL: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk> (дата обращения: 28.03.2017).

О том, насколько остро в это время стояла проблема эффективности деятельности глав городов и районов, можно судить по результатам приведенного ниже анализа. В свое время О.П. Кудинов и Г.А. Шипилов предложили классификацию руководителей исполнительных органов власти в зависимости от результата, показанного ими на выборах. К числу абсолютных лидеров ученые отнесли тех, кто получил поддержку 60% избирателей и более, относительно популярные – от 40% до 60%, относительно непопулярные – от 20% до 40%, непопулярные – 20% и менее [206, с. 256]. Если придерживаться данной классификации, то по итогам

муниципальных выборов в Красноярском крае в 2005 г., опубликованным на сайте краевой избирательной комиссии, 6 глав городов и районов следует отнести к группе *непопулярных руководителей* (их усредненный уровень поддержки составил 12,4%). Это главы городов Енисейска и Дивногорска, Идринского, Нижнеингашского, Шушенского и Енисейского районов. 16 глав муниципальных образований с усредненным уровнем поддержки 28,4% относятся к числу *относительно непопулярных руководителей*¹. Главы Емельяновского и Ужурского районов составили группу *относительно популярных руководителей* (поддержка 49,1% и 58,6% избирателей соответственно). *Абсолютными лидерами* выступили главы Большеулуйского и Держинского районов (73,4% и 64,0% соответственно). Таким образом, согласно методике, предложенной О.П. Кудиновым и Г.А. Шипиловым, из 26 глав городов и районов Красноярского края, принимавших участие в муниципальных выборах 2005 г., 22 следует отнести к числу *непопулярных или относительно непопулярных руководителей*.

Представленные данные наглядно свидетельствуют о высокой требовательности избирателей к деятельности руководителей муниципальных образований. При этом важно подчеркнуть: судя по результатам предвыборных исследований, избиратели не возлагали на руководителей муниципальных образований прямой ответственности за социально-экономическое положение в территориях и за свое материальное положение и социальное самочувствие. В то же время граждане внимательно следили за работой местных органов власти и их руководителей. Отстаивают ли они интересы территории перед вышестоящими органами властью? Какую проводят кадровую политику, и прежде всего в контексте протектирования родственников, земляков, друзей? Каким образом ведут себя в быту муниципальный руководитель, его заместители? В зависимости от того, как на эти и другие вопросы отвечали для себя избиратели, результат поддержки на местных выборах колебался от 5,0% (Идринский район) до 73,4% (Большеулуйский район). И, судя по итогам выборов, абсолютное большинство глав муниципальных образований (79,3%) этот экзамен перед избирателями в 2005 г. не выдержали.

Также обращает на себя внимание высокая активность граждан на выборах. Усредненная явка избирателей составила 62,4%. При этом не прослеживается прямая зависимость между оценкой деятельности главы города или района и явкой избирателей. Иначе говоря, граждане одинаково активно участвовали в выборах как в территориях, чтобы поддержать популярных руководителей (Большеулуйский, Держинский, Емельяновский и Ужурский районы), так и в территориях с непопулярными главами для поддержки прохождения во власть новых лиц.

¹ Это Абанский, Боготольский, Богучанский, Иланский, Ирбейский, Казачинский, Канский, Кежемский, Козульский, Краснотуранский, Курагинский, Тасеевский, Тюхтетский районы, г. Сосновоборск, ЗАТО Кедровый и Солнечный.

Широко распространено мнение: недостатком прямых выборов является риск попадания во власть случайных людей и популистов, строящих свою рекламно-агитационную кампанию главным образом на критике и обещаниях. Результаты наших исследований не подтверждают данное мнение. В таблице 2.19 представлена информация о впервые избранных главах муниципальных образований в шести территориях, где диссертантом проводились предвыборные социологические исследования в 2005 г. [прил. 1; 11,12].

Таблица 2.19

Электоральные показатели будущих победителей на выборах глав городов и районов Красноярского края в 2005 году (% от числа опрошенных)

ФИО будущего победителя выборов (территория)	Дата проведения опроса	Кол-во кандидатов	Рейтинг узнаваемости*	Рейтинг доверия**	Электоральный рейтинг	Результаты голосования 17 апреля 2005 г. (%)
Бахтин А.В. (Богучанский р-он)	4–7 февраля	6	62,2	28,9 (+6,2)	19,4	34,3
Германович В.Н. (г. Дивногорск)	1–3 апреля	6	94,7	54,6 (+38,2)	44,0	61,6
Кочубей В.В. (Иланский р-он)	22–26 марта	5	86,2	37,1 (+25,9)	36,9	43,5
Пономарев С.А. (г. Сосновоборск)	28 марта – 1 апреля	8	91,6	42,0 (+23,7)	27,1	42,3
Шорохов Л.Н. (Шушенский р-он)	7–10 марта	6	93,2	56,5 (+44,7)	38,9	67,3
Ермаков С.В. (Енисейский р-он)	5–7 апреля	7	80,3	30,4 (+23,1)	25,3	50,6

Примечание. * Рейтинг узнаваемости рассчитывается как сумма ответов «более или менее известен» и «что-то слышал». ** Первая цифра соответствует доле респондентов, отметивших позицию «доверяю»; вторая цифра в скобках – разность между числом респондентов, доверяющих и не доверяющих кандидату.

Как следует из представленной информации, все будущие победители выборов обладали высоким рейтингом узнаваемости и рейтингом доверия. Так, за месяц до голосования Л.Н. Шорохов в Шушенском районе был известен абсолютному большинству избирателей (93,2%), и более половины избирателей доверяли ему как политику. В целом во всех территориях уровень узнаваемости указанных кандидатов составлял 84,7%, а доля респондентов, доверяющим им, – 41,6%. Прослеживалась устойчивая тенденция: чем выше уровень доверия будущему победителю выборов, тем большее число избирателей проголосовали за него на избирательных участках.

Таким образом, представленная информация позволяет утверждать: случайных людей в муниципальную власть Красноярского края не избирали. Все они были хорошо известны абсолютному большинству избирателей и обладали положительным имиджем. Другой вопрос: обладали ли они достаточной компетенцией для эффективного муниципального управления,

приходя в местную власть с уровня руководителя строительной организации, директора ликеро-водочного завода, начальника районной пожарной части МЧС и частных предпринимателей?

Проведенный анализ позволил выделить как преимущества, так и недостатки прямых выборов (модель I). К числу наиболее значимых преимуществ следует отнести, во-первых, ответственность местной власти перед избирателями. Муниципальные руководители для повторного избрания на должность должны были еще до начала избирательной кампании завоевать доверие значительной части избирателей. В противном случае выборы они, как правило, проигрывали. Во-вторых, высокая легитимность органов местного самоуправления в глазах населения. В-третьих, широкие возможности для выражения избирателями своей политической воли через поддержку / неподдержку действующей местной власти на выборах и доверие занимать пост главы муниципального образования кандидатам, оппонировавшим местной власти.

Каковы наиболее значимые недостатки? Риск прихода во власть недостаточно компетентных и недостаточно профессиональных руководителей и практическая невозможность реализации на практике процедуры отзыва главы муниципального образования. Как свидетельствует муниципальная практика Красноярского края, за период с 2000-го по 2005 гг. не было зарегистрировано ни одного случая отзыва главы муниципального образования, ни даже инициативы по началу организации процедуры отзыва.

2.3.2. Сравнительный анализ моделей прямых и непрямых выборов глав муниципальных образований

Каким образом российские эксперты оценивают достоинства и недостатки модели III¹? Основные достоинства данной модели: 1) профессионализм, компетентность руководителей муниципального образования (главы города/района, главы администрации); 2) снижение вероятности появления у власти случайных, неподготовленных людей, популистов; 3) ответственность главы муниципального образования перед депутатским корпусом, контроль со стороны депутатов; 4) разделение хозяйственных и представительских функций, создание системы сдержек и противовесов; 5) относительная простота процедуры отстранения от должности в случае ненадлежащего исполнения обязанностей.

Недостатки модели III. Во-первых, недостаточная легитимность власти в глазах населения. Во-вторых, слабая связь с населением, отстранение населения от принятия решений.

¹ Мониторинг реализации Федерального закона № 136-ФЗ на территории Российской Федерации (по результатам опроса руководителей муниципальных образований и обзора принятых законов субъектов Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: <http://www.asdg.ru/mo/issled/Analytica136-FZ.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

В-третьих, избрание главы муниципального образования и главы администрации ограниченным кругом лиц. В-четвертых, отсутствие ответственности руководителей муниципального образования перед гражданами, неподотчетность избирателям. В-пятых, двоевластие, риск противостояния представительного и исполнительного органа власти. И в-шестых, встраивание местного самоуправления в вертикаль государственной власти.

Анализ начнем с позитивных моментов. За счет внедрения модели III предполагалось снизить *возможность появления у власти случайных и неподготовленных людей*. Данную задачу планировалось решить за счет введения двухступенчатой схемы отбора будущих руководителей. Сначала претендент на выборный пост проходит «фильтр» в лице избирателей для получения депутатского мандата, а затем – в лице своих коллег по депутатскому корпусу. С помощью данного механизма действительно удалось поставить заслон для попадания во власть случайных, неподготовленных людей и тех, кто строил свою рекламно-агитационную кампанию главным образом на популизме и критике.

Эксперты надеялись на *усиление ответственности главы муниципального образования перед депутатским корпусом* и указывали на *относительную простоту процедуры отстранения от должности в случае ненадлежащего исполнения обязанностей*. Логика экспертов очевидна: если главу избирают депутаты, то они и могут освободить его от должности. Однако если ориентироваться на информацию, размещаемую на официальном портале Красноярского края в разделе «местное самоуправление» (krskstate.ru), и сообщения и публикации в местных СМИ за период с 2010-го по 2015 гг., то ни один глава муниципалитета не был досрочно отправлен в отставку. И это несмотря на острые политические конфликты в целом ряде муниципальных образований. Так, по мнению красноярского политолога Ю. Москвича, в 2012–2014 гг. наблюдались постоянные политические кризисы в 17 муниципальных образованиях Красноярского края¹. 17 – это четверть от общего числа муниципальных образований в крае.

Практика показала, что даже если глава муниципального образования непопулярен среди населения и местной политической элиты, он имеет достаточно сторонников среди депутатов для блокировки любого решения городского (районного) совета депутатов, как и для самого факта проведения (непроведения) заседания местного органа представительной власти. В результате основным способом разрешения конфликтной ситуации в муниципальных образованиях Красноярского края стал роспуск депутатского корпуса по решению суда по представлению прокуратуры. Юридическое основание: непроведение заседаний городского (районного) совета депутатов в течение трех месяцев. В Красноярском крае зафиксировано

¹ Каримуллин Ренат. Мэром Красноярска станет депутат горсовета? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26317/3196355/> (дата обращения: 18.05.2016).

несколько таких случаев. Например, в г. Канске, Абанском и Туруханском районах¹. В связи с тем, что данная процедура растягивается на длительное время (несколько месяцев, а иногда и год), муниципальное образование оказывалось без представительной власти, что негативно отражалось на эффективности муниципального управления и усиливало критические настроения среди населения относительно деятельности местных органов власти.

Таким образом, представленные данные позволяют утверждать: с внедрением модели III не оправдались надежды на усиление ответственности главы муниципального образования перед представительной властью и на упрощение процедуры его отзыва.

Что касается *повышения профессионализма и компетентности руководителей муниципального образования*, то ситуация в этом вопросе представляется неоднозначной. С одной стороны, можно говорить о накоплении управленческого опыта корпусом глав муниципальных образований по причине снижения их сменяемости: 79,3% в 2005 г., 46,8% в 2010 г. и 23,1% в 2015 году [167, с. 18].

С другой стороны, сомнения в профессионализме и компетентности целого ряда глав городов и районов возникают при изучении оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, которую проводит краевое правительство в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». Предметом оценки выступают результаты деятельности органов местного самоуправления в различных сферах: экономическое развитие, дошкольное образование, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления. Определены конкретные показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Например, число субъектов малого и среднего предпринимательства (един. на 10 тыс. чел.); объем инвестиций в основной капитал (руб. на 1 чел.); доля детей в возрасте 1–6 лет, состоящих на учете для определения в детские дошкольные учреждения (% от общей численности детей в возрасте 1–6 лет) и др. На основе этих показателей осуществляется комплексная оценка деятельности, позволяющая проводить ранжирование органов местного самоуправления [77].

Рассмотрим, каким образом результаты краевого конкурса влияли на повторное избрание глав муниципальных образований. Итак, в сентябре 2010 г. 22 главы муниципальных образований (2 – в городах и 20 – в сельских районах) повторно избраны на свои должности.

¹ Канский районный Совет депутатов будет распущен [Электронный ресурс]. – URL: <https://krasn.pravo.ru/list/view/29062/> (дата обращения: 18.05.2016) ; Абанский райсовет будет распущен: вслед за судебным решением готов и проект закона края. – URL: <https://krasn.pravo.ru/news/view/37456/> (дата обращения: 18.05.2016) ; Туруханский район: суд принял решение о роспуске райсовета – URL: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/turuhanskij-rajon-sud-prinyal/16204081/> (дата обращения: 18.05.2016)

Теперь обратимся к результатам краевого конкурса за 2010 год. Повторно избранный глава Ачинска занял в этом конкурсе лишь 12-е место, г. Боготола – 16-е место (среди 17 городов края), т. е. оба руководителя относились к числу наименее эффективных городских управленцев. Среди 20 глав муниципальных районов 7 возглавляли наименее эффективные органы местного самоуправления. Это главы Сухобузимского, Большемуртинского, Большеулуйского, Казачинского, Мотыгинского, Пировского и Козульского районов, занявшие в краевом рейтинге последние позиции: 31-е, 33-е, 35-е, 37-е, 42-е, 43-е и 44-е места соответственно среди 44 муниципальных районов (табл. 2.20).

В стремлении понять причины данного политического феномена выдвинем две гипотезы. Первая гипотеза: органы местного самоуправления не имеют достаточных полномочий и инструментов влияния на социально-экономическую ситуацию в подконтрольной территории. В этом случае процедура оценки деятельности органов местного самоуправления носит формальный характер. Получается, муниципальные власти делают вид, что участвуют в конкурсе, а региональные власти после подведения итогов конкурса кладут результаты «под сукно», не используя как рабочий инструмент в управленческой деятельности. В обоих случаях наблюдаются явные признаки того, что называется имитацией деятельности. Вторая гипотеза формулируется следующим образом: выборы глав муниципальных образований осуществлялись по критериям, где эффективность деятельности возглавляемых ими органов местного самоуправления не относится к числу приоритетных. Обе выдвинутые гипотезы требуют специальной дополнительной проверки, но в любом случае имеются серьезные сомнения в профессионализме и компетентности руководителей муниципальных образований Красноярского края, избранных в 2010 году.

Таким образом, представленная информация позволяет усомниться в том, что механизм непрямых выборов глав городов и районов в Красноярском крае является инструментом отбора наиболее компетентных и достойных муниципальных руководителей по сравнению с прямыми выборами.

Эксперты указывали на еще один положительный аспект непрямых выборов глав муниципальных образований. Речь идет *о разделении хозяйственных и представительских функций и создании системы сдержек и противовесов в органах местного самоуправления.*

Тему разделения хозяйственных и представительских функций частично затронем позже, а сейчас остановимся на проблеме создании системы сдержек и противовесов. В модели III глава администрации муниципального образования одновременно занимает и пост председателя местного совета депутатов. При этом сами депутаты, как правило, сумели войти в представительный орган после соответствующего согласования с главой муниципалитета.

**Динамика эффективности деятельности органов местного самоуправления
Красноярского края в 2009–2015 годах (место органа местного самоуправления в краевом
рейтинге по группам среди городских округов и муниципальных районов)**

Муниципальные образования		Год оценки						
		2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Городские округа</i>								
1	Ачинск	6	12	17	17	16	15	8
2	Боготол	11	16	14	12	15	8	16
3	Бородино	5	7	8	5	14	13	10
4	Дивногорск	9	5	7	4	4	1	4
5	Енисейск	15	14	13	10	10	16	17
6	Железногорск	4	11	10	2	1	12	5
7	Зеленогорск	14	4	3	3	2	3	6
8	Канск	16	9	12	17	13	10	2
9	Кедровый	17	10	11	8	17	17	13
10	Красноярск	1	2	2	9	8	7	11
11	Лесосибирск	13	15	9	11	5	11	9
12	Минусинск	2	3	5	7	9	2	3
13	Назарово	13	17	16	15	6	6	14
14	Норильск	10	8	15	13	3	4	1
15	Солнечный	8	6	6	6	11	5	15
16	Сосновоборск	3	1	1	1	7	9	7
17	Шарыпово	7	13	4	14	12	14	12
<i>Муниципальный район</i>								
18	Абанский	4	18	11	27	40	41	23
19	Ачинский	19	27	43	8	14	30	40
20	Балахтинский	7	8	12	2	4	6	13
21	Березовский	18	6	3	38	38	17	34
22	Бирилюсский	27	20	20	9	17	18	11
23	Боготольский	32	14	38	35	18	44	19
24	Богучанский	13	7	8	3	6	8	18
25	Большемуртинский	12	33	42	24	39	16	4
26	Большеулуйский	31	35	15	7	9	25	28
27	Дзержинский	29	17	39	29	11	9	41
28	Емельяновский	8	4	2	6	2	12	2
29	Енисейский	23	9	25	5	3	4	35
30	Ермаковский	6	30	14	31	24	34	44
31	Идринский	35	25	30	41	20	43	29
32	Иланский	16	29	29	23	28	28	16
33	Ирбейский	20	38	40	17	13	22	43
34	Казачинский	24	37	16	39	44	40	32
35	Канский	10	19	19	14	32	39	36
36	Каратузский	15	41	34	20	36	38	10
37	Кежемский	9	21	4	16	22	27	3
38	Козульский	21	44	37	44	33	42	42
39	Краснотуранский	36	39	33	30	29	15	14
40	Курагинский	2	32	13	26	15	35	37
41	Манский	37	2	7	11	12	20	12

Продолжение таблицы 2.20

Муниципальные образования		Год оценки						
		2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Муниципальный район								
42	Минусинский	5	1	9	36	34	23	6
43	Мотыгинский	38	42	24	13	10	14	5
44	Назаровский	30	11	28	25	26	31	25
45	Нижнеингашский	34	5	36	28	42	33	17
46	Новоселовский	14	26	22	37	27	24	38
47	Партизанский	39	13	32	18	19	2	15
48	Пировский	44	43	31	19	8	3	9
49	Рыбинский	11	12	10	12	21	19	33
50	Саянский	33	36	35	15	43	29	24
51	Северо-Енисейский	1	3	18	4	5	13	26
52	Сухобузимский	26	31	26	42	37	26	20
53	Таймырский	28	28	6	43	30	21	7
54	Тасеевский	22	22	27	40	25	10	8
55	Туруханский	25	40	21	1	1	1	31
56	Тюхтетский	41	34	44	33	23	37	27
57	Ужурский	42	10	23	34	31	11	22
58	Уярский	40	16	17	32	35	36	21
59	Шарыповский	3	15	5	10	16	5	1
60	Шушенский	17	23	1	22	7	7	30
61	Эвенкийский	43	24	41	21	41	32	39

Источник. Подсчитано по: [77].

Глава муниципального образования также возглавляет конкурсную комиссию по отбору кандидатов на пост главы администрации и принимает последнего на работу по контракту.

Таким образом, данная модель, по сути, приводит к слиянию представительных и законодательных органов власти на местном уровне, что не позволяет создать эффективную систему сдержек и противовесов в органах местного самоуправления.

Теперь рассмотрим негативные аспекты III модели организации местного самоуправления. Первый – *избрание главы муниципального образования ограниченным кругом лиц*. По мнению местных экспертов, решение об избрании руководителей местных органов власти принимается узким кругом руководителей региональной партии власти и реализуется через депутатские фракции партии «Единая Россия», составляющие большинство в городских и районных советах по итогам муниципальных выборов в 2010 году. Позиция избирателей, других политических партий, СМИ в этом вопросе не играет сколько-нибудь заметной роли.

По этой же причине *отсутствует ответственность руководителей муниципального образования перед гражданами, подотчетность избирателям*. Сопоставление результатов мониторинговых исследований и электоральной статистики фиксирует явное противоречие. С одной стороны, оценки деятельности глав городов и районов Красноярского края в последние

годы неуклонно ухудшаются. С другой стороны, их сменяемость устойчиво снижается. Данный политический феномен указывает на еще один явный недостаток модели III: *слабая связь местной власти с населением и фактическое отстранение населения от принятия решений.*

Двоевластие, риск противостояния представительного и исполнительного органов власти. Ранее приводилось высказывание красноярского эксперта Ю. Москвича о наличии политических кризисов в четверти муниципальных образований Красноярского края в первой половине 2010-х годов. Наибольшие «напряжения» были по линии «глава муниципального образования и глава администрации», «глава муниципального образования и местная представительная власть». Неслучайно известный красноярский политолог С.Г. Комарицын в 2014 г. сделал вывод о наличии системного характера политических кризисов в муниципальных образованиях Красноярского края [370].

Недостаточная легитимность власти в глазах населения. На процесс делегитимизации органов местного самоуправления Красноярского края отчетливо указывает снижение явки избирателей на местных выборах: с 62,4% в 2005 г. до 39,6% в 2010 г. [167, с. 26]. В этих цифрах отчетливо проявляется реакция граждан на изменения в системе муниципальных выборов. Здесь речь идет не только об утрате избирателями права напрямую выбрать себе главу муниципального образования, но и об опосредованном характере выборов представительной власти, когда персональный состав депутатов зависит не столько от голосования избирателей, сколько от позиции региональной партии власти и партийных функционеров, формирующих избирательные списки. При этом важно подчеркнуть: избирательная активность жителей Красноярского края на выборах Президента РФ сохраняется на стабильно высоком уровне¹.

Встраивание местного самоуправления в вертикаль государственной власти. Региональная партия власти за счет внедрения III модели организации местного самоуправления поставила процесс их формирования под свой полный контроль. Абсолютное большинство избранных в 2010 г. глав муниципальных образований (97,1%) участвовали в избирательной кампании как сторонники партии «Единая Россия» [167, с. 18]. Кандидаты от «Единой России» получили 2/3 от общего числа мандатов на выборах депутатов городских и районных советов. Фракции «Единой России» составили большинство во всех муниципальных образованиях края. С их помощью региональная партия власти осуществляла регулирование деятельности местных органов власти.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод. У модели местного самоуправления III имеются положительные моменты, но они не столь значительны,

¹ Злотковский В.И. От чего зависит активность избирателей на муниципальных выборах? // Седьмые Байкальские междунар. соц.-гуманит. чтения: в 3 т. Т. 1: Материалы. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – С. 287, 288.

как можно было ожидать. Новый механизм непрямых выборов глав городов и районов не сумел стать механизмом отбора наиболее компетентных, профессиональных и достойных управленцев. Не удалось создать эффективную систему сдержек и противовесов в местных органах власти и упростить процедуру отстранения от должности главы муниципального образования в случае ненадлежащего исполнения им своих должностных обязанностей и утраты доверия избирателей. В то же время недостатки данной модели зримые и весьма значительные. Главные из них – формальное участие граждан в формировании местных органов власти, отсутствие ответственности руководителей муниципального образования перед избирателями, фактическое отстранение последних от принятия решений, опасность делегитимизации органов местного самоуправления.

Очевидно, неслучайно политолог С.Г. Комарицын сделал вывод о потере управляемости на местах от внедрения данной модели местного самоуправления в Красноярском крае в 2010 году. По его мнению, в данной модели заложены конфликты, столкновение интересов, которые можно было разрешить при всенародных выборах¹. Достаточно неожиданно с данным утверждением согласился губернатор Красноярского края В.А. Толоконский, избранный на этот пост в 2014 году. Он прямо сказал, что от ее внедрения серьезно пострадало качество управления на местах [144, с. 25] и добавил: «С этой проблемой я столкнулся сразу же во время поездок по районам. <...> Я своими глазами видел потерю управляемости на местах»².

Таким образом, отказ в Красноярском крае в 2015 г. от модели III следует считать шагом в правильном направлении, и позиция нового руководителя региона (В.А. Толоконского) давала некоторое основание для сдержанного оптимизма в части выбора наиболее оптимальной модели организации местного самоуправления. Однако в марте 2015 г. принимается краевой закон, предусматривающий повсеместное внедрение модели V. Губернатор края в официальных выступлениях объяснял необходимость данного решения стремлением исправить ситуацию на уровне местного самоуправления.

В чем заключаются основные сомнения в успешной реализации новой модели организации местного самоуправления (модель V), принятой в Красноярском крае в 2015 году?

Закрытость процедуры выборов глав муниципальных образований. Уже упомянутый С.Г. Комарицын безуспешно пытался найти информацию о выборах глав городов и районов Красноярского края, проводившихся в 2015 году. Он обращался к официальным сайтам краевой избирательной комиссии, правительства Красноярского края, муниципальных образований,

¹ Красноярский политолог: Конкурсная схема выборов муниципальных глав – необдуманное решение [Электронный ресурс]. – URL: <http://regnum.ru/news/1901706.html> (дата обращения: 27.05.2016).

² Выборам в Красноярском крае добавили советских традиций [Электронный ресурс]. – URL: <https://dela.ru/news/vyboram-sovety/> (дата обращения: 22.04.2017).

лично к высокопоставленным чиновникам краевой администрации¹. Политолог отмечает: в этот период общественности в муниципальных образованиях не была доступна информация о составе кандидатов на выборный пост, составе конкурсных комиссий, сроках проведения выборов и о самой процедуре отбора кандидатов. Эксперт резонно ставит вопрос: можно ли в таких условиях говорить об использовании механизмов общественного контроля деятельности местных органов власти, активном участии гражданского общества в управлении на местном уровне? Его вывод: выборы глав городов и районов Красноярского края в 2015 г. проходили в обстановке полной секретности, непрозрачности и без участия гражданского общества².

Не менее актуальная проблема – это то, как принималась новая модель организации местного самоуправления (модель V). Казалось бы, неудачный опыт внедрения в крае модели III должен был помочь избежать повторения ошибок. Однако должных выводов не было сделано. Как в 2010-м, так и в 2015 г. внедрение моделей системы организации местного самоуправления в Красноярском крае происходило без анализа их достоинств и недостатков, всестороннего обсуждения с привлечением экспертов, представителей местных органов власти, общественности, без апробации и в спешке³.

2.3.3. Динамика корпуса глав городов и районов Красноярского края в последнем избирательном цикле (2015–2020 гг.)

Рассмотрим, в какой мере эффективность деятельности органа местного самоуправления и оценки деятельности главы муниципалитета со стороны избирателей оказывают влияние на результаты муниципальных выборов, в частности, на его повторное избрание на должность. В таблице 2.21 представлены результаты предвыборных исследований, проведенных в июле 2015 г., за 2 месяца до муниципальных выборов [прил. 1; 35], и данные краевого конкурса по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления.

¹ Сергей Комарицын: Если выборы непрозрачные, то они призрачные [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dela.ru/articles/156980/> (дата обращения: 02.06.2016).

² Там же.

³ В декабре 2014 г. в Красноярском крае принимается закон, сохраняющий существующую модель местного самоуправления (модель III). В данном законе допускалась возможность обращения местных представительных органов власти в Законодательное собрание края с предложением об использовании иного порядка избрания главы местного самоуправления. По информации местных экспертов, в парламент обратились практически все городские муниципалитеты и часть муниципальных районов с просьбой о возвращении прямых выборов глав. Данный факт красноречиво свидетельствует об отношении местных властей к новациям в системе местного самоуправления. Чтобы справиться с большим количеством обращений, поступивших с мест и написанных в произвольной форме, Законодательное собрание Красноярского края даже разработало методические рекомендации (образец обращения, содержащий основные требования и обоснование) и разослало их на места. Однако уже в марте 2015 г. правительством края принимается закон, предписывающий органам местного самоуправления переход на модель V (выборы глав депутатами из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией).

Оценки деятельности глав городов и районов Красноярского края, эффективность деятельности органов местного самоуправления и результаты участия глав в выборах 2015 года (% от числа опрошенных)

Муниципальные образования	Оценки деятельности главы муниципального образования			Индекс оценки деятельности главы муниципального образования	Место в краевом конкурсе эффективности деятельности органов местного самоуправления за 2014 г.***	Результат участия в выборах главы города / района в 2015 г.****
	В целом положительно*	В целом отрицательно**	Затрудняюсь ответить			
<i>Городские округа</i>						
Ачинск	31,2	50,9	17,9	-18,7	15	Избран
Боготол	52,1	36,3	11,6	+15,8	8	Избран
Лесосибирск	20,3	29,6	50,1	-9,3	11	Избран
Енисейск	15,6	51,7	32,7	-36,1	16	Избран
<i>Муниципальные районы</i>						
Емельяновский	22,3	36,9	36,8	-14,6	12	Избран
Курагинский	30,8	32,7	36,5	-1,9	35	Не избран
Саянский	25,4	42,7	31,9	-17,3	29	Не избран
Ужурский	35,2	28,5	36,3	+6,7	11	Не избран

* Сумма ответов «положительно» и «скорее положительно».

** Сумма ответов «отрицательно» и «скорее отрицательно».

*** Данные взяты из таблицы 2.20.

**** *Источник:* Список глав городских округов и муниципальных районов Красноярского края [Электронный ресурс] // Красноярский край: офиц. портал. – URL: <http://www.krskstate.ru/msu/terdel/adminmun> (дата обращения: 28.03.2017).

Проанализируем данные таблицы по разделу «Городские округа». Деятельность глав гг. Ачинска и Енисейска накануне выборов в целом негативно оценивала половина жителей. Однако это не помешало этим главам успешно пройти процедуру повторного избрания депутатским корпусом. Отрицательный индекс оценки деятельности (-9,3%) не стал преградой повторному избранию и главы г. Лесосибирска.

Теперь обратимся к эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов за 2014 г. – год, предшествующий выборам. Ачинск и Енисейск заняли соответственно 15-е и 16-е места среди 17 городов. Если обратиться к результатам конкурса за 2015 г., то г. Енисейск занял в нем последнее место (наименее эффективный среди всех городов края), г. Боготол – предпоследнее. Еще более впечатляющие данные по г. Ачинску, который в первой половине 2010 гг. стабильно относился к числу наименее эффективных, занимая в

краевом рейтинге 17-е место – в 2011-м и 2012 гг., 16-е – в 2013 г., 15-е – в 2014 году. Усредненное место за 4 года – 16,25. Это самый низкий показатель среди всех городов края.

Рассмотрим ситуацию в муниципальных районах. В трех районах (Емельяновский, Курагинский и Саянский) негативные оценки деятельности глав муниципальных образований преобладали над позитивными оценками, однако результаты выборов оказались различными. В Емельяновском районе при индексе оценки деятельности –14,6% глава избирается на повторный срок. В двух районах, где индексы оценки составляли соответственно –1,9% и –17,3%, муниципальные руководители не были повторно избраны. В то же время глава Ужурского района, несмотря на положительное значение индекса оценки деятельности (+6,7%) и довольно высокое место района в краевом рейтинге (11-е место из 44 районов по итогам 2014 г.), не был рекомендован на повторное избрание.

Версия о том, что негативные оценки со стороны населения практически не являются препятствием для повторного избрания главы местного самоуправления, подтверждается также результатами исследований, проведенных в муниципальных образованиях Красноярского края в 2016 г. [прил. 1; 36, 37 и 38]. Заметим: исследовательская практика свидетельствует, что общественное мнение о политиках инерционно, и во времени личные рейтинговые показатели руководителей меняются медленно. На этом основании можно с высокой долей вероятности предполагать: оценки деятельности главы муниципального образования, полученные в 2016 г., не должны существенно отличаться от оценок их деятельности накануне выборов 2015 года.

В табл. 2.22 представлена информация по 8 городам и районам, в которых 7 глав муниципальных образований успешно прошли процедуры переизбрания на очередной срок в 2015 году. Исключение составляет только Канский район, где срок полномочий главы района истекал в 2016 году. При анализе указанной таблицы в разделе «Городские округа» обращают на себя внимание результаты по г. Канску. Три четверти респондентов (72,9%) в той или иной степени негативно оценивали деятельность главы города Н.Н. Качан. При этом в краевом рейтинге эффективности г. Канск за последние шесть лет (с 2009-го по 2015 гг.) занимал места по второй половине рейтинга (11-е усредненное место среди 17 городов). Однако все это не помешало Н.Н. Качан повторно быть избранной на пост главы г. Канска. Правда, избрание произошло в июле 2015 г. уходящим составом депутатов городского совета. Но всего через 10 месяцев после избрания уже новый состав городского совета депутатов признал деятельность главы города за 2015 г. неудовлетворительной¹. И только в 2018 г. глава оставила свою должность по собственному желанию. Однако суд изменил формулировку: в связи с утратой доверия за неисполнение обязанностей по предотвращению и урегулированию конфликта

¹ Работа главы Канска признана неудовлетворительной. – URL: <http://zapad24.ru/news/kansk/41082-rabota-glavy-kanska-priznana-neudovletvoritelnoy.html> (дата обращения: 05.04.2018).

интересов¹. Н.Н. Качан внесли в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, который ведется в Правительстве РФ.

Таблица 2.22

Оценка деятельности глав городов и районов Красноярского края в 2016 г. и оценка эффективности деятельности возглавляемых ими органов местного самоуправления (% от числа опрошенных)

Муниципальные образования	В целом позитивная оценка деятельности главы	В целом негативная оценка деятельности главы	Доля затруднившихся с содержательной оценкой	Индекс оценки деятельности главы	Место в краевом конкурсе эффективности деятельности органов местного самоуправления в год выборов
<i>Городские округа</i>					
Сосновоборск	43,3	23,9	22,8	+19,4	7
Ачинск	25,3	59,4	15,3	-24,1	8
Канск	11,2	72,9	15,9	-61,7	2
Железногорск	48,7	37,5	14,8	+11,2	5
<i>Муниципальные районы</i>					
Березовский	36,0	32,5	31,5	-3,5	34
Канский	27,7	31,8	40,5	-4,1	36
Дзержинский	13,5	48,3	38,2	-34,8	41
Емельяновский	10,9	54,2	34,9	-43,3	2

Что касается муниципальных районов, то наиболее сложная ситуация наблюдалась в Дзержинском районе, где половина респондентов в целом негативно оценивала деятельность главы района, а в краевом рейтинге эффективности территория заняла 41-е место среди 44 районов (!), т. е. относилась к числу муниципальных образований с наименее эффективным управлением. В Емельяновском районе половина респондентов не была удовлетворена работой главы района, а индекс оценки его деятельности составил -43,3%. Это антирекорд среди муниципальных районов края.

В свете сказанного возникает вопрос о критериях, используемых региональной партией власти при принятии решения о рекомендации или, напротив, нерекордации действующего главы муниципального образования для избрания на очередной срок. Размышления на эту тему с опорой на анализ результатов проведенных социологических исследований и электоральной статистики позволили выдвинуть следующую гипотезу. Основным критерием выступает лояльность муниципального руководителя региональной партии власти. Под лояльностью в данном случае понимается готовность (способность) местного руководителя выполнять решения, спускаемые сверху, в том числе и неформального характера – например, достижение

¹ Экс-мэра Канска через суд признали «утратившей доверие» [Электронный ресурс]. – URL: <https://trk7.ru/news/95138.html> (дата обращения: 22.07.2021).

плановых показателей на выборах. И тому имеется множество подтверждений на выборах как федерального, регионального, так и муниципального уровней, проведенных в Красноярском крае с 2010-го по 2021 годы.

Версия о том, что внедрение модели V так и не привело к созданию эффективного механизма отбора наиболее подготовленных и достойных глав муниципальных образований, подтверждается также результатами анализа динамики корпуса глав городов за период с 2015-го по 2020 год. Аргументация следующая. В первую очередь обратим внимание на изменение сроков избрания глав городов и районов. В 2005 г. на прямых выборах руководитель муниципалитета избирался в течение одного дня. В 2010 г., когда депутаты выбирали главу из своего состава, потребовался примерно месяц после выборов представительной власти. В 2015 г., после перехода на модель V, процедура выборов затянулась на 7 месяцев: с июля по декабрь 2015 года. В следующем избирательном цикле выборы превратились в перманентный избирательный процесс, растянувшись на 4 года. Процедура довыборов, начавшаяся в 2017 г., не закончилась в 2020 г., так как в трех территориях муниципальные руководители остались в статусе исполняющих обязанности.

В общей сложности 40% глав городов Красноярского края в последнем избирательном цикле досрочно оставили свои должности. Руководители недоработали до окончания срока полномочий от 9 месяцев до 3 лет. Сама процедура избрания глав, как правило, растягивалась на несколько месяцев, а в отдельных территориях – и на более длительный срок (год и более). В ряде территорий на посту главы муниципального образования в отчетный период (2015–2020 гг.) побывали 3 и даже 4 управленца. Некоторые из них находились в статусе исполняющего обязанности полгода, год и даже 2,5 года. Столь специфичная складывающаяся ситуация с главами приводила к тому, что деятельность местных администраций сосредоточивалась главным образом на решении текущих и сиюминутных задач. В этот период чиновники обычно не проявляют высокой активности в работе, ожидая прихода легитимного руководителя, который, как правило, формирует новую команду управленцев. В этом случае профессиональные заслуги членов старой команды не имеют решающего значения.

Но, может быть, все эти издержки с лихвой компенсируются формированием корпуса эффективных руководителей муниципалитетов, ориентированных на отстаивание интересов территории и ее населения? Результаты проведенных исследований не дают оснований для столь оптимистических оценок. В 2015 г. всего было избрано 45 глав муниципальных образований уровня городских округов и муниципальных районов. Как показал проведенный анализ, треть из них (15 человек) покинули свои должности досрочно в 2017–2019 годах. В свою очередь из 15 руководителей 11 оказались либо неэффективными, либо недостойными управленцами. Они покинули должности под давлением со стороны краевых властей, либо в

связи с возбуждением уголовных дел по фактам коррупции, мошенничества и злоупотребления служебным положением.

В самом начале 2020 г. четверо глав районов (Боготольского, Енисейского, Идринского и Манского) синхронно подают заявления об увольнении по собственному желанию. Местный эксперт, тесно сотрудничающий с региональной властью, объяснил их уход «рекомендациями» краевых властей с целью повышения управляемости территорий в преддверии муниципальных выборов 2020 года¹. В течение 2020 г. против еще трех глав муниципальных образований возбуждаются уголовные дела, и они отстраняются от должности. Это главы Ачинского, Емельяновского и Новоселовского районов.

В августе 2020 г. произошел довольно редкий случай в политической истории региона: депутаты Тасеевского районного совета отказали в поддержке главе района, предложенному конкурсной комиссией для повторного избрания. Неэффективными, по мнению региональных властей, оказались и главы Козульского и Шушенского районов, которые ушли в отставку сразу после подсчета результатов выборов. В указанных территориях партия «Единая Россия» показала наименьший результат по сравнению с другими муниципальными образованиями [168, с 85].

Таким образом, из 45 глав городов и районов, избранных в 2015 г., 21 (или 46,7%), по мнению краевых властей или правоохранительных органов (каждый пятый глава), оказался либо неэффективным, либо недостойным руководителем [168, с. 85].

Но, может быть, ситуация, сложившаяся в Красноярском крае на непрямых выборах глав местного самоуправления, является уникальной и отражающей лишь специфику региона? Оказывается, нет. Доктор юридических наук В.И. Васильев считает, что «избрание на должность главы муниципального образования сегодня невозможно без предварительного согласования с губернатором, а непрямые выборы, защищая от электоральных ошибок в подборе кадров, не защищают от непрофессионализма муниципальных руководителей, от их гипертрофированной лояльности начальству» [120, с. 155, 156]. Проблема осложняется тем, что непрямые выборы главы муниципального образования фактически стали внутренним делом региональной партии власти. Роль остальных политических партий, как и гражданское общество в целом, носит скорее символический характер.

Завершая данный раздел, резюмируем: ни модель III, ни модель V не сумели стать инструментом отбора наиболее компетентных и достойных глав муниципальных образований. Они также не способствовали решению социальных проблем, в наибольшей степени

¹ Отставку глав районов в Красноярском крае связали с выборами 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1cd62067> (дата обращения: 26.05.2020).

тревожащих население, улучшению их материального положения и социального самочувствия (см. п. 4.3 и п. 4.4.).

2.3.4. Выборы глав местного самоуправления в Республике Хакасия в зеркале электоральной статистики

В данном разделе предстоит решить следующие две основные задачи: 1) проанализировать активность избирателей на выборах глав городов и районов; 2) изучить сменяемость корпуса глав местного самоуправления и механизм их выдвижения на выборах.

В отличие от Красноярского края, в котором реализуется уже третья модель организации местного самоуправления, в Республике Хакасия в течение всего исследовательского периода используется одна модель (модель I), предусматривающая прямые выборы глав муниципальных образований. Данное обстоятельство предоставляет уникальную возможность для сопоставления политического поведения граждан двух сибирских регионов, находящихся «в разводе» немногим более 20 лет: Хакасия вышла из состава Красноярского края в 1991 году.

Специфика муниципальных выборов в Хакасии заключается в их растянутости во времени. Можно выделить несколько избирательных циклов¹. Выборы, проведенные в 1999 г., отнесены к 1-му циклу. 2-й цикл охватывает период с 2002-го по 2004 гг., 3-й – 2005–2008 гг., 4-й – 2009–2013 гг., 5-й – 2014–2018 гг., 6-й – 2019–2022 годы (табл. 2.23).

Судя по данным табл. 2.23, в 1-м цикле усредненная явка избирателей по всем муниципальным образованиям составляла 57,9%, а во 2–4-м циклах колебалась около отметки 50%. И лишь в двух последних начала снижаться, опустившись до значения 37,4% (5-й цикл) и 34,9% (6-й цикл). Анализ данных таблицы позволяет выделить два фактора, оказывающих наибольшее влияние на избирательную активность граждан. Первый фактор – поселенческий. Явка избирателей сельской местности традиционно выше, чем в городах в среднем на 10–15%. Второй фактор связан с уровнем конкуренции на выборах. В условиях реальной конкуренции, когда избиратели осознают значимость своего голоса на выборах, их избирательная активность заметно повышается. Если же результат выборов, в представлении избирателей, предрешен, то активность существенно снижается.

Показательным примером служат выборы главы в г. Саяногорске, которые в 1999 г. проходили в условиях реальной альтернативности и конкуренции [прил. 1; 1]². Явка

¹ Под избирательным циклом в данном случае понимается проведение муниципальных выборов во всех городских округах и муниципальных районах Республики Хакасия.

² Злотковский В.И. О некоторых возможностях опросных методов при исследовании предвыборных настроений избирателей и построении электорального прогноза // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (27–28 сентября 2013 г.). – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2013. – С. 87–95.

избирателей составила 65,5% – это самый высокий показатель среди городов и районов за весь период наблюдений в Хакасии (1999–2022 гг.).

Таблица 2.23

Избирательная активность жителей Республики Хакасия на выборах глав городов и районов в 1999–2022 годах (% от числа зарегистрированных избирателей)

Муниципальные образования	Избирательные циклы					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
<i>Городские округа</i>						
Абакан	Нет данных	*	*	*	*	23,6
Саяногорск	65,5 (55,9)	44,6 и 28,3**	*	*	*	23,6
Черногорск	49,4	39,3 (27,9)	31,1 (26,0)	36,6	25,4	20,3
Абаза	–	51,1 и 53,0**	48,3	*	22,8	33,5
Сорск	–	42,1 (34,3)	*	41,4	24,3	33,8
<i>Муниципальные районы</i>						
Алтайский	52,4 (50,7)	44,3 (45,9)	53,1 (51,1)	*	39,4	38,1
Аскизский	60,7 (59,4)	48,4 (40,0)	41,5	55,9	52,3	38,8
Бейский	63,0 (60,1)	58,7	60,8	50,2	39,6	35,9
Боградский	62,0 (59,9)	56,2	51,6	45,7	38,3	37,1
Орджоникидзевский	60,8 (53,1)	56,3 (55,6)	44,2	52,3	46,4	42,8
Таштыпский	58,1 (50,3)	54,3 (49,2)	58,9 (51,5)	*	45,0	46,5
Усть-Абаканский	52,4 (46,5)	46,8 (51,4)	34,8 (35,8)	*	*	41,9
Ширинский	62,9 (57,7)	45,4 (43,8)	47,6 (32,7)	*	40,2	37,3
Усредненная явка избирателей	57,9 (54,3)	47,7 (43,5)	47,1 (39,4)	47,0	37,4	34,9

Примечание. В скобках приведена явка избирателей во втором туре выборов. * Явка избирателей не указывается по причине совмещения муниципальных выборов с региональными или федеральными выборами. ** Выборы главы муниципального образования в указанном цикле проводились дважды. Прочерк означает, что выборы не проводились, так как эти территории стали городами республиканского значения только в 2000-х годах.

Источник: Результаты выборов 1999 г. получены в избирательной комиссии Республики Хакасия и находятся в личном архиве автора; результаты выборов 2002–2004 гг.: [2, с. 154–155]; 2005–2018 гг.: [7].

На следующих выборах в 2004 г., проводившихся лишь формально в условиях альтернативности и конкуренции, явка избирателей г. Саяногорска снизилась в 2,3 раза и составила всего 28,3%.

Другой пример. В 5-м избирательном цикле наибольшую активность продемонстрировали жители Аскизского района (52,3%). Здесь реальную конкуренцию главе района, поддерживаемого «Единой Россией», составил самовыдвиженец, руководитель местного автотранспортного предприятия, обладающий большим опытом работы в районном совете депутатов. О накале предвыборной борьбы свидетельствует итоговое распределение голосов избирателей: 39,7% и 44,9% соответственно.

В 5-м цикле наиболее низкая активность наблюдалась в г. Абазе, где соперниками первого заместителя главы города, поддерживаемого «Единой Россией», выступали безработная (ЛДПР) и 61-летний водитель без высшего образования (КПРФ)¹. В общественном сознании избирателей исход выборов был предreshен задолго до дня голосования. Кандидат от «Единой России» получил поддержку со стороны 81,7% избирателей при явке избирателей в 22,8%. Аналогичная ситуация наблюдалась в гг. Черногорске и Сорске, где явка составила 25,4% и 24,3% соответственно. В территориях с реальной конкуренцией (Аскизский, Орджоникидзевский, Таштыпский районы), где победили самовыдвиженцы, усредненная явка избирателей составила 47,9%, что в полтора раза выше среднего показателя в остальных территориях (32,7%).

При каких условиях возникает реальная конкуренция на выборах главы муниципального образования в Хакасии? Опыт социологических исследований подсказывает: необходимо выполнение как минимум двух условий. Во-первых, кандидат, оппонирующий представителю действующей власти, должен быть известен в позитивном контексте большинству избирателей задолго до начала избирательной кампании. Во-вторых, он должен обладать определенным объемом избирательных ресурсов для проведения активной рекламной агитационной кампании. Подобные ситуации чаще всего возникают при более или менее равновесном соотношении сил между местной властью и гражданским обществом. Примером служат выборы глав городов и районов Хакасии в 1999 г., что связано не столько с силой гражданского общества, сколько со слабостью местных органов власти и некоторой отстраненностью республиканских властей от муниципальных выборов. Последнее обстоятельство обусловлено затянувшимся процессом становления нового состава республиканского правительства и кардинальным обновлением его руководящего состава (на 85,7%)².

Особенностью муниципальных выборов 1999 г. явилась высокая сменяемость корпуса глав городов и районов (табл. 2.24). Как следует из представленных данных, из 11 действующих руководителей только трое сумели подтвердить властные полномочия. При этом все остальные будущие победители участвовали в избирательной кампании как независимые политики, используя механизм самовыдвижения. Весьма показателен социально-профессиональный состав впервые избранных глав муниципальных образований (8 чел.) в 1999 году. Среди них 3 руководителя промышленных или сельскохозяйственных предприятий, предприниматель, директор страховой компании, управляющий банком, один из руководителей Абаканской

¹ Как свидетельствуют результаты социологических исследований, ни безработная женщина, ни пожилой водитель не соответствуют представлениям избирателей о желаемом главе муниципального образования. См.: Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект. С. 54.

² Злотковский В.И. Изменение в социальной структуре региональной политической элиты в обществе переходного периода (на материалах Республики Хакасия) : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Красноярск, 2000. – С. 105.

милиции и сотрудник СМИ. Безусловно, уровень профессиональной подготовки многих из них вызывает сомнения, и, как показало дальнейшее развитие событий, далеко не все из них сумели продолжить свою карьеру на месте главы муниципалитета.

Таблица 2.24

**Основные показатели, характеризующие выборы глав городов и районов
Республики Хакасия в 2002–2022 гг. (чел.)**

Показатели	Избирательные циклы					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Количество избираемых глав городов и районов	11	13	13	13	13	13
Среднее количество кандидатов на пост главы муниципального образования	6,4	5,8	5,5	5,6	5,7	6,0
Механизм выдвижения будущего победителя:						
– самовыдвижение;	11	10	7	1	3	2
– партия «Единая Россия»;	–	–	5	12	9	9
– другая политическая партия	–	3	1	–	1	2
Количество сменившихся глав городов и районов	8	7	7	7	8	8

Примечание. Прочерк обозначает, что данный механизм выдвижения будущими победителями не использовался.

Со временем республиканские власти стали все больше внимания уделять муниципальным выборам. В 3-м избирательном цикле уже 5 из 13 избранных глав муниципалитетов являлись сторонниками партии «Единая Россия». А после построения в 2009 г. региональной партии власти в 4-м цикле (2009–2013 гг.) уже 12 из 13 представляли партию «Единая Россия».

В целом в республике в это время складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, граждан в целом не удовлетворяла деятельность республиканских властей (см. п. 2.2) и глав местного самоуправления. Последнее отчетливо прослеживается через высокий уровень их сменяемости (см. табл. 2.24). С другой стороны, начиная с конца 2000-х гг. и до середины 2010 гг. победы на выборах глав городов и районов одерживали главным образом кандидаты от «Единой России». Данный политический феномен свидетельствует как о весьма значительных административных ресурсах, которыми обладает республиканская партия власти, так и о слабости гражданского общества, которое не в состоянии выдвинуть кандидатов, способных составить реальную конкуренцию кандидатам от действующей власти.

В пятом избирательном цикле (2014–2018 гг.) ситуация на муниципальных выборах начала несколько меняться, несмотря на самый представительный по сравнению с предыдущими выборами состав кандидатов от партии власти. В их число вошли: 8 действующих глав муниципальных образований, исполняющий обязанности главы района, 2

первых заместителя главы района, постоянный представитель руководителя региона и председатель районного совета депутатов. Судя по данным таблицы 2.24, кандидаты от «Единой России» одержали победы в 9 территориях – на четверть меньше, чем в предыдущем избирательном цикле. Данное обстоятельство можно интерпретировать с позиции усиления влияния гражданского общества на выборы, когда победы в 4 территориях одержали кандидаты, оппонировавшие действующей власти. Это руководитель СМИ, директор автотранспортного предприятия, глава поселкового совета административного центра района и председатель районного совета депутатов. Данная тенденция сохранилась и в 2019–2022 годах. Из 13 избранных глав 9 являлись сторонниками «Единой России», 1 – КПРФ, 1 – «Коммунистов России», 2 использовали механизм самовыдвижения. К позитивным моментам следует отнести сохраняющийся на протяжении почти четверти века (с 1999-го по 2022 гг.) относительно высокий уровень конкуренции кандидатов на выборах глав местного самоуправления (5-6 человек).

Обращает на себя внимание высокая требовательность избирателей к деятельности глав местного самоуправления. В 1-м избирательном цикле сменилось 3/4 муниципальных руководителей, во 2-м, 3-м и 4-м циклах – половина, в 5-м – почти 2/3, в 6-м – 2/3. Данное обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о возможности у избирателей выразить свое отношение к местным органам власти. С другой стороны – о наличии эффективно действующей обратной связи местных органов власти с населением, стимулирующей чиновников ориентироваться в своей деятельности прежде всего на интересы избирателей. Вместе с тем падающая избирательная активность граждан указывает на снижение веры населения в свои возможности влияния на формирование местных органов власти и их последующую деятельность.

Далее предлагается рассмотреть, каким образом внедрение новых моделей организации местного самоуправления повлияло на жизнь граждан на примере конкретного муниципального образования – среднего города Красноярского края.

2.3.4. Средний город в период смены моделей организации местного самоуправления¹

Ачинск – третий по численности населения город в Красноярском крае после Красноярска и Норильска. По состоянию на 1 января 2020 г., в нем проживали 105 тыс. человек. Выбор данного города обусловлен тремя обстоятельствами. Во-первых, Ачинск – промышленно развитый город, входящий в тройку крупнейших промышленных центров Красноярского края.

¹ Отдельные положения данного раздела отражены в авторской публикации «Средний город в период внедрения различных моделей местного самоуправления» // Социально-экономический ландшафт региона: тенденции и традиции : материалы Всерос. науч.-практ. конф./ отв. ред. Л.А. Краус. – Красноярск: СФУ, 2021. – С. 54–58.

Градообразующим предприятием¹ является Ачинский глиноземный комбинат (АГК), входящий в компанию «Русский алюминий». В городе также работает Ачинский нефтеперерабатывающий завод (АНПЗ) – единственное в Красноярском крае крупное нефтеперерабатывающее предприятие. Оба предприятия стабильно работают со времени своего создания (с 1970-го – АГК и с 1982 г. – АНПЗ). Во-вторых, в Ачинске в последние годы реализуется третья по счету модель организации местного самоуправления: модель I (до 2010 г.), модель III (в 2010 г.) и модель V (с 2015 г. по настоящее время). В-третьих, в г. Ачинске диссертантом проводились социологические исследования в мониторинговом режиме: в 2001-м, 2005-м, 2015-м и 2020 годах [прил. 1; 5, 40].

Ачинский глиноземный комбинат приватизирован в 2000 г., и с тех пор стала существенным образом меняться политика, проводимая градообразующим предприятием, как на самом предприятии, так и во взаимоотношении с органами местного самоуправления. В этом отношении представляет интерес изучение роли и места градообразующих предприятий в муниципальной политике в других субъектах РФ. Анализ научных публикаций по данной тематике свидетельствует о значительных различиях в позициях ученых, что, по всей вероятности, обуславливается спецификой конкретных территорий и характером взаимоотношений между основными субъектами политического процесса.

К примеру, Т.Б. Витковская, анализируя муниципальные выборы в Пермском крае, делает вывод о снижении интереса градообразующих предприятий к муниципальной политике и муниципальному управлению [126, с. 131]. По ее мнению, руководство крупных предприятий в сегодняшних условиях, как правило, «отказывается от стратегии «захвата» местной власти, ...так как и не стремятся контролировать повседневную работу органов местного самоуправления» [126, с. 140].

В то же время, по мнению Я.Ш. Паппэ, если в территории присутствует крупный бизнес в виде крупного предприятия, то он способен подчинить себе муниципальную власть [267]. В.Г. Сараев и А.А. Черенев приводят конкретный пример: Ангарский район Иркутской области, где градообразующие предприятия стремятся контролировать политическую жизнь в муниципалитете [301, с. 56]. Е.Ю. Филиппова и О.А. Рябова также утверждают, что сегодня на Урале имеются территории, где крупные предприятия контролируют муниципальную власть [332, с. 81].

¹ Градообразующим предприятием обычно принято считать такое, где трудится не менее 25% трудоспособного населения территории. *Источник:* Александров Е.Ю. Влияние крупных предприятий с градообразующей ролью на электоральные процессы на муниципальном уровне (на примере г. Ангарска) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2014. – № 9. – С. 83.

Об этом же говорит и В.Ф. Гараев, прямо называя муниципальные образования Пермского края (Березники, Соликамск, Чусовской и Лысьвенский районы), где в политическом пространстве доминируют крупные предприятия, способные контролировать местные органы власти [134, с. 161].

Для лучшего понимания ситуации в муниципальных образованиях, в которых имеются градообразующие предприятия, следует отметить два важных момента. Во-первых, по мнению О.А. Рябовой, в этом случае в политической борьбе могут участвовать только две силы: «муниципальная группировка» и команда градообразующего предприятия [295, с. 234]. Во-вторых, депутаты местной представительной власти, избранные при поддержке крупных промышленных предприятий, не являются самостоятельными политиками и отстаивают главным образом корпоративные интересы (Т.Б. Витковская) [126, с. 129]. Очевидно, неслучайно ученые начали говорить о том, что муниципальная представительная власть начала утрачивать черты публичной власти, то есть контролируемой социумом [195, с. 102].

Осмысление представленной информации и результатов мониторинговых социологических опросов по г. Ачинску позволили следующим образом сформулировать гипотезу исследования. Внедрение моделей местного самоуправления, предусматривающих не прямые выборы главы города, и построение партийной системы, состоящей из парламентских партий, в которой доминирующая роль принадлежит партии «Единая Россия», для градообразующего предприятия открыли возможность постановки под полный контроль деятельности органов местного самоуправления г. Ачинска. Одновременно возможности влияния гражданского общества на результаты муниципальных выборов и последующую политику местных властей существенно сократились и во многом стали носить символический характер.

В контексте заявленной гипотезы предлагается решить следующие задачи: 1) изучить динамику материального положения и социального самочувствия горожан; 2) исследовать эволюцию социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан; 3) проследить динамику отношения горожан к деятельности градообразующего предприятия и главы города; 4) изучить изменение роли градообразующего предприятия в жизни города.

Исследовательский интервал: 2001–2022 годы.

Динамика материального положения и социального самочувствия граждан

Анализ социального самочувствия населения производился с помощью четырех частных и сводного индексов (таблица 2.25). Расчеты индексов представлены в п. 4.3. Отметим, частные индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитывались как разность суммы

положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Сводный индекс социального самочувствия определялся как среднее значение четырех частных индексов.

Таблица 2.25

Динамика частных и сводного индексов социального самочувствия жителей г. Ачинска Красноярского края в 2001–2020 годах (% от числа опрошенных)

Индексы социального самочувствия	Год проведения исследования				
	2001	2005	2015	2016	2020
Индекс складывающейся жизненной ситуации	+32,2	+42,9	+23,5	+22,9	+21,8
Индекс изменения жизни	+23,7	+28,7	+7,2	+7,0	+5,6
Индекс социального оптимизма	+53,1	+47,3	+40,3	+38,8	+32,7
Индекс материального положения	+31,6	+21,9	-15,6	-16,3	-24,5
Сводный индекс социального самочувствия	+35,1	+35,2	+13,8	+13,1	+8,9

Из представленных данных хорошо видно: все социальные индексы в исследуемый период времени имеют устойчивый тренд на понижение, и наибольшее снижение зафиксировано в отношении индекса материального положения: с +31,6% в 2001 г. до -24,5% в 2020 году. Особое беспокойство вызывает рост числа бедных граждан, то есть тех, кто отметил позиции «денег хватает только на питание» и «живем за гранью бедности, не хватает даже на питание». Если в 2005 г. их доля в общем числе респондентов составляла 35,7%, то в 2020 г. выросла до 59,1%. Среди них наибольшую долю составляют безработные, пенсионеры и пожилые люди.

Сводный индекс социального самочувствия за 20 лет сократился в 4 раза: с +35,1% (2001 г.) до +8,9% (2020 г.). При этом если в первой половине 2000-х гг. значение сводного индекса социального самочувствия практически не менялось, то с 2015 г. – устойчиво снижается.

Вместе с тем важна не только динамика социального самочувствия жителей Ачинска, но и ее соотношение с динамикой социального самочувствия жителей края в целом (см. п. 4.3). И так, в начале нулевых годов социальное самочувствие жителей Ачинска относительно жителей края в целом было выше. Если в 2001 г. сводный индекс социального самочувствия по г. Ачинску составлял +35,1%, то по краю в целом в 2002 г. – +24,9%. Но уже к 2005 г. эти показатели имели значение +35,2% и +31,0% соответственно. А в середине 2010-х гг. сводный индекс социального самочувствия жителей г. Ачинска оказался заметно хуже, чем у жителей края (+13,1% против +27,4% соответственно в 2016 г. и +8,9% против 25,4% в 2020 г.). В указанный интервал времени в 3,5 раза снизился индекс материального положения жителей Ачинска. В 2001 г. он составлял +31,6%, в 2005 г. – +35,2%, в 2015 г. – +13,8%, в 2016 г. – +13,1%, в 2020 г. – +8,9%. При этом индекс материального положения жителей края за это же время изменился незначительно (-0,8% в 2002 г. и -1,9% в 2020 г.) (см. п. 4.3). Наблюдается явный парадокс: в

экономическом отношении благополучном городе материальное положение и социальное самочувствие жителей за последнее 20 лет быстро ухудшаются.

Какие социальные проблемы в наибольшей степени волнуют горожан? Ответ на этот вопрос дает таблица 2.26.

Таблица 2.26

Динамика социальных проблем, в наибольшей степени волнующих жителей города Ачинска Красноярского края в 2001–2020 гг. (% от числа опрошенных; данные ранжированы по последней колонке)

Социальные проблемы	Год проведения исследования							
	2001		2005		2015		2020	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Безработица, занятость населения	35,8	4	41,7	3	48,5	3	49,4	1
Низкий уровень заработной платы и пенсий	34,6	5	43,9	2	49,2	1	47,6	2
Тревога за будущее детей и внуков	38,7	3	–	–	–	–	–	–
Высокая стоимость коммунальных услуг	–	–	38,2	4	48,1	4	47,0	3
Низкое качество медицинских услуг	14,5	11	21,8	8	25,4	8	34,8	4
Рост цен на товары и услуги	54,9	1	60,9	1	48,9	2	32,9	5
Состояние окружающей среды, экология	17,9	9	22,7	7	34,0	6	31,3	6
Рост наркомании и пьянства	43,8	2	34,8	5	43,4	5	28,7	7
Коррупция в органах власти	8,4	12	11,7	11	21,5	9	26,4	8
Плохое состояние дорог	–	–	–	–	20,3	10	21,5	9
Низкое качество работы коммунальных служб	19,0	7	26,3	6	27,5	7	20,8	10
Дефицит мест в детских садах	–	–	–	–	18,1	11	18,4	11
Недостаточное благоустройство улиц	18,4	8	15,2	10	16,4	13	17,1	12
Недоступность, дороговизна жилья	15,3	10	8,6	12	16,6	12	14,2	13
Рост преступности	31,4	6	20,7	9	7,8	14	6,9	14

Примечание. Представлены позиции, отмеченные 10% и более респондентов хотя бы в одном исследовании. Прочерк означает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

Судя по данным представленной таблицы, главной социальной проблемой является безработица и отсутствие рабочих мест. В 2001 г. она занимала 4-ю позицию в иерархии городских социальных проблем, в 2005-м и 2011 г. – 3-ю, в 2020 г. вышла на первую позицию. Во-вторых, усилилось беспокойство граждан по поводу низкого уровня заработной платы: 5-й ранг в 2001 г. и 2-й ранг в 2020 году.

Обращает на себя внимание рост актуальности таких социальных проблем, как состояние окружающей среды, экология (9-й ранг в 2001 г. и 6-й ранг в 2020 г.) и коррупция в органах власти (12-й ранг в 2001 г. и 8-й ранг в 2020 г.). Две последние проблемы имеют большую актуальность у жителей г. Ачинска по сравнению с жителями края в целом (см. п. 4.3).

Осмысление представленной информации указывает на наличие явного парадокса: Ачинск является третьим городом по уровню экономического развития сразу после гг. Норильска и Красноярска, но это не дает сколько-нибудь заметных преимуществ

муниципальному образованию и его жителям. Более того, социальное самочувствие жителей Ачинска снижается быстрее, чем у жителей края, хотя в начале 2000-х гг. оно было заметно выше. Такая же ситуация наблюдается и в отношении социальных проблем, в наибольшей степени тревожащих население.

Это означает, что в г. Ачинске произошли некие изменения, которые привели к ухудшению социальных показателей. Чтобы понять причины данного явления, следует изучить динамику общественных настроений в отношении деятельности градообразующего предприятия и главы города.

Динамика отношения к градообразующему предприятию и оценки деятельности главы местного самоуправления

В 2005-м и в 2015 гг. респондентов спрашивали: «Если взвесить все за и против, то какое, на ваш взгляд, влияние в целом на жизнь в городе оказывает Ачинский глиноземный комбинат (АГК)?» В 2005 г. три четверти респондентов (75,3%) оценили это влияние как в целом положительное. Противоположной позиции придерживались всего 14,7% респондентов. Индекс влияния, рассчитываемый как разность суммы положительных и суммы отрицательных высказываний, составил +60,6%. В ответах на открытый вопрос о положительных аспектах этого влияния респонденты чаще всего говорили о создании новых рабочих мест, высокой заработной плате, хороших условиях труда и помощи предприятия местным властям в решении городских проблем.

В 2015 г. общественные настроения в отношении градообразующего предприятия кардинальным образом изменились. Индекс влияния АГК перешел в отрицательную зону и составил –11,8%, при 40,9% позитивных и 52,7% негативных высказываний. В ответах на открытый вопрос стали доминировать негативные высказывания, связанные с ухудшением экологии¹, ростом по этой причине числа хронических заболеваний горожан, сокращениями персонала, низкой заработной платой, плохими условиями труда и уклонением руководства предприятия от участия в решении городских проблем.

На этом фоне контрастируют результаты опросов по Ачинскому нефтеперерабатывающему заводу (АНПЗ) – второму по экономическому весу предприятию города. В 2005 г. его индекс составлял +72,0%, а через 10 лет вырос до значения +84,2%. Отмечая положительные аспекты в деятельности нефтеперерабатывающего предприятия, респонденты говорили о том, что было присуще АГК 10 лет назад: создание новых рабочих мест, высокая заработная плата и хорошие условия труда.

¹ Для справки: основной «вклад» в ухудшение экологической обстановки в городе вносит именно АГК.

Судя по данным таблицы 2.27, отношение граждан к деятельности главы города в исследуемый период времени имеет устойчивую тенденцию к ухудшению.

Таблица 2.27

**Динамика оценки деятельности главы города Ачинска Красноярского края
в 2001–2020 годах (% от числа опрошенных)**

ФИО главы города (год проведения опроса)	Оценка деятельности			Индекс оценки деятельности
	В целом положительно*	В целом отрицательно**	Затрудняюсь ответить	
Ачкасов М.В. (2001 г.)	53,2	40,4	5,7	+12,8
Ачкасов М.В. (2005 г.)	38,5	52,6	8,9	-14,1
Ахметов И.У. (2011 г.)	33,7	36,5	31,8	-3,8
Ахметов И.У. (2015 г.)	30,2	50,4	19,4	-20,2
Ахметов И.У. (2016 г.)	25,3	59,5	15,2	-34,2
Ахметов И.У. (2020 г.)	23,8	62,1	14,1	-38,3

Примечание. * Обозначает сумму ответов респондентов «положительно» и «скорее положительно». ** «Скорее отрицательно» и «отрицательно».

Индекс оценки деятельности главы города составлял: +12,8% (2001 г.), -3,8% (2011 г.), -20,2% (2015 г.), -34,2% (2016 г.) и -38,3% (2020 г.). Не может не тревожить рост совокупной доли респондентов, в целом отрицательно оценивающих деятельность руководителя города и затрудняющихся с содержательной оценкой. Если в 2001 г. эта доля составляла менее половины от общего числа респондентов (46,1%), то к 2020 г. выросла до абсолютного большинства (76,2%). Если в ходе реформирования системы местного самоуправления ставилась задача приближения муниципальной власти к населению, то данные по г. Ачинску отчетливо указывают на противоположную тенденцию.

Таким образом, представленные данные позволяют сделать следующее предположение: ухудшение материального положения и социального самочувствия жителей г. Ачинска связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, в связи с кардинальным изменением роли градообразующего предприятия в жизни города; и во-вторых, по причине устойчиво снижающейся эффективности деятельности местных властей. В свою очередь оба эти обстоятельства обусловлены фактической «приватизацией» крупным бизнесом в лице градообразующего предприятия муниципальной власти с целью отстаивания корпоративных интересов. Ниже представлены аргументы в пользу данного утверждения.

«Приватизация» градообразующим предприятием муниципальной власти

Компания «Русский алюминий» получила контроль над АГК в 2000 году. С этого времени в деятельности градообразующего предприятия все отчетливее просматривается лоббирование корпоративных интересов в ущерб интересам муниципального образования. Неслучайно в начале 2000-х годов глава города М.В. Ачкасов через СМИ озвучил претензии к новому руководству АГК, обвиняя его в существенном снижении налоговых отчислений в городской

бюджет, невыполнении взятых на себя финансовых и иных обязательств, значительном сокращении поддержки городских программ и низкой заработной плате работников градообразующего предприятия¹.

В этих условиях реализация корпоративных интересов АГК напрямую зависела от лояльности к нему со стороны городских властей, а в оптимальном варианте – от постановки деятельности последних под свой контроль. Данная задача решалась крупным бизнесом в несколько этапов. На первом этапе стояла задача устранения от власти нелояльного главы города М.А. Ачкасова через дискредитацию его как муниципального управленца, в том числе и посредством инициирования возбуждения уголовного дела по факту злоупотребления должностным положением. Данная задача была успешно решена в начале 2006 г., когда М.А. Ачкасов добровольно ушел в отставку.

На втором этапе обеспечивается победа своего кандидата на прямых досрочных выборах главы города в 2007 году. Кандидатом от градообразующего предприятия выдвигается И.У. Ахметов, хорошо известный избирателям города как успешный руководитель АГК (2000–2001 гг.) и депутат Законодательного собрания края (2001–2006 гг.). Кроме того, градообразующее предприятие, обладая значительными финансовыми и иными ресурсами, создает для своего кандидата комфортные условия на выборах, обеспечив неучастие в избирательной кампании политиков, способных составить ему реальную конкуренцию. В итоге И.У. Ахметов побеждает при поддержке квалифицированного большинства избирателей (2/3).

На третьем этапе (2010 г.) градообразующее предприятие получает контроль и над городской представительной властью. В этот год выборы главы города проводились по новым правилам – депутатами из своего состава. Глава города лично возглавлял партийный список «Единой России», вокруг которой объединилась местная политическая элита. Административный ресурс местной исполнительной власти в сочетании с финансовым, информационным и иными ресурсами градообразующего предприятия обеспечил «Единой России» уверенную победу. Партия власти получила 2/3 депутатских мандатов в городском совете. Вследствие этого проблем с повторным избранием И.У. Ахметова на пост главы города не возникало.

Ситуация повторилась и на очередных выборах в 2015 г., с той лишь разницей, что теперь главу города депутаты избирали из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией. Важно отметить, глава муниципалитета к этому времени растратил популярность среди горожан: половина респондентов оценивала его деятельность в целом отрицательно. Кроме

¹ Мэр Ачинска Михаил Ачкасов предъявил ряд претензий к компании РУСАЛ [Электронный ресурс]. – URL: <https://newslab.ru/news/16639> (дата обращения: 29.10.2020).

того, он оказался неэффективным управленцем (см. выше). И тем не менее краевые власти согласовывали его очередное избрание на должность руководителя муниципалитета.

Если вспомнить аргументацию относительно целесообразности введения не прямых выборов, то в числе главных аргументов называлась как раз необходимость постановки барьера на пути проникновения во власть людей, преследующих узкокорыстные цели и ориентированных на реализацию интересов различных групп влияния (крупного бизнеса, преступных групп и пр.). Почему в данном случае не сработала выстроенная в крае вертикаль власти? Чем руководствовались краевые власти при реализации кадровой политики в муниципальном образовании г. Ачинска? В свое время П.В. Панов и Р.И. Петрова выдвинули гипотезу о наличии коррупционной составляющей в механизме конкурсной модели избрания глав муниципальных образований, но не в уголовно-правовом ключе, а в плане искажения политического смысла конкурсных процедур, когда региональные власти навязывают муниципалитетам свои кандидатуры [266].

Развивая данную мысль, можно предположить следующее: в г. Ачинске проявилась специфичная форма коррупционной составляющей, когда крупный бизнес согласовывает с региональными властями своего кандидата вне зависимости от его деловых и личностных качеств и репутации среди населения. В данном случае едва ли присутствует личный корыстный интерес со стороны руководства региональной партии власти. Скорее всего, это уступка крупному бизнесу (фактическая передача под контроль крупному бизнесу г. Ачинска) в стремлении договориться с влиятельным субъектом регионального политического процесса, каковым является компания «Русский алюминий», по широкому кругу вопросов в интересах развития края в целом. По итогу мы имеем устойчивое снижение материального положения и социального самочувствия жителей г. Ачинска, ухудшение качества городской среды, причем в более быстрых темпах, чем у жителей края в целом. И это в благополучном в экономическом отношении городе со стабильно работающими промышленными предприятиями.

Внедрение моделей организации местного самоуправления, предусматривающих не прямые выборы главы города и построение многопартийной системы, состоящей из парламентских партий, в которой доминирующая роль принадлежит партии «Единая Россия», заметно снизили возможности влияния гражданского общества на политические процессы, протекающие в муниципальном образовании. Так, представители гражданского общества безуспешно неоднократно пытались выразить свою политическую позицию, используя различные формы участия граждан в местном самоуправлении, предусмотренные ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления». К примеру, не удалось городским активистам накануне выборов 2015 г. организовать сбор

подписей за отставку главы города¹. Не нашло поддержки данное предложение ни у политических партий, ни у городской избирательной комиссии, ни у местных органов власти. Безрезультатными оказались и другие инициативы гражданского общества, направленные на отставку главы города: вынесение соответствующего вопроса на заседание сессии Ачинского городского совета депутатов в июне 2015 г.², сход граждан в декабре 2019 года³.

Вышеупомянутый федеральный закон также предоставляет гражданам возможность выступать с правотворческой инициативой, чем они неоднократно пытались воспользоваться, предлагая вернуться к схеме прямых выборов главы города. Дважды данный вопрос безрезультатно выносился на рассмотрение Ачинского городского совета (в 2015-м и 2019 гг.) и в Законодательное собрание Красноярского края (2015 г.)⁴. Возникает закономерный вопрос: в чьих интересах работают депутаты городского совета и регионального парламента, если их избиратели были и остаются твердыми сторонниками прямых выборов главы города? О чем, в частности, убедительно свидетельствуют результаты голосования на публичных слушаниях в г. Ачинске, состоявшихся в феврале 2015 г.⁵, и результаты социологического исследования, проведенного «ФОМ-Красноярск» в мае 2015 года⁶.

Не последовало реакции на открытое письмо губернатору Красноярского края от представителей городской общественности в 2019 г. с просьбой освободить от должности главу г. Ачинска⁷.

Как видим, гражданское общество безуспешно использовало практически все предусмотренные законодательством средства влияния на местную и краевую власти в отстаивании своих интересов.

Глава города И.У. Ахметов ушел в отставку по собственному желанию в июне 2020 года. Однако последующее развитие событий в городе не вселяет оптимизма. Во второй половине

¹ Отставка главы города Ачинска, депутата Илая Ахметова [Электронный ресурс]. – URL: <https://narisat-rismo-zhirinovskomu.ru/zhaloby/nedoverie-zhitelej-goroda-achinska> (дата обращения: 16.05.2019).

² Владимир Озеренко потребовал отставки главы Ачинска [Электронный ресурс]. – URL: <https://zapad24.ru/news/achinsk/35515-vladimir-ozeredenko-potreboval-otstavki-glavy-achinska.html> (дата обращения: 16.05.2019).

³ В Ачинске 7 декабря прошел сход жителей, на котором обсуждали городские проблемы и требовали отставки мэра города И. Ахметова [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.5kanal.info/index.php/8-novosti/4273-v-achinske-7-dekabrya-proshel-skhod-zhitelej-na-kotorom-obsuzhdali-gorodskie-problemy-i-trebovali-otstavki-mera-goroda-i-akhmetova> (дата обращения: 16.05.2019).

⁴ Красноярское Заксобрание проголосовало против прямых выборов мэра Ачинска [Электронный ресурс]. – URL: <https://tauga.info/121624> (дата обращения: 19.05.2019).

⁵ Главное, чтобы человек был хороший! [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.np-press.ru/materialy-vypuska/stati/6738-glavnoe-chtoby-chelovek-byl-khoroshij> (дата обращения: 16.05.2019).

⁶ 88 процентов жителей Ачинска выступают за прямые выборы мэра [Электронный ресурс]. – URL: <http://achmag.ru/razmeshchenie-reklamy/12-novosti/683-88-protstentov-zhitelej-achinska-vystupayut-za-pryamye-vybory-mera> (дата обращения: 16.05.2019).

⁷ Жители Ачинска предложили губернатору Красноярского края отправить мэра в отставку [Электронный ресурс]. – URL: <https://zapad24.ru/news/achinsk/69971-zhiteli-achinska-obratilis-k-gubernatoru-kraya-s-predlozheniem-otpravit-mera-achinska-v-otstavku.html> (дата обращения: 16.05.2019).

2020 г. сначала один, затем второй управленец исполняли обязанности главы города. В январе 2021 г. (отчетный пятилетний период закончился в сентябре 2020 г.) депутаты городского совета из трех кандидатур, предложенных конкурсной комиссией, выбирают А.Б. Токарева. В марте 2022 г., по сообщениям СМИ, глава уходит в отпуск с последующим увольнением, и озвучивается версия причины досрочного увольнения: пагубное пристрастие к алкоголю¹. Три месяца город возглавлял управленец в статусе исполняющего обязанности. В июне 2022 г. очередным руководителем муниципалитета избирается бывший глава Свердловского района г. Красноярск И.П. Титенков².

Таким образом, за два последних года на посту главы города Ачинска находится уже шестой руководитель. Это настоящая кадровая чехарда, которая держит в напряжении и лихорадит весь аппарат чиновников городской администрации, негативно отражается на отношении населения к деятельности местных органов власти. Не может не беспокоить и тот факт, что в исследуемый период времени (2001–2022 гг.) на посту губернатора края меняется 5-й руководитель, но не меняется политика региональных властей в отношении муниципального образования г. Ачинска, где социальная ситуация устойчиво ухудшается. И это спустя 10 лет после внедрения новых моделей организации местного самоуправления!

Выводы по главе 2

1. Результаты проведенных исследований позволяют утверждать: эволюция властных отношений в Красноярском крае и Республике Хакасия за последнюю четверть века происходит в общем русле изменений в системе власти на федеральном уровне и позволяет выделить два этапа. Первый этап (вторая половина 90-х гг. прошлого столетия – середина-конец 2020-х гг.) характеризуется отсутствием у региональных элит конструктивных отношений с федеральным центром, сложным характером взаимоотношений внутри самих политических элит и значительным (решающим в Хакасии) влиянием крупного бизнеса на региональные политические процессы. Отличительной особенностью второго этапа (середина-конец 2000-х гг. – настоящее время) является создание под влиянием общероссийских процессов региональных партий власти в лице региональных правительств, парламентов и партии «Единая Россия», вокруг которой объединяется региональная политическая элита. С этого времени партия власти доминирует в политическом пространстве региона, включая уверенные победы ее представителей на выборах всех уровней.

¹ Мэра Ачинска Александра Токарева досрочно отправляют в отставку [Электронный ресурс]. – URL: <https://zapad24.ru/news/territory/88652-mjera-achinska-aleksandra-tokareva-dosrochno-otpravljajut-v-otstavku.html> (дата обращения: 10.03.2022).

² Новым мэром Ачинска стал бывший глава Свердловского района Красноярск. Он сразу пообещал ревизию администрации [Электронный ресурс]. – URL: <https://ngs24.ru/text/politics/2022/06/22/71428598> (дата обращения: 12.07.2022).

2. Развитие властных отношений в регионах имеет четко выраженную региональную специфику. В Красноярском крае на первом этапе наибольшее влияние на политические процессы в Красноярском крае оказывали губернатор и его команда, региональный парламент и действующие в регионе финансово-промышленные группы, связанные с алюминиевым бизнесом, энергетическим и горнодобывающим комплексами. Присутствие нескольких ФПГ, с одной стороны, привело к расколу региональной политической элиты, что не способствовало принятию согласованных решений в интересах региона. С другой стороны, создавало специфическую систему сдержек и противовесов во власти, препятствуя лоббированию интересов какой-либо ФПГ.

3. Специфичный расклад политических сил в Красноярском крае (губернатор и его команда, региональный парламент и несколько ФПГ обладали сопоставимым политическим весом) задавал вектор развития политического процесса в регионе. В частности, региональные выборы (губернатора и депутатов регионального парламента) проводились в условиях реальной альтернативности и конкуренции, на которых избиратели имели широкие возможности для выражения своей политической воли. По этой причине на губернаторских выборах в 1998-м и 2002 г. победу одерживали кандидаты, оппонировавшие действующей власти (А.И. Лебедь и А.Г. Хлопонин соответственно). Судя по результатам проведенного анализа, судьбу выборов решали провинциальные избиратели, надеющиеся на смену краевой политики в отношении своих территорий. Избиратели отдали предпочтение А.И. Лебедю и А.Г. Хлопонину, так как они более других кандидатов соответствовали ожиданиям избирателей, их надеждам на возможности выведения края из кризиса и изменения личной жизни в лучшую сторону.

4. Как показали результаты исследований, А.Г. Хлопонин (2002–2010 гг.) являлся эффективным и популярным губернатором Красноярского края. Под его руководством в крае реализовывались крупные инвестиционные проекты, такие как комплексное развитие Нижнего Приангарья и освоение Ванкорского нефтегазового месторождения. С 2004 г. в Красноярске ежегодно проводится Всероссийский экономический форум с участием первых лиц государства, ведущих российских и зарубежных экспертов. В 2005 г. проходит референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в единый субъект РФ (все предшествующие попытки объединения в крае оканчивались неудачно). В 2006 г. создается Сибирский федеральный университет, чей попечительский совет возглавляет Президент РФ Д.А. Медведев; федеральный центр выделяет значительные финансовые средства для развития университета. За время работы А.Г. Хлопонина на посту губернатора края (2002–2010 гг.) заметно повысился профессиональный уровень чиновников, стабилизировалась ситуация во властных структурах и укрепилась исполнительная вертикаль власти. Неслучайно индекс оценки деятельности А.Г. Хлопонина в 2005 г. составил +43,9% – это самый высокий

показатель среди руководителей региона за весь период наблюдений. А.Г. Хлопонин также стабильно входил в число 100 ведущих политиков РФ.

5. В целом деятельность региональной партии власти, созданной на втором этапе (с середины 2000-х гг.), характеризуется устойчивостью, преемственностью в работе и обеспечивает управляемость на территориях. Их также отличает конструктивный характер взаимоотношений с федеральным центром. К наиболее значимым недостаткам следует отнести отсутствие системы сдержек и противовесов во власти, отсутствие механизма ответственности партии власти за принимаемые управленческие решения и должных условий по развитию политического плюрализма и гражданского общества.

6. После А.Г. Хлопонина на посту губернатора края находится уже третий руководитель, и, судя по результатам проведенных исследований, эффективность государственного управления в регионе оказывается ниже, чем в 2000-х гг. и, более того, продолжает снижаться. Данное утверждение базируется на анализе: а) оценок экспертов РФ, связанных с изучением эффективности деятельности российских губернаторов; б) оценок региональных экспертов, связанных с изучением основных характеристик, присущих краевому правительству, а также наиболее значимых явлений в политической жизни края; в) оценок населения деятельности органов власти и их руководителей.

В частности, согласно оценкам российских экспертов Фонда развития гражданского общества, красноярские губернаторы в 2010-х гг. относятся к числу наименее эффективных руководителей регионов. Устойчиво снижаются оценки деятельности губернаторов края со стороны населения. В этих условиях закономерными выглядят оценки местных экспертов о снижении в 2010-х гг. профессионализма чиновников краевой администрации, усилении коррупции во властных структурах края, наличии серьезных ошибок и провалов в решении социальных и экономических вопросов и усилении борьбы за власть между разными властными группировками.

7. На втором этапе эволюции властных отношений кардинальным образом изменилась ситуация на губернаторских выборах. Непрямые выборы в 2010 г., прямые выборы в 2014-м и 2018 гг. лишь номинально являлись конкурентными и альтернативными, а их результаты были известны задолго до дня голосования и зависели от позиции региональной партии власти, согласованной с федеральным центром. Радикальным образом изменилась содержательная часть рекламно-агитационной кампании кандидатов. Из нее исчезли предвыборные программы, содержащие анализ социально-экономического положения в регионе, предложения по его улучшению, обозначение путей решения актуальных социальных проблем. Вместо живого общения с избирателями со сбором наказов и предложений кандидаты отдают предпочтение опосредованным формам – агитации через СМИ и выпуску агитационных материалов, широко

используют административный ресурс. Участие кандидатов от других политических партий в этих выборах носит скорее имитационный характер.

8. Губернаторские выборы в Красноярском крае свидетельствуют о снижении явки избирателей за период с 1998-го по 2018 г. в 2,2 раза, абсолютной поддержке будущего победителя выборов – в 2,3 раза, численности сторонников партии «Единая Россия» на парламентских выборах – в 2,6 раза. Плюс к этому устойчиво снижаются оценки деятельности краевых органов власти и их руководителей. Все это тревожные симптомы, свидетельствующие о риске делегитимизации органов государственной власти Красноярского края.

9. В Республике Хакасия на первом этапе эволюции властных отношений имела место ситуация, названная российской ученой Н.В. Зубаревич «приручением» региона со стороны крупного бизнеса. От политического альянса в лице республиканского правительства, возглавляемого А.И. Лебедем, и ведущего промышленного предприятия региона – Саянского алюминиевого завода – основные выгоды получал крупный бизнес и лично А.И. Лебедь, которому было обеспечено политическое долголетие: 13 лет на посту председателя правительства Хакасии. Выгоды от данного альянса для республики и ее населения как минимум дискуссионные. Неслучайно в последние годы своего правления А.И. Лебедь имел отрицательный индекс оценки своей деятельности и неоднозначное, противоречивое восприятие в региональной политической элите, особенно среди представителей титульной нации.

10. В декабре 2008 г. председателем правительства Республики Хакасия по представлению Президента РФ депутатами Верховного Совета Республики Хакасия избирается депутат Государственной думы РФ, входящий во фракцию партии «Единая Россия», В.М. Зимин. В марте 2009 г. по итогам республиканских парламентских выборов партия «Единая Россия» получает 70% депутатских мандатов. В итоге создается типичная для российских регионов партия власти, состоящая из республиканского правительства, парламента и партии «Единая Россия», возглавляемой председателем правительства Хакасии В.М. Зиминим. Гражданское общество связывало большие надежды с приходом новой республиканской власти. Однако с течением времени, как показали результаты проведенных исследований, надежды эти стали угасать и нарастала неудовлетворенность граждан деятельностью новой республиканской власти. Гражданское общество посылало правящей элите специфичные сигналы в виде снижения оценки деятельности главы Хакасии, абсолютного уровня его личной поддержки и партии «Единой России» на республиканских выборах, избирательной активности граждан, но эти сигналы не были услышаны. В результате личные рейтинговые показатели В.М. Зимина стали сопоставимы с показателями позднего, непопулярного А.И. Лебеда, и выборы 2018 г. действующий губернатор проиграл, несмотря на активную поддержку со стороны федерального

центра и крупного бизнеса. По оценкам местных экспертов, в избирательной кампании В.М. Зимина в том или ином качестве принимали участие несколько крупных российских компаний.

11. Результаты мониторинговых экспертных исследований позволили выделить ряд аспектов, характеризующих специфику эволюции властных отношений в Хакасии. Во-первых, для вхождения в число наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия (в первую десятку политиков в республиканском рейтинге влиятельности) необходимо занимать высшие должности в республиканских органах государственной власти (правительство или парламент) и крупного бизнеса, связанного с алюминиевой отраслью. Во-вторых, политический вес представителей различных групп элиты со временем меняется по-разному: у руководителей республиканского правительства и правоохранительных органов – устойчиво повышается, у руководителей законодательных органов власти и представителей гражданского общества – понижается, при сохранении – у представителей среднего бизнеса. В-третьих, происходит снижение усредненного политического веса 40 наиболее влиятельных республиканских политиков, что позволяет сделать предположение о постепенном перераспределении властных полномочий в сторону федерального центра по сравнению с республикой. Иначе говоря, в Российской Федерации продолжает укрепляться вертикаль власти.

12. В ходе проведенных исследований зафиксирована важная роль, которую играет гражданское общество Хакасии на республиканских выборах. По итогам выборов 1996-го, 2009-го и 2018 гг. происходило переизбрание губернаторов, и кардинальным образом обновлялись составы республиканского правительства. Установлено: отказ в поддержке действующему губернатору и избрание нового руководителя происходили при совпадении трех факторов. Во-первых, неудовлетворенности большей части граждан развитием событий в Республике Хакасия. Во-вторых, неспособности действующих республиканских властей, по мнению избирателей, изменить ситуацию в Хакасии к лучшему. В-третьих, появлении в публичном пространстве политика, с кем избиратели могли бы связывать свои надежды на изменение ситуации к лучшему.

13. Результаты проведенных исследований не выявили прямой зависимости между материальным положением, социальным самочувствием избирателей и результатами региональных выборов. Данные факторы вторичны и проявляются во взаимодействии с другими факторами. При этом избиратели осуществляли вполне осознанный, рациональный электоральный выбор, проявляя устойчивость к попыткам манипулирования их политическим поведением. На изменение своей роли на выборах, т. е. снижение возможности влияния на их результаты, избиратели реагируют нарастающим отказом от участия в голосовании. Абсентеизм в более яркой форме проявляется в Красноярском крае.

14. Проведенный анализ свидетельствует об изменении условий вхождения в региональную законодательную элиту. Во второй половине 90-х, первой половине 2000-х гг. успех на выборах обуславливался главным образом высоким должностным положением кандидата, обеспечивающим доступ к избирательным ресурсам (СМИ, финансовым, материальным и другим). После построения в регионах партий власти доминирующим фактором выступает поддержка со стороны «Единой России» и в незначительной мере – со стороны других парламентских партий. Высокое должностное положение кандидатов является лишь вторым фактором, который наиболее значим для КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России», испытывающих дефицит в избирательных ресурсах. Кандидаты, использующие механизм самовыдвижения и не поддерживаемые парламентскими партиями, даже при наличии высокого должностного положения имеют незначительные шансы для прохождения в парламент.

15. Результаты проведенных исследований позволяют построить усредненный портрет депутата регионального парламента в период доминирования в политическом пространстве одной политической партии. Это преимущественно мужчина (82,7–90%¹), имеющий высшее образование (100–90%), в возрасте 50,7–51,1 лет (каждый пятый старше 60 лет). По социальному статусу – руководитель высшего звена (84,6–82%), возглавляющий коммерческое предприятие или представляющий законодательные органы власти (их совокупная доля составляет 73–82%) и имеющий значительный опыт депутатской работы (46,2–62% входили в составы предыдущих депутатских созывов). Две трети из них входят во фракцию партии «Единая Россия», 25–22% – во фракции парламентских партий КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России». Как видим, принципиальных различий в социальных характеристиках депутатов региональных парламентав Красноярского края и Республики Хакасия не прослеживается. Данное обстоятельство позволяет утверждать: на качественную структуру региональной законодательной элиты оказывает влияние не столько местная специфика, сколько политика, проводимая федеральным центром в рамках выстроенной в РФ вертикали власти.

16. Для региональных парламентав характерны глубокие противоречия. С одной стороны, создана устойчивая система власти, обеспечивающая конструктивное взаимодействие законодательной элиты с исполнительными органами власти, снижена конфликтность в политической элите, а за счет преемственности депутатского корпуса накапливается управленческий опыт. С другой стороны, законодательная элита в известной степени «закрывается». Устойчиво повышается средний возраст депутатов, снижается их сменяемость и каналы рекрутизации. Кроме того, в условиях вертикали власти фактически региональное

¹ Первая цифра – данные, характеризующие депутатов Законодательного собрания Красноярского края, избранных в 2021 г., вторая – Верховного Совета Республики Хакасия, избранных в 2013 году.

правительство определяет состав будущей представительной власти, нарушая тем самым систему сдержек и противовесов в региональной власти.

17. В нулевых годах в Российской Федерации доминировала модель организации местного самоуправления, предусматривающая прямые выборы главы муниципального образования (в настоящем исследовании названа модель I). С начала 2010-х гг. органы местного самоуправления РФ стали активно переходить на модели, предусматривающие непрямые выборы глав. В середине 2010-х гг. в Российской Федерации законодательно закреплена вариативность моделей организации местного самоуправления. Было определено 5 моделей, допускающих выборы главы муниципального образования как населением, так и депутатским корпусом. Наибольшее распространение получили модель III (выборы главы депутатами из своего состава) и модель V (выборы главы депутатами из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией). Законодательное право передачи выбора моделей организации местного самоуправления на региональный уровень активизировало переход к модели V, которая со временем стала доминирующей. По состоянию на 1 января 2021 г., она используется в 2/3 городских округов и половине муниципальных районов РФ. Прямые выборы применяются менее чем в каждом десятом муниципальном образовании РФ. В то время как, судя по опросам населения и муниципальных служащих, наиболее рациональной и приемлемой для себя считается модель прямых выборов.

18. В Красноярском крае в течение исследуемого периода используется третья модель организации местного самоуправления: в нулевых годах – модель I, в 2010 г. – модель III, с 2015 г. – модель V. На прямых выборах главным требованием для повторного избрания для действующего руководителя являлось завоевание доверия большинства избирателей. Согласно методике, предложенной О.П. Кудиновым и Г.А. Шипилиным, 84,6% из числа глав местного самоуправления, участвующих в выборах в 2005 г., являлись непопулярными или относительно непопулярными руководителями. Вследствие этого закономерным являлось обновление их состава по итогам выборов на 79,3%. Эмпирическим путем рассчитан уровень, обеспечивающий успех муниципального руководителя на выборах – 40% респондентов, в целом позитивно оценивающих его деятельность. Руководители, которым в отчетный период удавалось преодолеть эту планку, как правило, не испытывали проблем на выборах вне зависимости от каких-либо факторов (социально-экономической ситуации в территории, социального самочувствия и материального положения граждан, состава участников избирательной кампании, активности и интенсивности ведения ими рекламно-агитационных кампаний и др.). В противном случае выборы они проигрывали.

19. Проведенный сравнительный анализ моделей III и I не выявил значимых преимуществ одной модели перед другой. В то же время со всей очевидностью проявились недостатки

модели III, такие как недостаточная легитимность власти в глазах населения, отстранение населения от принятия решений, отсутствие ответственности руководителей муниципального образования перед гражданами, встраивание местного самоуправления в вертикаль государственной власти. Эти же недостатки присущи и модели V.

21. Переход в 2010 г. к модели III и в 2015 г. к модели V не привел к созданию эффективного механизма отбора наиболее подготовленных, компетентных и достойных глав муниципальных образований. На эти должности повторно избираются как неэффективные управленцы (по оценкам краевого правительства), так и непопулярные среди населения главы местного самоуправления. В ряде территорий доля респондентов, негативно оценивающих работу главы муниципалитета, превышает 50 и более процентов. Каждый пятый глава муниципального образования, избранный в 2015 г., осужден по уголовным статьям (мошенничество, коррупция или злоупотребление служебным положением).

22. Главным критерием избрания на должность главы города или района выступает лояльность региональной партии власти. Кандидатура, предварительно не согласованная с краевыми властями, не имеет практических шансов на избрание вне зависимости от своих деловых и личностных качеств, достижений в профессиональной сфере, популярности среди населения и других факторов. При этом сама процедура выборов проводится в закрытом, не доступном для общественности формате, включая информацию о кандидатах на выборный пост, процедуре их отбора, предлагаемых ими программах социально-экономического развития территории.

23. Переход на не прямые выборы существенно удлинил сроки выборов глав местного самоуправления. Если в 2005 г. на прямых выборах руководителей избирали в течение дня, которому предшествовала месячная рекламная агитационная кампания, то в последнем избирательном цикле, при использовании модели V, выборная процедура превратилась в перманентный процесс, который начался в 2017 г. и не закончился осенью 2020 года.

24. Сама процедура избрания глав муниципальных образований по модели V растягивается на 6 и более месяцев. В некоторых территориях главы муниципальных образований в статусе исполняющих обязанности могли находиться полгода, год и более. В целом ряде муниципальных образований должности глав муниципальных образований занимали несколько человек – от 2 до 4. Смена первого руководителя, как правило, сопровождается кардинальным обновлением руководящего состава местной администрации. Все это, с одной стороны, негативно отражается на эффективности муниципального управления, когда местные власти занимаются главным образом решением текущих, оперативных задач, с другой стороны, усиливает недоверие граждан к деятельности местных органов власти.

25. Много дискуссионных вопросов связано со следующим аспектом процедуры избрания главы муниципального образования представительной властью. Дело в том, что половина глав в 2015-м и 2020 гг. избиралась старым, уходящим составом депутатов, чьи полномочия истекали через 1–2 месяца. Вторая половина избиралась новым составом представительной власти. В результате, с одной стороны, главы не имеют обязательств и поручений ни перед своими избирателями, ни перед депутатским корпусом. С другой стороны, нарушается взаимодействие между двумя ветвями муниципальной власти как единой управленческой структуры, когда ни кандидаты на пост главы, ни кандидаты в депутаты не выступают в единой связке в ходе избирательной кампании и не способны предложить гражданам согласованную программу социально-экономического развития территории и пути ее реализации.

26. В отличие от Красноярского края, в Республике Хакасия в течение всего исследуемого периода используется модель I. Данное обстоятельство позволяет проследить как сходство, так и различие ситуаций на выборах глав городов и районов двух сибирских регионов. Главное сходство заключается в том, что в 2010-х гг. и в Красноярском крае, и в Республике Хакасия региональные партии власти поставили под свой контроль процесс формирования и последующую деятельность органов местного самоуправления. Основных различий три. Первое проявляется в избирательной активности населения. В Хакасии она заметно выше по сравнению с Красноярским краем. Второе – в большей возможности для проявления своей политической воли, которая фиксируется через более высокий уровень сменяемости глав муниципальных образований. В-третьих, в отличие от края, где практически все избираемые главы являются выдвиженцами от партии «Единая Россия», в республике в двух последних избирательных циклах четверть будущих победителей участвовали в избирательной кампании от других политических партий или использовали механизм самовыдвижения.

27. Мониторинговые экспертные опросы, посвященные определению политического веса основных управленческих, хозяйственных и политических структур и выявлению наиболее влиятельных региональных политиков, дополненные анализом документов (электоральной статистики и СМИ), выступают эффективным инструментом для понимания, объяснения и прогнозирования регионального политического процесса.

Глава 3. Эволюция роли политических партий и крупного бизнеса в социально-политических процессах на региональном уровне

Политические партии являются важнейшим элементом политического процесса в демократическом обществе. В настоящее время в Российской Федерации сформировалась многопартийная система, пройдя несколько этапов в своем становлении. По своему предназначению политические партии призваны выступать в роли посредника в отношениях между государством и гражданским обществом. Удастся ли политическим партиям на уровне субъекта РФ справиться с этой задачей? Каким образом меняется роль политических партий на выборах региональных и муниципальных органов власти? Какова социальная структура сторонников политических партий, и меняется ли она во времени? Имеются ли различия между партийными системами, построенными на региональном и местном уровнях? Воспринимают ли избиратели политические партии в качестве защитников своих интересов? Поиску ответов на эти и другие вопросы посвящены п. 3.1. «Трансформация роли политических партий в деятельности государственных органов власти», п. 3.2. «Динамика социальной структуры сторонников политических партий» и п. 3.3. «Изменение роли политических партий на муниципальном уровне».

Большое значение для успешного функционирования органов, входящих в единую систему публичной власти субъекта Федерации, принадлежит их взаимодействию с хозяйствующими субъектами. Особую актуальность данная проблема приобретает в регионах с присутствием крупных корпораций в лице финансово-промышленных групп, обладающих значительными материальными, финансовыми и иными ресурсами. Красноярский край и Республика Хакасия принадлежат к таковым территориям. Происходит ли в них согласование интересов и организация взаимодействия крупных корпораций с региональными и муниципальными органами власти с целью социально-экономического развития территорий и повышения уровня и качества жизни населения? Получают ли какого-либо рода дивиденды муниципальные образования от нахождения на своей территории крупных корпораций? Поиску ответов на эти вопросы посвящен параграф 3.4 «Эволюция роли крупного бизнеса в социально-политическом пространстве региона».

3.1. Трансформация роли политических партий в деятельности государственных органов власти

Наиболее наглядным показателем роли и места политических партий в политических процессах являются результаты выборов депутатов региональных парламентов, и прежде всего электоральная статистика выборов по партийным спискам.

В данном параграфе предлагается решить следующие задачи. Во-первых, изучить эволюцию роли политических партий на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края. Во-вторых, установить причины доминирования на региональных выборах партии «Единая Россия». В-третьих, оценить возможность различных исследовательских методик для объяснения мотивации поддержки избирателями тех или иных партийных структур.

Депутаты Законодательного собрания Красноярского края за период с 1994-го по 2021 гг. избирались семь раз: в 1994-м, 1997-м, 2001-м, 2007-м, 2011-м, 2016-и и 2021 годах. Численный состав депутатов и схема их избрания представлены в п. 2.2.3.

Наглядное представление о создании и последующей эволюции партийной системы на региональном уровне дает табл. 2.2. В 1994 г. абсолютное большинство будущих депутатов (69,2%) дистанцировались от партийных структур, отдавая предпочтение механизму самовыдвижения или выдвижению группами избирателей.

На выборах в 1997 г. местные избирательные блоки и объединения имели некоторое преимущество перед политическими партиями (42,8% против 35,8% депутатских мандатов соответственно), которое увеличилось на очередных выборах в 2001 г.: 57,1% против 25,2% соответственно. Наибольшее число мест в парламенте по итогам выборов 2001 г. достались представителям блока «Наши» (19,0% от общего числа мандатов). КПРФ получили 16,7% мандатов, блок «За Лебедя!» и «Избирательный блок Анатолия Быкова» – по 11,9%. Партия «Единство» и «Северная партия» получили по 9,5% депутатских мандатов [8].

Почему избиратели из 12 участников выборов отдали предпочтение именно вышеперечисленным избирательным структурам? В поиске ответа на этот вопрос обратимся к данным краевого социологического исследования, проведенного в сентябре 2001 г. [прил. 1; 6], и сравним их с результатами голосования (табл. 3.1).

При анализе данных таблицы 3.1 обращают на себя внимание три момента. Во-первых, будущий победитель выборов – избирательный блок «Наши» – за 3 месяца до голосования имел весьма скромный электоральный рейтинг (3,9%), но сумел в оставшееся время до выборов нарастить число своих сторонников в 5 раз. Во-вторых, четыре избирательные структуры («Блок Анатолия Быкова», «За Лебедя!», КПРФ, «Единство»), сумевшие провести своих представителей в парламент, располагали задолго до дня голосования необходимым количеством сторонников для преодоления 5-процентного избирательного барьера. В-третьих, остальные избирательные структуры, чей электоральный рейтинг на момент проведения исследования составлял менее 5 процентов, так и не сумели преодолеть 5-процентный избирательный барьер.

Сопоставление электорального рейтинга избирательных объединений, блоков и результатов голосования по партийным спискам на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 2001 году (данные ранжированы по последней колонке)

Избирательные объединения, блоки	Электоральный рейтинг (6–14.09.2001; % от числа опрошенных)	Результаты голосования по партийным спискам (24.12.2001; %)
«Наши»	3,9	19,8
«Избирательный блок Анатолия Быкова»	10,7	16,2
«За Лебеда!»	13,8	15,1
КПРФ	12,7	10,8
«Единство»	13,8	8,8
«Северная партия»	–	6,8
«Надежда и опора»	–	4,3
«Блок Зубова»	3,3	3,1
«Коммунисты, патриоты родного Красноярья за Советскую власть»	–	2,8
«Союз правых сил»	1,9	1,6
«Яблоко»	0,9	0,6
ЛДПР	–	0,6

Примечание. Прочерк обозначает, что данная структура отсутствовала в исследовательском инструментарии.

Источник: [6].

Понять причины электорального поведения избирателей на выборах 2001 г. помогают данные таблицы 3.2, отражающей электоральную ситуацию по г. Красноярску [прил. 1; 8]. Избирательный блок «Наши» победил в краевом центре с большим преимуществом (39,7%), так как имел в своем составе авторитетных лидеров (44,2%), обладал популярностью среди населения (45,1%), выражал интересы простых людей (22,7%) и проводил активную рекламно-агитационную кампанию (49,5%). По всем перечисленным позициям блок заметно опережал всех остальных участников избирательной кампании.

Второе место «Блока Анатолия Быкова» (24,0%) объясняется авторитетностью лидеров блока (34,2%, 3-я позиция в условном партийном рейтинге), популярностью блока среди населения (29,3%, 2-я позиция в рейтинге) и выражением интересов простых людей (14,6%, 2-я позиция). В данном случае обращает на себя внимание политический феномен, носящий название «спираль умолчания», описанный немецким политологом Элизабет Ноэль-Нойман. Суть его заключается в том, что, человек, опасаясь социальной изоляции, с меньшей вероятностью высказывает свою позицию, если чувствует, что находится в меньшинстве [358].

В нашем случае в ходе телефонного опроса, проведенного в г. Красноярске за неделю до голосования, о намерении поддерживать блок Быкова заявляли 9,0% респондентов, а в действительности за него проголосовали 24,0% избирателей из числа жителей краевого центра.

Представление избирателей г. Красноярска об избирательных ресурсах, которыми обладают избирательные объединения, блоки на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 2001 году
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по последней колонке)

Избирательные объединения, блоки	Избирательные ресурсы				Итоги выборов 24 декабря 2001 г.
	Авторитетность лидеров	Популярность среди населения	Выражение интересов простых людей	Активность ведения избирательной кампании	
«Наши»	44,2	45,1	22,7	49,5	39,7
«Блок Анатолия Быкова»	34,2	29,3	14,6	14,0	24,0
«Единство»	42,2	13,8	6,6	15,9	10,6
КПРФ	1,3	11,9	9,4	3,2	9,3
«За Лебеда!»	8,8	7,2	3,6	17,1	3,6
«Блок Зубова»	8,7	2,2	1,6	6,2	3,0
«Надежда и опора»	5,0	5,4	3,4	20,4	2,4
«КПРК за Советскую власть»*	0,8	1,3	2,4	4,2	2,0
«Союз правых сил»	1,0	2,9	0,5	6,6	1,4
«Северная партия»	0,5	0,3	0,3	3,5	1,0
«Яблоко»	0,2	0,5	0,3	2,7	0,4
ЛДПР	0,3	0,6	0,8	4,2	0,3

Примечание. * «КПРК за Советскую власть» – «Коммунисты, патриоты родного Красноярья за Советскую власть».

В то же время прогубернаторские блоки («За Лебеда!» и «Надежда и опора»), несмотря на активное проведение рекламно-агитационной кампании (3-я и 2-я позиции в рейтинге), получили весьма скромную поддержку со стороны избирателей (3,6% и 2,4% соответственно). Причина очевидна: блоки не пользовались популярностью среди населения, не имели авторитетных лидеров и не выражали интересы простых людей.

В свою очередь «Союз правых сил», «КПРК за Советскую власть», «Яблоко» и ЛДПР не располагали сколько-нибудь значительными избирательными ресурсами и фактически не проводили рекламно-агитационные кампании. Результаты выборов вполне закономерные: от 0,3% до 2,0% избирателей.

К оценке электоральных перспектив участников выборов можно также подойти через анализ общей суммы ответов респондентов по всем видам избирательных ресурсов. В этом случае данный показатель у будущего победителя выборов, блока «Наши», составляет 161,5% (наибольший среди всех участников избирательной кампании). У блока Быкова, занявшего второе место, – 92,1% (второй по числовому значению показатель). В то время как у структур, получивших два и менее процентов голосов избирателей, общая сумма ответов оказалась незначительной: от 3,6% до 11,0%.

Наглядное представление о процессе «вызревания» электорального решения избирателей дает таблица 3.3, в которой нашли отражение результаты мониторинговых телефонных опросов жителей краевого центра [прил. 1; 7].

Таблица 3.3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Вы уже приняли решение, за какое избирательное объединение, блок будете голосовать на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края по партийным спискам 24 декабря 2001 года?» (% от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Дата проведения опроса		
	17–18 ноября 2001 г.	4–6 декабря 2001 г.	14–16 декабря 2001 г.
Да, я точно знаю, за кого следует голосовать	30,0	43,6	50,8
Мое мнение еще может измениться	15,0	15,7	13,4
Сейчас я выбираю среди нескольких объединений, блоков	19,3	14,1	14,1
Нет, я пока не решил, за кого голосовать	35,7	26,6	21,7

Результаты мониторинговых исследований отчетливо указывают на процесс кристаллизации электорального решения по мере приближения даты выборов. В ходе рекламно-агитационной кампании неопределившиеся избиратели (те, кто отметил позицию «нет, я пока не решил, за кого голосовать») постепенно переходили в группы сомневающихся (мое мнение еще может измениться) или колеблющихся (сейчас я выбираю среди нескольких блоков). Две последние группы в свою очередь плавно перетекали в группу определившихся (да, я точно знаю, за кого следует голосовать)¹. Специфика данной избирательной кампании заключалась и в том, что общая структура политических предпочтений избирателей сохранялась на всем ее протяжении.

Таким образом, анализ выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 1994-м, 1997-м и 2001 гг. позволяет определить складывающуюся во второй половине 90-х годов прошлого столетия и начале нулевых годов партийную систему в регионе как многопартийную, в которой преобладают местные избирательные блоки и объединения, возглавляемые ведущими региональными политиками. Выборы в этот период проводились в условиях реальной альтернативности и конкуренции. Партийным структурам приходилось завоевывать доверие избирателей, чтобы заручиться их поддержкой на выборах. При этом уровень поддержки зависел не столько от рекламно-агитационных кампаний участников выборов, сколько от того, в какой мере их деятельность в представлениях респондентов соответствовала интересам избирателей.

¹ Злотковский В.И. Особенности использования опросных методов социологических исследований на примере города Красноярска и Республики Хакасия. С. 37.

Осмысление данных, полученных в ходе проведения исследований на выборах 2001 г., позволило сделать вывод: электоральное поведение избирателей вполне рационально и мало подвержено влиянию ситуативных и случайных факторов. Избиратели продемонстрировали устойчивость к политическому давлению и попыткам манипулирования по стороны отдельных штабов поддержки избирательных блоков и объединений, которые чаще всего проявлялись через публикацию заказных электоральных рейтингов, выступления экспертов, связанных с ведущими региональными политиками¹.

Вместе с тем создаваемая в этот период времени региональная партийная система имела и весьма существенные недостатки. Во-первых, оборотной стороной наличия реальной конкуренции и альтернативности на выборах являлся раскол внутри краевой политической элиты. Все наиболее статусные и авторитетные краевые политики создавали или поддерживали те или иные партийные структуры. В этих условиях принятие региональной элитой согласованных управленческих решений в интересах региона было затруднено. К примеру, много лет процесс объединения Красноярского края, Таймыра и Эвенкии блокировался частью региональной элиты. Объединение состоялось только после создания региональной партии власти и поддержки данного проекта на федеральном уровне.

Во-вторых, большинство избирательных объединений и блоков, участвующих в вышеназванных избирательных кампаниях, являлись временными структурами, создаваемыми под выборы и зачастую прекращающими свое существование сразу после закрытия избирательных участков. Получается, краевые политики не связывали себя обязательствами перед избирателями, взятыми в ходе проведения рекламно-агитационных кампаний. Осмысление данного политического феномена позволяет разглядеть в нем стремление ведущих региональных политиков манипулировать поведением избирателей в ходе избирательной кампании для достижения личных или корпоративных целей.

В дальнейшем процесс развития региональной партийной системы проходил под влиянием общероссийских процессов, связанных с укреплением вертикали власти, и привел к созданию многопартийной системы с доминирующим влиянием партии власти, «опирающейся на мощный административный ресурс всех уровней – от федерального до регионального и местного» [264, с. 27]. Такая партия власти создается в Красноярском крае в середине нулевых годов, собрав в свои ряды всех значимых представителей региональной политической элиты. На выборах депутатов регионального парламента в 2007 г. ведущие краевые политики возглавили партийный список «Единой России» (см. п.1.1.2). Поэтому победа партии «Единая Россия» на этих выборах выглядела вполне закономерно. «Единороссы» завоевали 55,8% от

¹ Нелюбин В.В., Злотковский В.И. Социологические центры на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 2001 году // Социальные проблемы современной России : сб. науч. тр. / под общ. ред. проф. В.Х. Беленького; ГАЦМиЗ. – Красноярск, 2003. – С. 69–77.

общего числа депутатских мандатов, в то время как остальным четырем партиям, прошедшим в парламент (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР и СПС), досталось 38,4% мандатов (см. табл. 2.2).

О закономерности и логичности результатов выборов депутатов регионального парламента в 2007 г. свидетельствует таблица 3.4, в которой представлены результаты двух срезов общественных настроений жителей г. Красноярск [прил. 1; 19 и 38]. Судя по полученным данным, в 2007 г. основными направлениями в работе партии «Единая Россия» респонденты считали: повышение уровня жизни людей, повышение их пенсий и зарплат (51,5%), защиту интересов народа, решение социальных проблем (28,2%), подъем экономики страны (25,2%), наведение порядка, борьбу за справедливость (20,5%).

Как следует из данных таблицы 3.4, остальные политические партии в представлении избирателей мало внимания уделяют работе в их интересах и заняты преимущественно борьбой за власть и конкуренцией с партией власти.

Таблица 3.4

Динамика представлений жителей г. Красноярск о том, какие задачи ставят перед собой политические партии в 2007-м и 2016 гг. (% от числа опрошенных)

Задачи партий	ЛДПР		КПРФ		«Справедливая Россия»		«Единая Россия»	
	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.
Повышение уровня жизни людей, повышение пенсий, зарплат	15,9	14,8	13,7	13,3	13,4	6,7	51,5	33,1
Борьба за власть, победа на выборах	54,1	32,4	46,0	41,9	33,4	25,8	31,8	30,5
Защита интересов народа, решение социальных проблем	7,5	8,3	8,5	4,2	9,4	1,7	28,2	21,2
Подъем экономики страны	6,6	5,8	6,5	7,1	8,8	3,4	25,2	20,5
Наведение порядка, борьба за справедливость	9,9	16,2	6,1	9,5	10,3	4,5	20,4	17,7
Собственное обогащение, личные интересы	27,6	21,6	24,7	28,6	17,3	23,4	13,2	16,2
Конкуренция с «Единой Россией»	31,2	19,5	24,5	23,8	18,2	18,3	1,2	0
Затрудняюсь ответить	22,7	18,6	29,8	33,2	41,6	29,1	11,2	17,9
Баланс позитивных и негативных высказываний	-41,8	-8,9	-35,9	-37,6	-8,8	-32,9	+80,8	+45,8

Источник: Данные за 2007 г.: [166, с. 204], за 2016 г.: [285, с. 92–93].

Еще более наглядную картину дает баланс позитивных и негативных высказываний в отношении политических партий¹. У «Единой России» в 2007 г. он оказался положительным и составлял +80,8%, у остальных партий – отрицательным: у ЛДПР – –41,8%; КПРФ – –35,9% и «Справедливой России» – –8,8%. Полученные данные однозначно указывали на будущего победителя выборов – партию «Единая Россия». Ни КПРФ, ни ЛДПР, ни «Справедливая Россия» практически не имели шансов на победу, так как в общественном сознании воспринимались в целом негативно.

Подобный подход имеет значительное преимущество по сравнению с традиционными методиками изучения мотивов голосования за партии. Накануне выборов 2007 г. респондентов просили указать причину поддержки участников избирательной кампании, выбирая из 9 предложенных вариантов ответов², а также используя ответ «затрудняюсь ответить». Усредненный показатель затруднившихся с ответом респондентов по четырем парламентским партиям составил всего 7,8%. Доминирующими мотивами поддержки ЛДПР выступали: я симпатизирую федеральному лидеру (лидерам) этой партии (39,5%), я разделяю программу и лозунги этой партии (38,4%). У КПРФ – эта партия может защищать интересы таких людей, как я (63,3%), у «Единой России» – эта партия способна обеспечить нормальную, достойную жизнь в стране, крае (38,7%), партия имеет будущее, перспективу (36,1%) и партия последовательно проводит политику президента страны (18,9%).

Если обратиться к результатам опроса по всем опрошенным (или усредненный показатель по всем партиям), то лидирующие позиции заняли следующие мотивы: защита интересов простых людей (вариант ответа: эта партия может защищать интересы таких людей, как я, 38,6%) и способность партии обеспечить достойную жизнь в стране и крае (26,3%). Это дополнительно свидетельствует о рациональности электорального выбора избирателей. При этом такие факторы, как поддержка партии известными политиками, личные симпатии федеральным и региональным лидерами партии, ее поддержка знакомыми, родственниками и друзьями являются малозначимыми для избирателей (от 4,7% до 9,7%).

Представленные данные отчетливо указывает на то, что следует делать политическим партиям для достижения успеха на выборах. Другой вопрос: имеют ли большинство

¹ К позитивным высказываниям отнесены: «подъем экономики страны», «наведение порядка, борьба за справедливость», «защита интересов народа, решение социальных проблем» и «повышение уровня жизни людей, повышение пенсий, зарплат». К негативным высказываниям: «борьба за власть, победа на выборах» и «собственное обогащение, личные интересы».

² Варианты ответов: партия может защищать интересы таких людей, как я; партия способна обеспечить нормальную, достойную жизнь в стране, крае; партия имеет будущее, перспективу; я разделяю программу и лозунги этой партии; за эту партию собираются голосовать мои друзья, знакомые, родственники; эта партия последовательно проводит политику президента страны; я поддерживаю эту партию уже длительное время; я симпатизирую федеральному лидеру (лидерам) этой партии; партию поддерживает известный политик.

существующих в Российской Федерации политических партий возможность довести до широкого круга избирателей свою позицию? Иначе говоря, обладают ли они избирательными ресурсами для проведения успешной избирательной кампании? В этом заключается еще один подход для объяснения электорального поведения избирателей и возможность прогнозирования результатов выборов: в экспертной оценке обладания партийными структурами избирательными ресурсами (табл. 3.5) [прил. 1; 20]. Оценки проводились по десятибалльной шкале, где 10 баллов обозначает максимальное значение признака, а 0 баллов – минимальное значение.

Таблица 3.5

**Экспертная оценка ресурсного потенциала политических партий на выборах депутатов
Законодательного собрания Красноярского края в 2007 году (в баллах)**

Избирательные ресурсы политических партий	«Единая Россия»	«Справедливая Россия»	СЕПР*	КПРФ	ЛДПР	«Союз правых сил»	«Демократическая партия России»
Популярность федеральных лидеров партии	9,3	4,4	1,2	6,3	5,8	2,0	0,9
Популярность краевых лидеров партии	9,4	5,1	0,9	4,4	2,6	1,1	0,8
Популярность городских лидеров партии	8,2	3,6	0,7	2,8	1,9	1,3	0,6
Наличие финансовых ресурсов	7,9	3,8	1,6	4,9	5,4	3,2	1,8
Наличие административных ресурсов	9,1	3,2	0,6	4,0	3,0	0,9	1,2
Влияние на телевидение (присутствие на телевидении)	7,8	2,8	0,7	2,7	2,6	0,8	0,3
Влияние на печатные СМИ (присутствие в газетах)	8,2	2,9	2,1	4,2	3,8	2,1	0,6
Наличие команды и активистов	8,2	4,7	0,3	6,6	4,8	2,4	0,1
Способность провести избирательную кампанию на современном уровне	7,9	5,6	2,3	3,8	5,8	3,4	1,2
Поддержка со стороны центральной власти	9,1	3,4	1,8	4,2	5,6	2,0	1,8
Поддержка со стороны руководства Красноярского края	9,2	2,2	2,4	4,6	1,6	1,9	0,4
Поддержка со стороны руководства города Красноярска	9,6	3,9	1,8	2,3	0,9	1,8	1,4
Средний балл по всем позициям	8,7	3,8	1,4	4,3	3,7	1,9	0,9

Примечание. * «Социалистическая единая партия России».

Полученные данные свидетельствуют о значительном преимуществе партии «Единая Россия» в обладании избирательными ресурсами перед другими участниками избирательной кампании. Усредненный балл по 12 исследуемым индикаторам у «Единой России» составил 8,7. Она оказалась абсолютным лидером во всех видах избирательных ресурсов.

У КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» усредненный балл составлял 4,3, 3,7 и 3,8 соответственно, т. е. ниже среднего значения. Эти показатели в 2–2,4 раза ниже, чем у «Единой России». У «Социалистической единой партии России», «Союза правых сил» и «Демократической партии России» усредненный балл колебался в диапазоне от 0,7 до 1,9. Другими словами, три последние партии обладали номинальными избирательными ресурсами и по этой причине не могли включиться в реальную борьбу за голоса избирателей.

Сопоставление ресурсного потенциала политических партий (усредненного балла) с результатами голосования за партии свидетельствует о наличии между ними линейной корреляции: чем выше усредненный балл, тем большее количество избирателей проголосовали за партию, и наоборот. Так, усредненный балл у «Единой России» составлял 8,7, и «единороссы» заняли первое место на выборах по партийным спискам при поддержке 42,7% избирателей. КПРФ располагала вторым по значению усредненным баллом (4,3), и в итоговом протоколе коммунисты заняли второе место (20,3%). В свою очередь усредненный балл у «Социалистической единой партии России» составил 1,4%, за нее проголосовали 1,8% избирателей; у «Демократической партии России» аналогичные показатели составляли 0,9% и 0,7% соответственно.

Представленные данные отчетливо указывают на практическое отсутствие возможностей появления в партийной системе новых политических партий, за единственным исключением: если новая партия не будет поддержана федеральным центром. Наглядной иллюстрацией сказанному служит появление в составе Государственной думы РФ и Законодательного собрания Красноярского края по итогам выборов 2021 г. представителей партии «Новые люди». По оценкам российских экспертов, партия «Новые люди» – это проект Кремля¹.

Существуют и другие подходы к объяснению и прогнозированию политического поведения избирателей. Например, подход, нечасто используемый в политической социологии, основанный на изучении социального самочувствия сторонников политических партий и тех респондентов, которые на момент опроса не определились со своим электоральным выбором.

Расчеты частных и сводных индексов социального самочувствия различных групп избирателей² позволяют не только понять собственно социальное самочувствие сторонников различных политических партий, но и строят реалистичный электоральный прогноз. В таблице 3.6 приведены расчеты, выполненные на основе данных социологического исследования, проведенного накануне выборов 2007 года [прил. 1; 19]. Из полученных данных следует, что

¹ Партия «Новые люди». Новый проект Кремля [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=F9_yuD5jXk (дата обращения: 02.07.2022) ; Проект Кремля или будущая «партия власти»? Что известно о «Новых людях», которые прошли в Госдуму РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://sharij.news/proekt-kremlya-ili-budushhaya-partiya-vlasti-chto-izvestno-o-novyh-lyudyah-kotorye-proshli-v-gosdumu-rf> (дата обращения: 02.07.2022).

² Расчеты индексов социального самочувствия населения представлены в п. 4.3.

частные индексы социального самочувствия сторонников «Единой России» выше по сравнению со всеми опрошенными сторонниками других политических партий и избирателями, не определившимися на момент проведения исследования с электоральным выбором. Вследствие этого сводный индекс социального самочувствия сторонников «Единой России» закономерно оказался самым высоким (+71,7%) по сравнению с перечисленными группами избирателей (+59,9%, +45,7% и +48,% соответственно).

Таблица 3.6

Частные и сводные индексы социального самочувствия сторонников политических партий и избирателей, затрудняющихся указать, за какую партию планируют голосовать на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края в г. Красноярске в 2007 году (% от числа опрошенных)

Индексы социального самочувствия	Все опрошенные	Электорат партии «Единая Россия»	Усредненный электорат других политических партий*	Респонденты, затруднившиеся с электоральным выбором
Индекс складывающейся ситуации	+68,2	+80,3	+45,1	+51,2
Индекс изменения жизни	+52,3	+65,4	+37,8	+44,5
Индекс материального положения	+41,8	+59,7	+26,9	+31,6
Индекс социального оптимизма	+75,8	+81,3	+72,8	+66,7
Сводный индекс	+59,9	+71,7	+45,7	+48,5

Примечание. К другим партиям отнесены КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

Обращает на себя внимание близость социальных показателей среди сторонников других партий и неопределившихся избирателей – +45,7% и +48,5% соответственно. Данное обстоятельство позволило сформировать следующую гипотезу: неопределившиеся избиратели в случае прихода на избирательные участки скорее будут голосовать за одну из трех парламентских партий (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия») или непарламентские партии, чем за «Единую Россию».

Результаты состоявшихся выборов подтвердили данную гипотезу. Партия «Единая Россия», имея значительные преимущества по сравнению с другими участниками избирательной кампании в активности и интенсивности ведения рекламно-агитационной кампании, так и не сумела нарастить число своих сторонников.

Если в середине января 2007 г. за «Единую Россию» планировали голосовать 42,4% респондентов, то по итогам голосования 15 апреля 2007 г. электорат «Единой России» составил 42,7% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании. За всех остальных

будущих участников выборов планировали голосовать 26,6% респондентов, а в день голосования их поддержали более половины избирателей (54,0%). Таким образом, подход, основанный на оценке социального самочувствия различных групп избирателей, может выступать эффективным инструментом в объяснении электорального поведения избирателей.

Анализ электоральной статистики выборов депутатов регионального парламента дает наглядное представление об изменениях в краевой партийной системе за период с 2007-го по 2021 год. Судя по данным, представленным в таблице 3.7, в 2007 г. в Красноярском крае сложилась многопартийная система, состоящая из парламентских партий, в которой доминирующая роль принадлежала партии «Единая Россия» (29 мандатов из 52, или 55,7%).

Таблица 3.7

Распределение депутатских мандатов в Законодательном собрании Красноярского края в партийном разрезе в 2007–2021 годах (количество мандатов, ед.)

Политические партии	Год проведения выборов			
	2007 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.
«Единая Россия»	29	33	37	34
КПРФ	8	8	4	8
ЛДПР	3	4	8	4
«Справедливая Россия»	7	5	1	*
«Союз правых сил»	2	0	0	*
«Патриоты России»	0	0	1	*
«Справедливая Россия – За Правду»	*	*	*	1
«Новые люди»	*	*	*	1
«Зеленые»	*	*	*	1
Самовыдвижение	3	2	1	2
Итого	52	52	52	52

Примечание. * Означает, что данная партийная структура в выборах не участвовала либо не сумела провести своих представителей в парламент.

Источники: Данные за 2007-й и 2021 гг.: [6]; данные за 2011-й и 2016 гг.: [285, с. 112].

На последующих выборах представительство партии власти выросло до двух третей от общего числа мандатов: 33 – в 2011 г., 37 – в 2011 г. и 34 – в 2021 году. Совокупное представительство других парламентских партий устойчиво сокращается: 18 мандатов в 2007 г., 17 – в 2011 г., 13 – в 2016-м и 2021 годах. Обращает на себя внимание незначительная совокупная численность парламентариев, вошедших в Законодательное собрание от непарламентских партий, и независимых депутатов, использовавших механизм самовыдвижения: 5 мандатов в 2007 г. и 4 – в 2021 году.

Несмотря на некоторое снижение популярности партии «Единая Россия» (см. табл. 3.4), она по-прежнему доминирует на выборах, монополизировав большую часть каналов рекрутирования депутатов регионального парламента (табл. 3.8).

**Социально-профессиональный состав депутатов Законодательного собрания
Красноярского края на момент их избрания в партийном разрезе
(% от числа депутатов, избранных от политической партии; 100 % по колонке)**

Социально- профессиональная сфера деятельности	«Единая Россия»			«Справедливая Россия»		
	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.
Исполнительная власть	18,1	7,9	11,1	–	–	–
Законодательная власть	39,4	44,7	44,4	50,0	100,0	100,0
Крупный бизнес	12,1	10,5	5,6	–	–	–
Средний и малый бизнес	21,2	18,4	20,3	25,0	–	–
Бюджетная сфера	9,2	13,2	16,7	–	–	–
Общественные организации	–	5,3	1,9	–	–	–
Пенсионеры	–	–	–	25,0	–	–

Продолжение таблицы 3.8

**Социально-профессиональный состав депутатов Законодательного собрания
Красноярского края на момент их избрания в партийном разрезе
(% от числа депутатов, избранных от политической партии; 100 % по колонке)**

Социально- профессиональная сфера деятельности	ЛДПР			КПРФ		
	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.
Исполнительная власть	–	–	–	–	–	–
Законодательная власть	25,0	25,0	80,0	50,0	50,0	62,5
Крупный бизнес	–	–	–	–	–	–
Средний и малый бизнес	75,0	60,0	20,0	50,0	50,0	37,5
Бюджетная сфера	–	15,0	–	–	–	–
Общественные организации	–	–	–	–	–	–
Пенсионеры	–	–	–	–	–	–

Примечание. Прочерк означает, что партийная структура не имела представительства в указанных социально-профессиональных сферах.

Источник: Подсчитано по: Депутатский корпус [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://www.sobranie.info/deputies.php> (дата обращения: 15.01.2022).

Данные таблицы 3.8 свидетельствуют: депутаты от «Справедливой России», КПРФ и ЛДПР представляют фактически две социально-профессиональные сферы – законодательную власть (депутаты регионального парламента и их помощники) и средний и малый бизнес. В то время как «Единая Россия», как правящая партия, имеет возможность формировать своих сторонников за счет представителей крупного бизнеса, бюджетной сферы, исполнительных органов власти и общественных организаций. В этом отношении партия «Единая Россия» имеет значительные преимущества по сравнению с другими политическими партиями.

«Единая Россия» уверенно доминирует на выборах с использованием мажоритарной избирательной системы, наращивая свое представительство от выборов к выборам: 18 мандатов в 2007 г., 22 – в 2011 г., 23 – в 2016-м и 2021 годах. Для справки: в краевой парламент с

использованием данной избирательной системы проходят 26 человек. Причины этих побед, как показывают результаты проведенных исследований, вполне закономерны и обусловлены влиянием трех основных факторов: партийного, имиджевого и административного ресурса. В п. 3.2. показано, как перечисленные факторы обеспечили победы кандидатов от «Единой России» на выборах депутатов Государственной думы РФ в четырех одномандатных округах, расположенных в Красноярском крае. Аналогичным образом указанные факторы обеспечивают получение мандатов кандидатам от «Единой России» и на выборах депутатов регионального парламента.

Кандидаты от «Единой России», как правило, начинают работать с избирателями в избирательных округах задолго до дня голосования. По мнению местных экспертов, многие будущие победители проводили агитационную работу в течение всего года, предшествующего выборам 2016 года. Для этого по каждому одномандатному округу разрабатывался план организационных и рекламно-агитационных мероприятий, включающий участие будущего кандидата в наиболее значимых мероприятиях, проводимых в муниципальных образованиях, входящих в избирательный округ, его выступления в СМИ, встречи с различными группами избирателей и пр. В этом отношении кандидаты от «Единой России» имеют неоспоримое преимущество перед своими оппонентами. Показательным примером в данном случае служат выборы в 2016 г. в избирательном округе № 1, где уверенную победу одержал В.Ф. Чашин при поддержке 36,9% избирателей. Свою агитационную кампанию он начал проводить за несколько месяцев до выборов. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что, согласно результатам опроса на выходе с избирательных участков, 2/3 избирателей приняли электоральное решение в его поддержку за месяц до дня голосования¹. Иными словами, в общественном сознании В.Ф. Чашин воспринимался как будущий победитель еще до официального начала рекламно-агитационной кампании [прил. 1; 39]. При этом в качестве мотива поддержки будущего победителя избиратели практически не называли проводимую им рекламно-агитационную кампанию, указывая главным образом работу в интересах избирателей, его деловые и личностные качества и популярность среди избирателей.

У «Единой России» как правящей партии имеются широкие возможности для формирования состава своих кандидатов, включая и привлечение в свои ряды независимых и популярных политиков. Так, накануне выборов 2016 г. о действующем депутате от «Единой России» в одномандатном округе № 17 у избирателей округа сложилось противоречивое, неоднозначное мнение. Под флагом партии власти в этом округе было предложено выступать

¹ Злотковский В.И. Результаты повторного выбора депутата городского совета как фактор оценки его деятельности в отчетный период (по данным exit poll 8 сентября 2013 года в г. Красноярске) [Электронный ресурс]// Современ. исслед. соц. пробл. (электронный научный журнал) – 2014. – № 3 (35). – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/1785>.

местному политику, ранее использовавшему на выборах механизм самовыдвижения. Почему ему? Как показали результаты социологического исследования в округе № 17, проведенного за полгода до выборов, именно у А.А Мкртчяна оказались самые высокие личные рейтинговые показатели. Абсолютному большинству респондентов (71,6%) он был в той или иной мере известен, а 40,1% имели о нем положительное мнение [прим. 1; 36]. Отсюда вполне закономерная победа А.А Мкртчяна с поддержкой со стороны 42,3% избирателей.

По иному сценарию осуществлялась работа в одномандатном округе № 11, где планировалось выдвигать в качестве кандидата в депутаты советника губернатора края П.А. Ростовцева. Для обеспечения нужного результата на предстоящих выборах П.А. Ростовцев за 5 месяцев до дня голосования назначается куратором от краевого правительства по г. Ачинску и Ачинскому району. Избирательный округ № 11 как раз и включает в себя указанные муниципальные образования. Как сказано в информационном сообщении о назначении, «куратор будет проводить регулярные встречи с представителями местной власти, принимать жителей и докладывать губернатору о текущей ситуации в каждом закрепленном муниципальном образовании»¹.

Также сообщается, что на встрече с первыми руководителями города П.А. Ростовцев «обозначил несколько тем, которые предложил рассмотреть в ближайшее время, чтобы найти совместное понимание и определить дальнейшие действия. Среди них сбалансированность бюджета и контроль над исполнением социальных обязательств, благоустройство города, подготовка к новому отопительному сезону, программа по капитальному ремонту многоквартирных домов, строительство нового жилья для переселения граждан из ветхого и аварийного и другие»².

Совершенно очевидно, что, располагая столь значительными возможностями по позиционированию перед будущими избирателями, П.А. Ростовцев, чье имя к моменту назначения было известно нескольким процентам избирателей и главным образом в контексте его спортивных достижений как биатлониста [прил. 1; 38], без труда одержал победу в округе при поддержке 36% избирателей.

В целом результаты мониторинговых социологических исследований в сочетании с анализом электоральной статистики позволили диссертанту построить электоральный прогноз за несколько месяцев до дня голосования на предстоящих выборах депутатов регионального парламента в 7 одномандатных избирательных округах, расположенных в г. Красноярске. Прогноз также содержал список партий, которые должны преодолеть пятипроцентный избирательный барьер, и наиболее вероятную явку избирателей. Электоральный прогноз

¹ Павел Ростовцев назначен куратором Ачинска и Ачинского района [Электронный ресурс]. – URL: <https://newslab.ru/news/709946> (дата обращения: 23.06.2017).

² Там же.

публиковался в 1-м номере журнала «Наука Красноярья» за 2016 г.¹ и получил подтверждение в статье, подготовленной по итогам состоявшихся в сентябре 2016 г. выборов в 5-м номере этого же журнала².

Как отмечалось ранее, и в 2016-м, и в 2021 гг. партия «Единая Россия» получила по 23 из 26 мандатов на выборах депутатов регионального парламента с использованием мажоритарной избирательной системы. По оценкам диссертанта, преимущество кандидатов от партии власти перед кандидатами от других партий и независимыми кандидатами столь значительно, что они могли бы побеждать во всех округах. По мнению местных экспертов, партия власти идет на некоторые «уступки» из тактических соображений, имитируя тем самым наличие конкуренции на выборах и многопартийность в парламенте. При этом кандидатуры, вошедшие в парламент не от «Единой России» (3 чел.), по мнению местных экспертов, были предварительно согласованы с руководством региональной партии власти.

Вместе с тем доминирование партии «Единая Россия» в региональном парламенте (2/3 мандатов в парламентах четырех последних депутатских созывов) можно считать политическим феноменом, учитывая, что именно партия «Единая Россия», являясь партией власти, несет ответственность за проводимую в регионе социально-экономическую политику и социальное благополучие граждан. Дело в том, что в указанный период времени заметно ухудшились материальное положение и социальное самочувствие жителей края (см. п. 4.3), устойчиво снижаются оценки населением деятельности губернаторов края (с 2010-го по настоящее время). Более того, губернатор края А.В. Усс в 2020 г. оказался единственным из руководителей региона³, который имеет отрицательный индекс оценки деятельности. Такой же индекс получили и краевое правительство, и краевой парламент [168, с. 87].

И тем не менее, «Единая Россия» не только побеждает, но и сохраняет квалифицированное большинство депутатских мест в региональном парламенте по итогам выборов 2021 года. Это означает: отсутствует прямая зависимость между электоральным поведением граждан на выборах представительных органов власти и их оценками деятельности органов власти, уровнем материальной удовлетворенности граждан и их социального самочувствия.

Но, может быть, граждане каким-то иным способом в ходе выборов выражают свое отношение к происходящим в регионе политическим и социально-экономическим процессам? В поиске ответа на этот вопрос проанализируем изменение численности электоратов ведущих

¹ Злотковский В.И., Целебровский С.А. Выборы депутатов Законодательного собрания Красноярского края – 2016: предварительный прогноз // Наука Красноярья. – 2016. – № 1 (24). – С. 25–40.

² Злотковский В.И., Целебровский С.А. Выборы депутатов Законодательного собрания Красноярского края – 2016: сопоставление электорального прогноза и результатов выборов // Наука Красноярья. – 2016. – № 5 (38). – С. 68–81.

³ Для справки: с 1993 г. пост губернатора Красноярского края занимает уже 8-й руководитель.

политических партий, обратившись к результатам выборов депутатов Государственной думы РФ в Красноярском крае по партийным спискам. Дело в том, что проводить подобный анализ на выборах депутатов Законодательного собрания края не представляется корректным по причине совмещения части из них с федеральными выборами. Так, в 2007 г. региональные выборы проводились отдельно, а в 2011-м, 2016-м и 2021 гг. совмещались с федеральными.

Если проводить анализ результатов голосования на выборах депутатов Государственной думы РФ по партийным спискам в процентном выражении, то складывается впечатление о наличии реальной борьбы политических партий за голоса избирателей. У одних партий это получается на конкретных выборах лучше, у других хуже. К примеру, у ЛДПР устойчиво росло число сторонников с 2007-го по 2016 гг. (с 10,6% до 20,3% соответственно) и снизилось в 2021 г. до 13,6%. У КПРФ уровень поддержки менялся от выборов к выборам. В 2007 г. он составлял 12,8%, в 2011 г. – 23,6%, в 2016 г. – 14,4%, в 2021 г. – 22,8%. В то же время процент голосующих за партию «Единая Россия» после уверенной победы в 2007 г. (60,6%) на последующих выборах заметно снизился и стабилизировался на уровне 35–40% (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Результаты голосования на выборах депутатов Государственной думы РФ по партийным спискам в Красноярском крае в 2007–2021 годах

Политические партии	Год проведения выборов							
	2007 г.		2011 г.		2016 г.		2021 г.	
	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.
«Единая Россия»	60,6	768,0	36,7	397,9	40,5	322,1	34,6	298,3
КПРФ	12,8	160,9	23,6	255,9	14,4	114,7	22,8	196,9
ЛДПР	10,6	133,7	18,4	184,2	20,3	161,3	13,6	117,7
«Справедливая Россия»	7,9	100,1	15,9	171,9	4,7	38,7	–	–
«Патриоты России»	0,9	11,4	1,0	10,8	5,1	41,9	–	–
«Справедливая Россия – За Правду»	–	–	–	–	–	–	6,1	52,5
Другие партии	5,8	73,4	4,1	44,3	12,2	100,2	16,3	140,3

Источник: Данные за 2007–2016 гг.: [285, с. 89–90]; данные за 2021 г.: [6].

Совершенно по-иному выглядят результаты анализа голосования в абсолютных значениях: в количестве избирателей, поддержавших политические партии. Предлагается выделить для анализа период выборов с 2007-го по 2016 гг., а затем отдельно рассмотреть ситуацию по итогам выборов в 2021 году. Итак, в 2007–2016 гг. наблюдается неуклонное снижение числа сторонников партии «Единая Россия». Если в 2007 г. их было 768,0 тыс. чел., в 2011 г. – 397,0 тыс. чел., то в 2016 г. – уже 322,1 тыс. человек. Таким образом, за 9 лет электорат партии власти сократился в 2,4 раза. Одновременно снизилась численность

сторонников КПРФ – с 160,6 до 114,7 тыс. чел., «Справедливой России» – с 100,1 до 38,7 тыс. человек и несколько увеличилась у ЛДПР – с 133,7 до 161,3 тыс. человек.

Данные таблицы 3.4 позволяют понять причины изменений численности электоратов парламентских партий. Так, например, снижение в 2,4 раза числа сторонников партии «Единая Россия» можно объяснить снижением числа избирателей, разделяющих мнение о том, что партия занимается повышением уровня жизни людей, ростом пенсий и заработных плат, защитой интересов народа, решением социальных проблем и подъемом экономики страны. Соотношение позитивных и негативных высказываний о партии за 9 лет снизилось почти в два раза: с +80,8% в 2007 г. до +45,8% в 2016 году.

Крайне неубедительные результаты партии «Справедливая Россия» в 2016 г. объясняются существенным ухудшением значения баланса положительных и негативных высказываний (в 3,7 раза): с –8,8% до –32,9%. В свою очередь улучшение результата ЛДПР обусловлено ростом значения баланса положительных и негативных высказываний (в 4,7 раза): с –41,8% до –8,9%. Рейтинг «соколов Жириновского» вырос за счет того, что в общественном сознании стало складываться впечатление о нацеленности партии на наведение порядка, борьбу за справедливость (9,9% в 2007 г. и 16,2% в 2016 г.). По этому показателю ЛДПР в 2016 г. лишь немного уступала партии власти (17,7%) (см. табл. 3.4).

В целом усредненное соотношение положительных и негативных высказываний в отношении парламентских партий за 9 лет ухудшилось в 5,9 раза: с –5,7% в 2007 г. до –33,6% в 2016 году. Это означает, что у избирателей укрепляется мнение о том, что деятельность парламентских партий все меньше направлена на реализацию их интересов. Отсюда почти двукратное снижение совокупной численности сторонников парламентских партий (с 1162,7 до 636,8 тыс. чел.).

Анализ результатов выборов в абсолютных значениях открывает новые возможности для понимания динамики партийных предпочтений избирателей. Речь идет об изменении соотношения количества избирателей, проголосовавших за «Единую Россию» и другие парламентские партии, изменении количества избирателей, проголосовавших за непарламентские партии, и общего количества избирателей, проголосовавших за политические партии.

2007 год. Избиратели края надежды на улучшение своей жизни связали с консолидацией региональной политической элиты и сделали ставку на «Единую Россию». В абсолютном выражении «единороссы» получили почти в два раза больше голосов избирателей (768,0 тыс. чел.), чем КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» вместе взятые (394,7 тыс. чел.).

2011 год. Избиратели, по всей вероятности, испытывая некоторое разочарование от деятельности партии власти, обратили более пристальное внимание на другие парламентские

партии, вручив им авансом кредит политического доверия. Совокупная доля проголосовавших за КПРФ, ЛДПР и «Справедливую Россию» составила 612,0 тыс. чел. против 397,9 тыс. чел. за «Единую Россию».

2016 год. КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», похоже, не оправдали надежд избирателей. Их совокупный рейтинг сократился почти в два раза: с 612,0 тыс. чел. в 2011 г. до 314,7 тыс. чел. в 2016 году. Продолжилось и сокращение электората партии власти: с 397,9 тыс. чел. в 2011 г. до 322,1 тыс. чел. в 2016 году.

Разочарование деятельностью парламентских партий выразилось не только в снижении уровня поддержки партий (в абсолютных значениях), но и в снижении интереса избирателей к парламентским выборам. Если в 2007 г. явка избирателей на выборах депутатов Государственной думы в Красноярском крае составляла 59,8%, то на последующих – устойчиво снижалась: 49,7% (2011 г.) и 36,5% (2016 г.).

Выборы в 2021 г. Явка избирателей по сравнению с предыдущими выборами выросла на 5,1% и составила 41,6%. Но едва ли это дает повод для оптимизма. Повышение активности граждан достигнуто главным образом за счет изменения процедуры голосования. Впервые в избирательной практике Красноярского края голосование проходило в течение трех дней, и у властей имелись широкие возможности для мобилизации граждан.

Несмотря на некоторое повышение явки избирателей, численность электората партии «Единая Россия» снизилась и составила 298,3 тыс. чел., что в 2,6 раза ниже, чем на выборах 2007 года. Сократилось число сторонников ЛДПР (117,7 тыс. чел.) – это самый низкий показатель за весь период наблюдений. В то же время выросло число сторонников остальных парламентских партий, и наиболее значительно – у КПРФ: с 114,7 тыс. чел. в 2016 г. до 196,9 тыс. чел. в 2021 году. Правда, достичь показателя 2011 г. (255,9 тыс. чел.) коммунистам не удалось. Несколько улучшился результат обновленной партии «Справедливая Россия» («Справедливая Россия – За Правду»): с 38,7 тыс. чел. в 2016 г. до 52,5 тыс. чел. в 2021 году. Анализ показывает: зафиксированный рост произошел главным образом за счет объединения с популярной в регионе партией «Патриоты России», которая в 2016 г. получила поддержку со стороны 41,9 тыс. человек.

Обращает на себя внимание устойчивый рост поддержки непарламентских партий. В 2011 г. за них проголосовали 44,3 тыс. чел., в 2016 г. – уже 100,2 тыс. чел, в 2021 г. – 140,3 тыс. человек. Среди последних явно выделяется партия «Новые люди» с поддержкой 67,5 тыс. человек. Все сказанное позволяет утверждать: в период проведения парламентских выборов избирателями осуществляется настойчивый поиск политических сил, которые в наилучшей степени могли бы отстаивать их интересы.

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод: по итогам выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 2007 г. в регионе сформировалась многопартийная система, состоящая из парламентских партий, в которой доминирующая роль принадлежит партии «Единая Россия». Данная партийная конфигурация сохраняется по итогам региональных выборов в 2011-м, 2016-м и 2021 годах. Тревожными факторами выступают: снижение численности электората партии «Единая Россия» в отмеченный интервал времени в 2,6 раза, совокупной численности электоратов парламентских партий почти в 2 раза и снижение активности граждан на этих выборах. Таким образом, можно в целом согласиться с утверждением П.М. Козыревой и А.И. Смирнова о том, что значительная часть населения в настоящее время не доверяет любым политическим партиям. Они не верят в их способности найти и реализовать оптимальные решения наболевших социально-экономических проблем, которые соответствовали бы интересам большинства российских граждан [191, с. 18; 193, с. 92].

Все это создает риски делегитимизации существующей партийной системы. Дальнейшее развитие событий во многом будет зависеть от того, сумеет ли партия «Единая Россия» переломить негативный тренд в устойчивой тенденции снижения ее популярности. От того, смогут ли КППРФ и «Новые люди» оправдать мандат доверия, выданный им на последних выборах. А также от того, появятся ли новые политические силы, которые будут в наибольшей степени соответствовать ожиданиям избирателей. Очевидно, следует более внимательно прислушаться к доктору социологических наук В.К. Левашову, считающему, что «нужен переход к новому типу политических партий широкого гражданского участия, которые опирались бы не только на сформированный партийными аппаратами и СМИ имидж лидеров и партий, но и привлекали бы граждан своими рациональными убедительными политическими программами, мобилизовывали их на широкие гражданские действия и поступки» [212, с. 330–331].

3.2. Динамика социальной структуры сторонников политических партий

В данном параграфе предлагается решить следующие задачи. Во-первых, исследовать социальную структуру избирателей, голосующих за политические партии на выборах депутатов Государственной думы РФ. Во-вторых, сравнить социальные портреты сторонников политических партий в Красноярском крае и Республике Хакасия. В-третьих, изучить время принятия электорального решения сторонниками различных политических партий.

Проанализируем социальную структуру сторонников политических партий по результатам опросов на выходе с избирательных участков (exit poll) на выборах депутатов Государственной думы РФ в г. Красноярске, состоявшихся в 2007-м, 2011-м и 2016 годах. Каким образом организовывались опросы на выходе с избирательных участков? Например, 18

сентября 2016 г. исследование проводилось на 25 наиболее типичных в электоральном отношении избирательных участках, которые определялись на основе анализа электоральной статистики предыдущих выборов. Интервьюерам устанавливались квоты по полу и возрасту опрашиваемых, исходя из характеристик респондентов, заявляющих в ходе предвыборных исследований о своем твердом намерении принять участие в голосовании, и квоты по количеству опрашиваемых в конкретные часы, исходя из динамики прихода избирателей на участки на предыдущих выборах. Опрос проводился с 8:00 до 18:00 [прил. 1; 39].

Данные таблицы 3.10 показывают: расхождение между результатами, полученными в ходе опроса на выходе с избирательных участков, и результатами голосования за политические партии незначительные. Это означает: данным exit poll можно доверять. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2011 году. Здесь расхождение результатов опроса на выходе с избирательных участков с официальными данными по партиям колебалось в узком диапазоне от 0,2% до 2,5%¹.

Таблица 3.10

**Сопоставление результатов опроса на выходе с избирательных участков
с результатами голосования по партийным спискам на выборах депутатов
Государственной думы РФ в г. Красноярске 18 сентября 2016 года**

Политические партии	Данные exit poll (% от числа опрошенных)	Результаты голосования (% от числа избирателей, принявших участие в голосовании)
«Единая Россия»	36,7	35,1
ЛДПР	16,6	16,3
КПРФ	10,9	12,5
«Патриоты России»	10,8	11,7
«Справедливая Россия»	6,2	7,3
«Коммунисты России»	2,4	2,8
«Яблоко»	3,1	2,8
«Родина»	2,5	2,4
«Партия пенсионеров»	1,4	1,9
«Зеленые»	1,7	1,9
«Партия Роста»	1,7	1,8

Источник: [285, с. С. 95].

Для лучшего понимания динамики социальных характеристик сторонников политических партий следует обратить внимание на электоральную статистику парламентских выборов, состоявшихся в 2007-м, 2011-м и 2016 гг. (табл. 3.11). Хорошо видно, что уровень электоральной поддержки политических партий от выборов к выборам меняется, и довольно существенно.

¹ Злотковский В.И. Динамика социальной структуры сторонников политических партий (по данным exit poll 2007–2011 гг. в Красноярске) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2 (9), ч. 1. – С. 26

**Динамика голосования за политические партии на выборах
депутатов Государственной думы РФ в г. Красноярске в 2007-м, 2011-м и 2016 годах
(% от числа избирателей, принявших участие в голосовании)**

Политические партии	2007 г.	2011 г.	2016 г.
«Единая Россия»	57,6	31,1	35,1
КПРФ	12,7	24,4	12,5
«Справедливая Россия»	10,1	19,2	7,3
ЛДПР	9,3	15,8	16,3
«Яблоко»	1,7	5,2	2,8
«Патриоты России»	0,8	1,0	11,7
Другие партии	5,9	1,2	12,9

Источник: [285, с. 91].

Так, «Единая Россия» после уверенной победы в 2007 г. (57,6%) на последующих выборах закрепились на уровне 31–35%. КПРФ и «Справедливая Россия» после относительно скромных результатов в 2007 г. (12,7% и 10,1% соответственно) практически в два раза нарастили численность своих сторонников в 2011 г., чтобы растерять их в 2016 году. На этом фоне позитивно выделяется ЛДПР, устойчиво увеличивающая число своих сторонников: 9,3% (2007 г.), 15,8% (2011 г.) и 16,3% (2016 г.).

В таблице 3.12 приведены социальные характеристики сторонников политических партий на выборах депутатов Государственной думы РФ в 2007-м, 2011-м и 2016 годах. Информация о социальной структуре сторонников политических партий в 2007-м и 2011 гг. представлена в авторской публикации¹. Данные за 2016 г. получены в ходе социологического исследования [прил. 1; 39].

В таблице 3.12 отсутствует информация об образовательном уровне сторонников политических партий, так как замер по данному индикатору производился только в 2007 году. Тем не менее, представляется целесообразным использовать информацию о возрастной структуре избирателей при описании социального портрета сторонников политических партий.

Данные, полученные в ходе опросов респондентов на выходе с избирательных участков, позволяют построить социальные портреты сторонников политических партий.

«Единая Россия»

В 2007 г. во всех социальных группах уровень поддержки составлял 50% и выше. Более четко симпатии выражали женщины, молодые избиратели (18–35 лет), лица с высшим образованием, руководители предприятий, организаций, рабочие, гуманитарная и техническая интеллигенция, студенты и безработные (60% и выше).

¹ Злотковский В.И. Динамика социальной структуры сторонников политических партий (по данным exit poll 2007–2011 гг. в Красноярске). С. 28–29.

В 2011 г. произошло снижение уровня поддержки в абсолютном большинстве социальных групп. Исключение составили только гуманитарная интеллигенция (63,5% в 2007 г. и 64,3% в 2011 г.). Наибольшие потери зафиксированы среди руководителей учреждений и предприятий (в 6 раз), работников торговли и сферы обслуживания, инженерно-технических работников (в 3 раза), представителей правоохранительной сферы, служащих, молодых избирателей (18–35 лет) и мужчин (в 2 раза). На выборах 2016 г. половозрастные характеристики сторонников партии мало отличаются от аналогичных характеристик избирателей, проголосовавших за партию власти в 2011 г., в отличие от их социально-профессиональных параметров. Выросла поддержка со стороны руководителей предприятий, организаций (с 11,1% в 2011 г. до 38,0% в 2016 г.), служащих учреждений и предприятий (32,9% и 38,9% соответственно) и сотрудников правоохранительной сферы (25,0% и 33,2%).

Таблица 3.12

Динамика социальной структуры сторонников политических партий на выборах депутатов Госдумы РФ по партийным спискам в г. Красноярске в 2007-м, 2011-м и 2016 гг. (по данным exit poll; % от числа опрошенных)

Социальные группы	«Единая Россия»			ЛДПР			КПРФ		
	2007	2011	2016	2007	2011	2016	2007	2011	2016
<i>Пол</i>									
Мужской	53,5	28,7	31,4	12,9	20,6	16,0	13,1	23,7	13,7
Женский	63,2	36,1	37,5	5,7	12,7	16,4	11,7	24,8	11,2
<i>Возраст (лет)</i>									
18–24	66,7	30,9	31,5	10,7	37,5	18,4	3,9	10,7	7,7
25–35	64,3	31,2	31,7	11,4	21,2	18,6	6,2	12,3	9,3
36–50	28,4	34,2	33,9	10,3	12,2	16,9	9,0	25,6	9,5
51–60	60,0	28,4	36,5	8,3	17,0	16,4	15,0	28,4	11,6
60 и старше	50,8	36,2	33,6	4,7	8,3	14,3	24,9	33,3	19,4
<i>Род занятий</i>									
Руководитель	66,7	11,1	38,0	12,5	33,3	20,1	6,3	11,1	3,5
Инженерно-технические работники	62,4	28,6	17,6	9,9	14,3	8,4	5,0	35,7	8,2
Служащий	61,1	32,9	38,9	8,1	12,5	16,7	11,0	25,0	9,9
Сотрудник правоохранительной сферы	59,6	25,0	33,2	9,2	0	11,2	12,8	25,0	8,8
Рабочий	65,1	35,4	31,6	6,4	20,2	16,5	10,2	19,2	12,7
Домохозяйка	54,1	46,2	40,7	14,6	19,2	19,2	8,7	7,7	8,8
Предприниматель	62,9	38,2	34,9	8,1	8,8	18,4	3,3	29,4	6,7
Работник торговли, сферы обслуживания	62,4	20,8	19,6	13,2	37,5	15,9	7,3	20,8	9,0
Студент	64,5	38,6	32,9	9,6	27,3	15,3	4,3	6,8	7,1
Пенсионер	53,5	33,9	31,8	4,2	9,8	14,9	23,4	35,6	17,2
Гуманитарная интеллигенция	63,5	64,3	40,2	5,2	14,3	15,2	8,8	21,4	8,5
Безработный	70,3	42,9	31,6	7,8	14,3	15,9	4,7	7,1	12,1
Иное	59,6	11,1	24,7	10,1	22,2	17,1	10,1	22,2	9,7

Источник: [285, с. 96–97].

Продолжение таблицы 3.12

**Динамика социальной структуры сторонников политических партий на выборах депутатов
Госдумы РФ по партийным спискам в г. Красноярске в 2007-м, 2011-м и 2016 гг.
(по данным exit poll; % от числа опрошенных)**

Социальные группы	«Справедливая Россия»			«Патриоты России»			«Яблоко»		
	2007	2011	2016	2007	2011	2016	2007	2011	2016
<i>Пол</i>									
Мужской	9,2	16,7	6,3	0,9	1,6	13,3	1,7	6,0	3,5
Женский	10,4	20,2	7,7	0,8	0,9	10,7	1,4	3,3	2,3
<i>Возраст (лет)</i>									
18–24	7,6	22,2	4,5	0,7	1,8	15,6	1,3	5,4	5,4
25–35	9,2	14,3	4,9	0,5	2,7	12,4	1,7	6,8	3,1
36–50	10,8	17,9	8,2	0,6	1,2	11,3	2,1	3,5	2,1
51–60	10,2	19,3	6,5	0,6	1,1	12,3	0,8	4,5	1,4
60 и старше	10,9	18,1	5,1	1,8	0	12,2	1,0	2,1	1,7
<i>Род занятий</i>									
Руководитель	6,3	22,2	5,4	0	0	8,6	0	0	3,6
Инженерно-технический работник	8,5	14,3	4,4	0	0	10,5	7,1	7,1	2,7
Служащий	9,2	17,9	8,6	0,7	1,8	9,7	2,1	7,1	3,0
Сотрудник правоохранительной сферы	6,4	50,0	5,6	0	0	15,3	1,8	0	0,1
Рабочий	9,5	20,0	6,3	0,5	0,8	8,9	1,0	3,8	1,4
Домохозяйка	8,7	21,2	7,8	0,6	1,9	10,2	1,2	1,9	1,8
Предприниматель	7,9	11,8	10,9	1,3	5,9	14,1	2,0	2,9	5,4
Работник торговли, сферы обслуживания	10,7	20,8	7,5	0	0	10,3	1,3	0	2,9
Студент	8,3	15,9	4,6	0,6	2,3	15,4	1,3	9,1	7,1
Пенсионер	10,2	17,2	7,4	1,8	0	10,6	0,8	3,4	2,5
Гуманитарная интеллигенция	13,7	0	8,1	0,8	0	10,4	2,0	0	3,2
Безработный	14,1	14,3	6,4	0	0	9,2	1,6	13,4	1,9
Иное	13,1	27,8	5,2	1,0	5,6	6,7	1,0	5,6	4,6

В то же время в остальных социально-профессиональных группах продолжилось снижение поддержки, и в наибольшей степени среди гуманитарной интеллигенции (работники образования, здравоохранения, культуры): с 64,3% в 2011 г. до 40,2% в 2016 году.

Если сравнивать электораты «Единой России» за прошедшие девять лет, то наибольшие потери партия понесла среди инженерно-технических работников (в 3,5 раза), работников торговли и сферы обслуживания (более чем в 3 раза), избирателей в возрасте 18–24 лет и 25–36 лет, гуманитарной интеллигенции, студентов, рабочих и безработных (в 2 раза). В 1,8 раза снизилась поддержка со стороны предпринимателей, в 1,5 раза – среди избирателей среднего возраста (36–50 лет) и старших возрастных групп (50 лет и старше). Вместе с тем, несмотря на довольно существенные потери, партия сумела сохранить ведущие позиции во всех социальных группах избирателей, оставаясь доминирующей партией в политическом пространстве региона.

ЛДПР

В 2007 г. электорат партии представляли главным образом мужчины в молодом и среднем возрасте, практически вне зависимости от уровня образования и профессиональной принадлежности.

В 2011 г. основной прирост электората партии произошел за счет самых молодых избирателей (18–24 года), руководителей учреждений и предприятий, работников торговли и сферы обслуживания (поддержка в указанных группах выросла в 3 раза). Зафиксирован также двукратный рост количества сторонников партии из числа гуманитарной интеллигенции и безработных. В 2016 г. социальная структура сторонников партии удивительным образом выровнялась: в абсолютном большинстве социальных групп уровень поддержки колеблется в диапазоне от 14% до 18%. Иначе говоря, поддержка партии стала мало зависеть от пола, возраста и рода занятий избирателей. Обращает на себя внимание относительно высокий уровень поддержки среди руководителей предприятий и организаций (20,1%). По этому показателю партия уступает лишь «Единой России».

Укрепление позиций партии по всех социальных группах позволяет говорить о возрастании ее влияния на политические процессы в обществе. Партия по итогам выборов 2016 г. сумела стать второй по значимости политической структурой (после «Единой России») в регионе (см. табл. 3.7).

КПРФ

В 2011 г. в 9 раз по сравнению с 2007 г. выросло число сторонников партии среди инженерно-технических работников (до 35,7% от их общего числа) и предпринимателей (до 35,6%), в 2,5 раза – со стороны гуманитарной интеллигенции и работников сферы обслуживания, в 2 раза – служащих и сотрудников правоохранительной сферы. Обращает на себя внимание двукратный рост поддержки среди молодых избирателей в возрасте 18–35 лет и женщин и почти трехкратный – среди избирателей в возрасте 36–50 лет. Среди сторонников партии явно выделялись избиратели с низким образовательным уровнем и лица старших возрастных групп (50 лет и старше). Зафиксирована тенденция: по мере увеличения образовательного уровня избирателей поддержка партии снижается.

После относительного успеха на выборах 2011 г. численность электората партии на выборах 2016 г. сократилась в два раза (12,5%). Наибольшие потери зафиксированы среди предпринимателей и инженерно-технических работников (в 4 раза), сотрудников правоохранительной сферы, руководителей учреждений и предприятий (в 3 раза), избирателей в возрасте 50 лет и старше, пенсионеров (в 2 раза). В то же время представительство партии выросло в трех социально-профессиональных группах: среди безработных (в 1,5 раза), среди студентов (6,8% в 2011 г. и 7,1% в 2016 г.) и домохозяйек (7,7% и 8,8% соответственно).

Как и на предыдущих выборах, в 2016 г. четко прослеживается тенденция: по мере увеличения возраста избирателей растет поддержка партии. Мужчины и женщины на протяжении всего периода исследования примерно в равной степени симпатизируют партии.

Все эти данные свидетельствуют о том, что партия является активным и влиятельным участником политического процесса, сумев создать прочную социальную базу поддержки, заметно превышающей пятипроцентный рубеж во всех социальных группах. А с учетом доминирования в составе партии малообразованных (а значит, и бедных), пожилых избирателей, принимая во внимание тенденцию последних лет, связанную со старением жителей России и снижением их материального положения и социального самочувствия, электоральные перспективы КППРФ с высокой долей вероятности будут возрастать.

«Справедливая Россия»

На выборах 2011 г. в семь раз выросла поддержка со стороны представителей правоохранительной сферы. Это самый высокий показатель среди всех политических партий на тот момент. В 3 раза выросла поддержка со стороны руководителей: с 6,2 до 22,2 % соответственно (по этому показателю партия уступала только «Единой России»), в 2 раза – со стороны служащих, рабочих, работников сферы обслуживания и студентов.

За партию в 2011 г. проголосовал каждый пятый молодой избиратель (18–24 года) и избиратель старших возрастных групп (51–60 лет и 60 и старше). В образовательном отношении партию чаще поддерживали лица с высоким образовательным уровнем (неоконченное высшее и высшее образование). На выборах 2016 г. партия понесла существенные потери практически во всех социальных группах. От партии отошли прежде всего работники правоохранительной сферы (сокращение в 9 раз). В 5 раз сократилось число сторонников среди молодых избирателей (18–24 года), в 4 раза – среди руководителей учреждений и предприятий, в 3,5 раза – среди избирателей старшей возрастной группы (60 лет и старше), в 3 раза – среди инженерно-технических работников. Поддержка в абсолютном большинстве остальных социально-профессиональных групп стала колебаться в диапазоне от 4,0–8,0%.

Анализ выборов 2016 г. в разрезе возрастных характеристик показывает, что партию несколько чаще поддерживают избиратели среднего возраста (36–50 лет, 8,2%) и реже – молодые (4,5%) и самые пожилые избиратели (60 лет и старше) (5,1%). Образовательная структура сторонников несколько расширяется среди лиц со средним, средним специальным и неоконченным высшим образованием и сужается среди лиц с начальным и высшим образованием. Женщины немного больше симпатизируют партии по сравнению с мужчинами.

Представленные данные свидетельствуют о значительном сокращении числа сторонников партии в 2016 г. по сравнению с 2011 г. и существенных потерях в абсолютном

большинстве социальных групп избирателей. Вместе с тем партия сумела сохранить численность электората, необходимую для преодоления пятипроцентного избирательного барьера, и в этом отношении заявляет себя в качестве устойчивой политической структуры, чьи представители присутствуют в составе Государственной думы РФ трех последних созывов.

«Патриоты России»

Обращает на себя внимание практически равная поддержка партии в 2016 г. в социальных группах вне зависимости от пола, возраста и рода занятий избирателей (от 9% до 13%). Не может не удивлять относительно высокая доля в составе сторонников партии сотрудников правоохранительных органов (15,3%), учитывая оппозиционные настроения лидера партийного списка А.П. Быкова. Доля данной социально-профессиональной группы в составе сторонников партии выше, чем у КПРФ (8,8%), ЛДПР (11,2%), «Справедливой России» (5,6%) и ниже только по сравнению с «Единой Россией» (33,2%). Повод, как говорится, для размышлений. Успех «Патриотов России» в 2016 г. – это реакция избирателей на активную поддержку партийного списка со стороны популярного краевого политика в лице экс-владельца Саянского алюминиевого завода А.П. Быкова. Поэтому дальнейшие перспективы партии в крае в значительной степени зависят от его участия / неучастия в последующих выборах.

«Яблоко»

Наибольшую поддержку в 2011 г., в год преодоления пятипроцентного избирательного барьера, партия получила со стороны безработных (13,4%), студентов (9,1%), инженерно-технических работников, служащих государственных и частных учреждений и предприятий (по 7,1%) и молодых избирателей – 18–24 лет (5,4%) и 25–35 лет (6,8%). Сторонники партии – это главным образом лица с высшим образованием. На выборах в 2016 г. численность электората «яблочников» сократилась в 2 раза. В их составе несколько выделялись студенты (7,1%), предприниматели (5,4%) и молодые избиратели в возрасте 18–24 лет (5,4%). В остальных социальных группах поддержка партии, как правило, не превышала 3%. Представленные данные позволяли выразить серьезные сомнения в способности партии на последующих выборах преодолеть пятипроцентный избирательный барьер. Данный прогноз подтвердился: на выборах 2021 г. за партию проголосовали всего 0,7% избирателей.

Полученная социальная структура сторонников политических партий на федеральных выборах подтверждается также результатами опросов на выходе с избирательных участков на выборах депутатов региональных парламентов двух субъектов РФ: депутатов Законодательного собрания Красноярского края в 2007–2016 гг. [прил. 1; 39] и депутатов Верховного Совета Республики Хакасия (ВСРХ) в 2009 г. [прил. 1; 23].

Не может не удивлять близость социальных характеристик избирателей, проголосовавших за политические партии на выборах депутатов Государственной думы РФ 2

декабря 2007 г. в г. Красноярске и на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 года. Для примера обратимся к социальной структуре партии «Единая Россия». В публикации «Exit poll на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 годы»¹ представлена информация о социальных портретах сторонников политических партий, преодолевших пятипроцентный избирательный барьер. Для справки: за «Единую Россию» проголосовали 57,3% избирателей, принявших участие в голосовании².

Итак, во всех социальных группах поддержка партии власти в Хакасии превышает 50%. При этом женщины больше симпатизируют партии, чем мужчины (66,9% против 53,1% соответственно). Возрастная структура сторонников расширяется среди молодых избирателей (18–24 года – 72,6% и 25–36 лет – 66,8%) и сужается в группе пожилых людей (60 лет и старше – 53,8%). Среди социально-профессиональных групп наиболее высокий уровень поддержки наблюдался среди руководителей (78,0%), безработных (71,3%), студентов (69,5%), гуманитарной интеллигенции (69,8%) и наиболее низкий – среди пенсионеров (52,3%). Как видим, социальные характеристики сторонников «Единой России» в соседних субъектах РФ очень близки между собой (см. табл. 3.12). Данное обстоятельство удивительно по трем причинам. Во-первых, сравнение данных проводилось на выборах разного уровня: в Красноярске – депутатов российского парламента, в Хакасии – республиканского парламента. Во-вторых, разнесение выборов по времени: в Красноярске – в декабре 2007 г., в Хакасии – в марте 2009 г., т. е. спустя 1 год и 3 месяца. В-третьих, и это главное, – наличие существенных различий между двумя субъектами РФ в территориально-государственном устройстве, социально-экономическом, политическом, культурном, национальном и ином развитии. Размышление на эту тему позволяет предполагать: построение политических партий в современной России происходит не столько исходя из общности интересов различных социальных групп избирателей, сколько на ментальном уровне, на представлениях граждан о роли и месте в политической системе правящей политической партии. Похоже, до настоящего времени так и не сформировались сколько-нибудь значительные социальные группы, способные артикулировать и отстаивать свои интересы с помощью политических партий. Возможно, прав бывший председатель Совета Федерации РФ С.М. Миронов, считающий, что «формула партии в массовом политическом сознании – это партия-государство ...своеобразная «реинкарнация политического монизма» [240, с. 159]. Неслучайно в общественном сознании

¹ Злотковский В.И., Злотковская А.В. Exit poll на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 года. // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 года). – Абакан: Хакас. книж. изд., 2014. – С. 140–145.

² Там же. С. 141.

избирателей только правящая партия в лице «Единой России» воспринимается в целом позитивно.

В 2016 г. в Красноярском крае проводились одновременно выборы депутатов Государственной думы РФ и Законодательного собрания края. В этой связи представляет интерес изучение пересечений электоратов при голосовании по партийным спискам на двух выборах (табл. 3.13).

В федеральных выборах принимали участие 14 политических партий, в региональных – 10. Восемь партий присутствовали в двух избирательных бюллетенях: 4 парламентские партии и 4 непарламентские («Патриоты России», «Родина», «Коммунисты России» и «Яблоко»). Вначале проанализируем ситуацию с парламентскими партиями. Из числа избирателей, проголосовавших за «Единую Россию», ЛДПР, КПРФ и «Справедливую Россию» на федеральных выборах, абсолютное большинство (82,3%) голосовали за те же партии и на региональных выборах. При этом наибольшее число последовательных сторонников партии наблюдалось у КПРФ (89,0%) и «Единой России» (86,5%).

Теперь проанализируем электоральное поведение на региональных выборах 17,7% избирателей, которые на федеральных выборах поддерживали парламентские партии.

Таблица 3.13

**Связь между голосованием за политические партии на выборах депутатов Государственной думы РФ и Законодательного собрания Красноярского края в одномандатном избирательном округе № 55 в 2016 году
(% от числа избирателей, принявших участие в выборах; 100 % по колонке)**

За какую партию на выборах депутатов Законодательного собрания края по партийным спискам вы проголосовали?	«За какую партию на выборах депутатов Государственной думы РФ по партийным спискам вы проголосовали?»						
	«Родина»	«Коммунисты России»	«Российская партия пенсионеров»	«Единая Россия»	«Зеленые»	«Гражданская платформа»	ЛДПР
«Яблоко»	0,1	0	0	0	0,6	1,1	0
КПРФ	0,2	24,8	0,2	2,9	0	0	4,8
«Женский диалог»	0,4	0,4	0	0,8	1,2	0	0,1
«Партия возрождения села»	14,7	0,3	0,3	1,1	1,4	2,9	5,2
«Патриоты России»	1,2	0,6	0,5	1,7	43,6	0,7	9,8
«Единая Россия»	2,3	1,6	66,7	86,5	51,1	49,7	2,0
ЛДПР	0,9	0	26,5	1,9	1,7	44,5	78,6
«Родина»	79,3	0	3,6	0,3	0,1	0,2	0,3
«Коммунисты России»	0	72,3	1,8	0	0	0	0
«Справедливая Россия»	0,9	0	0,4	4,8	0,3	0,9	0,8

Связь между голосованием за политические партии на выборах депутатов Государственной думы РФ и Законодательного собрания Красноярского края в одномандатном избирательном округе № 55 в 2016 году
(% от числа избирателей, принявших участие в выборах; 100 % по колонке)

За какую партию на выборах депутатов Законодательного собрания края по партийным спискам вы проголосовали?	За какую партию на выборах депутатов Государственной думы РФ по партийным спискам вы проголосовали?						
	ПАРНАС	«Партия Роста»	«Гражданская сила»	«Яблоко»	КПРФ	«Патриоты России»	«Справедливая Россия»
«Яблоко»	29,6	25,0	15,6	56,9	0	0,1	0,2
КПРФ	0	22,3	0	0	89,0	0	0
«Женский диалог»	2,6	1,4	0,2	0	0,1	0,3	0,1
«Партия возрождения села»	12,7	21,2	8,2	2,3	1,3	1,6	2,1
«Патриоты России»	19,3	4,7	14,9	13,3	1,7	86,4	7,3
«Единая Россия»	1,7	23,9	29,6	22,9	2,4	9,2	13,4
ЛДПР	15,6	0	17,8	0	0	0,3	1,2
«Родина»	8,7	1,5	4,3	2,9	0,2	0,7	0,7
«Коммунисты России»	0	0	0	0	5,3	0	0
«Справедливая Россия»	9,8	0	9,4	1,7	0	1,4	75,0

Из 13,5% избирателей, проголосовавших на федеральных выборах за «Единую Россию», на региональных выборах треть (или 4,8%) поддержали «Справедливую Россию», воспринимаемую на тот момент избирателями как партию власти под номером 2. Остальные голоса «единороссов» распределились между 6 политическими структурами. Из 11,0% избирателей, проголосовавших на федеральных выборах за КПРФ, на региональных выборах половина (5,3%) отметила в бюллетенях «Коммунистов России». У ЛДПР без малого половина сторонников (9,8%) поддержала «Патриотов России» и еще четверть (5,2%) – КПРФ. У «Справедливой России» половина проголосовали за «Единую Россию» (13,4%).

Теперь рассмотрим предпочтения на региональных выборах тех избирателей, которые на федеральных голосовали за «Российскую партию пенсионеров», «Зеленых», «Гражданскую платформу», ПАРНАС, «Партию Роста» и «Гражданскую силу». Напомним: перечисленные партии отсутствовали в избирательных бюллетенях на выборах депутатов Законодательного собрания края. Примерно половина сторонников партии «Российская партия пенсионеров», «Зеленые» и «Гражданская платформа» проголосовали за «Единую Россию»; вторая половина – либо за ЛДПР, либо за «Патриотов России». У сторонников ПАРНАСа, «Партии Роста» и «Гражданской силы» (совокупная поддержка составила 2,0%) электоральные предпочтения на региональных выборах были размыты. Они чаще отмечали «Яблоко», «Патриотов России», ЛДПР и «Единую Россию» (за исключением сторонников ПАРНАСа).

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о довольно высоком уровне рациональности электорального выбора избирателей, демонстрирующих устойчивость в своих политических предпочтениях. У пятой части сторонников партий, проголосовавших на региональных выборах за другие партии, чем на федеральных, электоральный выбор не является спонтанным, в нем прослеживается логичность.

Полученные данные также дают представление об основных пересечениях электоратов политических партий, например «Единая Россия» и «Справедливая Россия», КПРФ и «Коммунисты России», ЛДПР и «Патриоты России», а это в свою очередь расширяет прогностические возможности социологов. Можно с высокой степенью вероятности предполагать: отсутствие в избирательном бюллетене одной партии повышает электоральные перспективы второй партии, входящей в двойку.

3.2.1. Время принятия сторонниками политических партий электорального решения

Время принятия избирателями решения в поддержку политической партии является важной составляющей, характеризующей авторитет политической партии. Одно дело, когда избиратель изначально знает, за кого будет голосовать, другое – принимает решение в последние дни или даже непосредственно на избирательном участке. В первом случае имеем дело с осознанным, глубоко продуманным электоральным выбором, во втором – с решением, которое в значительной мере подвержено влиянию случайных и ситуативных факторов. Первых обычно называют «твердые, или устойчивые, сторонники» партии, вторых – «нетвердые, или ситуативные, союзники». Политический вес партии во многом зависит от того, насколько велика доля твердых сторонников в ее составе.

Из таблицы 3.14 хорошо видно, что усредненная доля избирателей, которые сразу знали, за кого следует голосовать, от выборов к выборам сокращается: 73,2% (2007 г.), 63,0% (2011 г.) и 35,1% (2016 г.).

Таблица 3.14

Время принятия электорального решения в поддержку политических партий на выборах депутатов Государственной думы РФ в г. Красноярске в 2007–2016 гг. (% от числа избирателей, принявших участие в голосовании)

Время принятия решения	Год проведения выборов		
	2007	2011	2016
Сразу знал, за кого следует голосовать	73,2	63,0	35,1
За месяц до выборов	10,0	17,6	9,8
За две-три недели до выборов	*	7,5	12,0
В последнюю неделю	5,4	3,3	7,6
В день голосования	3,2	6,9	12,6
На избирательном участке	2,1		17,3
Не помню	2,9	1,7	5,5

Примечание. * Обозначает отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: [285, с. 100].

Соответственно растет число избирателей, принимающих электоральное решение в день голосования или непосредственно на избирательном участке: 5,3% (2007 г.), 6,9% (2011 г.) и 29,9% (2016 г.). Можно предположить: откладывание избирателями принятия решения в поддержку партий в 2016 г. связано с большим количеством партий, принимавших участие в выборах (14 против 7 в 2011 г.). Однако против такого довода имеются серьезные возражения. На выборах в 2007 г. принимало участие 11 партий, и сразу знали, за кого следует голосовать 73,2% респондентов, что более чем вдвое больше в сравнении с 2016 г. (29,9%). Судя по данным таблицы 3.15, усредненная доля твердых сторонников в составе парламентских партий в 2016 г. составила 47,5%, что существенно ниже, чем в 2007-м и 2011 гг. (70,5%¹ и 64,8%² соответственно).

Таблица 3.15

**Время принятия электорального решения в разрезе партий на выборах депутатов
Государственной думы РФ в г. Красноярске в 2016 году
(% от числа избирателей, проголосовавших за партию)**

Политические партии	Время принятия решения						
	Сразу знал, за кого следует голосовать	За месяц до выборов	За две-три недели до выборов	В последнюю неделю	В день голосования	На избирательном участке	Не помню
«Единая Россия»	61,8	7,6	4,6	6,9	5,1	4,8	7,4
ЛДПР	49,4	12,7	6,3	10,1	3,8	11,4	5,1
КПРФ	53,5	8,3	8,7	9,6	3,7	10,3	5,5
«Патриоты России»	52,7	12,3	11,0	4,8	4,1	7,5	5,5
«Справедливая Россия»	32,1	11,3	16,4	11,2	12,3	6,9	9,8
«Коммунисты России»	43,2	11,5	6,0	6,3	8,9	21,1	3,0
«Яблоко»	46,6	6,7	11,7	8,3	0	26,7	0
«Родина»	28,6	9,5	14,3	14,3	4,8	19,0	9,5
«Партия пенсионеров»	35,6	2,4	3,5	4,1	27,2	18,1	9,1
«Зеленые»	6,7	9,3	16,7	13,3	26,3	28,6	0
«Партия Роста»	23,2	30,3	0	19,2	15,1	13,1	0
ПАРНАС	25,0	12,5	12,5	0	14,4	28,1	7,5
«Гражданская платформа»	14,3	0	2,8	5,2	28,6	48,1	0

Среди парламентских партий в 2016 г. наибольшие проблемы испытывала «Справедливая Россия». Только каждый третий сторонник (32,1%) выражал готовность ее поддержать за месяц до голосования. Для мобилизации своих сторонников партии «Справедливая Россия» пришлось проводить весьма активную рекламно-агитационную

¹ Данные получены по результатам социологического исследования в 2007 г. [прил. 1; 39].

² Злотковский В.И. Динамика социальной структуры сторонников политических партий. С. 32.

кампанию с высокой долей популизма. В частности, партия обещала избирателям отменить транспортный налог, освободить от уплаты земельного налога собственников дачных участков до 8 соток, обеспечить доступность и бесплатность медицинской помощи в государственных и муниципальных поликлиниках и больницах, отменить оплату за капитальный ремонт¹.

Как сегодня известно, ничего из перечисленных предвыборных обещаний так и не было выполнено, хотя «Справедливая Россия» и провела своих представителей в Государственную думу РФ. Невыполнение предвыборных обещаний, как и малоэффективная деятельность по защите интересов населения в период между выборами, негативно отражается на рейтингах политических партий и приводит к снижению числа твердых сторонников в составе электоратов партий.

В каких политических партиях наблюдается наибольшее число избирателей, принимающих решение в день голосования или непосредственно на избирательном участке? Ответ на этот вопрос дает таблица 3.15. У «Гражданской платформы» доля таких избирателей составила 76,7%, «Зеленых» – 54,9%, «Партии пенсионеров» – 45,3%, ПАРНАСа – 42,5%. Следует отметить: совокупная численность избирателей, проголосовавших за указанные партии, составила менее 5 %.

Располагая электоральной статистикой и информацией о времени принятия избирателями электорального решения, представляется возможным рассчитать динамику электорального рейтинга партий по мере развертывания избирательной кампании (табл. 3.16).

Таблица 3.16

Реконструкция электорального рейтинга политических партий на выборах депутатов Государственной думы РФ по партийным спискам в Красноярске в 2016 г.

Политические партии	Сразу знал, за кого следует голосовать	За месяц до выборов	Результаты голосования 18 сентября
	% от числа респондентов; данные с нарастанием		% от числа проголосовавших
«Единая Россия»	22,7	25,4	35,1
ЛДПР	8,1	10,5	16,3
КПРФ	6,8	7,7	12,5
«Патриоты России»	6,2	7,6	11,7
«Справедливая Россия»	2,3	3,4	7,3

Согласно данным указанной таблицы, на дальних подступах к выборам, т. е. задолго до дня голосования, в электоральном рейтинге уверенно лидировала партия «Единая Россия» (22,7%). Второе место с большим отставанием занимала ЛДПР (8,1%). Следом расположились

¹ Информационный бюллетень «Справедливая Россия». Красноярский край». – Красноярский филиал ООО «Типография «КП», 08.08.2016. – С. 8.

КПРФ и «Патриоты России» (6,8% и 6,2% соответственно). Пятую строчку в данном рейтинге заняла «Справедливая Россия» (2,3%).

Весьма важный момент: данный партийный рейтинг сохранялся на протяжении всей избирательной кампании и подтвердился по итогам голосования. Первое место с большим отрывом занимает «Единая Россия». Далее идут партии второго эшелона – ЛДПР, КПРФ, «Патриоты России» и «Справедливая Россия». Подобный расклад партийных сил (в отношении парламентских партий) наблюдался и на выборах в 2007-го и 2011 годах.

Представленные данные позволяют говорить о предрешенности результатов выборов в отношении ее победителя – это партия «Единая Россия». Конкуренция существует в специфичной форме – в виде борьбы между партиями второго эшелона в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» за 2–4-е места в итоговом избирательном протоколе.

Аналогичным образом складывалась электоральная ситуация и на выборах 2016 г. депутатов Государственной думы РФ в четырех одномандатных избирательных округах, расположенных в Красноярском крае. В таблице 3.17 представлена ситуация в одномандатном избирательном округе № 55.

Таблица 3.17

**Время принятия электорального решения на выборах депутата Государственной думы
РФ в одномандатном избирательном округе № 55 в 2016 году
(% от числа избирателей, проголосовавших за кандидата; 100 % по горизонтали)**

Кандидаты в депутаты	Время принятия решения						
	Сразу знал, за кого следует голосовать	За месяц до выборов	За две-три недели до выборов	В последнее неделю	В день голосования	На избирательном участке	Не помню
Бабурин Е.А.	25,6	15,4	2,6	10,3	10,3	25,6	10,3
Вычужанин П.В.	68,7	4,3	9,6	3,5	1,7	7,0	5,2
Глисков А.А.	52,0	7,8	5,9	4,6	3,9	17,0	8,8
Гуров А.В.	28,0	14,0	10,0	6,0	6,0	22,0	14,0
Маркерт М.В.	40,9	20,5	4,5	2,3	2,3	22,7	6,8
Пимашков П.И.	67,9	5,8	4,3	2,4	3,5	9,4	6,7
Подоляк Н.М.	11,4	11,4	22,9	11,4	0	31,4	11,4
Серебряков И.А.	53,5	9,3	6,4	9,3	3,5	10,5	7,6
Урдаев А.Ю.	47,8	8,7	8,7	0	4,3	21,7	8,7

Опираясь на данные указанной таблицы и электоральную статистику, представляется возможным реконструировать динамику электорального рейтинга кандидатов. Как видим, П.И. Пимашков, поддержанный «Единой Россией», задолго до дня голосования воспринимался избирателями как будущий победитель выборов (таблица 3.18). Электоральный рейтинг П.И.

Пимашкова еще до начала рекламно-агитационной кампании (на этапе регистрации кандидатов) составлял 27,7%. Это больше, чем у всех остальных кандидатов вместе взятых (19,9%).

Таблица 3.18

Реконструкция электорального рейтинга кандидатов в депутаты Государственной думы РФ в одномандатном избирательном округе № 55 в 2016 году

Кандидаты (субъект выдвижения)	Время принятия решения			Результаты выборов
	Сразу знал, за кого следует голосовать	За месяц до выборов	За день до голосования	
	% от числа респондентов; данные с нарастанием			% от числа проголосовавших
Бабурин Е.А. (ПАРНАС)	0,5	0,8	1,1	2,0
Вычужанин П.В. (КПРФ)	6,9	7,3	8,6	10,0
Глисков А.А. (ЛДПР)	9,5	11,0	12,8	18,3
Гуров А.В. («Коммунисты России»)	0,9	1,3	1,8	3,1
Маркерт М.В. («Справедливая Россия»)	1,7	2,6	2,9	4,2
Пимашков П.И. («Единая Россия»)	27,7	31,0	32,6	40,8
Подоляк Н.М. («Зеленые»)	0,4	0,8	1,8	3,2
Серебряков И.А. («Патриоты России»)	6,2	7,3	8,9	11,6
Урдаев А.Ю. («Родина»)	0,9	1,0	1,3	1,7

Последующий ход избирательной кампании не оказал влияния на итоговый результат выборов: П.И. Пимашков одержал уверенную победу при поддержке 40,8% избирателей. Численность его сторонников более чем в 2 раза превысила количество сторонников кандидата, занявшего 2-е место, – А.А. Глискова (40,8% против 18,3% соответственно) и в 3,5 раза – кандидата, занявшего 3-е место, – И.А. Серебрякова (11,6%). Как видим, в округе не нашлось кандидатов, способных составить реальную конкуренцию кандидату от партии власти.

В данном случае следует отметить важный момент: сторонники политических партий в большинстве своем поддерживали своих партийных кандидатов в одномандатных округах. Так, 61,4% избирателей, поддержавших партию «Единая Россия», проголосовали за П.И. Пимашкова, участвующего в кампании под флагом партии власти. В числе сторонников кандидата от «Справедливой России» М.В. Маркерта оказалось 61,8% избирателей. У И.А. Серебрякова («Патриоты России») аналогичный показатель составил 58,6%, П.В. Вычужанина (КПРФ) – 58,3%, А.А. Глискова (ЛДПР) – 50,8% [285, с. 110]. Таким образом, наличие возможности у избирателей идентифицировать «своих» кандидатов на выборах представительных органов власти следует считать одним из значимых позитивных моментов в деятельности политических партий в современных российских реалиях.

Ситуация с П.И. Пимашковым на выборах депутата Государственной думы РФ в одномандатном избирательном округе № 55 в 2016 г. не является уникальной. Напротив, она типична для всех кандидатов, выдвинутых партией власти в одномандатных округах, расположенных в Красноярском крае (округа 54, 56 и 57). Все они одержали уверенные победы, имея поддержку со стороны избирателей в 2–2,5 раза выше, чем у соперника, занявшего 2-е место по итогам голосования. Примечательно, что 4 будущих победителя выборов получили сопоставимый электоральный результат (от 40,8% до 48,4%), обладая различным уровнем известности и популярности. Так, согласно результатам социологических исследований, проведенных за 2 месяца до выборов, П.И. Пимашков в той или иной мере был известен трем четвертям избирателей округа, и треть ему доверяли как политику. В то же время аналогичные показатели у будущего победителя в округе № 56 В.В. Зубарева составляли 24,7% и 1,9% соответственно.

Возникает закономерный вопрос: почему кандидаты, обладающие столь различными рейтинговыми показателями на старте избирательной кампании, одержали уверенные победы в округах с сопоставимым уровнем поддержки? Подробный ответ на этот вопрос представлен в авторской публикации¹. В данном случае озвучим основные факторы, обеспечивающие победу кандидатам от партии власти. Их три: административный ресурс, имиджевый и партийный факторы. Коротко охарактеризуем каждый из них.

*Административный ресурс*². Партия «Единая Россия», опираясь на ресурс исполнительной власти, во-первых, имеет возможность задолго до дня голосования в самом выгодном свете позиционировать своих кандидатов перед избирателями. Речь прежде всего идет об организации встреч с избирателями, выступлениях в СМИ, участии в различных мероприятиях, проводимых на территории округа, поддержке кандидата со стороны статусных и популярных политиков. Во-вторых, составы избирательных комиссий, которые формируются под контролем партии власти, всегда лояльны к ее кандидатам, демонстрируя при этом твердую принципиальность по отношению к кандидатам от других политических партий и самовыдвиженцам. В-третьих, партия власти обеспечивает сбор средств в избирательные фонды своих кандидатов. Например, избирательный фонд кандидата Ю.Н. Швыткина в округе № 54 составил 14,4 млн рублей против 0,8 млн рублей у всех остальных кандидатов вместе взятых. При этом 98,6% средств фонда кандидата от партии власти составляли добровольные

¹ Злотковский В.И. Электоральное поведение – показатель оценки населением социально-политических процессов в регионе (по материалам социологических исследований в Красноярском крае) // Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, М.И. Бесхмельницына, С.В. Рогачева. – М.: Проспект, 2017. – Вып. № 4. – С. 88–125.

² Под административным ресурсом понимается комплекс мер, предпринимаемых исполнительной властью в рамках действующего законодательства для продвижения своих кандидатов на выборах.

пожертвования физических и юридических лиц. В то время как у его оппонентов добровольные пожертвования составляли всего 0,4%, а 99,6% – партийные деньги.

Ю.Н. Швыткин имел неоспоримое преимущество перед своими оппонентами в агитации посредством печатных изданий (газет), причем задолго начала официальной агитации в СМИ. Так, проведенный анализ показал, что за 2,5 месяца до выборов его фамилия неоднократно упоминалась на страницах государственных и муниципальных газет. Речь идет о таких изданиях, как «Наш Красноярский край» (тираж 42 тыс. экз.), «Канские новости» (38 тыс. экз.), «Городские новости» (г. Красноярск, тираж 36,7 тыс. экз.). Контекст этих упоминаний связан с актуальными событиями в жизни городов и районов, входящих в состав избирательного округа, с социальными проблемами, актуальными для населения. Фамилия Ю.Н. Швыткина звучит в связке с ведущими представителями краевой политической элиты: губернатором, министрами краевого правительства, главами органов местного самоуправления, руководителями силовых ведомств, в частности, УВД края, известными красноярскими спортсменами и др.

Имиджевый фактор. Существует множество теорий, объясняющих электоральный выбор избирателей. Одна из них исходит из того, что избиратели имеют определенное представление о желательном народном избраннике и совершают выбор, сравнивая его с участниками избирательной кампании. В этом случае преимущество имеет тот кандидат, который более других соответствует образу желаемого народного избранника. По оценкам диссертанта, кандидаты от «Единой России» (двое действующих депутатов Государственной думы РФ, заместитель председателя краевого правительства и председатель комитета Законодательного собрания края) ближе к образу желательного депутата, чем их менее статусные оппоненты от других политических партий. Например, «единоросс» Ю.Н. Швыткин в округе № 54 имел оппонентов в лице трех представителей среднего или малого бизнеса, двух преподавателей вузов, стажера адвоката, помощника депутата регионального парламента и пенсионера.

Партийный фактор. Как показано выше, существует тесная корреляция между результатами голосования по партийным спискам и за кандидатов, выдвинутых этими партиями. А так как электоральный рейтинг партии «Единая Россия» значительно выше по сравнению с рейтингами других политических партий, то кандидаты-одномандатники от партии власти и в этом отношении также имели значительное преимущество перед другими участниками избирательной кампании.

Осмысление результатов проведенных предвыборных социологических исследований и электоральной статистики позволили диссертанту сделать следующее предположение. Победу на выборах депутатов Государственной думы РФ в одномандатных избирательных округах, расположенных в Красноярском крае, может одержать любой статусный (а возможно, и

нестатусный) кандидат, выдвинутый партией власти, практически вне зависимости от личных рейтинговых показателей на старте избирательной кампании.

Данный прогноз подтвердился на очередных выборах в 2021 году. Кандидаты от «Единой России» А.С. Дроздов (округ № 55) и А.Б. Веллер (округ № 57), не известные абсолютному большинству избирателей до начала избирательной кампании, тем не менее, одержали уверенные победы, как и два действующих депутата – Ю.Н. Швыткин (округ № 54) и В.В. Зубарев (округ № 56). Предрешенность исхода выборов означает, что претендентам на мандат депутата Государственной думы РФ не обязательно завоевывать доверие избирателей. Достаточно заручиться поддержкой со стороны региональной партии власти. Подобное развитие событий на выборах все в меньшей степени устраивает избирателей. Неслучайно усредненный уровень поддержки будущих победителей выборов в четырех одномандатных округах снижается: 43,6% (или 85,4 тыс. избирателей) в 2016 г. и 34,3% (или 71,7 тыс. избирателей) в 2021 году. И это несмотря на более высокую явку избирателей на последних выборах по сравнению с предыдущими (41,6% и 36,5% соответственно).

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод: в современных реалиях функционирующие в РФ политические партии в ходе проведения выборов и в период между выборами не в должной мере реализуют многие функции, значимые для демократического общества. Речь, прежде всего, идет об артикуляции, агрегации и представительстве разнообразных интересов населения, контроле институтов власти, легитимации и стабилизации политической системы и конкретных институтов власти. Гражданское общество свое неудовлетворение развитием событий в политической сфере выражает в специфичной форме: через оттягивание принятия электорального решения на выборах, снижение абсолютного уровня поддержки политических партий, а также избирательной активности граждан. Дальнейшее развитие событий на выборах представительных органов власти во многом зависит от того, услышат ли власти предрежащие эти сигналы и последует ли на них адекватная реакция.

3.3. Изменение роли политических партий на муниципальном уровне

По мнению доктора социологических наук Г.А. Цветковой, основными направлениями деятельности политических партий на муниципальном уровне являются «проведение выборной кампании, подбор кадров на общественные должности¹ и вовлечение людей в политику» [335, с. 266]. Оценивая роль политических партий на муниципальном уровне в 90-х гг. прошлого столетия, Г.А. Цветкова сделала вывод об их незначительной роли в проведении выборных кампаний и низком, весьма ограниченном влиянии на подбор депутатских кадров и корпуса

¹ Под подбором кадров на общественные должности подразумевается формирование из депутатов местных представительных органов власти и подбор руководителей органов местного самоуправления.

глав муниципальных образований. Изменилась ли ситуация на местном уровне спустя четверть века? Для ответа на эти и другие вопросы в данном параграфе предлагается решить следующие задачи. Во-первых, проанализировать роль политических партий на выборах представительных органов и глав местного самоуправления Красноярского края и Республики Хакасия. Во-вторых, установить причины побед на выборах депутатов городских и районных советов Красноярского края кандидатов партии «Единая Россия» и проследить влияние на итоговый результат различных факторов.

3.3.1. Изменение роли политических партий на выборах местных представительных органов власти в Красноярском крае

В 2005 г. выборы депутатов городских и районных советов в Красноярском крае проводились в 51 территории (81,0% от общего числа муниципальных образований). В 43 территориях применялась мажоритарная избирательная система с выборами в одномандатных округах. Абсолютное большинство будущих депутатов участвовали в избирательной кампании как независимые кандидаты, используя механизм самовыдвижения или выдвижение группами избирателей. В 2010 г. большинство городов и районов края перешли на смешанную мажоритарно-пропорциональную избирательную систему. Выборы проходили в 54 территориях. Всего было избрано 1084 депутата. На следующих выборах в 2015 г. депутатские мандаты получил 981 человек в 54 муниципальных образованиях. В 2020 г. в 49 территориях избиралось в общей сложности 892 депутата.

Информация о распределении депутатских мандатов в партийном разрезе по итогам трех последних циклов муниципальных выборов представлена в табл. 3.19. Судя по полученным данным, по итогам выборов 2010-го, 2015-го и 2020 гг. на муниципальном уровне в регионе сложилась многопартийная система, представленная парламентскими партиями, которые обладают абсолютным большинством депутатских мандатов: 93,5%, 91,4% и 94,1% соответственно. Доминирующая роль в этой партийной системе принадлежит партии «Единая Россия», располагающей квалифицированным большинством (двумя третями мандатов) по итогам трех избирательных циклов. Таким образом, «Единая Россия» обладает монополией на политическую власть во всех муниципальных представительных органах власти края, начиная с 2010 года.

Сопоставление депутатских корпусов на муниципальном (см. табл. 3.19) и региональном уровнях (см. табл. 2.2) в 2010–2021 гг. в разрезе их партийной принадлежности показывает удивительные совпадения по основным параметрам. В обоих случаях уверенно доминирует «Единая Россия» (63,5–71,2% – на региональном уровне и 65,2–69,6% – на муниципальном

уровне). Партии второго эшелона (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия») владеют примерно четвертью депутатских мандатов.

Таблица 3.19

**Распределение депутатских мандатов в городских и районных советах
Красноярского края по итогам муниципальных выборов в 2010-м, 2015-м и 2020 годах
(% от числа избранных депутатов; 100 % по колонке)**

Субъект выдвижения	Избраны в одномандатных или многомандатных округах			Избраны по партийным спискам			В целом по избранным депутатам		
	2010	2015	2020	2010	2015	2020	2010	2015	2020
«Единая Россия»	77,8	82,4	79,3	58,3	57,5	49,8	68,2	69,6	65,2
КПРФ	6,2	2,8	3,9	17,4	15,6	17,6	11,7	9,3	10,3
ЛДПР	0,4	3,6	5,1	11,2	14,0	20,4	5,8	8,9	12,4
«Справедливая Россия»	3,1	1,5	4,0	12,7	5,5	8,7	7,8	3,6	6,2
Другие партии	0	4,5	1,9	0,4	7,4	3,5	0,2	5,9	2,8
Самовыдвижение	12,5	5,2	5,8	–	–	–	6,3	2,7	3,1

Источник: Эволюция партийной системы на муниципальном уровне в Красноярском крае в 2005–2020 годах // Актуальные проблемы социально-экономического развития России: сб. ст. XII Междунар. науч. практ. конф. / Ред. колл.: С.В. Гришаев, Н.А. Колесникова, Е.Н. Сочнева. – М.: АТиСО, 2022. – С. 14.

Представительство непарламентских партий и независимых депутатов на региональном и муниципальном уровнях незначительное и во многом носит символический характер. Объединяет представительную власть двух уровней и то обстоятельство, что депутаты от других политических партий, за исключением «Единой России», получают мандаты главным образом за счет выборов по партийным спискам – порядка 70–80%.

Таким образом, представленная информация позволяет предполагать: процесс построения партийных систем на региональном и муниципальном уровнях осуществлялся сверху в рамках построения вертикали власти в Российской Федерации.

А была ли возможность для построения на муниципальном уровне иной партийной системы с иным раскладом политических сил? Для ответа на этот вопрос обратимся к результатам выборов депутатов городских и районных советов в тех территориях Красноярского края, где в 2005 г. использовалась смешанная избирательная система. Это города Ачинск, Канск, Зеленогорск, Железногорск, Енисейск, Лесосибирск, Шарыпово и Большеулуйский район Красноярского края.

Всего в избирательной кампании 2005 г. в указанных территориях участвовали 8 политических партий и 6 местных избирательных блоков. Даже беглый взгляд на таблицу 3.20 позволяет утверждать: избирательные кампании проводились в условиях реальной альтернативности и конкуренции. Хорошо видно: избиратели имели возможность выбора

между тремя парламентскими партиями («Единая Россия», КПРФ и ЛДПР), пятью непарламентскими («Народная партия», «Союз правых сил», «Яблоко», «Демократическая партия РФ» и «Аграрная партия») и шестью местными избирательными блоками и объединениями.

Таблица 3.20

**Результаты голосования на выборах депутатов городских и районных советов
Красноярского края по партийным спискам в 2005 году
(% от числа избирателей, принявших участие в выборах)**

Избирательные блоки, объединения	Муниципальные образования							
	Ачинск	Канск	Зеленогорск	Железногорск	Енисейск	Лесосибирск	Шарыпово	Большеулуйский район
«Единая Россия»	10,6	27,8	28,6	19,3	38,0	29,3	21,2	51,7
КПРФ	14,4	20,2	14,0	14,3	21,2	12,0	12,8	13,1
ЛДПР	6,0	–	4,9	10,3	13,4	9,1	4,1	7,1
«Яблоко»	8,1	–	4,7	–	–	–	–	–
«Демократическая партия РФ»	–	4,6	–	–	–	–	–	–
«Аграрная партия России»	–	–	6,1	–	–	–	–	–
«Народная партия РФ»	–	–	9,5	–	–	7,3	–	–
«Союз правых сил»	–	–	–	–	–	–	1,9	–
«Наш Ачинск»	11,1	–	–	–	–	–	–	–
«С верой и надеждой»	26,1	14,0	–	–	–	–	15,1	–
«За Родину – Единый край, за достойную жизнь»	–	11,1	6,8	10,3	–	17,7	24,6	–
«Единый город»	–	–	7,4	–	–	–	–	–
«За честную власть»	–	–	–	16,7	–	–	–	–
«Мой город ЗАТО г. Железногорск»	–	–	–	5,5	–	–	–	–
«Единый край»	–	–	–	–	–	–	–	11,7
Против всех	20,5	19,5	15,9	22,3	24,0	21,4	17,7	12,1

Примечание. Прочерк означает, что избирательный блок, объединение в выборах не участвовали.
Источник: [6].

Избиратели могли выразить свое отношение к местным органам власти, к проводимой им политике посредством поддержки или неподдержки «Единой России», чей партийный список формировали и возглавляли, как правило, местные чиновники и представители бюджетной сферы, чаще гуманитарная интеллигенция. Например, ухудшение отношения избирателей г. Ачинска к деятельности главы города привело к низкому уровню поддержки партии «Единая Россия» в 2005 году. Если в 2001 г. индекс оценки деятельности главы города составлял +12,8% (52,2% респондентов оценивали его деятельность в целом позитивно и 40,4% – в целом негативно), то в 2005 г. этот показатель перешел в отрицательную зону и составил 14,1% (38,5%

позитивных оценок против 52,6% негативных). По этой причине «Единая Россия» получила поддержку всего 10,6% избирателей и заняла 5-ю строчку в итоговом протоколе на выборах с использованием пропорциональной избирательной системы.

Что касается поддержки местных избирательных блоков и объединений, то его уровень напрямую зависел от популярности политиков, поддерживающих или возглавлявших эти структуры. Так, популярный в Красноярском крае политик С.Ю. Глазьев¹ участвовал в избирательной кампании в составе блока «За Родину – Единый край, за достойную жизнь». По итогам голосования блок преодолел 5-процентный избирательный барьер в 5 территориях со средним результатом 14%. Результаты избирательных структур, создаваемых в городах местными политиками² накануне выборов, оказались более скромным. Однако все они преодолели 5-процентный избирательный барьер: «Наш Ачинск» в г. Ачинске, «За честную власть» и «Мой город ЗАТО г. Железногорск» в Железногорске, «Единый город» в г. Зеленогорске. В целом складывалось ощущение, что избиратели давали возможность представителям различных политических структур испытать свои силы в сфере муниципального управления.

Если в целом оценивать результаты выборов по 8 территориям, то усредненный уровень поддержки партии «Единая Россия» составил 28,3%, других политических партий вместе взятых – 27,1%; местных избирательных блоков – 23,1%. Против всех проголосовал каждый пятый избиратель (21,5%). Если учесть результаты голосования в одномандатных округах, то «Единая Россия» получила 30,4% от общего числа депутатских мандатов. Другим партиям вместе взятым досталось 25,1% мандатов, местным избирательным блокам – 25,9%, независимым кандидатам – 18,8%.

Таким образом, результаты выборов 2005 г. позволяют предполагать: на муниципальном уровне складывались условия по формированию многопартийной системы, в которой каждая из партийных структур для получения депутатских мандатов должна была завоевывать доверие избирателей. Специфика выборов заключалась в том, что ведущие краевые и муниципальные представители политической элиты участвовали в избирательной кампании в составе различных избирательных объединений и блоков. Наибольшего результата достигали те структуры, чьи списки возглавляли политики, уже сумевшие доказать свою управленческую и политическую состоятельность. Статус федеральной партии власти не гарантировал успеха на

¹ На выборах губернатора Красноярского края в 2002 г. С.Ю. Глазьев занял третье место при поддержке со стороны 21,4% избирателей и меньше чем на 4% отстал от А.Г. Хлопонина, занявшего второе место в первом туре голосования.

² Например, партийный список блока «Мой город ЗАТО г. Железногорск» возглавили директор средней школы, директор МП ЖКХ и руководитель управления городским отделением Пенсионного фонда РФ. В г. Ачинске первую тройку лидеров списка «Наш Ачинск» составили руководители местного автотранспортного предприятия, строительной организации и предприятия бытового обслуживания.

выборах и должен был подтверждаться реальными достижениями и успехами в деятельности на местном уровне.

Данные таблицы 3.21 дают представление о том, каким образом менялся характер голосования на муниципальных выборах по партийным спискам в указанных территориях, после того как вертикаль власти дотянулась до муниципального уровня.

Таблица 3.21

Динамика уровня поддержки избирательных объединений и блоков на выборах депутатов в городские и районные советы Красноярского края по партийным спискам, в которых использовалась пропорционально-мажоритарная избирательная система в 2005-м и 2010 годах (% от числа избирателей, принявших участие в голосовании)

Избирательные объединения, блоки	Год проведения выборов	
	2005 г.	2010 г.
«Единая Россия»	28,3	47,9
«Справедливая Россия»	–	15,1
КПРФ	15,3	19,2
ЛДПР	7,4	12,4
Другие политические партии	4,4*	1,8**
Местные избирательные блоки	23,1	–
Против всех	21,5	***

Примечание. Прочерк обозначает, что указанные партийные структуры в выборах не участвовали.

* данные взяты из табл. 3.19.

** «Патриоты России» и «Правое дело».

*** позиция «против всех» в избирательных бюллетенях отсутствовала.

Источник: Подсчитано по: [6]

В 2010 г. на первое место уверенно вышла партия «Единая Россия» (47,9%). Вторая половина мандатов (46,7%) досталась представителям других парламентских партий (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»). Представительство непарламентских партий стало носить символический характер (1,8%). Данный расклад политических сил стал возможен по нескольким причинам. Во-первых, за счет объединения всех наиболее влиятельных представителей местной политической элиты вокруг партии «Единая Россия». Во-вторых, по причине запрета на участие в выборах местных избирательных блоков и объединений. В-третьих, по причине вступления в силу федерального закона о политических партиях от 11.07.2001 № 95-ФЗ, который ужесточил требования к созданию и последующей деятельности политических партий.

С учетом выборов с использованием мажоритарной избирательной системы партия «Единая Россия» в 2010 г. получила квалифицированное большинство в городских и районных советах (61,5% депутатских мандатов против 30,4% мандатов в 2005 году). Остальным парламентским партиям вместе взятым досталась треть мандатов (35,6%). В 2005 г. они владели 25,1% мандатов. Доля независимых депутатов сократилась до символического значения 2,9%

(против 18,6% в 2005 г.), что объясняется заметным ужесточением избирательных требований к независимым кандидатам. В результате этого большая часть независимых кандидатов перестала попадать в бюллетени для голосования, отсеиваясь либо на этапе регистрации, либо на последующих этапах избирательной кампании.

Как отмечалось ранее, из числа депутатов городских и районных советов, избранных в 2010 г., исчезли представители местных блоков и объединений. В то время как пятью годами ранее они составляли четверть от общего числа депутатов (25,9%). Наиболее статусные и влиятельные местные политики, принимавшие участие в выборах в составе этих избирательных структур, перешли в партию власти, а нестатусные и невлиятельные политики распределились по остальным парламентским партиям.

Таким образом, полученные результаты наглядно иллюстрируют то, каким образом процесс построения многопартийной системы, развивавшийся естественным образом «снизу», по инициативе «сверху» привел к построению многопартийной системы, состоящей из парламентских партий с доминирующей ролью «Единой России». При внимательном изучении таблицы 3.20 можно разглядеть прообраз этой партийной системы. В Большеулуйском районе Красноярского края в 2005 г. уверенно победила партия «Единая Россия» (51,7%), а кандидаты от КПРФ и ЛДПР совместно получили 20,1% мандатов, в то время как самовыдвиженцам досталось лишь 12,1% мандатов.

Как следует из таблицы 3.19, в 2010 г. партия «Единая Россия» получила две трети депутатских мандатов (68,2%) в городских и районных советах края. Победа была одержана во всех муниципальных образованиях. Различия между представительными органами разных муниципальных образований заключались лишь в том, каким большинством мандатов владели представители партии власти. В одних муниципальных образованиях – простым большинством, в других – квалифицированным большинством мандатов вплоть до 100% результата. Ни в одной территории не наблюдалось даже признаков реальной конкуренции на муниципальных выборах.

Какие факторы и в какой мере оказывали влияние на итоговый результат партии «Единая Россия» на муниципальных выборах? Проследим за влиянием таких факторов, как: уровень социально-экономического развития муниципального образования, эффективность деятельности органов местного самоуправления, оценки деятельности главы муниципального образования со стороны населения, материальное положение и социальное самочувствие граждан, уровень консолидации активистов местного отделения партии «Единая Россия» и используемая избирательная система.

Уровень социально-экономического развития муниципального образования

Данные официальной статистики свидетельствуют о значительных различиях в уровне социально-экономического развития муниципальных образований Красноярского края. К примеру, заработная плата в территориях отличается в четыре и более раз. Охват детей в возрасте от 3-х до 7 лет дошкольными образовательными учреждениями в одних территориях составляет более 75%, в других – менее 30%. В половине муниципальных образований частично или полностью отсутствует регулярное автобусное или железнодорожное сообщение с административным центром. Всего несколько муниципальных образований края – доноры, в то время как все остальные являются дотационными территориями. В значительной части муниципальных образований краевые дотации составляют 70-80% [77].

А так как партия «Единая Россия» побеждает в 2010 г. во всех муниципальных образованиях, то можно сделать парадоксальный вывод: уровень социально-экономического развития муниципального образования и развитость его социальной инфраструктуры не оказывали влияния на итоговый результат «Единой России».

Эффективность деятельности органов местного самоуправления

Логично предположить: чем более эффективно работает местная власть, тем должен быть выше результат «Единой России», олицетворяющей собой партию власти, и наоборот. Вновь обратимся к официальному portalу Красноярского края, на котором краевое правительство размещает сводные доклады о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления. Смотрим сводный доклад за 2010 год. Из числа территорий, в которых проводились муниципальные выборы в этом году, первые строчки в краевом рейтинге в разделе «Городские округа» заняли Сосновоборск, Зеленогорск, Дивногорск и закрытое административно-территориальное образование п. Солнечный. Замыкали рейтинг, то есть относились к числу территорий с наименее эффективным управлением, города Енисейск, Лесосибирск, Боготол и Назарово. В номинации «Муниципальные районы» лидерами являлись Минусинский, Манский, Северо-Енисейский и Емельяновский районы, аутсайдерами – Каратузский, Мотыгинский, Пировский и Козульский.

Теперь сравним распределение депутатских мандатов по итогам выборов среди лидеров и аутсайдеров краевого рейтинга. В табл. 3.22 на основании данных избирательной комиссии Красноярского края подсчитано усредненное число депутатских мандатов по группам городских округов и муниципальных районов. Представленные данные позволяют сделать неожиданный вывод: эффективность деятельности местных властей не влияет на уровень поддержки кандидатов от партии «Единая Россия». Более того, результат «Единой России» оказывается выше в территориях с наименее эффективным муниципальным управлением.

Распределение депутатских мандатов в городских и районных советах Красноярского края по итогам выборов 2010 г. в зависимости от эффективности деятельности органов местного самоуправления (% от общего числа избранных депутатов в группах территорий; 100 % по горизонтали)

Группы муниципальных образований	Механизм выдвижения избранных депутатов		
	«Единая Россия»	Другие партии	Само-выдвижение
<i>Городские округа</i>			
Лидеры краевого конкурса	67,5	18,2	14,3
Аутсайдеры краевого конкурса	78,2	19,2	2,6
<i>Муниципальные районы</i>			
Лидеры краевого конкурса	63,4	32,9	3,7
Аутсайдеры краевого конкурса	68,3	25,6	6,1

Так, в городах-аутсайдерах «Единая Россия» получила 78,2% депутатских мандатов против 67,5% в городах-лидерах краевого конкурса. В муниципальных районах это соотношение составило 68,3% и 63,4% соответственно. При этом в муниципальных образованиях-аутсайдерах не наблюдается рост поддержки кандидатов от других политических партий. Возникает ощущение, что жизнь муниципальных образований и деятельность политических партий протекают в разных, не пересекающихся между собой политических плоскостях, что порождает сомнения в адекватности созданной партийной системы современным политическим реалиям.

Оценки деятельности главы муниципального образования

Непосредственно накануне муниципальных выборов 2010 г. диссертантом проводились исследования в двух территориях – г. Дивногорске (прил. 1; 25) и Иланском районе (прил. 1; 26). И в том, и в другом случаях участники опроса достаточно критично относились к деятельности главы муниципального образования. В Дивногорске доля респондентов, в целом негативно оценивающих деятельность главы города, составляла 66,3%, а индекс оценки его деятельности имел отрицательное значение (-59,2%). В Иланском районе соответствующие показатели составляли 63,9% и -51,5% соответственно. Тем не менее, по итогам выборов в г. Дивногорске «Единая Россия» получила 70,0% от общего числа депутатских мандатов (глава города входил в тройку партийного списка «Единой России»), в Иланском районе – 64,0% при среднем показателе по краю в целом 68,2%.

В сентябре 2011 г. во время проведения краевого социологического исследования [прил. 1; 31] изучалось в том числе отношение респондентов к деятельности глав муниципальных образований. Индекс оценки деятельности глав городов и районов края составил -8,5% (29,0% в целом положительных и 37,5% в целом отрицательных оценок). Опыт социологических

исследований свидетельствует: оценки деятельности руководителей муниципалитетов во времени меняются довольно медленно. Это означает, что оценки в 2010 г. если и отличались от оценок в 2011 г., то незначительно. Все сказанное позволяет сделать предположение: оценки деятельности главы муниципального образования практически не влияют на уровень поддержки кандидатов от «Единой России». Даже негативное восприятие большинством избирателей деятельности руководителя муниципалитета не влечет за собой понижение электорального результата партии власти, чей партийный список на выборах возглавляет даже непопулярный мэр.

Материальное положение и социальное самочувствие населения

Результаты социологических исследований в городах и районах края в 2005 г. выявили довольно существенные различия в материальном положении и социальном самочувствии населения в зависимости от места их проживания. К примеру, сводный индекс социального самочувствия в Енисейском районе составлял +30,0%; в Шушенском районе – +21,0%, а в г. Красноярске – +43,7%¹. Также было установлено: усредненный индекс социального самочувствия жителей сельской местности примерно на треть ниже, чем у городских жителей, и почти в два раза ниже по сравнению с жителями краевого центра.

В ходе краевого исследования 2011 г. [прил. 1; 31] выявленные ранее различия в социальном самочувствии жителей муниципальных образований даже несколько возросли. Однако это никак не отразилось на результатах партии «Единая Россия». На муниципальных выборах в Красноярске в 2008 г. «Единая Россия» получила 73,0% депутатских мандатов, в Шушенском районе в 2010 г. – 81,2%, в Енисейском районе – 61,8%. В целом поддержка «Единой России» в 2010 г. в сельской местности оказалась несколько выше, чем в городах края.

Уровень сплоченности активистов местного отделения партии «Единая Россия»

Здравый смысл подсказывает: чем более консолидированы ряды сторонников партии, чем более мобилизованы на достижение общей цели, тем результат на выборах должен быть выше, и наоборот. В ряде муниципальных образований Красноярского края наблюдался острый конфликт внутри местной политической элиты, в том числе и между депутатами, входящими во фракцию партии «Единая Россия». Наиболее показательным примером служит Абанский район, где члены местного отделения партии «Единая Россия» выразили готовность выйти из

¹ Злотковский В.И. О влиянии СМИ на электоральный выбор избирателей (на примере Емельяновского и Енисейского районов Красноярского края) // Информационно-коммуникационные процессы и особенности функционирования СМИ в региональном медиапространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. в рамках фестиваля «Байкальская пресса – 2014», Иркутск, 6–7 июня 2014 г. / отв. ред. : А.В. Гимельштейн, А.П. Шинкарева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – С. 147.

состава партии из-за несогласия с политикой главы муниципального образования, избранного при поддержке «Единой России»¹.

Напряжения по линиям «глава муниципального образования и депутаты местного совета», «местная власть и предпринимательское сообщество», «местная власть и население» нарастали в течение нескольких лет. Активисты местной партийной ячейки «Единой России» обращались к председателю партии Д.А. Медведеву, местные депутаты – в краевое правительство, жители – к прокурору и депутатам регионального парламента. И, несмотря на раскол в местной политической элите, «Единая Россия» побеждает на досрочных выборах в 2014 г., фактически подтвердив результат предыдущих выборов (66,6% от общего числа мандатов против 70,0% – в 2010 г.). Можно привести и другие аналогичные примеры.

Используемая избирательная система

На выборах депутатов городских и районных советов Красноярского края в 2010 г. в большинстве муниципальных образований применялась смешанная избирательная система. В этих территориях «Единая Россия» получила 68,1% от общего числа депутатских мандатов. В шести муниципальных образованиях выборы проводились с использованием мажоритарной избирательной системы². Здесь кандидаты от «Единой России» получили 68,6% от общего числа депутатских мест. Из представленной информации вытекает: вид используемой избирательной системы практически не влияет на итоговый результат партии «Единая Россия».

Таким образом, представленные данные указывают на наличие политического феномена: партия «Единая Россия» побеждает во всех муниципальных образованиях на выборах местной представительной власти в 2010 году вне зависимости от каких-либо факторов. Аналогичным образом складывалась ситуация и на муниципальных выборах в 2015-м и 2020 годах.

Объяснение данного политического феномена приводилось в параграфе 3.1. Его основной посыл сводится к тому, что только партия «Единая Россия» в общественном сознании воспринимается в целом позитивно, в то время как все остальные партии – в целом негативно. Выделение «Единой России» из числа остальных политических партий можно интерпретировать с позиции особенностей политической культуры россиян. «Единая Россия» воспринимается избирателями не столько как партийная структура, сколько как структура, тесно связанная с исполнительной властью и по этой причине обладающая ресурсами для решения насущных проблем населения. Бывший спикер Совета Федерации РФ С.М. Миронов

¹ 50 членов «Единой России» из Абанского района Красноярского края заявили о выходе из партии [Электронный ресурс]. – URL: <http://krsk.sibnovosti.ru/politics/228732-50-chlenov-edinoy-rossii-iz-abanskogo-rayona-krasnoyarskogo-kрая-zayavili-o-vyhode-iz-partii> (дата обращения: 19.03. 2016).

² Это город Сосновоборск, поселки городского типа Кедровый и Солнечный и сельские районы Дзержинский, Ирбейский и Тюхтетский.

назвал такую партию «партия-государство», имея в виду слияние двух разных институтов в общественном сознании россиян [240, с. 159].

В этих условиях ни одна политическая партия не способна была составить реальную конкуренцию «Единой России» на выборах, что убедительно подтверждается электоральной статистикой и результатами предвыборных исследований. Так, результаты краевого социологического исследования, проведенного за два месяца до муниципальных выборов в 2015 г., отчетливо свидетельствовали о предрешенности результатов голосования на выборах с использованием пропорциональной избирательной системы (табл. 3.23; прил. 1; 35).

Таблица 3.23

**Сопоставление уровня доверия, электорального рейтинга политических партий и результатов голосования по партийным спискам на выборах депутатов городских и районных советов Красноярского края 13 сентября 2015 года
(% от числа опрошенных)**

Политические партии	Уровень доверия		Электоральный рейтинг		Результаты голосования по партийным спискам (%)
	Доля доверяющих	Баланс доверия*	% от числа опрошенных	% от числа активных избирателей**	
«Единая Россия»	66,4	+45,2	45,1	71,6	57,3
КПРФ	29,5	-21,3	8,5	12,6	15,3
ЛДПР	24,1	-32,5	7,4	10,9	13,3
«Справедливая Россия»	16,7	-28,9	2,9	4,3	5,5
Другие партии***	5,3	-38,5	3,6	5,3	8,6

Примечание. * Баланс доверия рассчитывался как разность между числом респондентов, доверяющих и не доверяющих партии.

** К активным избирателям отнесены те, кто заявлял о своем твердом намерении принять участие в голосовании.

*** «Патриоты России», «Родина», «Партия возрождения села» и «Яблоко».

Представленные данные указывают на безусловное лидерство партии «Единая Россия», которой доверяли 2/3 от общего числа респондентов, а баланс доверия имеет положительное значение +45,2%. В то время у остальных политических партий баланс доверия находится в отрицательной зоне: от -21,3% (КПРФ) до -38,5% (у непарламентских партий). Соответственно в электоральном рейтинге от числа активных избирателей «Единая Россия» более чем в 2 раза опережала все политические партии вместе взятые (71,6% против 33,1% соответственно). Это означает, что на муниципальных выборах в Красноярском крае в 2015 г. шансы на победу имела только одна партия – «Единая Россия». Следует отметить два важных момента, характеризующих сторонников партии власти. Во-первых, ее сторонники лидировали практически во всех социальных группах избирателей¹, и во-вторых, их отличала высокая

¹ Мерзликин Н.В., Злотковский В.И. Социальный портрет проголосовавших за политические партии на выборах в Государственную думу // Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная

устойчивость политических предпочтений. Абсолютное большинство из них (около 80%) принимали электоральное решение задолго до официального начала избирательной кампании¹.

Таким образом, осмысление полученной информации позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, выборы депутатов городских и районных советов Красноярского края в 2010-м, 2015-м и 2020 гг. носили формальный характер, где победитель был известен задолго до дня голосования. Во-вторых, гражданское общество не оказывало сколько-нибудь заметного влияния на расклад политических сил на муниципальных выборах даже в тех территориях, где местные органы власти не пользовались популярностью среди населения.

В этом отношении показательным примером служит Мотыгинский район Красноярского края, где иркутские социологи в 2014 г. проводили социологические исследования за год до муниципальных выборов. В ходе исследования выяснилось, что 76% респондентов оценивают работу местных органов власти в целом неудовлетворительно. Важный момент: и глава района, и большая часть местных депутатов являлись выдвиженцами партии «Единая Россия». Тем не менее, на муниципальных выборах в 2015 г. кандидаты от партии «Единая Россия» вновь получили две трети депутатских мандатов [123, с. 127]. При этом, как показал анализ электоральной статистики, две трети из числа избранных парламентариев входили в предыдущий созыв районного совета депутатов. Иными словами, ни они, ни партия «Единая Россия» не понесли ответственности за низкую эффективность работы местного органа власти.

В отличие от выборов представительных органов федерального и регионального уровней на муниципальном уровне весьма проблематично проследить изменения в абсолютных значениях численности сторонников политических партий, так как краевая избирательная комиссия таких данных не предоставляет, а подсчет вручную по всем муниципальным образованиям, тем более в динамике, представляется весьма трудоемким занятием. Поэтому сравнение проводилось по городам, которые применяли смешанную мажоритарно-пропорциональную избирательную систему². В ходе проведенного анализа было установлено: совокупная численность избирателей, голосующих за «Единую Россию», в указанных городах за 10 лет (с 2010-го и в 2020 гг.) сократилась с 60,6 тыс. чел. до 20,4 тыс. человек. Данное обстоятельство свидетельствует об уникальности построенных на муниципальном уровне партийных и избирательных систем, позволяющих правящей партии оставаться у власти, несмотря на сокращение числа ее сторонников в 3 раза.

и социально-политическая ситуация в России в 2011 году : коллективная монография / Г.В. Осипов, В.Д. Кривова, И.Я. Богданов, М.К. Горшков, В.И. Злотковский [и др.] ; под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – С. 161.

¹ Злотковский В.И. Электоральное поведение – показатель оценки населением социально-политических процессов в регионе (по материалам социологических исследований в Красноярском крае). С. 101.

² Это города Красноярского края: Боготол, Ачинск, Бородино, Дивногорск, Енисейск, Железногорск, Канск, Лесосибирск и Шарыпово.

Справедливости ради следует отметить сокращение численности электоратов остальных парламентских партий. Различие лишь в размере этих сокращений. У КПРФ – в 2,1 раза, «Справедливой России» – 2,5 раза. Менее других потеряла ЛДПР: всего 7,9% [168, с. 82]. В общей сложности совокупная численность сторонников парламентских партий в указанный интервал времени уменьшилась в 2,2 раза. В то же время обращает на себя внимание низкая численность сторонников непарламентских партий (7,4% в 2015 г. и 3,5% в 2020 г.).

Принято считать, что с позиции реализации интересов избирателей проведение выборов с использованием мажоритарной избирательной системы является более предпочтительным вариантом по сравнению с выборами, на которых применяется пропорциональная избирательная система. Логика очевидная. В первом случае избиратель, казалось бы, напрямую выбирает своего депутата, в отличие от второго, опосредованного способа, когда он голосует за партийный список, а решение о том, кому достанется мандат, принимают партийные функционеры. Однако специфика выборов с использованием мажоритарной избирательной системы заключается в том, что абсолютное большинство избранных депутатов выдвигаются партией «Единая Россия» (порядка 80% на выборах в 2010-м, 2015-м и 2020 гг.). Следовательно, для получения мандата в одномандатном округе кандидат должен прежде всего заручиться поддержкой со стороны партии власти, чтобы попасть в ее избирательный список, а не завоевывать доверие избирателей. В этих условиях наблюдается весьма тревожная тенденция, фиксируемая результатами предвыборных исследований: собственно процедура выборов местной представительной власти начинает носить формальный характер с заранее предрешенным результатом.

Результаты исследований, проводимые диссертантом в нулевых годах, свидетельствовали: на выборах с использованием мажоритарной избирательной системы мандаты, как правило, получали кандидаты, известные большинству избирателей и обладающие положительным имиджем, т. е. имеющие положительный баланс доверяющих и не доверяющих кандидату [168, с. 83]. В тех случаях, когда избиратели не находили таких кандидатов в бюллетенях, то голосовали против всех. Например, в гг. Ачинске и Канске (четвертом и пятом по численности населения городах Красноярского края) подобная ситуация на выборах в 2005 г. наблюдалась в половине избирательных одномандатных округов. Процедура довыборов депутатского корпуса растягивалась почти на год.

После 2010 г. результаты предвыборных исследований стали фиксировать тревожную тенденцию: на выборах в одномандатных округах все чаще стали побеждать кандидаты, не известные большинству избирателей и не ставшие известными в ходе рекламной агитационной кампании, не обладающие положительным имиджем [168, с. 83]. Более того, оказалось, что действующему депутату для повторного избрания не обязательно в отчетный период

завоевывать доверие своих избирателей. Данное утверждение сделано на основании сопоставления показателей известности и уровня доверия действующих депутатов, избранных повторно, с соответствующими показателями кандидатов, впервые получивших мандат депутата [прил. 1; 5, 35].

Все вышесказанное позволяет сделать следующее предположение: в условиях доминирования одной политической партии выборы с использованием мажоритарной избирательной системы не приближают народного избранника к своим избирателям. Получение кандидатом депутатского мандата (или повторное избрание депутата) зависит не столько от голосования избирателей, сколько от решений партии власти. Поэтому народные избранники в своей деятельности ориентируются не столько на реализацию интересов населения, сколько на выполнение партийных установок, и тому есть множество подтверждений из практики муниципального управления в регионе.

Что касается созданной на муниципальном уровне партийной системы, то, очевидно, следует более внимательно отнестись к позиции французского политолога Ж. Блонделя, склонного считать однопартийной такую систему, где одна партия регулярно набирает более 65% голосов избирателей [317, с. 391]. Судя по данным таблицы 3.18, в Красноярском крае партия «Единая Россия» на муниципальных выборах стабильно превосходит этот показатель. В 2010 г. она получила 68,2% от общего числа мандатов, в 2015 г. – 69,6%, в 2020 г. – 65,2%. Получается, если ориентироваться на позицию Ж. Блонделя, то на муниципальном уровне в Красноярском крае функционирует однопартийная система.

Ранее отмечалось, что одним из направлений деятельности политических партий на муниципальном уровне является вовлечение людей в политику. По мнению доктора социологических наук Г.А. Цветковой, партийные структуры в 90-х гг. прошлого столетия с этой задачей справлялись слабо, лишь несколько активизируясь в период проведения избирательных кампаний. С заходом политических партий на муниципальный уровень связывались большие надежды на повышение активности граждан, и в первую очередь через их участие в муниципальных выборах.

Вновь обратимся к электоральной статистике. Активность избирателей Красноярского края на местных выборах имеет устойчивую тенденцию на снижение. Если в 2005 г. явка избирателей составляла 62,4%, в 2010 г. она снизилась до 39,6%, в 2015 г. – до 29,6%, а в 2020 г. составила всего 24,6% [168, с. 87]. Получается, что за 15 лет активность избирателей на местных выборах снизилась в 2,5 раза. Осмысление этих данных позволяет выдвинуть гипотезу: в настоящее время вовлечение населения в политику, в том числе через повышение его активности на выборах, политические партии не относят к числу приоритетных направлений своей деятельности. При этом причины у политических партий могут быть

разные. К примеру, «Единая Россия» не испытывает в этом потребности, так как одерживает победы на выборах вне зависимости от активности избирателей. У партий второго эшелона – КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» – другие причины. Они отчетливо осознают свою неспособность реальной конкуренции с «Единой Россией» и поэтому не видят смысла в развертывании активной работы среди населения, тем более что у них для этого нет достаточных избирательных ресурсов. А у непарламентских партий крайне незначительные ресурсы для ведения рекламно-агитационной работы среди населения (достаточно посмотреть на финансовые отчеты партий, представляемые в избирательные комиссии); их присутствие в политическом пространстве носит скорее символический характер.

Учитывая явное доминирование партии «Единая Россия» на выборах депутатов городских и районных советов Красноярского края, можно предположить аналогичную ситуацию и на выборах депутатов сельских советов и городских поселений. Выборы данного уровня в 2010 г. проводились в 470 населенных пунктах, где распределялось 4184 мандата. В 2015 г. в 514 населенных пунктах избирался 3641 депутат, в 2020 г. в 369 населенных пунктах – 3254 депутата. «Единая Россия» в 2010 г. получила 70,7% [83], в 2015 г. – 73,9% и в 2020 г. – 72,6%¹.

Доля кандидатов, использующих механизм самовыдвижения, колеблется в диапазоне от 19,6% до 27,5%, кандидатов от других политических партий – от 1,8% до 7,2%. Некоторый рост представителей других политических партий объясняется внедрением в ряде сельских советов смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системы. Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что на уровне сельских поселений преимущество «Единой России» над другими политическими партиями еще выше, чем на уровне городов и районов.

Наглядным примером, иллюстрирующим участие политических партий в выборах депутатов сельских советов, выступает Енисейский район Красноярского края (таблица 3.24). Выборы в Енисейском районе проводятся в 7-мандатных и 10-мандатных избирательных округах. В 2010 г. избирались 205, в 2015 г. – 210, в 2020 г. – 211 депутатов.

Партия «Единая Россия» в 2010 г. получила 161 депутатский мандат (или 78,5%), в 2015 г. – 166 (79,0%) и в 2020 г. – 155 (73,5%). Самовыдвиженцам досталось соответственно 57, 44 и 36 мандатов (или 27,8%, 20,9% и 17,0%). Партия ЛДПР в 2010 г. сумела завоевать один мандат (или 0,5%). В 2015 г. она не имела своих представителей среди сельских депутатов, зато в 2020 г. получила сразу 20 мандатов (9,5%). Столь специфичный партийный состав сельских депутатов выглядит весьма странно, принимая во внимание результаты голосования по партийным спискам на выборах депутатов районного совета.

¹ Данные подсчитаны на основании информации, размещенной на официальном сайте краевой избирательной комиссии [6].

**Динамика депутатских составов сельских советов Енисейского района Красноярского края в разрезе механизма их выдвижения в 2010-м, 2015-м и 2020 годах
(количество избранных депутатов)**

Сельские советы	Механизм выдвижения								
	«Единая Россия»			Самовыдвижение			ЛДПР		
	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Абалаковский	7	10	9	3	–	1	–	–	–
Вернепашинский	9	6	7	1	4	–	–	–	3
Высокогорский	8	8	7	2	2	3	–	–	–
Городищенский	6	7	6	1	–	1	–	–	–
Епищенский	6	7	6	1	–	–	–	–	1
Железнодорожный	5	6	5	2	1	2	–	–	–
Кривлякский	6	5	3	1	2	2	–	–	2
Луговатский	6	7	6	1	–	1	–	–	–
Майский	5	6	3	2	–	2	–	–	2
Маковский	5	4	6	2	3	1	–	–	–
Малобельский	*	7	6	*	–	1	*	–	–
Новгородокский	5	5	6	2	2	1	–	–	–
Новокаргинский	8	6	5	2	4	1	–	–	1
Новоназимовский	9	7	7	1	3	2	–	–	1
Озерновский	8	6	7	2	4	–	–	–	3
Погодаевский	4	6	6	3	1	1	–	–	–
Подгорновский	5	6	7	2	1	–	–	–	–
Подтесовский	4	6	6	6	3	2	–	–	1
Плотбищенский	6	5	7	1	2	–	–	–	3
Потаповский	6	7	4	1	–	2	–	–	1
Сымский	8	6	6	8	1	1	–	–	–
Усть-Кемский	8	5	8	2	5	1	–	–	1
Усть-Питский	6	6	6	6	1	–	–	–	1
Чалбышевский	7	7	7	–	–	–	–	–	–
Шапкинский	6	6	7	4	4	3	–	–	–
Ярцевский	8	9	2	1	1	8	1	–	–

Примечание. Прочерк означает, что кандидаты в депутаты, использующие данный механизм выдвижения, в сельский совет не избирались.

* Означает, что выборы в данном сельском совете не проводились.

К примеру, в 2020 г. за «Единую Россию» проголосовали 42,2% избирателей, за ЛДПР – 27,3%, КПРФ – 14,1%, «Справедливую Россию» – 6,6%. Кроме того, выборы депутатов регионального парламента в 2016 г. продемонстрировали наличие определенного числа сторонников «Партии Возрождения села» (4,7%), «Коммунистической партии «Коммунисты России» (2,6%), «Родины» (2,4%). Получается, политические партии формально располагают определенным количеством потенциальных сторонников, но не могут мобилизовать их в свою поддержку на выборах депутатов сельских советов – самого близкого уровня власти к

населению, где должны решаться многие вопросы их жизнедеятельности. И такая картина наблюдается спустя 10 лет с момента начала функционирования многопартийной системы на региональном и муниципальном уровнях.

Но, может быть, на выборах депутатов сельского совета наблюдался высокий уровень конкуренции, не позволивший кандидатам от других политических партий бороться за победу в округах? Анализ электоральной статистики не подтверждает данную гипотезу. В Енисейском районе во всех избирательных циклах конкуренция сохранялась на низком уровне и колебалась вокруг значения 1,5 кандидата на один мандат. При этом в половине сельских советов число зарегистрированных кандидатов всего на 1-2 человека превосходило число избираемых депутатов. Почему политические партии не пользуются столь благоприятными условиями для получения мандатов депутатов сельских советов? Наиболее реалистичным представляется следующее объяснение. Во-первых, политические партии, за исключением «Единой России», не пользуются популярностью среди населения, поэтому будущие депутаты предпочитают участвовать в выборах либо от партии власти, либо в качестве независимых кандидатов, используя механизм самовыдвижения. Во-вторых, по всей вероятности, политические партии не видят предмета своей деятельности на самом низовом уровне местного самоуправления. Здесь должны решаться вопросы повседневной жизни граждан, а что может предложить политическая партия? Например, что могут предложить КПРФ или ЛДПР на поселковом уровне, когда жители озабочены плохо работающей уличной колонкой с питьевой водой, состоянием тротуаров, проблемами со сбором твердых бытовых отходов, перспективой закрытия единственного в поселке детского сада и т. д.?

Вышесказанное позволяет сделать вывод: созданная на муниципальном уровне партийная система не имеет «корневой системы». Неслучайно известные российские ученые П.М. Козырева и А.И. Смирнов утверждают: «...сегодня ни одна из существующих в России политических партий не имеет массовой социальной базы» [192, с. 83]. Результаты проведенного анализа свидетельствуют: многопартийность на местном уровне поддерживается главным образом за счет «механического эффекта» (введением на выборах голосования по партийным спискам). При этом созданная на муниципальном уровне партийная система, с одной стороны, не развивается, а с другой – численность сторонников действующих партий, составляющих костяк партийной системы (парламентские партии), устойчиво сокращается. Так, электоральная статистика выборов районного совета Енисейского района свидетельствует: численность избирателей, поддерживающих партию власти, снизилась за 10 лет в 3,4 раза. Если в 2010 г. их число составляло 6975, то в 2020 г. – всего 2038 избирателей.

Число сторонников КПРФ снизилось в 3,3 раза (2554 и 776 чел. соответственно). И лишь «соколы Жириновского» сумели сохранить свой электорат (1104 и 1017 чел. соответственно).

Совокупный электорат политических партий, участвующих в распределении депутатских мандатов на уровне Енисейского района («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия») за указанный интервал времени снизился в 2,6 раза: 10633 избирателя в 2010 г. и 4149 избирателей в 2020 году.

3.3.2. Участие политических партий в выборах глав местного самоуправления Красноярского края

Как отмечалось ранее, механизм выборов глав городов и муниципальных районов Красноярского края за последние годы менялся несколько раз. До 2010 г. главы избирались населением. Будущие муниципальные руководители предпочитали использовать в ходе избирательной кампании механизм самовыдвижения, дистанцируясь от политических партий. В 2010 г. происходит массовый переход к выборам руководителей органов местного самоуправления депутатами из своего состава, а в 2015 г. – к выборам депутатами из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией. Комиссия формируется на паритетных началах местными властями и краевым правительством с решающим влиянием последнего.

По результатам исследований, проведенных диссертантом в 2010 г., из 54 избранных глав 53 являлись выдвиженцами «Единой России» [167, с. 18]: в 2015 г. из 57 – 56, в 2020 г. все избранные руководители – это креатуры партии власти. Отсюда следует: чтобы занять пост главы города или района, необходимо, начиная с 2010 г., заручиться поддержкой со стороны региональной партии власти. Без этой поддержки все остальные факторы являются вторичными. Формирование корпуса глав местного самоуправления в Красноярском крае, по сути, стало внутренним вопросом региональной партии власти. Позиция других политических партий, общественности и населения в целом не имеет в этом вопросе существенного значения.

В отличие от выборов глав городов и районов, механизм выборов глав сельских поселений не менялся: они избираются на прямых выборах. В нулевых годах абсолютное большинство избранных глав участвовали в избирательных кампаниях в качестве независимых кандидатов.

Весной 2010 г. проводились выборы глав муниципальных образований административных центров муниципальных районов. Всего избирается 22 руководителя, из них 15 (или 68%) выдвигались партией «Единая Россия», 6 использовали механизм самовыдвижения и 1 являлся сторонником партии «Справедливая Россия» (табл. 3.25). Результаты проведенного исследования по итогам выборов 2010 г. позволили сделать вывод о факторах, влияющих на избирательную активность граждан.

Механизм выдвижения глав муниципальных образований административных центров муниципальных районов и сельских советов Красноярского края, избранных в 2010-м, 2015-м и 2020 годах (% от числа избранных глав; 100 % по вертикали)

Механизм выдвижения	2010 г.	2015 г.	2020 г.
«Единая Россия»	68,2	72,2	79,7
КПРФ	–	1,9	1,6
ЛДПР	–	0,9	–
«Справедливая Россия»	4,5	–	–
Самовыдвижение	27,3	25,0	18,8

Примечание. Прочерк означает, что кандидаты, использующие данный механизм выдвижения, главами не были избраны.

Источник: подсчитано по: [6].

Установлено: материальное положение и социальное самочувствие избирателей напрямую не влияют на активность избирателей и уровень электоральной поддержки руководителя муниципалитета, участвующего в выборах. В то же время на явку избирателей оказывает решающее влияние уровень конкуренции на выборах. Явка существенно повышалась в условиях реальной конкуренции и альтернативности. Например, до 57,0% в п. Тюхтет при средней явке избирателей по всем территориям в 40,5%. И резко понижалась в условиях номинальной конкуренции, когда результаты выборов были предрешены в пользу действующего руководителя (30,0% в п. Краснотуранск)¹.

Примечательно: уровень конкуренции на выборах 2010 г. не связан с деятельностью политических партий, а зависел от участия или неучастия в кампании действующего главы муниципального образования и используемого им механизма выдвижения. Наибольшая активность наблюдалась в тех случаях, когда глава муниципалитета участвовал в выборах как самовыдвиженец, а ему оппонировал кандидат от партии «Единая Россия».

В 2015 г. выбирали 108, в 2020 г. – 68 глав сельских поселений. В обоих случаях уверенные победы одержали кандидаты от «Единой России» – 72,7% и 79,7% соответственно. Совокупная доля кандидатов от партии власти и самовыдвиженцев составила соответственно 97,2% и 98,4%. В этом отношении партийную систему, функционирующую на сельском и поселковом уровне, лишь с высокой долей условности можно называть многопартийной. Она все больше начинает напоминать блок коммунистов и беспартийных советского периода в обновленной версии «блок «единороссов» и независимых».

¹ Активность членов местного сообщества как фактор легитимности органов государственной власти и местного самоуправления / А.И. Бакшеев, В.И. Злотковский, Н.В. Комова [и др.] // Вест. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 3 (25). – С. 138–139.

3.3.3. Участие политических партий в муниципальных выборах Республики Хакасия

Специфика выборов депутатов городских и районных советов в Республике Хакасия заключается в их растянутости во времени. В начале нулевых годов местный депутатский корпус избирался в течение двух лет – с 8 декабря 2002 г. по 26 декабря 2004 года. Выборы проводились в одномандатных избирательных округах. Всего было избрано 262 депутата. Абсолютное большинство будущих депутатов (80,5%) использовали механизм самовыдвижения, 19,5% выдвигались политическими партиями: КПРФ (11,5%), «Единой Россией» (6,1%) и «Народной партией» (1,9%).

Следующие избирательные циклы¹ оказались еще более растянутыми во времени: 2005–2008 гг.; 2009–2013 гг. и 2014–2018 гг. Очередной цикл начат в 2019 г. и еще не закончен.

В таблице 3.26 представлена информация о субъектах выдвижения депутатов городских и районных советов по состоянию на 1 января 2011-го и 2016 годов. В указанные периоды времени представительные органы выдвигали 274 и 283 депутата соответственно. Анализ данных таблицы 3.26 позволяет сделать ряд важных выводов и обобщений. Во-первых, «Единая Россия» и в 2011 г., и в 2016 г. обладала большинством депутатских мандатов в городских и районных советах депутатов – 67,0% и 64,4% соответственно. Во-вторых, механизм самовыдвижения выступает вторым по популярности субъектом выдвижения, которым воспользовался каждый 4-5-й будущий депутат в 2011 г. (23,7%) и каждый пятый – в 2016 г. (21,9%). В-третьих, другие политические партии обладали незначительным числом депутатских мандатов: 9,3% в 2011 г. и 13,7% в 2016 году. Среди них несколько выделяется КПРФ. Представительство ЛДПР, «Справедливой России» и «Патриотов России» незначительно в количественном отношении и фрагментарно представлено в территориях. К примеру, «Патриоты России» в 2016 г. имели своих депутатов только в двух территориях – г. Абакане и Аскизском районе.

Обращает на себя внимание удивительная близость партийной принадлежности муниципальных депутатов в 2011-м и в 2016 годах. Так, по «Единой России» показатели составили 67,0% и 64,4% соответственно, по КПРФ – 7,6% и 7,9%, ЛДПР – 1,1% и 1,5% и т. д. На этом основании логично предположить, что на партийную систему, созданную на муниципальном уровне, не оказывают заметного влияния такие факторы, как: социально-экономическая ситуация в республике и в самом муниципальном образовании, отношение избирателей к деятельности местных органов власти, состав участников избирательной кампании и др.

¹ Под избирательным циклом понимается период проведения выборов представительных органов власти во всех городах и районах республики.

**Субъекты выдвижения депутатов городских и районных советов Республики Хакасия
(по состоянию на 1 января 2011-го и 2016 гг.;
% от числа избранных депутатов; 100 % по колонке)**

Муниципальные образования	«Единая Россия»		КПРФ		ЛДПР		«Справедливая Россия»		«Патриоты России»		Самовыдвижение	
	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.
Городские округа												
Абакан	72,4	91,7	–	5,0	–	–	–	–	–	3,3	27,6	–
Абаза	73,3	66,7	–	–	–	–	–	6,6	–	–	26,7	26,7
Саяногорск	66,7	52,5	29,2	17,4	–	8,6	–	4,3	–	–	4,1	17,2
Сорск	78,5	80,0	–	–	7,1	–	–	–	–	–	14,4	20,0
Черногорск	76,0	82,1	8,0	10,7	–	3,6	–	3,6	–	–	16,0	–
Муниципальные районы												
Алтайский	56,5	76,5	17,4	–	–	–	–	–	–	–	26,1	23,5
Аскизский	47,1	58,0	14,7	21,0	2,9	2,6	–	–	–	18,4	35,3	–
Бейский	71,4	53,3	–	–	–	–	–	–	–	–	28,6	46,7
Боградский	57,9	44,4	5,3	22,2	–	–	–	–	–	–	36,8	33,4
Орджоникидзевский	73,3	46,7	–	–	–	–	6,7	13,3	–	–	20,0	40,0
Таштыпский	57,1	63,1	14,3	21,0	4,8	5,3	–	–	–	–	23,8	10,6
Усть-Абаканский	71,4	63,2	9,5	–	–	–	–	–	–	–	19,1	36,8
Ширинский	70,0	58,8	–	5,9	–	–	–	5,9	–	–	30,0	29,4
Среднее значение	67,0	64,4	7,6	7,9	1,1	1,5	0,5	2,6	–	1,7	23,7	21,9

Примечание. Прочерк означает, что представители данной партийной структуры в состав совета депутатов не входили.

Источник: Подсчитано по: [7].

В депутатских корпусах сельских поселений в 2010-х гг. также доминирует партия «Единая Россия». В 2010 г. она получила 62,4% мандатов (избиралось 844 депутата в 84 сельских советах). Треть мандатов (32,4%) досталась кандидатам, использующим механизм самовыдвижения. На долю остальных партий (КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России») приходилось всего 5,2% мандатов¹. Выборы в 2015 г., где было избрано 732 депутата в

¹ Подведены итоги выборов в органы местного самоуправления, голосование по которым состоялось 10 октября 2010 года [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <http://www.khakas.izbirkom.ru/WAY/E86D3F18-56BE-40D3-8A34-80688F353BCE.html> (дата обращения: 20.03.2016).

73 сельских советах, практически не повлияли на расклад политических сил. «Единая Россия» получила 66,4% мандатов, самовыдвиженцы – 24,2%, остальным партиям в сумме досталось 9,4% мандатов [7].

Схожесть партийного дизайна на уровне городов и районов и на уровне сельских советов тем более удивительна, что используются разные избирательные системы. На уровне сельских советов депутатов выбирают в многомандатных избирательных округах, в то время как на уровне городов и районов чаще используют смешанную избирательную систему, реже – мажоритарную с выборами в одномандатных округах. Как свидетельствует опыт предвыборных исследований, мотивация голосования на выборах по партийным спискам в одномандатных и многомандатных округах различна, и тем не менее результаты оказываются очень близкими: доминирующая роль принадлежит партии «Единая Россия», в то время как остальные парламентские партии не способны конкурировать с партией власти. Кандидаты от непарламентских партий крайне редко получают депутатские мандаты. Осмысление данного политического феномена позволяет предположить: партийная система, созданная в настоящее время на муниципальном уровне, оказывается слабо связанной с реальной жизнью населения и теми проблемами, которые их действительно волнуют.

Интересно проследить за изменениями в партийной системе на муниципальном уровне после избрания в 2018 г. на пост главы Хакасии руководителя регионального отделения КПРФ О.В. Коновалова. Выборы представительного органа уровня городов и районов проводились в Аскизском районе в 2020 г., где используется довольно экзотичная для муниципальных образований мажоритарная избирательная система. Депутатский корпус состоит из 17 человек, из которых 7 избирают в одномандатных избирательных округах, 6 – в трех двухмандатных избирательных округах и 4 – в четырехмандатном избирательном округе¹. Партия «Единая Россия» по итогам выборов получила 8 мандатов, самовыдвиженцы – 6 мандатов, 2 места досталось представителям КПРФ, 1 – «Справедливой России».

Теперь обратимся к результатам выборов представительных органов местного самоуправления городов и районов, состоявшихся в 2022 году. Депутатов избирали в 10 из 13 муниципальных образований уровня городских округов и муниципальных районов. Результаты выборов не могут не удивлять. «Единая Россия» получила даже больше мандатов (69,1%), чем в

¹ Столь необычная избирательная система, используемая в Аскизском районе Республики Хакасия, содержит риски делегитимизации представительного органа власти. В четырехмандатном округе за одного будущего победителя проголосовали 8,2%, за другого – 8,1% избирателей, принявших участие в выборах. Если учесть явку избирателей в округе (34,2%), то получается, что за каждого будущего депутата отдали голоса всего 2,8% избирателей от общего числа зарегистрированных избирателей округа.

2016 г. (62,0%; см. табл. 3.26), а у КПРФ, напротив, уменьшилось число сторонников (6,9% против 7,7% соответственно)¹.

Данный политический феномен можно интерпретировать с позиции разочарования избирателей политикой, проводимой республиканским правительством под руководством губернатора-коммуниста, которое за отчетный период не сумело пока оправдать надежды большинства избирателей.

Обращает на себя внимание многообразие избирательных систем, используемых в Хакасии на выборах представительных органов власти. Например, в гг. Абакане, Черногорске и Саяногорске применяется смешанная избирательная система, когда половина депутатов избирается по партийным спискам, вторая половина – в одномандатных округах, а в г. Сорске действует мажоритарная избирательная система – депутаты избираются в одномандатных округах. Иная картина в сельских районах. В Алтайском районе создано 5 избирательных округов, из них 1 трехмандатный, 4 четырехмандатные. В Боградском районе 3 округа одномандатные, 4 двухмандатные и 1 пятимандатный. В Ширинском районе 2 округа четырехмандатные, 1 пятимандатный, 1 шестимандатный.

Чем вызваны столь значительные различия в используемых избирательных системах, сложно понять и найти логичное объяснение. В публичном пространстве отсутствуют пояснения и комментарии со стороны местных органов власти, республиканских властей, включая депутатов Верховного Совета Хакасии, сотрудников республиканской избирательной комиссии, лидеров политических партий и местных экспертов. В данном случае следует выделить важный аспект, связанный с выборами в многомандатных округах, – лишь формальную зависимость выбираемых депутатов от избирателей, что негативно отражается на активности последних и на уровне поддержки избираемых депутатов. К примеру, в Ширинском районе в шестимандатном округе за одного будущего депутата проголосовали 5,39% избирателей, принявших участие в голосовании, а за другого – 4,56%. Если учитывать явку избирателей (20,9%), то получается: за одного проголосовали 1,1% от общего числа зарегистрированных избирателей, за второго еще меньше – 0,95%.

Следует ли в таком случае считать тех, кто получил депутатские мандаты, народными избранниками? Можно ли говорить о реализации политической воли избирателей на муниципальных выборах, и правомерно ли считать местную власть самой близкой к населению? Не является ли это лишь имитацией выборного процесса?

¹ В 2022 г. депутаты, использующие механизм самовыдвижения, получили 14,9% против 25,9% в 2016 году. Представители других партий (без учета «Единой России» и КПРФ) – «Справедливой России», ЛДПР и «Патриотов России», «Справедливой России – За Правду», ЛДПР и «Новых людей» – сумели завоевать всего 11,1% депутатских мандатов.

Таким образом, можно сделать вывод: в 2010-х гг. на муниципальном уровне Республики Хакасия построена многопартийная система с доминирующей ролью партии «Единая Россия», которая владеет большинством мандатов как на уровне городских и сельских районов, так и на уровне сельских поселений. Что касается выборов глав сельских поселений, то в 2020 г. из 42 избранных руководителей 25 (59,2%) являлись сторонниками «Единой России», 11 использовали механизм самовыдвижения, КПРФ одержало 5 побед, «Коммунисты России» – одну. Позитивным можно считать факт участия в этих выборах кандидатов от 8 политических партий.

Таким образом, результаты проведенных исследований позволяют выделить два этапа в роли политических партий на муниципальных выборах Республики Хакасии за период с конца 90-х гг. прошлого столетия и до настоящего времени. Первый этап (конец 90-х годов прошлого столетия – конец нулевых годов) характеризуется незначительным влиянием политических партий на результаты муниципальных выборов. Второй этап (с 2008-го и по настоящее время) – период создания и функционирования многопартийной системы, в которой доминирующая роль принадлежит партии «Единая Россия». И даже избрание в 2018 г. на пост главы Хакасии коммуниста не поколебало доминирующей роли партии «Единая Россия» на выборах органов местного самоуправления.

3.4. Эволюция роли крупного бизнеса в социально-политическом пространстве региона¹

В данном параграфе предлагается решить следующие задачи. Во-первых, проследить динамику политического веса финансово-промышленных групп (ФПГ) в политическом пространстве Красноярского края. Во-вторых, изучить эволюцию взаимоотношений краевой власти и ФПГ. В-третьих, проанализировать основные аспекты положительного и негативного влияния крупного бизнеса на развитие экономики региона.

Понимание и адекватная интерпретация социально-политических процессов, идущих в России, невозможны без учета изменений, происходящих в регионах. Потому так важен научный анализ социально-политических процессов, протекающих в субъектах Федерации, с отслеживанием динамики роли и места основных субъектов этого процесса. В данном случае

¹ Данный параграф подготовлен с использованием авторских публикаций и публикаций, написанных в соавторстве: Взаимодействие бизнеса и власти в системе социально-политических отношений края [166, с. 216–224]; Политический процесс и властные отношения в регионах Российской Федерации: необходимость поиска новых подходов [312, с. 258–270]; Влияние крупного бизнеса на социально-экономическое развитие региона (на примере Красноярского края) // Российское государство: от советской к постсоветской эпохе (к 90-летию образования СССР) : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 20–21 декабря 2012 г.: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск, 2013. – С. 143–150; Взаимодействие власти и бизнеса как социального института в современной России (на примере социологических исследований в Красноярском крае) // Труд и социальные отношения. – 2014. – № 7. – С. 27–36.

наиболее важная роль отводится взаимодействию органов государственной власти субъектов Федерации с крупным бизнесом, представленным в этих субъектах. Как отмечалось в параграфе 2.1, одним из показателей, позволяющих отслеживать глубинные процессы, протекающие в социально-политическом пространстве региона, выступает политический вес субъекта властных отношений. Последний можно получить по результатам экспертных опросов.

Важно отметить: нередко, и вполне справедливо, если ориентироваться на результаты официальной статистики, включая электоральную, Красноярский край считают микромоделью всей России. Если рассматривать электоральную аналогию, то примером может служить штат Огайо США. Принято считать: как голосуют его избиратели, так голосуют и все избиратели страны. Иначе говоря, штат Огайо определяет результат общенациональных выборов. Именно поэтому исследования, проводимые в Красноярском крае, имеют особую ценность.

Обращение к данным таблицы 2.1 позволяет понять, кто в начале нулевых годов обладал наибольшим влиянием на политические процессы в крае: это губернатор и его команда, региональный парламент и 3 наиболее крупные финансово-промышленные группы (0,93, 0,74 и 0,73¹ балла соответственно) [прил. 1; 3].

Результаты, полученные в ходе экспертного опроса в 2004 г., позволяют говорить о существенном изменении в раскладе политических сил в регионе. Политический вес губернатора и его команды составил 89,7% – это максимальное значение среди всех управленческих, хозяйственных и политических структур, в отношении которых проводилось исследование в 2004 году. Политический вес партии «Единая Россия» достиг 56,4% – максимальное значение среди всех партийных структур. Партия власти, состоящая из краевой исполнительной власти и политической партии «Единая Россия», стала доминирующей силой в политическом пространстве региона, что подтверждается очередными замерами, проведенными в 2010-м и 2019 годах.

Одновременно наблюдался тренд на снижение политической роли крупного бизнеса. Усредненное значение политического веса трех наиболее крупных финансово-промышленных групп в 2001 г. составляло 0,73 балла, в 2004 г. – 62,8%, в 2010 г. – 35,6%, в 2019 г. – 34,6%. Наибольшие потери понесла корпоративная структура, связанная с энергетическим комплексом. Если в 2001 г. ее влияние оценивалось в 0,76 балла, т. е. как высокое, то в 2019 г. – как низкое (25,4%). Из сферы крупного бизнеса только структуры, связанные с нефтяным и газодобывающим комплексами, сумели нарастить свой политический вес: 23,1% в 2004 г., 36,6% в 2010 г. и 39,5% в 2019 году.

¹ Усредненное значение по трем финансово-промышленным группам, связанным с алюминиевым бизнесом, энергетическим и горнодобывающим комплексами.

Теперь рассмотрим, по каким направлениям, по оценкам экспертов, произошли изменения во взаимоотношениях краевой власти и крупного бизнеса. Судя по данным табл. 3.27, направленность их политического влияния имеет разнонаправленный характер.

Таблица 3.27

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, кто оказывает наибольшее влияние на перечисленные ниже процессы политической жизни: администрация края или крупный бизнес?» (данные ранжированы по первой колонке)

Варианты	Степень влияния (в баллах)*			
	Год проведения опроса			
	2001	2004	2010	2019
Выборы (назначение) губернатора Красноярского края	2,89	2,74	1,90	1,82
Приватизация и передел собственности	2,70	2,59	2,74	2,71
Выборы депутатов Законодательного собрания Красноярского края	2,38	2,39	1,64	1,49
Формирование общественного мнения	1,70	1,60	1,52	1,43
Разработка стратегии развития края	1,48	1,62	1,71	1,80
Формирование и определение краевого бюджета	1,83	1,45	1,55	1,37

Примечание. * 1 балл обозначает «скорее администрация», 2 балла – «администрация и ФПГ в равной степени» и 3 балла – «скорее ФПГ».

Так, региональная власть доминирует в таких аспектах политической жизни, как: формирование местного бюджета (1,83 балла – в 2001 г., 1,45 балла – в 2004 г., 1,55 балла – в 2010 г., 1,37 балла – в 2019 г.), формирование общественного мнения (1,70, 1,60, 1,52 и 1,43 балла соответственно) и разработка стратегии развития региона (1,48, 1,62, 1,71 и 1,80 балла соответственно). В свою очередь крупный бизнес оказывает решающую роль в вопросе приватизации и передела собственности в крае: 2,70; 2,59; 2,74 и 2,71 балла соответственно.

Существенным образом меняются роли краевых властей и крупного бизнеса на региональных выборах представителей органов власти. Если в 2001-м и 2004 гг. наибольшее влияние на состав депутатов Законодательного собрания края оказывал крупный бизнес (2,38 и 2,39 баллов соответственно), то в 2010 г. инициатива перешла к краевой администрации (1,64 балла), чье влияние усилилось в 2019 г. (1,49 балла). В данном контексте закономерным выглядит снижение доли представителей крупного бизнеса в депутатском корпусе: 11,9% (1997 г.), 9,6% (2007 г.), 7,7% (2011 г.) и 5,8% (2016 г.)¹. Как следует из анализа электоральной статистики, представители крупного бизнеса получают депутатские мандаты исключительно на выборах по партийным спискам. По мнению местных экспертов, происходит тривиальный обмен ресурсами внутри партии власти: краевая власть получает от крупного бизнеса

¹ Подсчитано по: [6].

финансовые и иные ресурсы, а взамен ставит их представителей на «проходные места» в избирательных списках «Единой России».

Несколько иначе складываются отношения на губернаторских выборах. В конце 90-х гг. прошлого столетия и в начале 2000-х гг. доминирующее влияние оказывал крупный бизнес: 2,89 балла в 2001 г. и 2,74 балла в 2004 году. Неслучайно кандидаты, представляющие действующую краевую власть – В.М. Зубов в 1998 г. и А.В. Усс в 2002 г., – выборы проиграли. А победили кандидаты, поддерживаемые крупным бизнесом: А.И. Лебедь в 1998 г. и А.Г. Хлопонин в 2002 г. соответственно.

В 2010-м и 2019 гг., по мнению экспертов, возможности влияния на результаты губернаторских выборов у краевой администрации и крупного бизнеса практически уравнились (1,90 и 1,82 балла соответственно). Данное обстоятельство выглядит несколько неожиданным, учитывая доминирование в политическом пространстве именно региональной партии власти, возглавляемой губернатором края, и заметное снижение политического веса крупного бизнеса. Чтобы понять причины этого феномена, обратимся к данным таблицы 3.28.

Таблица 3.28

**Мнение экспертов о характере отношений региональной власти и крупного бизнеса
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по первой колонке)**

Варианты	Год проведения опроса					
	2004		2010		2019	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Слияние бизнеса и власти	66,6	1	29,1	2	52,3	1
Обслуживание исполнительной властью интересов олигархов	32,1	2	13,4	4	31,6	2
Усиление влияния ФПГ на законодательную власть	29,5	3	13,5	3	16,5	3
Расширение партнерства и сотрудничества между разными финансово-промышленными группами	26,9	4	32,8	1	11,8	5
Рост разногласий между бизнесом и властью	20,5	5	6,0	5	9,6	6
Рост разногласий и конфликтов между разными ФПГ	20,3	6	4,5	6	14,9	4
Дистанцированность законодательной власти от олигархов	5,1	7	1,5	7	1,7	8
Дистанцированность исполнительной власти от олигархов	1,3	8	0,7	8	2,3	7

Судя по представленным данным, доминирующими явлениями в характере отношений региональной власти и крупного бизнеса были и остаются слияние бизнеса и власти и обслуживание исполнительной властью интересов олигархов.

Отсюда можно предположить: итоги выборов губернаторов Красноярского края в 2010-м, 2014-м, 2018 гг. – это результат поиска компромиссных решений между краевыми властями и

крупным бизнесом при главенствующей роли федерального центра. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: несмотря на снижение числа представителей крупного бизнеса среди депутатов регионального парламента, не наблюдается снижения его влияния на законодательную власть (3-й ранг в 2004-м, 2010-м и 2019 гг.).

При анализе данных таблицы 3.28 можно заметить значительный потенциал региональных властей в решении вопроса сотрудничества между разными финансово-промышленными группами. В период управления краем А.Г. Хлопонина между ними расширялось партнерство и сотрудничество (4-й ранг в 2004 г. и 1-й ранг в 2010 г.), тогда как при последующих губернаторах (В.А. Толоконском и А.В. Уссе) оно стало сокращаться (5-й ранг в 2019 г.).

Таблица 3.28

**Мнение экспертов о характере отношений региональной власти и крупного бизнеса
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по первой колонке)**

Варианты	Год проведения опроса					
	2004		2010		2019	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Слияние бизнеса и власти	66,6	1	29,1	2	52,3	1
Обслуживание исполнительной властью интересов олигархов	32,1	2	13,4	4	31,6	2
Усиление влияния ФПГ на законодательную власть	29,5	3	13,5	3	16,5	3
Расширение партнерства и сотрудничества между разными финансово-промышленными группами	26,9	4	32,8	1	11,8	5
Рост разногласий между бизнесом и властью	20,5	5	6,0	5	9,6	6
Рост разногласий и конфликтов между разными ФПГ	20,3	6	4,5	6	14,9	4
Дистанцированность законодательной власти от олигархов	5,1	7	1,5	7	1,7	8
Дистанцированность исполнительной власти от олигархов	1,3	8	0,7	8	2,3	7

Более того, наблюдается рост разногласий и конфликтов между разными ФПГ (6-й ранг в 2010 г. и 4-й ранг в 2019 г.). Полученные данные позволяют сделать неоптимистическое предположение: несмотря на усиление своего политического веса, краевые власти, тем не менее, не оказывают заметного влияния на многие процессы, связанные с деятельностью ФПГ, представленных в регионе.

Не вызывает сомнения тот факт, что политический вес финансово-промышленных групп, представленных в регионе, определяется уровнем влияния на его экономику. Обратимся к данным таблиц 3.29 и 3.30, показывающих положительные и отрицательные аспекты этого влияния. Итак, в чем, по мнению экспертов, выразилось положительное влияние крупного бизнеса на развитие экономики края?

Динамика экспертных оценок положительных влияний ФПГ на развитие экономики в Красноярском крае (в баллах* в 2001 г.; % от числа опрошенных в 2004-м, 2010-м и 2019 гг.; данные ранжированы по последней колонке)

Положительные аспекты влияния ФПГ	Год проведения опроса							
	2001		2004		2010		2019	
	Баллы	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Лоббирование интересов региона в федеральных структурах	+0,42	5	21,8	4	22,4	5	32,5	1
Финансирование важных региональных проектов	+0,32	7	21,7	5	26,9	4	29,1	2
Привлечение дополнительных инвестиций в экономику края	+0,45	4	48,7	2	42,5	1	26,7	3
Создание новых рабочих мест	+0,68	2	34,6	3	34,3	2	21,8	4
Модернизация и развитие производства в ключевых отраслях	+0,74	1	52,6	1	30,6	3	18,4	5
Содействие формированию межрегионального рынка	+0,36	6	14,1	7	13,4	7	15,0	6
Развитие социальной сферы, социальных программ и инициатив	+0,25	8	10,3	8	15,7	6	14,3	7
Повышение конкурентоспособности отечественных производителей	+0,47	3	12,8	6	12,6	8	12,2	8
Содействие развитию среднего и малого бизнеса	+0,11	9	6,5	10	12,7	9	9,7	9
Формирование единой консолидированной экономической политики в крае	–	–	9,0	9	10,4	10	8,6	10

Примечание. * Балл влияния оценивается в диапазоне от «+1» до «-1», где «+1» обозначает максимально положительное влияние, «0» – никакого влияния, «-1» – максимально отрицательное влияние. Прочерк обозначает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

В начале нулевых годов это главным образом модернизация и развитие производства в ключевых отраслях экономики региона, создание новых рабочих мест, повышение конкурентоспособности отечественных производителей¹. Однако к концу 2010-х гг. мнение экспертов изменилось. Теперь главной заслугой бизнеса являлись лоббирование интересов региона в федеральных структурах, финансирование важных региональных проектов и привлечение дополнительных инвестиций в экономику края.

Если оценивать весь исследовательский период с 2001-го по 2019 гг., то не может не тревожить снижение влияния крупного бизнеса в таких значимых для экономики региона аспектах, как повышение конкурентоспособности отечественных производителей (3-й ранг в 2001 г. и 8-й ранг в 2019 г.), создание новых рабочих мест (2-й и 4-й ранги соответственно), модернизация производства в ключевых отраслях экономики края (1-й и 5-й ранги).

¹ Гришаев С.В., Злотковский В.И. Взаимодействие власти и бизнеса... С. 31.

Не может не беспокоить и тот факт, что, несмотря на построение в регионе партии власти и выстраивание властной вертикали, так и не удается сформировать единую консолидированную экономическую политику в крае. Из сказанного вытекает закономерный вывод: дальнейшее развитие экономики Красноярского края, особенно ее инновационная составляющая, становится все более актуальной проблемой.

Результаты мониторинговых экспертных опросов указывают на проблему невысокой социальной ответственности крупного бизнеса, осуществляющего хозяйственную деятельность на территории края. Крупный бизнес, обладая значительными финансовыми, материальными, человеческими и иными ресурсами, тем не менее, слабо содействует развитию среднего и малого бизнеса и развитию социальной сферы, социальных программ и инициатив. В этом отношении позиция крупного бизнеса в Красноярском крае диссонирует со многими другими субъектами Федерации, где, по мнению ученых, крупный бизнес демонстрирует социально ответственное поведение [337; 268, с. 259].

Данные таблицы 3.30 демонстрируют динамику отрицательного влияния крупного бизнеса на экономическое развитие региона. В начале нулевых годов к ним относились: борьба за передел собственности, уход от уплаты налогов в региональный бюджет и пенсионный фонд, сброс социальной сферы на муниципальные власти (первые 3 позиции в негативном рейтинге). Но уже в 2019 г. эксперты на первые позиции поставили следующее: погоню за прибылью в ущерб интересам региона, увод капиталов за рубеж и уход от уплаты налогов в региональный бюджет и пенсионный фонд. При этом заметно усилились 2 первые позиции. Если погоня за прибылью в ущерб интересам региона в 2001 г. находилась на 4-й строчке рейтинга, то в 2019 г. – на 1-й, увод капиталов за рубеж переместился с 5-й на 2-ю строчку. К сожалению, не уменьшается актуальность проблемы подкупа чиновников властных структур. Усиливается недооценка внимания к предотвращению техногенных катастроф, проблемам окружающей среды и нежелание участвовать в решении региональных программ.

На определенные размышления наводит общая сумма ответов экспертов. Если в отношении положительного влияния эксперты в среднем отмечали две позиции, то в отношении отрицательного – четыре. Вывод очевиден: в глазах экспертов присутствие финансово-промышленных групп в регионе не приносит тех выгод, которых от них ждут и эксперты, и население. Наглядной иллюстрацией к сказанному служит позиция депутата Законодательного собрания Красноярского края В.Н. Севастьянова. По его мнению, «если Красноярский алюминиевый завод закрыть, всем работающим на КрАЗе сохранить заработную плату, выплачивая ее из краевого бюджета, выплатить за КрАЗ все его налоги, но при этом приобрести в распоряжение региональных властей всю потребляемую КрАЗом электроэнергию, власть, реализуя эту электроэнергию, остается в выигрыше» [303, с. 195].

Экспертная оценка отрицательного влияния ФПГ на развитие экономики Красноярского края (в баллах в 2001 г.; % от числа опрошенных в 2004-м, 2010-м и 2019 гг.; данные ранжированы по последней колонке)

Отрицательные аспекты влияния ФПГ	Год проведения опроса							
	2001		2004		2010		2019	
	Баллы	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Погоня за прибылью в ущерб интересам развития края	-0,48	4	56,4	1	43,3	1	46,1	1
Увод капиталов за рубеж	-0,44	5	55,0	3	42,5	2	41,8	2
Уход от уплаты налогов в региональный бюджет, пенсионный фонд	-0,69	2	55,1	2	41,8	3	40,3	3
Недооценка внимания к предотвращению техногенных катастроф, проблемам окружающей среды	-0,36	8	39,7	7	36,6	4	38,9	4
Подкуп чиновников властных структур	-0,41	6	38,5	8	35,8	5	34,2	5
Эксплуатация природных ресурсов	-0,38	7	53,7	5	29,9	8	27,4	6
Сброс социальной сферы на муниципальные власти	-0,53	3	53,8	4	29,8	7	23,9	7
Борьба за передел собственности	-0,71	1	48,7	6	25,4	9	21,2	8
Недобросовестная конкуренция	-	-	19,3	11	31,4	6	19,5	9
Вмешательство в дела краевой администрации	-0,28	9	34,5	10	17,2	11	18,3	10
Провоцирование новых внутриэлитных конфликтов	-0,23	10	17,9	12	9,7	13	8,3	11
Недооценка социальных последствий при модернизации производства	-	-	15,4	13	19,4	10	7,2	12
Нежелание участвовать в решении региональных проблем	-	-	36,0	9	17,1	12	6,7	13

Примечание. Прочерк обозначает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

Здесь необходимо сделать пояснение: КраЗ с целью снижения себестоимости своей продукции добился льготных тарифов на получаемую электроэнергию. В.Н. Севастьянов имеет в виду, что, если продавать электроэнергию по рыночной стоимости, то краевой бюджет в конечном итоге будет получать больше, чем при работающем алюминиевом заводе, а дополнительная выгода для края будет заключаться в сокращении вредных выбросов в атмосферу.

Далее депутат развивает свою мысль: «...если для государства важен и нужен «Русский алюминий» и, соответственно, КраЗ, то оно – государство – должно или само, или заставить ФПГ «Русский алюминий» компенсировать территории все ее издержки, связанные с производством алюминия» [303, с. 195]. Если к сказанному добавить, что платежи КраЗа составляли в 1990 г. треть краевого бюджета, а в 2010 г. эта доля сократилась до одного

процента¹, то возникает закономерный вопрос: в чьих интересах работает КрАЗ? Куда уходит основная часть прибыли от деятельности Красноярского алюминиевого завода?

Анализ публикаций СМИ, включающих официальные выступления руководителей Красноярского края, указывают на то, что ФПП вносят явно недостаточный вклад в развитие экономики края. Проблема в том, что крупный бизнес не выступает локомотивом промышленного развития края, он слабо экономически связан с деятельностью других красноярских предприятий, практически не вовлекает в свою деятельность средний и малый бизнес.

По информации спикера краевого парламента А.В. Усса, в начале нулевых годов доля красноярских предприятий в реализации контрактов на поставку продукции для нужд «Норильского комбината» составила менее 2% [330, с. 59]. Не изменилась ситуация и через 10 лет. По мнению депутата Законодательного собрания края В.И. Сергиенко, в 2010 г. только семь процентов заказов, связанных с освоением Ванкорского месторождения нефти, размещено на предприятиях края. Аналогичная ситуация, по его мнению, наблюдается в отношении «Норильского никеля», в угольной, алюминиевой и энергетической отраслях. Очевидно, эти и подобного рода факты дают основание депутату Законодательного собрания края В.Н. Севастьянову категорически утверждать, что крупный бизнес реализует свои интересы в крае, фактически не учитывая нужды территории и ее населения².

Неслучайно спикер краевого парламента А.В. Усс в 2011 г., выступая перед депутатами Красноярского края, заявил: «В регионе с богатейшими машиностроительными традициями за последние десять лет не появился ни один современный, хотя бы сборочный завод. В крае закрепляется сырьевая ориентация экономики, которая, превращая его в рабочую окраину других территорий, прежде всего европейских, скрывает хронические болезни экономики» [15]. Судя по выступлению А.В. Усса на VIII съезде депутатов Красноярского края в 2017 г., ситуация в экономике крае не изменилась [16].

Следует отметить, А.В. Усс еще в начале 2000-х гг. озвучивал приоритетные для развития отрасли в крае. К их числу относились: прежде всего машиностроение, способное больше других отраслей поглощать инновационные разработки, сельское хозяйство (число занятых в нем велико, а жизненный уровень людей наиболее низок), химия и глубокая переработка сырья [367]. К сожалению, перечисленные отрасли спустя 20 лет так и не получили развития в Красноярском крае.

Многие эксперты связывали экономические проблемы, испытываемые Красноярским краем в конце 90-х гг. прошлого столетия и начале 2000-х гг., включая диверсификацию

¹ «Русал» платит Красноярскому краю сущие копейки, а воздух отравляет [Электронный ресурс]. – URL: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=48&PubID=15343> (дата обращения: 1.08.2019).

² Гришаев С.В., Злотковский В.И. Взаимодействие власти и бизнеса... С. 35.

экономики, с личностью губернатора края А.И. Лебеда, его специфичным характером взаимоотношений с федеральным центром и краевой политической элитой. Все эти проблемы удалось успешно преодолеть после избрания на пост губернатора края А.Г. Хлопонина в 2002 году. Александру Геннадьевичу удалось заручиться поддержкой не только федерального центра и региональной элиты, но и населения края. Судя по данным экспертных опросов, у него получилось стабилизировать ситуацию во властных структурах региона, повысить профессионализм краевых чиновников, добиться определенных успехов в решении социально-экономических проблем края (см. п. 2.2).

Но тогда непонятно, почему не удалось совершить «экономический рывок», обещанный А.Г. Хлопониным в ходе избирательной кампании 2002 года? Почему А.Г. Хлопонину, занимавшему пост губернатора края семь с половиной лет (с сентября 2002 г. по январь 2010 г.), так и не удалось продвинуться в решении проблемы диверсификации экономики Красноярского края? Судя по публикациям в СМИ, он отчетливо осознавал эту проблему и неоднократно заявлял о необходимости ее скорейшего решения. Вот что, в частности, говорил А.Г. Хлопонин, выступая перед 50 инвесторами из США и Европы в 2004 г. в Москве в Американской торговой палате: «Каким я вижу Красноярский край в 2010 году? Это должен быть быстро растущий регион с диверсифицированной экономикой, развитым перерабатывающим сектором и высокой долей инновационных предприятий»¹.

Почему не получилось задуманное? Казалось бы, все благоприятные факторы налицо. А.Г. Хлопонин обладал опытом в системе управления, полученным во время руководства крупнейшей промышленной компанией России (РАО «Норильский никель») и губернаторства на Таймыре. Неслучайно в центральных СМИ того периода он упоминается как наиболее успешный и эффективный менеджер современной России. Его программа развития Красноярского края на выборах губернатора Красноярского края в 2002 г., наряду с предвыборной программой С.Ю. Глазьева [12 и 91 соответственно], высоко оценивалась экспертами и избирателями и выступила одной из важнейших составляющих его победы на выборах. И наконец, А.Г. Хлопонин относился к числу наиболее влиятельных политиков России и входил в число 100 ведущих политиков России в 2000-х гг. [166, с. 137].

Более того, А.Г. Хлопонин является соавтором книги «Новое освоение Сибири и Дальнего Востока» [252]. В указанной работе исследуются актуальные проблемы диверсификации сибирских регионов и обосновываются конструктивные подходы к решению задач оздоровления и развития социально-экономической ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке. В том числе озвучивались подходы к решению проблемы взаимовыгодного сотрудничества крупных корпораций и региональных органов власти. Приведем дословный

¹ Шмаров А., Шохина Е. Жестко, но справедливо // Эксперт. – 2004, 12 апреля. – № 14 (415).

текст из указанной работы: «...государство должно признать многие виды территориально-корпоративной деятельности по решению проблем Сибири и Дальнего Востока общественно полезными и федерально значимыми. Целесообразно разработать федеральный законопроект, устанавливающий содержание и порядок территориально-корпоративной деятельности, а также определяющий финансовые стимулы этой деятельности. Целесообразно также разработать механизмы согласования интересов и организации взаимодействия корпораций, региональных и муниципальных органов власти для решения социально-экономических проблем отдельных регионов (в форме соглашений, договоров, программ) с установлением соответствующих преференций регионального и местного уровней. Рекомендуется при наличии такого признания рассмотреть возможность придания соответствующей деятельности статуса составной части федеральных программ экономического развития регионов и решения региональных социальных проблем» [252, с. 10].

Почему не был принят предлагаемый А.Г. Хлопониным федеральный закон, регламентирующий характер взаимоотношений крупных корпораций и региональных органов власти – тема отдельного, специального разговора. В данном случае следует отметить: в первые годы своей работы в должности губернатора Красноярского края (первая половина 2000-х гг.) А.Г. Хлопонин пытался решать проблему взаимовыгодного сотрудничества краевых властей и крупного бизнеса¹.

В этот период А.Г. Хлопонин на вопрос журналиста о том, каким образом губернатор края намерен в отдельно взятом регионе выстроить правила игры для всех финансово-промышленных групп, отвечал: «Выстроить правила игры без федеральной политики трудно, но мы пытаемся»².

Судя по дальнейшему развитию событий в регионе, выстроить эти правила так и не удалось. Начиная с 2005 г. тема взаимоотношений краевой власти и ФПГ фактически исчезает из повестки региональных СМИ. Можно предположить: руководители ФПГ, представленных в крае, обладают не меньшим, если не большим политическим весом в российской политике, чем даже такой влиятельный политик, каковым являлся губернатор Красноярского края А.Г. Хлопонин.

¹ Жилетов В. Хлопонин обещает разобраться с толлингом // Сегодняшняя газета. – 2002. – 26 сентября ; Калабугин В. Чуда не вышло // Красноярская газета. – 2004. – № 38. – 28 мая ; Пырх Э. Главное – согласие // Красноярский рабочий. – 2002. – 25 сентября ; Хлопонин А. Регионы не могут развиваться по собственным законам // Континент Сибирь. – 2003. – 4 апреля ; Хлопонин и Дерипаска будут играть по правилам // Известия. – 2005. – 15 ноября ; Чернявский А. В цейтноте // Аргументы и факты на Енисее. – 2002. – № 41 и др.

² Александр Хлопонин: «Дай» у нас в крае больше не проходит [Электронный ресурс] // Известия.RU : сайт. – URL: <http://izvestia.ru/person/article34605> (дата обращения: 14.05.2006).

В свете сказанного уместно затронуть две проблемы. Первая проблема связана с моделью регионального управления, вторая – с характером взаимоотношений крупного бизнеса с муниципальными образованиями. Начнем со второй проблемы. В Красноярском крае и Республике Хакасия крупный бизнес фактически «не замечает» муниципалитеты, в отличие от соседнего субъекта РФ – Кемеровской области. Здесь достигнуты соглашения с руководством угледобывающих, металлургических и иных компаний, по которым последние взяли на себя обязательства по содержанию социальной и коммунальной систем там, где население в большей части представлено семьями из числа их работников. При этом власть пошла на довольно жесткие меры, чтобы сделать компании социально ответственными в большей мере, чем того хотело бы их руководство [268, с. 259]. Иная картина наблюдается в Красноярском крае и Республике Хакасия. К примеру, в г. Саяногорске Республики Хакасия находится Саянский алюминиевый завод, являющийся крупнейшим в России производителем первичного алюминия, и крупнейший в стране гидроэнергетический комплекс, включающий в себя Саяно-Шушенскую ГЭС (СШ ГЭС) и Майнский гидроузел. Абсолютное большинство работников этих предприятий проживают в границах муниципального образования город Саяногорск. А теперь оценим социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в г. Саяногорске в 2018 году. В п. 4.3 представлена информация об аресте в городе расчетных счетов почти всех средних школ, детских садов и муниципальных учреждений города. Подчеркивается: долги появились не сразу, а копились с 2014 года. И это притом, что весь руководящий состав городской администрации, включая главу города, являются бывшими работниками алюминиевого завода. Складывается устойчивое ощущение, что руководителей СаАЗа и СШ ГЭС мало беспокоят условия проживания их работников и проблемы, которые их волнуют в повседневной жизни.

Муниципальные образования в Красноярском крае периодически в той или иной форме выражают свое неудовлетворение складывающимся характером взаимоотношений с крупными промышленными компаниями, представленными в регионах. Показательный пример: в комплексной программе социально-экономического развития Енисейского района прямо поставлен вопрос, почему при реализации крупных инвестиционных проектов на территории Красноярского края привлекаются сторонние, а не местные компании, доказавшие свою профессиональную состоятельность многолетней работой [41].

В целом можно говорить о том, что в Красноярском крае и Республике Хакасия крупный бизнес и муниципальные образования существуют как бы в разных политических измерениях, мало пересекаясь. А если и происходят пересечения, то преимущественно в виде протестной деятельности населения, связанной главным образом с экологическим ущербом от деятельности крупных промышленных предприятий. Так, жители г. Абакана в 2010 г. активно протестовали

против перспективы строительства в черте города завода полупроводниковых материалов компанией «Русский кремний», входящей в структуру холдинга Олега Дерипаски¹.

В 2011–2013 гг. высокую активность проявили жители г. Красноярска против строительства в пригородной зоне ферросплавного завода, на котором планировалось выпускать марганцевые ферросплавы². Оба названных предприятия, по оценкам местных экспертов, относятся к числу так называемых грязных производств, а их деятельность сопровождается значительным ущербом для экологии регионов.

В свете сказанного следует остановиться на проблеме низкой эффективности регионального управления. Российский социолог Н.В. Мерзликин поднимал проблему необходимости отхода от управленческой модели, ведущей к стагнации и застою, сложившейся в 2000–2010 гг. системы отношений центра и регионов и переходу к новому вектору в трансформации российского общества. «Главная его особенность состоит в направленности управленческой модели от интересов конкретного человека к интересам конкретных территорий и социальных общностей. <...> В рамках новой логики все элементы и механизмы управленческой деятельности могут быть эффективны лишь на основе взаимодействия интересов регионов и центра, идущих от реальных жизненных проблем конкретного человека» [232]. Следует отметить: учеными представлены научные обоснования и конкретные предложения (приоритеты) по реализации новой государственной региональной политики с целью интенсификации социально-экономического развития регионов, сохранения самобытности их социокультурного многообразия³.

Некоторые основания для сдержанного оптимизма дает информация о постепенном осознании чиновниками самого высокого уровня необходимости повышения качества государственного управления. Так, заместитель министра экономического развития РФ Олег Фомичев, выступая на экономическом форуме в г. Красноярске в 2016 году, заявлял о необходимости создания благоприятного инвестиционного климата, в котором приоритет должен отдаваться предпринимательству. А для этого необходимо проводить реформу госуправления⁴. В свою очередь губернатор Красноярского края В.И. Толоконский, выступая перед депутатами регионального парламента с отчетом о работе краевого правительства за

¹ Кремниевый завод в Абакане – Булакин против [Электронный ресурс]. – URL: <https://hakas.info/news/201006028090> (дата обращения: 24.11.2013).

² Красноярск против [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yad-zavod.org/articles/krasnoyarsk-prot.htm> (дата обращения: 20.09.2014).

³ Каропова С.Г., Мерзликин Н.В. Научно-методологические аспекты государственной политики регионального развития. Региональная политика в стратегии модернизации страны [Электронный ресурс]. – Федеральное собрание РФ. Аналитический вестник № 2 (659). – URL: <http://council.gov.ru/media/files/jc20Swer1Ro4IKnZKSGtA0AjGPbOZ9t9.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).

⁴ Началось пленарное заседание третьего дня работы XIII Красноярского экономического форума // Городские новости. – 2016. – 19 февраля.

2016 г., сказал следующее: «Необходимо работать на результат, а не на процесс. Нам нужно освободиться от страхов, когда мы боимся что-то сделать и получить сложности. Сейчас должно быть время обновления наших управленческих принципов и подходов»¹.

Выводы по 3-й главе

1. Результаты проведенных исследований позволяют выделить три этапа, характеризующие роль партийных структур на выборах депутатов регионального парламента. На первом этапе (первая половина 90-х гг. прошлого столетия в Красноярском крае и 90-е гг. – в Республике Хакасия) роль партийных структур была незначительной; будущие парламентарии главным образом использовали механизм самовыдвижения или выдвижение группами избирателей. Особенность второго этапа (вторая половина 90-х гг. прошлого столетия – первая половина 2000-х гг. в Красноярском крае и первая половина 2000-х гг. – в Республике Хакасия) заключается в построении многопартийной системы, в которой ведущие позиции принадлежали местным избирательным блокам, возглавляемым ведущими региональными политиками. На третьем этапе (в Красноярском крае со второй половины 2000-х гг. по настоящее время; в Республике Хакасия с конца 2000-х гг. по настоящее время) создается многопартийная система, состоящая из парламентских партий, в которой доминирующая роль принадлежит партии «Единая Россия» и которая владеет большинством мест в региональных парламентах.

2. К основным позитивным аспектам партийной системы, созданной на втором этапе (многопартийная система, в которой доминируют местные избирательные блоки и объединения), следует отнести: наличие реальной конкуренции между партийными структурами, зависимость результатов выборов от голосования избирателей и высокая избирательная активность граждан. К негативным аспектам относится: 1) отсутствие конструктивного взаимодействия между руководством политических партий федерального уровня и лидерами избирательных блоков и объединений, созданных в регионах; 2) высокий уровень конфликтности внутри региональной политической элиты; 3) использование в ходе избирательных кампаний черных технологий; 4) в известной степени манипулирование политическим поведением избирателей посредством создания специально под выборы избирательных структур, прекращающих свое существование после выборов, не выполняющих свои предвыборные обещания и не оправдывающих надежд избирателей.

3. К числу наиболее значимых достоинств партийной системы третьего этапа (многопартийная система с доминирующей ролью партии «Единая Россия») следует отнести консолидацию региональной политической элиты вокруг партии «Единая Россия»;

¹ Толоконский назвал три главные нерешенные проблемы края в 2016 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.mail.ru/politics/29413701/> (дата обращения: 20.07.2019).

конструктивное взаимодействие с федеральным центром; предсказуемость и преемственность в системе управления. Наиболее значимые недостатки: низкий рейтинг доверия к политическим партиям (избиратели не воспринимают их в качестве защитников своих интересов), за исключением «Единой России»; номинальная конкуренция на выборах и предрешенность их результатов; слабое влияние на результаты выборов гражданского общества и не в должной мере реализация политической воли избирателей в ходе голосования.

4. Доминирование партии «Единая Россия» на выборах всех уровней имеет объективный характер, так как в общественном сознании только она воспринимается в целом позитивно, т. е. работающей в интересах избирателей, в отличие от всех остальных политических партий. Относительный неуспех «Единой России» на выборах депутатов республиканского парламента в Хакасии в 2018 г. связан не столько с ростом популярности и доверия к другим политическим партиям, сколько обусловлен ростом протестных настроений против действующей республиканской власти. В это время большинством мандатов в парламенте обладали «единороссы», а республику возглавлял лидер регионального отделения партии «Единая Россия» В.М. Зимин. К 2022 г. фракция партии «Единая Россия» вновь становится наиболее многочисленной в парламенте, владея 24 из 50 мандатов.

5. Результаты проведенных исследований позволили получить социальную структуру сторонников политических партий в динамике. Например, социальная структура сторонников «Единой России» во второй половине нулевых годов выглядела следующим образом. Во всех социальных группах, вне зависимости от пола, возраста, уровня образования и рода занятий респондентов, уровень поддержки превышает 50%. Более четко симпатии выражают женщины, молодые избиратели (18–35 лет), лица с высшим образованием, руководители предприятий и организаций, рабочие, гуманитарная и техническая интеллигенция, студенты и безработные (60% и выше). В середине 2010-х гг. поддержка в большинстве социальных групп колеблется главным образом в диапазоне от 30% до 40%. Наибольшие потери партия понесла среди инженерно-технических работников, работников торговли и сферы обслуживания, молодых избирателей в возрасте 18–35 лет, гуманитарной интеллигенции и студентов. Тем не менее, партия «Единая Россия» в 2010-х гг. остается доминирующей политической партией в РФ.

6. Партийность кандидата в депутаты представительного органа регионального и муниципального уровней имеет важнейшее значение при принятии избирателями электорального решения на выборах с использованием мажоритарной избирательной системы. В то же время рекламно-агитационные кампании, проводимые политическими партиями и кандидатами, не оказывают решающего влияния на итоговые результаты выборов, которые все в большей степени начинают носить формальный характер.

7. Результаты проведенного анализа позволяют утверждать: избиратели на выборах депутатов Государственной думы РФ в Красноярском крае осуществляют настойчивый поиск политических сил, которым можно было бы доверить отстаивание своих интересов. В 2007 г. основная ставка была сделана на партию «Единая Россия», представляющую на выборах созданную в регионе партию власти, которая сумела объединить всю краевую политическую элиту. В абсолютном выражении «единороссы» получили в два раза больше голосов избирателей, чем КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» вместе взятые. На выборах в 2011 г. на фоне некоторого разочарования деятельностью партии «Единая Россия» избиратели обратили более пристальное внимание на другие парламентские партии, вручив им авансом кредит политического доверия. Совокупная доля проголосовавших за КПРФ, ЛДПР и «Справедливую Россию» в 1,5 раза превысила численность электората «единороссов». Однако в 2016 г. зафиксировано снижение численности сторонников всех парламентских партий. В 2021 г. данная тенденция сохранилась, за исключением КПРФ. Совокупный электорат парламентских партий на последних выборах составил лишь немногим более половины от их численности в 2007 году.

8. Партийная система, построенная на муниципальном уровне в регионах в 2010-х гг., фактически является калькой с региональной партийной системы. Одинаков их состав – парламентские партии, среди которых доминирует партия «Единая Россия», владеющая квалифицированным большинством (2/3 мандатов). Общее между ними и то, что абсолютное большинство мандатов (порядка 80%) были получены представителями других политических партий «механическим образом» – голосованием по партийным спискам. Эти партии не имеют корневой системы. Их представительство среди депутатов сельских и поселковых советов, где преимущественно используется мажоритарная избирательная система, носит символический характер.

9. В ходе исследования установлено: партия «Единая Россия» побеждает на муниципальных выборах вне зависимости от таких факторов, как: уровень социально-экономического развития муниципального образования, социальное самочувствие и материальное положение населения, их оценка деятельности главы муниципалитета, уровень сплоченности активистов местного отделения партии «Единая Россия» и используемая избирательная система.

10. Участие политических партий в муниципальных выборах носит номинальный характер в силу предрешенности результатов голосования. Выборы перестали выступать общественной площадкой борьбы идей, программ, личностей, местом общественной дискуссии о дальнейших путях развития муниципального образования. Партии и кандидаты существенно сократили живое общение с избирателями, отдавая явное предпочтение проведению агитации

опосредованными методами: через телевизионную рекламу, установление рекламных щитов, изготовление и последующее распространение листовок, специальных выпусков газет и пр.

11. Созданная на региональном и муниципальном уровнях партийная система, помимо классического определения «партийная система с доминирующей партией», в равной степени подпадает под определение «псевдопартийная система» (Ю.Г. Коргунюк), «полупартийная система» (Н.В. Мерзликин), «полуторапартийная система» (Д.Н. Нечаев). При некоторых различиях в формулировках они сходятся в главном: политические партии, кроме партии «Единая Россия», не влияют на реальный процесс управления и находятся в подчиненном положении по отношению к исполнительным органам власти.

12. Отсутствие новых политических партий в региональной партийной системе, устойчивая тенденция сокращения абсолютной численности сторонников действующих политических партий, и особенно партии «Единая Россия», оттягивание избирателями времени принятия электорального решения на выборах представительных органов власти, снижение избирательной активности граждан – все это тревожные сигналы, указывающие на опасность делегитимизации всей региональной партийной системы.

13. Проведена успешная апробация различных подходов для объяснения и прогнозирования электорального поведения избирателей на региональных и муниципальных выборах, основанных, во-первых, на результатах массовых опросов, связанных с изучением представлений избирателей о роли политических партий в их жизни, социального самочувствия населения и, во-вторых, на результатах массовых и экспертных опросов, посвященных оценке ресурсного потенциала партий.

14. Результаты проведенных исследований позволяют проследить наиболее значимые аспекты *эволюции роли крупного бизнеса в социально-политическом пространстве региона*:

– в конце 90-х гг. и начале 2000-х гг. финансово-промышленные группы, представленные в Красноярском крае и связанные с алюминиевым бизнесом, энергетическим и горнодобывающим комплексами, имели сопоставимый политический вес с региональным правительством и парламентом. Данное обстоятельство позволяло крупному бизнесу доминировать на региональных выборах, но затрудняло процесс принятия согласованных управленческих решений в интересах региона. С середины нулевых годов политическая инициатива переходит к региональным властям. Тем не менее, несмотря на некоторое снижение политического веса крупного бизнеса, он по-прежнему остается значимым субъектом политического процесса в регионе;

– в характере взаимоотношений региональных властей и ведущих финансово-промышленных групп доминируют такие явления, как слияние власти и крупного бизнеса и обслуживание исполнительной властью интересов олигархов. Позиция экспертов в этом

вопросе не меняется на протяжении всего периода наблюдений, несмотря на кардинальные обновления составов краевых правительств, обусловленные приходом новых руководителей края (всего в исследуемый период времени было сформировано 5 составов краевого правительства);

– положительное влияние финансово-промышленных групп на развитие краевой экономики менялось во времени. В начале нулевых годов оно выражалось главным образом в модернизации и развитии производства в ключевых отраслях экономики региона, создании новых рабочих мест и повышении конкурентоспособности отечественных производителей. В конце 2010-х гг. – в лоббировании интересов региона в федеральных структурах, финансировании важных региональных проектов и привлечении дополнительных инвестиций в экономику края;

– отрицательное влияние ФПГ на развитие региональной экономики в начале нулевых годов проявлялось главным образом в борьбе за передел собственности, уходе от уплаты налогов в региональный бюджет, пенсионный фонд и сбросе социальной сферы на муниципальные власти. Погоня за прибылью в ущерб интересам развития края и увод капиталов за рубеж занимали в данном рейтинге 4-ю и 5-ю позицию. В конце 2010-х гг. погоня за прибылью в ущерб интересам региона, увод капиталов за рубеж и уход от уплаты налогов в региональный бюджет и пенсионный фонд вышли на первые позиции.

В представлении экспертов ФПГ оказывают больше отрицательного, чем положительного влияния на развитие экономики Красноярского края (совокупное число отрицательных высказываний примерно в 2 раза превышает совокупное число положительных высказываний на каждом исследовательском этапе);

– ФПГ на территории своего размещения практически «не замечают» органов местного самоуправления. Последние не получают каких-либо значимых дивидендов от пребывания крупного бизнеса на своей территории, имея при этом последствия в виде негативного влияния на экологию и истощения природных ресурсов. Влияние гражданского общества на политику, проводимую крупным бизнесом, незначительное и во многом носит символический характер и проявляется главным образом в виде протестной деятельности, связанной с проблемами экологии;

– все вышесказанное позволило сделать вывод: в настоящее время ФПГ, представленные в Красноярском крае и Республике Хакасия, ориентированы главным образом на реализацию корпоративных интересов в ущерб интересам региона и его жителей.

Глава 4. Муниципальная власть и гражданское общество в региональной структуре властных отношений: проблемы взаимодействия

Именно на уровне местного самоуправления решается большинство вопросов, которые ежедневно волнуют каждого человека. Неслучайно президент РФ В.В. Путин говорит о том, что местная власть должна быть устроена так, чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой¹, и что «местное самоуправление – самый близкий к людям уровень публичной власти. От его работы во многом зависит доверие к государству в целом, социальное благополучие граждан, их уверенность в успешном развитии всей страны» [64]. Поэтому так важен характер взаимоотношений, складывающийся между органами местного самоуправления и населением. Данной проблеме посвящен параграф 4.1 «Состояние и перспективы взаимоотношений местных органов власти и граждан».

В параграфе 4.2. «Социальные последствия отмены прямых выборов глав муниципальных образований» показаны социальные выгоды для населения использования модели местного самоуправления, предусматривающей прямые выборы главы муниципального образования. В том случае, когда политическая карьера муниципального руководителя напрямую зависит от поддержки со стороны избирателей, местные органы власти объективно заинтересованы в сотрудничестве с гражданским обществом, от которого выигрывают обе стороны. Если местные власти не заинтересованы в таком сотрудничестве, то несут потери также две стороны. Размер этих потерь для населения и для самой власти показан на примере муниципального образования г. Красноярск.

Важными показателями, характеризующими состояние гражданского общества, выступают социальное самочувствие населения, волнующие его социальные проблемы и социальная инфраструктура муниципальных образований. Изучению этих проблем посвящены параграфы 4.3 «Актуальные проблемы местного самоуправления и динамика социального самочувствия граждан в регионах» и 4.4. «Проблемы социальной инфраструктуры муниципальных образований». Информация, представленная в двух последних параграфах, может служить специфичным показателем успешности реализуемых государственными и муниципальными органами власти социально-экономических и политических преобразований, направленных на улучшение благосостояния граждан.

4.1. Состояние и перспективы взаимоотношений местных органов власти и граждан

В данном параграфе предлагается решить следующие задачи. Во-первых, проследить специфику взаимодействия местных органов власти и гражданского общества в г. Красноярске

¹ Путин: Местная власть должна быть такой, чтобы любой гражданин мог дотянуться до нее рукой [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/1609826/> (дата обращения: 21.03.2020).

в 2000-х годах. Во-вторых, изучить специфику и противоречия в сфере взаимоотношений граждан и органов местного самоуправления Красноярского края.

4.1.1. Город Красноярск в 2000–2011 гг. как пример успешного сотрудничества муниципальных властей и гражданского общества

В данном разделе предстоит решить следующие задачи. Во-первых, изучить динамику оценки деятельности главы г. Красноярска П.И. Пимашкова и исследовать динамику его имиджа. Во-вторых, проследить зависимость между материальным положением и социальным самочувствием граждан и их оценками деятельности главы г. Красноярска. В-третьих, выяснить факторы, влияющие на уровень поддержки кандидатов от местной партии власти на муниципальных выборах и на избирательную активность горожан.

Исследовательский интервал охватывает период с 2000-го по 2013 годы¹. Чем обусловлен указанный временной интервал? В 1996 г. главой г. Красноярска на прямых выборах избирается П.И. Пимашков, проработавший в этой должности в общей сложности 15 лет. В 2011 г. исполняющим обязанности главы Красноярска назначается Э.Ш. Акбулатов, а летом 2012 г. на прямых выборах он избирается главой города. В данном случае представляет исследовательский интерес сопоставление результатов социологических исследований и электоральной статистики в период управления городом названными руководителями.

Осмысление социально-политических процессов, протекающих на муниципальном уровне г. Красноярска в 2000-х гг., и результатов мониторинговых социологических исследований позволили сформулировать следующую гипотезу. Между муниципальной властью и гражданским обществом был заключен негласный *общественный договор* о сотрудничестве. Данный договор предусматривал, с одной стороны, максимальную ориентацию деятельности местных властей в рамках своих полномочий и имеющихся возможностей на социально-экономическое развитие города и повышение благосостояния горожан. С другой стороны, гражданское общество брало на себя обязательство оказывать всестороннюю активную поддержку всех инициатив, проектов и программ, предлагаемых муниципальной властью, включая поддержку ее кандидатов на местных выборах.

Представление о том, какими выгодами оборачивалась реализация данного договора для горожан, дает информация из параграфа 4.2. Приведем лишь один весьма показательный пример. Городская администрация активно претворяла в жизнь проект под названием «Создание и работа социально ориентированных магазинов», направленный на поддержку малообеспеченных граждан через предоставление возможности приобретения продуктов

¹ Диссертант, работая в администрации г. Красноярска с 2000-го по 2011 гг., имел возможность проводить социологические исследования в мониторинговом режиме.

питания по более низким ценам за счет прямых договоров торгующих организаций с производителями и оптовыми поставщиками и минимальной торговой надбавкой. По оценкам местных экспертов, в среднем за год экономия денежных средств на одного красноярца составляла до половины среднемесячной заработной платы работающего горожанина [59].

Логично предположить: при наличии договора, в реализации которого заинтересованы обе стороны, подписавшие этот документ, глава муниципалитета должен пользоваться популярностью среди горожан. Результаты мониторинговых социологических исследований убедительно подтверждают данную гипотезу (табл. 4.1).

Табл. 4.1

**Динамика оценки деятельности главы Красноярска П.И. Пимашкова в 2000–2011 годах
(% от числа опрошенных)**

Оценки	Год проведения опроса				
	2000	2002	2003	2005	2006
Положительно	31,7	37,3	36,4	34,0	30,5
Скорее положительно	45,6	45,1	35,6	38,1	43,8
Скорее отрицательно	7,9	5,7	12,1	9,4	7,4
Отрицательно	5,6	6,1	7,5	8,4	6,8
Затрудняюсь ответить	9,2	5,8	8,4	10,1	11,5
Индекс оценки деятельности	+63,8	+70,6	+52,4	+54,3	+60,1

Продолжение таблицы 4.1

**Динамика оценки деятельности главы Красноярска П.И. Пимашкова в 2000–2011 гг.
(% от числа опрошенных)**

Оценки	Год проведения опроса				
	2007	2008	2009	2010	2011
Положительно	31,7	32,6	29,1	29,2	22,4
Скорее положительно	40,7	33,9	36,8	39,9	40,7
Скорее отрицательно	8,2	8,1	7,9	11,9	10,6
Отрицательно	7,9	6,2	9,8	6,7	9,2
Затрудняюсь ответить	11,5	19,2	16,4	12,3	17,1
Индекс оценки деятельности	+56,3	+52,2	+48,2	+50,5	+43,3

Источник: [166, с. 108].

Судя по полученным данным, на протяжении всего периода наблюдений респонденты достаточно высоко оценивали деятельность П.И. Пимашкова. Доля положительных оценок колебалась в диапазоне от 63,1% до 82,4%, негативных оценок – в узком диапазоне от 11,8% до 19,8%. Индекс оценки деятельности находился в интервале от +43,3% до +70,6%, а его среднее значение за одиннадцатилетний период (2000–2011 гг.) составило +55,1%.

Деятельность главы города высоко оценивалась в большинстве социальных групп и мало зависела от пола, возраста, уровня образования и материального положения респондентов.

Дифференцирующим фактором в данном случае выступал только социально-профессиональный статус респондентов. К примеру, в 2000 г. наибольший уровень поддержки наблюдался среди служащих, гуманитарной и технической интеллигенции, пенсионеров и рабочих – от 72,2% до 82,2%; наименьший – среди руководителей предприятий и организаций (47,3%) и сотрудников правоохранительных органов (53,6%).

Результаты мониторинговых исследований позволили сделать важный вывод: граждане судят о деятельности местного органа власти, главным образом исходя из оценки деятельности ее руководителя. При этом оценки деятельности городской администрации, как правило, ниже оценки главы города и имеют общий вектор изменений. Так, индекс оценки деятельности администрации и главы г. Красноярск в 2000 г. составляли соответственно +49,9% и +63,8%; в 2003 г. – +43,1% и +52,4%; в 2006 г. – +46,2% и +60, %; в 2008 г. – +36,9% и +52,2%; в 2010 г. – +19,8% и +50,5% и в 2011 г. – +16,1% и +43,3% [166, с. 104]. Как хорошо видно, индекс оценки деятельности городской администрации снижается быстрее, чем индекс оценки деятельности главы города. Это означает, что в общественном сознании успехи и достижения в деятельности местных властей связываются главным образом с деятельностью руководителя муниципалитета, в то время как неудачи и упущения – с местными чиновниками и депутатами.

Каким образом в общественном сознании красноярцев отражалась деятельность главы города П.И. Пимашкова? В 2000 г. при проведении массового опроса диссертантом использовалась методика, которую российские социологи применяли при изучении образов кандидатов на пост президента страны в 1996 г. [296, с. 24, 25], адаптированная к местным условиям. Респондентов просили выбрать любое количество из предложенных 20 вариантов. Общая сумма ответов составила 241,4%, т. е. каждый респондент в среднем отмечал 2–3 позиции. Результаты опроса показали, что в общественном сознании красноярцев глава города П.И. Пимашков воспринимается главным образом как *авторитетный человек, знающий, что и как делать для решения проблем, стоящих перед городом, как опытный хозяйственный руководитель, имеющий профессиональную команду управленцев и обладающий высокими моральными качествами.*

В то же время в образе П.И. Пимашкова практически отсутствовали такие черты, как *умение поддержать авторитет власти, уходя от обсуждения своих ошибок; умение умалчивать о трудностях, чтобы избежать напряженности в обществе, и настойчивость в проведении своей политики, даже вопреки недовольству людей* [166, с. 113].

Сопоставление образа П.И. Пимашкова с образом идеального руководителя выявило удивительную близость между ними. Расхождение результатов по большинству исследуемых параметров находилось на уровне погрешности измерения либо незначительно ее превышало. Данное обстоятельство позволило высказать гипотезу: в 2000 г. для жителей г. Красноярск

образ идеального руководителя – это не столько некий абстрактный или собирательный образ политика, сколько образ действующего главы города П.И. Пимашкова. Отсюда и столь высокие оценки деятельности: три четверти респондентов (77,3%) в той или иной степени позитивно оценивали его деятельность на посту главы города в 2000 году.

Вместе с тем использование в массовом опросе вышеуказанной методики изучения имиджа (образа) руководителя высветило ее основные недостатки: большое количество исследуемых позиций и трудности для восприятия респондентами ряда формулировок. Отчетливо проявился еще один недостаток данной методики – отсутствие возможности у респондентов напрямую выразить негативное отношение к руководителю. С целью преодоления указанных недостатков осуществлялся поиск других исследовательских методик, связанных с изучением образов политиков. В конечном итоге предпочтение было отдано методике, с которой диссертант познакомился при изучении опыта политических исследований в г. Томске в 2000 году. Данная методика содержала перечень из 10 качеств (характеристик) руководителя, из которых 5 имеют четко выраженную позитивную направленность (позиции 1–5); 4 – ярко выраженную негативную направленность (позиции 6–9). Позиция 10 «руководитель, связанный с финансово-промышленными группами» имеет нейтральную окраску и способствует целостному восприятию образа руководителя (табл. 4.2).

Таблица 4.2

**Динамика имиджа главы города Красноярска П.И. Пимашкова в 2002–2011 годах
(% от числа опрошенных)**

Качества руководителя	Год проведения опроса				
	2002	2006	2008	2010	2011
Опытный руководитель, хозяйственник	71,1	63,3	66,9	70,3	67,5
Патриот края	38,8	39,6	38,6	31,1	24,5
Человек чести	34,2	29,4	25,7	21,0	14,5
Защитник простых людей, реально помогающий им	29,4	22,5	24,9	20,8	10,3
Политик, поддерживаемый федеральным центром	10,1	6,3	7,1	11,1	11,8
Честолюбивый человек, жаждущий власти	16,4	11,5	10,3	7,7	9,0
Политик, играющий на публику	12,9	13,1	12,2	17,4	13,1
Бездушный начальник, чиновник-бюрократ	8,3	0,8	4,9	4,5	3,6
Критик, оппозиционер	1,7	0,5	0,8	0,6	0,8
Руководитель, связанный с ФПГ	4,5	7,1	4,7	1,4	0,7

Источник: [166, с. 114].

Анализ полученной информации позволил сделать вывод: в течение всего периода наблюдений в общественном сознании красноярцев глава города П.И. Пимашков

воспринимался главным образом как опытный руководитель, хозяйственник. Данное качество мэра постоянно отмечали 2/3 и более респондентов. Полученные данные хорошо коррелируют с основными чертами главы города, полученными по первой методике: *авторитетный человек, знающий, что и как делать для решения проблем, стоящих перед городом, и опытный хозяйственный руководитель*. В то же время П.И. Пимашкову не были присущи такие качества, как политик, играющий на публику, бездушный чиновник-бюрократ и критик-оппозиционер.

Высокие оценки деятельности главы города П.И. Пимашкова в сочетании с позитивным имиджем детерминировали основные результаты выборов органов местного самоуправления г. Красноярска в 2000-х годах. Он одерживал уверенные победы на трех прямых выборах главы муниципалитета в нулевых годах (2000-м, 2004-м и 2008 гг.), получая поддержку со стороны квалифицированного большинства избирателей. На выборах городской представительной власти в 2000-м, 2004-м и 2008 гг. кандидаты, входящие в команду Пимашкова, получали большинство депутатских мандатов (от 60% до 74,3%)¹.

И, как свидетельствуют результаты exit poll, для большинства избирателей основным фактором, определяющим их электоральный выбор, являлось вхождение кандидата в партийный список, поддерживаемый главой города². Это означает, что со стороны гражданского общества негласный общественный договор строго выполнялся.

Следует отметить еще один положительный момент, связанный с реализацией данного договора. Для эффективного выполнения взятых на себя обязательств местные органы власти должны были обеспечить высокий профессиональный уровень своих сотрудников и конструктивное взаимодействие администрации с городским советом. О профессионализме городских чиновников и депутатов свидетельствуют данные таблицы 2.20, из которых следует: органы местного самоуправления г. Красноярска под руководством П.И. Пимашкова занимали в краевом конкурсе эффективности деятельности органов местного самоуправления стабильно только 1-е или 2-е места. Это означает: во-первых, подбор сотрудников городской администрации, обучение и контроль их деятельности со стороны руководства города осуществлялись на высоком профессиональном уровне; во-вторых, свидетельствует о наличии конструктивных взаимоотношений между исполнительной и законодательной ветвями городской власти. Последнее обеспечивалось в основном благодаря тому, что 2/3 составов городских советов трех созывов в 2000-х гг. состояло из политических соратников главы. А также за счет того, что представительный орган состоял преимущественно из работников бюджетной сферы, среди которых выделялись руководители медицинских,

¹ Злотковский В.И. Выборы главы г. Красноярска в 2012 г. в зеркале социологии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2 (11), ч. 1. – С. 74.

² Злотковский В.И. Из опыта проведения exit poll в Красноярске // Социология власти : информ.-аналит. бюл. – 2001. – № 5–6. – С. 102–104.

общеобразовательных и иных муниципальных учреждений [166, с. 209]. Подобного рода социально-профессиональная структура депутатов способствовала социально-экономическому развитию города и укреплению контактов местных органов власти и населения. Поясним данную мысль на следующем примере. Если даже депутат в лице главного врача лоббировал интересы своего медицинского учреждения, добиваясь выделения дополнительных денежных средств на строительство нового здания, закупку современного оборудования, переподготовку сотрудников и др., то в выигрыше оказывались все: и медицинское учреждение, и жители, проживающие в конкретном избирательном округе, и в конечном итоге все жители города.

Влияло ли материальное положение и социальное самочувствие красноярцев на уровень поддержки главы города и его политических соратников на муниципальных выборах? Если да, то в какой мере? Для ответа на эти вопросы обратимся к таблице 4.3, в которой сводный индекс общественных настроений рассчитывается как среднее значение двух индексов: сводного индекса социального самочувствия¹ и индекса оценки деятельности главы города.

Таблица 4.3

Динамика социального самочувствия жителей г. Красноярска и оценки деятельности главы города в 2000–2013 годах (% от числа опрошенных)

Дата проведения опроса (месяц, год)	Индекс материального положения	Сводный индекс социального самочувствия	Индекс оценки деятельности главы города	Сводный индекс общественных настроений
<i>Глава города П.И. Пимашков</i>				
10.2000	2,8	29,3	63,8	46,5
07.2003	5,5	39,9	52,4	46,1
02.2004	19,2	42,5	56,7	49,6
05.2005	20,6	43,7	54,3	49,0
10.2007	37,0	58,1	56,3	57,2
12.2008	33,2	41,0	52,2	46,6
09.2009	1,9	36,0	48,2	42,1
02.2010	18,1	46,4	47,5	46,9
06.2011	33,4	58,9	43,3	51,1
<i>Глава города Э.Ш. Акбулатов</i>				
05.2012	51,6	61,9	41,9	51,9
08.2013	61,9	48,3	16,4	32,3

Источник: Злотковский В.И. Динамика социального самочувствия жителей города Красноярска и его влияния на результаты муниципальных выборов (2000–2013 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 3 [121]. – С. 120.

Вначале рассмотрим динамику изменения социальных индексов в интервале 2000–2008 годов, чтобы охватить период проведения муниципальных выборов в 2000-м, 2004-м и 2008 годах. Индекс материального положения с +2,8% в 2000 г. устойчиво увеличивался и составил

¹ Расчеты индекса материального положения и сводного индекса социального самочувствия представлены в п. 4.3.

+37,0% в октябре 2007 г., чтобы через год снизиться до значения +33,2%. Аналогичным образом менялся и сводный индекс социального самочувствия: +29,3%; +58,1% и +41,0% соответственно. В то же время индекс оценки деятельности главы города имел небольшой тренд на понижение: с +63,8% в 2000 г. до +52,2% в 2008 году.

Таким образом, в 2000–2008 гг. сводный индекс социального самочувствия и индекс оценки деятельности главы города имели разную направленность, взаимно компенсируя друг друга, сохраняя примерно на одном уровне значение сводного индекса общественных настроений в период проведения муниципальных выборов: +46,5% (2000 г.), +49,6% (2004 г.) и +46,6% (2008 г.). Отсюда закономерные победы главы города и членов его команды на муниципальных выборах.

В представленной таблице обращает на себя внимание тенденция понижения индекса оценки деятельности П.И. Пимашкова. За 11 лет индекс его оценки деятельности снизился на треть – с +63,8% в 2000 г. до +43,3% в 2011 году. С чем это может быть связано? Гипотеза следующая: отсутствие в течение длительного времени решений социальных проблем, которые в наибольшей степени волнуют горожан (табл. 4.4). Судя по данным этой таблицы, значимые для красноярцев в 2000 г. социальные проблемы так и не получили своего разрешения к 2011 году. Более того, не прослеживается тенденция снижения их актуальности для горожан. Речь идет о проблеме роста цен на товары и услуги, росте наркомании и алкоголизма, тревоге за будущее детей и внуков, низком качестве медицинских услуг, экологической обстановке, безработице, занятости населения. Со временем к ним добавились высокие тарифы на услуги ЖКХ, низкий уровень заработной платы и недостаточное благоустройство улиц и дворов. Каждого пятого-шестого респондента во второй половине нулевых годов стали волновать такие проблемы, как нехватка мест в детских садах и нехватка мест для парковок автомобилей, ранее не тревожащие красноярцев. В 2010 г. четко обозначилась проблема автомобильных пробок на дорогах, беспокоящая каждого третьего респондента.

Вопрос о степени влияния городских властей на решение вышеперечисленных социальных проблем дискуссионный. Безусловно, многие социальные проблемы не имеют решения на муниципальном уровне, например, сдерживание роста цен на товары и услуги. Это проблема, решение которой прежде всего зависит от конъюнктуры мировых рынков, общего уровня социально-экономического развития страны и политики, проводимой органами власти всех уровней. Между тем решение ряда социальных проблем все-таки находится в той или иной степени в компетенции органов местного самоуправления. Например, автомобильные пробки на дорогах, нехватка мест для парковок автомобилей и особенно – недостаточное благоустройство улиц и дворов. Судя по результатам массовых опросов, респонденты также убеждены: городские власти должны принимать более активное участие в решении таких

социальных проблем, как повышение качества работ жилищно-коммунальных служб, улучшение экологической обстановки в городе и ликвидация дефицита мест в детских садах.

Таблица 4.4

Динамика социальных проблем, вызывающих наибольшее беспокойство жителей города Красноярска в 2000–2011 годах
(% от числа опрошенных; приведены позиции, отмеченные 10 и более процентами респондентов; данные ранжированы по 2011 г.)

Социальные проблемы	Год проведения опроса			
	2000	2005	2008	2011
Рост цен на товары и услуги	56,1	59,5	66,8	58,3
Высокие тарифы на услуги ЖКХ	–	47,5	50,5	57,5
Рост наркомании и алкоголизма	43,5	51,1	41,1	46,0
Низкий уровень зарплат, пенсий и пособий	–	35,6	38,8	45,8
Тревога за будущее детей и внуков	43,4	51,1	41,1	41,3
Автомобильные пробки на дорогах	–	–	32,3	34,4
Низкое качество медицинских услуг	23,6	21,6	26,6	26,4
Работа коммунальных служб	–	11,9	22,3	24,2
Экологическая обстановка	19,7	18,1	21,5	23,8
Недостаточное благоустройство улиц и дворов	–	24,2	18,4	21,1
Нехватка мест в детских садах	–	–	13,6	18,2
Безработица, занятость населения	29,7	21,3	12,9	17,9
Недостаток мест для парковок автомобилей	–	–	13,6	14,7

Примечание. Прочерк обозначает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

Источник: [166, с. 29].

Все вышесказанное позволило сделать вывод: негласный общественный договор между муниципальной властью и гражданским обществом успешно выполнялся для взаимной выгоды обеих сторон. Между тем у гражданского общества не было слепого преклонения перед личностью популярного и авторитетного руководителя. Оно внимательно отслеживало развитие событий в городе и выражало свою позицию, посылая специфичные сигналы городским властям в виде снижения оценки деятельности главы города (см. табл. 4.1) и снижения привлекательности его публичного образа (имиджа). Так, имидж П.И. Пимашкова, рассчитываемый как разность суммы его позитивных черт¹ и суммы негативных черт², имел тенденцию к снижению: +147,3% (2002 г.); +135,2% (2006 г.); +135,0% (2008 г.); +124,1% (2010 г.) и +102,6% (2011 г.). Важно отметить: имидж несколько терял свою привлекательность не за счет роста негативной составляющей, а за счет снижения значений некоторых позитивных черт. К примеру, если в 2002 г. 29,4% респондентов отмечали позицию «защитник простых людей, реально помогающий им», то в 2011 г. их доля сократилась почти в три раза и составила 10,3%.

¹ К позитивным чертам отнесены: опытный руководитель, хозяйственник, патриот края, человек чести, защитник простых людей, реально помогающий им, и политик, поддерживаемый федеральным центром.

² К негативным чертам отнесены: честолюбивый человек, жаждущий власти, политик, играющий на публику, бездушный начальник, чиновник-бюрократ и критик, оппозиционер.

Вместе с тем гражданское общество продолжало добросовестно выполнять свои обязательства по договору. На досрочных выборах 14 марта 2010 г. депутатов городского совета в одномандатных округах № 10 и № 11 уверенно победили кандидаты, поддерживаемые главой города: К.М. Филиппов (68,1%) и В.П. Алексеев (61,9%)¹. При этом рекламно-агитационная кампания первого заместителя главы города К.М. Филиппова была заметно более активной и интенсивной, чем у В.П. Алексеева. Однако разница в числе проголосовавших за них избирателей оказалась незначительной. Следовательно, решающим фактором электоральной поддержки на выборах являлась именно причастность кандидатов к команде Пимашкова.

Воспринимала ли сигналы, посылаемые гражданским обществом о своем неудовлетворении развитием событий в городе, новая муниципальная власть, сформированная после ухода П.И. Пимашкова в конце 2011 года? Чтобы ответить на этот вопрос, вновь обратимся к таблице 4.3. В мае 2012 г. значение сводного индекса общественных настроений составило +51,9%, что сопоставимо с усредненным значением сводного индекса в 2000–2008 годах. Вследствие этого вполне закономерным стало избрание на досрочных выборах главы города кандидата от региональной партии власти в лице исполняющего обязанности мэра Красноярска Э.Ш. Акбулатова. За него проголосовали большинство избирателей, принявших участие в выборах (69,3%) [37, с. 68].

Однако уже на выборах депутатов Красноярского городского совета в сентябре 2013 г. «Единая Россия», чей партийный список единолично возглавлял глава города Э.Ш. Акбулатов, показала весьма скромный результат, получив лишь треть от общего числа депутатских мандатов (33,3%) [4, с. 155]. И это несмотря на активную информационную поддержку в СМИ, в том числе и через единственную муниципальную газету в г. Красноярске «Городские новости»². В преддверии выборов газета с агитационными материалами в поддержку «Единой России» выпускается тиражом 310 тыс. экземпляров (в 9 раз выше обычного тиража) и бесплатно распространяется среди избирателей. Для справки: в г. Красноярске зарегистрировано немногим более 700 тыс. избирателей.

Результат «Единой России» на выборах 2013 г. оказался самым низким в г. Красноярске за весь исследуемый период, но и самый низкий по сравнению с аналогичными выборами, проводившимися в этот период в 12 городах – административных центрах, субъектах РФ³.

¹ 15 лет избирательной комиссии города Красноярска. Люди и факты. 1996–2011 / под общ. ред. А.Г. Лисовской. – Красноярск: Офсет, 2011. – С. 88.

² Zlotkovsky V.I., Zlotkovskaya A.V. Municipal newspaper in urban society // В мире научных открытий. Сер.: Соц.-гуманит. науки. – 2014. – № 9.3 (57). – С. 1254–1270.

³ Злотковский В.И. Результаты муниципальных выборов как фактор оценки деятельности местной власти (на примере выборов депутатов Красноярского городского Совета депутатов в сентябре 2013 года) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 89.

Результаты муниципальных выборов в г. Красноярске в 2013 г. наглядно и убедительно объясняются с помощью сводного индекса общественных настроений. В августе 2013 г. по сравнению с весной 2012 г. сводный индекс снизился в полтора раза и составил +32,3%. Произошло это за счет существенного снижения индекса оценки деятельности нового главы города: +41,9% (май 2012 г.), +29,7% (декабрь 2012 г.) и +16, % (август 2013 г.) [прил. 1; 32]. Таким образом, индекс оценки деятельности главы города всего за год и 4 месяца снизился в 2,5 раза. Данный политический феномен объясняется, скорее всего, несбывшимися надеждами и ожиданиями красноярцев, порожденными в ходе выборов на пост главы города Э.Ш. Акбулатова [235, с. 89]. Дело в том, что на момент назначения исполняющим обязанности главы Красноярска он не был известен абсолютному большинству избирателей, но за счет активного использования административного ресурса и в первую очередь полугодовой раскрутки в СМИ в общественное сознание красноярцев вошел как опытный хозяйственник, грамотный и эффективный управленец. Однако этот образ стал быстро размываться той политикой, которую проводила новая городская власть. Достаточно сослаться на результаты общегородского опроса, проведенного в 2013 году. Две трети респондентов заметили перемены к худшему в ситуации с детскими садами, состоянием дорог, в промышленном производстве; половина – в сфере занятости населения и здравоохранения. В целом сводный индекс изменений в сферах жизни города, рассчитываемый как среднее 11 частных индексов, за два года уменьшился почти в два раза: с +42,9% в 2011 г. до + 24,1% в 2013 году (см. п. 4.3).

Осмысление данного политического феномена позволяет выдвинуть следующую гипотезу. В новых политических условиях, когда идея отмены прямых выборов главы Красноярска, как говорится, витала в воздухе, новый руководитель, по всей вероятности, увязывал свои карьерные перспективы не столько с поддержкой со стороны населения, сколько с благосклонностью краевой власти. Вследствие этого со стороны муниципальных властей г. Красноярска произошел отказ от продления негласного общественного договора с гражданским обществом, после чего из договора вышла и вторая сторона, существенно снизив электоральную поддержку кандидатов от действующей власти на местных выборах. Судя по результатам exit poll, проведенного на выборах депутатов Красноярского городского совета депутатов 8 сентября 2013 г., большая часть работников здравоохранения и образования, ранее активно поддерживающих городскую власть, проигнорировала участие в этой избирательной кампании¹.

В контексте сказанного выше следует обратить внимание на два важных обстоятельства. Первое связано со снижением профессионального уровня муниципальных чиновников. В

¹ Злотковский В.И. Результаты повторного выбора депутата городского совета как фактор оценки его деятельности в отчетный период.

новый состав городской администрации на руководящие должности все чаще стали попадать люди по протекции и рекомендациям сверху, не имеющие должного опыта муниципальной работы и не всегда имеющие профильное образование, соответствующее назначению. В отношении некоторых руководящих должностей наблюдалась то, что принято называть термином «кадровая чехарда». Как результат, позиции местных органов власти г. Красноярска, возглавляемых Э.Ш. Акбулатовым, в краевом рейтинге заметно понизились. С 2012-го по 2015 гг. краевой центр переместился в нижнюю часть рейтинга, занимая места с 7-го по 11-е среди 17 городов, а в 2016 г. – опустился на предпоследнее место [77].

Второе обстоятельство связано с изменениями в социальной структуре представительной власти и характере его взаимоотношений с исполнительной властью. Как отмечалось ранее, в 2000-х гг. большая часть народных избранников состояла из работников бюджетной сферы и входила в состав команды Пимашкова. Глава города, обладая поддержкой со стороны населения и депутатского корпуса, имел возможность эффективно отстаивать интересы города и его жителей перед краевыми органами власти.

По итогам выборов в городской совет в 2013 г. 2/3 депутатских мандатов досталось представителям сферы бизнеса¹, которые, выступая в СМИ, не скрывали намерений по отстаиванию корпоративных интересов. Кроме того, определенная часть депутатов находилась в оппозиции к исполнительной власти, что негативно отражалось на решениях, принимаемых городским советом. Нередко в городском парламенте блокировались предложения, поступающие из городской администрации.

В данном случае важно отметить: избиратели не только замечали негативные изменения в различных сферах жизни города, но и начинали осознавать снижение возможностей своего влияния на городские власти и проводимую ими политику. Так, если в 2005 г. доля респондентов, не верящих в возможности своего влияния на политику местных органов власти, составляла 28,3% [прил. 1; 13], то в 2011 г. – уже 42,1% [прил. 1; 31], а в 2016 г. – 59,4% [прил. 1; 38]. В этих условиях избиратели выражали свое отношение к процессам, происходящим в политической сфере, в наиболее доступной для себя форме – снижением своей активности на выборах. Так, если на муниципальных выборах в 2000 г. явка избирателей составила 43,3% [3, с. 108], то на досрочных выборах главы города в 2012 г. – 21,2% [37, с. 68], т. е. в два раза ниже. А на выборах депутатов городского совета в 2013 г. явка избирателей опустилась до отметки 18,6% [4, с. 137], т. е. по сравнению с 2000 г. снизилась в 2,3 раза. Это самый низкий показатель за весь постперестроечный период.

¹ Злотковский В.И., Злотковская А.В. Динамика представительства гуманитарной интеллигенции в депутатском корпусе Красноярского городского совета в 1996–2013 гг. // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, социол. фак., Центр социол. исслед.; под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С. Цапко. – М.: РГГУ, 2015. – С. 162.

Представленная информация по г. Красноярску наглядно иллюстрирует то, насколько значима роль главы муниципального образования в жизни местных сообществ. Об этом же свидетельствуют электоральная статистика и результаты социологических исследований в других муниципальных образованиях Красноярского края. Так, по итогам прямых выборов глав городов и районов края в 2005 г. сменяемость их состава была 79,3% [167, с. 18]. Основная причина обновления корпуса глав – неудовлетворенность их деятельностью со стороны большей части избирателей. В свете сказанного механизм избрания главы муниципального образования был и остается весьма актуальной проблемой для РФ.

4.1.2. Противоречия в сфере взаимоотношений граждан и органов местного самоуправления Красноярского края

В данном разделе предполагается решить следующие задачи. Во-первых, изучить оценки деятельности глав местного самоуправления Красноярского края. Во-вторых, исследовать представления граждан о позитивных и негативных аспектах деятельности местных органов власти. В-третьих, проследить изменение роли представительной власти органа местного самоуправления в жизни муниципальных образований.

В табл. 4.5 представлены результаты мониторинговых исследований, отражающие отношение населения к деятельности глав муниципальных образований Красноярского края.

Таблица 4.5

Динамика оценки деятельности глав городов и районов Красноярского края в 2002–2016 годах (% от числа опрошенных)

Оценки	Год проведения опроса				
	2002	2005	2011	2015	2016
Положительно	13,1	21,2	12,3	9,5	8,2
Скорее положительно	24,0	15,1	16,7	17,3	19,1
Скорее отрицательно	18,0	14,4	13,2	10,5	14,2
Отрицательно	21,6	27,5	24,3	26,2	27,4
Затрудняюсь ответить	23,3	21,8	33,5	34,6	31,1
Индекс оценки деятельности	-2,5	-5,6	-8,5	-9,9	-13,9

Источники: Данные за 2002-й, 2005-й, 2011-й и 2015 гг.: [167, с. 21]; данные за 2016 г. получены в ходе краевого социологического исследования [прил. 1; 38].

При анализе данных указанной таблицы обращают на себя внимание два важных обстоятельства. Во-первых, наблюдается устойчивое снижение оценки деятельности глав городов и районов. За 14 лет этот индекс снизился в 5,5 раза: с -2,5% в 2002 г. до -13,9% в 2016 году. Во-вторых, в 2010-х гг. заметно выросло число респондентов, затрудняющихся оценить работу руководителя муниципалитета. Если в 2002–2005 гг. к ним относился каждый 4-5-й участник опроса, то в 2011–2016 гг. – уже каждый третий. Складывается парадоксальная ситуация, когда гражданам оказывается проще оценивать деятельность руководителей региона,

чем руководителя своего муниципального образования. Так, в ходе краевого социологического исследования в 2016 г. число респондентов, затруднившихся оценить деятельность губернатора края В.А. Толоконского, составляло 22,9% респондентов, спикера краевого парламента А.В. Усса – 27,8% [прил. 1; 38]. В то время как число респондентов, затрудняющихся оценить деятельность главы муниципального образования, составило 31,1–34,6% в 2011–2016 годах.

Данные таблицы 4.5 и информация, представленная в параграфе 4.3, позволяют в очередной раз подтвердить гипотезу: между оценками деятельности глав местного самоуправления и материальным положением и социальным самочувствием граждан отсутствует прямая зависимость. Если оценки деятельности муниципальных руководителей устойчиво снижаются, то индекс материального положения и сводный индекс социального самочувствия меняются нелинейно: устойчиво повышались до 2011 г., а затем так же устойчиво понижались.

Причины ухудшения отношения населения к деятельности глав местного самоуправления, скорее всего, те же, что и в г. Красноярске, – отсутствие позитивных изменений в жизни граждан. Социальные проблемы, в наибольшей степени волнующие население, за последние 20 лет так и не получили своего разрешения. В середине 2010-х гг. половина респондентов в той или иной мере не были удовлетворены всеми сферами жизни в своих муниципальных образованиях (см. п. 4.3). Вследствие этого снижение оценки деятельности руководителей муниципалитетов выглядит вполне закономерным. Особую тревогу вызывает высокая и неуклонно повышающаяся совокупная доля респондентов, в той или иной степени негативно оценивающих деятельность муниципальных руководителей, и респондентов, затрудняющихся с оценкой их деятельности. В 2002 г. таковых было 62,9%, в 2005 г. – 63,7%, в 2011 г. – 71,6%, в 2015 г. – 71,5%, в 2016 г. – 72,7%.

К числу значимых причин данного политического феномена следует отнести прежде всего изменения в характере взаимоотношений глав муниципальных образований с гражданами в связи с отказом от прямых выборов. У местных руководителей фактически отпала необходимость завоевания доверия населения и, как следствие, – в регулярных контактах и общении с гражданами. Не останавливаясь далее на этом вопросе, лишь заметим: проблема недоступности для граждан муниципальных руководителей оказалась настолько злободневной, что депутаты Законодательного собрания Красноярского края в 2019 г. выступили с законодательной инициативой о закреплении в обязанностях глав муниципальных образований регулярного проведения личных приемов жителей¹.

¹ Депутаты Заксобрания предложили обязать мэров встречаться с жителями [Электронный ресурс]. – URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fdela.ru%2Fflenta%2F243620%2F&d=1> (дата обращения: 17.10.2019).

К сказанному следует добавить и фактическое исключение из рекламно-агитационных кампаний кандидатов на пост главы муниципального образования таких форм, как работа общественных приемных, встречи с избирателями, сбор наказов и предложений граждан, публикация предвыборных программ. Кандидаты на выборные посты в местные органы власти, как правило, перестали брать на себя обязательства по решению конкретных социальных проблем, волнующих население, предлагать проекты и меры, направленные на повышение уровня и качества жизни граждан. Программы социально-экономического развития муниципального образования, которые кандидаты представляют в конкурсные комиссии, ложатся, как говорится, под сукно и недоступны для общественности. В публичных выступлениях на эти программы не ссылаются ни избранные главы, ни чиновники местных администраций, ни депутаты. Складывается ощущение, что представляемые в комиссии программы выступают главным образом одним из механизмов отбора «согласованных наверху» кандидатов и отсеивания всех остальных.

Существенно сократилось количество выступлений муниципальных руководителей в местных СМИ. При этом публикуемые выступления проводятся, как правило, в режиме монолога, с обхождением наиболее злободневных проблем и обозначением путей их решения. Сказанное позволяет говорить о существенном сокращении объема информации о деятельности местных органов власти и ее руководителей, поступающей к населению со времени введения процедуры непрямых выборов глав местного самоуправления. Все это свидетельствует об информационной закрытости органов местного самоуправления и идет вразрез с установкой Президента РФ о том, чтобы любой гражданин, образно говоря, мог до местной власти дотянуться рукой.

Представление о том, каким образом в современных условиях граждане воспринимают деятельность местных органов власти, дают результаты опросов, проведенных в ряде муниципальных образований Красноярского края в 2016 году. В г. Канске (четвертом по численности населения городе в крае), Канском и Дзержинском районах края [прил. 1; 36; 37] респондентов спрашивали (открытые вопросы): *«Что положительного вы могли бы сказать о работе городской (районной) администрации? Что вам нравится в ее работе?»* и *«Что вам не нравится в работе городской (районной) администрации? В каких направлениях, по вашему мнению, она недорабатывает?»*.

Усредненное количество респондентов, указавших положительные аспекты в деятельности исполнительных органов власти, составило всего 5,2%, негативные аспекты – 56,8%. Весьма красноречивое соотношение – 1 к 10, свидетельствующее о явном доминировании в общественном сознании негативного восприятия деятельности местных органов власти. Наибольшее число ответов (40% от общего числа негативных) связано с

критической оценкой деятельности местных администраций в целом (*плохо работают; не видно их работы; по всем направлениям не дорабатывают; чиновники воруют; власть ничего не делает для развития территории; чиновники не интересуются мнением населения и не учитывают его в своей работе*)¹. Что касается конкретных аспектов деятельности местных администраций, то здесь преобладают негативные высказывания в отношении сферы здравоохранения и ЖКХ, благоустройства территории, состояния автомобильных дорог и занятости населения. Иначе говоря, по мнению респондентов, местные власти явно недорабатывают в решении тех социальных проблем, которые их волнуют в наибольшей степени.

Не могут не тревожить высказывания респондентов в конкретных территориях. Например, в Дзержинском районе Красноярского края респонденты обращали внимание на сложную ситуацию в сфере здравоохранения. В территории, куда входят 8 сельских поселений, а протяженность района с севера на юг составляет 66 километров, с запада на восток – 103 километра, работает всего одна машина скорой помощи, и ее приезда приходится дожидаться по несколько часов. Многие жители Дзержинского и Канского районов озвучивали проблему сложности реализации сельскохозяйственной продукции, произведенной или выращенной на своих участках: мясной или молочной продукции, овощей, зелени. В то же время, по мнению респондентов г. Канска (указанные сельские районы граничат с Канском), городской рынок приходит в упадок и может в ближайшее время закрыться. Трудно понять, почему соседствующие между собой муниципальные образования не в состоянии решить озвученную проблему, способную принести выгоду и городским, и сельским жителям. Сельчане будут получать дополнительные доходы, а горожане – экологически чистые продукты питания по доступным ценам.

Отмечая позитивные аспекты в деятельности местных администраций, участники опроса главным образом говорили о проведении праздников, культурных мероприятий и спортивных соревнований. Изредка назывались работы, связанные с благоустройством населенных пунктов.

Спустя три месяца, в июне 2016 г., проводился опрос в г. Железногорске, пятом по численности населения городе в Красноярском крае. Респондентам задавались аналогичные открытые вопросы: «*Что положительного вы могли бы сказать о работе городской администрации?*» Ранее Железногорск носил название Красноярск-26. Градообразующим предприятием является федеральное государственное унитарное предприятия «Горно-химический комбинат», основной вид деятельности которого – транспортировка и хранение ядерных отходов. Железногорск – закрытый город, и, очевидно, по этой причине материальное положение и социальное самочувствие его жителей заметно выше, чем у жителей края в целом,

¹ Приведены дословные высказывания участников опроса с сохранением орфографии и пунктуации.

даже по сравнению с жителями г. Красноярска. Так, индекс материального положения в г. Железногорске в 2016 г. составил +31,2% против +0,6% (по краю в целом) и +27,4% (в г. Красноярске). Сводный индекс социального самочувствия составил соответственно +49,5%, +33,2% и +46,5% (см. п. 4.3). В то же время, как показало исследование, жителей г. Железногорска волнуют практически те же социальные проблемы, что и жителей других муниципальных образований Красноярского края.

Анализ информации, полученной в ходе ответов респондентов на открытые вопросы в четырех муниципальных образованиях, позволил сформулировать альтернативы для закрытых вопросов, которые в дальнейшем использовались при опросе жителей других муниципальных образований Красноярского края [прил. 1; 38] (табл. 4.6 и 4.7).

Первое, что обращает на себя внимание при анализе указанных таблиц – это то, что усредненное число отрицательных высказываний в три раза превосходит усредненное число позитивных высказываний (75,4% против 23,5% соответственно).

Таблица 4.6

**Представление респондентов о положительных аспектах
в деятельности городских и районных администраций Красноярского края
(% от числа опрошенных)**

Положительные аспекты в деятельности городской (районной) администрации	Муниципальные образования			
	Березовский район	Емельяновский район	г. Сосновоборск	г. Красноярск
Оперативно реагируют на обращения и просьбы горожан	18,9	9,7	0,7	6,3
В администрации работают грамотные специалисты	5,2	1,1	0,8	7,6
Борются с коррупцией, взятками	0,4	0,3	0,6	5,1
Учитывают мнение жителей при подготовке и принятии управленческих решений	0,1	0,9	0,2	6,0
Встречаются с горожанами, чтобы узнать, какие проблемы их волнуют	7,5	0,4	2,9	17,4
Проводят культурные мероприятия, праздники	35,3	21,4	35,1	57,7
Проводят спортивные соревнования	28,8	17,5	6,8	49,9
Помогают жителям решать жилищные проблемы	6,3	0,5	0,2	6,8
Развивают производство, создают рабочие места	0,4	0,2	0,1	1,9
Разрабатывают планы, проекты по развитию отдельных сфер и города (района) в целом	0,1	0,5	2,5	11,9
Иное	0,3	14,3	12,4	6,2
Затрудняюсь ответить	37,6	50,8	55,2	24,9

Представление респондентов об отрицательных аспектах в деятельности городских и районных администраций Красноярского края (% от числа опрошенных)

Отрицательные аспекты в деятельности городской (районной) администрации	Муниципальные образования		
	Березовский район	Емельяновский район	г. Сосновоборск
Благоустройство города (района)	31,3	59,2	11,4
Экология, состояние окружающей среды	1,3	6,7	2,6
Состояние автомобильных дорог	25,1	32,5	18,3
Здравоохранение	46,3	58,5	61,2
Ситуация с местами в детских садах	2,8	2,5	1,2
ЖКХ	44,7	24,2	65,9
Ситуация с занятостью населения	16,3	19,7	24,3
Поддержка малого и среднего предпринимательства	1,1	2,5	2,3
Везде недорабатывает	13,3	12,3	10,9
Иное	3,5	11,3	8,7
Затрудняюсь ответить	6,3	9,8	2,4

Говоря о негативных аспектах в деятельности местных администраций, респонденты главным образом указывали на недоработки в сфере здравоохранения (51,3%), ЖКХ (43,0%), проблемы в благоустройстве населенных пунктов (35,7%), низкое качество автомобильных дорог (26,2%). Каждый восьмой респондент полагал, что власти недорабатывают по всем направлениям.

Отмечая позитивные аспекты, респонденты преимущественно говорили о проведении культурных мероприятий, праздников (37,4%) и спортивных соревнований (18,5%). В то же время, по мнению респондентов, местные органы власти практически не разрабатывают планы, проекты по развитию конкретных сфер и города (района) в целом, не развивают производство и не создают рабочие места, не уделяют должного внимания решению проблем в сфере жилищно-коммунального хозяйства и здравоохранения, не следят за состоянием автомобильных дорог. Они также не борются с коррупцией, взятками, не помогают жителям в решении жилищных проблем. Кроме того, местные органы власти испытывают явный дефицит в квалифицированных специалистах, не встречаются с жителями, чтобы узнать, какие проблемы их волнуют, не учитывают их мнение при подготовке и принятии управленческих решений и не реагируют должным образом на обращения и просьбы граждан. Каждый девятый опрошенный уверен: местные органы власти недорабатывают по всем направлениям.

Данные, полученные в 8 муниципальных образованиях, безусловно, не являются репрезентативными для всех муниципальных образований Красноярского края, и все-таки с ними следует считаться хотя бы потому, что в них проживает 40% от общей численности жителей края.

Далее обратимся к анализу форм участия граждан в местном самоуправлении, предусмотренных Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 года. Здесь называются следующие формы: «референдум, выборы должностных лиц представительных и исполнительных органов местного самоуправления; отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; правотворческая инициатива граждан; территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, сходы граждан, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опросы, обращения граждан в органы местного самоуправления» [86].

Анализ научных публикаций и докладов о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае, выполненных советом муниципальных образований [30; 31; 32; 119, с. 51–53; 184, с. 73–80; 293, с. 4–8; 307, с. 292–297; 344; с. 100–102], позволил сделать следующий вывод: большая часть форм участия населения в местном самоуправлении не используется. Наибольшее распространение получили следующие формы: выборы органов местного самоуправления, публичные слушания и обращения граждан в органы местного самоуправления. При этом и муниципальные выборы, и публичные слушания в большей мере начинают носить имитационный характер участия граждан в местном самоуправлении.

С переходом на выборы глав муниципалитетов депутатским корпусом связывались также надежды на повышение роли представительной власти в системе органов местного самоуправления. Предполагалось повышение статуса представительной власти за счет избрания глав муниципальных образований депутатским корпусом и появление дополнительных механизмов контроля деятельности местных администраций вплоть до отставки ее руководителя. Может быть, с этой задачей удалось справиться в Красноярском крае? По традиции обратимся к результатам проведенных социологических исследований. В сентябре 2011 г. состоялось краевое социологическое исследование [прил. 1; 31], которое показало, что в целом положительно деятельность председателей городских и районных советов депутатов оценивал только каждый десятый респондент (10,7%). Противоположной позиции придерживались 13,4% респондентов. Абсолютное большинство (3/4) респондентов затруднялись с содержательной оценкой (отметили позицию «затрудняюсь ответить»). Таким образом, индекс оценки деятельности председателей городских и районных советов депутатов в 2011 г. составлял –2,7%.

Но, может быть, в результате изменений в системе организации местного самоуправления граждане заметили повышение политического веса представительного органа? Если ориентироваться на результаты социологических исследований, проведенных в 2016 г. в 5 муниципальных образованиях (гг. Канск и Сосновоборск, Дзержинский, Емельяновский и

Березовский районы), то оказывается, что деятельность председателей советов городов и районов в целом положительно оценивали всего 8,3% респондентов, в целом отрицательно – 20,8%. Абсолютное большинство респондентов (70,9%) затруднялось с ответом на этот вопрос. Понятно, что данные по 5 территориям не являются репрезентативными для края в целом. Тем не менее, не может не удивлять близость значений совокупных долей респондентов, в целом негативно оценивающих деятельность председателей городских (районных) советов депутатов, и респондентов, затрудняющихся оценить их работу. В 2011 г. таковых было 89,3%, в 2016 г. – 91,7%.

Если к сказанному добавить крайне низкую известность муниципальных депутатов среди своих избирателей и убеждение граждан в фактическом отсутствии контроля исполнительной власти со стороны представительной власти, то можно сделать следующее предположение. В общественном сознании жителей Красноярского края местная представительная власть, несмотря на внедрение новых моделей организации местного самоуправления в 2010-х гг., как не играла, так и не играет сколько-нибудь существенной роли в жизни муниципальных образований. Становится очевидным: представительная власть, призванная обеспечивать систему сдержек и противовесов в органах местного самоуправления в условиях вертикали власти со своей задачей в должной мере не справляется.

Накопившиеся проблемы в системе местного самоуправления, безусловно, требуют своего разрешения. С этой целью в Красноярском крае в 2010-х гг. осуществлен переход процесса формирования и последующей деятельности местных органов власти под контроль региональных органов власти. В этой связи озвучим проблему, не получившую должного освещения в научной литературе до настоящего времени. А именно: способна ли региональная власть сформировать эффективную местную власть, будучи сама при этом недостаточно эффективной и популярной среди населения?

Обратимся к результатам исследований некоммерческой организации «Фонд развития гражданского общества» «Рейтинг эффективности губернаторов» (табл. 4.8). Расчет эффективности руководителей производился на основе результатов массовых опросов, данных официальной статистики, медиаактивности руководителей и экспертных оценок. Эффективность оценивалась по шкале от 1 (минимальная оценка) до 100 баллов (максимальная оценка). В зависимости от полученных баллов происходило ранжирование руководителей субъектов РФ.

Судя по представленным данным, в апреле 2014 г. губернатор Красноярского края Л.В. Кузнецов с 43 баллами занимал 75-е место среди 77 руководителей, т. е. относился к числу наименее эффективных губернаторов РФ. Не в этом ли заключается основная причина потери

управляемости на муниципальном уровне в Красноярском крае в первой половине 2010-х гг., после того как в 2010 г. была внедрена III модель организации местного самоуправления?

Таблица 4.8

Позиции губернаторов Красноярского края в рейтинге эффективности губернаторов Российской Федерации в 2014–2016 годах¹

Дата исследования	Место среди исследуемых губернаторов	Количество губернаторов, включенных в список для исследования	Эффективность деятельности (в баллах)
Губернатор Красноярского края Л.В. Кузнецов			
Январь 2014 г.	71	81	49
Апрель 2014 г.	75	77	43
Губернатор Красноярского края В.А. Толоконский			
Июль 2014 г.	66–67	83	60
Итоговый за 2014 г.	63–66	82	59
Итоговый за 2015 г.	71–73	85	48
Март 2016 г.	69–70	81	46
Июнь 2016 г.	72–75	85	48

Источник: [72].

Получается, краевая власть, будучи не достаточно эффективной, сформировала и недостаточно эффективную муниципальную власть, что и привело к потере управляемости на местах. Как показано ранее, модель организации местного самоуправления под номером V внедрена в крае в 2015 г. уже при губернаторе В.А. Толоконском. А каковы его позиции в рейтинге эффективности губернаторов РФ? Оказывается, он стабильно входил в число 20 наименее эффективных руководителей. Кроме того, наблюдался устойчивый тренд на понижение его рейтинга: с 63–66-го места в 2014 г. (60 баллов) до 72–75-го места в июне 2016 года (48 баллов). В этом отношении показатели В.А. Толоконского в середине 2016 г. стали приближаться к показателям его предшественника Л.В. Кузнецова на последнем этапе его работы. Неслучайно новый руководитель региона, временно исполняющий обязанности губернатора Красноярского края А.В. Усс, выступая на VIII съезде депутатов Красноярского края 1 ноября 2017 г., оценил экономическую и политическую ситуацию в крае как сложную, указав в качестве основной причины деятельность предыдущего руководства края².

О составе подобранных в 2015 г. глав городов и районов края красноречиво свидетельствуют данные, приведенные в п. 2.3. Каждый пятый из них осужден по уголовным статьям по фактам коррупции, превышения должностных полномочий и мошенничества. Если к

¹ Результаты последних исследований, размещенных на сайте Фонда развития гражданского общества, датированы июнем 2016 года.

² Александр Усс разнес наследие Толоконского [Электронный ресурс] // Дела.ру: сайт. – URL: <http://www.dela.ru/articles/217375/> (дата обращения: 04.11.2017).

этому числу добавить тех, чью деятельность признали неудовлетворительной местные депутаты, то получается, что каждый четвертый оказался не подготовленным к этой работе или недостойным управленцем.

Муниципальные выборы 2020 г. с использованием модели V проходили при новом губернаторе А.В. Уссе. К сожалению, Фонд развития гражданского общества прекратил публикацию рейтингов эффективности губернаторов в 2016 г., но нам известно (см. п. 2.2.), что в этой должности А.В. Усс не относится к числу популярных руководителей региона. Доля респондентов, в целом негативно оценивающих его деятельность в 2020 г., составляла половину от общего числа респондентов. В целом негативно оценивалась респондентами и деятельность краевого правительства и парламента (см. п. 2.2.). В это время начала складываться практика, когда глава муниципалитета по команде сверху в любой момент (через 2-3 года после избрания, за полгода до новых выборов, сразу после выборов депутатов в 2020 г.) может уйти в «добровольную» отставку вне зависимости от эффективности своей работы, оцениваемой краевым правительством, и популярности среди населения. В общей сложности их число составило половину из количества избранных в 2015 году.

Не свидетельствует ли представленная информация о переносе малоэффективных стилей и методов управления с регионального на муниципальный уровень? Не в этом ли заключается одна из главных причин столь непростой ситуации, складывающейся в системе местного самоуправления Красноярского края в 2010-х годах?

В данном случае уместно напомнить слова академика РАН Г.В. Осипова и член-корреспондента РАН В.Н. Кузнецова: «Трагедия современного общества во многом состоит в том, что оно до сих пор должным образом не осознало необходимости введения персональной ответственности лиц, включенных во властные структуры, за социальные последствия принимаемых решений» [261, с. 23]. Вероятно, следует задуматься о возможности передачи на региональный уровень модели организации местного самоуправления только в том случае, когда региональные власти уже сумели доказать свой профессионализм и управленческую состоятельность. И еще один важный момент. Следует согласиться с мнением российского ученого Н.А. Емельянова: «Структура государственной власти будет неустойчивой до тех пор, пока ее не подтвердит жизнеспособная структура местного самоуправления. <...> Государственная власть в этом случае получила бы возможность сосредоточиться на качественном решении действительно общефедеральных и региональных вопросов»¹.

¹ Цит. по: Злотковский В.И. На пути построения сильного местного самоуправления // Актуальные проблемы социально-экономического развития России : сб. ст-й XII Междунар. науч.-практ. конф. / ред. колл.: С.В. Гришаев, Н.А. Колесникова, Е.Н. Сочнева. М.: АТиСО, 2022. – С. 174.

4.2. Социальные последствия отмены прямых выборов глав муниципальных образований

Поиск оптимальной модели организации местного самоуправления был и остается актуальной проблемой РФ. Если во второй половине прошлого столетия и нулевых годах глав местного самоуправления выбирало население, то в 2010-х годах муниципальные образования стали массово переходить на модели, использующие непрямые выборы глав местного самоуправления. Основной посыл такого перехода очевиден: стремление обеспечить приход во власть наиболее подготовленных и достойных руководителей, способных наилучшим образом решать вопросы местного значения и отстаивать интересы муниципальных образований. Вместе с тем, судя по результатам проведенных диссертантом исследований, в общественном сознании доверие к деятельности органов местного самоуправления устойчиво снижается и ухудшается социальное самочувствие населения. Наблюдаются признаки усиления процесса отчуждения населения от местных органов власти. По всей вероятности, смена механизмов выборов муниципальных руководителей (моделей организации местного самоуправления) привела к смещению приоритетов в деятельности органов местного самоуправления. На прямых выборах глава местного самоуправления для избрания на второй срок (или политик, впервые претендующий на выборный пост) должен завоевывать доверие избирателей и поэтому ориентироваться в своей деятельности прежде всего на интересы муниципального образования и его жителей. В противном случае перспективы избрания на второй срок становились весьма туманны (см. п. 2.3). В моделях с непрямыми выборами поддержка со стороны населения не является значимым фактором в профессиональной карьере муниципального руководителя. Каковы социальные издержки и потери для населения, связанные с переходом на новые модели организации местного самоуправления? Поиску ответа на этот вопрос посвящается настоящий параграф на примере муниципального образования г. Красноярска.

В п. 4.1 представлена информация о том, что на рубеже нулевых годов в условиях прямых выборов главы города в Красноярске между муниципальной властью и гражданским обществом был заключен негласный общественный договор о взаимовыгодном сотрудничестве. Муниципальная власть в рамках своих полномочий и возможностей прилагала максимальные усилия, направленные на социально-экономическое развитие города, повышение качества городской среды, улучшение благосостояния горожан. Эти задачи местная власть решала прежде всего через разработку и последующую реализацию целого ряда городских проектов и программ, часть из которых являются уникальными для муниципальной практики Российской Федерации. Назовем наиболее крупные из них. Это Красноярский городской форум, общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего», городская акция «Неделя качества социальных услуг», спортивный конкурс «Стартуют все» и работа социально ориентированных магазинов. Менее крупные, но весьма значимые проекты: организация

лектория «День гражданского образования», «Народный бюджет», выпуск информационно-аналитических сборников «Красноярск и красноярцы»¹.

В данном параграфе предлагается рассмотреть позитивные моменты для населения от реализации перечисленных проектов или программ, а затем оценить произошедшие изменения в муниципальной политике (через призму отношения к существующим проектам и программам) после того, как стало ясно, что политическая карьера нового состава руководителей городской администрации перестала зависеть от поддержки со стороны населения.

Красноярский городской форум

Городской форум проводился ежегодно с 2005 года. Городская администрация следующим образом озвучивала цель его проведения: создание условий для взаимодействия органов местного самоуправления, бизнеса и общественно активного населения для разработки предложений по решению текущих и перспективных задач развития Красноярска; создание условий для согласования городским сообществом видения развития города [46, с. 6, 7]. Форум, по мнению его организаторов, являлся «попыткой воспроизводства в современных условиях в масштабах города исторически сложившейся в российском обществе коллективистской формы принятия решений. Городской форум с учетом всех сегодняшних реалий был задуман именно как «народное вече», общее для всех горожан событие, в котором может принять участие любой житель Красноярска» [45, с. 5].

Работа городских форумов проводилась по нескольким тематическим секциям, каждая из которых посвящалась конкретному аспекту жизни крупного мегаполиса. Внутри каждой секции организовывались мероприятия различных форматов: круглые столы, дискуссии, семинары, конференции, презентации с элементами дискуссий, тренинги и др. Так, в 2010 г. программа форума включала восемь тематических секций, состоящих из 25 площадок, на которых было реализовано 92 мероприятия [46, с. 36–44]. Более подробная информация о работе форумов представлена в специальном сборнике «Красноярский городской форум. Первые шаги» [202] и двух информационно-аналитических сборниках, посвященных Красноярскому городскому форуму [45; 46].

Во время работы форумов под руководством диссертанта проводились анкетные опросы его участников [прил. 1; 14]. Результаты проведенных исследований нашли отражение в ряде публикаций [45, с. 39–67; 166, с. 278–289; 202, с. 24–38] и использовались в управленческой деятельности городской администрации, в частности, при разработке плана мероприятий по

¹ Более подробную информацию о практике муниципального управления г. Красноярска в 2000-х гг. можно получить из монографии П.И. Пимашкова, занимавшего должность главы Красноярска с 1995-го по 2011 год [269, с. 265–275].

реализации предложений и пожеланий, поступивших от участников форума, и подготовке следующих форумов.

Озвучим некоторые выводы, сделанные по результатам мониторинговых опросов участников форума. Социальный портрет участников Красноярского городского форума достаточно стабильный и отражает широкий спектр общественно-политической и деловой жизни краевого центра (табл. 4.9). Участники форума представлены преимущественно гражданами наиболее активного, работоспособного возраста, имеющими, в основном, высшее или неоконченное высшее образование. В профессиональном отношении заметно выделялись работники сферы образования, здравоохранения, культуры и сотрудники городской администрации. Постоянными участниками форумов были представители сфер промышленного производства, услуг, государственной службы, среднего и малого бизнеса, правоохранительных органов, политических партий и общественных организаций. Примерно половина участников городского мероприятия по социально-профессиональному статусу – специалисты и служащие. Каждый четвертый – руководитель предприятия, организации, каждый десятый – студент вуза.

Основными мотивами участия горожан в работе форума были желание получить ответы на интересующие их вопросы и больше информации о жизни города. Указанные мотивы занимали первые позиции во всех исследовательских циклах.

От форума к форуму несколько росла готовность горожан делать конкретные предложения, которые они сами же планировали реализовывать: с 7,0% (2007 г.) до 9,8% (2010 г.). В этой группе явно выделялись представители среднего и малого бизнеса, индивидуальные предприниматели и сотрудники правоохранительных органов. Ожидания красноярцев от проведения форума, которые устанавливались с помощью вопроса: «Для вас как участника форума это мероприятие важно с точки зрения..?», связаны в первую очередь с возможностью получения информации о деятельности городской власти в решении актуальных проблем г. Красноярска. На каждом из шести форумов данную позицию (получение информации о деятельности власти в решении актуальных городских проблем) выражал каждый второй респондент. Для каждого четвертого участника опроса форум был важен как возможность установления деловых связей и расширения личных контактов; для каждого шестого – как возможность принять участие в разработке конкретных действий по решению социальных проблем города. Отвечая на вопрос: «С каким из утверждений по поводу городского форума вы согласны в большей степени?», респонденты в течение пяти лет неизменно на первое место ставили ответ: «Форум – это хорошая возможность для власти рассказать общественности о своих планах и задачах по решению проблем города».

**Динамика социального портрета участников Красноярского городского форума
в 2005–2010 годах (% от числа опрошенных в группах)**

Социальные группы	Год проведения опроса					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010
<i>Пол</i>						
Мужчины	34,4	31,0	24,2	21,9	23,7	31,0
Женщины	65,6	69,0	75,2	72,2	69,2	63,3
<i>Возраст, лет</i>						
18–24	22,3	30,9	21,0	24,9	40,6	18,9
25–35	25,6	17,9	26,1	25,9	19,1	31,3
36–50	31,8	29,3	31,5	29,2	18,7	23,5
51– 60	13,1	14,1	13,6	13,2	10,9	10,7
60 лет и старше	7,2	7,8	5,6	4,5	4,5	10,7
<i>Образование</i>						
Начальное	2,3	2,8	0,9	1,6	7,5	2,3
Среднее	6,6	7,5	4,5	2,6	1,3	0,7
Среднее специальное	8,9	7,0	7,8	7,8	8,5	9,1
Неоконченное высшее	11,1	15,2	10,1	13,9	21,7	6,8
Высшее	63,6	67,5	69,7	65,9	56,5	71,3
Имеется ученая степень	7,5	8,1	3,3	4,0	3,8	3,6
<i>Сфера деятельности</i>						
Образование	29,8	27,7	30,3	26,1	36,3	23,8
Культура	7,9	7,2	5,0	10,1	10,0	6,5
Здравоохранение	2,0	2,7	8,3	7,1	2,8	5,5
Муниципальная служба	24,9	27,8	22,8	27,8	18,2	27,0
Государственная служба	3,9	3,6	3,8	5,4	2,5	2,9
Средний, малый бизнес, предпринимательство	6,9	3,8	3,7	2,8	5,0	5,2
Промышленное производство, сфера услуг	5,2	5,0	3,8	5,4	3,7	8,1
Правоохранительные органы	1,6	0,8	1,0	2,4	0,5	1,3
Общественные организации	11,1	13,6	7,0	6,1	4,2	4,9
Политические партии	1,0	1,0	0,7	0,2	0,3	0,7
Другое	5,7	6,8	7,3	8,5	9,2	8,1
<i>Социально-профессиональный статус</i>						
Специалисты, служащие	*	43,8	48,5	55,8	37,1	51,5
Руководители	*	24,2	28,3	23,1	21,1	26,4
Студенты, учащиеся	*	18,3	11,5	13,9	30,1	9,8
Пенсионеры	*	3,8	4,7	3,5	2,0	3,6
Рабочие	*	2,9	1,4	2,8	1,5	3,6
Иное	*	9,0	2,6	4,0	8,2	0,3

Примечание. * Данные позиции отсутствовали в инструментарии исследования 2005 года.
Источник: [166, с. 280].

Судя по результатам мониторинговых исследований, регулярное проведение городских форумов способствовало снижению актуальности во взаимодействии общественности и власти. Индекс взаимодействия общественности и власти рассчитывался как разность между суммой

ответов «да, существует» и «скорее существует» и суммой ответов «скорее не существует» и «нет, не существует» на вопрос: «Как вы считаете, существует ли в городе проблема взаимодействия общественности и власти?». Значение индекса могло колебаться в диапазоне от +100% (максимально возможное значение) до -100% (минимально возможное значение). Чем больше значение индекса, тем большее число респондентов признает наличие проблемы во взаимодействии общественности и власти, и наоборот. В 2005 г. индекс составлял +82,6%, в 2006 г. – +78,3%, в 2007 г. – +71,7%, в 2008 г. – +76,5%, в 2009 г. – +76,2%, в 2010 г. – +60,3%.

Таким образом, в целом результаты мониторинговых исследований подтверждали вывод организаторов о том, что проект «Красноярский городской форум» является площадкой презентации достижений городского сообщества, местом, где осуществляется «совместная разработка предложений по решению текущих и перспективных задач развития Красноярска» [46, с. 7].

Следует подчеркнуть еще один важный момент для жителей города. Каждый красноярец имел возможность получать информацию о деятельности местных органов власти, как говорится, из первых уст, встретиться с руководством города и руководителями предприятий и организаций различного уровня (городского, краевого и федерального), задать им любые вопросы, высказать просьбу, пожелание, договориться о личной встрече.

Значимым достижением проведения Красноярских городских форумов (2006–2010 гг.) стало создание целого ряда новых городских проектов и программ. Речь идет в первую очередь о создании общественного движения «Красноярский молодежный форум», «Золотого кадрового резерва» (отбор наиболее талантливой городской молодежи с зачислением ее в кадровый резерв администрации города с последующим трудоустройством), городского инновационно-технологического бизнес-инкубатора (поддержка предпринимательского сообщества). По предложениям участников форума в городе стали проводиться общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего», лектории «День гражданского образования», городская акция «Неделя качества социальных услуг» в учреждениях социальной сферы. Таким образом, все вышесказанное позволяет считать Красноярский городской форум уникальным муниципальным проектом, работающим в интересах г. Красноярска и его жителей.

После ухода в декабре 2010 г. П.И. Пимашкова с поста главы г. Красноярска и избрания на этот пост Э.Ш. Акбулатова новая городская власть в изменившихся политических условиях (когда отчетливо обозначилась перспектива отмены прямых выборов главы города) «переформатировала» Красноярский городской форум. С 2010 г. он утратил статус городского мероприятия с широким общественным представительством и преобразовался в формат работы экспертной площадки с обсуждением узкого круга вопросов, связанных исключительно с демонстрацией позитивных аспектов в деятельности городских властей. Следствием

произошедших изменений в работе городского форума стало резкое сокращение числа его участников. Если в 2010 г – 19 тыс. чел., то в 2012 г. оно сократилось до 1,45 тыс. чел. а в 2014 г. – до 1,1 тыс. человек. Таким образом, число участников городского мероприятия за 2 года сократилось в 17 раз.

Резкое сокращение количества участников форума связано также и с отменой таких значимых для населения мероприятий, как работа информационно-консультационного центра, где проводились консультации граждан по различным вопросам (трудоустройства, занятости, налогообложения, ипотечного жилищного кредитования, мерам социальной поддержки и др.), ярмарки услуг муниципальных и государственных учреждений, общественных и некоммерческих организаций. Прекратил работу «социальный супермаркет», призванный заниматься оказанием востребованных жителями города социальных услуг. В его работе, в частности, принимали участие представители Почты России, пенсионного фонда, налоговой службы, коммерческих банков, страховых компаний. Закрылся проект «День открытых дверей»: проведение показательных и игровых программ, мастер-классов и иных мероприятий на базе учреждений и объектов спорта, культуры [46, с. 41–43]. Вместо перечисленных мероприятий на форуме в 2016 г. проводился городской лекторий для школьников¹.

Существенно сузилась тематика обсуждаемых вопросов. Если на форуме в 2010 г. проведено 92 мероприятия, каждое из которых посвящалось конкретному аспекту жизни большого города², то в 2016 г. – только 9 мероприятий.

Кардинальным образом изменилось отношение к предложениям и пожеланиям, высказанным участниками форумов. В 2006–2010 гг. все поступающие предложения и пожелания (в письменной или устной формах) фиксировались и проходили первичную обработку. Затем в структурных подразделениях городской администрации разрабатывались мероприятия по их реализации с указанием сроков выполнения и конкретных исполнителей. После этого версталась единая городская программа по работе с предложениями и пожеланиями участников форума. Информация о ходе выполнения данной программы ежегодно размещалась на официальном сайте администрации г. Красноярск³. После 2010 г. в

¹ Программа XII Красноярского городского форума [Электронный ресурс] // Администрация города Красноярск : офиц. сайт. – URL: <http://www.admkrsk.ru/citytoday/socialpolicy/projects/Pages/forum.aspx> (дата обращения: 21.12.2016).

² Программа Красноярского городского форума в 2010 г. включала работу 7 секций. Например, секция № 1 «Красноярцы за местное самоуправление» (2 площадки – самоуправление по месту жительства и муниципальные выборы как механизм вовлечения горожан в местное самоуправление, включающие 3 мероприятия: круглый стол, конференцию, переговорную площадку). *Источник*: [46, с. 36–41.]

³ Реализация предложений участников Красноярского городского форума – 2010 [Электронный ресурс] // Администрация города Красноярск : офиц. сайт. – URL: <http://www.admkrsk.ru/citytoday/socialpolicy/projects/Pages/forum.aspx> (дата обращения: 30.12.2016).

сообщениях о проведении форумов упоминается только число поступивших предложений и отсутствует информация о принятии их к исполнению и реализации.

Таким образом, с 2012 г. Красноярский городской форум утратил статус городского мероприятия, в котором может принять участие любой житель краевого центра, заслушивать информацию о деятельности властей по решению городских проблем, получать ответы на волнующие его вопросы, высказывать свою позицию и презентовать личный опыт. Форум перестал выступать площадкой взаимодействия органов местного самоуправления, бизнеса и общественно активного населения по разработке предложений по решению текущих и перспективных задач развития Красноярска. По оценкам диссертанта, вероятность окончательного закрытия в ближайшем будущем городского проекта под названием «Красноярский городской форум» представляется весьма высокой.

Общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего»

Первая общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего» состоялась 18–19 февраля 2008 г., а затем проводилась ежегодно до 2012 года включительно. Заявленная цель проведения ассамблеи – объединение усилий власти, науки, образования, бизнес-сообщества для создания условий по развитию научно-технического, изобретательского, рационализаторского и инновационного потенциала города Красноярска в интересах развития производства современных знаний и продуктов, конкурентоспособных на мировом уровне [47, с. 5].

В основу проведения ассамблеи положена концепция кластерной политики, разработанная в г. Красноярске в 2009 году. На первом этапе ее реализации создавалось пять кластеров. Первый кластер посвящался сфере образования, среде жизнедеятельности и здоровому образу жизни. Второй кластер связан с охраной окружающей среды, переработкой древесины, лесохимией и пищевой промышленностью; третий – с машиностроением, приборостроением и биотехнологией; четвертый – с энергосбережением, глубокой переработкой угля; пятый – с логистикой, транспортной доступностью и новым транспортом, аэрокосмической техникой и информационными технологиями. Для каждого кластера разрабатывался паспорт, определялись руководители и консультанты, формировались рабочие группы и список предприятий и учреждений, потенциально способных работать на данном направлении (кластере) [47, с. 15–19; 85, с. 4–13, 23–26].

На следующем этапе предполагалось осуществить переход к объединению реальных ресурсов и усилий участников кластеров. Посредством проведения городской ассамблеи планировалось предъявлять городскому сообществу согласованно выработанные кластерные проекты и продемонстрировать возможности участия в их реализации всех заинтересованных

сторон [85, с. 5]. Данному городскому мероприятию посвящены сборник «Красноярск. Технологии будущего», выпущенный администрацией г. Красноярска совместно с красноярским научным центром СО РАН и советом ректоров Красноярского края в 2009 г. [47], и информационно-аналитический сборник «Третья общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего», подготовленный администрацией г. Красноярска в 2010 г. [85].

В ходе проведения ассамблей под руководством диссертанта проводились опросы участников городского мероприятия в 2008-м, 2009-м и 2010 годах. Исходя из специфики проведения ассамблеи, опрашивались три категории участников. Это горожане, принимавшие участие в работе конференций, семинаров, круглых столов, рабочих групп кластеров (участники ассамблеи). Красноярцы, представляющие проекты на выставке инновационных проектов и научно-технических разработок, – это руководители проектов, а те, кто посещал выставку, названы посетителями [прил. 1; 21]. Для каждой категории участников разрабатывался свой вариант анкеты.

Коротко озвучим наиболее значимые результаты мониторинговых исследований. Социальный состав участников выглядел следующим образом. Доля женщин в 2010 г. превосходила долю мужчин в полтора раза (55,6% против 34,1 % соответственно) (см. табл. 4.10). В абсолютном большинстве (3/4) участники представлены людьми наиболее активного, работоспособного возраста (от 18 до 50 лет), имеющими преимущественно высшее или неоконченное высшее образование (3/4 от общего числа). Каждый восьмой обладал научной степенью.

Интересен социально-профессиональный состав участников городского мероприятия. Это муниципальные и государственные служащие (27,5%), работники промышленных предприятий и индивидуальные предприниматели (25,5%) и сотрудники вузов, НИИ, академий наук и изобретатели (14,8%). 43,9% участников ассамблеи-2010 принимали участие в работе ассамблеи 2008-го или 2009 годов. Абсолютное большинство из них заметили позитивные изменения в работе ассамблеи. Основным мотивом участия в ассамблее респонденты называли интерес к перспективе инновационного развития города. Значение этого мотива устойчиво росло: 28,7% в 2008 г., 46,1% в 2009 г. и 47,4% в 2010 году. К числу значимых мотивов также относились: личное развитие и расширение кругозора (29,1% в 2010 г.); общение с единомышленниками, обмен опытом (23,0%) и презентация проектов и поиск инвесторов, партнеров (11,2%).

Три четверти респондентов разделяли мнение о том, что проведение ассамблеи способствует инновационному развитию города. Отрадный факт: наибольшую заинтересованность в проведении городского мероприятия демонстрировали представители реального сектора экономики, сотрудники НИИ, академий наук, изобретатели, государственные

и муниципальные служащие – то есть те, от кого в первую очередь и зависят перспективы инновационного развития города.

Таблица 4.10

Динамика социального портрета участников общегородской ассамблеи «Красноярск. Технологии будущего» и посетителей выставки инновационных проектов и научно-технических разработок (% от числа опрошенных в группах)

Социальные группы	Участники конференции		Посетители выставки	
	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.
<i>Пол</i>				
Мужчины	35,8	34,1	37,8	36,0
Женщины	55,9	55,6	57,8	56,4
Нет ответа	9,3	9,3	4,4	7,6
<i>Возраст, лет</i>				
18–24	48,1	25,0	82,1	65,2
25–35	17,3	29,6	7,4	15,5
36–50	16,0	24,0	4,1	8,8
51– 60	8,6	12,8	3,0	5,5
60 лет и старше	5,6	4,1	1,4	3,4
Нет ответа	4,3	4,6	2,0	1,5
<i>Образование</i>				
Среднее и ниже среднего	1,2	2,6	12,6	8,8
Среднее специальное	1,9	7,1	14,5	11,0
Неоконченное высшее	35,8	17,9	47,0	38,7
Высшее	48,8	48,5	17,9	32,3
Имею ученую степень	8,6	12,8	4,4	5,8
Нет ответа	3,7	11,2	3,7	3,413,0
<i>Социально-профессиональный статус</i>				
Сотрудник (преподаватель) высшего учебного заведения	13,0	9,7	5,7	10,7
Сотрудник научно-исследовательского института, филиала академии наук	4,9	2,0	1,0	2,1
Изобретатель-рационализатор	0	3,1	1,0	1,8
Работник крупного промышленного предприятия	6,2	11,2	1,7	1,8
Работник среднего или малого промышленного предприятия	7,4	10,2	1,0	2,7
Индивидуальный предприниматель	1,2	4,1	2,4	2,7
Муниципальный служащий	17,8	21,9	16,4	8,2
Государственный служащий	*	5,6	*	2,7
Студент высшего учебного заведения	19,8	6,1	8,4	4,3
Учащийся училища, техникума, колледжа	0	2,6	20,3	15,5
Иное	19,8	6,1	8,4	4,3
Нет ответа	3,7	4,6	1,7	1,8

Примечание. * Данные характеристики респондентов не замерялись.
Источник: [85, с. 105–107].

На общегородской выставке инновационных проектов и научно-технических разработок в 2009-м и 2010 гг. представлялись проекты, имеющие отношение к широкому спектру вопросов жизнедеятельности крупного мегаполиса. В 2010 г. наибольшее число относилось к сфере науки, образования (28,8% от общего числа проектов), технических изобретений, электроники (27,4%), здравоохранения (21,9%), экологии (17,8%), информационных технологий (9,6%).

По мнению более половины руководителей проектов, опрошенных и в 2009 г., и в 2010 г., участники ассамблеи проявляли к предложенным проектам очень высокий или достаточно высокий интерес. Две трети руководителей проектов в 2010 г. определяли перспективы реализации своих проектов в зависимости от их совместных усилий с властью и бизнесом. Показательно, что еще 2 года основные надежды возлагались на собственные усилия и поддержку со стороны спонсоров. В этом, очевидно, заключается один из позитивных моментов от проведения ассамблеи.

Отвечая на вопрос о результатах участия в выставке, руководители чаще всего говорили о получении более широкой известности своих проектов (68,1% в 2010 г.), обмене контактной информацией с интересными людьми (67,2%) и появлении перспектив дальнейшего развития проектов (48,3%). Договорились о презентации с потенциальным инвестором 9,7% руководителей проектов и подписали контракт на их реализацию 3,2%. Примечательно, что по сравнению с прошлогодней ассамблеей мало что изменилось в результативности участия проектов в выставке. Так, в 2009 г. договорились о презентации проекта с потенциальным инвестором 6,1% и подписали контракт на реализацию 1,0%.

Анализ результатов мониторинговых исследований, проведенных в ходе работы ассамблеи, позволил сделать вывод: ежегодное проведение общегородской ассамблеи «Красноярск. Технологии будущего» в целом способствовало объединению усилий власти, образования, науки, бизнес-сообщества для создания условий по развитию научно-технического, изобретательского, рационализаторского и инновационного потенциала г. Красноярска. Первый этап данной работы был выполнен. Между тем реализация цели, заявленной на ассамблее, – развитие производства современных знаний и продуктов, конкурентоспособных на мировом уровне, – явно пробуксовывала. В чем причина относительно невысокой эффективности ассамблеи, учитывая масштаб проводимых мероприятий и количество привлеченных людей? К примеру, по данным организаторов, только основные мероприятия ассамблеи в 2008 г. посетили 3500 человек. В работе семинаров, круглых столов, конференций приняли участие около тысячи человек. А на общегородской инновационной выставке было представлено 156 проектов. Свои идеи и разработки представляли научные коллективы и ученые НИИ, академии наук, высших учебных заведений,

специалисты промышленных предприятий города, изобретатели [47, с. 8, 9]. Почему удалось подписать контракты на реализацию в отношении только 1,0% проектов, представленных на общегородской выставке инновационных проектов и научно-технических разработок в 2009 г., и 3,2% – в 2010 г.?

Скорее всего, ответ на этот вопрос дает главный организатор ассамблеи – заместитель главы города Красноярска, доктор экономических наук В.В. Куимов. По его мнению, «в настоящее время одним из проблемных направлений развития является недостаточная согласованность взаимодействий коммерческих структур, производителей, поставщиков, разработчиков новых технологий, недостаточность использования достижений науки, низкий уровень логистики и сотрудничества. Путь от идеи через разработку, коммерциализацию до массового производства остается несогласованным и трудным. Особенно слабое взаимодействие между разными предприятиями, отраслями, наукой и бизнесом. Это серьезно сказывается на конечных результатах экономики» [47, с. 17].

Получается, муниципальная власть формулирует свое видение и понимание развития инновационного, научно-технического потенциала города в формате кластерной политики. Однако ее реализация сталкивается с серьезными проблемами, связанными главным образом с межведомственными барьерами и ограниченными возможностями влияния муниципальной власти на развитие реального сектора экономики. Что могут делать городские власти в данной ситуации? Очевидно, искать подходы и способы хотя бы частичного решения имеющейся проблемы. К примеру, городская администрация, когда разрабатывала кластерную политику, во многом связывала перспективы инновационного развития города с государственными заказами и заказами крупных корпораций, присутствующих в регионе. Также изучались возможности использования потенциала военно-промышленного комплекса в части применения высоких технологий для модернизации и развития других отраслей промышленности Красноярска и Красноярского края, прорабатывались перспективы глубокой переработки минерально-сырьевых и лесных ресурсов [47, с. 45, 106].

К сожалению, новые городские власти к проблеме инновационного развития Красноярска подошли «нестандартно»: проект под названием «Общегородская ассамблея Красноярск. Технологии будущего» в 2013 г. закрывается. Иных подходов, оформленных в виде городских проектов или программ, связанных с инновационным развитием города, предложено не было.

Городская акция «Неделя качества социальных услуг»

Проблема качества услуг в социальной сфере существует всегда¹. Особую значимость и актуальность она приобрела в период активного развития рыночных отношений, возникновения дефицита бюджетных средств, когда появляется необходимость оптимизации затрат на оказание муниципальных услуг при сохранении их качества.

Ежегодно, начиная с 2007 г., во второй половине ноября в рамках Всемирного дня качества в городе Красноярске проводилась городская акция «Неделя качества социальных услуг». Цель ее проведения – повышение качества социальных услуг, оказываемых муниципальными учреждениями города. Задачи для ее достижения: оптимизация работы муниципальных учреждений; повышение профессионального уровня специалистов, оказывающих социальные услуги; привлечение внимания общественности к вопросам повышения качества социальных услуг; объективная оценка работы муниципальных учреждений и анализ результатов на основе проведенных мероприятий в рамках городской акции. В «Неделе качества» принимали участие муниципальные учреждения здравоохранения, образования, культуры, социальной защиты населения, молодежной политики, физической культуры и спорта. В это время в муниципальных учреждениях проводились дни открытых дверей, круглые столы, научно-практические конференции, переговорные площадки, конкурсы и выставки, работал телефон доверия.

В рамках акции «Неделя качества» ежегодно проводились под руководством диссертанта социологические опросы потребителей социальных услуг непосредственно по месту их оказания. Например, в 2009 г. исследования проводились в 62 муниципальных учреждениях [прил. 1; 24]. Всего опрошено 3770 респондентов из числа потребителей социальных услуг и сотрудников учреждений, представляющих эти услуги². В качестве метода сбора данных использовались формализованное интервью по месту получения респондентом социальной услуги (для потребителей социальных услуг) и метод самозаполнения анкет (для сотрудников учреждений).

¹ Муниципальная услуга – это услуга, оказываемая в соответствии с муниципальным заданием бюджетными учреждениями социальной сферы города и иными юридическими лицами. Услуга – это мероприятие или комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей и законных требований граждан и (или) юридических лиц, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость. *Источник:* [13, с. 8].

² Анкетные опросы проводились в 13 центрах социального обслуживания пожилых и инвалидов и центрах социальной помощи семье и детям (главное управление социальной защиты администрации г. Красноярска); в 16 средних образовательных школах (главное управление образования); 5 музеях (главное управление культуры); 14 спортивных учреждениях (главное управление по физической культуре и спорту); 10 молодежных центрах (управление молодежной политики) и 4 городских поликлиниках (главное управление здравоохранения).

Разработка инструментария исследования осуществлялась в несколько этапов. На первоначальном этапе в отраслях создавались специальные комиссии для разработки критериев оценки качества оказываемых услуг и определения процедур этой оценки. На втором этапе специалистами департамента информационной политики разрабатывались базовые варианты анкет с учетом предложений, оформленных в виде технических заданий от структурных подразделений городской администрации, и опыта проведения аналогичных исследований в других территориях [162; 225; 243; 278; 322; 334; 348].

На завершающем этапе специалистами департамента информационной политики совместно с работниками структурных подразделений проводилась доработка анкет и их согласование с руководителями подразделений. Последние разрабатывали графики проведения опроса и контролировали ход его выполнения. Всего в исследовании 2009 г. использовалось 18 видов анкет, из них 10 – для опроса посетителей и 8 – для опроса сотрудников муниципальных учреждений.

Отдельные результаты публиковались в специальном информационно-аналитическом сборнике [13, с. 49–93], монографии «Красноярск в социологическом измерении (2000–2014)» [166, с. 300–309] и в информационно-аналитическом сборнике «Служение идеалам добра» [79, с. 58–77].

Озвучим некоторые выводы по результатам проведенных исследований. Это, образно говоря, «средняя температура по больнице», позволяющая оценить общую ситуацию в сфере оказания социальных услуг муниципальными учреждениями Красноярска.

1. Полученные данные позволили построить социальный портрет потребителей по каждому виду оказываемых социальных услуг [166, с. 301–304]. Например, среди потребителей услуг, оказываемых центрами семьи и детей, явно доминируют женщины в возрасте 25–50 лет. По уровню образования выделялись лица, имеющие среднее специальное и высшее образование. По роду занятий преобладали неработающие горожане: домохозяйки, пенсионеры и безработные. Среди работающих несколько выделялись работники сферы торговли и бытовых услуг, рабочие и представители гуманитарной интеллигенции.

2. Основная часть опрошенных (67,5%) считали, что при необходимости могут воспользоваться всем спектром социальных услуг, оказываемых муниципальными учреждениями (табл. 4.11). Наиболее доступными являются услуги, предоставляемые центрами социальной поддержки пожилых и инвалидов (90,0%) и средними школами (87,0%). Доля тех, кто не может воспользоваться всем спектром оказываемых услуг, относительно невелика и составила всего 8,6% от общего числа респондентов. Исключение составили спортивные учреждения, где доля респондентов, отметивших позицию «нет», составила 40,7%.

Мнение посетителей и сотрудников о доступности социальных услуг, оказываемых муниципальными учреждениями г. Красноярска (% от числа опрошенных)

Муниципальные учреждения	Варианты ответов					
	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
	Посети-тели	Сотруд-ники	Посети-тели	Сотруд-ники	Посети-тели	Сотруд-ники
Центры социального обслуживания пожилых граждан и инвалидов	90,6	94,0	2,3	2,0	7,4	4,0
Центры социальной помощи семье и детям	78,4	98,2	4,5	1,8	21,1	0,8
Общеобразовательные школы	87,0	–	1,1	–	11,9	–
Молодежные центры	68,4	69,0	7,8	2,1	23,8	28,9
Спортивные учреждения	24,7	26,7	40,7	40,9	34,7	32,4
Поликлиники для взрослых	48,2	66,7	6,0	21,2	45,9	12,1
Поликлиники для детей	33,6	69,4	4,2	13,2	62,2	17,4

Примечание. Прочерк означает, что данная группа респондентов не опрашивалась.

3. Мотивация посещения респондентами муниципальных учреждений различается в зависимости от вида оказываемых услуг. Например, посетители центров социального обслуживания пожилых и инвалидов указывали в первую очередь на потребность в общении (56,4%), поддержание здоровья (51,2%), потребность во внимании, заботе и уходе (41,3%, 32,8% и 31,6% соответственно). А посетители центров помощи семье и детям нуждались преимущественно в консультативной помощи узких специалистов (59,4%), учебно-коррекционной работе по развитию творческого потенциала ребенка (57,1%) и получении помощи в трудной жизненной ситуации (32,8%).

4. Абсолютное большинство респондентов (92,0%) в той или иной мере были удовлетворены результатами посещения муниципального учреждения (60,9% отметили позицию «полностью удовлетворен» и 31,1% – «частично удовлетворен»). Наибольший уровень удовлетворенности зафиксирован среди посетителей центров социального обслуживания пожилых и инвалидов (98,4%) и среди родителей, чьи дети посещают средние школы (97,3%). Наиболее проблемная сфера – здравоохранение. Здесь полностью удовлетворен лишь каждый пятый посетитель поликлиники для взрослых (21,6%). Еще меньше этот показатель среди тех, кто посещает детские поликлиники, – всего 12,6%.

5. Что касается конкретных аспектов деятельности муниципальных учреждений, то наибольшую удовлетворенность (сумма позиций «удовлетворен» и «частично удовлетворен») респонденты высказывали в отношении следующих позиций: внешний вид персонала (74,8% – среди посетителей и 77,2% – среди сотрудников), компетентность и уровень профессионализма

специалистов (72,3% и 71,4% соответственно), вежливость, тактичность и доброжелательность сотрудников (73,4% и 75,6%), чистота в помещениях (70,2% и 77,3%) (табл. 4.12).

Таблица 4.12

Уровень удовлетворенности различными аспектами деятельности муниципальных учреждений г. Красноярска, оказывающих социальные услуги, в разрезе посетителей и сотрудников этих учреждений (среднее значение по всем видам учреждения, % от числа опрошенных)

Аспекты деятельности	Посетители	Сотрудники
Внешний вид персонала	74,8	77,2
Вежливость, тактичность и доброжелательность сотрудников	73,4	75,6
Компетентность и уровень профессионализма специалистов	72,3	71,4
Чистота в помещениях	70,2	77,3
Информация о предоставляемых услугах	63,1	69,5
Оформление помещения	61,7	57,4
Наличие информационных указателей и табличек на дверях помещений	59,5	60,1
Возможность получить информацию по телефону	58,6	76,6
Удобство мест ожидания для посетителей	48,2	46,5
Возможность получить информацию по интернету	26,1	29,8

Наименьшую удовлетворенность участники опроса выражали относительно возможности получения информации по интернету (26,1% и 29,8%).

Результаты проведенных социологических исследований оформлялись в виде отчетов по каждой социальной сфере (здравоохранение, образование и др.). Отчеты подписывались руководителем исследовательской группы, руководителем структурного подразделения и заместителем главы города по социальной политике (куратором проекта) и передавались для работы в структурные подразделения городской администрации.

Представление о том, как руководители структурных подразделений городской администрации воспринимали результаты социологических исследований, дает следующая запись в информационно-аналитическом сборнике «Городская акция «Неделя качества социальных услуг» в разделе «Практические результаты проекта»: «Проведенное анкетирование является основанием для анализа используемых форм и методов работы, служит основой для планирования и реализации мероприятий, организуемых в учреждениях, и свидетельствует о необходимости продолжения работ по повышению качества предоставляемых услуг населению города» [13, с. 31–48]. В данном случае важно отметить: на основе результатов социологических опросов, статистических и иных данных, собранных в ходе акции, структурные подразделения городской администрации разрабатывали планы мероприятий по повышению качества оказываемых социальных услуг. И далее городская

администрация составляла годовой план совершенствования качества оказываемых муниципальными учреждениями социальных услуг [13, с. 30].

Таким образом, имеются все основания говорить о том, что результаты социологических исследований, проводимые в рамках городской акции «Неделя качества социальных услуг», обеспечивали органы власти объективной информацией о процессах, происходящих в социальной сфере, и тенденциях ее развития. И, что очень важно, местная власть использовала полученную информацию для принятия и корректировки управленческих решений.

Анализ четырехлетнего проведения городской акции «Неделя качества» позволил определить новые рубежи в повышении качества и доступности услуг социальной сферы города, нашедшие отражение в концепции, принятой постановлением администрации города Красноярск от 31 августа 2011 г. № 65 [58].

В данном документе планировалось разработать целостный показатель оценки качества оказываемых услуг и удовлетворенности потребителей с целью поощрения лучших учреждений и их работников. Предполагалось создание в каждом муниципальном учреждении совещательного органа для решения вопросов повышения качества оказываемых социальных услуг. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, при новом составе городской администрации акция «Неделя качества социальных услуг» оказалась невостребованной. Понизив ее статус с городского уровня до уровня муниципальных учреждений (т. е. предложив заниматься оценкой качества оказываемых социальных услуг в инициативном порядке тем, кто эти услуги оказывает), городские власти фактически свернули данный проект. Неслучайно с 2012 г. на сайте городской администрации перестала размещаться информация, связанная с проведением городской акции «Неделя качества социальных услуг».

Проект «Народный бюджет»

Глава Красноярск П.И. Пимашков назвал бюджет города в 2008 г. народным и заявил, что впервые в истории Красноярского края к формированию городского бюджета привлечены жители города. Каждый красноярец имел возможность выразить свое отношение к главному финансовому документу города, высказать свое мнение и внести пожелания. По мнению организаторов проекта, «Народный бюджет» являлся олицетворением местного самоуправления в действии, позволившим сверить курс властей с мнением народа [56, с. 5, 6].

Каким образом реализовывался проект «Народный бюджет»? 2 декабря 2007 г., в день выборов депутатов Государственной думы РФ в Красноярске, проводился анкетный опрос горожан. Накануне выборов красноярцам по почте отправлялись специальные бланки с перечнем задач, претендующих на финансирование в 2008 г., – от благоустройства территорий до строительства больниц и школ. Заполненные бланки горожане приносили на избирательные

участки и опускали в специальные урны. Всего в обсуждении «Народного бюджета» приняли участие 71,2% из числа избирателей, участвовавших в парламентских выборах (или 263,3 тыс. человек). Это более трети от общей численности зарегистрированных избирателей Красноярска.

Специально созданная комиссия осуществляла первичный анализ полученных анкет и передавала обработанную информацию в городской совет депутатов, который совместно с администрацией города разработал программу действия местных властей по реализации наказов и предложений горожан, которая нашла отражение в брошюре «Народный бюджет – принимаем решение вместе» [56]. Несомненное достоинство данной программы – представление конкретных мероприятий по социально-экономическому развитию каждого из 7 районов г. Красноярска с учетом высказанных замечаний, пожеланий и предложений горожан. Кроме того, в программе указывались объем выделяемых денежных средств и сроки исполнения по каждой позиции. Получается, гражданин не только имел возможность дать наказ городским властям, но и проследить, каким образом этот наказ реализуется на практике. Так, проект «Народный бюджет» закладывал основы для формирования нового формата взаимодействия муниципальной власти и гражданского общества. К сожалению, в последующем данный проект не получил своего развития.

Лекторий «День гражданского образования»

Один из выводов Красноярского городского форума, проведенного в 2005 г.: «...отсутствие в СМИ достаточной по содержанию и доступной по стилю изложения информации ... о деятельности органов местного самоуправления, о реформах и программах муниципалитета и органов власти РФ, о позитивных проектах некоммерческих общественных организаций г. Красноярска приводит к позиции «приспособленчества» большей части населения» [202, с. 16]. С целью повышения общественной активности граждан, более активного их включения в процессы жизнедеятельности города и внесения собственного вклада в решение городских проблем местная администрация предложила образовательные курсы для населения в форме систематического лектория «День гражданского образования».

С 2006 г. начали проводиться встречи руководителей, специалистов городской администрации и лекторов общества «Знание» с жителями Красноярска. Всего в указанный год было проведено 450 встреч, в которых приняли участие более 27 тысяч красноярцев [202, с. 17]. Анкетный опрос слушателей лектория под руководством диссертанта проводился в феврале-апреле 2006 г. [прил. 1; 16]. Анализ данных, полученных в ходе опросов, позволял выделить несколько важных моментов.

Во-первых, доминирующими мотивами участия в лектории выступали желание респондентов больше узнать о жизни города (45,9%) и получить ответы на интересующие вопросы (35,7%). Каждый третий хотел выяснить, что собой представляет лекторий «День гражданского образования». 6,3% респондентов надеялись сделать конкретное предложение или высказать просьбу власти.

Во-вторых, две трети респондентов отмечали высокое качество и содержание выступлений (лекций) и в целом полезность для себя полученной информации. Каждый десятый респондент говорил о возможности общения с руководителями различных городских служб, структур и о стремлении местных властей знать мнение простых людей.

В-третьих, отвечая на вопрос о тематике желательных лекций в будущем, респонденты чаще других называли темы, связанные со сферой ЖКХ (61,2%), правовой культурой и консультационными услугами специалистов (юристов, работников социальной защиты и др.) (40,8%), пенсионной системой (29,5%), правами человека, брака и семьи (27,2%), вопросами трудоустройства (20,5%). Нетрудно заметить, что тематика желаемых лекций тесно переплетается с социальными проблемами, в наибольшей степени волнующими население. Это означает, что повышение уровня информированности и правовой грамотности граждан посредством проведения лектория в определенной мере способствовало снижению актуальности городских социальных проблем.

Таким образом, имеются все основания считать проведение лектория «День гражданского образования» специфичной формой взаимовыгодного сотрудничества муниципальной власти и гражданского общества. При этом затраты на проведение лекций были минимальными. Поэтому вполне логичными выглядели планы городских властей по дальнейшему развитию данного проекта. В частности, в качестве лекторов стали привлекаться специалисты других организаций: Управления министерства юстиции РФ, центров занятости населения, служб статистики и др. [45, с. 35]. Получило распространение проведение лектория в иных формах – семинаров, дискуссионных площадок, мини-тренингов, мастер-классов по наиболее актуальным аспектам жизнедеятельности города. К 2015 г. число участников лектория планировалось довести до 12 тыс. человек [66]. Однако судя по тому, что на официальном сайте администрации г. Красноярск последние анонсы, связанные с лекторием «День гражданского образования», относятся к 2010 г., можно предположить: данный проект закрыт.

Работа социально ориентированных продовольственных магазинов

В целях обеспечения категорий граждан с низким уровнем доходов доступными по цене продуктами питания городские власти в 2000-х гг. создали систему аккредитации социально ориентированных торговых предприятий. По состоянию на 2006 г., статус такого предприятия

получили около 100 магазинов г. Красноярск. Согласно данным мэрии г. Красноярск, магазины, входящие в эту сеть, ежедневно посещали порядка 50 тыс. горожан.

В ходе телефонного опроса, проведенного в Красноярске в 2006 г., выяснилось, что три четверти респондентов знали о работе социально ориентированных предприятий торговли и о продаже в них продуктов питания по более низкой цене [прил. 1; 17]. Частота этих покупок напрямую влияла на оценки гражданами деятельности главы города. Так, индекс оценки его деятельности среди бедных горожан, совершающих регулярные покупки в социально ориентированных магазинах, был заметно выше, чем среди всех жителей города (+81,4% и +60,1% соответственно) [166, с. 108]. Это означает, что люди с низкими доходами видели и должным образом оценивали усилия городских властей, направленные на улучшение их материального положения.

В то же время участие в реализации данного проекта было выгодно и предпринимателям, так как позволяло получать определенные преференции от городских властей в виде земельных участков для строительства новых торговых предприятий, льготных ставок на аренду помещений, находящихся в муниципальной собственности, и др.

Таким образом, организация деятельности социально ориентированных магазинов оказалась выгодной и для населения, в первую очередь для бедных в материальном отношении горожан, и для предпринимателей, и для местных властей. При этом важно подчеркнуть: проект не требовал бюджетных затрат. К сожалению, после 2010 г. городские власти перестали проявлять интерес к деятельности социально ориентированных магазинов, которые со временем прекратили свое существование.

Спортивный конкурс «Стартуют все»

В монографии «Красноярск в социологическом измерении» показано: физическая культура и спорт относятся к числу приоритетных направлений в деятельности администрации Красноярска в 2000-х годах [166, с. 329–341]. Городские власти наряду с поддержкой профессионального спорта активно пропагандировали среди горожан здоровый образ жизни и создавали условия по их привлечению к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Среди различных форм и методов этой работы особое место принадлежит конкурсу «Стартуют все». Участие в нем не требовало от горожан сколько-нибудь значительных финансовых затрат, специальной физической подготовки и позволяло выбрать удобную для себя систему дозированной физической нагрузки. Первые соревнования по программе «Стартуют все» прошли в Красноярске в 1998 г. в двух видах. В летний период соревнования проводились в форме оздоровительного бега, в зимний период – бега на лыжах. С 2008 г. конкурс стал проводиться круглогодично и включал в себя 15 спортивных дисциплин.

Достижения городской власти в пропаганде здорового образа жизни и привлечении населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом наглядно иллюстрируются результатами мониторинговых социологических исследований среди жителей краевого центра [прил. 1; 4]¹.

Во-первых, в общественном сознании красноярцев укрепились представления о том, что здоровый образ жизни является главным фактором, определяющим здоровье человека, – с 47,8% в 2001 г. до 60,6% в 2009 году. Во-вторых, увеличилось число горожан, стремящихся придерживаться здорового образа жизни, – 37,7% (2001 г.) и 43,2% (2009 г.) [166, с. 332]. В-третьих, выросло число участвующих в конкурсе «Стартуют все»: с 3,1% в 2001 г. до 11,1% в 2009 году. Все это в конечном итоге положительно сказывалось на росте числа жителей Красноярска, регулярно занимающихся физической культурой и спортом (9,6%). Это число, по состоянию на 2009 г., оказалось выше, чем по Российской Федерации в целом (8,7%) [44, с. 7, 8].

После 2011 г. интерес городских властей к проведению конкурса «Стартуют все» заметно снизился, о чем, в частности, свидетельствует количество упоминаний конкурса в единственной муниципальной газете «Городские новости» г. Красноярска: 18 – в 2010 г., 8 – в 2011 г., 4 – в 2012 г., по одному – в 2013-м и в 2014 годах.

Выпуск информационно-аналитических сборников «Красноярск и красноярцы»

В 2009-м и 2010 гг. в администрации г. Красноярска под руководством диссертанта опубликовано одиннадцать номеров информационно-аналитического сборника «Красноярск и красноярцы» [13; 44; 45; 46; 47; 48; 55; 66; 79; 82; 85]. Цель выпуска сборников – изучение, обобщение и популяризация положительного опыта муниципального управления г. Красноярска. Содержание сборника включало два основных раздела. В первом обобщался и анализировался положительный опыт работы по конкретному направлению деятельности

¹ Злотковский В.И. Красноярцы о регулярных занятиях физической культурой и спортом [Электронный ресурс] // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития : материалы III Междунар. электрон. науч.-практ. конф. (24–25 мая 2013 г., Красноярск) / отв. за вып. Т. Г. Арутюнян; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2013. – С. 237–239. – URL http://www.sibsau.ru/images/document/2013/2013_09_05_konferenciya_fizvospitanie_sport_reabiliaciya.pdf; Злотковский В.И. Здоровый образ жизни в представлении красноярцев (по результатам социологических исследований) [Электронный ресурс] // Восток – Россия – Запад. Современные процессы развития физической культуры, спорта и туризма. Состояние и перспективы формирования здорового образа жизни : материалы XVI Традиц. междунар. симпозиума (15–18 февраля 2013 г., Красноярск) / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2013. – URL: http://www.sibsau.ru/images/document/2013_01_30_simposium_vostok_rossiya_zapad.pdf; Злотковский В.И. Красноярцы о занятиях физической культурой и спортом по месту жительства (результаты социологического исследования) // Состояние, опыт и перспективы развития физкультурного движения Якутии : сб. регион. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию физкультурного движения в Российской Федерации, г. Якутск, 18 декабря 2013 г. / под ред. проф. М.Д. Гуляева. – Киров: МЦНИП, 2014. – С. 57–59.

городской администрации, во втором – представлялись результаты социологических исследований по заявленной теме в виде общегородских анкетных опросов, либо анкетных опросов представителей конкретных социальных групп, либо опросов экспертов.

В выпуске каждого сборника принимали участие специалисты департамента информационной политики администрации города и структурное подразделение администрации города в зависимости от поднятой проблемы: департамент социальной политики, департамент экономики, департамент муниципального заказа, главное управление социальной защиты населения, главное управление по физической культуре и спорту, управление информатизации и связи. В выпуске сборников также принимал участие Красноярский научный центр Сибирского отделения российской академии наук (руководитель – академик РАН В.Ф. Шабанов).

Тематика сборников отражает широкий спектр деятельности органов местного самоуправления г. Красноярска. Озвучим названия этих сборников с указанием аспектов муниципальной практики, которым они посвящались. Два сборника освещали Красноярский городской форум, в котором представлялись концепция и технология проведения форума, полученные практические результаты по основным направлениям (семейная политика, здоровый образ жизни, молодежная политика, поддержка инновационного потенциала и малого и среднего бизнеса, повышение качества жизни горожан и др.).

Сборник «Красноярск – город здорового образа жизни» связан с пропагандой здорового образа жизни и привлечением горожан к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Сборник «Красноярск электронный» посвящен развитию проекта «Электронное правительство»; «Муниципальный заказ: возможности для всех» – текущему состоянию муниципального заказа и перспективам его развития; «Городская акция «Неделя качества социальных услуг» – проблеме повышения качества социальных услуг, оказываемых муниципальными учреждениями города; «Служение идеалам добра» – инновационным подходам в организации социального обслуживания населения. Сборники «Красноярск. Технологии будущего» и «Третья общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего» давали представление о развитии инновационного и научно-технического потенциала города.

Тематическая направленность двух сборников очевидна из их названий: это «Проект программы социально-экономического развития города до 2020 года в условиях Красноярской агломерации» и «Социологические исследования в практике муниципального управления (на примере администрации города Красноярска)». В последнем сборнике первый раздел называется «Прикладные социологические исследования на муниципальном уровне (на примере администрации города Красноярска)». В нем представлена лишь небольшая часть

социологических исследований, проведенных под руководством диссертанта. В приложении сборника приведен каталог социологических исследований, реализованных сотрудниками отдела информационного мониторинга департамента информационной политики г. Красноярска (руководитель отдела к. с. н. В.И. Злотковский) за период с 2008-го по 2010 год¹.

Выбор тематики исследований обуславливался стремлением показать структурным подразделениям городской администрации потенциал прикладных социологических исследований в контексте применения полученных результатов в управленческой деятельности.

Каждый сборник выпускался тиражом 1000 экземпляров и распространялся среди муниципальных учреждений города, общественных организаций и во время проведения городских мероприятий. На все сборники «Красноярск и красноярцы» поступили положительные отзывы от предприятий и организаций г. Красноярска, Красноярского края и других субъектов РФ. Особый интерес проявлен к сборникам, которые посвящены уникальным для страны муниципальным проектам, таким как Красноярский городской форум, общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего», городская акция «Неделя качества социальных услуг». После 2010 г. информационно-аналитические сборники не выпускались.

Таким образом, все сказанное выше позволяет сделать уверенный вывод: переход на непрямые выборы главы города Красноярска, произошедший в начале 2010-х гг., принес существенные социальные потери горожанам.

4.3. Актуальные проблемы местного самоуправления и динамика социального самочувствия граждан в регионах

Социальное самочувствие населения является одним из важнейших результирующих показателей, несущих на себе отпечаток всех процессов, происходящих в территории проживания. Благоприятное социальное самочувствие населения свидетельствует во многом об относительном социальном благополучии в муниципальном образовании, тогда как низкие показатели самочувствия обыкновенно являются индикатором социальной напряженности и недовольства жителей. Обычно это сопровождается низким уровнем лояльности по отношению к местной власти и низкой степенью удовлетворенности ее деятельностью. Кроме того, специальные социопсихологические исследования и результаты предвыборных исследований свидетельствуют: оценка человеком своего социального самочувствия и материального

¹ Разделы сборника: о переименовании площади 350-летия образования Красноярска в Театральную площадь; динамика представлений красноярцев о здоровом образе жизни и занятиях физической культурой и спортом; горожане о праздновании Дня города; учащаяся молодежь о политике и своих жизненных устремлениях; молодые красноярцы о проблеме поддержания чистоты в городе; exit poll на выборах депутатов Государственной думы РФ в 2007 году в городе Красноярске и интерактивные опросы о деятельности администрации города Красноярска.

положения, а не объективные показатели материальной обеспеченности, во многом определяет его отношение к выборам представителей органов власти, политические симпатии / антипатии, избирательную и общественно-политическую активность. В конечном итоге полученные в ходе социологических исследований данные о социальном самочувствии населения позволяют судить о развитости гражданского общества и эффективности реализуемых на практике моделей организации местного самоуправления.

4.2.1. Динамика социального самочувствия жителей Красноярского края и социальных проблем, в наибольшей степени их волнующих

В данном параграфе предлагается решить следующие основные задачи. Во-первых, изучить динамику социального самочувствия жителей Красноярского края. Во-вторых, исследовать социальные проблемы, волнующие их в наибольшей степени. В-третьих, изучить динамику удовлетворенности населения различными сферами жизни муниципальных образований. Эмпирической базой выступают результаты исследования, проведенные диссертантом в Красноярском крае в 2002-м [прил. 1; 9], 2005-м [прил. 1; 11], 2011-м [прил. 1; 31], 2016-м [прил. 1; 38] и 2020 гг. [прил. 1; 40]. Полученные в ходе исследований результаты нашли отражение в ряде научных публикаций диссертанта¹ [166, с. 15–38; 292, с. 434–444].

Первичные данные, полученные в ходе массовых опросов, о материальном положении и социальном самочувствии жителей Красноярского края анализировались с помощью разработанных диссертантом сводного и частных индексов социального самочувствия. В основу их разработки положены рекомендации академика Г.В. Осипова [259, с. 145–194]. В таблицах 4.13–4.17 представлены первичные данные, пересчитанные в виде 4 частных и сводного индексов социального самочувствия. Частные индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитывались как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Значение индекса может колебаться в диапазоне от +100% (максимально возможное значение) до –100% (минимально возможное значение).

Так, индекс складывающейся жизненной ситуации рассчитывался как разность между суммой ответов «все не так плохо, и можно жить» и «жить трудно, но можно терпеть» и суммой ответов «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» на вопрос: «Если говорить о вас и вашей семье, с каким из приведенных ниже высказываний вы согласны?» (табл. 4.13). Чем индекс выше, тем больше респонденты удовлетворены своей жизненной ситуацией.

¹ Мерзликин Н.В., Злотковский В.И. Динамика социального самочувствия и политических ориентаций жителей Красноярска // Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2006 году : коллективная монография / Г.В. Осипов, В.В. Локосов, И.Б. Орлов, А.И. Чупрынин, В.И. Злотковский [и др.]; отв. за вып. А.В. Морозов; под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2007. – С. 434–444.

**Динамика оценок складывающейся жизненной ситуации
(% от числа опрошенных)**

Варианты	Год проведения исследования				
	2002	2005	2011	2016	2020
Все не так плохо, и можно жить	19,4	20,1	23,8	21,7	20,5
Жить трудно, но можно терпеть	47,1	49,5	52,1	46,3	44,7
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	21,2	19,8	17,2	25,9	28,1
Затрудняюсь ответить	12,3	10,6	6,9	6,1	6,7
Индекс складывающейся жизненной ситуации	+45,3	+49,8	+58,7	+42,1	+37,1

Индекс материального положения рассчитывается как разность между числом респондентов, идентифицирующих себя в качестве состоятельных граждан или людей среднего достатка и числом респондентов, относящих себя к бедным (табл. 4.14). Чем выше значение индекса, тем больше респондентов удовлетворены своим материальным положением.

Таблица 4.14

**Динамика самооценок материального положения
(% от числа опрошенных)**

Категории респондентов	Год проведения исследования				
	2002	2005	2011	2016	2020
Состоятельные	6,7	8,9	11,9	12,3	12,4
Люди среднего достатка	41,2	41,7	40,5	32,6	31,6
Бедные	48,7	43,1	39,1	44,3	45,9
Затрудняюсь ответить	3,4	6,3	8,5	10,8	10,2
Индекс материального положения	-0,8	+6,5	+13,3	+0,6	-1,9

Примечание. К *состоятельным* респондентам отнесены те, кто отметил позиции «денег на жизнь хватает, особо не экономим» или «достаточно состоятельны, чтобы хорошо жить»; к *людям среднего достатка* – «живем нормально, но приходится экономить»; к *бедным* – «денег хватает только на питание» и «живем за гранью бедности, не хватает даже на питание».

Индекс изменения жизни рассчитывается как разность между суммой ответов респондентов «значительно лучше» и «немного лучше» и суммой ответов «немного хуже» и «значительно хуже» на вопрос: «Если взвесить все за и против, за последнее время вы стали жить лучше или хуже?» (табл. 4.15). Чем выше индекс, тем большее число респондентов замечают положительные изменения в своей жизни.

Индекс социального оптимизма рассчитывается как разность между суммой ответов респондентов «изменится в лучшую сторону» и «останется без изменений» и суммой ответов «изменится в худшую сторону» на вопрос: «Как вы считаете, жизнь в городе / районе в ближайшем будущем изменится в лучшую, худшую сторону или останется без изменений?» (табл. 4.16). Чем индекс выше, тем с большим оптимизмом респонденты смотрят в будущее.

**Динамика оценок изменения жизни
(% от числа опрошенных)**

Варианты	Год проведения исследования				
	2002	2005	2011	2016	2020
В целом к лучшему	19,5	22,1	24,6	13,7	12,9
Так же, как и раньше	36,9	33,7	38,2	42,5	43,0
В целом к худшему	38,2	35,6	31,4	34,9	35,7
Затрудняюсь ответить	5,4	8,6	5,8	8,9	8,4
Индекс изменения жизни	+18,2	+20,2	+31,4	+21,3	+20,2

Примечание. В категорию «в целом к лучшему» отнесены ответы респондентов «значительно лучше» и «немного лучше». «В целом к худшему» – «немного хуже» и «значительно хуже».

Таблица 4.16

**Динамика оценок социального оптимизма
(% от числа опрошенных)**

Варианты	Год проведения исследования				
	2002	2005	2011	2016	2020
Изменится в лучшую сторону	26,4	27,4	29,3	27,5	25,6
Останется без изменений	35,3	39,7	40,6	39,4	41,1
Изменится в худшую сторону	24,8	19,6	18,4	21,5	22,4
Затрудняюсь ответить	13,5	13,3	11,7	11,6	10,9
Индекс социального оптимизма	+36,9	+47,5	+51,5	+45,4	+44,3

Сводный индекс социального самочувствия рассчитывается как среднее значение четырех частных индексов (табл. 4.17). Судя по данным табл. 4.13–4.17, материальное положение и социальное самочувствие жителей края за период с 2002-го по 2011 гг. устойчиво повышались. Так, доля бедных сократилась с 48,7% в 2002 г. до 39,1% в 2011 г., а доля состоятельных граждан, напротив, выросла с 6,7% до 11,9% соответственно. Одновременно выросли индекс оценки складывающейся жизненной ситуации (с +45,3% до +58,7%), индекс изменения жизни (с +18,2% до +31,4%) и индекс социального оптимизма (с +36,9% до +51,5% соответственно).

Таблица 4.17

**Динамика частных и сводного индексов социального самочувствия жителей
Красноярского края в 2002–2020 годах (% от числа опрошенных)**

Индексы социального самочувствия	Год проведения исследования				
	2002	2005	2011	2016	2020
Индекс складывающейся жизненной ситуации	+45,3	+49,8	+58,7	+42,1	+37,1
Индекс материального положения	-0,8	+6,5	+13,3	+0,6	-1,9
Индекс изменения жизни	+18,2	+20,2	+31,4	+21,3	+20,2
Индекс социального оптимизма	+36,9	+47,5	+51,5	+45,4	+44,3
Сводный индекс социального самочувствия	+24,9	+31,0	+38,7	+27,4	+25,4

Сводный индекс социального самочувствия населения увеличился в полтора раза: с +24,9% в 2002 г. до +38,7% в 2011 году. В этом отношении динамика социальных показателей жителей Красноярского края совпадала с аналогичными показателями жителей Российской Федерации в целом (исследования П.М. Козыревой [190, с. 57–75] и др.).

Социологические исследования в 2016 г., а затем и в 2020 г., зафиксировали снижение всех социальных показателей. Так, за 9 лет (с 2011-го по 2020 гг.) индекс изменения жизни снизился на треть, индекс складывающейся жизненной ситуации – на четверть. Но наибольшее снижение зафиксировано в отношении индекса материального положения: с +13,3% в 2011 г. до –1,9% в 2020 году. Сводный индекс социального самочувствия населения снизился на треть: с +38,7% в 2011 г. до +25,4% в 2020 году.

Таким образом, из представленной информации вытекает следующий вывод: материальное положение и социальное самочувствие жителей Красноярского края устойчиво повышались в нулевых годах. В 2010-х гг. все социальные показатели не менее устойчиво понижались, фактически вернувшись к значениям начала 2000-х годов. Так, если в 2002 г. индекс материального положения составлял –0,8%, то в 2020 г. – –1,9%, сводный индекс социального самочувствия – +24,9% и +25,4% соответственно.

Не может не тревожить тенденция роста числа бедных жителей края: с 39,1% в 2011 г. до 45,3% в 2020 году. Особенно велика их доля в сельской местности – половина (54,5%) от общей численности сельских жителей. Если бедных разделить на две группы и к первой отнести тех, кто отметил позицию «живем за гранью бедности, не хватает даже на питание» (нищие), а ко второй – «денег хватает только на питание» (бедные), то доля нищих составит 12,4%. Получается, что каждый восьмой житель сельской местности голодает. Среди них явно доминируют пожилые респонденты (старше 60 лет), пенсионеры и безработные.

Беспокойство вызывает и снижение числа людей среднего достатка. Если в 2002–2011 гг. их доля в общем числе респондентов колебалась в очень узком диапазоне 40,3–41,7%, то в 2016 г. снизилась до отметки 32,6%, а в 2020 г. – до 31,6%.

Одновременно зафиксирован почти двукратный рост числа состоятельных респондентов: 6,7% (2002 г.), 8,9% (2005 г.), 11,9% (2011 г.), 12,3% (2016 г.) и 12,4% (2020 г.).

В нулевых годах сокращалась социальная дистанция между бедными и состоятельными гражданами. Если в 2002 г. число бедных превышало число состоятельных респондентов в 7,2 раза, то в 2011 г. снизилось до значения в 3,2 раза. Однако в первой половине 2010-х гг. это соотношение вновь стало увеличиваться и составило 3,6 раза в 2016 г. и 3,7 раза в 2020 году.

Таким образом, представленные данные позволили сделать следующие выводы. Во-первых, гражданское общество во второй половине 2010-х гг. оказывается более бедным в материальном отношении по сравнению со второй половиной 2000-х годов. Во-вторых, в 2010-

х гг. усилился процесс расслоения граждан по уровню материального положения, в то время как в нулевых годах этот разрыв был меньше.

Осмысление результатов краевых мониторинговых социологических исследований позволяет выдвинуть гипотезу о причинах близости значений сводного индекса социального самочувствия жителей в 2002-м и 2020 годах: в указанное время не произошло качественных изменений в жизни краевого социума. Чтобы проверить данную гипотезу, проанализируем динамику социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан, и их уровень удовлетворенности сферами жизни муниципальных образований.

В таблице 4.18 представлены социальные проблемы, отмеченные 10 и более процентами респондентов, хотя бы на одном исследовательском этапе.

Таблица 4.18

**Динамика социальных проблем, в наибольшей степени волнующих жителей
Красноярского края в 2002–2020 годах
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по 2020 г.)**

Социальные проблемы	Год проведения опроса									
	2002		2005		2011		2015		2020	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Безработица, занятость населения	41,5	4	41,5	3	38,4	3	39,4	4	47,6	1
Низкий уровень зарплат, пенсий, пособий	49,4	2	51,4	2	47,4	2	52,1	1	44,9	2
Высокие тарифы на услуги ЖКХ	31,6	6	39,8	5	41,3	4	38,7	5	43,5	3
Низкое качество медицинских услуг	21,3	11	21,0	7	29,6	7	26,3	7	34,2	4
Рост цен на товары и услуги	57,1	1	68,5	1	67,1	1	48,9	2	30,9	5
Плохое состояние дорог	19,1	12	14,7	9	24,5	8	23,6	8	29,9	6
Недоступность, дороговизна жилья	25,4	7	–	–	–	–	29,1	6	28,1	7
Состояние окружающей среды	22,7	10	13,7	10	11,3	11	19,0	9	27,1	8
Коррупция в органах власти, правоохранительных органах	–	–	8,9	14	10,9	12	17,6	11	19,8	9
Низкое качество жилищно-коммунальных услуг	–	–	14,2	11	21,5	9	18,2	10	18,0	10
Рост наркомании и пьянства	37,2	5	36,7	6	42,3	5	46,5	3	17,5	11
Утилизация бытовых отходов									15,6	12
Дефицит мест в детских садах	–	–	–	–	–	–	15,4	12	14,7	13
Рост преступности	23,2	9	18,9	8	15,8	10	5,8	18	5,4	14
Тревога за будущее детей и внуков	45,3	3	40,4	4	35,5	6	–	–	–	–
Задержки в выплате зарплат, пенсий, пособий	24,7	8	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. Прочерк обозначает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

Источники: Данные за 2002 г. получены по результатам социологического исследования [прил. 1; 9]; за 2005-й, 2010-й и 2015 гг.: [167, с. 19]; за 2020 г.: результаты социологического исследования [прил. 1; 40].

Учитывая различия в общих суммах полученных ответов, данные опросов приводятся как в процентном выражении, так и в их ранговом значении. Из анализа данных указанной таблицы следует: тревожность гражданского общества по поводу своего экономического положения сохраняется на протяжении всего периода наблюдений. Жителей Красноярского края в 2020 г., так же как и в 2002 г., волнуют главным образом низкий уровень заработной платы, пенсий, социальных выплат; рост цен на товары и услуги; безработица, занятость населения; высокая стоимость коммунальных услуг. Перечисленные социальные проблемы стабильно занимают верхние строчки в краевом рейтинге актуальности социальных проблем. Обращает на себя внимание выход в 2020 г. на первую позицию проблемы безработицы, отсутствие рабочих мест. В 2002–2015 гг. данная проблема занимала 3–4-ю позицию в краевом рейтинге.

За период с 2002-го по 2020 гг., по мнению респондентов, не выросло качество услуг в медицинской сфере и сфере ЖКХ, что можно объяснить низким качеством реформ, осуществляемых в отраслях в перманентном режиме.

Имеет тенденцию к ухудшению состояние окружающей среды и автомобильных дорог. Не удалось добиться позитивных изменений в решении жилищных проблем населения. Как волновала жилищная проблема каждого четвертого в 2002 г., так и продолжает волновать каждого четвертого респондента во второй половине 2010-х годов.

Это, в свою очередь, означает низкую эффективность реализации на практике пункта 2 статьи 40 Конституции РФ¹. Анализ социального состава респондентов, отметивших в 2015-м и 2020 гг. проблему недоступности, дороговизны жилья, показывает доминирование среди них людей с низким материальным достатком. Данное обстоятельство позволяет также говорить о низкой эффективности реализации на практике пункта 3 статьи 40 Конституции РФ².

Возрастает актуальность восприятия жителями края проблемы роста коррупции в органах власти, судебной системе и правоохранительных органах. Если в 2005 г. данная проблема занимала 14-ю позицию в рейтинге краевых проблем, в 2011 г. – 12-ю, в 2015 г. – 11-ю, то в 2020 г. – уже 9-ю. Данное обстоятельство вызывает сомнения в эффективности реализации на практике статьи 46 Конституции РФ, гарантирующей гражданам судебную защиту их прав и свобод (пункт 1).

Что касается усиления коррупции в органах власти, то, скорее всего, это следствие снижения возможности влияния гражданского общества на политику, проводимую местными и региональными органами власти. Неслучайно резко выросло во второй половине 2010-х число

¹ Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. *Источник:* [43].

² Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

отстраненных от должности глав местного самоуправления Красноярского края по сравнению с нулевыми годами.

На формирование внутренней иерархии тревожности респондентов оказывают влияние их половозрастные характеристики, уровень образования, социально-профессиональный статус и материальное положение. Каждый из перечисленных факторов имеет свою специфику влияния. Например, возрастной фактор срабатывает на таких проблемах, как безработица, рост преступности, наркомании и алкоголизма: чем моложе респондент, тем выше уровень тревожности. Противоположная тенденция прослеживается в отношении качества медицинских услуг: чем старше респондент, тем выше уровень беспокойства.

Фактор образования наиболее отчетливо сказывается на остроте восприятия экологических проблем: чем выше уровень образования, тем выше тревожность. Обратная зависимость наблюдается в отношении безработицы. Лица с начальным и неполным средним образованием наиболее остро воспринимают проблемы роста цен, качества медицинских услуг и работы коммунальных служб. Лица с незаконченным высшим образованием больше волнуют безработица и низкий уровень заработной платы. Материальные факторы напрямую связаны с ростом цен и безработицей: чем ниже доходы у опрошенных, тем выше обеспокоенность.

Рабочих и инженерно-технических работников более других волнуют рост цен, низкий уровень заработной платы, рост наркомании и алкоголизма; гуманитарную интеллигенцию – перечисленные проблемы и высокие тарифы на услуги ЖКХ. Руководителей и предпринимателей более других волнуют будущее детей и внуков, автомобильные пробки на дорогах и отсутствие парковочных мест; домохозяйек – рост цен, тарифы на услуги ЖКХ и нехватка мест в детских садах.

При анализе данных таблицы 4.18 обращает на себя внимание появление новых социальных проблем, таких как дефицит мест в детских садах и утилизация твердых бытовых отходов. Указанные проблемы беспокоили часть граждан и раньше, но в последнее время их актуальность заметно возросла, что говорит либо о невысокой способности региональных и местных властей предвидеть и не допускать негативного развития событий, либо об отсутствии у них достаточных полномочий и ресурсов для их решения.

Вместе с тем решение некоторых социальных проблем все-таки в той или иной мере зависит от местных органов власти. К примеру, в г. Красноярске устойчиво растет тревожность населения по поводу автомобильных пробок на дорогах: 32,2% (2010 г.), 34,4% (2011 г.), 36,7% (2012 г.) [166, с. 29] и 37,9% (2016 г.) [прил. 1; 38]. По мнению местных экспертов, городские власти не соблюдают пропорцию между объемом вводимого жилья, объектами общественного назначения (торгово-развлекательными комплексами, крупными гипермаркетами, деловыми центрами и пр.) и развитием городской транспортной инфраструктуры.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении недостатка мест для парковки легковых автомобилей в краевом центре. Строительство многоуровневых парковок не было поддержано населением из-за высокой стоимости машино-места, которая зачастую превышает среднюю стоимость автомобиля, находящегося в собственности у красноярцев. Кроме того, машино-место оказалось неинтересным для горожанина и по другой причине: здесь нельзя хранить овощи, консервацию, автомобильные шины и пр. Более того, в отсутствие хозяина машино-место может быть временно занято другой машиной. Данный проект не получил своего развития, так как оказался малопривлекательным и для горожан, и для строителей. Других путей решения проблемы парковки легковых автомобилей городская власть не сумела предложить. В конечном итоге ее переложили на уровень управляющих компаний, которые либо огораживают территорию вокруг жилых домов с разрешением на въезд по специальным пропускам (ключам), либо расширяют места для парковки автомобилей за счет сокращения зеленых зон, детских игровых и спортивных площадок.

Тревожность граждан по поводу своего экономического положения нарастает по мере отдаления территорий их проживания от краевого центра, и особую актуальность этот аспект приобретает в сельских районах. Обратимся к результатам социологических исследований, проведенных в 2016 г. в г. Канске, Канском и Дзержинском районах [прил. 1; 36, 37] (табл. 4.19).

Таблица 4.19

Социальные проблемы, в наибольшей степени тревожащие жителей г. Канска, Канского и Дзержинского районов Красноярского края в 2016 году
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по первой колонке)

Социальные проблемы	В целом	г. Канск	Канский район	Дзержинский район
Рост цен на товары и услуги	62,3	62,6	63,4	59,7
Низкий уровень заработных плат, пенсий	60,5	61,5	56,5	67,3
Плохое состояние дорог	57,5	58,9	57,3	51,5
Безработица, занятость населения	56,7	46,2	54,7	69,2
Рост наркомании и пьянства	38,5	32,8	46,2	53,3
Низкое качество медицинских услуг	35,4	28,3	49,0	52,9
Коррупция в органах власти,	24,9	33,2	9,2	8,3
Состояние окружающей среды	23,8	26,2	21,5	19,7
Высокие тарифы на услуги ЖКХ	22,8	22,5	28,5	21,3
Низкое качество жилищно-коммунальных услуг	20,9	23,4	30,8	22,8
Недоступность, дороговизна жилья	19,5	25,3	17,9	24,3
Дефицит мест в детских садах	12,8	12,3	12,3	9,6
Рост преступности	12,2	16,4	7,7	3,8
Состояние промышленного производства	11,9	11,5	13,8	11,7
Низкое качество социальной защиты	11,1	13,9	7,7	6,3
Низкое качество питьевой воды	5,7	3,7	9,2	10,0

Примечание: приведены позиции, отмеченные 10 и более процентами респондентов, хотя бы в одной территории.

Комментируя данные указанной таблицы, следует выделить главное: провинциальных жителей волнуют прежде всего: рост цен на товары и услуги; низкий уровень заработных плат, пенсий, социальных выплат; безработица, занятость населения. При этом актуальность перечисленных проблем заметно выше по сравнению со всеми жителями края. Например, проблема безработицы тревожит 2/3 жителей Дзержинского района. Для сравнения: по краю в целом данный показатель в 2015 г. составлял 39,4 %.

К числу главных проблем сельских жителей, волнующих половину респондентов, относятся плохое состояние дорог и низкое качество медицинских услуг. Каждого третьего беспокоит рост наркомании и алкоголизма. Каждого десятого жителя сельской местности – низкое качество питьевой воды. Все это – наглядное свидетельство низкой эффективности деятельности региональных и местных органов власти.

Как показывает исследовательская практика, для лучшего понимания процессов, происходящих на муниципальном уровне, наряду с изучением социальных проблем, в наибольшей степени волнующих население, хорошо работает подход, основанный на изучении уровня удовлетворенности населения сферами жизни муниципального образования и отслеживание изменений, происходящих в них.

В таблицах 4.20 и 4.21 представлены результаты двух краевых социологических исследований, проведенных в 2014-м и 2020 гг. [прил. 1; 34, 40]. Вопрос в анкете звучал в следующей формулировке: «Насколько вы удовлетворены ситуацией в следующих сферах жизни вашего города (района)?» Первичные данные, полученные в ходе исследований по 11 сферам жизни, обрабатывались с помощью частных и сводного индексов удовлетворенности сферами жизни (см. п. 1.3).

Таблица 4.20

Динамика индекса удовлетворенности сферами жизни муниципальных образований Красноярского края (% от числа опрошенных)

Сферы жизни муниципальных образований	Год проведения опроса	
	2014	2020
Состояние автомобильных дорог	-58,2	-59,4
Занятость населения	-18,2	-37,5
Окружающая среда, экология	-20,7	-25,5
Жилищно-коммунальная сфера	-28,5	-34,2
Здравоохранение	-9,9	-31,3
Работа полиции, правоохранительных органов	+28,4	-12,5
Социальное обеспечение, социальная защита населения	-7,8	-11,9
Безопасность дорожного движения	+4,8	-1,5
Сфера образования	+24,0	+15,0
Работа общественного транспорта	+26,6	+27,3
Сфера культуры и досуга	+40,6	+41,9
Сводный индекс удовлетворенности сферами жизни	-1,8	-12,5

Уровень удовлетворенности сферами жизни муниципальных образований Красноярского края в 2020 г. (% от числа опрошенных; данные ранжированы по последней колонке)

	Варианты ответов					Сводный индекс удовлетворенности
	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	
Состояние автомобильных дорог	2,9	13,8	33,4	42,7	7,2	-59,4
Занятость населения	6,2	18,9	29,1	33,5	12,3	-37,5
Окружающая среда, экология	5,9	23,4	37,5	25,9	7,3	-34,2
Жилищно-коммунальная сфера	5,7	27,9	32,4	32,5	8,7	-31,3
Здравоохранение	8,1	25,3	26,8	32,1	7,7	-25,5
Работа полиции, правоохранительных органов	8,4	24,5	21,1	24,3	21,7	-12,5
Социальное обеспечение, социальная защита	5,6	30,4	26,4	21,5	16,1	-11,9
Безопасность дорожного движения	8,9	30,6	24,7	16,1	19,7	-1,5
Сфера образования	9,3	37,9	19,5	12,8	20,5	+15,0
Работа общественного транспорта	11,4	46,8	18,1	12,8	10,9	+27,3
Сфера культуры и досуга	17,2	48,7	16,2	7,8	10,1	+41,9
<i>Усредненное значение по всем сферам</i>	7,7	31,4	26,6	23,5	11,0	-12,5

Сводный индекс рассчитывался как среднее значение 11 частных индексов. Чем выше значение сводного индекса, тем большее число респондентов в целом удовлетворено ситуацией во всех сферах жизни муниципального образования. Анализ данных таблицы 4.20 указывает о существенном снижении сводного индекса удовлетворенности в 2020 г. (-12,5%) по сравнению с 2014 годом (-1,8%). А данные таблицы 4.21 свидетельствуют: во-первых, в 2020 г. половина опрошенных не удовлетворена всеми сферами жизни, и во-вторых, в 9 из 11 исследуемых сфер за последние годы выросла доля неудовлетворенных. Наибольшее неудовлетворение респонденты высказывали в отношении состояния автомобильных дорог (3/4 опрошенных), здравоохранения, занятости населения, состояния экологии и жилищно-коммунальной сферы (2/3 опрошенных), социального обеспечения, социальной защиты населения и работы правоохранительных органов (почти половина опрошенных).

Возникает закономерный вопрос: отражают ли развитие социальной ситуации в муниципальных образованиях Красноярского края результаты двух исследований (2014-го и 2020 гг.)? Не сталкиваемся ли мы в данном случае с флуктуацией, когда 2 замера, разделенные шестилетним интервалом, не позволяют уловить общий вектор развития ситуации?

Чтобы ответить на этот вопрос, предлагается обратиться к данным по г. Красноярску, где по поднятой проблеме за 6 лет было проведено три среза общественных настроений красноярцев: в 2011-м, 2013-м и 2016 гг. [прил. 1; 31, 33 и 38] (табл. 4.22).

Динамика оценки изменений в сферах жизни города Красноярск в 2011-м, 2013-м и 2016 годах (% от числа опрошенных)

Сферы жизни	Вопрос: «В каких сферах жизни города вы замечаете перемены к лучшему, в каких – к худшему, а в каких не замечаете перемен?»								
	Варианты			Варианты			Варианты		
	К лучшему	Нет перемен	К худшему	К лучшему	Нет перемен	К худшему	К лучшему	Нет перемен	К худшему
	2011 г.			2013 г.			2016 г.		
Благоустройство города	69,6	23,5	6,9	65,2	26,8	8,0	54,3	24,2	12,9
Торговля	60,2	30,3	9,5	59,5	32,2	8,3	19,7	53,3	18,9
Работа газет, радио и телевидения	56,8	31,5	11,7	51,7	37,8	10,5	35,1	37,7	9,2
Социальная защита населения	16,8	64,6	18,6	26,4	52,0	21,6	14,1	46,3	30,7
Работа полиции	16,8	55,1	28,1	17,7	46,5	35,8	13,2	42,5	22,8
Работа транспорта	41,3	32,2	26,5	48,0	20,7	31,3	29,3	30,9	18,3
Ситуация с детскими садами	–	–	–	16,2	14,6	69,3	24,7	21,9	27,6

Продолжение таблицы 4.22

Динамика оценки перемен в сферах жизни города Красноярск в 2011-м, 2013-м и 2016 годах (% от числа опрошенных)

Сферы жизни	Вопрос: «В каких сферах жизни города вы замечаете перемены к лучшему, в каких – к худшему, а в каких не замечаете перемен?»								
	Варианты			Варианты			Варианты		
	К лучшему	Нет перемен	К худшему	К лучшему	Нет перемен	К худшему	К лучшему	Нет перемен	К худшему
	2011 г.			2013 г.			2016 г.		
Здравоохранение	12,7	45,0	42,3	18,6	37,3	44,1	10,3	31,4	45,7
Жилищно-коммунальная сфера	–	–	–	–	–	–	1,9	28,4	61,8
Промышленное производство	5,0	45,5	49,5	6,7	27,5	65,8	2,1	19,6	54,5
Ситуация с занятостью населения	11,2	43,7	45,1	13,2	30,8	56,0	2,4	16,9	55,7
Состояние дорог	49,4	21,6	29,0	17,4	18,5	64,0	7,7	19,3	67,6
Экология	–	–	–	–	–	–	1,2	14,7	63,4
Материальное положение населения	14,6	29,3	46,1	17,4	42,1	40,5	1,3	17,7	69,8

Примечание. Прочерк обозначает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

Источники: данные за 2011 г.: [166, с. 106]; данные за 2013 г.: Злотковский В.И. Результаты муниципальных выборов как фактор оценки деятельности местной власти (на примере выборов депутатов Красноярского городского Совета депутатов в сентябре 2013 года) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 91 ; данные за 2016 г. получены в ходе социологического исследования [прил. 1; 38].

Данные указанной таблицы наглядно демонстрируют: гражданское общество г. Красноярска в течение всего исследуемого периода (2011–2016 гг.) замечало позитивные изменения в сфере благоустройства города, в отношении работы газет, радио и телевидения и организации торговли. В то же время в большинстве сфер жизни города респонденты с той или иной степенью интенсивности отмечали негативные изменения. И это не может не тревожить. Согласно данным опроса в 2016 г., две трети респондентов заметили перемены к худшему в своем материальном положении, в состоянии окружающей среды, экологии, состоянии дорог, в сфере ЖКХ, половина – в промышленном производстве, ситуации с занятостью населения и сфере здравоохранения, каждый третий – в сфере социального обеспечения и социальной защиты населения.

Если анализировать данные за период с 2011-го по 2016 гг., то абсолютным лидером негативных изменений выступает состояние автомобильных дорог (таблица 4.23). Здесь индекс изменений уменьшился на 82,6% (с +42,0% в 2011 г. до –40,6% в 2016 г.). Далее идут материальное положение населения (снижение индекса на 53,0%), занятость населения, безработица (45,2%), промышленное производство (33,9%), ситуация в сфере здравоохранения (29,4%).

Таблица 4.23

**Динамика индексов изменений в сферах жизни города Красноярска
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по последней колонке)**

Сферы жизни	Индекс изменений в сферах жизни города		
	2011 г.	2013 г.	2016 г.
Благоустройство города	+82,2	+84,0	+65,6
Торговля	+81,0	+83,4	+64,1
Работа газет, радио и телевидения	+76,6	+79,0	+63,6
Работа полиции, правоохранительных органов	+43,8	+28,4	+32,9
Работа общественного транспорта	+47,0	+37,4	+31,9
Социальное обеспечение, социальная защита населения	+62,8	+56,8	+29,7
Ситуация с детскими садами	–	–38,5	+19,0
Здравоохранение	+25,4	+11,8	–4,0
Жилищно-коммунальная сфера	–	–	–31,5
Промышленное производство	+1,0	–31,6	–32,9
Ситуация с занятостью населения, безработицей	+8,8	–12,0	–36,4
Состояние дорог	+42,0	–28,1	–40,6
Состояние окружающей среды, экология	–	–	–47,5
Материальное положение населения	+2,2	+19,0	–50,8
<i>Сводный индекс изменений</i>	+42,9	+24,1	+4,5

Примечание. Прочерк обозначает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

В целом по г. Красноярску складывается довольно пессимистическая картина: сводный индекс изменений в сферах жизни города снизился почти в 10 раз: +42,9% в 2011 г., +24,1% в 2013 г. и +4,5% в 2016 году. Это означает, что в общественном сознании красноярцев доминирует представление об устойчивом и стремительном ухудшении качества жизни в городе Красноярске в первой половине 2010-х годов.

Из сказанного следует: результаты, полученные по г. Красноярску за период с 2011-го по 2016 гг., позволяют считать данные двух краевых опросов об изменении удовлетворенности граждан сферами жизни муниципальных образований вполне корректными.

Подводя промежуточный итог, отмечаем: полученные в ходе исследования результаты, связанные с изучением социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан, с их уровнем удовлетворенности сферами жизни муниципальных образований, материальным положением и социальным самочувствием населения, позволяют говорить о недостаточной эффективности реализации на практике статьи 7 Конституции РФ¹.

И еще на один важный момент следует обратить внимание. Изучение социальных проблем, в наибольшей степени волнующих граждан, и их уровня удовлетворенности (или происходящих изменений) сферами жизни муниципального образования расширяют возможности социологов для понимания социальной ситуации на местах и изучения тенденций ее развития. Располагая информацией о том, в каких сферах жизни города респонденты замечают негативные изменения, логично предположить повышение актуальности конкретных социальных проблем в ближайшей перспективе. Приведем конкретный пример. В ходе социологического исследования в г. Красноярске в 2013 г. две трети респондентов заметили ухудшение ситуации с местами в детских садах. Социологическое исследование, проведенное через два года, выявило рост актуальности этой проблемы: 23,6% в 2015 г. против 18,2% в 2011 году.

4.2.2. Динамика социального самочувствия жителей Республики Хакасия и социальных проблем, в наибольшей степени их волнующих

Эмпирическую базу исследований по Хакасии составляют сборники, опубликованные по результатам исследований, проведенных в 90-х годах прошлого столетия центром социологии и межнациональных и межрегиональных отношений института социально-политических исследований РАН совместно с Хакасским государственным университетом имени Н.Ф.

¹ Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Катанова (ХГУ). Исследования проведены в январе-феврале 1994 г. и августе-сентябре 1996 года [163; 230]. А также результаты республиканского исследования «Электоральная ситуация накануне выборов председателя правительства Республики Хакасия», проведенного в 1999 г. специалистами информационно-аналитического центра АО «Саянский алюминиевый завод»¹, и результаты двух республиканских исследований, проведенных диссертантом в январе и феврале 2009 года [прил. 1; 22].

Исследование, проведенное в Хакасии в 1994 г., показало, что 26% респондентов, отвечая на вопрос о своем материальном положении, сказали: «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания» (*нищие*). Без малого половина респондентов (43%) отметили позицию «денег сейчас хватает только на питание» (*бедные*). Каждый четвертый участник опроса (25%) указал: «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов питания и одежды, более крупные покупки приходится откладывать на потом» (*люди среднего достатка*). И всего 5% респондентов говорили о возможности покупок большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор), за исключением автомобиля (*состоятельные граждане*). Таким образом, индекс материального положения составил 39%. Индекс изменения жизни имел значение –28% (64% респондентов заявляли об ухудшении своего материального положения, 25% сказали, что оно не изменилось, и лишь 1% – что улучшилось).

Индекс социального оптимизма составил –65% (16% респондентов ожидали в ближайшие 2-3 года улучшения материального положения своей семьи, а 81% – не ожидали).

Таким образом, сводный индекс социального самочувствия жителей Хакасии в 1994 г., рассчитываемый как среднее значение трех частных индексов (индекса материального положения, индекса изменения жизни и индекса социального оптимизма), составлял –44%.

Результаты следующего республиканского опроса, проведенного в 1996 г., зафиксировали рост всех социальных показателей. Заметно вырос индекс материального положения: с –39% до +6,7% соответственно. Выросли индекс изменений жизни (с –28% до –9%) и индекс социального оптимизма (с –65% до –48%). Сводный индекс социального самочувствия составил –16,8%, т. е. за два года увеличился в 2,5 раза.

В 1994 г. жителей Хакасии главным образом тревожили рост преступности (60%), дороговизна жизни (59%), экологическая обстановка (20%), ухудшение отношений между людьми различных национальностей (20%). В 1996 г. рейтинг наиболее значимых социальных проблем выглядел следующим образом: дороговизна жизни (46%), рост преступности (31%), безработица (24%), расслоение общества на богатых и бедных (17%) и ухудшение экологической обстановки (12%).

¹ Результаты исследования получены в АО «Саянский алюминиевый завод» (г. Саяногорск, Республика Хакасия) и находятся в личном архиве автора.

В исследовании 1999 года первое место в республиканском рейтинге заняла позиция «снижение уровня жизни, недоступность товаров и услуг». Далее расположились: задержка в выплате заработной платы, пенсий; безработица; неуверенность в завтрашнем дне; спад и остановка производства в промышленности и сельском хозяйстве; состояние медицинского обслуживания¹. Информация о материальном положении и социальном самочувствии населения в отчете отсутствовала. Таким образом, представленные данные позволили сделать вывод о том, что материальное положение и социальное самочувствие жителей Республики Хакасия во второй половине 90-х гг. прошлого столетия по сравнению с его первой половиной заметно улучшились.

В ходе исследования 2009 г. респонденты следующим образом оценивали свое материальное положение: 9,8% респондентов отметили позиции «достаточно состоятельны, чтобы жить хорошо» и «денег на жизнь хватает, особо не экономим» (*состоятельные*). Доля людей среднего достатка составила 54,1%, бедных – 31,5%. Индекс материального положения составил +32,7%, индекс изменения жизни – +29,5%, индекс социального оптимизма – +45,1%, а сводный индекс социального самочувствия – +35,8%. Таким образом, за 15 лет (с 1994 г. по 2009 г.) произошел существенный рост всех индексов социального самочувствия населения. К примеру, индекс материального положения увеличился с –39% (1994 г.) до +32% (2009 г.), а сводный индекс социального самочувствия – с –44% (1994 г.) до +35,8% (2009 г.).

В таблице 4.24 представлены социальные проблемы, которые в наибольшей степени волновали жителей республики в начале 2009 года.

Таблица 4.24

Социальные проблемы, в наибольшей степени волнующие жителей Республики Хакасия (% от числа опрошенных; данные ранжированы по последней колонке)

Социальные проблемы	Дата проведения опроса			
	24–28.01.2009 г.		11–15.02.2009 г.	
	В %	Ранг	В %	Ранг
Рост цен на товары и услуги	54,2	1	58,6	1
Безработица, занятость населения	42,6	2	52,1	2
Тревога за будущее детей и внуков	40,1	3	49,0	3
Высокие цены на услуги ЖКХ	30,6	6	43,9	4
Низкий уровень заработной платы, пенсий, пособий	34,1	4	43,1	5
Недоступность, дороговизна жилья	30,7	5	37,1	6
Низкое качество медицинских услуг	21,9	8	34,6	7
Рост наркомании, пьянства	24,2	7	30,1	8
Недостаток внимания к проблемам пожилых людей	12,5	9	15,0	9
Высокий уровень преступности	12,4	10	13,0	10
Низкое качество жилищно-коммунальных услуг	7,8	11	10,4	11

¹ В отчете по результатам социологических исследований информация о социальных проблемах, в наибольшей степени волнующих респондентов, представлялась только в ранговых значениях.

Учитывая разность общих сумм ответов респондентов (333,2% в январе и 412,5% в феврале 2009 г.), первичные данные приведены как в процентном выражении, так и в их ранговом значении. Судя по полученным данным, *главными социальными проблемами*, т. е. волнующими 40 и более процентов избирателей, в феврале 2009 г. выступали: рост цен на товары и услуги, безработица и занятость населения, тревога за будущее детей и внуков, высокие цены на услуги ЖКХ и низкий уровень заработной платы. К числу *существенных социальных проблем* (тревожили от 30% до 40% респондентов) относились недоступность и дороговизна жилья, низкое качество медицинских услуг и рост наркомании, пьянства.

Сопоставление результатов республиканских опросов 2009 г. с результатами опросов, проведенных в Хакасии в 1990-х гг., позволяет выделить несколько важных моментов. Во-первых, в течение всего периода наблюдений (1994–2009 гг.) главной социальной проблемой, вызывающей наибольшее беспокойство у жителей Хакасии, была дороговизна жизни (рост цен на товары и услуги – в инструментарии опроса 2009 г.). Во-вторых, с конца 90-х гг. прошлого столетия второй по значимости является проблема занятости населения. В-третьих, потеряли актуальность такие социальные проблемы, как рост преступности, задержка с выплатами заработной платы, пенсий, пособий и ухудшение экологии. В-четвертых, заметно повысилась актуальность таких проблем, как низкий уровень заработной платы (43,1%), высокие цены на услуги ЖКХ (43,9%), недоступность приобретения жилья (37,1%) и низкое качество медицинских услуг (34,6%). Сопоставление результатов опросов в Хакасии (февраль 2009 г.) и в Красноярском крае (2011 г.) (см. табл. 4.18) позволяет говорить о том, что жителей двух соседних сибирских регионов волнуют, главным образом, одни и те же социальные проблемы. «Из этого следует: решение их в основе своей зависит не столько от местной власти (как регионального, так и муниципального уровней), но и от государства, от степени социально-экономического развития страны в целом»¹.

После 2009 г. диссертант не проводил массовых опросов в Хакасии. Между тем знакомство с научными публикациями последних лет, и прежде всего хакасских ученых, имеющих отношение к поднятой проблематике² [102; 325; 347], позволяет предполагать: социальное самочувствие населения двух сибирских регионов в 2010-х гг. имеет общий тренд и сопоставимую тревожность по поводу своего экономического положения.

¹ Злотковский В.И. Динамика социальной структуры сторонников политических партий... С. 33.

² Итоги социологических опросов населения по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления Республики Хакасия в 2015 году [Электронный ресурс] // Правительство Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <https://r-19.ru/society/5775/53941.html> (дата обращения: 12.01.2018).

4.4. Проблемы социальной инфраструктуры муниципальных образований

Важнейшим условием функционирования и развития муниципальных образований выступает социальная инфраструктура, обеспечивающая удовлетворение социокультурных потребностей членов местного сообщества и являющаяся базовым механизмом саморазвития общества. Функционирование и развитие социальной инфраструктуры является ведущим механизмом развития человеческого потенциала, повышения качества жизни и в значительной мере влияет на социальное самочувствие населения. Анализ состояния в этой сфере позволяет оценить истинный потенциал и дееспособность органов местного самоуправления. Известный российский социолог Г.А. Цветкова, ссылаясь на данные экспертных опросов, к числу наиболее значимых объектов социальной инфраструктуры относит образование, здравоохранение, ЖКХ, жилье и охрану окружающей среды. Ученый поясняет, что «данное распределение выражает мнение экспертов относительно значимости соответствующих проблем с точки зрения актуальности и важности управленческих решений и вместе с тем с точки зрения общественной озабоченности» [335, с. 180].

Рассмотрим актуальные вопросы социальной инфраструктуры муниципальных образований Красноярского края и Республики Хакасия, опираясь на данные официальной статистики.

4.4.1. Проблемы социальной инфраструктуры муниципальных образований Красноярского края

В таблице 4.25 представлены данные государственной статистики, характеризующие социальную сферу Красноярского края [49–52]. Вначале проследим динамику численности населения. В 2000 г. она составляла 3022,1 тыс. чел., в 2020 г. – 2866,3 тыс. человек. Доля городского населения, по состоянию на 2020 г., составила 77,5%. Таким образом, численность жителей края за 20 лет снизилась на 5,2%. При этом сокращение населения в сельской местности происходит значительно быстрее, чем в городах.

Коротко охарактеризуем наиболее значимые объекты социальной инфраструктуры Красноярского края.

Сфера образования

Дошкольное образование. Число дошкольных образовательных учреждений за 20 лет сократилось с 1100 (2000 г.) до 883 (2020 г.) при одновременном росте числа воспитанников: с 91 до 155,8 тыс. человек. Получается, что при сокращении количества дошкольных учреждений на 19,8% число воспитанников увеличилось на 41,6%. Если сравнивать с 1990 г. (1966 детских садов)¹, то количество детских садов за 30 лет уменьшилось в 2,2 раза.

¹ Наш край в зеркале цифр и фактов. Бег на месте // За победу! – 2011. – 26 октября. – 38 (52). – С. 3.

Важнейший параметр, характеризующий систему дошкольного образования, – охват детей в возрасте от 1 года до 6 лет дошкольным образованием. Во второй половине 2000-х гг. и начале 2010-х гг. он снижался, опустившись в 2012 г. до отметки 55,4%. Иначе говоря, в 2012 г. почти половина детей в возрасте от 1 года до 6 лет не посещали детские сады. Что думают родители, чьи дети посещают детские сады, о качестве предоставляемых муниципальных услуг дошкольными учреждениями? Ответ на этот и другие вопросы дают результаты исследования, проведенного в восьми детских садах г. Красноярск в 2010 г. [прил. 1; 29].

Полученные данные выявили высокий уровень удовлетворенности респондентами всеми аспектами деятельности детских дошкольных образовательных учреждений. Сумма средних значений ответов «удовлетворен» и «частично удовлетворен» по 22 исследуемым индикаторам (оформление и чистота помещений, вежливость, тактичность сотрудников, доступность административного персонала, репутация учреждения среди населения, условия обеспечения безопасности и др.) составила 93,0% (82,2% и 10,8% соответственно). Наиболее часто ответ «удовлетворен» (88% и выше) звучал в отношении внешнего вида сотрудников, качества выполняемых ими обязанностей, их компетентности и профессионализма, наличия информации о предоставляемых услугах, чистоты помещений, условий приема пищи детьми. Две трети опрошенных информированы о программах, по которым ведется образование детей в детском саду, о дополнительных оказываемых образовательных услугах. По их словам, воспитатели постоянно обсуждают с ними особенности индивидуального развития ребенка, его интересы, методы поощрения и наказания и то, в какой помощи он нуждается.

Таблица 4.25

Динамика численности населения и показателей, характеризующих социальную сферу Красноярского края в 2000–2020 годах (тыс. чел.)

Показатели	Отчетный период				
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Численность населения	3022,1	2925,3	2890,3	2889,8	2826,5
Число дошкольных образовательных учреждений (ед.), в них число воспитанников*	1100 91	994 98	982 103	987 104	985 106
Число общеобразовательных учреждений (ед.), в них число учащихся	1731 466,7	1468 343,8	1208 296,3	1150 293,9	1102 294,9
Число учителей	39,4	35,0	28,8	23,7	22,8
Число высших учебных заведений (ед.), в них число студентов	16 96,1	16 132,0	13 131,9	13 125,8	12 121,8
Число лечебных учреждений (ед.)	264	249	156	153	146
Число больничных коек (ед. на 10 тыс. человек)	114,7	113,8	101,0	103,1	102,1
Число фельдшерско-акушерских пунктов (ед.)	1115	1064	944	933	910

**Динамика численности населения и показателей, характеризующих социальную сферу
Красноярского края в 2000–2020 годах (тыс. чел.)**

Показатели	Отчетный период					
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2017 г.	2020 г.
Численность населения	2829,1	2838,4	2846,5	2852,8	2875,3	2866,3
Число дошкольных образовательных учреждений (ед.), в них число воспитанников*	982 112	990 115	998 125	989 133	973 146,2	883 155,8
Число общеобразовательных учреждений (ед.), в них число учащихся	1068 301,2	1044 300,3	1054 299,7	1052 303,1	1017 331,1	946 347,0
Число учителей	22,4	22,4	22,5	22,8	23,3	23,1
Число высших учебных заведений (ед.), в них число студентов	12 111,9	11 110,0	11 102,5	10 96,1	8 76,9	8 68,7
Число лечебных учреждений (ед.)	157	150	148	143	118	123**
Число больничных коек (ед. на 10 тыс. человек)	95,9	93,8	92,7	89,5	82,0	81,0**
Число фельдшерско-акушерских пунктов (ед.)	881	876	876	870	840	833**

Примечание. * Данные в отчетах за 2000–2014 гг. представлены в округленных значениях (тыс. воспитанников). ** Данные за 2018 год.

Несколько реже обсуждаются вопросы умений и навыков ребенка (43,9%). Абсолютное большинство опрошенных родителей (82,4%) отмечали улучшение психо-эмоционального состояния ребенка в результате посещения детского сада. 89,7% респондентов замечали положительные изменения в общении ребенка со своими сверстниками и взрослыми.

Начиная с 2013 г. охват детей в возрасте от 1 год до 6 лет дошкольным образованием начинает постепенно расти: 59,0% (2014 г.), 61,6% (2015 г.), 64,1% (2017 г.) и 66,7% (2020 г.). Данный рост обеспечен за счет увеличения числа вводимых муниципальных детских садов, уплотнения детских групп в действующих детских садах и работы частных детских садов. К двум последним путям решения проблемы у населения неоднозначное отношение. Очевидно, по этой причине в массовом сознании жителей края актуальность проблемы нехватки мест в детских садах во второй половине 2010-х гг. практически не снижается. Если в 2015 г. она волновала 15,4% респондентов, то в 2020 г. – 14,7% (см. табл. 4.18).

Одной из значимых проблем системы дошкольного образования является высокая доля учреждений, находящихся в аварийном состоянии или требующих капитального ремонта. В 2014 г. эта доля составляла 26,5% от общего числа зданий детских садов. В докладе правительства Красноярского края за 2019 г. данный показатель отсутствует, но сказано, что в половине муниципальных образований (в 8 городах из 17 и 22 районах из 44) имеются

аварийные или требующие капитального ремонта здания детских садов. В двух муниципальных образованиях (г. Шарыпово и Ирбейский район) доля таких зданий превышает 80%¹.

В Красноярском крае за период с 2000-го по 2020 гг. заметно сократилось число общеобразовательных учреждений – с 1731 до 946 (на 41,2%). Одновременно уменьшилось число учащихся – с 466,7 до 347 тыс. чел. (на 25,6%). Число учителей уменьшилось с 39,4 до 23,1 тыс. чел. (на 41,4%). Судя по представленным данным, происходит рост учебной и воспитательной нагрузки на учителей, усиленной необходимостью заполнения разного рода документации и отчетов.

Данные госстатистики не содержат информации о численности общеобразовательных учреждений в разрезе городов и сельских районов Красноярского края. Однако по сообщениям СМИ, наибольшие сокращения происходят в сельской местности. Причины органами власти считаются объективными. Численность жителей сельских районов сокращается быстрее, чем жителей городов. А так как эффективность деятельности органов местного самоуправления в сфере образования оценивается в том числе и через выполнение установленных нормативов (численность обучающихся в классе и др.), то в первую очередь под сокращение попадают малокомплектные школы и средние школы в сельских районах.

Гражданское общество постоянно в различной форме выражает свое неудовлетворение по поводу сокращения образовательных учреждений в городах и районах края. К примеру, на муниципальных выборах 2010 г. в Канском районе Красноярского края депутаты районного совета отказали в повторном избрании главе района. В числе основных претензий указывалось двукратное сокращение числа общеобразовательных школ в районе только за 5 лет (с 2005-го по 2010 гг.)².

В целом следует признать: на уровне муниципальных образований Красноярского края складывается замкнутый круг. Сокращение промышленного и сельскохозяйственного производства, происходящее в большинстве муниципальных образований, стимулирует отток населения, что в свою очередь влечет за собой сокращение объектов социальной инфраструктуры (дошкольных, общеобразовательных, медицинских и иных учреждений), так как социальные учреждения финансируются, исходя из установленных нормативов численности населения. В свою очередь сокращение социальных объектов еще больше усиливает отток населения. Разорвать этот порочный круг возможно только объединенными усилиями краевых, муниципальных органов власти, бизнеса и гражданского общества по

¹ Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Красноярского края по итогам 2019 года [Электронный ресурс] // Правительство Красноярского края : офиц. портал. – URL: <http://www.krskstate.ru/msu/effekt/0/id/46155> (дата обращения: 26.12.2020).

² Информация получена от одного из кандидатов на пост главы Канского района в 2010 году и находится в личном архиве диссертанта.

развитию реального производства на местах, созданию рабочих мест и благоприятных условий жизни для населения. Возглавлять и координировать эту работу должно краевое правительство. Благо в Красноярском крае для этого имеются возможности – посредством крупных финансово-промышленных групп, работающих в регионе (см. п. 3.4).

Высшее образование. За 20 лет число высших учебных заведений в Красноярском крае сократилось в 2 раза – с 16 в 2000 г. до 8 в 2020 году. Данное обстоятельство является следствием реализуемой в крае политики, направленной на сокращение негосударственных вузов и объединение функционирующих государственных вузов. Так, в 2006 г. в Красноярском крае путем объединения четырех вузов создается Сибирский федеральный университет, а в 2016 г. посредством объединения двух вузов – опорный университет (Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева).

В 2000 г. численность студентов составляла 96,1 тыс. чел. и повышалась вплоть до 2005 г. (132,0 тыс. чел.). После 2005 г. численность студентов устойчиво снижается. В 2008 г. она составляла 131,9 тыс. чел., в 2010 г. – 121,8, в 2012 г. – 110,0, в 2014 г. – 96,1, в 2017 г. – 76,9 и в 2020 г. – 68,7 тыс. человек. Таким образом, за 15 лет (с 2005-го по 2020 гг.) численность студентов в регионе сократилась в два раза. Основные причины следующие. Во-первых, сокращение числа бюджетных мест в вузах. По данным опроса красноярских студентов в 2013 г. [прил. 1; 18], доля студентов, обучающихся на коммерческой основе, сравнялась с долей студентов, обучающихся на бюджетной основе. В то время как в нулевых годах бюджетники явно доминировали. Во-вторых, существенное повышение стоимости коммерческого обучения в вузах. В-третьих, массовое закрытие филиалов и представительств вузов как в провинции, так и в краевом центре. К примеру, в г. Зеленогорске, 6-м по численности населения городе Красноярского края, к 2021 г. закрылись филиалы всех высших учебных заведений, действовавших на территории города: Сибирского федерального университета, институтов Красноярска и Томска, одного из вузов Санкт-Петербурга¹.

Совершенно очевидно, что значительная часть молодых людей, которые ранее получали высшее образование по месту жительства, не сумеют продолжить обучение в краевом центре, и прежде всего из материальных соображений (затраты на оплату обучения, проезд в Красноярск, проживание, питание) и по причине практической невозможности оформления учебных отпусков.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют сделать следующий вывод: доступность высшего образования в Красноярском крае за последние годы заметно снизилась.

¹ Слонов А. Рабочим – новые фабрики и заводы. Детям войны – достойные выплаты // За победу! – 2021, апрель. – № 6. – С. 3.

Наиболее пострадавшими в данном случае оказались молодые люди, проживающие в провинции, из семей с низким материальным достатком.

Сфера здравоохранения

Число больничных организаций в Красноярском крае с 2000-го по 2018 гг. сократилось в 2,1 раза – с 264 до 123, число больничных коек – на 29,4% (с 114,7 ед. на 10 тыс. населения до 81,0), фельдшерско-акушерских пунктов – на 25,3% (с 1115 до 833). Наиболее значительные сокращения произошли в сельской местности, где число больничных организаций за 18 лет сократилось на две трети.

О сложной ситуации в системе здравоохранения Красноярского края свидетельствуют доклады краевого правительства об эффективности деятельности органов местного самоуправления. Последний раз раздел «Здравоохранение и здоровье населения» присутствовал в докладе по итогам 2011 года. В дальнейшем данный раздел из докладов исчез по причине передачи медицинских учреждений с муниципального уровня на региональный.

Как характеризовалась система здравоохранения по итогам 2011 года? В 5 из 17 городских округов, в 26 из 44 муниципальных районов Красноярского края все здания учреждений здравоохранения требовали капитального ремонта или находились в аварийном состоянии. По региону в целом доля таких муниципальных учреждений здравоохранения составляла 90% [77]!

В стратегии социально-экономического развития Красноярского края на период до 2020 г. предусматривался комплекс мер, направленный на развитие системы регионального здравоохранения [84]. После передачи учреждений здравоохранения на краевой уровень предполагалось выстроить вертикаль административного управления с целью повышения эффективности управления отраслью и качества оказываемых медицинских услуг. Удалось ли решить эти задачи? Результаты мониторинговых социологических исследований не дают оснований для оптимизма. В 2002 г. проблема низкого качества медицинских услуг в краевом рейтинге социальных проблем, в наибольшей степени тревожащих население, занимала 11-й ранг. В 2005 г. переместилась на 7-ю позицию, оставаясь на ней и в 2011-м и 2015 гг., а в 2020 г. перешла уже на 4-ю позицию (см. табл. 4.18). Это означает, что в представлении жителей края качество и доступность медицинских услуг в исследуемый период устойчиво снижаются.

Не могут не тревожить результаты краевого социологического исследования в 2020 г., в ходе которого было установлено, что две трети респондентов в целом не удовлетворены складывающейся ситуацией в сфере здравоохранения (см. табл. 4.21). В ходе интервьюирования респонденты постоянно отмечали низкую доступность и низкое качество оказываемых медицинских услуг. Провинциальные респонденты жаловались на невозможность

получения многих видов медицинской помощи по причине отсутствия профильных специалистов в лечебных заведениях по месту жительства, о больших очередях на прием к имеющимся узким специалистам, о длительности времени ожидания скорой помощи, особенно в сельской местности, о переводе медицинских услуг, ранее оказываемых бесплатно, на коммерческую основу. В условиях пандемии коронавируса в 2020 г. по понятным причинам существенно снизилась доступность оказываемых медицинских услуг. Особенно сложная ситуация складывается у людей с хроническими заболеваниями, испытывающих затруднения для записи на прием не только к узким специалистам, но и к обычным терапевтам.

Таким образом, все сказанное позволяет сделать вывод: несмотря на усилия, предпринимаемые краевыми властями в 2010-х годах, так и не удалось повысить доступность и качество медицинских услуг, оказываемых населению. Более того, здравоохранение относится к числу сфер жизнедеятельности муниципальных образований, в отношении которых респонденты в последние годы замечают все больше изменений в худшую сторону.

В завершение следует отметить: первые руководители края понимают сложность ситуации в системе здравоохранения, и некоторые из них выражают сомнения в эффективности принимаемых мер, в том числе и целесообразности передачи медицинских учреждений на краевой уровень. В частности, председатель Законодательного собрания Красноярского края Д.В. Свиридов, выступая на VIII съезде депутатов Красноярского края в ноябре 2017 г., сказал следующее: «...в здравоохранении районные больницы и ФАПы перевели на краевой уровень, но лучше ли от этого пациентам – большой вопрос» [36]. По мнению ряда местных экспертов, при сохранении существующих тенденций ситуация в сфере здравоохранения края будет ухудшаться.

Сфера ЖКХ

Несмотря на перманентный процесс реформирования в сфере ЖКХ, улучшений в этой отрасли жители края не замечают. Проблемы высоких тарифов на услуги ЖКХ относятся к числу главных социальных проблем. При этом ее актуальность для населения устойчиво повышается. Если в 2002 г. данная проблема занимала 6-ю позицию в краевом рейтинге, в 2005 и 2015 гг. – 5-ю, то в 2020 г. – уже 3-ю позицию. Не снижается актуальность и другой значимой для населения проблемы – низкого качества оказываемых жилищно-коммунальных услуг: 11-я позиция в краевом рейтинге в 2005 г. и 10-я – в 2015-м и 2020 годах.

По данным таблицы 4.21, две трети жителей края в 2020 г. не были удовлетворены положением дел в сфере ЖКХ. В этом отношении сфера ЖКХ разделяла сомнительное лидерство в негативном рейтинге удовлетворенности сферами жизни муниципальных образований вместе с состоянием автомобильных дорог, занятостью населения и экологией. В разрезе муниципальных образований наиболее сложная ситуация наблюдается в г. Красноярске,

где индекс удовлетворенности сферой ЖКХ составляет –42,3% против –31,8% в городах и –10,9% в районах края. В этой связи представляет интерес более детальное изучение ситуации в сфере ЖКХ краевого центра. Эмпирической основой данного изучения служат результаты социологического исследования среди жителей г. Красноярска [прил. 1; 30], нашедшие отражение в авторских научных публикациях¹.

В ходе социологического исследования изучался уровень удовлетворенности качеством услуг по обслуживанию домов, в которых проживают респонденты. Участников опроса просили выразить свою позицию, выбирая из следующих ответов: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно», «затрудняюсь ответить», «нет такой услуги». Полученные первичные данные переводились в балльный вид по следующей формуле:

$$P = \frac{4R1 + 3R2 + 2R3 + 1R4}{R - R5 - R6}$$

В формуле R1 соответствует ответу «отлично» и ему присвоено 4 балла в четырехступенчатой шкале, R2 – «хорошо» (3 балла), R3 – «удовлетворительно» (2 балла), R4 – «неудовлетворительно» (1 балл), R5 – «затрудняюсь ответить», R6 – «нет такой услуги» и R – общая сумма ответов. По указанной формуле рассчитывался уровень удовлетворенности респондентов (P) по каждой из 14 услуг, отраженных в анкете.

Озвучим основные результаты, полученные в ходе исследования, высвечивающие проблемные зоны в системе жилищно-коммунального хозяйства в представлении горожан, не затрагивая положительные аспекты, отраженные в авторской публикации.

Во-первых, низким оказался уровень удовлетворенности качеством услуг по обслуживанию жилого дома в следующих аспектах: уборка подъездов и мест общего пользования, капитальный ремонт зданий и помещений, содержание и ремонт жилого фонда. Усредненное значение балла удовлетворенности по ним составило 1,67, т. е. находился в интервале между ответами «удовлетворительно» и «не удовлетворительно» с некоторым тяготением к первому ответу. Во-вторых, из числа коммунальных проблем (в исследовании использовался перечень из 14 пунктов) наибольшее беспокойство вызывала высокая стоимость коммунальных услуг (каждого второго респондента). Каждого третьего волновали высокая стоимость услуг по содержанию дома, несоответствие цены и качества оказываемых жилищных и коммунальных услуг; каждого четвертого – отсутствие должного контроля со стороны органов власти за состоянием жилья и оказанием жилищно-коммунальных услуг²; каждого пятого – недобросовестность работников ЖКХ. В-третьих, абсолютное большинство респондентов (87,7%) не участвовали в общем собрании по выбору способа управления своим

¹ Злотковский В.И. Сфера ЖКХ в общественном восприятии жителей города Красноярска... С. 566–577.

² Следует отметить: на данную проблему неоднократно обращали внимание депутаты Красноярского городского совета [365].

домом, что позволяет усомниться в том, что в итоговых протоколах учтено мнение большинства горожан. В-четвертых, больше половины респондентов (59,3%) не считали финансовую деятельность управляющей компании (или ТСЖ) «прозрачной» (имеется возможность проверки расходования финансовых средств). В-пятых, более половины респондентов (53,2%) считали, что их управляющие компании (или ТСЖ) работают либо в собственных интересах, либо только делают вид, что работают в интересах жильцов дома. Доля придерживающихся противоположного мнения составляет всего 7,8% от общего числа участников опроса. Весьма примечательный момент: на мнение респондентов в этом вопросе не оказывает влияния факт участия / неучастия в управлении своим домом. Данный факт можно интерпретировать следующим образом: люди не верят в то, что могут повлиять на ситуацию в своем доме, даже занимая в нем выборную должность.

Также в ходе проведенного анализа выяснился формальный подход к обращениям граждан по проблемам ЖКХ со стороны Горжилинспекции и отделения Роспотребнадзора. По мнению экспертов, названные организации «реагируют главным образом пересылкой друг другу большого числа писем»¹. О низкой эффективности деятельности МВД в расследовании правонарушений в сфере ЖКХ говорит генеральный прокурор РФ. А на защиту законных прав граждан, связанных с вопросами ЖКХ, в суде в среднем уходит два года².

Таким образом, результаты проведенных исследований позволили сделать вывод: система ЖКХ нуждается в серьезном реформировании, и прежде всего необходимо разработать комплекс мер, направленных на повышение роли граждан в управлении своим домом, микрорайоном, с постепенным переходом на отрасль в целом. «Необходимо ограничить рост тарифов на электроэнергию, отопление, воду, газ предприятий-монополистов, создавать конкурентную среду в сфере оказания жилищных и коммунальных услуг, организовать действенный контроль со стороны местных органов власти, правоохранительных, контролирующих и надзорных органов»³.

Недоступность, дороговизна жилья

Проблему, вынесенную в подзаголовок, в социологическом исследовании 2020 г. отметили 28,1% респондентов, она заняла 7-ю позицию в краевом рейтинге актуальности социальных проблем (см. табл. 4.27). Следует отметить: эта проблема застарелая. Еще в 2002 г. на нее указывали 25,4% респондентов, и та же 7-я позиция в краевом рейтинге. Получается, что за 18 лет в экономически развитом регионе, каковым является Красноярский край, так и не удалось снять остроту столь значимой для населения социальной проблемы.

¹ Злотковский В.И. Сфера ЖКХ в общественном восприятии жителей города Красноярска... С. 575–576.

² Там же. С. 575, 576.

³ Там же. С. 576.

Каким могут быть пути ее решения? Сегодня становится очевидным: проблему приобретения гражданами собственного жилья не решить только за счет ипотеки на ставках, предлагаемых коммерческими банками. Слишком они высокие. Россияне на многие годы фактически попадают в финансовую кабалу к банковским структурам, преследующим исключительно коммерческие выгоды для себя за счет населения. Поэтому первое направление решения жилищной проблемы – работа государственных органов, направленная на снижение процентных ставок по ипотеке, с опорой на опыт других стран. Например, ипотечные ставки во многих странах, включая Германию, Японию, Финляндию, Чехию, составляют менее 2% годовых. Политики часто любят ссылаться на опыт зарубежных стран, особенно в случаях обоснования непопулярных решений. Почему бы и в этом случае не воспользоваться опытом других стран, ограничив аппетиты владельцев коммерческих структур?

Другой путь – строительство социального жилья. Много положительного можно извлечь из опыта зарубежных стран, например Китая. Что касается г. Красноярска, то весьма красноречивы результаты социологического исследования, проведенного в 2010 г. [прил. 1; 28]. Респондентов спросили: «По вашему мнению, на реализацию каких проектов следует направлять бюджетные средства в первую очередь?» и предложили 10 вариантов ответов. Участники опроса отдали предпочтение строительству и капитальному ремонту дорог (55,1%), строительству и реконструкции учреждений здравоохранения (47,8%) и строительству социального жилья (41,2%) [65, с. 62]. Другой вопрос, почему в г. Красноярске так и не удалось запустить масштабное строительство социального жилья? Это тема специального изучения.

Состояние окружающей среды, экология

За 20-летний период актуальность данной проблемы имеет тенденцию к повышению. Если в 2002 г. она волновала 22,7% респондентов (10-я позиция в краевом рейтинге), в 2016 г. – 19,0% (9-я позиция) и в 2020 г. – 27,1% (8-я позиция) (см. табл. 4.18). Отвечая в 2020 г. на вопрос об удовлетворенности состоянием окружающей среды и экологией, более половины респондентов (58,9%) отметили позиции «не удовлетворен» или «скорее не удовлетворен». Индекс удовлетворенности по этому индикатору по краю составил –25,5%. Более низкое значение индекса зафиксировано только в отношении состояния автомобильных дорог, занятости населения, безработицы, сферы ЖКХ и сферы здравоохранения.

Если в сельской местности состояние окружающей среды в 2020 г. можно считать более или менее удовлетворительным (индекс составил +13,4%), то в городах – как сложное (–3,4%), а в Красноярске – как очень сложное (–70,6%). Краевой центр регулярно входит в список

российских городов с самым высоким уровнем загрязнения атмосферы. К примеру, по итогам 2013 г. Красноярск занял в рейтинге самых грязных российских городов 11-ю позицию¹.

В сентябре 2017 г. Министерство природы РФ в рейтинге городов с самым грязным воздухом поместило г. Красноярск на седьмую строчку². А по итогам 2020 г. Красноярск занял 2-е место среди городов с самым высоким уровнем загрязненности воздуха³. На первом месте оказался г. Норильск, который также находится в Красноярском крае.

И в заключение. Анализ, проведенный диссертантом, позволяет говорить об отсутствии у региональных и местных органов власти реальных механизмов и инструментов влияния на экологическую ситуацию в территориях. Их деятельность в этом направлении носит скорее имитационный характер.

4.4.2. Проблемы социальной инфраструктуры муниципальных образований Республики Хакасия

Судя по данным таблицы 4.26, численность населения Республики Хакасия за 20 лет практически не изменилась. Если в 2005 г. она составляла 533,8 тыс. чел., то в 2020 г. – 534,3 тыс. человек. Число дошкольных образовательных учреждений за период с 2000-го по 2020 гг. несколько увеличилось: с 164 до 174, а число воспитанников – с 15,3 до 30,5 тыс. человек соответственно. В 2005 г. охват детей дошкольным образованием составлял 50,2%, в 2008–2011 гг. колебался в узком диапазоне от 53,7% до 55,8%. С 2012 г. этот показатель начинает постепенно расти, достигнув в 2017 г. значения 71,3%, а в 2018 г. – 73,3%.

Из представленной информации хорошо видно: при росте числа детских садов всего на 5,6% количество воспитанников в них увеличилось в два раза. В этой связи логичным выглядит вопрос о том, как столь значительное уплотнение детсадовских групп сказывается на здоровье детей и качестве воспитательного процесса. Не получается ли так, что снижение остроты одной проблемы (нехватка мест в детских садах) влечет за собой другие проблемы – ухудшение физического и психического здоровья детей.

Аналогичная ситуация наблюдается и в системе среднего образования. Число общеобразовательных учреждений за 15 лет сократилось на 40,1% – 289 (2005 г.) и 181 (2020 г.). Одновременно несколько увеличилось число обучающихся в них детей (с 67,2 до 71,0 тыс. чел.) при одновременном уменьшении почти на треть числа учителей – с 6,7 до 4,8 тыс. человек

¹ Список самых грязных городов России и состав загрязнений [Электронный ресурс]. – URL: <http://mestoprozhivaniya.ru/vybor/ekologiya/spisok-samykh-gryaznykh-gorodov-rossii/> (дата обращения: 14.04.2016).

² 15 самых грязных городов России, по оценкам экологов [Электронный ресурс]. – URL: <http://bigpicture.ru/?p=944164> (дата обращения: 25.09.2017).

³ Красноярск вошел в топ-10 городов РФ с самым опасным воздухом в 2020 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://ngs24.ru/text/ecology/2021/01/29/69736571/> (дата обращения: 23.03.2022).

соответственно. Таким образом, нагрузка на одного учителя выросла в полтора раза – со 100 учеников в 2005 г. до 148 в 2020 году.

В 2005 г. в Хакасии функционировало 2 вуза, с 2013 г. – один, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. В 2005 г. общая численность студентов составляла 18,5 тыс. человек. К 2008 г. она достигла 20,3 тыс. человек – самый высокий показатель за весь период наблюдений. После этой даты численность студентов неуклонно сокращается и в 2020 г. составляет уже 8,5 тыс. человек. Таким образом, за период с 2008 г. по 2020 г. численность студентов в Хакасии снизилась в 2,4 раза.

Более чем в 2,5 раза сократилось число лечебных учреждений – с 68 в 2000 г. до 30 в 2020 году. На треть уменьшилось число больничных коек – со 108,4 до 70,4 ед. на 10 тыс. населения соответственно. Сократилось и число фельдшерско-акушерских пунктов – со 144 в 2005 г. до 126 в 2020 году.

Наглядное представление о промежуточных результатах хода реформирования системы здравоохранения дает информация по г. Саяногорску. Это город, в котором работают два крупнейших промышленных предприятия России – Саяно-Шушенская гидроэлектростанция, Саянский алюминиевый завод – и ряд других промышленных предприятий, включая производство мрамора («Саянмрамор»), молока и молочной продукции («Саянмолоко»).

Таблица 4.26

Динамика численности населения и показателей, характеризующих социальную сферу Республики Хакасия в 2000–2020 годах (тыс. чел.)

Показатели	Отчетный период				
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Численность населения	–	533,8	531,9	532,7	532,3
Число дошкольных образовательных учреждений (ед.), в них число воспитанников	164	154	166	169	163
	15,3	17,1	20,5	21,2	23,0
Число общеобразовательных учреждений (ед.), в них число учащихся	–	289	274	214	194
	–	67,2	60,3	58,1	57,0
Число учителей	–	6,7	5,8	4,7	4,5
Число высших учебных заведений (ед.), в них число студентов	–	2	2	2	2
	–	18,5	20,3	19,5	17,6
Число лечебных учреждений (ед.)	68	62	57	56	55
Число больничных коек (ед. на 10 тыс. населения)	–	108,4	87,6	91,1	90,6
Число фельдшерско-акушерских пунктов (ед.)	–	144	137	137	134

**Динамика численности населения и показателей, характеризующих социальную сферу
Республики Хакасия в 2000–2020 годах (тыс. чел.)**

Показатели	Отчетный период					
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2017 г.	2020 г.
Численность населения	532,2	533,0	534,1	535,8	537,7	534,3
Число дошкольных образовательных учреждений (ед.),	167	163	171	171	173	174
в них число воспитанников	24,6	25,9	28,4	29,5	30,4	30,5
Число общеобразовательных учреждений (ед.),	190	190	184	184	181	181
в них число учащихся	57,0	57,8	58,3	59,7	66,9	71,0
Число учителей	5,2	5,3	5,3	5,4	4,7	4,8
Число высших учебных заведений (ед.),	2	2	1	1	1	1
в них число студентов	15,4	13,5	11,7	10,6	8,5	8,5
Число лечебных учреждений (ед.)	55	54	52	28	27	30
Число больничных коек (ед. на 10 тыс. населения)	85,5	84,3	82,1	78,4	71,7	70,4
Число фельдшерско-акушерских пунктов (ед.)	130	128	128	127	124	126

Примечание. Прочерк обозначает отсутствие данных.

Источники: Данные за 2000–2017 гг.: [74–76]; за 2020 г.: [67].

Вместе с тем промышленно развитый город уже многие годы испытывает острую нехватку медицинских кадров. В Саяногорске не хватает терапевтов, офтальмологов, отоларингологов, эндокринологов, ортопедов, хирургов, дерматовенерологов, кардиологов, анестезиологов, неонатологов, педиатров, детских врачей узких специальностей. По состоянию на середину 2019 г., Саяногорская межрайонная больница укомплектована всего на 55,8%, детская поликлиника – на 35,7% (!). Основная часть врачей – пенсионеры¹. Данный пример наглядно выявляет новую проблему, возникшую после передачи муниципальных медицинских учреждений на региональный уровень.

Дело в том, что до этого муниципальные власти изыскивали возможности по привлечению медицинских кадров в город за счет предоставления медицинским работникам квартир. В сегодняшних условиях республиканское министерство здравоохранения пока не сумело найти пути и создать действенные механизмы решения жилищной проблемы для медицинских кадров, особенно работающих в провинции. Отсюда и нарастающий дефицит квалифицированных врачей в городах и районах Хакасии.

¹ В медучреждениях Саяногорска все чаще встретишь врача-пенсионера [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.19rus.info/index.php/obshchestvo/item/100521-sayanogorsk> (дата обращения: 12.12.2019).

Еще одна весьма значимая проблема, отчетливо проявившаяся в Республике Хакасия в последние годы, – недофинансирование бюджетных учреждений в муниципальных образованиях. Вот что сказал М.А. Валов, избранный главой г. Саяногорска в сентябре 2018 г.: «По состоянию на 1 октября 2018 г., в Саяногорске заблокированы лицевые счета 36 бюджетных учреждений на общую сумму 61,7 млн рублей. Проще говоря, из-за долгов, которые копились с 2014 года, сегодня арестованы счета почти всех школ, детских садов и муниципальных учреждений города»¹. По мнению нового руководителя Саяногорска, поднятая проблема характерна для всех муниципальных образований Хакасии и носит системный характер.

К сожалению, спустя 2,5 года ситуация в муниципальных образованиях Республики Хакасия не улучшилась. По состоянию на январь 2020 г. в 2/3 из них заблокированы расчетные счета², что создает опасность оставления без питания и света детских садов и средних школ. Наиболее тревожная ситуация складывается в сельских районах, где, по сути, происходит деградация социальной инфраструктуры.

Успешность функционирования и развития социальной инфраструктуры, от которой напрямую зависит качество жизни населения, в значительной мере обуславливается как эффективностью деятельности государственных и муниципальных органов власти, так и конструктивным взаимодействием между двумя уровнями власти. Одним из показателей эффективности деятельности властных структур региона, ответственных за социальное благополучие населения, можно считать установки молодежи, связанные с перспективой проживания в Сибири. Одно дело, когда молодежь связывает свои жизненные перспективы с местом своего рождения, и совсем другое – когда нацелена на отъезд из Сибири, например, в западную часть Российской Федерации. Безусловно, решение озвученной проблемы зависит не только от деятельности региональных и местных органов власти. Сегодня молодые люди хорошо информированы об уровне заработных плат людей, проживающих в г. Москве, перспективах их карьерного роста в разных сферах жизни крупного мегаполиса, качестве городской среды и др. Но все-таки результаты проведенного исследования позволяют утверждать: региональные органы власти во многом недорабатывают в создании условий жизни в регионе, которые были бы привлекательны для молодежи, и прежде всего образованной молодежи. На это, в частности, указывают результаты исследований в молодежной среде, свидетельствующие о невысоком престиже профессии инженера среди

¹ Михаил Валов: До полного банкротства Саяногорску осталось несколько шагов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/91120-mikhail-valov-do-polnogo-bankrotstva-sayanogorsku-ostalos-neskolko-shagov> (дата обращения: 23.10.2020).

² В Хакасии в 64 муниципалитетах заблокированы счета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/119140-v-khakasii-v-64-munitsipalitetakh-zablokirovany-scheta> (дата обращения: 1.02.2021).

ущающейся молодежи и их установках на желательное место жительства после окончания учебного заведения.

Эмпирическую базу мониторинговых социологических исследований в молодежной среде составляют опросы среди учащихся старших классов общеобразовательных школ и студентов очной формы обучения г. Красноярска в 2006-м, 2008-м, 2011-м, 2013-м и 2018 гг. [прил. 1; 18]. Основные результаты, полученные в ходе исследований, нашли отражение в ряде научных публикаций диссертанта¹.

Как следует из результатов мониторинговых исследований, ни в нулевых, ни в 2010-х годах профессия инженера не пользуется популярностью ни среди старшеклассников средних школ, ни среди студентов вузов г. Красноярска. Только 7,7% среди школьников (7-я позиция из

¹ Злотковский В.И. Актуальность проблемы наркомании в представлении старшеклассников средних школ и студентов красноярских вузов (по результатам социологических исследований) // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 апреля 2014 г.): в 2 ч. / отв. ред. И. А. Медведев. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. – Ч. 1 – С. 79–82 ; Злотковский В.И., Злотковская А.В. Где мечтает жить красноярская молодежь после окончания учебного заведения? // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (Абакан, 21–22 ноября 2014 г.) / отв. ред. Н. Ф. Кузнецова. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2014. – С. 49–50 ; Злотковский В.И., Котов Д.А. Молодежь и выборы в городе Красноярске (по результатам социологического исследования) // Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции и перспективы : материалы город. межвуз. науч.-практ. конф. – Красноярск: Полиграфбланк. – 2010. – С. 61–66 ; Лунев В. В., Злотковский В. И. К портрету современной российской молодежи [Электронный ресурс] // Современная педагогика. – 2014. – № 6 (19) ; Zlotkovsky V.I., Zlotkovskaya A.V. Dynamics of perception of values of Krasnoyarsk youth (2008–2013) // Наука Красноярья. – 2014. – № 5 (16). – С. 174–184 ; Злотковский В.И. Злотковская А.В. Динамика отношения студенческой молодежи к политическим партиям и выборам (по результатам социологических исследований в Красноярске) // Девятые Байкальские соц.-гуманитар. чтения: в 2 т. Т.1 : Материалы. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – С. 40–46 ; Злотковский В.И. Динамика социального самочувствия и политических ориентаций красноярских студентов (2006–2013 гг.) // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири / науч. ред. Ю.А. Зуляр. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – Вып. 4: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 18 дек. 2014. – С. 92–97 ; Злотковский В.И. Кем мечтает стать красноярская молодежь? // Восьмые Байкальские междунар. соц.-гуманитар. чтения: в 2 т. Т. 1: Материалы. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 92–96 ; Злотковский В.И. Анализ социального самочувствия студенчества вузов г. Красноярска и Красноярского края [Электронный ресурс] // Вест. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. – 2014. – № 1 (14) ; Злотковский В.И. Студенты технического вуза о власти и бизнесе (на примере студентов Красноярского государственного университета цветных металлов и золота) // Выборы и ответственность: основные критерии гуманитарной стратегии демократизации : материалы межрег. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И.Г. Смолиной. – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2006. – С. 168–174 ; Злотковский В.И., Котов Д.А. Молодежь и выборы в городе Красноярске (по результатам социологического исследования) / Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции и перспективы : материалы город. межвуз. науч.-практ. конф. – Красноярск: Полиграфбланк, 2010. – С. 61–69 ; Злотковский В.И. Динамика социального самочувствия и политических ориентаций красноярской студенческой молодежи (2006-2013 гг.) // Вест. Бурят. гос. ун-та. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – 2014. – № 6 (1). – С. 74–80.

10 предложенных вариантов) и 12,7% среди студентов вузов (8-я позиция из 10 предложенных вариантов)¹ считают, что молодые люди хотят получать профессию инженера².

Для молодых сибиряков значительно более привлекательной является перспектива занятия предпринимательской деятельностью и руководящие должности в организациях (директор, начальник, руководитель). И лишь во вторую очередь возможность работы в качестве юриста, адвоката и спортсмена. Значительно более престижной, чем профессия инженера, считается работа политиком, депутатом и менеджером. В данном условном рейтинге инженер лишь незначительно опережает людей творческих профессий (художника, певца, писателя) и ученых. Учителя общеобразовательных школ выражают в этом вопросе солидарность с молодежью. В их представлении только 4,3% молодых людей мечтают о дипломе инженера (7-я позиция в рейтинге престижности профессий).

В чем причина низкой популярности профессии инженера в экономически развитом регионе, каковым является Красноярский край, нередко называемый в СМИ флагманом отечественной промышленности? В поиске ответа на этот вопрос обратимся к авторской монографии «Красноярск в социологическом измерении (2000–2014)», в которой представлены результаты социологических исследований среди студентов первого и пятого курсов Красноярской государственной академии цветных металлов и золота (ГАЦМиЗ) [166, с. 236–251]. В ходе исследований установлено, что каждый третий будущий студент ГАЦМиЗ одновременно подавал документы в другие вузы как технического, так и гуманитарного профиля. А свой итоговый выбор в пользу ГАЦМиЗ респонденты объясняли непрохождением по конкурсу на бюджетные места в других вузах и возможностью учиться на бюджетной основе.

При изучении мотивов выбора инженерной специальности выяснилось: только 7,7% первокурсников отмечали позицию «популярность профессии» (10-я позиция из 13 возможных альтернатив). Каждый третий респондент объяснял свой выбор желанием иметь диплом о высшем образовании, 29,7% – возможностью трудоустройства по специальности, 25,5% – материальными выгодами, связанными с профессией, 23,3% – желанием реализовать свои способности, 20,5% – по совету родственников, друзей и знакомых. Неслучайно решение поступать именно в ГАЦМиЗ в выпускном классе приняли только 39,4% будущих

¹ Вопрос в анкете звучал в следующей формулировке: «Как вы думаете, кем сегодня чаще всего хотят стать юноши?» Респонденты имели возможность выбрать любое количество из 10 предложенных вариантов. Учащиеся старших классов в среднем выбирали 3 варианта, студенты вузов – 2,5.

² Злотковский В.И. Кем мечтает стать красноярская молодежь... С. 93 ; Zlotkovsky V.I., Zlotkovskaya A.V. Dynamics of perception of values of Krasnoyarsk youth (2008–2013). С. 177 ; Злотковский В.И., Котов Д.А. Молодежь и выборы в городе Красноярске (по результатам социологического исследования) / Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции и перспективы : материалы город. межвуз. науч.-практ. конф. – Красноярск: Полиграфбланк, 2010. – С. 64.

первокурсников вузов. Треть приняла это решение накануне вступительных экзаменов. Судя по полученным данным, можно утверждать: абсолютное большинство молодых людей пришли в технический вуз, не считая профессию инженера популярной, и руководствовались при поступлении в вуз стремлением получить диплом о высшем образовании, более легкими по сравнению с гуманитарными вузами условиями поступления и возможностью учиться за государственный счет. При этом выбор технического вуза нередко сопровождался и спонтанными мотивами: по совету родственников, друзей и знакомых.

В свете сказанного логичными выглядят следующие результаты исследования. Две трети первокурсников ГАЦМиЗ (63,1%) не были убеждены в окончательности выбора своей специальности. Практически такое же число пятикурсников (68,1%) сомневались в правильности сделанного ими в свое время выбора профессии.

Только половина будущих выпускников инженерного вуза была уверена в своем трудоустройстве по инженерной специальности. Остальные объясняли свою позицию низкой заработной платой (32,4%), сложностью в поиске работы по специальности (26,1%) и сменой интересов за время обучения в вузе (16,8%).

Планы по трудоустройству выпускники связывали, прежде всего, с помощью родителей – их связями и знакомствами (39,3%) и лишь каждый пятый (21,5%) планировал обращаться в отделы кадров предприятий. В этой связи уместно представить результаты опроса относительно факторов достижения молодыми людьми своих жизненных целей. В старших классах средней школы главные надежды связаны с хорошим образованием (67,7% и 1-й ранг), личными качествами (характер, трудолюбие и др.) (64,1% и 2-й ранг), связями и знакомствами (62,8% и 3-й ранг). Но уже в высшем учебном заведении приоритеты молодых людей меняются. На первое место выходит позиция «связи, знакомства» (64,2%), а хорошее образование перемещается на 3-е место (49,7%).

Представления красноярских студентов о том, что связи и знакомства выступают главным фактором достижения своих жизненных целей, не являются уникальными. Студенты московских вузов, отвечая на вопрос: «Что, по вашему мнению, более всего необходимо молодому человеку для жизненного успеха?», на первое место ставили именно «связи, поддержка влиятельных лиц, знакомства» (64,4%) [354, с. 170–182]. Похоже, студенческая молодежь, вне зависимости от места своего проживания, отчетливо осознает, за счет чего в современных российских реалиях можно добиваться жизненного успеха. Совпадают позиции студентов Сибири и молодежи России в целом¹ относительно жизненных приоритетов. Речь идет о том, кем хотели бы стать молодые люди. Весьма показательными являются приоритеты

¹ Ценностные ориентации активистов молодежных движений [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение»: сайт. – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/pprezz120508> (дата обращения: 10.01.2015).

красноярских и российских девушек, которые полностью совпадают: представители прекрасной половины человечества главные свои надежды связывают с удачным замужеством, а если и работать, то в качестве модели или артистки.

Наиболее тревожная информация получена при ответе молодых людей на вопрос: «Если бы вам вновь пришлось выбирать специальность, повторили бы вы свой выбор?» Лишь 38,7% первокурсников и 31,9% пятикурсников ответил на него утвердительно. И все это в промышленно развитом регионе, где работают несколько крупных финансово-промышленных групп, связанных с добычей и переработкой полезных ископаемых (золото, никель, нефть, газ, уголь, древесина), производством цветных металлов (алюминия и др.).

Получается следующая ситуация: крупный бизнес не может (не хочет) предложить выпускникам красноярских технических вузов ни достаточного количества инженерных мест, ни достойной оплаты их труда. Поэтому молодые инженеры стремятся искать работу в краевом центре, как правило, не связанную с инженерной профессией, либо задумываются об отъезде из Красноярска. На последнее, в частности, указывают данные таблицы 4.27.

Для удобства сопоставления позиций различных групп молодежи анализ первичных данных в таблице 4.27 проведен с помощью индекса миграционных настроений, который рассчитывается как разность между числом респондентов, планирующих жить в г. Красноярске, и числом респондентов, мечтающих уехать за границу, в любой другой город России или сельскую местность.

Таблица 4.27

**Установки старшеклассников средних школ и студентов вузов
относительно желательного места жительства после окончания учебного заведения
(% от числа опрошенных; данные ранжированы по последней колонке)**

Желательные места жительства после окончания учебного заведения	Дата проведения опроса							
	Сентябрь 2010 г.				Декабрь 2013 г.		Сентябрь 2018 г.	
	Школьники		Студенты		Студенты		Студенты	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
За рубежом	28,4	2	39,4	1	28,1	2	30,8	1
В Красноярске	39,8	1	30,4	2	30,6	1	29,5	2
Затрудняюсь ответить	2,2	6	3,8	6	14,7	3	16,7	3
В Москве	9,4	4	4,8	5	7,9	4	8,2	4
В любом другом городе	5,3	5	7,6	4	5,4	6	5,7	5
Не имеет значения	13,0	3	12,6	3	6,0	5	4,1	6
В Новосибирске	–	–	–	–	3,6	8	3,9	7
В сельской местности в другом регионе	1,9	7	1,4	7	3,8	7	1,1	8
Индекс миграцион- ных настроений	–5,2		–22,8		–18,2		–20,2	

Примечание. Прочерк означает отсутствие позиции в инструментарии исследования.

Чем выше значение индекса, тем большее число респондентов гипотетически связывают свою дальнейшую судьбу с Красноярском, и наоборот. При анализе указанной таблицы обращают на себя внимание заметно усиливающиеся непатриотические (в территориальном отношении) настроения молодых людей при переходе из стен средних школ в высшие учебные заведения. Снижается доля желающих оставаться в Красноярске с 39,8% (среди школьников) до 30,4% (среди студентов) и повышается доля тех, кто хотел бы уехать из Красноярска, – с 45,0% до 53,2% соответственно.

Расчеты показывают: в 2010 г. индекс миграционных настроений среди студентов вузов оказался в 4,4 раза выше, чем среди старшеклассников средних школ (–22,8% и –5,2% соответственно).

Некоторое снижение индекса среди студентов в 2013-м и 2018 гг. по сравнению с 2010 г. (–8,2% и –20,2% против –22,8% соответственно) не дает повода для оптимизма. Дело в том, что доля желающих оставаться в Красноярске практически не меняется: 30,4% в 2010 г., 30,6% в 2013 г. и 29,5% в 2018 году. Некоторое снижение числа желающих уехать в другие территории объясняется заметным ростом числа респондентов, затрудняющихся с содержательным ответом: с 3,8% в 2010 г. до 16,7% в 2018 году.

Далее рассмотрим миграционные настроения красноярской студенческой молодежи в зависимости от их социальных характеристик (табл. 4.28). Анализ данных указанной таблицы позволяет выделить главное: основным фактором, оказывающим наибольшее влияние на желание молодых людей покинуть г. Красноярск, является их возраст. По мере взросления молодых людей их установка на отъезд существенно возрастает. Если среди 17-летних индекс миграционных настроений составляет –3,3%, среди 19-летних – –20,2%, то среди 21-летних – уже –34,2%.

Не может не тревожить смена вектора настроений среди провинциальной молодежи Красноярского края. Если в 90-х гг. прошлого столетия и в начале 2000-х гг. молодежь из сельской местности и малых и средних городов мечтала закрепиться в г. Красноярске, то в 2010-х гг. ее основные мечты связаны с отъездом в западные регионы страны или за рубеж. Получается, что Красноярск теряет свою привлекательность в глазах молодых жителей провинции. Если в советское время молодежь приезжала в Сибирь, то в современной России мечтает ее покинуть.

Другой тревожный момент: индекс миграционных настроений студентов Сибирского федерального университета (–19,6%) ниже, чем в целом среди студенческой молодежи г. Красноярска (–18,2%).

Влияние различных факторов на установки красноярской студенческой молодежи относительно желательного места жительства после окончания высшего учебного заведения

Социальные характеристики респондентов	Количество респондентов, желающих жить в Красноярске (% от числа опрошенных в группе)	Индекс миграционных настроений (% от числа опрошенных)
<i>Пол</i>		
Юноши	34,2	-9,3
Девушки	27,2	-26,2
<i>Возраст, лет</i>		
17	39,6	-3,3
18	30,8	-20,0
19	31,4	-20,2
20	27,6	-30,5
21	22,8	-34,2
<i>Место жительства до поступления в вуз</i>		
Красноярск	35,4	-11,1
Города Красноярского края	29,6	-23,4
Сельские районы края	25,0	-27,2
Другие субъекты РФ	24,5	-25,8
<i>Форма обучения</i>		
Бюджетная	31,3	-16,8
Коммерческая	30,1	-19,7
<i>Профиль получаемого образования</i>		
Гуманитарное	30,9	-19,5
Техническое	29,7	-15,6
Юридическое	32,1	-7,5
Экономическое	39,5	+2,6
Сельскохозяйственное	26,4	-16,7
<i>Высшее учебное заведение</i>		
Сибирский федеральный институт	30,2	-19,6
Сибирский государственный технологический университет	34,5	-13,1
Сибирский государственный аэрокосмический университет	20,4	-27,9
Красноярский государственный аграрный университет	28,6	-23,3
Красноярский государственный педагогический университет	35,4	-6,2
<i>Семейное положение</i>		
Женат (замужем)	30,7	-10,4
Не женат (не замужем)	37,5	-17,8
Гражданский брак	22,8	-29,9

Возникает закономерный вопрос, в какой мере выполняет свою миссию Сибирский федеральный университет¹, созданный в 2006 г. путем включения в его состав четырех высших учебных заведения г. Красноярска, если его студенты грезят отъездом из Сибири наравне со студентами других красноярских вузов? Очевидно, это следствие затянувшегося процесса становления главного вуза края.

Еще один тревожный момент: девушки более нацелены на отъезд из Сибири по сравнению с юношами (–26,2% против –9,3%). Данное обстоятельство осложняет и без того непростую демографическую ситуацию в регионе.

В целом представленная информация позволяет говорить об усиливающейся в последние годы установке студенческой молодежи на отъезд из г. Красноярска после окончания вуза. Это означает, что молодых сибиряков не устраивают ни уровень, ни качество жизни в Красноярском крае.

Неслучайно известный профессор МГУ Н.В. Зубаревич в 2021 г. говорит о том, что каждый пятый студент Красноярского края покидает регион и называет основные причины: качество местных вузов, непредоставление достаточного количества рабочих мест и достойной оплаты труда².

В последние годы в стране активно проводится реформа системы высшего образования. Ее цель – повысить качество подготовки дипломированных специалистов и сделать их более востребованными на рынке труда. Можно в целом согласиться с реформами, протекающими в системе высшей школы, обратив внимание на момент, имеющий принципиальное значение. Дело в том, что для повышения востребованности специалистов с вузовскими дипломами на рынке труда усилий одной высшей школы явно недостаточно. Необходимо «встречное движение» со стороны работодателей в виде создания достойных условий труда, уровня заработной платы для молодых людей, перспектив их профессионального роста и служебной карьеры. Поясним эту мысль на примере сферы здравоохранения г. Красноярска. С одной стороны, в г. Красноярске функционирует медицинский университет, ежегодно выпускающий значительное количество специалистов по широкому спектру медицинских специальностей. С другой стороны, в бюджетных медицинских учреждениях г. Красноярска существует острый

¹ Поддержка конкурентоспособности основных отраслей экономики и компаний Сибирско-Дальневосточного макрорегиона России через производство глобально значимых знаний и технологий. <...> Поддержка процессов социального и культурного развития Сибирско-Дальневосточного макрорегиона России через подготовку элитных кадров, в том числе и управленческих. *Источник:* Концепция национального университета в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс] // Сибирский федеральный университет : сайт. – URL: <https://about.sfu-kras.ru/formation/conception> (дата обращения: 20.02.2022).

² Наталья Зубаревич: почему тормозит Челябинск и растет Екатеринбург [Электронный ресурс]. – URL: https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/natalya-zubarevich-pochemu-tormozit-chelyabinsk-i-rastet-ekaterinburg/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 13.05.2021).

дефицит кадров в первичном звене [65]. В чем причина данного противоречия? Как поясняют эксперты, основная проблема заключается в условиях труда и низкой заработной плате, предлагаемых молодым врачам в бюджетных медицинских учреждениях. Поэтому выпускники медицинского университета г. Красноярска более охотно идут в частные медицинские учреждения либо начинают заниматься коммерческой деятельностью в сфере здравоохранения.

Теперь представим ситуацию: в медицинском университете г. Красноярска заметно повышено качество подготовки специалистов. Как это отразится на заполнении вакансий в учреждениях бюджетной сферы здравоохранения г. Красноярска и других территорий края? С высокой долей вероятности можно предполагать: дефицит медицинских кадров в первичном звене скорее усилится, так как выпускники, осознавая уровень своей квалификации, будут ожидать должных условий для своей работы и ее достойной оплаты. Они скорее пойдут в коммерческие медицинские учреждения или будут стремиться выехать в европейскую часть России, чем заполнять вакансии в первичном звене бюджетной сферы здравоохранения края и тем более выезжать на работу в сельскую местность.

Ректор Сибирского федерального университета Е.А. Ваганов на встрече с кандидатом на пост губернатора Красноярского края В.А. Толоконским в 2014 году поднял вопрос об острой нехватке сотрудничества высшей школы с региональными властями и промышленностью [362, с. 4]. Несколько странное заявление ректора вуза, чей попечительский совет возглавляет Д.А. Медведев, который на момент создания СФУ занимал пост Президента РФ, а затем председателя Правительства РФ. В попечительский совет университета входят федеральные министры, руководители ведущих финансово-промышленных групп, работающих в крае, первые руководители Красноярского края, академики. А в каких тогда вузах может осуществляться эффективное сотрудничество высшей школы с предприятиями реального сектора экономики, если его нет в Сибирском федеральном университете с таким статусным составом попечительского совета? Информация, как говорится, к размышлению.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что проблема востребованности специалистов с высшим образованием не может быть решена только за счет усилий высшей школы. Необходимы качественные изменения на самом рынке труда, которые невозможны без активного участия со стороны государства. В данном случае уместно вновь обратиться к результатам опроса студентов. Отвечая на вопрос: «Какое из следующих суждений наиболее точно выражает ваше мнение о том, что лучше для молодежи?», половина респондентов (53,4%) отметили позицию «лучше, чтобы молодежи была гарантирована поддержка со стороны государства, даже если при этом самостоятельность и свобода выбора ограничены».

И еще на одну проблему следует обратить внимание: отношение молодежи к вопросу рождения детей. Судя по результатам социологических опросов среди красноярской молодежи

[прил. 1; 18, 27], они все в большей мере начинают следовать жизненной стратегии молодежи развитых зарубежных стран, когда на первом месте находится получение профессии (специальности), затем начало трудовой деятельности и лишь потом создание семьи. Появление детей отодвигается на то время, когда молодая семья, как говорится, встанет на ноги в экономическом отношении. Аргументами в пользу данного утверждения служат результаты нижеприведенного исследования. Отвечая на вопрос о том, какой возраст является оптимальным для женщины для рождения первого ребенка, две трети респондентов (71,8%) назвали возраст 20–25 лет. Получается, что возраст девушек, обучающихся в вузе, особенно к его окончанию (21–22 лет), является наиболее оптимальным для появления детей. Однако две трети девушек из числа студентов вуза (62,3%) заявляют, что в ближайшие годы не планируют рожать.

Весьма любопытные ответы получены на вопрос о желательном количестве детей в идеальных условиях и в сегодняшней (реальной) жизненной ситуации. В первом случае (в идеальных условиях) готовность иметь двух и более детей выражали 74,2% молодых респондентов в возрасте до 30 лет. Во втором случае (реальных условиях) настроения молодежи кардинальным образом меняются. Теперь уже 54,1% респондентов заявляют, что вообще не хотят иметь детей, 26,0% допускают появление одного ребенка, лишь 6,2% – двух детей и всего 4,0% – трех и более детей. В качестве основных причин, препятствующих появлению детей, называются низкий уровень доходов (51,4%), отсутствие собственного жилья (53,4%) и помощи со стороны государства (27,2%).

Результаты опроса по г. Красноярску в целом согласуются с результатами исследований, проведенных ИСПИ РАН в 25 вузах г. Москвы в середине 2000-х годов. «Основную причину многих молодых семей сразу не обзаводиться потомством студенты видят не столько в желании пожить «для себя»..., сколько в возникающих после рождения ребенка материальных трудностях (61%), а также жилищных проблемах и опасениях, что в нашей стране нет надежды на достойное будущее для ребенка. При этом, по мнению опрошенных, в воспитании детей молодая семья может рассчитывать только либо на собственные силы (41%), либо на помощь родителей (59%), но уж никак не на государство» [282, с. 649, 650].

В целом полученные данные позволяют усомниться в успешности решения в Сибири в ближайшей перспективе проблемы повышения рождаемости. И дело здесь не в отсутствии «сознательности» молодых людей, а в объективных условиях жизни и тех трудностях, с которыми они сталкиваются на данном этапе своего жизненного пути: отсутствие собственного жилья и перспектив его приобретения, устройство на работу с достойной заработной платой. В контексте сказанного становится все более очевидным: необходима активная государственная семейная политика, направленная на укрепление и развитие института семьи, защиту его прав и

интересов. Таким образом, все вышесказанное позволяет утверждать: у региональных властей, мягко говоря, весьма значительные резервы в том, что касается реализации в крае эффективной молодежной политики.

Выводы по 4-й главе

1. Прямые выборы глав муниципальных образований стимулируют органы местного самоуправления к активному взаимодействию и сотрудничеству с гражданским обществом в интересах развития муниципального образования и его населения. Данное утверждение находит наглядное подтверждение на материалах г. Красноярска. По оценкам диссертанта, между муниципальной властью и гражданским обществом в 2000-х годах был заключен негласный общественный договор о сотрудничестве. По данному договору местная власть в рамках полномочий и имеющихся возможностей стремилась добиваться максимальных результатов в социально-экономическом развитии города, улучшении качества городской среды и повышении благосостояния граждан. В этот период в городе реализуется целый ряд уникальных для муниципальной практики РФ проектов, таких как общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего», Красноярский городской форум, городская акция «Неделя качества социальных услуг». Успешно претворялись в жизнь и другие городские программы и проекты, такие как деятельность социально ориентированных магазинов, организация лектория «День гражданского образования», проведение спортивного конкурса «Стартуют все».

В свою очередь гражданское общество осуществляло поддержку городской власти во всех ее делах и начинаниях, включая поддержку кандидатов на муниципальных выборах. В результате глава города П.И. Пимашков уверенно побеждал на прямых выборах главы Красноярска в 2000-м, 2004-м и 2008 гг. при абсолютной поддержке избирателей (от 70% до 89,0%), а члены его команды получали большинство мандатов на выборах депутатов городского совета. Новая городская власть, сформированная в 2012 г., в изменившихся политических условиях, связанных с перспективой отмены прямых выборов, в одностороннем порядке отказалась от продления договора, что повлекло значительные социальные потери для жителей Красноярска в виде свертывания или закрытия большинства действовавших в городе проектов и программ. Новых видов и форматов взаимодействия местной власти и гражданского общества предложено не было.

2. На основании проведенных исследований сделан вывод: глава города Красноярска П.И. Пимашков, занимавший эту должность 15 лет, с 1996-го по 2011 гг., являлся подлинным муниципальным лидером, имеющим уровень поддержки во всех социальных группах, как правило, превышающий 50%. Его уровень поддержки мало зависел от материального положения и социального самочувствия горожан и их партийных предпочтений. В

общественном сознании П.И. Пимашков воспринимался, прежде всего, как опытный руководитель, хозяйственник, понимающий нужды простых людей и стремившийся их решать. Отсюда уверенные победы его личные и членов его команды на муниципальных выборах. Вместе с тем результаты исследования не указывают на наличие слепого, бездумного подчинения авторитету. Гражданское общество в случае своего неудовлетворения развитием тех или иных событий или процессов в городе посылало специфические сигналы городским властям в виде снижения оценки их деятельности, позитивного имиджа главы города и избирательной активности граждан на выборах.

3. Граждане судят о деятельности органа местного самоуправления главным образом по работе ее руководителя. Вследствие этого оценки деятельности местных администраций оказываются детерминированными оценками деятельности главы муниципального образования; они всегда ниже и имеют общий вектор изменений. Примечательно: успехи и достижения в деятельности местных властей граждане склонны связывать с ее руководителем, в то время как неудачи и упущения – как правило, с чиновниками и депутатами. Не прослеживается прямая зависимость между оценками деятельности глав муниципальных образований и материальным положением и социальным самочувствием населения.

4. В общественном сознании граждан доминирует представление о том, что местные органы власти занимаются в основном проведением праздников, культурных мероприятий, спортивных соревнований и время от времени – благоустройством территорий. По мнению респондентов, местные власти не разрабатывают программы социально-экономического развития территории, не развивают производство и не создают рабочие места, не борются с коррупцией, взятками, не помогают жителям в решении жилищных проблем. Кроме того, местные органы власти испытывают явный дефицит в квалифицированных специалистах, не встречаются с жителями, чтобы узнать, какие проблемы их волнуют, и не учитывают их мнение при подготовке и принятии управленческих решений. В деятельности местных властей все отчетливее прослеживается имитационная составляющая, при которой реальная деятельность подменяется ее видимостью.

5. Полученные результаты свидетельствуют: большая часть форм участия населения в местном самоуправлении не используется в муниципальных образованиях. Наибольшее распространение получили выборы органов местного самоуправления, публичные слушания и обращения граждан в органы местного самоуправления. При этом и муниципальные выборы, и публичные слушания все в большей мере начинают носить имитационный характер участия граждан в местном самоуправлении.

6. Не оправдываются надежды на повышение роли представительных органов в жизни муниципальных образований, связанные с внедрением новых моделей организации местного

самоуправления. В общественном сознании представительная власть как не воспринималась, так и не воспринимается в качестве органа власти, имеющего реальные полномочия и способного обеспечить систему сдержек и противовесов в местной власти. Депутаты как были, так и остаются не известными абсолютному большинству своих избирателей. Граждане не воспринимают народных избранников в качестве защитников своих интересов. Все чаще наблюдаются случаи, когда на дополнительных выборах муниципальных депутатов участвуют всего несколько процентов избирателей.

7. Все вышесказанное детерминирует устойчивое ухудшение отношения населения к деятельности органов местного самоуправления. Индекс оценки деятельности глав местного самоуправления устойчиво снижается: –2,5% в 2002 г., – 5,6% в 2005 г., – 8,5% в 2011 г., – 9,9% в 2015 г. и – 13,6% в середине второй половины 2010-х годов. Одновременно растет доля респондентов, которые в целом негативно оценивают деятельность муниципальных руководителей либо затрудняются с содержательной оценкой (до 3/4 от общего числа избирателей во второй половине 2010-х гг.). Если к сказанному добавить устойчивое снижение активности избирателей на муниципальных выборах (с 62,4% в 2005 г. до 24,6% в 2020 г.), то возникают риски делегитимизации органов местного самоуправления.

8. Представляется нецелесообразным в автоматическом режиме передача права выбора модели организации местного самоуправления на региональный уровень. Региональные власти сначала должны доказать свою управленческую состоятельность и профессиональную компетентность и только после этого получить возможность выбора моделей. В противном случае региональные власти используют подбор кадров на должности глав местного самоуправления не столько для создания сильного и эффективного местного самоуправления, сколько для сохранения и укрепления своих властных позиций.

9. Основной социально-экономических тревог и беспокойства гражданского общества Красноярского края на протяжении всего периода наблюдений (2002–2020 гг.) остается экономическое положение его членов. Абсолютное большинство социальных проблем, в наибольшей степени тревожащих граждан в 2002 г., за 18 лет так и не получили своего разрешения. К числу главных социальных проблем относятся: низкий уровень заработной платы, пенсий, пособий; рост цен на товары и услуги; безработица, занятость населения; низкое качество медицинских услуг и высокие тарифы на услуги ЖКХ. Не выросло качество услуг в сфере ЖКХ, не улучшилось состояние экологии. Обострилась актуальность таких проблем, как состояние автомобильных дорог и коррупция в органах власти, судебной системе, правоохранительных органах. Более того, к числу старых социальных проблем стали добавляться новые, такие как дефицит мест в детских садах, утилизация твердых бытовых отходов (в сельской местности), а в краевом центре – автомобильные пробки на дорогах. Все

это можно трактовать с позиции низкой эффективности реформ, реализуемых в отраслях, и невысокого качества государственного и муниципального управления.

10. Экономическое положение жителей Красноярского края после заметного улучшения в 2000-х гг. стало ухудшаться в 2010-х годах. По сравнению со второй половиной 2000-х гг. к концу 2010-х гг. снизилась численность людей среднего достатка при одновременном росте числа бедных респондентов. Вновь стал увеличиваться разрыв между состоятельными и бедными в материальном отношении гражданами. Особенно тревожная ситуация наблюдается в сельской местности, где доля бедных составляет половину от общей численности населения, а каждый десятый голодает. Материальное положение и самочувствие жителей края в 2020 г. фактически вернулись к своим значениям начала 2000-х годов.

11. Сравнительный анализ результатов проведенных исследований в Красноярском крае и результатов общероссийских исследований [214–217] показывает: социальное самочувствие населения и тревоги гражданского общества Красноярского края в 2010-х гг. оказываются в целом сопоставимыми с социальным самочувствием населения и тревогами российского гражданского общества. В этом отношении Красноярский край можно считать своеобразной мини-моделью России в целом.

12. Социальная инфраструктура муниципальных образований Красноярского края и Республики Хакасия имеет устойчивую тенденцию к ухудшению, что негативно отражается на доступности и качестве предоставляемых населению социальных услуг. В настоящее время возможности влияния органов местного самоуправления и населения на решение проблем социальной инфраструктуры незначительны и во многом носят символический характер.

13. В ходе проведенных исследований в молодежной среде установлено, во-первых, что учащаяся молодежь (выпускники средних школ и студенты вузов) гипотетически настроена на отъезд из Сибири после окончания учебного заведения. Эти настроения заметно усиливаются по мере взросления молодых людей, от учеников старших классов средней школы к выпускникам высших учебных заведений, и более четко выражены у девушек по сравнению с юношами. Во-вторых, профессия инженера не пользуется популярностью среди молодых сибиряков. Инженерные специальности выбираются главным образом по причине более легких условий поступления в вуз и возможности учиться на бюджетной основе. Большая часть будущих инженеров сомневается в правильности профессионального выбора и не уверена в своей работе по специальности после окончания вуза по причине низкого уровня оплаты инженерного труда и трудностей в поиске работы по специальности.

14. Отношение молодых сибиряков к рождению детей характеризуется следующим образом. В идеальных условиях три четверти молодых респондентов в возрасте до 30 лет выражают готовность иметь двух и более детей. В реальных, современных условиях настроения

молодежи кардинальным образом меняются. Теперь уже 54,1% респондентов заявляют, что вообще не хотят иметь детей, 26,0% допускают появление одного ребенка, лишь 6,2% – двух детей и всего 4,0% – трех и более детей. В качестве основных причин, препятствующих появлению детей, называются низкий уровень доходов, отсутствие собственного жилья и помощи со стороны государства. В целом результаты проведенных исследований в молодежной среде позволяют подтвердить ранее сделанный вывод о невысокой эффективности государственного и муниципального управления в регионе и говорят о необходимости разработки новой комплексной программы социально-экономического развития Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение анализа основных направлений и особенностей развития социально-политических процессов на региональном уровне можно сделать следующие выводы и обобщения.

В процессе становления региональных властных отношений в целом в развитии российской государственности выделено четыре этапа. Первый этап, с 1991-го по 1993 гг., – этап становления договорной модели российской государственности в условиях слабости федерального центра. Второй этап, с 1993-го по 1999 гг., – этап конституционного закрепления федерального российского государства. Третий этап, с 2000-го по 2020 гг., – этап становления и упрочения вертикали власти и возрастания роли федерального центра в структуре федеративных отношений. Четвертый этап, с 2021 г. и по настоящее время, – этап суверенизации российской государственности, приоритета общероссийской правовой системы и общенациональных отношений в повседневной жизнедеятельности российского общества, в структуре отношений федерального центра и регионов. Содержание каждого этапа становления российской государственности, региональной системы властных отношений есть результат компромисса интересов, подходов к государственному устройству со стороны социально активных политических сил, федерального центра и регионов.

Настоятельная потребность в повышении эффективности управления на региональном и муниципальном уровнях связана с возникающими рисками и вызовами для российской государственности в целом и прежде всего с беспрецедентными по масштабу и объему санкциями, вводимыми рядом западных стран в отношении Российской Федерации (физических лиц, организаций, компаний и целых отраслей). Данное обстоятельство в совокупности с озвученными Евросоюзом планами поэтапного отказа от ископаемых источников топлива (нефть и газ) из России (а, как известно, именно продажа минерального сырья европейским странам являлась основным источником наполнения российского бюджета), требует коренной перестройки всей модели экономического развития российского государства. Значимая роль в этом и других вопросах принадлежит региональным и местным органам власти.

Сущностной основой политического процесса на региональном уровне выступают социально-политические изменения, идущие в сфере местного самоуправления, которые отражают, с одной стороны, социально-политические изменения, идущие в стране и в регионе, с другой – социально-экономические условия жизни социума на уровне местной власти. Вследствие этого весьма важен именно анализ научных публикаций о системе местного самоуправления. Исследованием выявлено: ситуацию, складывающуюся в системе местного самоуправления, следует охарактеризовать как сложную и противоречивую. Наглядной

иллюстрацией сказанному служит тот факт, что за 20 лет так и не удалось решить основные задачи, предусмотренные Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Речь идет, во-первых, о создании стабильной законодательной базы местного самоуправления и четком разграничении полномочий между уровнями публичной власти. Во-вторых, о приведении экономической и финансовой базы муниципальных образований в соответствие с объемами полномочий, создании стимулов для социально-экономического развития муниципальных образований и расширении их собственной налоговой базы. В-третьих, об активизации населения и структур гражданского общества на местном уровне, приближении муниципальной власти к населению. В ходе анализа установлено: предложения и рекомендации ученых, направленные на повышение эффективности местного самоуправления, оказываются в большинстве случаев не востребуемыми.

Что касается исторического контекста, то местное самоуправление в той или иной мере существовало на протяжении всей истории России. Большая ее часть характеризуется очень сильно перекошенным балансом отношений – преобладанием контроля центра над самостоятельностью местного самоуправления, которое развивается волнообразно (циклично): от централизации к децентрализации, от децентрализации к централизации. В последние годы отчетливо прослеживается тренд на централизацию.

Проведен анализ использования социальных индикаторов и показателей за рубежом и в нашей стране, начиная с 1960–1970 гг. и до настоящего времени. Показано, что мировой и отечественной социальной наукой постоянно совершенствуется система социальных показателей и индикаторов. К числу наиболее распространенных научных подходов относится тот, когда объективные экономические показатели дополняются социальными индикаторами, агрегированными в индексы. К числу важнейших социальных индексов в настоящее время за рубежом относятся индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), индекс социального благополучия и индекс экономического благополучия и др. Вместе с тем исследования зарубежных и отечественных ученых отчетливо указывают на то, что для получения реальной картины жизни общества одних статистических данных недостаточно. Поэтому вполне обоснован интерес исследователей к понятию «социальное самочувствие». Представлены трактовка данного понятия в научной литературе, рассмотрены основные факторы его формирования, а также методы его измерения, проводимые различными научными коллективами, исследовательскими центрами (ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр», ЦИРКОН) и отдельными учеными.

В ходе проведения социологических исследований диссертантом разработаны и прошли успешную апробацию социальные индикаторы и показатели (индексы), позволяющие

отслеживать динамику социально-экономических и политических процессов на региональном и муниципальном уровнях и использовать на практике полученную информацию, включающую принятие управленческих решений органами власти.

Результаты проведенных исследований позволяют утверждать: в эволюции властных отношений в Красноярском крае и Республике Хакасия за последнюю четверть века можно выделить два этапа, которые происходили в общем русле изменений в системе властных отношений на федеральном уровне. Первый этап (вторая половина 90-х гг. прошлого столетия – середина-конец 2000-х гг.) характеризуется отсутствием у региональных элит конструктивных отношений с федеральным центром, сложным характером взаимоотношений внутри самих политических элит и значительным (решающим в Хакасии) влиянием крупного бизнеса на региональные политические процессы. Отличительной особенностью второго этапа (середина-конец 2000-х гг. – по настоящее время) является создание региональных партий власти в лице региональных правительств и партии «Единая Россия», вокруг которой объединились региональные политические элиты. С этого времени партии власти, замыкающиеся на общероссийскую вертикаль власти, доминируют в политическом пространстве регионов.

Развитие властных отношений в сибирских регионах обладает своей спецификой. В Красноярском крае на первом этапе этого развития сопоставимым влиянием на политические процессы обладали губернатор и его команда, региональный парламент и действующие в регионе финансово-промышленные группы (далее ФПГ), связанные с алюминиевым бизнесом, энергетическим и горнодобывающим комплексами. Данное обстоятельство, с одной стороны, затрудняло принятие согласованных решений в интересах региона, с другой стороны, создавало специфическую систему сдержек и противовесов в региональной системе власти, препятствуя лоббированию интересов какой-либо группы политического влияния (в лице ФПГ) и не допуская ее доминирования в региональном политическом пространстве.

В 2002 г. губернатором Красноярского края избирается А.Г. Хлопонин, проработавший в этой должности 9 лет. Судя по результатам мониторинговых исследований, он являлся эффективным руководителем края. Под его руководством в регионе реализуются крупные инвестиционные проекты, такие как комплексное развитие Нижнего Приангарья и освоение Ванкорского нефтегазового месторождения. С 2004 г. в Красноярске ежегодно проводится Всероссийский экономический форум с участием первых лиц государства, ведущих российских и зарубежных экспертов. В 2005 г. проходит референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в единый субъект РФ (все предшествующие попытки объединения в крае оканчивались неудачно). В 2006 г. создается Сибирский федеральный университет, чей попечительский совет возглавляет Президент РФ. В середине 2000-х гг. годов создается

региональная партия власти. На выборах депутатов Законодательного собрания края в 2007 г. «Единая Россия» одерживает уверенную победу, получив большинство депутатских мандатов.

За время работы А.Г. Хлопонина на посту губернатора края (2002–2010 гг.) были выстроены конструктивные взаимоотношения с федеральным центром, стабилизировалась ситуация во властных структурах, укрепилась исполнительная вертикаль власти и заметно повысился профессиональный уровень чиновников. А.Г. Хлопонин являлся популярным губернатором края. Индекс оценки его деятельности в 2005 г. составил +43,9% – это самый высокий показатель среди всех руководителей региона за весь период наблюдений.

Созданная на втором этапе развития властных отношений региональная партия власти характеризуется устойчивостью, стабильно получая большинство мест в региональном парламенте, преемственностью в работе и обеспечивает управляемость на территориях. Вместе с тем данной системе присущи весьма значимые недостатки: отсутствие системы сдержек и противовесов во власти, механизма ответственности партии власти за принимаемые управленческие решения и должных условий для развития политического плюрализма и гражданского общества. Данные недостатки приобретают особую актуальность в условиях снижающейся эффективности государственного управления по сравнению с нулевыми годами, когда краем руководил А.Г. Хлопонин. Основанием для подобных утверждений служат, во-первых, оценки российскими экспертами эффективности деятельности губернаторов РФ: после А.Г. Хлопонина все последующие губернаторы края (Л.В. Кузнецов, В.А. Толоконский и А.В. Усс) отнесены к числу наименее эффективных руководителей регионов. Во-вторых, оценки региональными экспертами основных характеристик, присущих краевому правительству (в том числе снижение профессионализма краевых чиновников и их способность к инновациям), и наиболее значимых явлений в политической жизни края. По мнению экспертов, в конце 2010-х гг. усилилось недовольство региональной элиты деятельностью краевой администрации, выросла несогласованность действий на разных уровнях властной вертикали и усилилась коррупция во властных структурах. В-третьих, ухудшающиеся оценки населением деятельности органов власти. В 2020 г. впервые за весь период наблюдений губернатор и председатель парламента и возглавляемые ими органы власти получили отрицательные индексы оценки деятельности. Если к сказанному добавить устойчивый тренд на снижение активности на губернаторских выборах (64,8% в 1998 г., 46,8% в 2002 г., 31,3% в 2014 г. и 28,9% в 2018 г.), то возникают риски делегитимизации органов государственной власти Красноярского края.

В Республике Хакасия эволюция властных отношений характеризуется своей нетипичностью в сравнении с большинством российских регионов. На первом этапе эта нетипичность обуславливалась ситуацией, которую известная российская ученая Н.В.

Зубаревич назвала «приручением» региона со стороны крупного бизнеса». В этот период создается политический альянс в лице республиканского правительства, возглавляемого А.И. Лебедем, и ведущего промышленного предприятия Хакасии – Саянского алюминиевого завода, основные выгоды от которого получает крупный бизнес в ущерб интересам республики.

Региональная партия власти в традиционном ее понимании создается в Хакасии в 2009 г. после избрания на пост председателя правительства депутата Государственной думы РФ от «Единой России» В.М. Зимина, которая просуществовала 9 лет. В 2018 г. вновь складывается нетипичная для российских регионов ситуация, когда действующий руководитель В.М. Зимин, поддерживаемый федеральным центром и крупным бизнесом, проигрывает выборы не известному на старте избирательной кампании абсолютному большинству избирателей 31-летнему руководителю республиканского отделения КППРФ О.В. Коновалову. А партия «Единая Россия» после уверенного доминирования в двух предыдущих избирательных циклах получает лишь треть мест в республиканском парламенте. Во многом это связано с более значительной ролью, которую играет гражданское общество на региональных выборах по сравнению с Красноярском краем. Проведенный анализ показал: смены руководителей Хакасии происходили по итогам республиканских выборов в 1996-м, 2009-м и 2018 годах. Отказ в поддержке действующему губернатору и избрание нового руководителя происходили при наложении трех факторов. Во-первых, неудовлетворенности большей части граждан развитием событий в республике. Во-вторых, неспособности, по мнению избирателей, действующих республиканских властей изменить ситуацию в Хакасии к лучшему. В-третьих, появлении в публичном пространстве политика, с кем избиратели могли бы связывать свои надежды на изменение ситуации к лучшему. Другой вопрос, почему гражданское общество не может в должной мере воспользоваться плодами своего выбора, периодически попадая в зависимость от тех или иных политических сил. Вместе с тем полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать: в Хакасии в настоящее время отсутствуют риски делегитимизации органов республиканской власти.

Результаты мониторинговых экспертных исследований, посвященных определению наиболее влиятельных республиканских политиков, позволили выделить ряд аспектов, характеризующих специфику эволюции властных отношений в Хакасии. Во-первых, для вхождения в число наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия (в первую десятку политиков в республиканском рейтинге) необходимо занимать исключительно высшие должности в республиканских органах государственной власти (правительство или парламент) или крупного бизнеса, связанного с алюминиевой отраслью. Во-вторых, политический вес представителей различных групп элиты со временем меняется по-разному: у руководителей республиканского правительства и правоохранительных органов – устойчиво повышается, у

руководителей законодательных органов власти и представителей гражданского общества – не менее устойчиво понижается, при сохранении у представителей среднего бизнеса. В-третьих, происходит снижение усредненного политического веса 40 наиболее влиятельных республиканских политиков, что позволяет говорить о постепенном перераспределении властных полномочий в сторону федерального центра. Таким образом, две последние позиции позволяют говорить о тенденции дальнейшего укрепления вертикали власти в Российской Федерации.

Проведенный анализ свидетельствует об изменении условий вхождения в региональную законодательную элиту. Во второй половине 90-х гг. и первой половине 2000-х гг. успех на выборах обуславливался главным образом высоким должностным положением кандидата, обеспечивающим доступ к избирательным ресурсам (СМИ, финансовым, материальным и др.). После построения в регионах партии власти доминирующим фактором выступает поддержка со стороны парламентских партий, и прежде всего партии «Единая Россия». Высокое должностное положение кандидатов является вторичным фактором, играющим наибольшую роль для партий второго эшелона (КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России»), испытывающих дефицит в избирательных ресурсах. Кандидаты от других политических партий и кандидаты, использующие механизм самовыдвижения, практически не имеют шансов для прохождения в региональный парламент.

Полученные результаты позволили построить усредненный портрет депутатов двух региональных парламентов в период доминирования в политическом пространстве одной политической партии. Это преимущественно мужчина, имеющий высшее образование, и чаще всего второе высшее или курсы повышения квалификации, в возрасте немного старше 50 лет (каждому пятому более 60 лет). По социальному статусу – руководитель высшего звена, возглавляющий коммерческое предприятие или представляющий законодательные органы власти и имеющий значительный опыт депутатской работы. Две трети из них входят во фракцию партии «Единая Россия», четверть – во фракции КПРФ, ЛДПР или «Справедливой России».

Для региональных парламентов характерны глубокие противоречия. С одной стороны, создана устойчивая система власти, обеспечивающая конструктивное взаимодействие законодательной элиты с исполнительными органами власти, снижена конфликтность в политической элите, а за счет преемственности депутатского корпуса накапливается управленческий опыт. С другой стороны, законодательная элита в известной степени «закрывается». Устойчиво повышается средний возраст депутатов, снижается их сменяемость, и сужаются каналы рекрутирования. Кроме того, в условиях вертикали власти фактически

региональное правительство определяет состав будущей представительной власти, нарушая тем самым систему сдержек и противовесов в региональной власти.

В нулевых годах в Российской Федерации доминировала модель организации местного самоуправления, предусматривающая прямые выборы главы муниципального образования (модель I). Региональные органы власти оказывали влияние на их результаты, но все-таки решение оставалось за избирателями. Прямые выборы глав местного самоуправления, состоявшиеся в Красноярском крае в 2005 г., со всей очевидностью продемонстрировали необходимость улучшения качественного состава корпуса глав местного самоуправления. Так, согласно методике, предложенной О.П. Кудиновым и Г.А. Шипилиным, 84,6% из числа глав местного самоуправления, участвующих в этих выборах, оказались непопулярными или относительно непопулярными руководителями. Вследствие этого закономерным являлось обновление их состава по итогам избирательной кампании на 79,3%. И к руководству муниципалитетами пришли люди, не имеющие опыта работы в данной сфере, а некоторые из них не обладали и опытом управления даже в небольших коллективах.

В 2010 г. большинство муниципальных образований Красноярского края по инициативе региональных властей перешли на модель III (выборы главы депутатами из своего состава), а в 2015 г. – практически все на модель V. Проведенный анализ моделей, использующих не прямые и прямые выборы, не выявил значимых преимуществ первой модели над второй. В то же время со всей очевидностью проявились недостатки модели непрямых выборов, такие как недостаточная легитимность власти в глазах населения, отстранение населения от принятия решений, отсутствие ответственности руководителей муниципального образования перед гражданами, встраивание местного самоуправления в вертикаль государственной власти. И, что очень важно, непрямые выборы не сумели стать эффективным механизмом отбора наиболее подготовленных и достойных руководителей муниципалитетов. На эти должности повторно избираются как неэффективные управленцы (по оценкам краевого правительства в рамках реализации Указа Президента РФ от 28.04.2008 № 607), так и непопулярные среди населения главы местного самоуправления. В ряде территорий доля респондентов, негативно оценивающих работу главы муниципалитета, превышает 50 и более процентов. Сама процедура избрания проводится в закрытом и недоступном для общественности режиме.

Главным критерием избрания на должность главы муниципального образования выступает лояльность региональной партии власти. Кандидатура, предварительно не согласованная с краевыми властями, не имеет практических шансов на избрание вне зависимости от своих деловых и личностных качеств, достижений в профессиональной сфере, популярности среди населения и других факторов.

Если внедрение модели III, с которой согласилось новое руководство края, по оценкам местных экспертов, привело к потере управляемости на местах, то внедрение модели V привело к ситуации, которую обычно называют кадровой чехардой. Процесс избрания глав перешел в перманентный режим, начавшийся через 2 года после избрания глав и так и не закончившийся по истечении отчетного периода (осень 2020 г.). Процедура избрания может растягиваться на 6 месяцев, год и более. В отдельных территориях на посту главы муниципалитета в отчетный период с 2015-го по 2020 гг. побывали 2, 3 и даже 4 управленца, некоторые находились в статусе исполняющего обязанности длительное время (полгода, год и даже два с половиной года).

По мнению правоохранительных органов или краевых властей, почти половина глав, избранных в 2015 г., оказались либо неэффективными, либо недостойными руководителями. Особо следует подчеркнуть: каждый пятый глава муниципалитета был отстранен от должности по решению суда в связи с возбуждением против них уголовных дел и впоследствии получили реальные сроки уголовного наказания. Все это негативно отражается на эффективности муниципального управления и не позволяет успешно решать местные проблемы. Большая часть ответственности за ситуацию, сложившуюся на муниципальном уровне, лежит на региональных властях, которые определяют кадровую политику на местах. Напомним, прошло уже три избирательных цикла муниципальных выборов (2010-го, 2015-го и 2020 гг.).

На основании проведенного анализа выделено три этапа, характеризующих роль партийных структур на выборах депутатов региональных парламентов. На первом этапе (90-х гг. прошлого столетия и первая половина 2000-х гг.) их роль была незначительной. Будущие парламентарии дистанцировались от политических партий, используя главным образом механизм самовыдвижения или выдвижение группами избирателей. Особенность второго этапа (в Красноярском крае вторая половина 90-х гг. прошлого столетия – первая половина 2000-х гг., в Республике Хакасия вторая половина 2000-х гг.) заключается в построении многопартийной системы, в которой ведущие позиции принадлежали местным избирательным блокам, объединениям, возглавляемым наиболее влиятельными региональными политиками. На третьем этапе (в Красноярском крае со второй половины 2000-х гг. по настоящее время, в Республике Хакасия с конца 2000-х гг. по настоящее время) создается многопартийная система, состоящая из парламентских партий, в которой ведущая роль принадлежит партии «Единая Россия», владеющей большинством мест в региональных парламентах. После «осечки» «Единой России» на выборах в 2018 г. к 2022 г. ее фракция стала наиболее многочисленной в республиканском парламенте.

Доминирование партии «Единая Россия» на выборах всех уровней имеет объективный характер и обусловлено, прежде всего, представлениями избирателей о том, что только эта

партия в той или иной мере работает в интересах населения. В то время как все остальные политические партии заняты борьбой за власть, а их лидеры стремятся к личному обогащению и руководствуются в политической деятельности личными интересами.

Результаты проведенных исследований позволяют утверждать: гражданское общество на выборах депутатов Государственной думы РФ осуществляет постоянный поиск политических сил, которым можно было доверить отстаивание своих интересов. В 2007 г. основная ставка делалась на партию «Единая Россия», олицетворяющую собой недавно созданную региональную партию власти. На выборах в 2011 г. на фоне некоторого разочарования деятельностью партии «Единая Россия» избиратели обратили более пристальное внимание на другие парламентские партии, вручив им авансом кредит политического доверия. Однако в 2016 г. на фоне усиления недовольства деятельностью всех парламентских партий их совокупный электорат в абсолютном выражении заметно снизился. Данная тенденция продолжилась и в 2021 г., за исключением КПРФ. Совокупная численность электората парламентских партий на последних выборах составила немногим больше половины от числа избирателей, поддержавших в 2007 году.

Вместе с тем, несмотря на существенные потери в составе сторонников «Единой России», и прежде всего среди молодых избирателей в возрасте 18–35 лет, гуманитарной интеллигенции и студентов, партия была и остается доминирующей в российской партийной системе.

В то же время обращает на себя внимание более чем трехкратный рост совокупного числа избирателей, поддержавших непарламентские партии: 44,3 тыс. чел. (2011 г.), 100,2 тыс. чел. (2016 г.) и 140,3% (2021 г.). Данное обстоятельство позволяет предположить: российское общество испытывает потребность в новых политических партиях и политиках.

Партийная система, построенная на муниципальном уровне в регионах в 2010-х гг., фактически является калькой с региональной партийной системы со всеми ее плюсами и минусами. На выборах депутатов местных представительных органов власти уверенно доминирует партия «Единая Россия», получающая во всех избирательных циклах 2010-х гг. квалифицированное большинство мандатов (2/3 от общего числа мандатов). В ходе исследования установлено: партия «Единая Россия» побеждает на муниципальных выборах вне зависимости от каких-либо факторов, включая уровень социально-экономического развития муниципального образования, социальное самочувствие и материальное положение населения, их оценки деятельности главы муниципалитета, уровень сплоченности активистов местного отделения партии «Единая Россия» и используемую избирательную систему.

Многопартийность на муниципальном уровне поддерживается «механическим образом»: за счет введения пропорциональной избирательной системы. КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» получают с ее помощью большинство мандатов в представительных органах власти

(порядка 80%). Эти партии не имеют корневой системы. Их представительство среди депутатов сельских и поселковых советов, где преимущественно используется мажоритарная избирательная система, имеет символический характер.

Низкий уровень доверия избирателей к политическим партиям, сокращение абсолютной численности сторонников парламентских партий, оттягивание избирателями времени принятия электорального решения на выборах и снижение избирательной активности граждан – все это тревожные сигналы, указывающие на опасность делегитимизации всей партийной системы на региональном и муниципальном уровнях.

Исследованием установлено: финансово-промышленные группы, присутствующие в Красноярском крае, в значительной степени определяют экономический облик региона, создавая новые производства, обеспечивая занятость населения, налоговые поступления и инвестиции в экономику. Между тем наряду с позитивными аспектами эксперты отмечают и значительные отрицательные аспекты их деятельности, такие как погоня за прибылью в ущерб интересам развития края, увод капиталов за рубеж, уход от уплаты налогов в региональный бюджет, пенсионный фонд. К этому следует добавить снижение в исследуемый период времени значения таких позитивных аспектов деятельности, как модернизация и развитие производства в ключевых отраслях, повышение конкурентоспособности отечественных производителей и создание новых рабочих мест.

Сделан вывод: финансово-промышленные группы в настоящее время ориентированы главным образом на реализацию корпоративных интересов в ущерб интересам региона и его жителей. У региональных и местных органов власти, гражданского общества отсутствуют институциональные формы взаимодействия с крупным бизнесом и влияния на его политику. Муниципальные образования фактически не имеют сколько-нибудь значительных выгод и преимуществ от размещения на своих территориях предприятий крупного бизнеса, ощущая на себе экологические последствия их деятельности.

Прямые выборы глав муниципальных образований стимулируют органы местного самоуправления к активному взаимодействию и сотрудничеству с гражданским обществом в интересах развития муниципального образования и его населения. Данное утверждение находит наглядное подтверждение на материалах г. Красноярска. По оценкам диссертанта, между муниципальной властью и гражданским обществом в 2000-х годах был заключен негласный общественный договор о сотрудничестве. По данному договору местная власть в рамках полномочий и имеющихся возможностей стремилась добиваться максимальных результатов в социально-экономическом развитии города, улучшении качества городской среды и повышении благосостояния граждан. В этот период в городе реализуется ряд уникальных для муниципальной практики РФ проектов, таких как общегородская ассамблея

«Красноярск. Технологии будущего», Красноярский городской форум, городская акция «Неделя качества социальных услуг» и др.

В свою очередь гражданское общество осуществляло поддержку городской власти во всех ее делах и начинаниях, включая поддержку кандидатов на муниципальных выборах. В результате глава города П.И. Пимашков уверенно побеждал на прямых выборах главы Красноярска в 2000-м, 2004-м и 2008 гг. при абсолютной поддержке избирателей (от 70% до 89,0%), а члены его команды получали большинство мандатов на выборах депутатов городского совета. Новая городская власть, сформированная в 2012 г., в изменившихся политических условиях, связанных с перспективой отмены прямых выборов, в одностороннем порядке отказалась от продления договора, что повлекло значительные социальные потери для жителей Красноярска в виде свертывания или закрытия большинства действовавших в городе проектов и программ. Новых видов и форматов взаимодействия местной власти и гражданского общества предложено не было.

В то же время в абсолютном большинстве муниципальных образований сложился неоднозначный характер взаимоотношений между местной властью и населением. Весьма показательными в этом отношении являются общественные представления о том, что местные органы власти главным образом занимаются проведением праздников, культурных мероприятий, спортивных соревнований и время от времени – благоустройством территорий. По мнению респондентов, местные власти не разрабатывают программы социально-экономического развития территории, не развивают производство и не создают рабочие места, не борются с коррупцией, взятками, не помогают жителям в решении жилищных проблем. Кроме того, местные органы власти испытывают явный дефицит в квалифицированных специалистах, не встречаются с жителями, чтобы узнать, какие проблемы их волнуют, и не учитывают их мнение при подготовке и принятии управленческих решений.

В складывающихся условиях вполне закономерно устойчивое снижение активности граждан на муниципальных выборах (62,4% (2005 г.), 39,6% (2010 г.), 29,6% (2015 г.) и 24,6% (2020 г.)) и оценок деятельности глав местного самоуправления. Индекс оценки их деятельности неуклонно снижается: –2,5% в 2002 г., –5,6% в 2005 г., –8,5% в 2011 г., –9,9% в 2015 г. и –13,6% в середине второй половины 2010-х годов. Одновременно растет доля респондентов, которые в целом негативно оценивают деятельность муниципальных руководителей либо затрудняются с содержательной оценкой (с 62,9% в 2002 г. до 72,7% во второй половине 2010-х гг.). Все это создает риски делегитимизации органов местного самоуправления Красноярского края.

Специфическим индикатором невысокой эффективности государственного и муниципального управления служат результаты социологических исследований, указывающие

на отсутствие качественных изменений в жизни регионального социума. Материальное положение и социальное самочувствие жителей Красноярского края с 2000 г. устойчиво повышались вплоть до 2011 года. Затем социальные показатели не менее устойчиво снижались, чтобы в конце 2010-х гг. фактически вернуться к значениям начала 2000-х годов. Если в нулевых годах дистанция между состоятельными и бедными в материальном отношении гражданами постепенно сокращалась, то в 2010-х гг. вновь стала увеличиваться. Наиболее тревожная ситуация складывается в сельской местности, где каждый второй идентифицирует себя с бедным (денег хватает только на питание), а каждый десятый – голодает (живем за гранью бедности, не хватает даже на питание).

Основой социально-экономических тревог и беспокойства гражданского общества Красноярского края на протяжении всего периода наблюдений выступает дороговизна жизни. Абсолютное большинство социальных проблем, в наибольшей степени тревожащих граждан в 2002 г., так и не удалось решить к настоящему времени. Речь идет о: росте цен на товары и услуги; безработице, занятости населения; низком уровне зарплат, пенсий, пособий; высоких тарифах на услуги ЖКХ; низком качестве медицинских услуг. Более того, обострилось восприятие таких социальных проблем, как состояние автомобильных дорог и окружающей среды, рост коррупции в органах власти и правоохранительных органах. Все отчетливее проявляются новые социальные проблемы: дефицит мест в детских садах, автомобильные пробки на дорогах (для краевого центра), утилизация твердых бытовых отходов (для сельских районов). Возможности влияния региональных и местных органов власти и гражданского общества на решение актуальных социальных проблем весьма ограничены.

Сравнительный анализ результатов проведенных исследований в Красноярском крае и результатов общероссийских исследований показывает: социальное самочувствие населения и тревоги гражданского общества Красноярского края в 2010-х гг. оказываются в целом сопоставимыми с социальным самочувствием населения и тревогами российского гражданского общества. В этом отношении Красноярский край можно считать своеобразной мини-моделью России в целом.

Социальная инфраструктура муниципальных образований имеет устойчивую тенденцию к ухудшению, что негативно отражается на доступности и качестве предоставляемых населению социальных услуг в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ, экологии и обеспечения жильем. Все это свидетельствует о низкой эффективности реформ, осуществляемых в отраслях в перманентном режиме. На это же указывают и результаты исследований в молодежной среде, в частности, установки молодых людей на отъезд из Сибири после окончания учебного заведения. Нацеленность на отъезд усиливается по мере взросления молодых людей, от учеников старших классов средней школы к выпускникам вузов.

Среди молодых сибиряков профессия инженера не пользуется популярностью. Инженерную специальность выбирают главным образом по причине более легких условий поступления в вуз и возможности учиться за бюджетный счет. Большая часть студентов технических вузов сомневается в своей работе по специальности после получения диплома о высшем образовании по причине сложности ее поиска и низкого уровня заработной платы (и это в промышленно развитом регионе, каковым является Красноярский край!).

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать следующие предложения, направленные на повышение эффективности деятельности органов власти на региональном и муниципальном уровнях.

Во-первых, завершить построение единой системы публичной власти путем принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Для этого необходимо принять Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», доработав законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный в Государственную думу РФ в конце 2021 года.

Во-вторых, доработка законопроекта № 40361-8 должна преследовать цель – создание сильного и эффективного местного самоуправления, о чем говорил Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному собранию 15 января 2020 г.: «Полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены»¹. Необходимо сосредоточить внимание на создании стимулов для социально-экономического развития муниципальных образований, расширения их собственной налоговой базы и повышения активности граждан и структур гражданского общества в решении местных вопросов, в том числе через развитие государственно-частного партнерства и муниципального гражданского сообщества, предусматривающего многообразие форм собственности и участие граждан в их управлении. Представляется также перспективным создание крупных агломераций путем предоставления дополнительных полномочий крупным городам и городам, являющимся административными центрами субъектов Федерации, обладающим значительными ресурсами для стимулирования социально-экономического, научного, культурного и иного развития как своих муниципальных образований, так и соседних.

В-третьих, необходим дифференцированный подход к использованию моделей организации местного самоуправления в зависимости от муниципальных образований:

¹ Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62582> (дата обращения: 12.11.2021).

административный центр субъектов Федерации, крупные города (города-миллионники), средние и малые города, муниципальные районы.

В-четвертых, необходимо широкое экспертное и общественное обсуждение нового законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» с участием представителей государственных и муниципальных исполнительных и законодательных органов власти, профильных ведомств, научного сообщества, гражданского общества. При этом необходимо, чтобы все новации в системе местного самоуправления были поддержаны местными сообществами, их институтами и гражданами.

В-пятых, в период до принятия нового законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» следует объявить мораторий на законодательные изменения, связанные с системой местного самоуправления. Речь идет прежде всего об укрупнении муниципальных образований, реорганизации системы местной власти в городах с районным делением, формировании представительной власти районного уровня из числа депутатов и глав сельских советов.

В-шестых, представляется целесообразным принятие федерального закона (или введение специального раздела в законопроект № 40361-8), посвященного третьей подсистеме публичной власти (первые две – государственные и муниципальные органы власти) – власти гражданского общества, осуществляемой в интересах всего населения, под его контролем и по его запросам. Данная мера будет способствовать повышению доверия населения к органам власти, общественной активности граждан и вовлеченности их в решение вопросов местного значения.

В-седьмых, видится перспективной практика избрания на должность губернатора региона человека из числа политиков из других регионов. В этом случае в условиях монополии на власть со стороны одной партии создается специфичная система сдержек и противовесов во власти по линии «губернатор со своей командой и региональная политическая элита», частично компенсируя отсутствие полноценной системы сдержек и противовесов в региональной власти.

В-восьмых, представляется целесообразным внесение дополнения в федеральный закон, передающий права выбора модели организации местного самоуправления региональным властям только в тех случаях, когда последние уже доказали свою управленческую состоятельность и эффективность. В первый год работы нового губернатора, или если деятельность региональных властей не соответствует определенным критериям¹, выбор модели

¹ Например, не соответствует плановым показателям, предусмотренным Указом Президента РФ от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. – URL:

должен оставаться за населением муниципальных образований. Данная мера будет способствовать повышению доверия населения к местным и региональным органам власти.

В-девятых, необходимо активизировать работы по повышению профессионального уровня государственных и муниципальных служащих через проведение конкурсов для чиновников всех уровней, повышение доли среди них лиц, имеющих базовое или второе высшее образование по специальности «государственное или муниципальное управление». А также посредством изучения и обмена положительным опытом работы институтов власти, овладение управленцами передовыми инновационными технологиями, в том числе с помощью кадровых центров, созданных в регионах (отделы по подготовке государственных или муниципальных служащих). Данные меры должны способствовать повышению эффективности государственного и муниципального управления.

В-десятых, представляется целесообразным объявить мораторий (на 2–3 избирательных цикла) на законодательные изменения, связанные с системой выборов представителей региональных и муниципальных органов власти. Изменения в системе выборов, осуществляемые в настоящее время в перманентном режиме, когда, например, практически каждый новый избирательный цикл муниципальных выборов в Красноярском крае проводится по новым правилам, дезориентирует избирателей, снижает их интерес к политике вообще, выборам в частности и усиливает процесс отчуждения населения от органов власти. К этому же ведет и предрешенность результатов многих выборов, когда будущий победитель известен задолго до дня голосования. Для исправления ситуации необходимо создавать условия для развития гражданского общества и повышения уровня конкуренции на выборах. Предлагаемые меры будут способствовать повышению общественной активности граждан и их участия в решении вопросов местного и регионального значения.

В-одиннадцатых, существует потребность в реформировании партийной системы, созданной на региональном уровне, и прежде всего за счет расширения ее состава через появление новых политических партий с новыми реалистичными партийными программами и новыми политиками. Что касается муниципального уровня, то необходим коллективный поиск ответа на вопрос о целесообразности участия политических партий на данном уровне. Диссертант, основываясь на результатах проведенных исследований, пришел к выводу: деятельность политических партий не в должной мере соответствует (и не прослеживаются признаки снижения актуальности данной проблемы, скорее даже наоборот) интересам местных сообществ и рядовых граждан. Партии не несут перед ними ответственности за свою деятельность, поэтому граждане вполне закономерно не воспринимают их в качестве

защитников своих интересов. На муниципальном уровне решаются вопросы местного значения, слабо связанные с идеологическими особенностями партийных структур.

В-двенадцатых, необходимо наполнить реальным содержанием требование об обеспечении доступа населения к информации о деятельности органов публичной власти субъекта РФ и прежде всего органов власти регионального и муниципального уровня. Нельзя, например, считать приемлемой ситуацию информационной закрытости процедуры не прямых выборов главы муниципального образования, когда для граждан оказываются недоступны информация о кандидатах, подавших заявки на участие в конкурсе, представленные ими в комиссию документы, включая предлагаемые программы социального экономического развития муниципального образования, система подсчета голосов. Реализация данного требования будет способствовать повышению доверия населения к органам публичной власти.

В-тринадцатых, назрела необходимость принятия федерального закона, призванного обеспечить механизмы согласования интересов и организации взаимодействия крупных корпораций, представленных в субъектах РФ, с региональными и муниципальными органами власти. Данный законопроект должен предусматривать уплату основных налоговых отчислений по месту нахождения основного производства, установление приоритета участия местных предприятий и организаций в хозяйственной деятельности корпораций, получение выгод и преференций муниципальными образованиями от нахождения на их территории предприятий крупного бизнеса с полной компенсацией экологических и иных ущербов. Данная мера будет способствовать решению социально-экономических проблем в регионах и в конечном итоге – повышению уровня и качества жизни граждан.

В-четырнадцатых, существует объективная потребность в разработке и принятии новой версии Стратегии развития Сибири с упором на реализацию Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 26 января 2023 г. 129-р.¹ (на разработку плана реализации отводилось полгода – до июля 2023 г.). Также следует опираться и на федеральный закон, о необходимости разработки которого шла речь в предыдущем пункте. При этом необходимо уделить особое внимание созданию производств высокого передела.

Следует приступить к практическому воплощению задачи, озвученной президентом страны В.В. Путиным в послании Федеральному собранию РФ в 2013 году, – созданию на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири сети специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт. А также к реализации инициатив С.К. Шойгу о

¹ Источник: Правительство России : офиц. сайт. – URL: <http://government.ru/docs/all/145780/> (дата обращения: 20.03.2023).

строительстве в Сибири 3-5 научно-промышленных центров с населением от 300 тысяч до 1 млн человек. Предлагаемые меры будут способствовать повышению уровня и качества жизни населения Сибири и снижению его оттока в западные территории страны.

В-пятнадцатых, представляется целесообразным принятие Правительством РФ программы, посвященной реализации молодежной политики, с последующим принятием аналогичных программ на региональном уровне. Данные программы, с одной стороны, должны снизить негативное влияние на российскую молодежь нелучших образцов западного образа жизни, западной массовой культуры с их специфическими ценностями и способствовать сохранению и развитию в молодежной среде российских духовно-нравственных ценностей, продвижению идеалов, присущих Русскому миру. С другой стороны, необходимо предусмотреть комплекс мер, направленных на становление и развитие молодых людей в качестве активных участников строительства российского государства, способствующих получению молодыми россиянами образования, специальности, рабочих мест и формированию благоприятных условий для создания семьи и рождения детей (льготные программы получения жилья, обеспечение местами в детских садах и др.).

В-шестнадцатых, необходимо преодолевать разрыв между наукой и управлением и обеспечить научное сопровождение подготовки и принятия управленческих решений региональных и муниципальных органов власти и последующую реализацию этих решений. В противном случае не удастся минимизировать просчеты и ошибки в системе управления, нередко весьма значительные, имеющие не только местное и региональное, но и общегосударственное значение.

Цель и задача настоящей работы выполнены, гипотезы подтверждены. Вместе с тем это лишь небольшой вклад в сложнейшую проблему, связанную с протеканием социально-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях. Так как настоящая работа выполнена главным образом на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия, представляется перспективным направлением дальнейших исследований изучение социально-политических процессов в других субъектах Российской Федерации по сопоставимой методике. Весьма актуальным следует считать социологическое сопровождение реализации на практике Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и доработку и принятие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 16 декабря 2021 г. № 40361-8. Существует настоятельная потребность в организации исследований, связанных с изучением политического сознания, поведения и ценностных ориентаций граждан, формирующихся под влиянием событий и явлений, происходящих в жизни российского социума в последнее время

(проведение специальной военной операции, введение санкций в отношении России со стороны ряда западных стран и др.). Данная потребность обусловлена возникшими рисками и вызовами для российской государственности в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты, статистические источники и справочно-аналитические материалы

1. Выборы в органы государственной власти Республики Хакасия 8 сентября 2013 года. Электоральная статистика. – Абакан : Март, 2013. – 208 с.
2. Выборы глав администраций муниципальных образований и депутатов представительных органов местного самоуправления в Республике Хакасия 2002–2004. Электоральная статистика. Т. I. – Абакан : Журналист, 2006. – 176 с.
3. Выборы главы города Красноярска и депутатов Красноярского городского совета депутатов 2 марта 2008 года / под общ. ред. А.Г. Лисовской. – Красноярск : Полиграфбланк, 2008. – 157 с.
4. Выборы депутатов Красноярского городского Совета депутатов 8 сентября 2013 года / под общ. ред. А.Г. Лисовской. – Красноярск : Знак, 2013. – 156 с.
5. Выборы губернатора Красноярского края. 1998. Электоральная статистика / ред. А.П. Паращук ; сост. А. А. Лыкин. – Красноярск : Типография Краснояр. гос. ун-та, 1998. – 106 с.
6. Выборы и референдумы [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://www.krasnoyarsk.vybory.izbirkom.ru/region/krasnoyarsk>.
7. Выборы и референдумы [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <http://www.khakas.izbirkom.ru/vybory-i-referendумы/>.
8. Выборы и референдумы в Российской Федерации. Красноярский край 1993–2008 [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://iksrf.kgs.ru/15years/> (дата обращения: 15.02.2016).
9. Выборы органов местного самоуправления города Красноярска 1996–1997. Процедура. Итоги. Анализ. – Красноярск : Офсет, 1998. – 176 с.
10. Выборы органов местного самоуправления города Красноярска в 2000–2001 гг. Процедуры, итоги. Анализ / А.В. Суховольский, В.Г. Суховольский, В.И. Злотковский. – Красноярск : Офсет, 2002. – 256 с.
11. Выборы председателя правительства Республики Хакасия и депутатов Верховного Совета Республики Хакасия третьего созыва 2000–2001. Электоральная статистика. – Абакан : Журналист, 2001. – 152 с.
12. Глазьев Сергей. Семь шагов к справедливости и экономическому росту. Основные направления программы социально-экономического развития Красноярского края. – Красноярск : Техпол, 2002. – 60 с.
13. Городская акция «Неделя качества социальных услуг» : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярска ; департамент соц. политики ; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский, Д.А. Котов. – Красноярск. – 2009. – № 5. – 94 с.
14. Граждане оценивают местное самоуправление – 2004. Аналитический доклад по итогам опросов общественного мнения. Фрагменты [Электронный ресурс] // Исследовательская группа ЦИРКОН : сайт. – URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/a24/041004.pdf> (дата обращения: 22 апреля 2015).
15. Доклад А.В. Усса «Красноярский край – к стратегии развития» на VI съезде депутатов Красноярского края [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://www.sobranie.info/forum/docs/doklad.pdf>. (дата обращения: 20.01.2013).
16. Доклад временно исполняющего обязанности губернатора Красноярского края А.В. Усса на VIII Съезде депутатов Красноярского края [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://www.sobranie.info/forum/docs/doklad.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).

17. Доклад о развитии местного самоуправления в Российской Федерации и задачах ВСМС [Электронный ресурс] // Всероссийский совет местного самоуправления : сайт. – URL: <http://www.vsmsinfo.ru/?catid=0&id=2710> (дата обращения: 01.01.2018).
18. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации 2006 год [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).
19. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2010. – 124 с.
20. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 148 с.
21. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 124 с.
22. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2013. – 132 с.
23. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2014. – 184 с.
24. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2015. – 238 с.
25. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2016. – 258 с.
26. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://report2017.oprf.ru/> (дата обращения: 05.01.2018).
27. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://report2018.oprf.ru/ru/> (дата обращения: 31.05.2022).
28. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2019. – 150 с.
29. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год.– М. : Общественная палата Российской Федерации, 2020. – 78 с.
30. Доклад о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае за 2015 год [Электронный ресурс] // Совет муниципальных образований Красноярского края : сайт. – URL: <http://www.ksmo.ru/doc/1601/> (дата обращения: 24.04.2017).
31. Доклад о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае за 2016 год [Электронный ресурс] // Совет муниципальных образований Красноярского края : сайт. – URL: <http://www.ksmo.ru/doc/> (дата обращения: 24.04.2017).
32. Доклад о состоянии местного самоуправления в Красноярском крае и перспективах его развития по итогам 2020 года // Совет муниципальных образований Красноярского края : сайт. – URL: <http://www.ksmo.ru/doc/2159/> (дата обращения: 01.04.2022 г).
33. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации и предложения по совершенствованию организации и осуществления местного самоуправления [Электронный ресурс]. – URL: <http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/mohelp/doklad.pdf> (дата обращения: 09.11.2017).
34. Доклад о состоянии местного самоуправления и деятельности Минюста России по развитию его правовых и организационных основ в 2016 году (предварительные итоги) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: http://minjust.ru/sites/default/files/doklad_o_sostoyanii_msu_i_d-sti_minyusta_po_razvitiyuego_pravovyh_i_organizacionnyh_osnov_v_2016_g._predvaritelnye_danny_e_10.02.17.pdf (дата обращения: 17.12.2017).
35. Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс]. – URL:

- <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1674368415&tld=ru&lang=ru&name=Доклад20Минюста%20МСУ>(дата обращения: 22.01.2023).
36. Доклад Свиридова Д.В. [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Красноярского края : офиц. сайт. – URL: <http://www.sobranie.info/files2017/1301958754011117-07.pdf> (дата обращения: 03.11.2017).
37. Досрочные выборы главы города Красноярска 10 июня 2012 года / под общ. ред. А.Г. Лисовской. – Красноярск : Полиграфбланк, 2012. – 182.
38. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Государственная дума РФ : офиц. сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 15.09.2022).
39. Издания и аналитические материалы [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации : офиц. сайт – URL: <http://council.gov.ru/activity/analytcs/publications/> (дата обращения: 06.01.2018).
40. Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. – URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 14.11.2017).
41. Комплексная программа социально-экономического развития Енисейского района до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.enadm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=167:prog2017&catid=49:bezkat (дата обращения: 13.03.2014).
42. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (853).
43. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2020. – 4 июля. – № 144 (8198).
44. Красноярск – город здорового образа жизни : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярска ; департамент соц. политики; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский. – Красноярск : Енисей-Знак, 2009. – № 2. – 66 с.
45. Красноярский городской форум : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярска ; департамент соц. политики ; департамент информ. политики ; отв. за вып. Д.А. Антонов, В.И. Злотковский и др. – Красноярск : Енисей-Знак, 2009. – № 1. – 67 с.
46. Красноярский городской форум : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярска ; департамент соц. политики ; департамент информ. политики ; отв. за вып. Д.А. Антонов, В.И. Злотковский и др. – Красноярск : Енисей-Знак, 2010. – № 6 (11). – 101 с.
47. Красноярск. Технологии будущего: сборник : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярска ; Краснояр. науч. центр СО РАН; совет ректоров вузов Краснояр. края ; гл. ред. В.В. Куимов. – Красноярск : Енисей-Знак, 2009. – 127 с.
48. Красноярск электронный : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярска ; управление информатизации и связи ; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский, Л.Н. Маркина. – Красноярск : Енисей-Знак, 2009. – № 3. – 70 с.
49. Красноярский краевой статистический ежегодник 2013 [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю : офиц. сайт. – URL: krasstat.ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (дата обращения: 15.11.2015).
50. Красноярский край в цифрах 2017 : стат. сб. / Красноярскстат. – Красноярск, 2018. – 105 с.
51. Красноярский край в цифрах 2019 : стат. сб. / Красноярскстат. – Красноярск, 2020. – 159 с.
52. Красноярский край в цифрах 2020 : стат. сб. / Красноярскстат. – Красноярск, 2021. – 185 с.
53. Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России (результаты опроса руководителей муниципальных образований, апрель-май 2014 г.)

- [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: http://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXI/Monitoring_2014.pdf (дата обращения: 13.01.2018);
54. Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России (результаты опроса руководителей муниципальных образований, апрель-май 2015 г.) [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: http://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXII/Monitoring_2015.pdf (дата обращения: 22.03.2017).
55. Муниципальный заказ: возможности для всех : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярск ; департамент муниципального заказа ; департамент информ. политики ; отв. за выпуск В.И. Злотковский, Р.В. Климович. – Красноярск, 2009. – № 4. – 69 с.
56. Народный бюджет – принимаем решение вместе. – Красноярск : Платина, 2008. – 48 с.
57. Обновленная методика измерения индекса социальных настроений [Электронный ресурс] // АОН «Левада-Центр» : сайт. – URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnyh-nastroenij-isn/> (дата обращения: 14.11.2017).
58. Об утверждении Концепции о совершенствовании качества муниципальных услуг (работ) в социальной сфере города Красноярск [Электронный ресурс] // Администрация города Красноярск : офиц. сайт. – URL: http://www.admkrsk.ru/citytoday/socialpolicy/projects/Pages/nedelya_kacshestva.aspx (дата обращения: 30.12.2016).
59. О концепции развития потребительского рынка города Красноярск на 2006–2010 годы [Электронный ресурс] // Администрация города Красноярск : офиц. сайт. – URL: admkrsk.ru/citytoday/economics/socialsituation/Pages/developmentprogramm.aspx (дата обращения: 12.12.2011).
60. Пимашков П. Красноярский путь. – Красноярск : КаСС, 2002. – 96 с.
61. Послание Президента Федеральному собранию. Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 05.01.2018).
62. Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/1> (дата обращения: 13.02. 2022).
63. Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 10.03. 2022).
64. Послание Президента Федеральному собранию от 21.02.2023 б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному собранию Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010/page/1> (дата обращения: 21.03. 2023).
65. Программа социально-экономического развития города Красноярск до 2020 года в условиях Красноярской агломерации [Электронный ресурс] // Администрация города Красноярск : офиц. сайт. – URL: <http://www.admkrsk.ru/citytoday/economics/socialsituation/Pages/developmentprogram.aspx> (дата обращения: 10.03.2017).
66. Проект программы социально-экономического развития города до 2020 года в условиях красноярской агломерации : информ.-аналит. сб. / администрация г. Красноярск ; департамент экономики ; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский, Д.А. Котов. – Красноярск : Енисей-Знак, 2010. – № 1 (6). – 71 с.
67. Региональная статистика. Республика Хакасия [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : офиц. сайт. – URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32939> (дата обращения: 10.03.2022).

68. Региональные индексы социальных настроений. Процедуры построения индексов и итоговые результаты [Электронный ресурс] // ЦИРКОН : сайт. – URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/891/080616.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).
69. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в январе 2022 года [Электронный ресурс]. // Агентство политических и экономических коммуникаций : сайт. – URL: http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=7745 (дата обращения: 20.01.2013).
70. Региональные исследования [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества : сайт. – URL: <http://civilfund.ru/mat/> (дата обращения: 29.04.2016).
71. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества : сайт. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/63> (дата обращения: 15.11.2017).
72. Рейтинг эффективности // Фонд развития гражданского общества : сайт. – URL: http://civilfund.ru/mat/index?filter=3&Mat_page=2 (дата обращения: 19.12.2022).
73. Рекомендации XXIX общего собрания АСДГ по вопросу «Современная ситуация в местном самоуправлении и задачи АСДГ» (Томск, 18 мая 2012 г.) [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. – URL: <https://www.asdg.ru/upload/Recommendations2012.pdf> (дата обращения: 08.02.2018).
74. Республика Хакасия в цифрах в 2012 году. Краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю : офиц. сайт. – URL: http://hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ (дата обращения: 23.02.2016).
75. Республика Хакасия в цифрах в 2014 году. Краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю : офиц. сайт. – URL: http://hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ (дата обращения: 23.02.2016).
76. Республика Хакасия в цифрах в 2017 году: стат. сб. / Красноярскстат. – Абакан, 2018. – 111 с.
77. Система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Красноярский край : официальный портал. – URL: <http://www.krskstate.ru/msu/effekt> (дата обращения: 06.03.2018).
78. Семь мостов в будущее. Программа стратегического развития Красноярского края. – Красноярск : Платина, 2002. – 79 с.
79. Служение идеалам добра (из опыта органов социальной защиты населения города Красноярска) : информ.-аналит. сб. / Администрация г. Красноярска ; Гл. упр. соц. защиты населения ; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский, Д.А. Котов. – Красноярск : Енисей-Знак, 2010. – № 2 (7). – 79 с.
80. Состояние и перспективы реализации реформы местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : аналитический вестник № 21 (366) 2008 г. // Совет Федерации ФС РФ : офиц. сайт. – URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25830/ (дата обращения: 11.10.2017).
81. Социально-экономическая ситуация в крупных городах Сибири и дальнего Востока (по результатам социологического опроса населения) [Электронный ресурс]. – URL: <https://pandia.ru/text/78/270/30537.php> (дата обращения: 13.01.2018).
82. Социологические исследования в практике муниципального управления (на примере администрации города Красноярска): информ.-аналит. сб. / Администрация г. Красноярска ; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский, Д.А. Котов. – Красноярск : Енисей-Знак, 2010. – № 5 (10). – 72 с.
83. Справка о результатах выборов в советы городских округов и муниципальных районов Красноярского края 14 марта 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://iksrf.kgs.ru/newsinfo.php?UID=1818> (дата обращения: 25.01.2013).

84. Стратегия социально-экономического развития Красноярского края на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Красноярский край : официальный портал. – URL: <http://econ.krskstate.ru/dat/File/11/Strategiya-15%2011%202012%20dlya%20publikatsii.pdf> (дата обращения: 06.03.2016).
85. Третья общегородская ассамблея «Красноярск. Технологии будущего»: информ.-аналит. сб. / Администрация г. Красноярска ; департамент соц. политики ; департамент информ. политики ; отв. за вып. В.И. Злотковский, Д.А. Котов. – Красноярск : Енисей-Знак, 2010. – № 4 (9). – 126 с.
86. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. Допвыпуск № 3316 (0). – 8 октября 2003 г.
87. Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 30 мая 2014. – № 6393 (121).
88. Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 6 февраля 2015. – № 6595 (24).
89. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. – № 294(8645). – 27 декабря 2021 г.
90. Хакасия-2000: кто есть кто. – Абакан : Журналист, 2000. – 140 с.
91. Хлопонин А.Г. Программа развития Красноярского края. – Красноярск : КаСС, 2002. – 44 с.
92. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276> (дата обращения: 21.11.2020).
93. Электоральная статистика Хакасии и динамика правовой культуры избирателей / отв. ред. И.Г. Смолина. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 108 с.

Научные публикации: диссертационные исследования, монографии, публикации в журналах, литература на иностранном языке и др.

94. Абрамов А.В., Рыбина М.В. К вопросу о методиках выявления политической элиты современной России // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2012. – № 2 (14), т. 3. – С. 135–138.
95. Адегамова А.А. Местное самоуправление в Японии // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.9 (28). – С. 8–10.
96. Административное право зарубежных стран / под ред. А.Н. Козырина и М.А. Шатиной. – М. : Спарк, 2003. – 464 с.
97. Административно-политические элиты России: институционализация, самоидентификация, динамика изменений : науч. докл. / М.А. Сукиасян, И.В. Ростовщиков, В.И. Злотковский [и др.] ; науч. рук. : В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавказ. академии гос. службы, 2005. – 105 с.
98. Акмалова А.А. Актуальные проблемы муниципального права России. – М. : Изд-во РАГС, 2009. – С. 400 с.
99. Акмалова А.А. Методология исследования местного самоуправления в Российской Федерации : монография. – М. : Прометей, 2003. – 228 с.
100. Акмалова А.А. Модели местного самоуправления. – М. : Прометей, 2001. – 168 с.

101. Аксененко Ю.М. Городской муниципалитет Российской Федерации как субъект социальной политики : дис. ... д-ра социол. наук : 09.00.11. – Саратов, 1999. – 358 с.
102. Аксютин Ю.М. Анализ взаимосвязи социально-экономического самочувствия населения Хакасии и их оценок характера межэтнического взаимодействия в 1994–2016 гг. // *Соврем. исслед. соц. пробл.*, 2018. – Т. 10, № 2–4. – С. 60–69.
103. Актуальные проблемы реформы местного самоуправления и развития муниципального права в России / под ред. С.А. Глотова. – М. : Междунар. юрид. институт, 2013. – 304 с.
104. Алиев З. Политическое значение рейтингов // *Власть*. – 2012. – № 4. – С.107–110.
105. Алябьева Т.К. Трансформация модели федеративного устройства России на рубеже XX–XXI вв.: причины и последствия // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. – 2018. – № 3 (19). – С. 160–170.
106. Алябьева Т.К. Россия: от полураспада к централизации // *Вестник Московского государственного областного университета*. – 2018. – № 5. – С. 285–295.
107. Аргунова В.Н., Гафизова Н.Б., Кодина И.Н., Панкратова Е.В. Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области // *Вестник Ивановского государственного университета*. Сер. : Естественные, общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 72–86.
108. Афанасьев М.В. В России сформированы представительные собрания правящих региональных групп // *Политические исследования*. – 1998. – № 2. – С. 140–144.
109. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // *Власть*. – 2012. – № 5. – С. 24–29.
110. Бадмаева Л.В., Ганн Г.В. Социальное самочувствие населения как индикатор развития социальной инфраструктуры села Бурятии // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2011. – № 3. – С. 90–98.
111. Байнова Е.С. Оценка исторических моделей местного самоуправления в России // *Материалы Ивановских чтений*. – 2015. – № 4 (4). – С. 24–28.
112. Бардакова С.М. Оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2011. – №. 3. – С. 97–100.
113. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки. – М. : Наука, 1976. – 161 с.
114. Благоев Ю.В. Реформирование муниципального права России в новейшее время : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. – Омск, 2017. – 193 с.
115. Бойко С.С. Реформа федерального устройства РФ: проблемы и перспективы // *Политический альманах Прикамья*. – Пермь, 2001. – Вып. 1. – С. 24–30.
116. Большакова Ю.М. Оценка населением эффективности деятельности органов местного самоуправления: практика муниципальных исследований Республики Коми // *Вопросы управления*. – 2015. – Вып. 2 (14). – С. 29–36.
117. Бурцева Е.Е. О влиянии СМИ на образ политического лидера (на примере выборов губернатора Республики Хакасия в 2018 году) // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. – 2020. – № 2 (32). – С. 63–67.
118. Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. – М. : Высш. шк., 1989. – 176 с.
119. Бутитова Д. Местное самоуправление в системе взаимодействия власти и общества // *Власть*. – 2009. – № 4. – С. 51–53.
120. Васильев В.И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // *Журнал российского права*. – 2015. – № 9. – С. 149–161.
121. Васильченко Д.Г., Быхтин О.В., Борисов Г.А. Имитация как способ адаптации муниципальных образований к модернизационному развитию // *Научные ведомости*. Сер. : Философия. Социология. Право. – 2013. – № 20 (139). – Вып. 23. – С. 76–80.
122. Вайсберг А. Протестное голосование в российских регионах – случайность или новая политическая реальность? // *Generation PP*. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2019. – Т. 1, № 52. – С. 37–46.
123. Веселова В.Н., Черенев А.А. Взаимодействие власти и населения (на примере Мотыгинского района Красноярского края) // *Проблемы социальной и административной*

- консолидации Сибири [науч. ред. Ю.А. Зуляр]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – Вып. 4 : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 2014. – С. 126–129.
124. Веселовский Б.Б. Земская реформа. – Петроград, 1918. – 48 с.
125. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. – М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1944. – 160 с.
126. Витковская Т.В. Корпоративные депутатские группы в представительных органах МСУ (на примере Пермского края) // Власть и элиты. – 2017. – Т. 4. – С. 129–146.
127. Водопьянова Ю.И., Мархинин В.А. Динамика протестной активности как фактор электоральных процессов 2017–2020 гг. // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 2786–2800.
128. Воробьев А.Н. Реформа местного самоуправления: проблемы и перспективы оценки эффективности деятельности ОМС // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2013. – № 8. – С. 94–96.
129. Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Кому на Руси жить хорошо? Мониторинг 1994–2013 гг. // Социологические исследования. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 26–53.
130. Воронцов В.С. Федеральный центр и регионы: к вопросу об «укреплении вертикали власти» (2000–2010 годы) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике : материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф. Ижевск, 07–08 ноября 2019 г. – Изд-во : УФИЦ УО РАН, 2019. – С. 440–446.
131. Выдрин И.В. Муниципальная реформа 2003 года: итоги и перспективы // Ученые записки. – 2012. – № 7. – С. 71–74.
132. Галкина Е.В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – Краснодар, 2010. – 371 с.
133. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 448 с.
134. Гараев В.Ф. Бизнес на выборах органов местного самоуправления Пермского края // Вестник Пермского университета. Политология. – 2011. – № 4 (16). – С. 147–162.
135. Гильманов А.З., Хайдаров Р.Р. Становление местного самоуправления монопромышленного города: реальность и перспективы : монография. – Нижнекамск : Изд-во НФ КГТУ им. А.Н. Туполева, 2008. – 186 с.
136. Глазырина М.В., Петренко Н.И. Проблемы совершенствования федеративного устройства России // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4 (15). – С. 27–29.
137. Глебова А.Н. К вопросу о генезисе и эволюции общинного самоуправления (социологический обзор теоретических представлений) // Наука и бизнес: пути развития. – 2015. – № 3 (45). – С. 31–33.
138. Гоголева Е.Н. Участие граждан в местном самоуправлении в современной России. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2012. – 238 с.
139. Горбатюк Е.С. Российское самоуправление: аналитический обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 : Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2011. – № 1. – С. 86–93.
140. Горбачев В.Г. Многопартийность и парламентаризм в регионе: Брянская областная дума четвертого созыва // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 13–18.
141. Головаха Е.И. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС). Конструирование и применение теста в массовых опросах / Е.И. Головаха, Н.В. Панина. – Киев : Институт социологии НАН Украины, 1997. – 64 с.
142. Горный М.Б. Муниципальная политика и местное самоуправление в России. Ч. 1. Муниципальная политика. – СПб : Ютас, 2010. – 184 с.
143. Горный М.Б. Муниципальная политика и местное самоуправление в России. Ч. II. Местное самоуправление. – СПб, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2011. – 196 с.
144. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 512 с.

145. Горшков М.К. Социальная структура пореформенной России // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз. – М.: ИСПИ РАН, 2011. – 422.
146. Горшков М.К. Социология в регионах и социология для регионов (вместо введения) // Социологическое обеспечение стратегического управления развития регионов и муниципальных образований России : сборник статей / отв. ред. М.К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН. 2021. –112 с.
147. Грачев А.А., Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в организации // Известия российского государственного педагогического университета им. А.Н. Герцена. – 2007. – Т. 9, № 30. – С. 7–17.
148. Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. – Хабаровск, 2014. – 307 с.
149. Григорьев Н.А. Государственная региональная политика в Республике Саха (Якутия) в системе отношений «центр – регион» // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Сер. : История. Политология. Право. – 2016. – № 1 (01). – С. 77–82.
150. Григорьев Н.А. Региональные социально-политические процессы на Дальнем Востоке России : монография. – М-во образования и науки РФ, СВФУ. – Тамбов : Консалтинговая компания «Юком», 2018. – 108 с.
151. Григорьев Н.А. Государственная региональная политика на Дальнем Востоке в системе отношений «центр – регион» : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – Якутск, 2015. – 157 с.
152. Губина Н.В. Управление социальным тоном монопрофильного города : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08: Казань, 2010. – 476 с.
153. Демидов А.В. Можно ли предсказать результаты выборов? // Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С.138–144.
154. Дзуцев Х.В. Рейтинг политиков, представителей органов власти, предпринимателей, деятелей науки и образования Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации (апрель, 2011 г.) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 4. – С. 66–78.
155. Девятярова А.И. Представленность женщин в парламентах Западной Сибири: сравнительный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1. – С. 293–300.
156. Джарол Б. Мангейм, Ричард К. Рич. Политология. Методы исследования : пер. с англ. / предисл. А.К. Соколова. – М. : Издательство «Весь мир», 1997. – 544 с.
157. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития / под ред. Е. С. Шугриной. – М.: Проспект, 2016. – 312 с.
158. Драго Р. Административная наука. – М. : Прогресс, 1982. – 245 с.
159. Дробижева Л.М. Завоевание демократии и этносоциальные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 16–28.
160. Дюверже М. Политические партии : пер. с франц. – 3-е изд. – М. : Академ. проект ; Королев, Парадигма, 2005. – 544 с.
161. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: международный опыт. – Москва – Тула, 1997. – 340 с.
162. Ефименко С.А., Астафьева Л.М. Система показателей оценки качества оказания медицинской помощи в стационарах Москвы // Материалы регион. науч.-практ. конф. «Общественное здоровье: стратегия развития в регионах Сибири». – Новосибирск, 2002. – С. 109–111.
163. Жители Хакасии о своей жизни. Результаты социологического исследования по теме: «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» / общее рук. исслед. – В.Н. Иванов. – Москва – Абакан : Хак. кн. изд-во, 1994. – 72 с.

164. Забровский А.В. Публицистика П.Л. Лаврова о крестьянской общине и ее общественно-политической роли // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 97–101.
165. Зимин А.А. Опричнина Грозного. – М. : Мысль, 1964. – 535 с.
166. Злотковский В.И. Красноярск в социологическом измерении (2000–2014) : монография. – Красноярск : Город, 2015. – 410 с.
167. Злотковский В.И. Целебровский С.А. Результаты муниципальных выборов 2005–2015 годов в Красноярском крае – социолого-политологический анализ // Наука Красноярья. – 2015. – № 6 (23). – С. 16–28.
168. Злотковский В.И. Муниципальные выборы в крупном сибирском регионе в зеркале социолого-политологического анализа (2005–2020 гг.) // Siberian Socium. – 2021. – Т. 5. – № 2 (16). – С. 78–91.
169. Зубаревич Н. Изменение роли и стратегии крупного бизнеса в регионах России // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть : сб. статей / РАН ИНИОН ; Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем ; отв. ред. Лапина Н.Ю. – М., 2002. – 172 с.
170. Зубаревич Н.В. Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть) // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 1. – С. 107–119.
171. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М. : Мысль, 2007. – 288 с.
172. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. – М. : Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 272 с.
173. Иванов В.Н. Становление органов государственной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (на материалах Уральского региона) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – М., 2005. – 372 с.
174. Ильченко М.С. Институционализация практик взаимодействия центра и регионов в постсоветской России // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 159–179.
175. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года : [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.] ; отв. ред. В.К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН. 2021. – 68 с.
176. Как провести социологическое исследование / под ред. М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М. : Политиздат, 1990. – 288 с.
177. Калинин А.М., Софрыгин Е.А. Совершенствование внешней оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 2. – С. 203–210.
178. Каминский В.С. Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. // Вестник Пермского университета. Сер. : Философия, психология, социология. – 2016. – № 1 (25). – С. 136–147.
179. Каргаполова Е.В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 80–86.
180. Кармаева Т.Н., Опарин В.Н. Система местного самоуправления в Японии // Синергия наук. – 2019. – № 42. – С. 1069–1072.
181. Карпов А.В. Модель российского федерализма: современное состояние и перспективы развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 6 (39). – С. 6–13.
182. Каягин А.Б., Бастен И.С. Государственное устройство России и конституционный (уставной) строй субъектов Российской Федерации (соотношение в историческом аспекте) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. – 2010. – № 9 (190). – С. 9–12.
183. Киричук С.М. Совершенствование местного самоуправления для повышения качества жизни граждан // Вестник Совета Федерации. – 2017. – № 10 (158). – С. 62–69.
184. Киселева А.М. Развитие территориального общественного самоуправления в крупном городе // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 73–80.

185. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование : пер. с англ. / под ред. Л.Ф. Бурлачука. – Киев : ПАН Лтд., 1994. – 288 с.
186. Князев В.В. Челябинская область в условиях политического кризиса (1991–1993 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 1 (33). – С. 41–46.
187. Коваленко И.А. Дискредитация главы Хакасии в СМИ в рамках предвыборной и поствыборной деятельности // Совершенствование методологии и организации научных исследований в целях развития общества : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2021. – С. 226–229.
188. Кожемякин А.С. Местное самоуправление в Японии // Перо науки. – 2019. – № 9 (9). – С. 7–11.
189. Козлова Н.Н. Законодательное собрание Тверской области (1994–2016 гг.): гендерный профиль // Вестник Тверского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 202–211.
190. Козырева П.М. Социально-психологическая готовность населения к жизни в условиях кризиса // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 8. – М. : Институт социологии РАН. 2009. – 466 с.
191. Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция российских партий и ожидания общества // Власть. – 2019. – № 2. – С. 17–27.
192. Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 76–96.
193. Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник института социологии. – 2015. – № 1 (12). – С. 79–99.
194. Комбаев А.В., Бадмацыренов Т.Б. Региональные измерения электорального рейтинга политиков: методологические основы исследовательских практик // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 116–119.
195. Коновалов В.А. Особенности противодействия коррупции в законодательных органах власти Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 3 (178) – С. 102–108.
196. Конько С.Г. Лоббисты в региональных парламентах России: пример Новосибирской области // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11. – № 5 (69). – С. 1411–1418.
197. Корпоративный бизнес в политическом процессе региона: противоречия, тенденции развития / под общ. ред. Н.В. Мерзликина. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2004. – 166 с.
198. Копанка: 25 лет спустя / под ред. Г.В. Осипова. – М. : Наука, 1965. – 144 с.
199. Кох И.А. Институциональная эффективность социального управления в муниципальном образовании : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Екатеринбург, 2006. – 337 с.
200. Красильникова М.Д. Отношение к власти в структуре социального самочувствия // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 2 (112). – С. 56–62.
201. Краснов А.В., Бадрутдинова Д.Х. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 20. – С. 320–327.
202. Красноярский городской форум. Первые шаги / сост.: В.В. Куимов, Н.В. Малащук, В.И. Злотковский и др. – Красноярск: ВВВ. – 2007. – 172 с.
203. Кружков А.В. Местное самоуправление как институциональный фактор становления гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – М., 2005. – 330 с.
204. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 134–144.
205. Крупинина Е.А. Местное самоуправление в контексте политического формирования 2000–2008 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 1 (81). – С. 291–296.
206. Кудинов О.П., Шипилов Г.А. Диалектика выборов. – М. : Мастер, 1997. – 256 с.

207. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. – М. : Проспект, 2006. – 672 с.
208. Кынев А.В. Многообразие и асимметрия – ресурс, а не недостаток // Россия: судьба федерации : материалы науч. конф. (Москва, 27 февр. 2017 г.). – М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2017. – С. 49–56.
209. Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции / отв. за вып. М. Ледовский. – М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 372 с.
210. Лапин А.Е., Петрова Ю.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в России (на примере Ульяновской области) // Вестник Поволжского института управления. – 2013. – № 1. – С. 28–37.
211. Лацис О.Р. Монополия власти: борьба «за» и «против» на рубеже веков // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М. : МВШСЭН, 2003. – 408 с.
212. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ : науч. изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 456 с.
213. Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 32–46.
214. Левашов В.К. Социально-политические риски устойчивого развития // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 2. – С. 143–152.
215. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XXXIX этап социологического мониторинга, декабрь 2013 года. – М. : ИСПИ РАН, 2014. – 48 с.
216. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», май 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. – М. : Экон-Информ, 2018. – 107 с.
217. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь-декабрь 2018 года / под общей ред. В.К. Левашова [Электронное издание] – М.: Перспектива, 2019. – 59 с. – URL: <https://goo.gl/2ZAze1>.
218. Левченко А.А. Политические партии как участники формирования регионального парламента (на материалах Оренбургской области) (1994–2006 гг.) // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 108. – С. 34–42.
219. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Репутационный метод в эмпирических исследованиях власти в городских общностях // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – № 4. – С. 164–177.
220. Лежебоков А.А. Развитие местного самоуправления в Ставропольском крае в современных условиях : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Пятигорск, 2009. – 280 с.
221. Лейпхард А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. – 1995. – № 5. – С. 136–146.
222. Локосов В.В. Предельно критические показатели развития общества // Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз / под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. – М. : ИСПИ РАН, 2011. – 422 с.
223. Ляхов В.П. Местное самоуправление как инструмент модернизации современной России: перспективные направления развития, политико-управленческие ресурсы, проблемы (политологический аспект) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2015. – 314 с.
224. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Эволюция российской системы местного самоуправления: попытки реализации англосаксонской и европейско-континентальной моделей муниципального развития // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 8. – С. 72–79.

225. Макарова Т.Б. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации как форма президентского контроля // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 4. – С. 26–27.
226. Макогон И.Т. Местные (муниципальные) сообщества в социально-философском дискурсе о системе местного самоуправления в современной России : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – Томск, 2009. – 161 с.
227. Максимова О. Ю. Местные сообщества и их институционализация как основа местного самоуправления и необходимый инструмент его развития // Человеческий капитал. – 2012. – № 4 (40). – С. 21–26.
228. Мандрова Н., Виноградов М. Пять месяцев, которые потрясли Красноярский край // Советник. – 2003. – № 04 (88). – С. 24–27.
229. Матвеев М.Н. Является ли местное самоуправление в России частью местного государственного управления? // Вестник Самарского госуниверситета. – 2005. – № 4 (38). – С. 66–74.
230. Межнациональные отношения в Хакасии. Результаты социологического исследования по теме: «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» / общее рук. исслед. В.Н. Иванов. – Москва – Абакан : Роса, 1997. – 52 с.
231. Мельникова Р.И. Развитие местного самоуправления как фактор становления гражданского общества: социальный опыт России : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. – М., 2005. – 292 с.
232. Мерзликин Н.В. Неэффективность модели регионального управления // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз. – М. : ИСПИ РАН, 2011. – С. 99–112.
233. Мерзликин Н.В. Власть и бизнес: безопасность предпринимательской деятельности (социолого-политологический анализ). – М. : ИСПИ РАН, 2009. – 212 с.
234. Мерзликин Н.В. Бизнес и власть в условиях новой политической реальности: риски и вызовы (социолого-политологический анализ) / Под ред. акад. Г.В. Осипова. – М. : ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. – 321 с.
235. Мерзликин Н.В., Злотковский В.И. Выборы мэра в г. Красноярске как старт нового электорального цикла в России 2012–2018 гг. // Наука. Культура. Общество. – 2013. – № 2, 3. – С. 27–45.
236. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования : итог. докл. – М. : Экон-Информ, 2009. – 524 с.
237. Местное самоуправление глазами муниципальных управляющих: материалы социол. исслед. / сост. и ред. О.Б. Алексеев, А.Е. Балобанов. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – Вып. 21. – 128 с. (Сер. : Библиотека местного самоуправления).
238. Местное самоуправление и муниципальное управление / под ред. А.С. Прудникова, М.С. Трофимова ; 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 543 с.
239. Милаева О.В. Особенности электоральных моделей в национальных республиках Сибирского федерального округа (2007–2019 годы) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 100–119.
240. Миронов С.М. Российская многопартийность: пока только начало // Россия и современный мир. – 2003. – № 2 (39). – С. 157–163.
241. Миронов С.М. Проблемы и перспективы местного самоуправления: взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления // Управленческое консультирование. – 2007. – № 1 (25). – С. 5–12.
242. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – С. 45–50.
243. Мониторинг удовлетворенности застрахованных медицинскими услугами в системе ОМС / Т.П. Васильева, А.С. Чумаков, В.В. Трофимов [и др.] – М., 2006. – 303 с.

244. Мониторинг хода муниципальной реформы / Консорциум по вопросам прикладных экономических исследований. – М. : ИЭПП, 2006. – 402 с.
245. Мтиулишвили П.И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения. – 2010, ноябрь-декабрь. – № 6 (100). – С. 55–64.
246. Мухаметов В.С. Специфика конфликта «области» и «города» (на примере Свердловской области) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования науки и культуры. – 2013. – Т. 119. – № 4. – С. 225–231.
247. Мухаметов Р.С. Местное самоуправление в России: основные этапы развития. – Екатеринбург, 2015. – 17 с.
248. Никуленков В.В., Северьянов М.Д. Политические технологии на выборах губернатора Красноярского края А.Г. Хлопонина в 2002 г. как показатель роста активности борьбы за электорат (по материалам СМИ Красноярского края) // Пробл. соц.-экон. развития Сибири. – 2013. – № 1 (7). – С. 49–56.
249. Новиков Д.В. Выборы в России: от хюбриса к немезису? // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2019. – Т. 2. – № 1 (37). – С. 60–63.
250. Новикова А.В. Местное самоуправление как институциональный фактор становления гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – Чита, 2014. – 320 с.
251. Новикова А.В. Модернизационный регионализм как детерминанта, усиливающая региональные особенности политических процессов субъектов РФ // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 12 (127). – С. 49–55.
252. Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1 / рук. проекта В.А. Рыжков, А.Г. Хлопонин – М. : Москва – Санкт-Петербург, 2001. – 140 с.
253. Новокрещёнов А.В. Самоорганизация территориальных общностей как основа становления и развития местного самоуправления : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Екатеринбург, 2003. – 404 с.
254. Новокрещёнов А.В. Самоорганизация территориальных общностей и местное самоуправление : монография. – Новосибирск : Наука, 2002. – 480 с.
255. Носова Н.С. Стратегические приоритеты управления социальной системой крупного города : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Новосибирск, 2005. – 390 с.
256. Общество и политика = Society and politics: соврем. исслед., поиск концепций / ред. В.Ю. Большаков. – СПб : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 510 с.
257. Осадчий О.В. Развитие местного самоуправления в полиэтническом социуме : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Орел, 2005 – 347 с.
258. Осинский И.И. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14. – С. 38–45.
259. Осипов Г.А. Возрождение социологической науки в России (Институту социально-политических исследований РАН – 20 лет). – М. : Экономическое обозрение, 2012. – 376 с.
260. Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 5–16.
261. Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). – М. : Вече, 2005. – 568 с.
262. Осипов И.В. Проект создания Уральской республики в 1993 г. // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). – 2018. – № 3. – С. 143–161.
263. Осташева Е.А. Региональный опыт парламентаризма на примере Государственной думы Томской области в 1994–2001 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 115–118.
264. Павленко В. Партийное строительство // Обозреватель – Observer. – 2002. – № 2 (145). – С. 16–29.

265. Панина Н.В. Избранные труды по социологии: в 3 т. Т. II: Теория, методы и результаты социологических исследований образа жизни, психологического состояния и социального самочувствия населения / сост. и ред. Н.И. Головахи. – Киев : Факт, 2008. – 312 с.
266. Панов П.В., Петрова Р.И. Конкурсы по избранию глав местного самоуправления: коррупционная составляющая // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Изд-во : Ин-т философии и права УрО РАН. – 2019. – С. 473–487.
267. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1. – С. 83–97.
268. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. – М. : Наука, 2003. – 352 с.
269. Пимашков П.И. Особенности развития рыночной экономики государства и реалии региональной экономической политики. – Красноярск : Офсет, 2002. – 362 с.
270. Петров Н. Время дивергенции // Pro et Contra. – 2008. –Т. 12. – № 5–6 (43), сентябрь–декабрь. – С. 3–12.
271. Понеделков А.В. Региональные административно-политические элиты России в зеркале социологии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2013. – № 1. – С. 113–120.
272. Политика в регионах: губернаторы и группы влияния. – М. : Центр политических технологий. – 152 с.
273. Постовой Н.В. Местное самоуправление: история, теория, практика : монография. – М., 1995. – 189 с.
274. Прохоров Д.В. К вопросу о роли местных сообществ в стратегическом развитии муниципального образования // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2015. – № 2 (124). – С. 235–241.
275. Пьянов А.И. Социальное самочувствие российской семьи / Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер. : Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2011. – № 7 (80). – Вып. 9 – С. 81–86.
276. Пылин В.В. Местные сообщества как основа гражданского общества // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – С. 190–204.
277. Рабочий класс и технический прогресс / под ред. Г.В. Осипова. – М., 1967. – 360 с.
278. Результаты исследования удовлетворенности населения качеством образовательных услуг на территории Вологодской области / О.В. Сумарокова и др. – Вологда : РИО ГУ «Центр оценки качества образования», 2009 – 32 с.;
279. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006 / Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., [и др.] – СПб: Норма, 2008. – 368 с.
280. Роль СМИ в региональных выборах 2002 года : материалы Всерос. конф. – М. : Права человека, 2003. – 296 с.
281. Ромашкина Г.Ф., Крыжановский О.А., Ромашкин Г.С. Оценка составляющих социального самочувствия населения арктического региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6, № 4–1 (24). – С. 58–63.
282. Россия: глобальные вызовы и локальные риски. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2004 году / под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2004. – 704 с.
283. Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М. : ИСПИ РАН, 2013. Вып. 1.– 224 с.
284. Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М. : Проспект, 2014. – Вып. № 2. – 220 с.

285. Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, М.И. Бесхмельницына, С.В. Рогачева. – М. : Проспект, 2017. – Вып. № 4. – 244 с.
286. Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз. – М. : ИСПИ РАН, 2011. – 422 с.
287. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.] ; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. ; Институт социологии РАН. – М. : Весь мир, 2015. – 336 с.
288. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.] ; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Издательство.: Весь Мир, 2015. – 432 с.
289. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М.К. Горшков [и др.] ; под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. – М. : Весь мир, 2016. – 424 с.
290. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.] ; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. – М. : Весь мир, 2016. – 400 с.
291. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / М.К. Горшков [и др.] ; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М. : Весь мир, 2017. – 427 с.
292. Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2006 году : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2007. – 564 с.
293. Руденко В.Н. Институт народной правотворческой инициативы в современном конституционализме // Конституционное и муниципальное право. – 2002. – № 2. – С. 4–8.
294. Рыбакова С.С. Особенности формирования региональных парламентов в субъектах РФ // Среднерусский вестник общественных наук: политические науки. – 2016. – Том 11. – № 3. – С. 69–76.
295. Рябова О.А. Градообразующие предприятия и политические процессы в малых промышленных городах Урала // Политическая наука. – 2008. – № 3. – С. 224–235.
296. Савельев А.Н. Президентская кампания: борьба за образ // Вестник Фонда «Российский общественно-деловой центр». – 1996. – № 2. – 79 с.
297. Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010–2016) // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 74–94.
298. Садкова Д.А. Социальное самочувствие молодежи: адаптация к общественным трансформациям // Проблемы развития территории. – 2014. – № 6 (14). – С. 91–99.
299. Сазонов М.А. Формирование современной системы местного самоуправления в Японии после второй мировой войны // Власть. – 2011. – № 8. – С. 112–114.
300. Саначев И.Д. Сравнительный анализ моделей местного самоуправления в России, США и Западной Европе : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Владивосток, 2005. – 342 с.
301. Сараев В.Г., Черенев А.А., Александров Е.Ю. Бизнес и власть: реалии современного местного самоуправления (на примере Ангарского района Иркутской области) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. : Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 20. – С. 51–58.
302. Сафиулин М.Р., Ефлова М.Ю., Нагимова А.М. Социальное самочувствие и самоидентификация среднего класса в Татарстане // Социологические исследования. – 2012. – № 10. – С. 28–33.
303. Севастьянов В.Н. Социально-региональный эгоизм как фактор стратегии регионального развития // Сибирь в XXI веке: альтернативы и прогнозы развития : материалы науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / отв. за вып. В.А. Сапожников ; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2003. – С. 188–196.
304. Сергеев Д.Б. Институт местного сообщества муниципального образования: трудный путь в современное российское право // Российский юридический институт. – 2010. – № 5 (74). – С. 119–124.

305. Семенова В.Г., Скороходова О.С. Качественный состав регионального парламента как показатель внутризэлитной интеграции и конкуренции: опыт Саратовской области // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Том 17. – № 4. – С. 12–20.
306. Синцов Г.В., Битюцкий Е.В. Роль и последствия «парада суверенитетов» 1990–1991 гг. в становлении и развитии российской государственности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2019. – № 1 (49). – С. 59–66.
307. Сипий Л.А. Некоторые проблемы гражданской активности в реализации права на участие в местном самоуправлении // Известия российского государственного университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 292–297.
308. Система муниципального управления : 4-е изд., исправленное и дополненное / под ред. В.Б. Зотова – СПб: Питер, 2008. – 512 с.
309. Смыкалин А.С. История конституционного строительства Российской Федерации (в документах и материалах) // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 185–198.
310. Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году / под ред. Г.В. Осипова и С.Г. Кареповой. – М. : ИСПИ РАН, 2014. – Т. 2. – 172 с.
311. Сологуб В.А. Местное самоуправление в современном российском обществе: изменение организационных принципов социального строительства : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Ростов н/Д, 2001. – 313 с.
312. Социальная реальность XXI века: угрозы и вызовы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2014 году. – М. : РИЦ ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. – 462 с.
313. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. – М. : СПб – Нестор-История, 2011. – 176 с.
314. Старикова Т.В. Проблемы и направления совершенствования оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и результативности расходов местных бюджетов (на примере Владимирской области) // Известия Саратовского университета. Сер. : Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12, вып. 2. – С. 69–72.
315. Стародубровская И.В. Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. – М. : Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с.
316. Стародубровская И., Славгородская М., Жаворонков С. Организация местного самоуправления в городах федерального значения. – М. : ИЭПП, 2004. – 151 с.
317. Теория партий и партийных систем / сост. Б.А. Исаев. – М. : Аспект Пресс. 2008. – 400 с.
318. Тоглоева Д.П. Совершенствование региональной методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2012. – № 2. – С. 81–86.
319. Токарев В.В., Дулина Н.В. Элита Волгоградской области в зеркале экспертного опроса // Известия Волгоградского технического университета. – 2007. – № 4. – С. 63–69.
320. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X–XIII века. – СПб, 2011. – 200 с.
321. Тонами К. Местное самоуправление в Японии // Вестник Московского университета. – 1998. – № 5. – С. 77–83.
322. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М.: АCADEMIA, 1996. – 195 с.
323. Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Изменились ли проблемы местного самоуправления за последние 10 лет? // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 78–87.
324. Трофимова И.Н. Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – М., 2011. – 303 с.
325. Тугужекова В.Н., Шапошников Г.М., Шулбаев В.К., Трошкина И.Н. Социальное самочувствие сельского населения Республики Хакасия // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5 (10). – С. 167–172.
326. Туровский Р.Ф. Отношения «центр – регионы» в 1997–1998 гг.: между конфликтом и консенсусом// Полития. – 1998. – № 1 (7). – С. 5–32.

327. Туровский Р.Ф. Конфликты на уровне субъектов Федерации: типология, содержание, перспективы урегулирования // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 6. – С. 79–89.
328. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 398 с.
329. Тышта Е.В. Муниципальный фильтр как политический механизм избирательных кампаний (на примере выборов главы Республики Хакасия) // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. – 2019. – Т. 9, № 12 (57). – С. 2573–2579.
330. Усс А. В. Наш край – моя Родина. – Красноярск : Платина, 2001. – 191 с.
331. Филиппов Ю.В. Теории местного экономического развития. – М. : КНОРУС, 2013. – 102 с.
332. Филиппова Е.Ю., Рябова О.А. Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности // *Вестник Пермского научного центра*. – 2018. – № 4. – С. 81–86.
333. Фролова Е.В. Модернизация социальной структуры муниципальных образований в Российской Федерации : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – М., 2014. – 393 с.
334. Харченко К.В. Оценка удовлетворенности населения различными сторонами жизнедеятельности: от методики к стандарту // *Муниципальная власть*. – 2008. – № 6. – С. 32–39.
335. Цветкова Г.А. Местное самоуправление современной России: состояние, тенденции, эффективность (опыт социологического анализа) : дис.... д-ра социол. наук : 22.00.08. – М., 2003. – 340 с.
336. Чернецкая Н.И. Образы ведущих российских политиков в сравнении с образом идеального национального лидера // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Психология*. – 2015, т. 15. – С. 50–59.
337. Чирикова А.Е. Взаимодействие власти и бизнеса в ходе реализации социальной политики: региональная проекция. – М. : НИСП, 2007. – 152 с.
338. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М. : Зерцало, 1998. – 448 с.
339. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. – М., 1894. – 492 с.
340. Чуб Н.В., Снегирева Д.Е. Соотношение общественного и государственного начал в зарубежных моделях местного управления и в концепции местного самоуправления в России // *Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2015: сб. науч. ст. 4 Междунар. науч. конф. в 4 т. (Курск, 19-20 ноября 2015 г.) / отв. ред. А.А. Горохов*. – Курск : Университетская книга, 2015. – С. 327–334.
341. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М. : Юрид. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 230 с.
342. Шабаев Ю.П., Завьялова Л.А., Ковалев В.А. Региональный парламентаризм: пути эволюции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2006. – Том. 9. – № 1. – С. 123–138.
343. Шалак В.И. Красноярский забег // *Современный контент-анализ. Приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы / Рос. акад. наук ; Ин-т философии*. – М. : Омега-Л, 2004. – 272 с.
344. Шапиро Л.В. Конституционные права граждан на участие в местном самоуправлении и их реализуемость в современной России // *Местное самоуправление в современной России*. – М. : ИСРМО «Малые города». – Владимир, 2007. – 440 с.
345. Шашкова Я.Ю. Структура партийной элиты парламентских партий в регионах Западной Сибири в контексте их имиджевой репрезентации // *Вестник Омского университета*. – 2018. – № 1. – С. 132–142.
346. Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования / Центр социологического прогнозирования. – М., 2003. – 688 с.

347. Шиголагова Т.Б. Социальное самочувствие и информационное поведение молодежи Хакасии // Вестник российского университета дружбы народов. Сер. : Социология. – 2015. – № 1. – С. 167–128.
348. Шилова О.С. О стратегии поведения людей в условиях реформы здравоохранения // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 102–109.
349. Шпагин С.А. Пространство межпартийной конкуренции на выборах законодательных органов российских регионов в 2014 г. // Политическая экспертиза: политэкс. – 2015. – Т. 11. – № 3. – С. 105–112.
350. Шрейдер В.Ф. Региональное измерение социальной политики местного самоуправления (на примере г. Омска) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – СПб, 2006. – 323 с.
351. Шустов В.Г. Основные модели местного самоуправления // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 2. – С. 287–296.
352. Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 221–232.
353. Элизабет Ноэль. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии : пер. с нем. / общ. ред., вступ. и заключ. ст. Н. С. Мансурова. – 2-е изд. – М. : АВА-Экстра, 1993. – 272 с.
354. Эфендиев А.Г., Кондрашова М.В. Московское студенчество 1995–2000 гг.: социальная ситуация, тенденции, перспективы // Мир России. – 2004. – № 1. – С. 170–182.
355. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М. : Добросвет, Книжный дом «Университет», 1998. – 596 с.
356. Янкина И.А. Качество жизни населения среднего города России: адаптационные стратегии и эффективность управления : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. – Ростов н/Д, 2009. – 504 с.
357. Andrews F.M., Inglehart R.F. The structure of subjective well-being in nine western societies // Social indicators research. – 1985. – Vol. 6. – P. 73–90.
358. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. A Theory of Public Opinion // J. of Communication. – 1974. – Vol. 24, № 2. – P. 43–51.
359. Ross C., Tyrovsky R. The Representation of Political and Economic Elites in the Russian Federation Council // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Communist Democratization. Winter 2013. – Vol. 21. – No 1. – P. 69.
360. Sears D., Citrin J. Tax Revolt. Something for Nothing in California. Harvard University Press, 1982. – 278 p.

Газетные, журнальные (общественно-популярные) публикации

361. Вперед, на 10 лет назад! Губернатор Красноярского края Александр Лебедь поставил цель: к 2010 году довести потребление в крае до уровня 1990 года // Хакасия. – 2001. – 6 июня. – № 103. – С. 4–5.
362. Выборы-2014. Кандидат № 1 встретился с представителями общественности // Общественно-политическая газета «Новости Красноярского края». – 2014. – 8 августа. – № 1 (01).
363. Зорькин В.А. Буква и дух Конституции // Российская газета. – 2018. – 10 окт. – № 7689 (226). – С. 1.
364. Ильичев Г. То взлет, то посадка // Известия. – 2003. – 23 апреля.
365. Комментарий. Аркадий Волков, депутат горсовета Красноярска // «Городские новости»+. – 2016. – № 5. – 22 марта.
366. Миронов С.М. (председатель Совета Федерации РФ, лидер партии «Справедливая Россия»). Полномочия дали – денег нет. Кризис не дает оснований выхолащивать суть муниципальной реформы // Российская газета. – 2009. – 28 октября. – № 5028 (204).
367. Нам здесь жить // Красноярский рабочий. – 2004. – 8 апреля. – № 52 (24849).

368. Чернявский А. В Красноярске делят кресло Льва Кузнецова // Независимая газета. – 2014. – 21 апреля. – № 083 (6131).
369. Шаховская Л. Алексею Лебедю слухи нипочем // Абакан. – 1998. – 4 апреля.
370. Эткинд С. Системному кризису власть противопоставила сомнительную поправку. Полумера всех вещей // Московский комсомолец в Красноярске. – 2014. – 5–12 февраля. – № 6 (841).
371. 100 ведущих политиков России [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 1997, 1 февраля. – № 18 (1343).

Социологический мониторинг

1. Опрос жителей г. Саяногорска Республики Хакасия проведен в июне 1998 г. и посвящен изучению электоральной ситуации на предстоящих выборах главы города. Опрошено 560 респондентов.
2. В Республике Хакасия проведено четыре экспертных опроса: в декабре 1998 г., в августе 2001 г., в июне 2004 г. и июле 2014 г. Численность экспертов составила соответственно 36, 29, 38 и 34 человека. В качестве экспертов выступили депутаты регионального парламента, депутаты городских и районных советов, работники исполнительных органов власти (федерального, республиканского и муниципального уровней), руководители предприятий (промышленности, строительства, торговли), ведущих республиканских СМИ, представители высших учебных заведений и политических партий.
3. В Красноярском крае проведено пять экспертных опросов. В 2001 г. опрос проведен под руководством Н.В. Мерзликина (ИСПИ РАН). Последующие опросы проведены в 2004-м, 2010-м и 2019 гг. В.И. Злотковским в рамках исследовательского проекта ИСПИ РАН «Система властных отношений и политический процесс в региональном измерении». В качестве экспертов выступили представители краевой и городской администрации, представители федеральных органов власти в регионе, лидеры (авторитеты) общественного мнения из среды СМИ, политические консультанты и технологи, лидеры общественных организаций и политических партий, банковского сектора, наиболее крупных хозяйственно-экономических субъектов, работников избирательных комиссий Красноярского края и города Красноярска. В 2001 году опрашивались 170 респондентов, в 2004–2019 гг. – 120–140 экспертов.
4. Опрос жителей г. Красноярска «Здоровый образ жизни в представлении красноярцев» проведен дважды: в июле 2001 г. и январе 2009 г. Опрошено 981 и 1080 респондентов соответственно.
5. Проведено три опроса жителей г. Ачинска: в сентябре 2001 г., в феврале 2005 г. и марте 2015 г. Объем выборки составил 620, 1650 и 2800 респондентов соответственно. Объем выборочной совокупности в 2005 году обусловлен необходимостью изучения электоральных ситуаций в 5 одномандатных округах по выборам депутатов городского совета (по 250 респондентов в каждом округе) и дополнительно 400 респондентов для формирования общегородской выборки. Объем выборки в 2015 г. связан с необходимостью изучения электоральной ситуации во всех 14 одномандатных округах по выборам депутатов городского совета (по 200 респондентов в каждом округе).
6. Опрос жителей Красноярского края проведен 6–14 сентября 2001 г. и посвящен изучению социально-политической ситуации накануне выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края. Опрошено 1332 респондента.
7. Общегородские телефонные опросы жителей г. Красноярска проведены 17–18 и 20–22 ноября, 4–6 и 14–16 декабря 2001 г. и посвящены изучению электоральных настроений избирателей в преддверии выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края. Количество опрошенных колебалось от 670 до 950 респондентов.
8. Общегородской телефонный опрос проведен в ноябре 2001 г. и посвящен изучению политических настроений избирателей г. Красноярска. Всего опрошено 876 респондентов.
9. Краевой опрос проведен в июле 2002 г. и посвящен изучению электоральных настроений избирателей в преддверии выборов губернатора Красноярского края. Опрошено 1120 респондентов в семи сельских районах края: Большеулуйском, Большемурутинском, Канском, Новоселовском, Тасеевском, Уярском и Шушенском и восьми городах: Ачинске, Боготоле, Дивногорске, Енисейске, Заозерном, Канске, Красноярске и Минусинске.
10. Опрос жителей Республики Хакасия проведен в июле 2004 года и посвящен изучению электоральных настроений избирателей в преддверии выборов председателя правительства Республики Хакасия. Опрошено 1680 респондентов в пяти городах: Абакане, Черногорске,

Саяногорске, Абазе, Сорске и шести сельских районах: Алтайском, Аскизском, Бейском, Боградском, Орджоникидзевском и Таштыпском.

11. Опросы проведены в феврале–апреле 2005 г. и посвящены изучению социального самочувствия населения и их электорального настроения в преддверии выборов глав муниципальных образований Красноярского края. Опросы проведены в гг. Красноярске, Ачинске, Железногорске, Дивногорске, Сосновоборске, в четырех сельских районах: Богучанском, Енисейском, Емельяновском, Иланском и Шушенском. В Красноярске опрошено 600 респондентов, в городах в среднем по 400 респондентов, и в сельских районах – по 300 респондентов.

12. Проведены опросы жителей Енисейского и Емельяновского районов Красноярского края (7–10 марта и 5–7 апреля 2005 года соответственно), посвященные изучению социального самочувствия и политических настроений населения в преддверии выборов главы района. Выборочная совокупность составляла от 408 до 570 респондентов соответственно.

13. Проведено три опроса жителей г. Красноярска (в октябре 2004 г., марте и апреле 2005 г.) посвященных изучению отношения горожан к референдуму по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии. Опрошено 682, 1196 и 1174 респондентов соответственно.

14. Опросы участников Красноярского городского форума. В 2005 г. опрошено 520, в 2006 г. – 525, в 2007 г. – 575, в 2008 г. – 427, в 2009 г. – 645 и в 2010 г. – 529 респондентов.

15. Опрос проведен в апреле 2005 г. в рамках исследовательского проекта «Административно-политические элиты региона», реализованного по инициативе Северо-Кавказской академии государственной службы РФ. Опрошено 72 респондента из числа муниципальных служащих г. Красноярска: сотрудники городской администрации, депутаты городского совета, работники городской избирательной комиссии.

16. Опрос слушателей лектория «День гражданского образования» проведен в феврале-апреле 2006 г. в 59 муниципальных учреждениях города Красноярска. Опрошено 1063 респондента.

17. Общегородской телефонный опрос жителей г. Красноярска «Деятельность социально ориентированных предприятий розничной торговли как фактор укрепления доверия населения к городской власти» проведен в июне 2006 г. Опрошено 1128 респондентов.

18. Опрошены различные группы молодежи г. Красноярска:

– в сентябре 2006 г. 923 студента и 217 преподавателей семи основных вузов г. Красноярска; опрос посвящен изучению отношения студентов и преподавателей вузов к деятельности избирательных комиссий и выборам представителей органов власти;

– в июне 2008 г. 379 студентов Сибирского юридического института МВД РФ, Красноярского государственного аграрного университета, Сибирского федерального университета; опрос посвящен изучению отношения студентов к созданию городской школы молодых избирателей;

– в сентябре 2011 г. 782 ученика девяти средних школ города и 500 студентов Красноярского государственного аграрного университета, Сибирского государственного технологического университета и Сибирского федерального университета; опрос посвящен изучению восприятия молодежью проблем экстремизма;

– в декабре 2013 г. и в сентябре 2018 г. 903 и 847 студентов соответственно шести вузов г. Красноярска; опросы посвящены изучению социального самочувствия студентов, их ценностных ориентаций.

19. Опрос жителей г. Красноярска проведен в январе 2007 г. и посвящен изучению электоральных настроений избирателей накануне выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края. Опрошено 875 респондентов.

20. Опрос экспертов г. Красноярска проведен в апреле 2007 г. и посвящен оценке избирательных ресурсов политических партий, участвующих в выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края по партийным спискам в краевом центре в 2007 году. Опрошено 29 человек из числа сотрудников городской администрации, депутатов городского совета, специалистов городской избирательной комиссии, представителей СМИ, политических партий, общественных организаций, высших учебных заведений и членов избирательного штаба партии «Единая Россия».

21. Опросы участников общегородской ассамблеи «Красноярск. Технологии будущего». В 2008 г. опрошено 584, в 2009 г. – 660, в 2010 г. – 623 респондента, представленных тремя группами. Первая группа состоит из тех, кто принимал участие в работе семинаров, конференций, круглых столов, рабочих групп кластеров (196 респондентов). Вторая группа – руководители проектов, представленных на выставке инновационных проектов и научно-технических разработок (99 респондентов) и третья – посетители выставки (328 респондентов).
22. Опрос жителей Республики Хакасия проведен в январе 2009 г. и посвящен изучению социально-политической ситуации накануне выборов депутатов Верховного Совета Республики Хакасия. Опрошено 1078 респондентов в 3 из 5 городов (Абакане, Черногорске, Саяногорске) и 6 из 8 сельских районов (Алтайском, Аскизском, Бейском, Боградском, Усть-Абаканском и Таштыпском). Второй опрос проведен в тех же территориях в феврале 2009 г. (№ = 1163).
23. Опрос проведен 1 марта 2009 г. на выходе с 33 избирательных участков, расположенных в 3 из 5 городов и 7 из 8 районов на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия. Интервьюирование проводилось с 10:00 до 16:00. Выборочная совокупность составила 1951 респондент.
24. Опрос потребителей социальных услуг, оказываемых муниципальными учреждениями города Красноярска, проведен в октябре-ноябре 2009 г. в 62 муниципальных учреждениях. Опрошено 3800 респондентов, из них 3040 из числа респондентов потребителей социальных услуг и 760 из числа работников учреждений, оказывающих эти услуги.
25. Опрос жителей г. Дивногорска Красноярского края проведен в декабре 2009 г. и посвящен изучению социального самочувствия населения и социально-политической ситуации накануне выборов органов местного самоуправления. Опрошено 612 респондентов.
26. Опрос жителей Иланского района Красноярского края проведен в марте 2010 г. и посвящен изучению социального самочувствия населения и социально-политической ситуации накануне выборов органов местного самоуправления. Опрошено 750 респондентов (по 250 респондентов в каждом из трех многомандатных округов по выборам депутатов районного совета).
27. Уличный опрос проведен в мае 2010 года и посвящен изучению отношения жителей г. Красноярска к институту брака. Опрошено 650 респондентов.
28. Опрос проведен в июле-сентябре 2010 г. и посвящен изучению мнения горожан о проекте программы социально-экономического развития города Красноярска до 2020 года. Всего опрошено 1400 респондентов (из них 1177 опрошено по месту работы и 223 респондента – по почте среди читателей газеты «Городские новости»).
29. Опрос проведен в ноябре 2010 г. среди родителей, чьи дети посещают дошкольные образовательные учреждения города Красноярска. Всего опрошено 327 респондентов в восьми детских садах: № 12, 22, 43, 120, 266, 286, 312 и 328.
30. Опрос жителей г. Красноярска проведен в июне 2011 г. и посвящен изучению отношения граждан к сфере жилищно-коммунального хозяйства. Опрошено 984 респондента.
31. Краевой опрос проведен в сентябре 2011 г. и посвящен изучению мнения жителей края о состоянии общественной безопасности и деятельности органов внутренних дел (полиции). Опрошено 1148 респондентов в восьми сельских районах: Большемуртинском, Канском, Емельяновском, Березовском, Большеулуйском, Козульском, Манском и Рыбинском, и в девяти городах: Красноярске, Ачинске, Канске, Железногорске, Зеленогорске, Заозерном, Дивногорске, Сосновоборске, Назарове.
32. Проведено три опроса жителей города Красноярска, посвященных предстоящим выборам главы города: 12–17 марта, 10–15 мая и 24–28 мая 2012 года. Опрошено 890, 799 и 830 респондентов.
33. Опрос жителей г. Красноярска проведен в августе 2013 г. и посвящен изучению социального самочувствия и электоральных настроений избирателей накануне выборов депутатов Красноярского городского совета депутатов. Опрошено 943 респондента.
34. Краевой опрос проведен в июле 2014 г. и посвящен изучению социально-политической ситуации накануне выборов губернатора Красноярского края. Опрошено 1680 респондентов в 9 сельских районах края: Енисейском, Шушенском, Тасеевском, Манском, Ачинском,

Новоселовском, Емельяновском, Березовском и Канском, и 12 городах: Красноярске, Ачинске, Канске, Боготоле, Лесосибирске, Дивногорске, Енисейске, Заозерном, Минусинске, Сосновоборске, Железногорске и Зеленогорске. Второй опрос проведен в тех же территориях в августе 2014 года (№ = 983).

35. Краевой опрос проведен в июле 2015 г. и посвящен оценке социально-политической ситуации в Красноярском крае накануне муниципальных выборов. Опрошено 1485 респондентов в 8 сельских районах: Ачинском, Березовском, Боготольском, Емельяновском, Курагинском, Саянском и Ужурском, и 7 городах: Ачинске, Боготоле, Енисейске, Красноярске, Канске, Лесосибирске, Минусинске.

36. Опрос жителей г. Канска, Канского и Дзержинского районов Красноярского края проведен в марте 2016 г. и посвящен изучению социального самочувствия и политических настроений избирателей накануне выборов депутатов Законодательного собрания края в Канском одномандатном округе № 17. Всего опрошено 1348 респондентов: 587 – в г. Канске, 396 – в Канском районе, 365 – в Дзержинском районе.

37. Опрос жителей гг. Ачинска и Железногорска Красноярского края проведен в июне 2016 г. и посвящен изучению социального самочувствия и политических настроений избирателей накануне выборов депутатов Законодательного собрания края в одномандатном округе № 11 и № 8. Опрошено 485 и 439 респондентов.

38. Краевой опрос проведен в мае-июне 2016 г. и посвящен изучению социально-политической ситуации в Красноярском крае накануне выборов депутатов Государственной думы РФ. Опрошено 2159 респондентов в 7 городах: Красноярске, Ачинске, Дивногорске, Железногорске, Канске, Сосновоборске, Минусинске, и в 8 сельских районах: Ачинском, Березовском, Емельяновском, Дзержинском, Канском, Манском, Тасеевском и Шушенском.

39. Опросы на выходе с избирательных участков проводились на выборах депутатов Государственной думы РФ в г. Красноярске 18 сентября 2016 г. Опрошено 2364 респондента на 25 избирательных участках. Аналогичные опросы проводились 2 декабря 2007 г. (опрошено 3237 человек на 49 избирательных участках) и 4 декабря 2011 г. (825 респондентов на 23 избирательных участках). Во всех случаях интервью проводилось с 8:00 до 18:00. Интервьюерам задавались квоты по полу возрасту и количеству опрашиваемых респондентов по времени. В 2016 г. опрос на выходе с избирательных участков в Ленинском одномандатном избирательном округе № 1 на выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края (№ = 879 респондентов на 6 избирательных участках).

40. Краевой опрос проведен в июне 2020 г. и посвящен изучению социально-политической ситуации в Красноярском крае в период пандемии коронавируса. Опрошено 1238 респондентов в 7 городах: Красноярске, Ачинске, Бородине, Зеленогорске, Канске, Минусинске и Лесосибирске и в 8 сельских районах: Балахтинском, Березовском, Емельяновском, Дзержинском, Канском, Козульском, Партизанском и Рыбинском.

Диссертант на первом этапе подготовки и проведения социологических исследований (конец 90-х – начало 2000-х годов) опирался главным образом на работы российских ученых В.А. Ядова [355], И.А. Бутенко [118], М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги [176], немецкой исследовательницы Элизабет Ноэль-Нойман [353], американских ученых Джарола Б. Мангейма и Ричарда К. Рича [156].

Позднее к их числу добавились труды белорусских исследователей Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новикова и украинских социологов Н.В. Паниной и Н. Чурилова, американских профессоров С. Садмена, Н. Брэдберна, Н. Шварца и политолога Дж. Цаллера, изданных на русском языке Институтом Фонда «Общественное мнение», английского ученого Э. Гидденса, норвежского социолога О. Хеллевика, советско-американского социолога В.Э. Шляпентоха и других.

Построение и реализация выборочной совокупности

В 1998–2001 гг. диссертант использовал трехступенчатую модель построения и реализации выборки для города Красноярска. На первом этапе рассчитывалось количество опрашиваемых пропорционально численности жителей районов города. На втором этапе

единицей отбора выступали жилые дома, расположенные в границах конкретных избирательных участков.¹ Экспертным путем избирательные участки группировались по типам проживания граждан: спальный микрорайон, промышленно-спальный микрорайон, микрорайоны с преимущественным проживанием молодых горожан (высокая доля живущих в студенческих или малосемейных общежитиях) и частный сектор. Далее в каждой сформированной группе выделялись наиболее типичные избирательные участки (от 1 до 4) и рассчитывалось число опрошенных в соответствии с долей группы в районе и числом отобранных избирательных участков. На третьем этапе единицей отбора выступал житель города (избиратель). С опорой на общегородской список зарегистрированных избирателей (или список жильцов, находящихся в жилищных компаниях) составлялся маршрут опроса с указанием ФИО и адреса потенциального респондента. Например, необходимо опросить на конкретном избирательном участке с численностью 3000 человек 30 респондентов. Готовилось три списка: основной и два резервных. В основной список включались жители со второго номера (по имеющемуся списку) с шагом 100: 2-й, 102-й, 202-й и т. д. Резервные списки формировались со смещением на единицу от основного списка в ту и другую сторону. Таким образом, резервный список № 1 состоял из людей, которые в первичных списках значатся под номерами 1, 101, 201 и т. д. Соответственно резервный список № 2 – под номером 3, 103, 203 и т. д. Таким образом, интервьюер получал на руки три списка с требованием опросить в первую очередь людей по основному списку. В случае недостижимости респондента (нет дома, отказ от интервью и др.) интервьюер должен был обращаться к респондентам из резервного списка.

По окончании сбора первичных данных с целью устранения возникших диспропорций между генеральной и реальной выборками осуществлялась процедура «перевзвешивания» выборки по полу, возрасту и уровню образования респондентов и наиболее многочисленным социально-профессиональным группам (пенсионеры, рабочие, интеллигенция). Главное достоинство такой процедуры отбора респондентов – это соблюдение принципа случайности при отборе респондентов и возможность проведения контроля информации, собранной интервьюерами.

Социологические исследования, проведенные в 1998–1999 гг. в городах Саяногорске и Абакане Республики Хакасия, в 2000–2001 гг. в городе Красноярске, подтвердили высокую эффективность указанной модели построения и реализации выборки. Вместе с тем были выявлены и существенные недостатки: значительные временные затраты при подготовке маршрутных заданий и неудобства при работе интервьюеров «в поле». Например, при выборке 1100 человек итоговые списки включали 3300 фамилий респондентов с указанием имени, отчества и адресов проживания (1100 респондентов * 3 списка). Подготовленные списки делились между людьми, участвующими в сборе первичной информации. Интервьюеры регулярно отмечали затруднения при проведении интервью по причине громоздкости списков. Списки, состоящие из нескольких страниц, должны были постоянно находиться под рукой (для отбора респондентов и внесения отметок о проведении опроса). Кроме того, многих респондентов смущал сам факт наличия у интервьюеров списков, в которых указывались их фамилии и домашний адрес.

С целью преодоления указанных недостатков с 2002 г. в завершающий (третий) этап построения и реализации выборки были внесены существенные изменения. Интервьюер стал получать маршрут движения с указанием наименования улицы и номеров домов, где следует проводить опрос. Устанавливался шаг отбора квартир и квоты по полу и возрасту опрашиваемых. Технология отбора респондентов в этом случае выглядела следующим образом. Интервьюер обращается в первую квартиру дома, указанного первым в маршрутном задании. В случае отсутствия жильцов в квартире или отказа респондента от участия в опросе интервьюер идет в следующую по номеру квартиру. Если и здесь не удастся провести интервью, то в следующую по номеру квартиру. И так до результативного интервью. После этого к номеру

¹ Например, в городе Красноярске, включающем 7 районов, в 2008 г. находилось 326 избирательных участков. Число участков в районах города колебалось от 29 до 70.

квартиры, в которой проведено интервью, прибавлялся шаг выборки 3, если дом 2–3-этажный, шаг выборки 5, если дом 5-этажный, и 7 – в 9-этажном и выше доме. Далее указанная процедура повторялась. Движение по маршруту интервьюер фиксирует в маршрутном листе, записывая адрес проживания респондента, его имя, отчество (если удалось узнать), дату, время начала и окончания проведения опроса, половозрастные характеристики опрошенного (см. ниже «маршрутный лист»).

С целью уменьшения «эффекта интервьюера», ориентируясь на рекомендации немецкой исследовательницы Э. Ноэль-Нойман о минимизации количества интервью для одного интервьюера [353, с. 158], при проведении городского опроса одному интервьюеру устанавливается задание провести 30 результативных интервью. Ниже приведен образец маршрутного листа, заполненного интервьюером при посещении десятиэтажного дома.

Накоплен значительный архив социологических анкет, часть из которых нашла отражение в авторских публикациях. В авторской монографии диссертанта «Красноярск в социологическом измерении (2000–2014)» размещены образцы 12 анкет, посвященных различным аспектам жизнедеятельности г. Красноярска [166, с. 364–409]. В информационно-аналитическом сборнике, посвященном городской акции «Неделя качества социальных услуг», размещены образцы анкет для опроса посетителей центров социального обслуживания, работающих с семьями и детьми, городских спортивных учреждений, молодежных центров [13, с. 75–91].

Также в научных публикациях представлены: анкета студента первого курса государственной академии цветных металлов и золота (Красноярск)¹, анкета участника лектория «Дни гражданского образования» [202, с. 145–146], анкета эксперта по изучению наиболее влиятельных политиков Республики Хакасия².

Расширяют представление об используемом диссертантом инструментарии публикации в научных изданиях линейных ответов респондентов по результатам проведенных социологических исследований: опрос участников Красноярского городского форума [45, с. 55–67; 46, с. 95–101] и участников межрегиональной научно-практической конференции 26–27 октября 2006 г.³, а также опрос красноярцев, посвященный изучению их отношения к здоровому образу жизни и занятиям физической культурой и спортом [44, с. 41–65], проекту программы социально-экономического развития города до 2020 года [66, с. 62–69] и опрос студентов вузов, посвященный изучению их жизненных целей и планов⁴.

Также наряду с анкетным опросом (доминирующий метод) диссертантом использовались и другие методы сбора данных: телефонный и экспертный опросы, опрос на выходе с избирательных участков, метод наблюдений и контент-анализ СМИ.

¹ Социодинамика студентов ГАЦМиЗ. Отчет по результатам социологических исследований. – Красноярск : Типография ГАЦМиЗ, 2005. – С. 137–144.

² Злотковский В.И. Парламент Республики Хакасия: социальный аспект. С. 82–84.

³ Злотковский В.И., Лисовская А.Г., Ибрагимов М.З. Институт выборов и избирательные комиссии в представлении студентов и преподавателей высших учебных заведений города Красноярска // Муниципальные выборы: Опыт. Проблемы. Перспективы : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 26–27 октября 2006 года / ред. совет: А.Г. Лисовская, Л.П. Быкова, В.И. Злотковская [и др.]. – Красноярск : Платина, 2007. – С.111–113.

⁴ Злотковский В.И., Котов Д.А. Молодежь и выборы в городе Красноярске (по результатам социологического исследования) // Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции и перспективы : материалы город. межвуз. науч.-практ. конф. – Красноярск : Полиграфбланк, 2010. – С. 62–66.

МАРШРУТНЫЙ ЛИСТ (образец заполнения)

Интервьюер Иванова А.В.

Точка опроса (название улицы, № дома) ул. Юности, д. 43, 47, 49 _____

Общее количество опрошенных – **30** чел. Мужчин – **13**, женщин – **17**

Квотное задание

	Возраст				
	18–24	25–35	36–50	51–60	Старше 60
Мужчины	2	4	4	2	1
для отметок интервьюера	**	****	****	**	*
Женщины	2	3	6	3	3
для отметок интервьюера	**	***	*****	***	***

<p>Причины недостижимости: 1 – респондент вне квоты 2 – никого нет дома 3 – отказ респондента</p>	<p>Основные требования к интервьюеру: 1. Соблюдение шага выборки (в одно-, двух- и трехэтажных домах шаг выборки составляет 3; в четырех и пятиэтажных – 5; свыше 5 этажей – 7). 2. В одной квартире опрашивается только один человек. 3. Нельзя опрашивать людей на улицах, на лавочках, по месту работы и т. д. 4. Адрес и другие данные респондента в его присутствии не записывать. 5. Пол и возраст опрашиваемых должен соответствовать установленным квотам по полу и возрасту. 6. Номер анкеты должен соответствовать номеру респондента в маршрутном листе.</p>
---	--

№ респ.	Адрес (улица, дом, квартира)	Имя, отчество // причины недостижимости	Дата опроса	Время начала опроса	Время оконч. опроса	Пол	Возраст
1	пр. Юности д. 43 кв. 5	Людмила Ивановна	28.04.10	17:40	18:05	Ж	40
2	-\\- д. 43, кв. 12	3					
3	-\\-д. 43, кв. 13	Сергей	28.04.10	19:00	19:24	М	26
4	-\\- д. 43, кв. 20	3					
5	-\\-д. 43, кв. 21	2					
6	-\\- д. 43, кв. 22	2					
7	-\\-д. 43, кв. 23	Людмила	28.04.10	19:30	19:48	Ж	19
8	-\\- д. 43, кв. 30	Не представился	28.04.10	19:50	20:10	М	22